

36 802-11
279

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ,
НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

Книга четвертая.

—
АПРѢЛЬ.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА, выходящій ежемѣсячно 1 го числа, книгами, съ особыми приложениями, принимается: 1) въ Конторѣ Сына Отечества, въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Василья Петровича Полякова, на Певскомъ Проспектѣ, по линіи Гостиного Двора, подъ № 17, 2) Въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта.

Цена за годовое изданіе **ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ**. За пересылку въ иногороднымъ прилагается 1 руб. 50 коп. серебромъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ЖЕРНАКОВА.

1848.

802-11

279

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ,
НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

Книга четвертая.

АПРѢЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ К. ЖЕРНАКОВА.

1848.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ.

Стр.

I. РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

- Заслуги и подвиги его высококняжеской свѣтлости, князя Александра Даниловича Меншикова, съ основаннымъ на подлинныхъ документахъ описаніемъ всего достопримѣчательнаго, что, по всемілостивѣйшему повелѣнію Его Императорскаго Величества ПЕТРА ВЕЛИКАГО и Всепресвѣтлѣйшей Императрицы ЕКАТЕРИНЫ, было совершено, подъ управленіемъ и начальствомъ его свѣтлости, при дворѣ и въ арміи, равно какъ и во всемъ російскомъ государствѣ. Переводъ съ подлинной нѣмецкой рукописи. (Продолженіе). . . . . 1—28

II. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

- Внутреннія извѣстія. Высочайшій Манифестъ. — Обзорѣніе современнаго русскаго законодательства и распоряженій правительственныхъ съ 15 февраля по 15 марта сего года. — Обзоръ современныхъ замѣчательныхъ событій за границую. (Англія. — Ирландія. — Франція. — Швеція. — Данія. — Германія. — Швейцарія. — Италія. — Испанія. — Греція. — Турція. — Алжиръ. — Американскіе Соединенные Штаты). . . . . 1—48

III. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

- Обвиненіе. Соч. В. Бенедиктова. . . . . 1—2
Догадка. Его же. . . . . 2—3
Пѣсня. Соч. О. Мещова. . . . . 3—4
Возрожденіе. Соч. В. Калашникова. . . . . 4—4
Несостоявшаяся женитьба. Историческая повѣсть 1725 и 1726 годовъ. Часть вторая. (Окончаніе). Соч. П. Фурманна. . . . . 5—108
Лейтенантъ и поручикъ 1710 года. Быль временъ Петра Великаго. (Продолженіе). Соч. К. Масальскаго. 109—132

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 1-го апрѣля 1848 года.

Ценсоръ А. Фрейманъ.
Ценсоръ А. Очкинъ.
Старшій Ценсоръ Рочфортъ.

РЕДАКТОРЪ К. Масальскій.
ИЗДАТЕЛЬ К. Жорнаковъ.

IV. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Непостоянство въ любви. Романъ Поль-де-Кока. (Окончаніе) . . . . . 1—76

V. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Уложеніе законовъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ въ Германіи. (Окончаніе). . . . . 1—66
О разработкѣ торфа. Н. Шелунова. . . . . 67—84

VI. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Русскій пѣсенникъ. Изд. К. Авдѣевой. *Барона Розена*.— Второе полное собраніе сочиненій А. Марлинскаго. *Его же*.— Статистическіе очерки Россіи. Соч. К. Арсеньева. — Благовоспитанное дитя. Соч. Жозефины ле-Бассю. . . . . 1—36

VII. СМЕСЬ.

Нападенія волковъ на разныхъ четвероногихъ домашнихъ животныхъ и способъ обороны послѣднихъ. *Вьнцеславскаго*. — Устройство артезианскихъ колодезь въ Венеціи. — Моржевые промыслы на Новой Землѣ. — Впечатлѣнія прозрѣвшихъ дѣтей. — Нѣкоторыя черты сельскихъ жителей Франш-Конте. — Поѣздка на Мысь Дыброй-Надежды. — Повѣрье о стрекозахъ и легенда о голубой птицѣ. — Орлиное гнѣздо. — Разсказъ графини Бассавиль. — Учредитель воспитательныхъ домовъ во Франціи. — Красно-деревья лѣса. — Констансъ и Брегенцъ. — Странности нѣкоторыхъ художниковъ. — Анекдотъ изъ жизни Канта. — Счастливая страна для старыхъ дѣвицъ. — Похвальное слово Префекту. — Инструментъ любителя музыки. — Музыкальный энтузіазмъ. — Американскіе театры. — Новѣйшія моды. — Новыя русскія книги. — Новыя французскія книги. — Новыя музыкальныя произведенія. . . . . 1—72
Къ этой книгѣ *Сына Отечества* приложена парижская картинка модъ.

Русская Исторія.

Заслуги и подвиги его высококняжеской свѣтлости, князя Александра Даниловича Меншикова, съ основаннымъ на подлинныхъ документахъ описаніемъ всего достопримѣчательнаго, что, по Всемилостивѣйшему повелѣнію Его Императорскаго Величества ПЕТРА ВЕЛИКАГО и Всепресвѣтлѣйшей Императрицы ЕКАТЕРИНЫ, было совершено, подъ управленіемъ и начальствомъ его свѣтлости, при дворѣ и въ арміи, равно какъ и во всемъ российскомъ государствѣ.

Переводъ съ подлинной нѣмецкой рукописи.

(Продолженіе. *)

1706 г. Битва подъ Калишемъ. — Военный совѣтъ. — Награды князю Меншикову отъ курфюрста саксонскаго и императора римскаго. — Поздравленія. — Опроверженіе ложныхъ толковъ о Россіи. — Прибытіе Его Величества въ Польшу. — Военный совѣтъ съ Жолквѣ. — Вѣроломство Слугельскаго и Вишневецкаго.

Въ сентябрь 1706 года, шведскій король выступилъ изъ Польши въ Саксонію, оставивъ подъ начальствомъ Лещин-

* См. С. О. 1848 г. кн. I. II. III.
К. IV. — Отд. I.

скаго и Савьги семь или восемь полковъ Шведовъ и нѣскольکو польскихъ и литовскихъ отрядовъ. Его свѣтлость, князь Меншиковъ прибылъ между тѣмъ въ Польшу съ 8,000 кавалеріи, и послѣ труднаго и быстраго перехода черезъ всю почти Польшу, соединился съ Саксонцами и Поляками, собранными польскимъ королемъ Августомъ въ Петрикау, и убѣдилъ послѣдняго совокупными силами напасть на непріятеля. Расположивъ армію въ боевомъ порядкѣ, онъ самъ командовалъ правымъ крыломъ, гдѣ были Русскіе, между тѣмъ какъ король Августъ командовалъ лѣвымъ крыломъ, а главною арміею—генералъ Брандъ.

Непріятели встрѣтились 18 октября при Калишѣ; 8,000 Шведовъ и Поляковъ легли на мѣсть; шведскій генералъ и большая часть офицеровъ были взяты въ плѣнъ, и побѣдителямъ достались многіе трофеи. Правое крыло шведской арміи, послѣ упорнаго сопротивленія, было опрокинуто и отбѣснено къ Калишу. Побѣда была полная, такъ что изъ шведской арміи едва ли спаслись 2,000 человекъ; при этомъ было взято 19 знаменъ шведскихъ и 44 польскихъ. Поляки, съ кievскимъ воеводою Потоцкимъ, отступили въ вагенбургъ; но на слѣдующій день должны были сдаться съ 10,000 телѣгъ, изъ которыхъ состояло ихъ укрѣпленіе. Они были вѣрены, какъ военно-плѣнные, Смигельскому, который до-сихъ-поръ держался русской стороны. Но онъ склонился на ихъ просьбы и далъ имъ свободу. Артиллерія и весь багажъ, оставленный Шведами вмѣстѣ съ 700 человекъ гарнизона въ Калишѣ, достались побѣдителямъ.

По просьбѣ польскаго короля, шведскіе плѣнники: генералъ Мардерфельдъ, 4 полковника, 5 подполковниковъ, 4 майора, 2 капитана и многіе другіе офицеры были отпущены княземъ Меншиковымъ въ Саксонію, къ шведскому королю, на честное слово. Но когда король Августъ ратификовалъ Альтрашадтскій миръ, то они не возвратились назадъ, не смотря на письма князя, который напоминалъ имъ данное слово и требовалъ ихъ въ Россію.

Хотя Шведы значительно уменьшаютъ число своего войска, но на самомъ дѣлѣ обѣ арміи не уступали другъ другу въ силѣ.

Мы не станемъ распространяться о томъ, какъ храбро и отважно дѣйствовалъ, во время этой битвы, князь Меншиковъ, но сошлемся только на свидѣтельство польскаго короля, который писалъ о князѣ въ одномъ письмѣ къ Его Царскому Величеству.

Вотъ извлеченіе изъ письма польскаго короля Августа, присланнаго Его Царскому Величеству изъ лагеря при Калишѣ, отъ 31 октября 1706 года.

«Я обязанъ засвидѣтельствовать Вашему Величеству свою сердечную и искреннюю признательность за то, что отъ начала этой войны до-сихъ-поръ Вы оказывали мнѣ дружески-братскую помощь чрезъ Ваши храбрыя вспомогательныя войска, и теперь чрезъ нихъ же доставили мнѣ столь счастливую побѣду, что безъ всякой лести и пристрастія большую часть настоящаго торжества должно приписать послѣ Бога Вашему Величеству и Вашему мужественному войску, которое подъ добрымъ начальствомъ и отважнымъ предводительствомъ князя Александра, дѣйствовало такъ хорошо, что не возможно даже ни одного солдата упрекнуть въ опущеніи малѣйшей обязанности. Я былъ вполнѣ всѣмъ доволенъ, и если могу на что жаловаться, такъ это на князя Александра, потому-что онъ въ этой войнѣ, ревнуя о славу Вашего Величества и о нашей общей пользѣ, подвергалъ себя очевидной опасности и тѣмъ причинялъ мнѣ не малое безпокойство. Но такъ какъ Богъ милостиво сохранилъ его и все кончилось очень счастливо; то онъ заслуживаетъ тѣмъ большую хвалу и признательность, и Ваше Величество дѣйствительно имѣете важное побужденіе увеличить милости, всегда оказываемыя князю, и несомнѣнно ожидать отъ его благоразумія и храбрости вѣрныхъ и полезныхъ услугъ.»

На слѣдующій день послѣ битвы, по приказанію князя Меншикова, было совершено благодарственное Господу молебствіе за одержанную побѣду; при троекратномъ залпѣ изъ пушекъ

раздалось обычное: *Тебѣ Бога хвалимъ*. Къ обѣду были приглашены русскіе, польскіе и саксонскіе генералы и офицеры, и во время роскошнаго угощенія раздавались звуки трубъ, литавръ и другихъ музыкальныхъ инструментовъ.

Когда въ военномъ совѣтѣ происходили сообщанія о томъ: что предпринять послѣ столь блистательной побѣды, до размѣщенія войска по зимнимъ квартирамъ? — его свѣтлость, князь Меншиковъ предлагалъ: или взять Познань и потомъ Эльбингъ, чтобы такимъ образомъ выгнать Шведовъ изъ Польши; или со всею соединенною арміею, — которая была воодушевлена теперь одержанною побѣдою и которая въ послѣдствіи едва ли когда-нибудь могла быть собрана въ такомъ количествѣ, — вступить въ Саксонію и освободить это государство отъ Шведовъ. Англія и Голландія не могли быть недовольны этимъ, потому что тогда предугадывали, что шведскій король, утвердившись въ нѣмецкой землѣ, могъ бы принять сторону Франціи или Баваріи. Его Величество также не отказался бы прислать болѣе войска, чтобы удалить Шведовъ изъ Польши и отъ русскихъ границъ.

Поляки, Русскіе и Саксонцы обнаруживали немалую охоту выступить въ этотъ походъ. Но польскій король былъ того мнѣнія, что, судя по позднему времени года, лучше было бы не удерживать долѣе утомленныя войска въ полѣ, но распустить ихъ по зимнимъ квартирамъ. Что же касается до похода противъ Шведовъ, то Его Царское Величество былъ бы недоволенъ, если бы безъ его вѣдома и безъ зрѣлаго сужденія всѣхъ обстоятельствъ, заставили русское войско такъ далеко проникнуть въ Германію. Кроме того, полезно было бы узнать, касательно этого предмета, мнѣніе римскаго императора и его союзниковъ.

И такъ, послѣ столь счастливо оконченной кампаніи, войска выступили на зимнія квартиры. Польскій король подарилъ князю Меншикову Оршу въ Литвѣ и Полонну въ Волыніи. Полонна прежде принадлежала князю Любомирскому, но когда онъ присоединился къ партіи Станислава Лещинскаго и сталъ враждебно дѣйствовать противъ Россіи, то была отнята у него.

Король Августъ отправился, черезъ Варшаву и Краковъ, въ Саксонію и утвердилъ мирный договоръ, заключенный 27 сентября въ Альтранштадтѣ *.

Когда царскій министръ довелъ до свѣдѣнія вѣнскаго двора обстоятельства калишской побѣды, и далъ по этому случаю пиршество, то и для Вѣны было это не малымъ торжествомъ, потому-что Шведовъ считали тамъ опасными врагами дома австрійскаго и вѣры католической, и дѣлали разные догадки о ихъ видахъ на Богемію и Баварію. Австрійскій императоръ далъ повелѣніе государственной канцеляріи: не медлить болѣе отсылкою княжескаго диплома на имя князя Александра Меншикова. Дипломъ былъ подписанъ еще въ январѣ, и теперь тотчасъ же былъ отосланъ къ его свѣтлости царскимъ министромъ. Какъ скоро это повсюду сдѣлалось извѣстнымъ, то князь получилъ поздравительныя письма отъ многихъ иностранныхъ дворовъ, и въ то же время отъ лорда Марльборуга **, который въ томъ же году получилъ отъ императора достоинство князя Миндельгейма; равнымъ образомъ, его свѣтлость принялъ поздравленіе отъ польскихъ магнатовъ и отъ всей русской арміи, находившейся тогда въ Польшѣ.

Духовные и ученые, съ цѣлію получить охранные караулы для своихъ имѣній, охранныя грамоты или какіе-нибудь подарки, явились къ князю Меншикову съ лѣстливыми ода-

* По Альтранштадтскому миру, заключенному въ деревнѣ Альтранштадтѣ, близъ Люцена, въ Саксоніи, Августъ долженъ былъ отказаться отъ короны польской, признавъ королемъ Станислава Лещинскаго, и обязался заплатить Шведамъ огромную контрибуцію, отдѣлиться отъ союза съ Царемъ Россійскимъ и выдать царскаго министра Паткуля. Этотъ договоръ былъ заключенъ полномочными курфирста саксонскаго, 24 сентября 1706 г., тогда какъ самъ курфирстъ, съ остатками своего войска, находился въ корпусѣ князя Меншикова, и потому, не смотря на мирный договоръ, скрываемый имъ отъ Русскихъ, долженъ былъ по неволѣ сражаться противъ Шведовъ подъ Калишемъ. *Прим. Пер.*

** Герцогъ Марльборугъ, англійскій полководецъ, прославился военными подвигами во время войны за наслѣдство испанскаго престола. Онъ предводительствовалъ войсками Англіи и Голландіи, которыя вмѣстѣ съ Австріею дѣйствовали, соединенными силами, противъ честолюбиваго короля французскаго Лудовика XIV. *Прим. Пер.*

ми, и по случаю калишской победы, поднесли ему, въ своихъ стихахъ и рѣчахъ, лавровые вѣнки. То была первая битва, въ которой его свѣтлость имѣлъ главное начальство, и которая позволяла надѣяться, что въ будущее время, онъ совершитъ чудные подвиги. Нѣкоторые сравнивали князя съ Александромъ Великимъ, и называли его вторымъ Александромъ; другіе же сравнивали съ Александромъ Невскимъ, который разбилъ Шведовъ, предводимыхъ Магнусомъ.

Его свѣтлость послалъ въ Вѣну, къ его римско-императорскому величеству, благодарственное письмо, равно какъ соколовъ и Калмыковъ, и еще нѣкоторые подарки курфирсту майницкому, какъ государственному канцлеру, графу Шенборну, и государственной канцеларіи, въ которой былъ заготовленъ дипломъ.

Уже нѣсколько лѣтъ враги Россіи безбоязненно распространяли въ свѣтъ все ложныя извѣстія, которыя только могли служить къ ихъ пользѣ и къ униженію Русскихъ, — въ томъ мнѣніи, что Русскіе не примутъ на себя труда, и читать, тѣмъ менѣе еще опровергать такія извѣстія. Такъ появились многія сатирическія сочиненія при началѣ шведской войны, особенно же по случаю осады Нарвы; между прочимъ, въ одномъ изъ этихъ сочиненій несправедливо описывается обращеніе русскихъ съ иностранцами, и многіе иностранцы, находившіеся въ царской службѣ, и весь русскій народъ представлены въ самыхъ ложныхъ и невыгодныхъ чертахъ. Потому князь Меншиковъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы подобныя сочиненія не только были опровергнуты открыто, но также были въ разныхъ мѣстахъ сожжены публично, рукою палача.

Вскорѣ послѣ того, былъ обнародованъ въ арміи новый военный уставъ, на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; онъ былъ составленъ сообразно съ военными постановленіями образованныхъ европейскихъ государствъ, и тѣмъ самымъ были уничтожены препятствія, отклонявшія иностранцевъ отъ вступленія въ русскую службу.

Между тѣмъ, партія Станислава Лещинскаго пользовалась всеми случаями, которые могли возбудить въ Полякахъ не-

довѣріе и ненависть къ Русскимъ. Между прочимъ, они указали и на то, что князь Меншиковъ, въ слѣдствіе полученнаго имъ отъ римскаго императора княжескаго достоинства, на своемъ новомъ гербѣ приказалъ изобразить всадника, котораго представлялъ также и гербъ литовскій. Изъ этого заключали, что со стороны Русскихъ было намѣреніе овладѣть со временемъ великимъ княжествомъ литовскимъ, тѣмъ болѣе, что и прежде обнаруживались подобныя притязанія.

Защитники князя Меншикова отвѣчали на это слѣдующее:

1. Литовскій гербъ представляетъ всадника, въ серебряныхъ латахъ, на красномъ полѣ. Между тѣмъ всадникъ, изображенный на гербѣ князя, какъ генерала отъ кавалеріи, стоялъ на голубомъ полѣ, и совсѣмъ въ другомъ положеніи, именно какъ онъ изображается на старинныхъ русскихъ копѣйкахъ; и этотъ знакъ былъ употребленъ въ память первоначальнаго происхожденія рода Меншиковыхъ.

2. Римскій императоръ позволялъ князю, подобно какъ и многимъ другимъ, внести въ свой гербъ двуглаваго орла; но неслыханное дѣло, чтобы изъ этого обстоятельства кто-нибудь вывелъ подобное вышеприведенному нелѣпое слѣдствіе.

Какъ-скоро черезъ курьеровъ, присланныхъ отъ царскаго министра изъ Вѣны, князь Меншиковъ получилъ увѣдомленіе объ Альтранштадтскомъ мирѣ, то ухалъ въ Жолкву и тотчасъ послалъ нарочнаго гонца въ Воронежъ къ Его Величеству съ этимъ извѣстіемъ. Въ такихъ обстоятельствахъ онъ съ большимъ трудомъ могъ заставить Поляковъ быть вѣрными русской сторонѣ. Онъ обнадежилъ ихъ, что Его Царское Величество не перестанетъ доставлять польской республикѣ денежное вспоможеніе и присылать вспомогательныя войска, какъ это было до сихъ поръ, въ слѣдствіе трактата, заключеннаго въ 1704 году, и что Польша, въ его лицѣ, будетъ имѣть ходатая по ея дѣламъ и интересамъ передъ Его Царскимъ Величествомъ.

Его Царское Величество былъ изумленъ этой неожиданной переменной и съ неудовольствіемъ принялъ извѣстіе о саксон-

скомъ мирѣ. Онъ скоро прибылъ въ Польшу, гдѣ князь Меншиковъ подробно донесъ ему обо всемъ, что происходило прежде и послѣ калишской битвы. Хотя это сраженіе было дано безъ именнаго повелѣнія, однако Его Величество остался очень доволенъ, потому-что оно окончилось такъ счастливо; но только изъявилъ неудовольствіе за то, что князь, безъ его вѣдома и повелѣнія, отпустилъ, по желанію короля польскаго, знаменитыхъ шведскихъ пѣльниковъ. На этотъ разъ, князь не получилъ никакого повышенія, какъ это случилось каждый разъ, когда онъ оказывалъ подобные подвиги. Князь Меншиковъ оправдывался тѣмъ, что это было сдѣлано съ согласія, собранныхъ по этому случаю на совѣтъ, генераловъ: Ренне, Боура, и всего военнаго совѣта, и подъ тѣмъ условіемъ, что займемъ послѣдуетъ обѣщанный размыкъ русскихъ пѣльниковъ, или, въ противномъ случаѣ, Шведы, по данному ими слову, опять возвратятся въ Россію,—чѣмъ Его Царское Величество былъ удовлетворенъ, и вина пала на другихъ.

Предложеніе, сдѣланное княземъ Меншиковымъ въ военномъ совѣтѣ, при польскомъ королѣ, подало поводъ къ подробному обсужденію всѣхъ обстоятельствъ, въ одномъ продолжительномъ совѣщаніи съ министрами и генералами. Вопросъ состоялъ въ слѣдующемъ: полезно ли будетъ выступить изъ Польши со всюю арміею и преслѣдовать Шведовъ въ Саксоніи, прежде чѣмъ они успѣютъ усилить себя новыми полками?

Между тѣмъ Его Величество повелѣлъ всѣмъ своимъ регулярнымъ войскамъ вступить въ Польшу, и въ полной готовности ожидать окончательнаго рѣшенія.

Члены совѣта, подавшіе голосъ въ пользу предложенія, какъ князь Меншиковъ сдѣлалъ это уже въ Калишѣ, основывали свое мнѣніе на слѣдующихъ доводахъ:

1. Никто не смѣетъ порицать Его Царское Величество, если онъ рѣшится преслѣдовать своего непримиримаго врага, короля шведскаго, на чужой землѣ, и принудить его къ желанному миру, потому-что это основывается на общемъ, естественномъ правѣ народовъ.

2. Польша, какъ союзная держава Его Величества, походомъ Русскихъ въ Саксонію была бы облегчена; между тѣмъ, какъ при дальнѣйшемъ пребываніи русскихъ войскъ въ Польшу, могутъ возникнуть неудовольствія, и жители, раздраженные противъ Русскихъ, могутъ рѣшиться, при случаѣ, на мщеніе.

3. Извѣстно общее военное правило, что, во время войны, не должно многочисленную армію держать въ бездѣятельности, но всего лучше направлять ее противъ непріятеля, и посредствомъ маршей и контрамаршей, если не посредствомъ дѣйствительныхъ военныхъ операцій, держать въ непрерывной дѣятельности, особенно тогда, когда обстоятельства позволяютъ ожидать отъ того какой-нибудь выгоды; черезъ это можно внушить и другу и недругу большее къ себѣ уваженіе.

4. Съ Русскими соединится саксонское земское войско и многія другія, для того, чтобы избавиться отъ Шведовъ.

5. Вѣроятно, императоръ германскій, Англія и Голландія, не будутъ противиться тому, если безъ ихъ помощи воспрепятствуютъ Шведамъ усилить свою армію въ Германіи, проникнуть далѣе въ нѣмецкія земли, предпринять что-нибудь въ пользу Франціи, а потомъ предписывать законы союзникамъ и ихъ походы противъ Франціи дѣлать безуспѣшными, потому-что сами будутъ находиться въ Германіи.

6. Быть-можетъ, это заставитъ Шведовъ двинуться изъ Саксоніи далѣе въ Германію, соединиться съ Франціею или Баваріею, заключить миръ съ союзниками, и наконецъ возобновить доброе согласіе съ Россіею, чтобы имѣть болѣе свободы въ дѣйствіяхъ. Когда же непріятель будетъ дѣйствовать гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ и встрѣтитъ новыя препятствія и затрудненія, то Русскіе выиграютъ болѣе времени, чтобы все привести въ лучшій порядокъ и обезпечить средства къ выгоднѣйшему миру.

7. Но если Шведы примутъ оборонительное положеніе, или противъ русской арміи выступятъ въ Силезію, или если Саксонцы, вслѣдствіе заключеннаго договора, и другіе, обя-

занные тѣмъ же договоромъ, воспротивятся вступленію Русскихъ, то, смотря по обстоятельствамъ, можно или дать сраженіе, или отступить обратно въ Польшу, потому-что многіе государи не преминутъ, при этомъ случаѣ, предложить Его Царскому Величеству свое ходатайство и свои услуги, чтобы только война не была перенесена въ Германію.

Этимъ доводамъ были противопоставлены слѣдующія причины :

1. Императоръ германскій едва ли позволитъ большой арміи пройти черезъ Силезію, такъ-какъ эта страна, и безъ того истощенная во время войны тяжкими налогами и контрибуціями, подвергнется еще большому разоренію: Равно и имперскіе города едва ли согласятся впустить иностранныя войска въ предѣлы Германіи, и снова открыть тамъ театръ войны.

2. Другіе союзники должны опасаться, что Шведы, при вступленіи Русскихъ, опустошатъ Саксонію огнемъ и мечемъ, потомъ вторгнутся далѣе въ Германію и соединятся съ Франціею *, подъ тѣмъ предлогомъ, что тамъ требуютъ сильнаго военнаго вспоможенія, и что они, будто бы по неволѣ, приняли этотъ походъ; за все это будутъ не слишкомъ благодарны Русскимъ.

3. Если, по непредвидѣнному случаю, Шведы въ какой-нибудь битвѣ одержатъ надъ Русскими побѣду, то отступленіе Русскихъ изъ столь отдаленной страны будетъ очень затруднительно и сопряжено съ большими опасностями: а) простой народъ въ Силезіи, по религіозному убѣжденію, благопріятствуетъ Шведамъ, и потому многіе изъ нихъ будутъ дѣйствовать въ пользу Шведовъ и во вредъ Русскимъ; б) въ случаѣ неудачной битвы, нельзя полагаться ни на Поляковъ, ни на казаковъ; в) солдаты легко могутъ дезертировать, и въ случаѣ

* Противъ французскаго короля Лудовика XIV, за испанское наслѣдство, сражались императоръ немецкій, Англія и Нидерланды. Обѣ стороны опасались, что сила Шведовъ рѣшитъ побѣду, и потому каждая желала привлечь къ себѣ Карла XII. *Прим. Пер.*

продолжительнаго отступленія могутъ потерять бодрость; г) потерю въ арміи не такъ легко будетъ восполнить.

4. Напротивъ того, когда Его Царское Величество останется въ Польшѣ, на своихъ собственныхъ границахъ, то его войска тамъ могутъ отдыхать. И если Шведы не заключатъ съ Русскими мира и сами вздумаютъ напасть на Русскихъ въ Польшѣ, то они должны будутъ сдѣлать большой переходъ, который изнуритъ ихъ.

5. Если Шведы будутъ оставаться въ спокойномъ и невозможномъ ничѣмъ состояніи, и отсюду будутъ видѣть всевозрастающую уступчивость и угодливость; то вслѣдствіе постоянно-возрастающаго могущества, счастья первенства, и обыкновенно рождающагося отсюда своеволія, безъ сомнѣнія, вздумаютъ объявить другимъ державамъ новыя притязанія, и возгордятся до такой степени, что наконецъ возбудятъ обшюю къ себѣ ненависть и наживутъ себѣ многихъ враговъ; германскій императоръ и союзные государи, воюющіе за наслѣдіе испанскаго престола, примутъ, быть-можетъ, рѣшительныя мѣры противъ Шведовъ и объявятъ ихъ врагами мира, какъ это случилось прежде и какъ еще недавно испытала это Баварія. И такъ надобно напередъ выждать эти обстоятельства, а потомъ уже единодушно принять какое-нибудь рѣшеніе.

6. Если, напротивъ того, планы Шведовъ, по отношенію къ другимъ державамъ, будутъ разрушены вступленіемъ Русскихъ въ Саксонію, то они будутъ еще болѣе раздражены противъ Россіи, и ихъ труднѣе будетъ склонить къ миру.

7. Если польскій король Августъ былъ принужденъ къ постыдному миру, для спасенія своего наслѣдственнаго государства отъ конечнаго разоренія, то, въ надеждѣ на чью-нибудь помощь и при перемѣнѣ обстоятельствъ, онъ легко можетъ отказаться отъ договора и соединиться опять въ Его Царскимъ Величествомъ, какое намѣреніе Августа уже съ достовѣрностію извѣстно отъ нѣкоторыхъ саксонскихъ министровъ.

Послѣ всѣхъ этихъ преній, Его Царское Величество рѣшился остаться съ своею арміею въ Польшѣ.

Когда Его Царское Величество, по полученіи неожиданна-

го извѣстія объ Альтранштадтскомъ мирѣ, прибылъ въ Жолкву, то туда прѣхалъ, вмѣстѣ съ другими польскими вельможами, также и Смигельскій. Князь Меншиковъ принялъ его со всеми почестями и подарилъ ему шпагу, осыпанную брилліантами. Смигельскій неотступно просилъ князя и все его семейство, и даже всю свиту, побывать въ его имѣніи, лежащемъ недалеко отъ Жолквы, чтобы осмотрѣть тамъ собранное имъ войско и вмѣстѣ съ тѣмъ отобѣдать у него. Его свѣтлость обещалъ прѣхать къ нему въ назначенный день, но къ счастью, онъ получилъ отъ Его Величества очень важныя бумаги, которыя заставили его отказаться отъ этой поѣздки. Впрочемъ, онъ послалъ вмѣсто себя генерала Пфлуга и еще нѣкоторыхъ офицеровъ. Взломанный Смигельскій отправилъ этихъ гостей подъ арестомъ, въ Саксонію, къ королю шведскому; но на пути они нашли удобный случай освободиться изъ рукъ измѣнника.

Въ скоромъ послѣ того времени, князь Вишневецкій, которому Его Царское Величество испросилъ у короля Августа мѣсто фельдмаршала въ Литвѣ, оставилъ русскую партію и, предавшись Шведамъ и Станиславу Лещинскому, съ частію своего войска, присталъ къ шведскому генералу Левенгаупту и вездѣ дѣйствовалъ враждебно противъ Русскихъ.

Послѣ того, какъ графъ Федоръ Алексѣевичъ Головинъ, бывшій первымъ министромъ и пользовавшійся высокою довѣренностію Монарха, скончался въ Глуховѣ, къ общему прискорбію всѣхъ Русскихъ,—запятія, равно какъ и могущество князя Меншикова, возрасли еще болѣе.

1707 г. Сеймъ въ Лембергѣ. — Грамота, данна князю Меншикову. — Распоряженія и дѣйствія князя въ Польшѣ. — Взятіе Быхова. — Разныя экспедиціи. — Венгерскій посоль. — Возвращеніе русскихъ плѣнниковъ. — Кейзерлингъ. — Ле-Брюннъ. — Выступленіе Шведовъ изъ Саксоніи. — Жители Нарвы и Дерпта отсылаются въ русскіе города.

Его Царское Величество повелѣлъ, посредствомъ грамотъ, убеждать польскія провинціи къ тому, чтобы онѣ, какъ вы-

нужденныя силою Шведовъ къ избранію и коронованію Станислава Лещинскаго, прислали своихъ пословъ на сеймъ, назначенный благомыслящими Поляками въ Лембергъ, и дали имъ подробныя инструкціи касательно избранія новаго короля. 7 января было открыто въ Лембергѣ собраніе, въ которомъ находились многіе польскіе сенаторы и вельможи. Утомительныя разсужденія о предварительныхъ условіяхъ показались Его Величеству излишними, и онъ желалъ только того, чтобы скорѣе приступили къ дѣлу. Его Величество обещалъ уступить республикѣ Бѣлую Церковь, выдать два милліона рублей, и не заключать съ Шведами мира иначе, какъ съ согласія Польши.

Наконецъ, въ мартъ, Его Величество получилъ клятвенное и письменное обязательство преданныхъ ему Поляковъ: соблюдать всѣ прежнія трактаты и въ особенности договоръ, заключенный въ 1704 году посломъ Фомою Дзялинскимъ, воеводою кульскимъ, и утвержденный сеймами; никогда не заключать никакихъ трактатовъ съ противною партією безъ соизволенія Его Величества; признать своимъ королемъ только того, кого они возведутъ на тронъ, по единодушному голосу всей республики; противъ общаго врага и его союзниковъ стоять до послѣдней возможности, для сохраненія своей свободы; Его Величеству помогать въ счастіи и несчастьи, и въ такомъ союзѣ пребывать съ ненарушимымъ постоянствомъ до окончанія войны и прочее. Эти пункты были утверждены Поляками въ Люблинѣ.

Его Величество, въ то же время, повелѣлъ послать ко многимъ государямъ подробное объясненіе несправедливости, причиненной ему Альтранштадтскимъ миромъ.

День своего рожденія, 30 мая, Его Величество праздновалъ въ мѣстечкѣ Казимирѣ, и при этомъ случаѣ пожаловалъ Александру Даниловичу Меншикову княжеское достоинство, съ титуломъ *свѣтлости*, и наименованіемъ Ижорскаго, какъ это можно видѣть изъ слѣдующей грамоты, данной 1 іюня 1707 года *:

* Сообщаемъ этотъ документъ въ подлинникѣ. Пр. перев.

«Божією споспѣшествующею милостию, Мы Пресвѣтлѣйшій и Державнѣйшій Великій Государь Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ; и прочая, и прочая, и прочая. Въ будущихъ вѣковъ память, объявляемъ настоящею Нашею жалованною грамотою всѣмъ:

«Аще данная Намъ отъ Всевышняго Самодержавная власть, по всероссійскомъ Нашемъ наследномъ и принадлежащихъ къ оному пространнѣйшихъ Царствіяхъ и Государствахъ тако распространяется, что вся достоинства, и высокіе степени чести во ономъ издавна обыкые, и по волю Нашей нововведенные, каждому по заслугамъ, и по милости Нашей раздавати, въ благоволеніи Нашемъ состоятъ: обаче въ награжденіи вышшими мѣстами, и первенственными степенями, чести и титуловъ въ Нашемъ Царствіи, богатодарность Нашу сими обыкли есмы предѣлы заключать, разсмотря чрезвычайныя заслуги и высокое достоинство оного, его же на степень знатнѣйшаго Княжескаго преимущества возвести соизволяемъ.

«И тако разсуждая, что любезно Намъ, вѣрный Римскаго Государства Князь Александръ Даниловичъ Мепшиковъ, произведенный изъ фамиліи благородной Литовской, котораго Мы, ради вѣрныхъ слугъ въ Нашей гвардіи родителя его, и видя въ добрыхъ поступкахъ его самаго надежду отъ юныхъ лѣтъ, въ милость Нашего Величества воспріяти, и при дворѣ Нашемъ возрастити удостоили, и яко же со прибавляющимися лѣты возраста его процвѣталъ оный въ благодѣтеляхъ, храбростяхъ и славныхъ сердца и разума дарованіяхъ, предваря всѣхъ сверетникъ своихъ, тако и Нашего Величества милость разпространяющуюся день отъ дней къ себѣ содѣла; и тѣмъ о предбудущихъ своихъ мужественныхъ и вѣрныхъ къ Намъ и къ Царствію Нашему поступкахъ и услугахъ, надежду въ насъ умножилъ, яже наипаче въ томъ чрезъ мужественные и не по лѣтамъ возраста его явленные учинки при осадѣ славной Турской бывшей крѣпости Азова, какъ на морь, такъ и на земли утверждена бысть, тако, что милость Наша ко оному знатно умножися; потомъ же при

путешествіи Нашемъ во Европейскихъ Государствахъ, къ которому его яко единого изъ вѣрнѣйшихъ и любезнѣйшихъ себѣ купно избрахомъ, не токмо Нашей, но и прочихъ иностранныхъ Государей почитаніе и милость заслужи, что отъ оныхъ по времени явными и великими знаки милости награжденъ есть, якоже отъ Его Царскаго Величества Римскаго высшею степенью чести Княжего титула Римской Имперіи почтенъ быти чрезъ явную грамоту удостоенъ; отъ Королевскаго Величества Польскаго чиною кавалеріи Бѣлаго Орла; отъ Королевскаго же Величества Прусскаго кавалерію жъ Благородія чрезъ публичныхъ министровъ именованъ ихъ почтенъ есть. — По началіи же войны у насъ съ короною Шведскою, оной таковыя доводы храбрости воинскаго искусства и вѣрности, какъ при осадахъ и добываніи городовъ Нотенбурга, Нишанца и Нарвы, тако и при взятіи непріятельскихъ кораблей на морь Намъ предъ очыми Нашими показалъ, что Мы его не токмо отъ единой воинскихъ чиновъ степени въ степень возвышати, но потомъ и вышшимъ знакомъ воздаянія за мужество, вѣру и вѣрность его, сиречь орденомъ кавалеріи Нашей Россійской святаго Апостола Андрея пожаловать и потомъ надъ приращенными Нашими войною, наследственными провинціями, Ингрією и Корелією купно со Эстляндією и иными издревле Намъ надлежащими, Генеральнымъ Губернаторомъ, Всемилоствѣннѣе учинили; въ которыхъ онъ мудрымъ и радѣтельнымъ своимъ правленіемъ и изряднымъ учрежденіемъ не малую услугу и плодъ Намъ и Государству Нашему произвелъ. Потомъ же при вступленіи Нашемъ, по прошенію Короля и Речи Посполитой Польской и Великаго Княжества Литовскаго, съ войски нашими на оборону оной противъ общаго Нашего непріятеля, толкія Намъ вѣрныя услуги въ совѣтѣхъ при полученіи крѣпостей и приводѣ войскъ показалъ, что Мы достойна быти разсудили оного Нашихъ Государственныхъ и тайныхъ дѣлъ Министромъ и Генераломъ Главнымъ всея Нашей кавалеріи учинити; въ которомъ чину бывъ оный, Намъ и Государству Нашему не токмо (по оставленіи

съ союзной стороны) мудрымъ отводомъ войскъ Нашихъ изъ Гродни и учрежденіемъ оного; но потомъ прошлаго 1706-го году, октября во 2-й день мужественнымъ и мудрымъ приво- домъ своимъ оной кавалеріи таковую преславную надъ непри- ятельскимъ войскомъ побѣду получилъ; и за таковыя и иныя многія его къ намъ и къ Пресвѣтлѣйшему сыну Нашему (его же возвращенія высшимъ Управителемъ Мы оного со Всемилоствѣйшаго на вѣрность его упованія учредили), и ко всему дому Нашему, и Россійскому Царствію превелигія многія услуги и усердныя радныя разсудили Мы, достойно быти въ награжденіе того всего, оного не токмо въ данныхъ ему отъ Насъ и отъ Иностранныхъ Государей честяхъ, титу- лахъ и Римскаго Государства Княземъ достоинствъ, сею На- шею Царскаго Величества милостивою жалованною грамо- тою утвердити, но и еще во признаніе и воздаяніе тѣхъ его къ Намъ прежде помянутыхъ заслугъ всероссійскаго Нашего Царствія, Княземъ Ижерскія земли его учинити и пожаловати, яко же Мы симъ то исполняемъ и во знакъ той Нашей мило- сти во опомъ Княжествъ лежащія грады Ямбургъ и Копорье съ принадлежащими къ нимъ уѣзды и землями, въ вѣчное ему и законнымъ его наслѣдникомъ и потомству владѣніе, Всемилоствѣйшее отдаемъ. Сего ради, да будетъ во имя Бога Всемогущаго, отъ него же всякое начало, честь и достоинство происходитъ, помянутый Господинъ Александръ Даниловичъ Меншиковъ, и потомки его обоихъ родовъ законо-рожден- ные восходящія и нисходящія линіи, во вѣчный знакъ На- шей милости, Нашимъ собственнымъ изволеніемъ и Само- державною отъ Бога врученною властію и благоусмотрѣні- емъ Нашимъ, разсужденіемъ во всѣхъ Нашихъ Всероссій- скаго Царствія Государствахъ, пожалованъ, почтенъ и имя- нованъ титуломъ Римскаго и Россійскаго Государствъ, Князя съ приложеніемъ Свѣтлѣйшаго; въ которую честь Мы его съ сего числа возвышаемъ, узаконяя, и симъ Нашимъ Царскаго Величества Указомъ накрѣпко устанавливая, дабы впредь въ вѣчныя времена оной и дѣти его, наслѣдники и

потомки законные мужеска и женска роду нисходящей и восходящей линіи, силою Нашего возставленія и возве- денія отъ всѣхъ именовалися, какъ на письмѣ, тако и на словахъ, Римскаго и Россійскаго Государствъ Князи и Прин- цы Свѣтлѣйшіе, и въ Нашемъ, такожь и въ иностранныхъ Государствахъ тѣ права, привилегіи и преимущества, яко- же достоинству тому причествуютъ и принадлежатъ, по- лучали, воспріямали, и употребляли; и Нашему Величеству и Пресвѣтлѣйшему Царевичу сыну Нашему любезнѣйшему Алексѣю Петровичу, и прочему Нашему Потомству по дол- жности своей во всѣхъ дѣлахъ вѣрно и радѣтельно, яко и прежде служили; и дабы сверхъ того онъ Александръ Да- нилевичъ Нашъ и Римскаго и Россійскаго Государства Князь особливую Нашего Царскаго благоволенія и мило- сти склонность искусилъ: того ради, тою жъ Нашею Са- модержавною властію ему и дѣтямъ его законнымъ обо- его роду гербы ихъ родовые и въ Царскомъ Дипломѣ изображенные отчасти умножили, отчасти же и вновь со- изволили, и послѣдующимъ образомъ вѣчно впредь упо- треблять и имѣть повелѣваемъ и жалуемъ, то есть: Щитъ четверчастный, котораго первое полще верхнее сере- бренное, льва поднятого весьма краснаго языкомъ вы- ставленнымъ и хвостомъ въ верхъ потрясаемымъ, держа- щаго лапою двѣ черныя трости, на-крестъ положенныя, по концамъ позлащенныя, содержаща Генеральства достоинство его пожалованное знаменующія да являютъ: второе полще верхнее синее, гербъ Великаго Княжества Литовскаго пре- мьненными краски да содержитъ, ко объявленію той же про- винціи, что оная есть отчизна его; правое полще нижнее, та- кожде синее, златый корабль оснащенный и плавающий, да являетъ знаменіе морского его у Насъ достоинства; четвер- тое, или лѣвое нижнее полще златое, побѣды военныя яв- ляющее, да знаменуетъ, что Мы Великій Государь Наше Царское Величество, его за многія полученные побѣды съ крайнею властію надъ войскомъ Нашимъ коннымъ началь- ствующа воставилъ, щитцемъ среднимъ раздвоеннымъ зда-

тымъ раздвоя гербъ Римской Имперіи и Царства Россійскаго, положивъ между обоихъ орловъ главами корону Нашу все-россійскую, и вложивъ грудному щитцу сердце коронованное родовой фамилии его гербъ вѣрныхъ службъ Нашему Царскому Величеству, такожде и Его Цесарскому Величеству и Королевству Польскому, съ нами въ союзъ обрѣтающемуся, понынѣ учиненныхъ память, и впредь учинитися имущихъ сердца готовость знаменуются; надъ всѣмъ гербомъ да стоятъ пять шлемовъ рышетчатыхъ и вѣнчаныхъ кромѣ срднаго, которой Княжескою шапкою да покрывается, и изъ оногo да возстають кругомъ раздвоенные прежде среднимъ щитцемъ назначенные Всероссійскіе, Цесарства Римскаго и Польскіе гербы, подлѣ оногo сущій шлемъ справа сердце фамилии его гербъ да носить, и надъ онымъ слѣва левъ въ щитѣ изображенный; да стоитъ первый шлемъ справа, первенственный Ижерского Княженія гербъ замокъ съ трехобразными башнями и тремя разпущенными знамены, изъ которыхъ среднее знамя красное, правое и лѣвое серебряное, или бѣлое, да держитъ шапкою княжею знаменующій Княженія того достоинство ему отъ Насъ Всемилостивѣйше данное: пятый или послѣдній шлемъ лѣвый, другой гербъ провинціи Корельской и Эстляндской знаменуя надъ теми жъ провинціями врученную ему отъ Нашего Величества власть Губернаторскую: держатели того герба да будутъ два солдата по шлемки убранные съ мушкетами, платье верхнее на правой странѣ темно-зеленое, во знакъ Нашей гвардіи; на лѣвой же синее, прочее красное, шляпы сверхъ того перьями струсовыми украшенныя; отвороты да будутъ справа красные, съ лѣвой руки золотые и синіе; около щита да будетъ обведена цѣпь кавалерій Нашей все-россійской чина, святаго Апостола Андрея, и на каменяхъ ея надпись языкомъ Россійскимъ вырѣзана да будетъ, за вѣру и вѣрность, а его надпись, за наставленіе разума съ поможеніемъ счастья, яко же сія вся живописцова рука цвѣтами своими раздѣлена и ливне смотрѣти подзеть.

«Того ради Мы Пресвѣтлѣйшій и Державнѣйшій Великій Государь Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ Само-

держецъ Всероссійскій, Нашего Всероссійскаго Царствія Государствъ, вѣрно-любезнымъ подданнымъ, какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ; Митрополитомъ, Архіепископомъ, Епископомъ и прочимъ духовнымъ, и въ Нашемъ Царскаго Величества обрѣтающимся сиклитъ, Принцомъ, Князьямъ и прочимъ Высокимъ Министромъ въ войскахъ же Нашихъ на землѣ и морѣ служащимъ, Фельдмаршаломъ и Адмираломъ, Генераломъ, вице-Адмираломъ и прочимъ вождемъ, и высокого и низкого чина офицеромъ; такожде благоурожденнымъ Нашимъ Дворяномъ, и всѣмъ вообще и коемуждо особно; Гражданскимъ, Капцелярскимъ верховнымъ и нижнимъ служителямъ, и Земскаго чина Президентомъ и Бургомистромъ и мѣшаномъ, и всѣмъ все-россійскаго Нашего Царствія подданнымъ всякаго чина, милостиво повелѣваемъ, и Указомъ Нашимъ Имяннымъ утверждаемъ, а прочихъ Потентатовъ, Принциповъ и Князей Братски и любезно просимъ и желаемъ, дабы помянутаго Намъ и Россійскому Нашему Царствію вѣрно-любезнаго Римскаго и Россійскаго Государства Князя Господина Александра Давыловича Меншикова и законныхъ его наследниковъ мужеска и жепска роду, восходящихъ и нисходящихъ лицъ, въ вѣчныя времена, въ разсужденіи къ Намъ и Царству Нашему помянутаго его вѣрныя службы, и надъ непріатели Нашими храбрые воинскіе поиски, Нашимъ Римскаго и Россійскаго Государства Княземъ Ижерскимъ признавали, почитали, писали и именовали; и по милостивому Нашему возвышенію председательство въ духовныхъ и Сенаторскихъ Совѣтахъ по достоинству оному позволяли, и прочія преимущества и почтения оному отдавали: яко же Брата Нашего любезнѣйшаго, Пресвѣтлѣйшаго и Державнѣйшаго Іосифа избраннаго Римскаго Цесаря и иныхъ, ему данный дипломъ въ себѣ содержитъ, который сею Нашею Царскаго Величества милостивою жалованною грамотою купно во всѣмъ подтверждаемъ, и подданнымъ Нашимъ оный принимать, и по тому исполнять повелѣваемъ, подъ опасеніемъ преступникомъ Нашею Царскаго Величества гнѣва и пени пяти сотъ фунтовъ злата, изъ которой часть въ казну Нашу; остаточное же тому

озлобленному доправлено быть имѣть безъ всякой пощады, не смотря лица, или чина; прочимъ же Потентагомъ, Принципамъ и Княземъ взаимно въ таковыхъ же мѣрахъ воздавати общаемъ; яко же во свидѣтельство сей Нашей къ помянутому Намъ вѣрно-любезному Свѣтлѣйшему Князю Александру Даниловичу Меншикову милости и достойнаго возвышенія прилагаемъ Нашу и Всероссійскаго Нашего Царствія печать, при подписаніи Нашей Царскія руки. Данъ въ нашемъ воинскомъ походѣ въ Польшу, въ главномъ Стану при Казимирѣ, мѣста отъ Рождества Христова 1707 году, Іюня въ 1-й день.

« П Е Т Р Ъ . »

«Петръ Шафировъ Его Ц. В-ва тайный секретарь при Его государственныхъ и иностранныхъ дѣлахъ.»

Его Величество повелѣлъ князю Ижорскому, покуда онъ будетъ находиться въ Польшу, имѣть при себѣ полный придворный штатъ, составленный по образцу двора императора германскаго или короля польскаго, и избрать для того отличныхъ и достойныхъ людей, чтобы такимъ образомъ, Поляки видѣли у князя пышность двора Его Величества, послы и вельможи были принимаемы, смотря по своему значенію, въ приемныхъ комнатахъ, столовой или аудіенцъ-залѣ, равно генералы и офицеры, далеко живущіе другъ отъ друга, каждодневно могли бы видѣться при дворѣ и получать приказы. Его Величество имѣлъ при этомъ цѣль — видѣть образецъ правильнаго придворнаго штата, чтобы впоследствии составить изъ него свой собственный штатъ, къ чему до сихъ поръ онъ еще не имѣлъ желанія.

И такъ въ домъ князя Меншикова теперь явились: оберъ-гофмейстеръ, оберъ-гофмаршалъ, оберъ-каммергеръ, оберъ-штальмейстеръ, мундшенки, гофмаршалы, камеръ-юнкеры, гофъ-юнкеры, экипажмейстеры, и другіе придворные чиновники и служители. Всѣмъ имъ было назначено жалованье,

даны инструкціи и вмѣнено въ обязанность, чтобы каждый старательно исправлялъ свою должность.

Князь Меншиковъ принималъ участіе во всѣхъ совѣшаніяхъ, конференціяхъ и сеймахъ, которые собирались въ январѣ въ Лембергъ, въ маѣ въ Люблинѣ, въ іюнѣ въ Жолквѣ, особенно по случаю престоловскаго обнародованія междуцарствія и избранія новаго короля. Въ Дзенчолахъ*, онъ успѣлъ склонить собраніе литовскихъ дворянъ, подъ председательствомъ маршалка Воловича, къ тому, чтобы они обязались клятвою дѣйствовать противъ ихъ общаго врага и не признавать Станислава Лещинскаго королемъ; при чемъ была подтверждена сендомирская конфедерація 1702 года.**

Въ то же время было возобновлено и подтверждено, безъ всякихъ противорѣчій, право гражданства, данное князю Меншикову въ Польшу и Литву.

Поляки каждодневно съ удовольствіемъ и удивленіемъ замѣчали великую власть, благоразумное распоряженіе и дѣятельность князя Меншикова въ управленіи дѣлами, равно какъ и великолѣпный придворный штатъ, окружавшій его и его супругу, и притомъ, любезность, великодушіе, щедрость и дружественное расположеніе къ польскому дворянству. Потому они старались угождать князю и осыпали его комплиментами. «Счастливая звезда, говорили они, украсила его такими благородными и высокими качествами, что они желали бы имѣть у себя такого короля.» По обнародованіи междуцарствія, нѣкоторые хотѣли внести его въ число кандидатовъ на польскую корону, и общали, за себя и за своихъ друзей, подать въ его пользу голоса.

Князь Меншиковъ, выслушивая эти рѣчи, съ свойственною ему любезностію, принималъ ихъ только за комплимен-

* Дзенчолы — мѣстечко въ слонимскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи, въ 41 верстѣ отъ Слонима. Тамъ была главная квартира Меншикова.

Прим. Пер.

** Сендомирская конфедерація была составлена приверженцами Августа, которые не соглашались признать королемъ Станислава Лещинскаго.

Прим. Пер.

ты; но онъ умѣлъ воспользоваться этими дружественными расположеніями къ себѣ польскихъ вельможъ. Онъ приобрѣлъ значительную партію и благомыслящихъ приверженцевъ для поддержанія интересовъ и видовъ Его Царскаго Величества, — который уже оставилъ Польшу 15 октября, ухвативъ въ С.-Петербургъ. Онъ разбѣгалъ подозрѣнія, распространенныя въ которыми неблагонамѣренными людьми, будто-бы русскій Монархъ желаетъ завладѣть какою-нибудь польскою провинціей, по предложенному шведскими министрами проекту, который впрочемъ былъ составленъ безъ вѣдома Его Величества, — и будто его намѣренія клонились ко вреду республики. Князь Меншиковъ убѣдилъ Поляковъ совершенно въ противномъ.

Такъ какъ теперь князь Меншиковъ, вмѣстѣ съ примасомъ королевства, узналъ изъ тайныхъ писемъ, что король Августъ не намѣренъ сохранять вынужденный договоръ, заключенный имъ въ тягостныхъ обстоятельствахъ въ Альтранштадтѣ, но желаетъ опять соединиться съ Его Царскимъ Величествомъ и снова принять корону польскую; то сеймы, собранные по случаю междуцарствія и избранія короля, съ соизволенія Его Величества, были распущены.

Въ то же время получено было извѣстіе, что и датскій король также намѣренъ возобновить союзъ противъ Швеціи; потому теперь возникли совершенно новые кабинетные вопросы.

Послѣ этого князь Меншиковъ объявилъ генералитету полученное отъ Его Величества повелѣніе о походѣ и военныхъ дѣйствіяхъ. Въслѣдствіе этого повелѣнія, князь Меншиковъ командировалъ генерала Боура противъ отложившихся Поляковъ, именно: 1) противъ короннаго гетмана князя Любомирскаго, который съ своими полками причинялъ много вреда подданнымъ Его Царскаго Величества въ кievскомъ воеводствѣ; 2) противъ князя Вишневецкаго, который, по ходатайству Его Царскаго Величества, былъ прежде того литовскимъ гетманомъ; 3) противъ старосты Снискаго, который былъ своднымъ братомъ гетмана Снявскаго, а въ-

особенности 4) противъ литовскаго генераль-фельдцейхмейстера Синицкаго.

Генераль Боуръ взялъ крѣпость Быховъ и возвратилъ отнятый Синицкимъ обозъ съ двѣнадцатью милліонами флориновъ русскаго золота, которые были назначены на жалованье польской арміи, и съ ходячею польскою монетою, тымпфами, которые Его Царское Величество, согласно съ договоромъ, дозволилъ чеканить въ Москвѣ.

Князь Меншиковъ помирилъ генерала Боура съ генералами Чамберсомъ, Верденомъ и другими, которые персорились между собою за добычу, взятую въ Быховѣ. Артиллерию, найденную въ этой крѣпости, онъ приказалъ отправить въ Смоленскъ, взятого тамъ же Вишневецкаго отослалъ подъ стражею въ Украину (откуда онъ бѣжалъ въ 1710 году); начальство же надъ литовскими воеводствами поручилъ генералу Огинскому.

Его свѣтлость командировалъ еще генерала Ренне въ Торнь и Данцигъ, чтобы отклонить эти города отъ партіи Шведовъ и Станислава, и заставить ихъ дѣйствовать противъ послѣдняго. Ренне схватилъ тамъ лембергскаго архіепископа (Дзядлнскаго), который въ 1705 году короновалъ Станислава, и другихъ пльнниковъ.

Наконецъ, былъ еще командированъ полковникъ Шульцъ съ однимъ отрядомъ въ воеводство Накель, что въ Великой Польшѣ, противъ Смигельскаго, и потомъ въ Лечно, Ровичъ и Рейзень, гдѣ находились помѣстья Лещинскаго и Савьги. Но такъ какъ Шульцъ, вопреки повелѣнію, прибѣгалъ къ насильственнымъ мѣрамъ, не щадя имѣній Джембека * и другихъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ, которые были освобождены Его Царскимъ Величествомъ отъ всякихъ налоговъ, не вносилъ контрибуцію въ полковую казну, и оскорбилъ своею грубостію прусскаго резидента въ Варшавѣ, Ленеveled;

* Джембекъ, епископъ куявскій, былъ примасомъ королевства; въ это достоинство онъ былъ возведенъ Августомъ, который привалъ изъ его руки королю. Онъ былъ приверженцемъ русскои партіи, потому-что она могла поддержать его на первосвятительскомъ престолѣ; Станиславъ, съ своей стороны, пожаловалъ саомъ примаса лембергскаго архіепископа Дзядлнскаго, который короновалъ его. — *Прим. Пер.*

то подвергся строгому аресту, хотя заслуживалъ еще болѣе строгое наказаніе *.

Во время пребыванія Его Царскаго Величества въ Польшу, прибылъ туда венгерскій генералъ графъ Березини, называвшій себя полномочнымъ министромъ венгерскихъ чиновъ. Онъ просилъ Его Царское Величество о посредничествѣ къ примиренію князя Рагоцкаго съ императоромъ римскимъ, и сдѣлалъ еще нѣкоторые другія предложенія отъ имени венгерскихъ чиновъ **.

Въ собраніяхъ, происходившихъ по этому случаю, князь Меншиковъ настоятельно требовалъ, чтобы недовольные Венгерцы примирились съ императоромъ римскимъ, но не искали бы помощи Турокъ ко вреду христіанъ. Изъ этого графъ Березини заключилъ, что князь Меншиковъ не добροжелательствуетъ венгерскимъ чинамъ, но держитъ сторону императора. Чтобы склонить его на свою сторону, графъ замѣтилъ, что въ томъ случаѣ, когда князь Рагоцкій будетъ избранъ польскимъ королемъ, князь Меншиковъ можетъ имѣть надежду, если не на полученіе венгерской короны, то на приобрѣтеніе княжества трансильванскаго, потому что въ Венгріи уже было объявлено междуцарствіе и упраздненіе престола.

Его свѣтлость, по желанію графа, приказалъ призвать нѣсколькихъ солдатъ, родомъ изъ Югріи, и представить ихъ

* Изъ писемъ Петра Великаго видно, что полковникъ Шульцъ въ томъ же 1707 году, былъ преданъ, по Царскому повелѣнію, военному суду за то, что онъ прибылъ секретаря прусскаго короля. Онъ былъ посланъ отъ Меншикова къ королю прусскому, но не знаю только, за какимъ дѣломъ говорить Голіковъ, объясня это дѣло, по собственной догадкѣ. Авторъ рукописи заслуживаетъ, въ этомъ случаѣ, большаго довѣрія, чѣмъ догадка, ни на чемъ не основанная. — *Прим. Пер.*

** Князь трансильванскій Рагоцкій, воспитанный при вѣнскомъ дворѣ, и потомъ заключенный въ замокъ Нейштадтъ, въ 1701 году бѣжалъ изъ Австріи въ Венгрію. Въ 1707 году, онъ самъ предложилъ себя въ кандидаты на престолъ польскій. Полномочные послы его прибыли къ русскому Монарху въ августѣ 1707 года, и 4 сентября, въ Варшавѣ, былъ заключенъ трактатъ о вспоможеніи Рагоцкому, войскомъ и деньгами, къ избранію его на польскій престолъ. Но обстоятельства воспрепятствовали исполненію этого плана. — *Прим. Пер.*

венгерскому полномочному, который поговоривъ съ ними, нашелъ, что отечественный языкъ Югровъ имѣетъ много сходства и сродства съ венгерскимъ, и кромѣ него ни съ какимъ другимъ, и что слѣдовательно древніе Гунны вышли изъ русской провинціи Югріи *.

Графъ старался склонить Его Величество къ заключенію мира съ Шведами; по его словамъ, надо было опасаться, что Турки, запятые въ то время приготовленіемъ къ войнѣ, могутъ, по домогательству шведско-польской партіи Станислава, вмѣшаться въ современное военное движеніе. Но настаивая на этомъ предложеніи, графъ Березини имѣлъ свою цѣль, какъ легко было догадаться; онъ предполагалъ, что когда шведскій король заключитъ миръ съ Его Царскимъ Величествомъ, то поссорится съ императоромъ германскимъ, и будетъ помогать партіи недовольныхъ въ Венгріи.

Кромѣ того, онъ ручался за то, что Райцы, Русняки и другіе жители Венгріи, исповѣдующіе греческую религію, пользовались теперь полною свободою, и что имъ, послѣ счастливаго окончанія дѣлъ, будутъ предоставлены еще большія права, между тѣмъ какъ они терпятъ притѣсненія отъ австрійскаго правительства, которое принуждаетъ ихъ присоединиться къ латинской церкви (къ Уніи).

Графъ Березини требовалъ денежнаго вспоможенія для венгерскихъ чиновъ; но такъ какъ его ручательство, касатель-

* Югрію, у нашихъ лѣтописцевъ, назывались земли, лежащія за Уральскимъ хребтомъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки Оби, и простирающіяся на востокъ до рѣки Аяна. Жители этой страны, называющіе себя Вогулами, принадлежатъ къ семейству финскихъ народовъ. Нѣкоторые ученые, вслѣдъ за Шлеперомъ, и Венгровъ считаютъ также народомъ финскаго происхожденія, и выводятъ ихъ изъ Югріи или Угріи, имя которой созвучно съ стариннымъ русскимъ названіемъ Венгрии: *Угорія*. Но это мнѣніе, основанное на отдаленномъ созвучіи нѣсколькихъ венгерскихъ словъ съ финскими, едва ли справедливо. Хотя вопросъ о происхожденіи Венгровъ не рѣшенъ еще положительнымъ образомъ; но съ большимъ вѣроятіемъ можно согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ ученыхъ (вполнѣ развитымъ недавно еще французскимъ ученымъ Жерандо), которые, основываясь на изученіи языка, исторіи, нравовъ и обыкновений, и самаго тѣлосложенія Венгерцевъ, считаютъ ихъ выходцами изъ Средней Азіи, и причисляютъ къ племенамъ турецкимъ. — *Прим. Пер.*

но уплаты, было не совсемъ надежно, то эта просьба была отвергнута подъ благовиднымъ предлогомъ. При отъездѣ графа, данъ былъ ему рекредитивъ на имя Рагоцкаго, какъ князя трансильванскаго, и было обещано, что послѣдующее рѣшеніе будетъ объявлено венгерскому резиденту Надецкому, котораго графъ оставилъ въ Варшавѣ.

Когда 1500 солдатъ, которые остались послѣ Фрауенштадтской битвы въ Саксоніи и отступили къ Филипсбургу, долженствовали быть выданными Шведамъ, по альтранштадтскому договору; то князь Меншиковъ, своимъ ходатайствомъ передъ вѣнскимъ дворомъ, способствовалъ къ тому, что подъ предводительствомъ генерала Ренцеля, они прошли отъ Рейна черезъ всю Германію, и счастливо возвратились въ Польшу, къ русской арміи; при этомъ случай были вознаграждены всѣ, кто содѣйствовалъ этому благополучному переходу.

Въ день тезоименитства Его Царскаго Величества, князь Меншиковъ устроилъ празднество, на которомъ присутствовали примасъ королевства и нѣкоторые польскіе магнаты. Это празднество было нарушено прусскимъ посланникомъ Кейзерлингомъ, который, вмѣстѣ съ другими иностранными министрами, былъ приглашенъ къ столу (см. донесеніе, посланное Кейзерлингомъ въ Берлинъ) *.

Въ сентябрь, Его Царское Величество уѣхалъ изъ Польши въ Петербургъ, поручивъ князю Меншикову командованіе войскомъ, находившимся въ Польшѣ. Князь размѣстилъ армію по разнымъ воеводствамъ, подъ начальствомъ генераловъ: Гольца, Алларта и Генискаго; поручилъ также должности принцу гессенъ-дармштадтскому, генераламъ: Беме и Альбону, подполковнику Вейсбаху, генералу Фризе, полковнику Фейленгейму, и другимъ, вызваннымъ изъ Вѣны, офице-

* Въ 1707 году, Сауфа возвратился изъ Польши въ Литву, куда пришелъ черезъ Пруссію. Это обстоятельство раздражило Петра противъ берлинскаго кабинета, и послало поводъ Меншикову къ оскорбительнымъ выраженіямъ противъ прусскаго посланника Кейзерлинга. Послѣдній явился къ Царю, чтобы потребовать удовлетворенія; но его арестовали въ собственной его квартирѣ. (См. Исторія Петра Великаго, Бергмана, Т. 2, стр. 103). — *Прим. Пер.*

рамъ. Чтобы оградить жителей отъ притѣсненій и оскорбленій, князь Меншиковъ издалъ строгія постановленія касательно безпорядковъ, и въ страхъ другимъ, нѣкоторыхъ солдатъ, провинившихся въ буйствѣ, приказалъ подвергнуть телесному наказанію, а другихъ казнить смертію.

Знаменитый голландскій живописецъ Ле-Брюинъ, будучи въ Польшѣ, поднесъ Его Царскому Величеству нѣкоторыя рѣдкости, рисунки и свои замѣтки, сдѣланныя въ продолженіе семилѣтняго путешествія въ Остъ-Индіи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обещалъ награвировать на мѣди виды разныхъ городовъ, рисунки любопытныхъ предметовъ, равно какъ и портреты знаменитыхъ людей въ Россіи и приложить ихъ къ описанію своего путешествія. Князь Меншиковъ сдѣлалъ богатые подарки этому живописцу, какъ это было уже и въ 1703 году, и приказалъ отправить его въ отечество черезъ Архангельскъ, потому что путешествіе черезъ Польшу было не безопасно, по причинѣ движенія непріятельскихъ войскъ. Такъ пишетъ самъ Ле-Брюинъ въ изданной имъ книгѣ *.

Такъ какъ шведскій король выступилъ уже изъ Саксоніи и направился къ Польшѣ черезъ Силезію, то нѣкоторые генералы, въ собранномъ по этому случаю военномъ совѣтѣ, предлагали дать Шведамъ отпоръ на рѣкѣ Вислѣ или при Гродно и стараться въ удобныхъ мѣстахъ тревожить ихъ нападеніями.

Между тѣмъ послѣдовало повелѣніе Его Величества, чтобы русская армія уступила всѣ мѣста Шведамъ, ни на что не отваживалась въ Польшѣ, и отступала къ русскимъ границамъ. Предполагая, что это происходило отъ страха, Шведы тѣмъ отважнѣе двинулись впередъ и жела-

* *Reizen over Moscovie. Amsterdamm. 1714 г.* Корнель Ле-Брюинъ болѣе извѣстенъ, какъ путешественникъ. Онъ родился въ Гагѣ 1652 г.; учился живописи, и для дальнѣйшаго усовершенія себя въ этомъ искусствѣ отправился въ 1674 г. въ Римъ. Съ этого перваго его выѣзда изъ отечества начинаются его путешествія по Европѣ, Азій и Африкѣ. Въ 1701 и слѣдующихъ годахъ онъ былъ въ Россіи, Персіи, Индіи, Цейланѣ и на другихъ азіатскихъ островахъ. Онъ издалъ описаніе своихъ путешествій, которое болѣе интересно по рисункамъ, чѣмъ по тексту.

ли только одного, чтобы непріятель хотя разъ остановился, и доставилъ бы имъ случай къ побѣдѣ. Его Величество скрылъ настоящую цѣль этого обдуманнаго отступленія, такъ что никто не могъ разгадать ее, покуда не настала счастливая развязка.

Князь Меншиковъ велъ переговоры съ гетманомъ Синявскимъ и съ другими польскими сенаторами и магнатами, обезпечилъ себя договоромъ въ ихъ вѣрности и преданности Его Царскому Величеству, и водворилъ доброе согласіе и искреннее дружелюбие между русскими и польскими генералами и войсками. Благонамереннымъ Полякамъ и Литовцамъ розданы были деньги, и колеблющіеся были такимъ образомъ одушевлены къ тому, чтобы общими силами противостать увеличившемуся могуществу и угрозамъ Шведовъ. Крепостныя работы производились день и ночь, на польскихъ границахъ, въ Смоленскѣ, а на казацкихъ — въ Сѣвскѣ.

При новомъ правительствѣ, и особенно по случаю приближенія Шведовъ изъ Саксоніи, трудно было положиться на вѣрность жителей Нарвы и Дерпта, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ вели переписку съ Шведами, жившими въ Ревель и Ригѣ. Потому князь Меншиковъ далъ приказаніе, чтобы они на нѣкоторое время были переселены въ Москву, Казань, Вологду и Устюгъ, и чтобы дерптскія укрѣпленія были разрушены. Хотя коменданты при этомъ случаѣ переступили границы даннаго имъ приказанія, и тѣмъ подали жителямъ поводъ ко многимъ жалобамъ; но это не должно падать на высшее начальство.

Въ 1715 году, жители означенныхъ городовъ были возвращены на родину и получили прежнія права.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ.)

=

Современная Лѣтопись и Политика.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Высочайшій Манифестъ.

ВОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

вѣкроссійскій.

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всенародно:

Послѣ благословеній долголѣтняго мира, западъ Европы внезапно взволнованъ былъ смутами, грозящими ниспроверженіемъ законныхъ властей и всякаго общественнаго устройства.

Возникнув сперва во Франціи, мятежь и безначаліе скоро сообщились сопредельной Германіи и, разливаясь повсемѣстно съ наглостію, возраставшею по мѣрѣ уступчивости Правительствъ, разрушительный потокъ сей прикоснулся, наконецъ, и союзныхъ Намъ Имперіи Австрійской и Королевства Прусскаго. Теперь, не зная болѣе предѣловъ, дерзость угрожаетъ, въ безуміи своемъ, и Нашей, Богомъ Намъ вверенной Россіи.

Но да не будетъ такъ!

По завѣтному призыву Православныхъ Нашихъ предковъ, призывая въ помощь Бога Всемогущаго, Мы готовы встрѣтить враговъ Нашихъ, гдѣ бы они ни предстали, и, не щадя Себя, будемъ, въ неразрывномъ союзѣ съ Святою Нашею Русью, защищать честь имени Русскаго и неприкосновенность предѣловъ Нашихъ.

Мы удостовѣрены, что всякій Русскій, всякій вѣрноподданный Нашъ, отвѣтитъ радостно на призывъ своего Государя; что древній нашъ возгласъ: за вѣру, Царя и отечество, и нынѣ предугажетъ намъ путь къ побѣдѣ: и тогда, въ чувствахъ благоговѣйной признательности, какъ теперь въ чувствахъ святаго на него упованія, мы всѣ вмѣстѣ воскликнемъ:

Съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтесь: яко съ нами Богъ!

Данъ въ С. Петербургъ въ 14-й день марта мѣсяца, въ лѣто отъ Рождества Христова 1848-е, Царствованія же Нашего въ двадцать третіе.

На подлинномъ собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

«НИКОЛАЙ.»

Въ Journal de St. Petersburg, издаваемомъ при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, напечатано:

«Мы на дняхъ сообщили Высочайшій Манифестъ, изданный по случаю смутъ, волнующихъ нынѣ Западную Европу. Всякій вѣрноподданный Царя, конечно, понялъ значе-

ніе сего Манифеста. Это возгласъ вѣры, возгласъ отечества, намъ сродный языкъ, которымъ Русскіе Цари во дни испытанія обыкновенно зываютъ къ своему народу. Но за границею, какъ дѣйствія, такъ и объявленія нашего Правительства часто перетолковываются совершенно въ превратномъ смыслѣ, и потому мы считаемъ не излишнимъ войти въ нѣкоторыя объясненія, дабы предупредить тѣ ложныя заключенія, которыя иностранцы вздумали бы выводить изъ означеннаго Манифеста.

Весьма заблуждались бы тѣ, которые полагали бы, что въ этомъ Манифестѣ заключается что либо, могущее возбудить опасенія касательно нарушенія мира. Ничего подобнаго нѣтъ въ помыслахъ нашего Правительства. Но при непріязненныхъ чувствахъ, явно возбуждаемыхъ противъ насъ за границею, ничего не могло быть естественнѣе воззванія Царя къ русскимъ сердцамъ. Въ самомъ дѣлѣ, не токмо во Франціи, гдѣ даже власти принимаютъ участіе въ замыслахъ польскихъ выходцевъ, но въ Венгріи, въ Пруссіи и въ Германіи вездѣ раздавались враждебные противъ Россіи клики. Эти клики повторяемы были въ публичныхъ совѣщаніяхъ разныхъ сословій, въ представительныхъ собраніяхъ, даже въ полу-официальныхъ газетахъ. Правительствамъ, кои низвергнуты или преобразованы были мятежемъ, ставили въ вину, что они находились въ дружественныхъ сношеніяхъ съ нашимъ Дворомъ. Лишь только узнали о событіяхъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ провозглашеніе республики во Франціи, намъ тотчасъ стали приписывать вопиственные замыслы. Громогласно отвергали союзъ съ Россіею, тогда, когда не могли даже знать, намѣрены ли мы проливать кровь свою за чуждыя намъ распри. Россію старались представлять какимъ-то страшнѣйшемъ. Тогда какъ мы ни кому не думали грозить, стали угрожать намъ самимъ, какъ бы желая тѣмъ предупредить всякое со стороны нашей вмѣшательство.

Мы только можемъ удивляться подобнымъ изъявленіямъ; ибо мы не помнимъ, чтобъ въ нашъ вѣкъ, Россія когда ли-

бо нарушила права Германіи, или въ чемъ либо посягнула на ея независимость.

Достопамятныя событія 1812 года свидѣтельствуютъ о томъ, съ чьей стороны предпринято было непріязненное нападеніе; исторія указываетъ въ пользу ли или во вредъ германскимъ народамъ послужило участіе тогда принятое нами въ ихъ дѣлахъ.

Пусть же успокоятся умы, напрасно встревоженные. Ни въ Германіи, ни во Франціи, Россія не намѣрена вмѣшиваться въ правительственныя преобразованія, которыя уже совершились, или же могли бы еще послѣдовать. Россія не помышляетъ о нападеніи: она желаетъ мира, нужнаго ей, чтобъ спокойно заниматься постепеннымъ развитіемъ внутренняго своего благосостоянія.

Пусть народы Запада ищутъ въ революціяхъ того мнимого благополучія, за которымъ они гонятся. Пусть каждый изъ этихъ народовъ по своему произволу избираетъ тотъ образъ правленія, который признаетъ наиболее себя свойственнымъ. Россія, спокойно взирая на таковыя попытки, не приметъ въ нихъ участія, не будетъ противиться онымъ; она не позабываетъ участіе сихъ народовъ даже и въ томъ случаѣ, если бы и дѣйствительно изъ нѣдръ безначалія и безпорядковъ возникла наконецъ для нихъ лучшая будущность.

Что касается до Россіи, то она спокойно ожидаетъ дальнѣйшаго развитія общественнаго своего быта какъ отъ времени, такъ и отъ мудрой заботливости своихъ Царей.

Всякое общественное устройство, всевозможныя, даже самыя усовершенствованныя формы правленія, имѣютъ свои недостатки. Зная это, Россія почитаетъ первымъ для себя благомъ незыблемость существующаго въ оной законнаго порядка; такъ какъ безъ этого не можетъ существовать ни политическаго могущества въ государствѣ, ни кредита, ни торговли, ни промышленности, ни народнаго богатства внутри онаго, то Россія не попуститъ, чтобъ поколебали

благонадежныя и прочныя ея установленія, столь для нея драгоценныя. Она не потерпитъ, чтобъ чужеземные возмутители раздували въ предѣлахъ ея пламя мятежа; чтобъ подъ предлогомъ возстановленія исчезнувшихъ народностей, покусились бы отторгнуть какую либо изъ частей, составляющихъ въ совокупности своей цѣлость и единство Имперіи.

Если же наконецъ изъ хаоса всѣхъ политическихъ переворотовъ, всѣхъ возбужденныхъ вопросовъ о взаимныхъ правахъ, всѣхъ противоположныхъ стремленій суждено возникнуть войнѣ, то Россія въ свое время разсмотритъ, соотвѣтственно ли или нѣтъ ея выгодамъ, вмѣшаться и до какой именно степени, въ распри между тѣмъ и тѣмъ государствомъ, тѣмъ и тѣмъ народомъ.

Но, она не упуститъ изъ виду того распредѣленія границъ между государствами, тѣхъ взаимныхъ правъ владѣнія, кои освящены ея речательствомъ и рѣшительно не потерпитъ, чтобы въ случаѣ измѣненія политическаго равновѣсія и инаго какого либо распредѣленія областей, подобное измѣненіе обратилось бы къ ущербу Имперіи.

Дотолъ она будетъ соблюдать строгій нейтралитетъ. Не предпринимая никакихъ непріязненныхъ дѣйствій, она будетъ бдительнымъ окомъ слѣдить за ходомъ событій. Однимъ словомъ: Россія не станетъ нападать ни на кого, если только на насъ самихъ нападать не будутъ; она строго воздержится отъ всякаго посягательства на независимость и неприкосновенность сосѣдственныхъ областей, если и сосѣдственныя области съ своей стороны не посягнутъ на собственную ея неприкосновенность и независимость».

ОБОЗРѢНІЕ

СОВРЕМЕННОГО РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ СЪ 15 ФЕВРАЛЯ ПО 15 МАРТА СЕГО ГОДА.

Законы о состояніяхъ.

Государь Императоръ, согласно мнѣнію государственнаго совѣта, 26 января 1847 года Высочайше повелѣть соизволилъ: 1. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ статей 3в Зак. постановить общимъ правиломъ, что вѣсьмъ отсуждаемымъ, по какимъ бы то ни было уваженіямъ, изъ крѣпостнаго состоянія людямъ, дозволяется по желанію ихъ, или вступать въ государственные крестьяне съ водвореніемъ на казенныхъ земляхъ по распоряженію правительства, или причисляться въ городское сословіе на правилахъ, въ статьяхъ 496 и 501 законовъ о состояніяхъ (Св. Зак. т. IX) постановленныхъ. 2. На семъ основаніи разрѣшить и подавшія поводъ къ настоящему вопросу прошенія крестьянъ, отсужденныхъ отъ помѣщика Приклонскаго.

Въ Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату 3 марта сего года, изображено:

Желая дать новое поощреніе земледѣлію и промышленности народной, признали Мы за благо право приобрѣтенія земель и другой недвижимой собственности, нынѣ крестьянамъ разныхъ именованій предоставленное, распространить и на крѣпостныхъ людей, съ оставленіемъ во всей силѣ и неприкосновенности всѣхъ существующихъ нынѣ между сими людьми и владѣльцами ихъ соотношеній.

Въ слѣдствіе сего повелѣваемъ:

1) Крестьянамъ помѣщичьимъ и вообще крѣпостнымъ людямъ предоставить покупать и другими въ законахъ дозво-

ленными способами приобрѣтать въ собственность земли, дома, лавки и всякаго рода недвижимыя имущества, кромѣ лишь имѣній населенныхъ, соблюдая относительно владѣній домами и лавками въ городахъ общія по сему предмету правила. Само собою разумвется, что приобрѣтать такую собственность, а равно и отчуждать оную, крѣпостные люди могутъ не иначе, какъ съ согласія своихъ помѣщиковъ, надлежащимъ образомъ удостовереннаго и, до совершенія акта приобрѣтенія или отчужденія, въ присутствіи ономъ мѣстѣ предъявленнаго.

2) Если бы нѣкоторыми крѣпостными людьми были, въ прежнее время, куплены земли, дома или лавки на имя ихъ помѣщиковъ, то никакихъ о томъ отъ крѣпостныхъ людей споровъ не допускать и никакихъ по онымъ розысканій не дѣлать, дозволивъ впрочемъ помѣщикамъ, по собственному каждаго усмотрѣнію, выдавать владѣющимъ такими имуществами, если только они не находятся въ залогѣ или составъ заложенныхъ имѣній, надлежащія на оныя купчія крѣпости на гербовой низшаго достоинства бумагъ, безъ вниманія пошлннѣ. Выдача такихъ купчихъ безпошлинно на гербовой бумагъ низшаго достоинства дозволяется въ теченіе десятилѣтъ со дня изданія настоящаго указа.

Уставы Государственнаго Благоустройства.

Московскій опекунскій совѣтъ, по случаю предоставленнаго, Высочайшимъ указомъ 8 полбра 1847 года крестьянамъ права выкупаться съ землею, во всеподданнѣйшемъ докладѣ излагалъ предположенія свои касательно измѣненія наблюдаемыхъ по сохранной казнѣ правилъ продажи съ публичнаго торга просроченныхъ въ оной имѣній. Имѣя въ виду, что правила сіи должны быть одинаковы для обѣихъ сохранныхъ казенъ и что означенный предметъ имѣеть отношеніе и къ кредитнымъ учрежденіямъ министерства финансовъ, г. статсъ-секретарь Гофманъ входилъ въ сношеніе съ С.-Петербургскимъ Опекунскимъ Совѣтомъ и съ министромъ

финансовъ, и, получивъ отзывы ихъ, имѣлъ счастье всеподданнѣйше повергать дѣло это на Высочайшее Государя Императора благоусмотрѣніе. Его Императорское Величество, удостоивъ оное разсмотрѣніа, Высочайше повелѣть соизволилъ: постановить въ руководство опекунскимъ совѣтамъ слѣдующія правила: 1) По окончаніи торга или переторжки и по утвержденіи состоявшейся за проданное имѣніе цѣны, принимать отъ покупщиковъ, по прежнему, задатки, составляющіе 10 часть той суммы, какаа состоялась на торгу, и задатки сіи, впредъ до полученія отъ крестьянъ отзыва о желаніи ихъ внести за себя всю состоявшуюся на торгъ сумму, или, въ противномъ случаѣ, объ отказъ ихъ отъ выкупа, обращать въ сохранныю казну вкладомъ. 2) Всякій разъ объявлять покупщикамъ, особыми подписками, что покупка имѣній окончательно будетъ утверждена за ними не прежде, какъ по полученіи отрицательнаго отъ крестьянъ отзыва. 3) По полученіи отзыва обязывать покупщиковъ, въ продолженіе 15 дней внести за имѣнія остальные суммы къ представленнымъ уже въ задатокъ деньгамъ, на которыя съ того времени считать и проценты, рассчитывая по тотъ день и количество долга, числящагося на проданномъ имѣніи и подлежащаго къ уплатѣ или переводу на помѣщиковъ. Въ случаѣ же невзноса покупщиками въ опредѣленный срокъ остальныхъ денегъ, задатки ихъ, по дѣйствию существующихъ правилъ, обращать въ пользу воспитательнаго дома, и имѣнія на счетъ ихъ публиковать вновь въ продажу. 4) Въ случаѣ выкупа крестьянами имѣній, задатки возвращать покупщикамъ съ процентами, хотя бы обращеніе ихъ въ сохранный казнѣ продолжалось меньше шести мѣсяцевъ. 5) Какъ по силѣ Высочайшаго указа 8 ноября 1847 г., выкупающіеся крестьяне, въ случаѣ неявки покупщиковъ, обязаны взнестъ полную оцѣночную сумму, каковая досель въ описяхъ, доставляемыхъ по требованіямъ кредитныхъ учрежденій, не означалась, то поставить губернскимъ правленіямъ въ обязанность, на будущее время, въ описяхъ тѣхъ, послѣ исчисленія получаемаго чистаго дохода, означать и оцѣнку имѣнія, основанную, по

силѣ 3915 ст. Св. Зак. Гражд., на 10 лѣтней сложности годоваго дохода.

Законы уголовные.

По всеподданнѣйшему докладу г. министра государственныхъ имуществъ, Его Императорское Величество 19 января 1848 года Высочайше повелѣть соизволилъ: «Сверхъ губерній архангельской, олонецкой, вологодской, вятской и пермской, по коимъ какъ морское ведомство, такъ и промышленники освобождены уже особо отъ уборки вершинъ и сучьевъ, включить въ сѣверную полосу и смежныя съ ними губерніи: новгородскую, костромскую и казанскую, оставивъ ст. 963 уложенія о наказаніяхъ въ полной силѣ по всемъ прочимъ губерніямъ, которыя въ отношеніи взысканія штрафа за неуборку вершинъ и сучьевъ причислить къ Средней и Южной полосѣ Имперіи.

Правительственные распоряженія.

ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ.

ВОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссийскій, Царь Польскій.

и проч. и проч. и проч.

Обращая вниманіе, что при умножающихся торговыхъ и промышленныхъ сношеніяхъ между подданными Нашими Россійской Имперіи и Царства Польскаго, съ каждымъ днемъ становится болѣе оцѣнительною надобностію ввести въ обихъ крайхъ одинаковыя мѣры и вѣсы,

Повелѣваемъ:

Статья I. Во всехъ казенныхъ и частныхъ дѣйствіяхъ въ Царствѣ Польскомъ, съ 19 апрѣля (1 мая) 1849 г. употреб- лять мѣры и вѣсы, существующія въ Россіи.

Ст. II. Развитие и исполнение сего указа, который должен быть внесенъ въ Дневникъ Законовъ, возлагаемъ на Совѣтъ управленія Нашего Царства Польскаго.

Данъ въ С.-Петербургѣ, 29 января (1 февраля) 1848 г.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, представленія IV округа путей сообщенія о поврежденіи, оказавшемся въ древней крѣпостной стѣнѣ въ г. Коломнѣ, московской губерніи, и о дозволеніи разобрать ветхую часть ея, Высочайше повелѣть соизволилъ: стѣну эту исправить и содержать въ надлежащемъ состояніи. При семъ Его Императорское Величество повелѣть соизволилъ: строго воспретить разрушать памятники древности, и непремѣнно блюсти за ихъ сохраненіемъ.

Государственный Совѣтъ мнѣніемъ, Высочайше утвержденнымъ въ 26 день минувшаго января, положилъ: 1) Въ поясненіе подлежащихъ о почтовой гоньбѣ правилъ, постановить, что нарядъ обывательскихъ на станціи лошадей, исключая нетерпящихъ ни малѣйшаго отлагательства случаевъ путешествія Высочайшихъ особъ, на что изданы особыя правила, вообще строго воспрещается, подъ опасеніемъ обращенія, за неправильныя требованія и распоряженія, всѣхъ издержекъ на виновныхъ. Если же, кроме означенныхъ выше случаевъ, встрѣтится, по какимъ либо особо уважительнымъ обстоятельствамъ, неизбежная надобность въ подкрѣпленіи почтовыхъ станцій; то допускать оное не иначе, какъ наймомъ по добровольной цѣнѣ на счетъ земства, съ соблюденіемъ при семъ установленнаго въ законахъ порядка; но наемъ лошадей при проѣздахъ частныхъ лицъ, хотя бы и служащихъ, дозволить на собственный ихъ счетъ. 2) Поставить въ извѣстность всѣхъ проѣзжающихъ на большомъ числѣ лошадей, что они во избѣжаніе остановокъ на станціяхъ должны сообщаться съ положеннымъ для разныхъ трактовъ комплектомъ почтовыхъ лошадей (показаннымъ въ почтовомъ дорожникѣ), не выпуская

изъ вида, что по нѣскольку лошадей должно всегда оставаться на станціяхъ для почтъ, эстафетъ и курьеровъ.

По положенію комитета гг. министровъ, состоявшемуся 2 декабря 1847 года, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) Предоставить торгующему при С.-Петербургскомъ портѣ купечеству на волю, въ видъ опыта, на четыре года, считая съ будущаго 1848 года, продавать, покупать и отправлять за границу зайчи шкуры, не подвергая оныхъ установленному бракованію, если на сіе будутъ между собою согласны продавецъ и покупатель; въ противномъ же случаѣ браковать эти товары по правиламъ существующей нынѣ инструкціи. 2) Плату браковщикамъ, какъ съ Россійской, такъ и съ иностранной стороны, за зайчишкуры, которыя будутъ бракованы, назначить за тысячу русскихъ зайцевъ по два рубля, а за тысячу бѣлыхъ зайцевъ по одному рублю серебромъ, и за тѣ зайчи шкуры, которыя будутъ отправлены за границу безъ брака, выдавать браковщикамъ, тоже съ каждой стороны: за тысячу русскихъ зайцевъ по одному руб., а за бѣлыхъ по пятидесяти копѣекъ серебромъ. 3) Продавцамъ сихъ товаровъ за границу, вмѣнить въ непремѣнную обязанность, чтобы отправляемые безъ брака зайчи шкуры, имѣли клейма продавцевъ и чтобы, ими, для сохраненія и явственности оныхъ, приняты были надлежащія предосторожности.

Высочайше утвержденнымъ 21 мая 1846 года положеніемъ комитета гг. министровъ, о мѣрахъ къ истребленію волковъ, между прочимъ предоставлено г. министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ г. министромъ финансовъ, постановить правила о порядкѣ выдачи наградныхъ денегъ за истребленіе означенныхъ животныхъ. Во исполненіе таковаго Высочайшаго повелѣнія, составивъ помянутыя правила, конми выдача наградныхъ денегъ за истребленіе волковъ возлагается на земскіе суды, г. министръ внутреннихъ дѣлъ, представляетъ оныя въ правительствующій сенатъ, для зависящаго отъ него распоряженія, присовокупляя, что къ приведенію сихъ правилъ въ дѣйствіе г. статсъ-секретарь Вронченко препятствій не встрѣчаетъ.

Правила о порядкѣ выдачи наградныхъ денегъ за истребленіе волковъ.

Назначеніе и выдача наградныхъ денегъ за убитыхъ волковъ и волчьихъ щенковъ, равно отчетность въ этомъ расходѣ возлагается на земскіе суды, для чего постановляются слѣдующія правила:

а) Земскій судъ выдаетъ немедленно и безъ всякой задержки каждому, кто представитъ сырой волчій хвостъ или сырую шкуру волчьего щенка, за первый по три руб. сер., а за вторую полтора руб. сер.; уездному же ловчому за первый четыре, а за вторую два руб. сер. Отъ шкурокъ волчьихъ щенковъ хвосты отрываются, а самыя шкурки возвращаются хозяевамъ.

б) Дабы не задерживать представляющаго волчьи хвосты или шкурки, въ удовлетвореніи его наградными деньгами, уездное казначейство отпускаетъ земскому суду, по требованію онаго въ, въ началѣ каждой трети примѣрное количество денегъ, не болѣе впрочемъ 10 руб. сер. изъ земскаго сбора, а казенная палата снабжаетъ суды особыми шнуровыми книгами, въ которыя вносятся при каждой выдачѣ наградныхъ денегъ, отъ кого именно, когда и сколько предъявлено волчьихъ хвостовъ или шкурокъ волчьихъ щенковъ. Само собою разумется, что въ случаѣ недостатка вытребованныхъ изъ уезднаго казначейства впередъ, на удовлетвореніе истребителей волковъ, наградныхъ денегъ, такое требованіе можетъ быть возобновлено до наступленія новой трети.

в) Шнуровую книгу, съ остающеюся наличною суммою и поступившими волчьими хвостами, земскій судъ представляетъ къ ежемѣсячной ревизіи общему присутствію, составляемому для ежемѣсячнаго свидѣтельства суммъ въ уездномъ казначействѣ, которое повѣривъ книгу съ наличными суммами и волчьими хвостами, означаетъ послѣдствіе ревизіи въ своемъ протоколѣ и шнуровой книгѣ за подписаніемъ членовъ присутствія, а волчьи хвосты сжигаетъ.

г.) Земскій судъ выдаетъ жалованье Ловчому съ тѣмъ, что если будетъ представлено въ теченіи года 15-ть хвостовъ истребленныхъ взрослыхъ волковъ, то ему и оставляется полное содержаніе: въ противномъ же случаѣ дѣлается у него вычетъ по четыре руб. сер. за каждого недостающаго волка.

Изъ министерства государственныхъ имуществъ выдана 5 февраля сего года патентная привилегія полковнику Василью *Новицкому* на изобрѣтенный имъ конный приводъ къ молотильной машинѣ умершаго механика Неймича. По словамъ изобрѣтателя, придуманный имъ приводъ представляетъ слѣдующія выгоды: не имѣя 9 аршиннаго горизонтальнаго вала съ шестернею, составляющаго почти всю тяжесть для лошадей въ молотильныхъ всякаго рода, вновь изобрѣтенный приводъ оказывается легче на ходу; для приведенія его въ движеніе достаточно двухъ лошадей, тогда какъ для конныхъ приводовъ другаго устройства, требовалось отъ 4 до 8. Да и самая молотба производится съ помощью означеннаго привода гораздо успѣшнѣе, ибо молотильный барабанъ обращается съ большою скоростію, и обмалачиваетъ, въ лѣтній день, самой высокорослой ржи 40, а яроваго 60 копенъ, съ чрезвычайною чистотою. Сверхъ сего, механизмъ этотъ представляетъ еще ту выгоду, что для присмотра, какъ за нимъ, такъ и за самою молотильною машиною, потребно весьма не много рабочихъ, а именно вмѣсто 12 или 14 человекъ, требующихся для работъ при другихъ молотильныхъ, при машинѣ Неймича, съ коннымъ приводомъ изобрѣтателя, нужно не болѣе 7 человекъ, въ томъ числѣ двое взрослыхъ мужчинъ, двѣ женщины и трое мальчиковъ, изъ коихъ два приставлены къ лошадямъ, а третій занятъ выгребаніемъ изъ машины зерна. Устройство молотильни Неймича, съ выше изъясненнымъ коннымъ приводомъ, стоитъ, по объявленію изобрѣтателя, не дороже 225 руб. серебромъ.

ОПРЕДЕЛЕНІЕ И НАЗНАЧЕНІЕ КЪ ДОЛЖНОСТЯМЪ.

Февраля 10. Членъ консультаціи министерства юстиціи дѣйствительный статскій совѣтникъ *Дашковъ*, произведенъ въ тайные совѣтники, съ назначеніемъ присутствовать во 2-мъ отдѣленіи шестаго департамента правительствующаго сената. Дѣйствительный статскій совѣтникъ *Арицисушевъ*, назначенъ председателемъ перваго департамента С. Петербургской управы благочинія. Состоящій въ должности оберъ-прокурора 1-го отдѣленія 3-го департамента правительствующаго сената, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Цеймеръ*, назначенъ членомъ консультаціи министерства юстиціи. Февраля 11. Коменданту г. Риги, генералу отъ инфантеріи *Мандерштерну 1-му*, повельно быть членомъ генералъ-аудиторіата военного министерства. *Назначены:* Февраля 12. Состоящій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, коллежскій совѣтникъ *Вульфъ*, Екатеринбургскимъ вице-губернаторомъ. Февраля 15. Управляющій департаментомъ мануфактуръ и внутренней торговли тайный совѣтникъ *Дружининъ*, Членомъ совѣта министерства финансовъ. Казанскій вице-губернаторъ статскій совѣтникъ *Завелійскій*, состоящимъ въ должности директора департамента мануфактуръ и внутренней торговли. Февраля 19. Производитель дѣлъ канцеляріи статсъ секретаря у принятія прошеній дѣйствительный статскій совѣтникъ *Смирновъ*, Юрисъ-консультъ государственнаго коммерческаго банка, съ 10-го февраля 1848 года и съ оставленіемъ при настоящей должности.

УВОЛЬНЕНІЕ ОТЪ ДОЛЖНОСТИ ИЛИ ОТЪ СЛУЖБЫ.

Февраля 10. По прошенію. Членъ коммисіи прошеній и юрисконсультъ государственнаго коммерческаго банка дѣйствительный статскій совѣтникъ *Рахетъ* отъ должно-

сти юрисконсульта. *Отъ службы:* февраля 18. Главнаго педагогическаго института ординарный профессоръ, статскій совѣтникъ *Зембицкій*, окончившій срокъ службы, на который онъ былъ оставленъ по выслугѣ 25-ти лѣтъ по учебной части.

Пожалованіе въ званіе къ Высочайшему двору.

Февраля 9. Пажъ Александръ *Галль*, пожалованъ въ камеръ-пажи двора Его Императорскаго Величества. Февраля 24. Состоящій по государственному контролю чиновникомъ для особыхъ порученій, титулярный совѣтникъ князь Николай *Енгальцевъ* въ званіе камеръ-юнкера.

НАГРАДЫ.

Произведены:

Въ статскіе совѣтники.

За выслугу лѣтъ, изъ коллежскихъ совѣтниковъ. Февраля 5. Императорскаго училища правовѣдѣнія секретарь совѣта и преподаватель русской словесности въ училищѣ *Ивановъ*. Февраля 8. Старшій лекаръ госпиталя тульскаго оружейнаго завода, докторъ медицины *Моритцъ*. Февраля 11. С. Петербургской обуховской больницы старшій ординаторъ, докторъ медицины и хирургіи *Шклярскій*. Доктора медицины: Воспитательнаго общества благородныхъ дѣвѣцъ старшій врачъ *Корнелиусъ* и Митавскій уездный врачъ *Шиманъ*. Московскаго училища ордена Св. Екатерины врачъ, медико-хирургъ *Графъ*. Февраля 11. Чиновникъ особыхъ порученій министерства финансовъ *Ренишампфъ*. Февраля 17. Бессарабскаго областного правленія совѣтникъ *Семигановскій*. Февраля 22. Наставникъ наблюдатель Полоцкаго кадетскаго корпуса, *Скворцовъ*. Февраля 24. Чиновникъ особыхъ порученій при министерствѣ государственныхъ имуществъ *Фоль-Кронекъ*. Февраля 25. Тифлискій губернской прокуроръ *Андреевскій*.

ПОЖАЛОВАНЫ КАВАЛЕРАМИ ОРДЕНОВЪ:

Св. Благочестиваго Великаго князя Александра Невскаго.

Января 28. Генералъ отъ артиллеріи *Игнатьевъ 1-й*.

Благо Орла.

Января 28. Генералъ-лейтенантъ *Вельяминовъ*. Начальникъ артиллерійскихъ гарнизоновъ С. Петербургскаго округа, генералъ-лейтенантъ *Корсаковъ 1-й*.

Св. Равноапостольнаго князя Владимира 2-й степени.

Января 28. Исправляющій должность инспектора оружейныхъ заводовъ, генералъ-лейтенантъ *Смагинъ*. Февраля 4. Начальникъ 1-го отдѣленія черноморской береговой линіи, свиты Его Императорскаго Величества контръ-адмиралъ *Серебряковъ*. Февраля 13. Тайный совѣтникъ, директоръ канцеляріи государственнаго контроля, *Апрѣлевъ*. Тайный совѣтникъ, генералъ-контролеръ департамента военныхъ отчетовъ, *Хрестіанъ*.

Св. Анны 1-й степени, съ императорскою короною.

Января 28. Испр. должн. инспектора мѣстныхъ арсеналовъ, генералъ-лейтенантъ *Вальцъ 1-й*. Испр. должн. инспектора пороховыхъ заводовъ, генералъ-лейтенантъ *Ваксмуть*. Начальникъ артиллерійскихъ гарнизоновъ дунайскаго округа, генералъ-маіоръ *Долговосабуровъ*. Начальникъ артиллерійскихъ гарнизоновъ финляндскаго округа, генералъ-маіоръ *Волженскій*.

Св. Анны 1-й степени.

Января 28. Начальникъ артиллерійскихъ гарнизоновъ кievскаго округа, генералъ-маіоръ *Калита*. Командиръ запасной артиллеріи гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ, генералъ-маіоръ *Ганичевъ*. Командиръ 2-й саперной бригады, генералъ-маіоръ *Бухмейеръ*. Февраля 4. Командиръ 2-й бригады 24-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіоръ *Домети*.

Св. Станислава 1-й степени.

Февраля 11. Начальникъ штаба войскъ на кавказской линіи и въ черноморіи, генералъ-маіоръ *Филипповъ*. Начальникъ праваго фланга кавказской линіи и командиръ 2-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіоръ *Ковалевскій 1-й*.

Св. Равноапостольнаго князя Владимира 3-й степени.

Октября 20. Командиръ 10-й артиллерійской бригады полковникъ *Пихельштейнъ 1-й*. Ноября 6. Командиръ егерскаго генералъ-адъютанта князя Воронцова полка, полковникъ Баронъ *Меллеръ-Закомельскій*. Ноября 21. Командиръ запасныхъ эскадроновъ 2-й легкой кавалерійской дивизіи, сост. по кавалеріи полковникъ *Краузе*. Ноября 25. Сост. при Его Императорскомъ Высочествѣ Государь Великомъ князь Константинъ Николаевичъ, ст. сов. *Гриммъ*. Ноября 26. Командиръ 2-й бригады 3-й флотской дивизіи, контръ-адмиралъ *Замыцкий*. Ноября 27. Ревельскій плацъ-маіоръ, лейбъ-гв. измайловскаго полка полковникъ *Тунцельманъ*. Ноября 28. Генералъ-маіоры: командиръ 1-й бригады 2-й кирасирской дивизіи *Пуцциъ 3-й*, исправляющій должность начальника штаба своднаго кавалерійскаго корпуса *Щербинскій 2-й* и командиръ ольвиопольскаго уланскаго полка *Бергъ 3-й*, полковники: командиръ кирасирскаго Ея Импе-

раторскаго Высочества Великой княгини Елены Павловны полка *Бергъ 3-й*, Командиръ вознесенскаго уланскаго полка *Левенгагенъ*, командиръ бугскаго уланскаго полка *Глотовъ*, командиръ уланскаго Его Высочества Герцога Нассаусскаго полка *Шевичъ*, командиръ гусарскаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка *Эйтмантъ*, и корпусный штабъ докторъ 2-го резервнаго корпуса ст. сов. *Исполатовъ*. Декабря 6. Свѣты Его Императорскаго Величества генераль-маіоры: исправляющій должность С. Петербургскаго оберъ-полиціймейстера *Галаховъ* и *Яфимовичъ 1-й*. Командиръ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, генераль-маіоръ *Сутгофъ*. Членъ общаго присутствія черноморскаго интендантства, генераль-маіоръ *Баласогло*. Свеаборгскій комендантъ, состоящій по артиллеріи генераль-маіоръ *Альтфатеръ*, командующій запасными гвардейскими эскадронами, состоящій по кавалеріи генераль-маіоръ *Туманскій 1-й*, полковникъ лейбъ-гвардіи уланскаго полка *Клеронъ*, гусарскаго полка: *Фонъ-Герддорфъ* и *Ломоносовъ*, финляндскаго полка *Мясоедовъ 2-й*, литовскаго полка *Житковъ 2-й*, и командиръ батареинной № 1 батареи учебной артиллерійской бригады, л. гв. 1-й артиллерійской бригады *Осраповичъ*. Пермскій вице-губернаторъ дѣйств. ст. сов. *Владиміровъ*. Командиръ 2-го округа военнаго поселенія Кіевской и Подольской губерній, состоящій по кавалеріи полковникъ *Курбановъ*. Командиръ уланскаго Его Королевскаго Высочества Принца Фридриха Виртембергскаго полка полковникъ *Голенищевъ-Кутузовъ 1-й*, и состоящій по артиллеріи полковникъ *Радожницкій*. Членъ инженернаго отдѣленія военно-учебнаго комитета, полевой инженеръ полковникъ *Фельнергаймъ*. Декабря 26. Заслуженный профессоръ Императорскаго Александровскаго лицея, дѣйств. ст. сов. *Оболенскій*. Декабря 27. Помощникъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа, дѣйств. ст. сов. князь *Цертелевъ*. Императорскій королевско-Австрійскій надворный сов. Карлъ *Эшъ*. Января 21. Настоятель Россійскій Посольской церкви въ Лондонѣ Архимандритъ *Поликарпъ*. Января 29. Духовный вице-

президентъ Евангелическо-Лютеранской Конспсторіи *Пауфлеръ*.

Св. равноапостольнаго князя владимира 4-й степени, съ бантомъ.

Октября 25. Полевой инженеръ штабсъ-капитанъ *Подымовъ*. Ноября 6. Егерскаго генераль-адъютанта князя *Воронцова* полка, капитанъ *Тихомировъ*. Ноября 17. Маіоры: тифлискаго егерскаго полка: *Палмологъ* и *Семеновъ*, донскаго казачьяго № 28-го полка войсковый старшина *Бирюковъ*, капитаны: тифлискаго егерскаго полка: *Алужовъ* и *Арсеньевъ*, штабсъ-капитаны: тифлискаго егерскаго полка *Орель*, 21-й артиллерійской бригады *Гуляковъ* и полевой инженеръ *Каменскій* и донскаго казачьяго № 28-го полка сотникъ *Карсановъ*. Ноября 19. Пѣхотнаго фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича Эриванскаго полка, маіоръ *Войтеховскій* и адъютантъ главнокомандующаго отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ генераль-адъютанта князя *Воронцова*: лейбъ-гв. коннаго полка, ротмистръ князь *Васильчиковъ* и лейбъ-гв. гусарскаго полка, штабсъ-ротмистръ князь *Дундуковъ-Корсаковъ*. Ноября 22. Адъютантъ главнокомандующаго отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ, генераль-адъютанта князя *Воронцова*, лейбъ-гв. финляндскаго полка капитанъ князь *Андрониковъ*, самурскаго пѣхотнаго полка штабсъ-капитанъ *Оржешко* и Эриванскаго карабинернаго полка поручикъ *Соколовскій*.

Св. владимира 4-й степени, безъ банта.

Декабря 3. Находящійся въ командировкѣ при намѣстникѣ Кавказскомъ, сост. по главному горному управленію, надв. сов. *Абижъ*. Декабря 27. Императорскій Королевско-Австрійскій надворный секретарь Францискъ *Блумфельдъ*.

Пожалованы медалями:

Февраля 12. *Золотыми*, съ надписью «за усердіе» для пощенія на шеѣ, на *Владимірской* лентѣ: бывшій взем-

скій градской глава 1-й гильдіи купецъ Николай Зуевъ. На Аннинской лентѣ: кяхтинскій 1-й гильдіи купецъ Александръ Кательниковъ. Одесскій градской глава почетный гражданинъ 1-й гильдіи купецъ Яковъ Новиковъ. Февраля 17. Золотою, для пошенія на шеѣ на аннинской лентѣ: нерчинскій 3-й гильдіи купецъ Андрей Корякинъ. Серебряными, съ надписью «за усердіе» для пошенія на шеѣ на аннинской лентѣ: Февраля 12. Казначей коломенскихъ Богоугодныхъ заведеній, 3-й гильдіи купеческій сынъ Михаилъ Корниевъ. Февраля 23. Членъ Вышневолоцкаго отдѣленія Тверской судоходной расправы, 3-й гильдіи купецъ Нечаевъ.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Англія.

Въ нижней палатѣ англійскаго парламента продолжаютъ пренія о налогѣ съ доходовъ (income-tax). Не лишнимъ считаемъ опредѣлить въ какомъ положеніи находится теперь это дѣло. Сначала министерство требовало продолженія на пять лѣтъ прежняго налога, составлявшаго 3% и надбавки еще 2%. На этомъ министерство и основало бюджетъ свой. Встрѣтивъ сильную оппозицію, оно сдѣлало уступку, отказалось отъ надбавочныхъ 2% и требовало только продолженія прежняго налога. Теперь оно принуждено было сдѣлать еще другую уступку, и требуетъ продолженія прежняго налога, вмѣсто пяти лѣтъ, только на три года. А г. Юмъ, сдѣлавшійся предводителемъ оппозиціи въ этомъ дѣлѣ, соглашается продолжить этотъ налогъ только на годъ и требуетъ, чтобы министерство сдѣлало въ издержкахъ по военной части такое сокращеніе, чтобы въ будущемъ году представить бюджетъ, въ которомъ расходы были бы уравновѣшены съ приходами, не смотря на отъѣну налога съ доходовъ. Между тѣмъ этотъ доходъ приноситъ до 37.500,000 рублей серебромъ. Вотъ какого сокращенія издержекъ тре-

буетъ г. Юмъ! По этому вопросу нижняя палата раздѣлилась совершенно новымъ образомъ, еще небывалымъ въ англійскомъ парламентѣ, такъ что съ перваго взгляда трудно и объяснить его. Г. Юмъ приверженецъ системы свободной торговли, а между тѣмъ въ числѣ противниковъ его предложенія много приверженцевъ той же самой системы. Въ числѣ поборниковъ его предложенія, и притомъ самыхъ рѣшительныхъ, очень многіе изъ предводителей прежней партіи тори, приверженцевъ запретительной системы. Такъ напримѣръ, въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій нижней палаты, въ пользу предложенія г. Юма говорилъ г. *д'Израели*. Отчего же происходитъ такое странное раздѣленіе партій? Дѣло въ томъ, что отмены налога съ доходовъ требуютъ по разнымъ причинамъ. Одни не хотятъ, чтобы англійское правительство употребляло огромныя суммы на вооруженія, по-крайней-мѣрѣ бесполезныя, полагая, что въ нынѣшнее время война для всѣхъ народовъ становится все болѣе и болѣе невозможною. Эти, и въ числѣ ихъ г. *Бротертонъ*, негодуютъ на то, что Англія въ мирное время употребила *семь миллиардовъ съ половиною* на военныя издержки, и не рѣшается отступить отъ такой разорительной системы. За этой первой шеренгой противниковъ налога съ доходовъ слѣдуютъ всѣ купцы, всѣ промышленники, для которыхъ этотъ налогъ дѣйствительно чрезвычайно тягостенъ. Если бы налогъ взымался съ чистаго годовичнаго дохода, то онъ былъ бы еще сносенъ. Но онъ взымается съ средняго дохода нѣсколькихъ годовъ. А между тѣмъ не рѣдко случается, что какой-нибудь финансовый кризисъ уничтожаетъ не только доходъ текущаго года, но и прибыли нѣсколькихъ предъидущихъ годовъ, и тогда съ чего же взымается налогъ? Съ капитала, и слѣдственно превращается въ настоящую конфискацію. По этому оппозицію этой части противниковъ налога съ доходовъ понять не трудно. Оппозицію партіи тори то же легко объяснить. Для чего былъ учрежденъ налогъ съ дохода? Для того, чтобы англійское правительство могло отменить или сбавить ввозную пошлину со многихъ иностранныхъ продуктовъ. Партія тори не раздѣляетъ мнѣній г. Юма, касательно умень-

шенія издержекъ по военной части; напротивъ она считаетъ эти расходы необходимыми; но она увѣрена, что отказавшись отъ налога съ доходовъ, правительство снова принуждено будетъ наложить на привозныя статьи пошлины, отмененныя съ 1842 года и составлявшія до 50 милліоновъ рублей серебромъ. Такимъ образомъ для друзей г. *д'Израели*, лорда *Джона Беншика* и другихъ тори, вопросъ о налогѣ съ доходовъ превращается въ вопросъ о свободной торговлѣ и запретительной системѣ. И вотъ почему предложенію г. Юма противятся сирѣ *Робертъ Пиль* и друзья его: они не хотятъ, чтобы разрушено было дѣло, которое они съ такимъ трудомъ совершили въ 1842—1846 годахъ. Такимъ образомъ, если англійское правительство не рѣшится на сильное сокращеніе издержекъ, то останется что нибудь одно: или сохранить тягостной налогъ, противъ котораго возстаетъ почти вся Англія, или покинуть систему свободной торговли. Вотъ въ чемъ заключается теперь этотъ вопросъ — чрезвычайно важный для Англии, и не для нея одной.

Въ засѣданіи 6 марта, при разсмотрѣніи финансовыхъ проектовъ министерства, сирѣ *Р. Пиль* выразился слѣдующимъ образомъ на счетъ французской революціи:

«Правительство весьма хорошо дѣлаетъ, что требуетъ продолженія на три гала сбора съ доходовъ. Правительство принуждено въ настоящее время бороться съ весьма важными затрудненіями, и бѣдствія, поразившія насъ въ послѣднее время, необходимо должны были произвести разстройство въ финансовой политикѣ государства. Конечно, весьма прискорбно, что нашъ бюджетъ безпрестанно возрастаетъ и я налѣюсь, что со временемъ могутъ быть произведены значительныя сокращенія; но если бы эти сокращенія были произведены необдуманно, несвоевременно, то повлекли бы за собою сильное увеличеніе издержекъ. Въ настоящее время нельзя и думать о значительномъ уменьшеніи пособій, которыми правительство можетъ располагать. Скажу откровенно, какая причина заставляетъ меня всеми силами поддерживать предложеніе правительства: это изумительныя происшествія, совершившіяся въ Парижѣ въ теченіе послѣднихъ

двух недель. По моему мнѣнію, это важная причина, не подвергать себя опасности дефицита въ продолженіе трехъ лѣтъ. Несогласно было бы ни съ политикою, ни съ чувствомъ моего долга, еслибъ я вздумалъ входить въ подробности событій, которыя съ такой удивительной быстротою совершались передъ нашими глазами; но я твердо, совершенно убѣжденъ, что здравая политика воспрещаетъ Англіи вмѣшиваться какимъ бы то образомъ ни было во внутреннія дѣла страны, въ которой произошелъ этотъ общественный переворотъ. — Надѣюсь, что мы, какъ и въ прежнія времена, въ состояніи будемъ исполнять всѣ обязанности гостепріимства. Я считаю дѣломъ чрезвычайно важнымъ для человечества, чтобы Англія могла служить убѣжищемъ для жертвъ всѣхъ большихъ политическихъ переворотовъ. Такъ было во всѣ времена; надѣюсь, что также будетъ и нынѣ; но не надобно допускать, чтобы нашимъ гостепріимствомъ пользовались для вмѣшательства въ политическія дѣла Европы. Англія должна служить мѣстомъ убѣжища для жертвъ политическихъ революцій, но не мѣстомъ, гдѣ бы составлялись козни противъ другихъ націй. Правило, годное для монархій, годно также и для республики. Я съ удовольствіемъ узналъ, что наше правительство рѣшилось не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи, и убѣжденъ, что намѣреніе его исполнено будетъ съ полною добросовѣстностію и самымъ строгимъ чувствомъ чести».

— Въ засѣданіи 7 числа нижняя палата занималась биллемъ объ уничтоженіи нѣкоторыхъ, остальныхъ ограниченныхъ въ правахъ римскихъ католиковъ, и отвергла два измѣненія, предложенныя въ этомъ биллѣ гг. *Робертомъ Инглисомъ* и *Генли*.

— Въ засѣданіи 9 марта нижняя палата занималась разсмотрѣніемъ билля о пауперизмѣ въ Ирландіи, и большинствомъ отвергла измѣненіе, предложенное г. *Кравфордомъ*.

— Въ засѣданіи 14 марта, предложеніе г. *Эварта*, о совер-

шенной отмѣны смертной казни, отвергнуто большинствомъ 122 голосовъ противъ 66. Во многихъ городахъ происходятъ *митинги*, но безъ большихъ безпорядковъ.

— Въ засѣданіи нижней палаты 29 марта, сирѣ г. *Гальфордъ* требовалъ, чтобы палата образовалась въ комитетъ для разсмотрѣнія представленнаго въ 1845 году донесенія о пособіи работникамъ, которые занимаются тканьемъ чулокъ и находятся въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Правительство обѣщалось удовлетворить жалобы работниковъ, прибавилъ онъ. Надобно улучшить состояніе народа. Ему отвѣчалъ г. *Юмъ*. «Надобно предоставить хлѣбамъ самымъ условиваться съ своими работниками, сказалъ онъ. Противоположное ученіе весьма опасно. Посмотрите что дѣлается во Франціи. Работники требовали, чтобы временное правительство опредѣлило задѣльную плату. Временное правительство имѣло слабость согласиться на это требованіе. Черезъ годъ палата увидитъ, какія пагубныя послѣдствія произведетъ такое вмѣшательство правительства въ дѣла частныхъ людей. Многие фабриканты и мастера покидаютъ Францію, потому-что не могутъ продолжать дѣла свои на условіяхъ, постановленныхъ правительствомъ. Я утверждаю, что парламентъ не можетъ опредѣлить закономъ условія между хозяиномъ и работниками». Когда приступлено было къ собиранію голосовъ, въ пользу предложенія сира г. *Гальфорда* оказалось 31, противъ его 85; такимъ образомъ оно отвергнуто большинствомъ 54 голосовъ.

— Въ концѣ засѣданія 2 апрѣля билль объ уравненіи Евреевъ въ политическихъ правахъ съ другими англійскими гражданами, не смотря на сопротивленіе оппозиціи, принятъ въ генеральномъ комитетѣ, безъ измѣненій.

— Въ засѣданіи нижней палаты 3 апрѣля, лордъ *Джонъ Россель*, говоря объ ирландскихъ дѣлахъ, объявилъ, что лордъ—намѣстникъ Ирландіи имѣетъ достаточную власть для того, чтобы прекратить волненіе, возбуждаемое въ той странѣ партією, которая желаетъ придать себѣ важность,

но что въ противномъ случаѣ правительство, не обинуясь, потребуетъ еще болѣе обширныхъ средствъ прещенія. Это объявленіе было принято съ громкимъ одобреніемъ.

— Въ послѣднее собраніе решился, *Джонъ О'Коннелъ* объявилъ, что онъ на дняхъ представитъ нижней палатѣ новое предложеніе о расторженіи союза между Англіею и Ирландіею, и если это предложеніе будетъ отвергнуто, то онъ и весь его друзья будутъ систематически сопротивляться всѣмъ предложеніямъ правительства, какія бы онѣ ни были.

— Извѣстія, получаемыя изъ мануфактурныхъ округовъ, весьма печальны. Въ это время обыкновенно получается множество заказовъ изъ Франціи и вообще съ твердой земли. Нынче не до того. Заказовъ нѣтъ; да и тѣ, которые были уже сдѣланы, теперь отменены. Фабриканты поневолю принуждены ограничивать свои дѣйствія, и работники остаются безъ занятій—слѣдственно безъ хлѣба, и цѣлыми тысячами, голодные, бродятъ по улицамъ мануфактурныхъ городовъ. Къ довершенію бѣдствія, многіе англійскіе работники, жившіе во Франціи, возвращаются и умножаютъ число голодающихъ. Впрочемъ, до-сихъ-поръ большихъ безпорядковъ еще не было.

Въ концѣ марта, въ Лондонѣ былъ большой митингъ уполномоченныхъ отъ разныхъ отраслей промышленности. Слушано было донесеніе комиссіи, которая занималась изслѣдованіемъ состоянія ремесленного класса. Изъ этого донесенія видно, что въ Лондонѣ находится 200,000 ремесленниковъ и работниковъ, изъ которыхъ только треть занята, остальные двѣ трети не получаютъ достаточной платы. Треть бываетъ занята только случайно, остальное время кормится продажей или залогомъ своихъ мебели и одежды. Еще треть содержится приходами. Комиссія говоритъ въ заключеніе, что Англія стремится къ кризису, который ниспровергнетъ существующую систему, если не будутъ

приняты въ скоромъ времени дѣятельныя мѣры для улучшенія состоянія рабочаго класса.

Ирландія.

Извѣстія изъ Ирландіи возбуждаютъ живѣйшее безпокойство. Повсюду происходятъ сходбища; общество репимеровъ собирается часто; во всѣхъ этихъ собраніяхъ проносятся самыя возмутительныя рѣчи. *Times* говоритъ объ этомъ между прочимъ слѣдующее: «Несчастной Ирландіи угрожаетъ если не междоусобная война, то по-крайней-мѣрѣ кровопролитныя столкновенія. Лорду *Кларэндоу* (лорду-наместнику Ирландіи) остается только дѣйствовать и дѣйствовать съ величайшей энергіею, не для того, чтобы поддержать въ Ирландіи владычество Англіи, которое разрушено быть не можетъ, но чтобы предохранить жителей Дублина, Лимерика, Керка, Ватерфорда отъ борьбы дерзкой и отъ страшнаго преслѣдованія за рѣчи, произнесенныя начальо судебное преслѣдованіе за рѣчи, произнесенныя нѣкоторыми лицами, со всѣхъ сторонъ слышатся угрозы, которыхъ вице-король оставить безъ вниманія не можетъ. Ирландскіе измѣнники отнюдь не отрекаются отъ своихъ словъ; рѣчи *Джона Берри*, *Дуффи*, *О'Гормена*, *Рейли*, *Митчелля*, *Догени*, слишкомъ ясны. Впрочемъ стратегія этихъ господъ и ихъ воззванія къ народнымъ пикамъ нисколько не устрашаютъ насъ. Мы и не думаемъ сравнивать лорда *Кларэндона* съ Людовикомъ Филиппомъ, дублинскій народъ съ парижскимъ и коменданта укрѣпленій съ герцогомъ Немурскимъ. Мы даже не предвидимъ сильной борьбы, но боимся, чтобы гг. *Мигеръ* и компанія не произвели столкновенія, въ которомъ будетъ пролита невинная кровь. Это-то столкновеніе мы и советуемъ лорду-наместнику стараться предупредить всѣми возможными средствами».

— Въ другомъ журналѣ, *Morning Chronicle*, напротивъ того, говорятъ: «Мнѣнія о пользѣ и своевременности су-

дебныхъ преслѣдовавшій за рѣчи, произнесенныя въ публичныхъ собраніяхъ, весьма не одинаковы. Правительство находится въ Ирландіи въ самомъ затруднительномъ положеніи. Неудовольствіе мало-по-малу проникаетъ во все низшіе классы народа и поддерживается тамошними журналами, въ особенности газетою *United-Irishman*. Ихъ читаютъ и ремесленникъ, оставшійся безъ работы, и торговецъ, который близокъ къ банкротству, и даже люди высшихъ классовъ, которые почему либо недовольны правительствомъ. Народъ вооружается и обучается владѣть оружіемъ. Впрочемъ полиціи въ Ирландіи много, войскъ тоже, они готовы дѣйствовать по первому приказу; а средніе классы привержены къ закону и порядку; но заблужденный народъ стремится къ своей гибели». Въ заключеніи своей статьи *Morning Chronicle* признается, что зло въ Ирландіи много и что это зло нельзя искоренить иначе, какъ совершеннымъ преобразованиемъ управленія этой страной.

Франція.

Въ предъидущей книгѣ Сына Отечества, мы сообщили нашимъ читателямъ о переворотѣ, происшедшемъ во Франціи. Король Людовикъ Филиппъ отказался отъ короны въ пользу малолѣтнаго внука своего, графа Парижскаго, и назначилъ регентшею герцогиню Орлеанскую. Но и это регентство не состоялось. Нѣкто, господинъ Кремье, оппозиціонный депутатъ изъ жидовъ взбѣжалъ на каѳедру бывшей французской палаты депутатовъ. Этотъ жидъ сказалъ рѣчь толи въ французской черни, которая ворвалась въ бывшую палату, и толпа одобрила рѣчь жидка. Провозгласили республику, и пошла неурядица, началось безначаліе, которое, какъ известно изъ исторіи, какъ убѣжденъ всякій умный человекъ, составляетъ бѣдствіе во сто разъ гибельнѣе и ужаснѣе холеры.

Вотъ въ какомъ свѣтѣ представляютъ сами Французы дѣй-

ствія временнаго правительства. Газета *la Presse*, въ номеръ своемъ отъ 5 марта, разсматривая въ длинной статьѣ все дѣйствіе временнаго правительства, говоритъ: «Уничтожайте должности не нужныя, но не захватывайте ихъ сами. Правительству теперь всего нужнѣе довѣренность; а вы своими необдуманными дѣйствіями губите ее въ самомъ зародышѣ; вы своимъ поведеніемъ оправдываете министровъ, которыхъ сами осудили. Хорошо издавать прокламаціи къ народу, чтобы остановить грабежи домовъ; еще лучше было бы не подавать ему примѣра, заграблывая все доходныя мѣста, все выгодныя должности безъ занятій. Хорошо клеймить злоумышленниковъ; еще лучше было бы не подражать имъ, отнимая все мѣста, безъ малѣйшаго вниманія къ заслугамъ. Знаете ли, что дѣлаютъ тѣ, которые поступаютъ такимъ образомъ? Они набираютъ голоса въ пользу регентства, увеличиваютъ число его приверженцевъ. Вотъ что вы еще сдѣлали дурнаго. Вы потеряли драгоценное время. Вы посѣяли безпорядокъ тамъ, гдѣ надобно было поддерживать порядокъ, разпространили опасенія тамъ, гдѣ надобно было возстановить довѣренность, изгнали *преданіе* и посадили на его мѣсто, не *успѣхъ*, а *неопытность*; отняли мѣста у чиновниковъ безукоризненныхъ и отдали эти мѣста людямъ съ дурною репутаціею, первымъ попавшимся, самымъ жаднымъ искаателямъ мѣсть. Это реакція. Вы придали Тюльрійскому дворцу назначеніе тщеславное и лживое, котораго онъ сохранить не можетъ. Если вы любите народъ, такъ не обманывайте его. Вы безо всякаго права вмѣшались въ дѣло между работникомъ и хозяиномъ, сократили рабочіе часы, измѣнили множество обычаевъ, дурныхъ или хорошихъ, но уже существующихъ, давно принятыхъ. Вы покровительствуете сильнымъ противъ слабыхъ: заслуга небольшая. Сократить рабочіе часы было не мудрено, но если современемъ потребленіе уменьшится и работы не будетъ, что сдѣлаете вы, чтобы доставить работу и дать хлѣбъ нуждающимся? Еще подобный ударъ нашей вишней торговлѣ, и Англія не только признаетъ французскую республику, но воздвиг-

гнать ей колонны и статуи въ скверахъ Лондона, Бирмингэма и Ливерпуля. Вы уничтожили старинныя титулы, которые не давали никакихъ привилегій. Это анахронизмъ, не реформа, а контрафакція. Вы оттолкнули людей, которые подавали вамъ руку, отказались безъ всякой причины отъ содѣйствія драгоценнаго. Вы отняли у нашихъ учебныхъ заведеній знаменитыя имена, и имя Святаго Людовика замѣнили именемъ — *Шень!* Вы отняли у улицы Рамбюто имя, которое принадлежало ей по всей справедливости. Это бездѣлки, мелочи, скажете вы; да, но эти мелочи кажутся важными симптомами; во всякомъ случаѣ это грубая безсмыслица. Вы отправили изъ Франціи принца Людовика Наполеона, который еще такъ недавно сидѣлъ въ Гамской крѣпости. Поступать такимъ образомъ значить оправдывать прошедшее. Если бы, открывая тюрьмы, въ которыхъ содержались политическіе преступники, вы вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнили законы, которыми изгнаны изъ Франціи фамиліи Карла X и Наполеона, вы бы выказали свою силу и внушили довѣренность. Вы отложили уплату по векселямъ на десять дней. Тѣ, которые жалуются, что это средство недостаточное, совершенно правы. Кризисъ все-таки будетъ, только немножко позже. Можно было придумать средство получше этого, и во всякомъ случаѣ не дожидаться этого срока, чтобы учредить учетную контору для мелкой торговли: поступать такимъ образомъ, значить ждать, чтобы въ ранѣ открылся уже антоновъ огонь и тогда только начинать лечить ее. Вы сначала объявили, что штемпельная пошлина должна быть взыскиваема по прежнему; на другой день вы отчасти отмѣнили декретъ, изданный наканунѣ, объявивъ, что штемпельная пошлина будетъ отмѣнена за десять дней до выборовъ. Первая ошибка, усиленная второю, да потомъ еще и третьею! Нужно знать, чего хочешь и что можешь. Это походитъ на дѣйствія Людовика-Филиппа, который вмѣсто г. *Гизо*, хотѣлъ сдѣлать первымъ министромъ г-на *Моле*, потомъ г-на *Тьера*, потомъ отказался отъ престола... но уже поздно! И сколько важныхъ вещей, которыя нужно и можно было

сдѣлать, и которыхъ вы не сдѣлали, потому-что занимались мелочами, пустяками!» Подъ статьею подписано: *Эмиль-Жирарденъ.*

Лондонская газета Times говоритъ слѣдующее о будущности Франціи. «Теперь уже нѣтъ никакого сомнѣнія: французская республика дойдетъ до народной тираніи. Нынче, какъ и въ 1793 году, повелѣваетъ чернь. Чтобы убѣдиться въ этомъ, довольно посмотреть, какъ различныя депутаціи и просители, съ утра до вечера, осаждаютъ временное правительство, которое и безъ того завалено дѣломъ. Адрессы, ему представляемые, очень походятъ на прошенія, которыя нѣкогда подавали конвенту. Во всѣхъ классахъ господствуетъ жажда къ золоту и организація труда самое сильное ея выраженіе. *Луи Бланъ*, принужденный осуществить наконецъ неопредѣленные коммунистскія теоріи, которымъ онъ обязанъ своею популярностію, находится въ самомъ затруднительномъ положеніи. До сихъ поръ онъ могъ предложить только полу-мѣры и временныя средства, но народъ скоро потребуетъ, чтобы надежды, неосторожно въ немъ возбужденныя, были исполнены. Правительство не можетъ удовлетворить пролетаріевъ, не произведя всеобщаго банкротства. Съ другой стороны оно не можетъ отпріиуть требованій тѣхъ классовъ народа, въ рукахъ которыхъ находится теперь матеріальная власть. Послѣдствія такого порядка вещей предвидѣть не трудно: другаго послѣдствія, кромѣ совершенной анархіи, и быть не можетъ. Средніе классы, конечно, будутъ стараться удерживать народъ; они постараются соединиться и захватить власть въ свои руки; но что они могутъ сдѣлать? Гражданство (*la bourgeoisie*) не любимо народомъ, и не только не въ состояніи отратить анархію, но сдѣлается одною изъ первыхъ жертвъ ея. Что касается до временнаго правительства, то власть его со дня на день ослабѣваетъ. Оно не умѣло поддерживать довѣренности и своими мѣрами ускорило финансовый кризисъ, потому-что вмѣсто того, чтобы тщательно сберегать средства, которыми рас-

полагало, оно истощало их безразсудно и принимало на себя обязанности, которых не въ состояніи выполнить никакое правительство, никакое гражданское общество. Какъ сдержатъ обѣщаніе на счетъ учрежденія національныхъ мастерскихъ, непрерывнаго продолженія публичныхъ работъ? Какъ удовлетворить кредиторовъ государства, гдѣ найти средства вести въ случаѣ нужды войну, какъ удовлетворить проидохъ, которые со всѣхъ сторонъ устремляются на страну, когда доходы все истощаются и источники народнаго богатства изсякаютъ? Черезъ нѣсколько недѣль финансовыя затрудненія далеко превзойдутъ тѣ, которые были въ 1790 и 1830 годахъ. Теперь о нихъ не говорятъ, какъ говорили въ тѣ времена, потому-что боятся выразить мнѣніе, которое показалось бы неприязненнымъ къ республикѣ. И нѣтъ средства отвратить эти затрудненія, потому-что правительство, которое выйдетъ изъ среды національнаго собранія, не можетъ соответствовать важности обстоятельствъ. Известно, что это собраніе, на основаніи циркулярв гг. *Карно* и *Ледрю-Роллена*, должно состоять изъ людей, ничего не имѣющихъ, которые обязаны опредѣлить права лицъ, владѣющихъ собственностію, и изъ людей безъ всякаго воспитанія, которые должны будутъ устроить все, что касается до просвѣщенія. Все это необходимо должно подѣйствовать и на внѣшнее могущество, и на внутренній миръ Франціи.»

Одинъ французскій журналъ изображаетъ такимъ образомъ нынѣшнее состояніе парижской фабрикаціи: «Многіе фабриканты и мастера, снова начавшіе свои работы, принуждены были ихъ оставить; одни отъ недостатка заказовъ, другіе отъ невозможности удовлетворить требованіямъ работниковъ. Одинъ изъ нихъ, утраченный дерзкимъ обращеніемъ послѣднихъ, впалъ въ сумасшествіе, и семейство принуждено было отправить его въ домъ умалишенныхъ. Если парижская промышленность будетъ еще нѣсколько недѣль въ такомъ же состояніи, въ какомъ она находится теперь, то неминуемымъ слѣдствіемъ этого будетъ ея погибель; ибо капиталы, которые ее поддерживаютъ, исчезнутъ. Нѣтъ ни одного человѣческаго

закона, которымъ бы можно было принудить фабриканта, ничего не имѣющаго, доставлять занятіе своимъ работникамъ; также вѣроятно и то, что иностранцы никогда не согласятся покупать наши произведенія, по двойной или даже тройной цѣнѣ, если недостатокъ въ работникахъ или принужденное возвышеніе заработной платы заставитъ насъ повысить цѣны. Пока Франція не достигнетъ того, чтобы она была въ состояніи уничтожить всѣ соперничающія съ нею фабрики во всѣхъ пяти частяхъ свѣта, до тѣхъ поръ если наши работники откажутся работать на приличныхъ условіяхъ, ея фабрики, не будучи въ состояніи соперничать съ иностранными, закроются или будутъ перенесены за границу.»

Газета *Constitutionnel* приводитъ фактъ, угрожающей опасностію промышленности отъ уменьшенія рабочихъ часовъ на фабрикахъ. Одинъ владѣлецъ огромной бумажной фабрики показалъ, что его тикъ возвысился въ цѣнѣ на 5 процентовъ, и необходимое слѣдствіе этого есть то, что онъ не можетъ соперничать на другихъ рынкахъ съ чужими издѣліями.

Одинъ писатель, известный по своимъ республиканскимъ мнѣніямъ, г-нъ *Вейль*, (*Weill*), напечаталъ въ Газетѣ *La Presse* слѣдующее письмо къ редактору. «Я всегда былъ республиканцемъ. Я доказывалъ это и моими дѣлами, и моими писаніями. Но я начинаю замѣчать, что легче было быть республиканцемъ при Людовикѣ-Филиппѣ, нежели подъ республиканскимъ правленіемъ быть чѣмъ бы то ни было; однимъ словомъ, кажется, что свободы всего меньше въ царствованіе свободы.

«Циркуляръ г. *Ледрю-Роллена* о выборахъ, какъ двѣ капли воды схожъ съ циркуляромъ, который г. *Дюшатель* издалъ въ 1845 году. Разница только въ цвѣтѣ. Г. *Дюшатель* требовалъ депутатовъ хорошихъ или плохихъ, только министерскихъ; г. *Ледрю-Ролленъ* требуетъ республиканцевъ, хоть бы самыхъ ничтожныхъ.

«Этого еще мало.

«Газеты *le National, la Réforme* и *la Démocratie* объявляютъ безъ церемоній, что тотъ, кто не республиканецъ—измѣнникъ.

«Г. Лизо называлъ только слѣпыми и врагами, тѣхъ, которые не принадлежали къ его партіи. Съ тѣхъ поръ мы далеко ушли. Кто не раздѣляетъ мнѣній гг. редакторовъ газетъ *le National, la Réforme* и *la Démocratie*, тотъ не слѣпъ (на слѣпаго сердиться нельзя), не врагъ (съ врагомъ можно помириться); но онъ измѣнникъ, то есть, человекъ, который стоитъ, чтобъ его разорвать на куски.

«Вотъ свобода, которую обѣщаютъ намъ эти господа, мои вчерашніе друзья; вотъ успѣхъ, который они проповѣдовали.

«Дѣло въ томъ, говорить онъ далѣе, дѣло въ томъ, что теперь начинаются времена страха—не гильотины, но подозрѣнія и доносовъ. Они боятся, что другіе не раздѣляютъ ихъ мнѣній. Значитъ, они не увѣрены въ самихъ себѣ; значитъ, ихъ мнѣніе односторонне и запятано эгоизмомъ.

«Слѣпые друзья временнаго правительства, говоритъ г. Вейль въ заключеніе, дѣйствуютъ такъ, что—право, я боюсь—скоро весь, не исключая даже искреннихъ республиканцевъ, будутъ желать, а можетъ быть и не только что желать, избавиться отъ свободы, которая не что иное какъ пустое слово, и отъ братства, которое чертовски похоже на братство глухонемыхъ.»

— Финансовое положеніе Франціи становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Государственный кредитъ исчезъ: облигаціи продавались 3 апрѣля на биржѣ, пятипроцентныя, по 55 фр. за 100, трехъ-процентныя по 35 ф. 25 с. (23 февраля курсы были слѣдующіе: 5% займа 116 ф. 75 с. 3% 74 ф. 10 с.); акціи банка, съ 3,180 ф. упали до 1,435. Банкирскіе дома прекращаютъ свои платежи; торговля остановилась; фабрики такъжв. И все это сдѣлалось не годами; нѣтъ въ какія шибудь шесть недѣль, несчастная

Франція съ вершины благосостоянія низвергнулась до дна бездны, которая называется государственнымъ банкротствомъ. Бѣдствіе поражаетъ весь классы народа. Вотъ что говорить объ этомъ *Journal des Débats*: «Кризисъ тяготеетъ надъ всѣми. Мы далеки оттого, чтобы отрицать, или даже умалять страданія многочисленнаго класса, который кормится работою рукъ своихъ. Никто больше насъ не увѣренъ въ томъ, что ни національныя мастерскія, ни раздача пособій натурою и деньгами, ни искусственная работа, не могутъ замѣнить естественное распредѣленіе народнаго богатства, которое производится свободною работою. Общество, конечно, страдаетъ, но страдаетъ все, въ полномъ своемъ составѣ. Работникъ не имѣетъ занятія, за то и купецъ не продаетъ, владельцы домовъ не получаютъ платы за квартиры; у банкира руки полны денежными бумагами, которыя теперь уже не въ ходу. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, это было чистое золото, теперь простая бумага, и многіе дома, которые, по справедливости, считались прочными, пали, хотя ихъ кредитъ въ десятеро больше того сколько бы нужно было, еслибъ имѣющіяся у нихъ долговые документы можно было превратить въ деньги. Эта биржевая знать, какъ ихъ еще недавно называли, не прячетъ своихъ денегъ въ сундуки. Богатство банкирскихъ и торговыхъ домовъ состоитъ въ кредитѣ и огромныхъ оборотахъ. Ихъ капиталы, въ видѣ облигацій государственныхъ займовъ, акцій желѣзныхъ дорогъ, тѣсно связаны съ благоденствіемъ государства, разсыяны во множествѣ предпріятій и переходятъ изъ рукъ въ руки. Какую же цѣну имѣютъ ренты теперь? что стоятъ акціи желѣзныхъ дорогъ? какое предпріятіе идетъ успѣшно? Бура подула своимъ убійственнымъ дыханіемъ на эти богатства, которыя считались колоссальными, и они исчезли въ нѣсколько дней. Наши бывшіе Крезы отсылаютъ свое столовое серебро на монетный дворъ для передѣлки въ деньги. Всѣ, которымъ посчастливилось продать своихъ лошадей, хоть за самую ничтожную цѣну, продали ихъ. Кризисъ налегъ не только на имущества, состоявшія въ кредитныхъ бумагахъ: имущества движимыя и недвижимыя такъ

же сильно пострадали отъ него. Попробуйте-ка теперь добыть денегъ, продавъ предметы роскоши, богатая мебель, драгоценныя библіотеки, статуи или картины! А между тѣмъ владѣлецъ дома, которому жильцы не платятъ, долженъ однакожь платить налоги, увеличенные почти цѣлой половиною; купецъ, который ничего не продаетъ, принужденъ однакожь платить повинности и содержать своихъ приказчиковъ. Платящихъ подати пригласили теперь же, не дожидаясь сроковъ, уплатить то что слѣдовало съ нихъ за цѣлый годъ; они уплатили съ величайшей готовностію. Потому, прямые налоги увеличены 45%. Никто не ропталъ, никто не позволилъ себѣ ни малѣйшей жалобы. Плательщикъ податей только что вышелъ изъ конторы сборщика, и тотчасъ воротился туда, чтобы уплатить этотъ новый налогъ. Между тѣмъ временное правительство отсрочило на полгода платежъ по билетамъ государственнаго казначейства. Мѣра была жестокая; но ей безропотно покорились. Понадобятся, можетъ быть, еще и другія жертвы.»

ШВЕЦІЯ.

Изъ Стокгольма отъ 21 марта пишутъ, что 18 и 19 марта, общественное спокойствіе въ столицѣ было нарушено. Въ первый день, король сѣлъ на коня, и, сопровождаемый принцами, отправился по улицамъ. Встрѣчаемый повсюду громкими привѣтствіями, онъ увѣщевалъ мятежниковъ разойтись, — и все успокоилось. Но въ воскресенье чернь начала кидать камнями въ войска, такъ что войска принуждены были прибѣгнуть къ своему оружію, особенно послѣ того, какъ комендантъ былъ тяжело раненъ. Многіе изъ мятежниковъ взяты подъ стражу, и спокойствіе снова водворилось. 20 марта депутаціи поселянъ и гражданъ явились къ королю, чтобы изъяснить Его Величеству свое сожалѣніе объ этихъ безпорядкахъ и увѣрить его въ своей готовности ему содѣйствовать. Неизвѣстно, чему приписать эти

мятенія; никто не знаетъ ни причины, ни цѣли ихъ. На биржѣ пожертвованы по подпискѣ значительныя суммы для раздачи въ награду муниципальнымъ начальствамъ, которые откроютъ зачинщиковъ этого мятежа.

Данія.

Въ герцогствѣ Шлезвигъ-Голштинскомъ произошли важныя событія. 24 марта, утромъ въ 2 часа, въ Киль образовалось временное правительство. Оно состоитъ изъ Безеле-ра, принца Фридриха Шлезвигъ-Голштинскаго, Реветтлова, и Шлихта. Временное правительство герцогства Шлезвигъ-Голштинскаго издало слѣдующую прокламацію:

«Сображдане! Нашъ герцогъ принужденъ былъ народнымъ волненіемъ въ Копенгагенъ уволить прежнихъ своихъ совѣтниковъ и принять непріязненное положеніе противъ герцогства. Воля властителя уже болѣе не свободна и государство осталось безъ правительства. Мы не потерпимъ, чтобы германская земля была подвержена нападѣніямъ Датчанъ. Большія опасности требуютъ большихъ мѣръ; для защиты границъ, для сохраненія порядка нужно правительство. Покоряясь необходимости, мы приняли на себя управленіе, которое должно обезпечить права народа. Мы немедленно созовемъ собраніе государственныхъ чиновъ и передадимъ ему принятую нами власть, пока Государь будетъ свободенъ или пока собраніе государственныхъ чиновъ назначитъ другихъ лицъ для управленія государственнымъ дѣлами. Мы присоединимся всѣми силами къ усиліямъ Германіи, клонящимся къ единству и независимости. Приглашаемъ всѣхъ благомыслящихъ жителей страны соединиться съ нами. Докажите германскому отечеству патриотической духъ, которымъ исполнены жители Шлезвигъ-Голштейна. Отсутствующій адвокатъ Бремеръ будетъ членомъ временнаго правительства.—Киль, 24 марта 1848 г.»

Изъ Рендсбургга, отъ 25 марта пишутъ: Между герцогствами и Даніею объявлена война. Временное правительство

герцогство отправил г. *Клауссена* въ Берлинъ, а г. *Шлеймана* въ Ганноверъ, просить пособія войсками для обороны границъ, и инженеровъ для устройства батарей по берегамъ.

Германія.

Касательно Германіи мы представимъ общій взглядъ на современное состояніе Германскаго союза, помѣщенный въ послѣднихъ нумерахъ *Journal de St. Pétersbourg*.

«Германія, почти безъ всякаго исключенія, предана такой анархіи, что трудно становится слѣдовать за пагубными безпорядками, которые происходятъ непрерывно и повсюду. Однакожь по всей Германіи замѣтно два главныхъ движенія. Во-первыхъ, восторженная оппозиція нашла помощниковъ въ черни и съ помощію ихъ исторгла у правителей уступки, которыя предали власть на произволъ мятежниковъ. Безпорядокъ сдѣлался нормальнымъ состояніемъ государствъ Германскаго Союза. Въ Мюнхенѣ бунтуютъ подъ предлогомъ, что тамъ гдѣ-то скрывается *Лола Монтессъ*. Въ Констанцѣ собираются провозгласить республику. Въ Карлсруэ корифеи анархической партіи по собственному произволу созываютъ всѣхъ лицъ, пользующихся во всей Германіи правомъ избранія, чтобы рѣшить судьбу Германіи. Подобныя сцены повторяются почти во всѣхъ городахъ. Это головокруженіе заразило даже Вьну и Берлинъ. Въ газетахъ еще мало подробностей о событіяхъ, которыя тамъ происходили; но уже можно судить о ихъ пагубной важности. Рядомъ съ этимъ движеніемъ идетъ другое: возмущеніе поселенъ, которые грабятъ и жгутъ. Это движеніе началось въ Гейльбронъ и уже распространилось по всей Франконіи. Это возмущеніе походитъ на то, которое происходило во времена реформаціи и, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть послѣдствіемъ тѣ же неистовства, породить тѣ же опасности.

«Поэтъ *Гервегъ*, командиръ легіона, назначеннаго для то-

го, чтобы произвести, если можно, еще болѣшую революцію въ Германіи, по послѣднимъ извѣстіямъ, еще не выѣзжалъ изъ Парижа; но работники уже направляются, шайками, къ границѣ. Этѣхъ людей всячески поощряли къ походу, во-первыхъ, чтобы избавиться отъ массы работниковъ и тѣмъ уменьшить соперничество, и потомъ чтобы распространить и на другія страны *благодѣлія* народнаго управленія, существующаго въ Парижѣ. Министръ *Гагернъ* замѣтилъ въ дармштадтскихъ палатахъ, что поощренія къ этѣмъ новаго рода набѣгамъ, легко могутъ возмутить дружественныя отношенія между Германіею и Франціею. Баденское правительство гораздо снисходительнѣе. Филантропія не позволяетъ ему «лишать несчастныхъ возможности возвратиться къ началамъ порядка»; почему эти работники и будутъ отправляемы въ прежнія мѣста своего жительства на счетъ разныхъ германскихъ владѣній. Гервеговъ легіонъ, вѣроятно, будетъ пріятно удивленъ, получивъ путевыя деньги для исполненія предписанной парижской пропаганды.

«Послѣ нашествія республиканскихъ нѣмецкихъ работниковъ, въ Южной Германіи ожидаютъ нашествія французскихъ пролетаріевъ, и уже разнесся слухъ, что 20 или 40 тысячъ человекъ разсылались по великому герцогству Баденскому и грабятъ жителей.

«Впрочемъ, германскіе законодатели мало заботятся объ этѣхъ мелочахъ: все время ихъ занято помышленіями объ организаціи Германіи, единой и нераздѣльной. Сколько государствъ, столько и проэктвъ; сколько городовъ, столько и измѣненій въ этѣхъ проэктахъ. Одни хотятъ германской республики; этѣхъ не много, но изъ своей главной квартиры, Мангейма, они раздуваютъ самыя дурныя народныя страсти, и, при помощи парижскаго легіона, могутъ произвести большіе безпорядки. Затѣмъ съѣздуетъ партія, которая не объявляетъ себя въ пользу республики; но хочетъ того же, только съ тѣмъ, чтобы это не называлось республикою; предводителями этой партіи баденскіе депутаты, которые предлагаютъ устроить Германію на манеръ Соеди-

непныхъ Штатовъ и также съ президентомъ. Подраздѣленіе этой партіи желаетъ устроить нечто въ родѣ швейцарскаго сейма—все это однакожь, если вѣрить программамъ, безъ всякаго нарушенія власти государей. За этими выступаютъ на поприще тѣ, которые желаютъ, чтобы Германія каждые пять лѣтъ избирала Императора, и наконецъ тѣ, которые хотятъ, чтобы Императоръ былъ наследственный. Будетъ о чемъ поспорить, а кто имѣлъ удовольствіе читать пренія нѣмецкихъ палатъ, тотъ знаетъ, что тамъ не покинуть предмета, не истощивъ его. Однакожь, кто бы ни былъ, Императоръ, король, или президентъ германскій, надобно назначить кого нибудь на это мѣсто, и нѣмецкіе журналы стараются облегчить этотъ выборъ, заранее устраняя всѣхъ возможныхъ кандидатовъ.

«Соперничество племенъ, противоборство сѣвера съ югомъ Германіи, находятъ въ этомъ вопросѣ обильную пищу, прекрасный случай выказаться и укрѣпиться. Кто бы подумалъ, однакожь, что это противоборство не чуждо послѣднимъ событіямъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Въ Вѣнѣ бюргеры радовались всего болѣе тому, что предупредили своихъ берлинскихъ собратій, а Берлинцы ужасно досадовали, что отстали отъ Вѣнцевъ.

«Теперь, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы назначить кого нибудь на первое мѣсто, или, лучше сказать, поспорить за первое мѣсто, противоборство между сѣверомъ и югомъ проявляется сильнѣе, чѣмъ когда нибудь, и разные адреса покрываются подписями не для того, чтобы дѣйствовать въ пользу котораго либо изъ германскихъ Государей, а чтобы устранить того или другаго. По всѣмъ проэктамъ, кромѣ Государя, который будетъ главою конфедерации, должны быть еще національный парламентъ и отвѣтственные министры. Парламентъ будетъ избираемъ Германскимъ народомъ, министерство должно состоять изъ уполномоченныхъ отъ союзныхъ государей. Ясно, что это проэктъ организаціи, какъ нельзя болѣе удобный для того, чтобы придать единство новой власти, которую предложили образовать, и чтобы осуществить то что въ Германіи называютъ теперь един-

ствомъ въ разнообразіи. Государь, окруженный отвѣтственными министрами, которыхъ назначать не онъ, и подкрѣпленный парламентомъ, который отъ него не зависитъ! Въ ожиданіи пока все это будетъ надлежащимъ образомъ разсмотрѣно и многоглаголиво обсуждено, баденское правитель-ство уже образовало округа въ 50 и во 100,000 жителей для избранія членовъ германскаго парламента. Чтобы быть избраннымъ, надобно только имѣть тридцать лѣтъ отъ ро-ду, и больше ничего.»

— Король баварскій, 20 марта, отказался отъ престола въ пользу сына своего, кронъ-принца, Максимилиана. 21 марта, Баварцы присягнули новому королю, Максимилиану II.

ШВЕЙЦАРІЯ.

Въ «прусской всеобщей газетѣ» пишутъ: къ сожалѣнію, княжество нейенбургское (Нёшателъ) не могло устоять противъ удара, который внезапное ниспроверженіе существующаго порядка во Франціи должно было нанести небольшому сосѣднему владѣнію. Нейенбургское правитель-ство ниспровергнуто революціонной партіей и замѣнено временнымъ, радикальнымъ правительствомъ. Вечеромъ 26-го февраля, по полученіи извѣстій изъ Парижа, въ Ла-Шо-де-Фонѣ произошло революціонное движеніе, которому начальникъ тамошняго отряда или не успѣлъ или не могъ противопоставить энергическаго сопротивленія. Этотъ начальникъ почелъ нужнымъ вступить съ инсургентами въ переговоры и, по ихъ требованію, обѣщать имъ учрежденіе смѣшанной гражданской гвардіи (garde-mixte). Между тѣмъ, какъ нейенбургскій государственный совѣтъ, 28 февраля, занимался приготовленіемъ средствъ къ сопротивленію и послалъ подполковника Мёрона собрать милицію, чтобы итти на Ла-Шо-де-Фонѣ, возстаніе охватило Локль и Валь-де-Травверъ, которые 29 были совершенно предоставлены инсургентамъ. Страхъ и уныніе

овладѣли въ Нейенбургъ всѣми умами. Граждане, собравшись въ ратушу и уступая вліянію страха, положили, что сопротивленіе ни къ чему не поведетъ, кромѣ грабежа и разоренія. При такихъ обстоятельствахъ, государственный совѣтъ рѣшилъ, что сопротивленіе невозможно, и что надобно ограничиться мѣрами къ защитѣ собственности. 1-го марта, толпы матежниковъ, подъ предводительствомъ Фр. Курвуазьё, вступили въ Нейенбургъ, объявили существующее правительство распущеннымъ и назначили временное правительство. Государственный совѣтъ протестовалъ противъ этого и, на основаніи союзнаго договора, потребовалъ защитъ у правительствующаго кантона, который положилъ отправить въ Нейенбургъ двухъ комиссаровъ.

И т а л і я .

Иезуиты, 13 марта, удалены изъ Церковной Области. Въ последнее время папа два раза пригласилъ къ себѣ генерала этого ордена, патера Раотана, и объяснилъ ему, что при нынѣшнемъ состояніи общественнаго мнѣнія, нерасположеніи народа къ ордену Иезуитовъ, и въ особенности потому, что вскорѣ провозглашено будетъ государственное уложеніе, ордену, для предупрежденія безпорядковъ, необходимо удалиться изъ Рима и вообще изъ Церковной Области. Генералъ призналъ основательность этого совѣта и обещалъ повиниться. Въ этомъ намѣреніи укрѣпило его еще и то, что король неаполитанскій потребовалъ отозванія Иезуитовъ, которыхъ пребываніе въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій несовмѣстно съ новымъ порядкомъ вещей. Ночью съ 10 на 11 Марта нѣсколько Иезуитовъ выѣхало изъ Рима въ двухъ каретахъ; на слѣдующую ночь отправились еще девять каретъ съ Иезуитами; прочіе готовятся къ отъѣзду. Нѣкоторые римскіе Иезуиты, желающіе остаться въ отечествѣ, перейдутъ въ мірское званіе; многіе послушники уже записались въ гражданскую гвардію. Остальные отправляютъ

ся миссіонерами въ Америку, Азію и Африку. Генералъ выѣдетъ изъ Рима черезъ нѣсколько недѣль съ послѣдними остающимися здѣсь членами ордена; но еще неизвѣстно, куда онъ намѣренъ отправиться.

— Въ Венеціи, Миланѣ, въ герцогствѣ пармскомъ и піаченскомъ, образовались временныя правительства.

— Изъ Неаполя, отъ 16 марта, пишутъ, что сицилійскій вопросъ рѣшенъ на слѣдующихъ основаніяхъ: Фердинандъ II, король неаполитанскій и сицилійскій, принимаетъ имя Фердинанда IV въ Сициліи, и Фердинанда V въ Неаполѣ. Сицилія управляется принцемъ королевскаго дома или сицилійцемъ. Этотъ королевскій намѣстникъ долженъ быть признанъ парламентомъ. Сицилія управляется совершенно отдѣльно отъ Неаполя. Дипломатическими дѣлами завѣдываютъ представители неаполитанскіе и сицилійскіе, въ равномъ числѣ; въ случаѣ равнаго раздѣленія голосовъ, дѣло рѣшаетъ царствующій папа, по докладу двухъ уполномоченныхъ, одного Неаполитанца и одного Сицилійца. Въ обѣихъ государствахъ отдѣльные парламенты, съ полной властію въ отношеніи къ внутреннему управленію. Армія и національная гвардія отдѣльныя въ каждомъ; форты и другія укрѣпленія въ Сициліи должны быть переданы Сицилійцамъ (и вѣроятно, скрыты). Главнокомандующій арміи и всѣ офицеры избираются парламентомъ. Сицилія пользуется народнымъ правомъ и правомъ чеканить монету. Третья часть флота должна быть передана Сициліи. Союзъ со всею Италіею. Утвержденіе всѣхъ дѣйствій генеральнаго комитета.

И с п а н і я .

Въ Мадридѣ, 26 марта, обнаружались безпорядки. Войска принуждены были прибѣгнуть къ оружію; во многихъ

улицахъ были устроены баррикады, но онѣ скоро разрушены. Безпорядки начались въ 6 часовъ вечера, а къ ночи все уже было спокойно. Войска лишились 40 чел. убитыми и много было раненыхъ; въ томъ числѣ находится капитанъ *Эспанья*. Потери мятежниковъ должны быть гораздо значительнѣе; у нихъ взято въ плѣнъ слишкомъ 200 человекъ. Совѣтъ министровъ засѣдалъ постоянно и принималъ рѣшенія, объявленныя въ официальной газетѣ: отмену на время статьи государственнаго уложенія о личной независимости; закрытіе собранія Кортесовъ; объявленіе столицы въ осадномъ положеніи; запрещеніе собираться на улицѣ болѣе пяти человекъ, обезоруженіе всего народонаселенія. *Г. Гонзалесъ Bravo*, вхавшій въ каретѣ во дворецъ, былъ атакованъ мятежниками; кучеръ его и одна изъ лошадей, ранены.

— Въ Газетѣ *Heraldo* объ этомъ пишутъ слѣдующее: «Правительство очень хорошо знало о всѣхъ замыслахъ мятежниковъ и приготовилось къ защитѣ. Известно было, что въ разныхъ мѣстахъ бродягамъ раздають вино, съѣстные припасы и оружіе. Въ шайкахъ, которыя появились на улицахъ около семи часовъ вечера и стрѣляли изъ ружей, замѣчено нѣсколько мундировъ національной гвардіи. Эти люди кричали: да здравствуетъ республика! да здравствуетъ *Эспартеро!* да здравствуетъ милиція! (національная гвардія). Самое сильное сопротивленіе мятежники оказывали въ двухъ домахъ и въ театрѣ del *Príncipe*. Число раненыхъ весьма значительно; въ главный госпиталь ихъ принесено 116; сверхъ того много раненыхъ лежить въ церкви *Vuen-Successo* и въ частныхъ домахъ. Число убитыхъ въ точности неизвѣстно; но оно должно быть велико. Показанія плѣнныхъ, кажется, не объясняютъ этой безумной попытки. Въ нѣкоторыхъ шайкахъ кричали *Viva el Ejercito!* (Да здравствуетъ войско). Войска отвѣчали выстрѣлами. Генералъ *Нарваесъ* нѣсколько разъ ѣздилъ къ королеву съ донесеніями о происхожденіи. Е. В. была совершенно спокойна. Народъ велъ

себя какъ нельзя лучше. Всѣ благонамѣренные люди заперлись въ своихъ домахъ, чтобы не мѣшать войскамъ дѣйствовать. Число мятежниковъ простиралось тысячь до двухъ; многіе изъ нихъ пришли за нѣсколько дней предъ тѣмъ въ *Мадридъ*, именно для того, чтобы произвести безпорядки. Въ числѣ ихъ находился одинъ Французъ, присланный, вѣроятно, какимъ-нибудь парижскимъ клубомъ. Этотъ мятежь не опасенъ; крики шаекъ (не соотвѣтствующія никакимъ потребностямъ большинства Испанцевъ) не могутъ угрожать прочнымъ основаніямъ трона и государственныхъ учреждений. Войско выказало рѣшимость сохранить спокойствіе во что бы то ни стало; начальства дѣйствовали съ величайшею энергіей. Люди благомыслящіе вполне одобряютъ ихъ дѣйствія. Вотъ настоящее положеніе вещей, но правительство довольно сильно, чтобы подавить эти безумныя усилія.»

ГРЕЦІЯ.

Оттоманскій посланникъ въ Греціи г. *Муссурусъ*, прибылъ 9-го марта (н. ст.) на турецкомъ паровомъ фрегатѣ къ пирейскому порту и былъ введенъ греческими начальствами въ эгинскій карантинъ. Его сопровождаютъ блистательная свита и молодые секретари, украшенные бриллиантовыми знаками ордена *Нишанъ-Ифтихара*. На фрегатѣ находилась военная музыка.

По выдержаніи карантиннаго термина въ *Пиревъ*, посланникъ прибылъ въ *Аѳины*. На другой день онъ посѣтилъ министра иностранныхъ дѣлъ и на слѣдующій день былъ принятъ королемъ.

ТУРЦІЯ.

По извѣстіямъ изъ Константинополя отъ 16 февраля, послу римскаго двора при Портѣ Оттоманской, монсенью-

ру *Ferrieri*, по прежнему, оказывается величайшее внимание турецкими саповниками и дипломатическим корпусомъ. Автрийскимъ и французскимъ послами, сардинскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ и турецкимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, *Али-Пашею*, даны были въ честь его большіе обѣды. Великій раввинъ еврейскій также приносилъ римскому послу поздравленіе съ прибытіемъ его, отъ имени сословія Евреевъ. На аудіенціи, которую посольство имѣло 2-го ч. у султана, нунцій, выразивъ благодарность его Папы Пія IX за отправленіе въ Римъ шекиба-эфенди, сказалъ, что папѣ известны благодарности, оказываемыя султаномъ всѣмъ сословіямъ своихъ подданныхъ, и что онъ радуется, особенно въ видахъ пользы католиковъ, находящихся подъ покровительствомъ султана, установленію дружественныхъ связей между обоими Государями. Султанъ отвѣчалъ послу самымъ привѣтливымъ образомъ, по-турецки; отвѣтъ его тотчасъ переведенъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ; султанъ, между прочимъ, сказалъ, что онъ радуется установленію въ его царствованіе дружественныхъ сношеній между двумя государствами, равно одушевленными желаніемъ улучшать судьбу своихъ подданныхъ. За нѣсколько дней до аудіенціи, монсеньоръ Ферриери поручилъ одному изъ своихъ чиновниковъ, доставить первому секретарю султана подарки, присланные папою Е. Вел-ву, и состоящіе изъ мозаичскаго стола, бронзовой позолоченной модели Трапной колонны, въ одинъ метръ вышиною, разныхъ картинъ и 21-й золотой и серебряной медалей. Нунцій также вручилъ отъ имени его свѣтѣйшества богатый орденъ, украшенный брилліантами, великому визирю, и дорогую табакерку министру иностранныхъ дѣлъ.

А л ж и р ь .

На мѣсто герцога Омальскаго, бывшаго алжирскаго генераль-губернатора, и по увольненіи отъ этой должности, уѣ-

хавшаго въ Англію, назначенъ генераль *Кавеньякъ*. Новый генераль-губернаторъ прибылъ въ Алжиръ 10 марта и тотчасъ издалъ двѣ прокламаціи, одну къ арміи, другую къ жителямъ Алжиріи. Въ первой онъ напоминаетъ, что вся обязанность войска выражаются однимъ словомъ: *повиновеніе*; второю приглашаетъ всѣхъ и каждаго повиноваться временному правительству и поддерживать его всѣми силами. Въ то же время, двумя предписаніями онъ предоставилъ алжирской милиціи право избирать своихъ офицеровъ до капитана включительно (полковника и подполковника каждаго легіона будетъ назначать генераль-губернаторъ) и освободилъ алжирскіе журналы отъ цензуры, которой они до сихъ поръ были подвержены. При этомъ однакожь запретилъ печатать безъ разрѣшенія военнаго начальства, все что касается до военныхъ дѣйствій, движенія войска и работъ для защиты страны въ крѣпостяхъ и портахъ.

СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКІЕ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ.

Изъ Нью-Йорка есть извѣстія до 29 февраля. Тамъ получены были письма изъ Мехико отъ 13 числа, въ которыхъ уведомляютъ, что мирный договоръ, заключенный съ г. *Тристомъ* и генераломъ *Скоттомъ*, подписанъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, г-мъ *Росса*, 10 марта и ратификованъ мексиканскимъ конгрессомъ. На основаніи этого договора *Новая-Мексика* и *Калифорнія* уступаются Соединеннымъ Штатамъ, съ условіемъ, чтобы тѣ уплатили наличными деньгами 15,000,000 долларовъ и приняли на себя уплату долговъ мексиканскаго правительства нѣкоторымъ гражданамъ Соединенныхъ Штатовъ.—Говорятъ, что *Санта-Анна* просилъ позволенія удалиться, и совѣтовалъ заключить съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами миръ, но, по предложенію сенъора *Пена и Пена*, посаженъ въ тюрьму, именно для упроченія этого мира.

— Капитанъ *Сиблей*, посланный генераломъ *Вулемъ*, прибылъ въ Вашингтонъ, съ предложеніемъ Мексиканскихъ Штатовъ *Сонора*, *Чогуагава*, *Когагугела* и Новый *Леонъ* присоединиться къ Сѣверной Америкѣ. Такимъ образомъ, въ то самое время, какъ Мексика, по мирному договору, теряетъ двѣ пятыхъ своихъ владѣній, другія области сами отдѣляются отъ падающаго государства. Президентъ *Полькъ* чрезвычайно нерасположенъ въ пользу этого мирнаго договора, но какъ общественное мнѣніе, напротивъ, его одобряетъ, и условія его почитаются весьма выгодными, то г. *Полькъ* не могъ не представить этотъ договоръ конгрессу, который, по всей вѣроятности, и утвердитъ его сильнымъ большинствомъ.

Русская Словесность.

ОБВИНЕНІЕ.

И твой мнѣ милый ликъ запечатленъ виной.
 Склони-жъ вниманіе и слушай обвиненье!
 Да, ты виновна предо мной,
 Виновна въ страшномъ похищеньи:
 Однимъ сокровищемъ я въ мѣрѣ обладалъ,
 Имъ дорожилъ, надъ нимъ рыдалъ,
 Его таилъ отъ взоровъ свѣта
 Въ непроницаемой глуши,
 Подъ гордымъ рубищемъ поэта,
 На днѣ растерзанной души;
 Ты — увесла его лукаво,
 Какъ ночь уносить злато дня:
 Ты отняла, украла у меня
 Мое единственное право;

То право — вѣкогда, кончая жизни путь,
 Съ усѣбшккой горькою на прошлое взглянуть,
 На все, что самъ себя я въ мирѣ заповѣдалъ,
 И съ гордостью сказать друзьямъ моимъ: «друзья!

Вотъ жизнь моя! Я счастья не вѣдалъ.»
 Теперь — застѣчиво я буду умирать.

Начну-ль минувшее, кончаясь, разбирать
 Блаженства образъ я увижу
 Среди моихъ предсмертныхъ грезъ,
 И свой послѣдній часъ унижу
 До сожалѣнья и до слезъ!

И въ совѣсти упрекъ родится безокойный:
 Зачѣмъ я, счастья недостойный,

Сосудъ его къ устамъ горящимъ приближалъ?
 Зачѣмъ не умеръ я, въ тоскѣ перегарая?

Зачѣмъ я суетно мечталъ

О счастья земнаго рая?

И боязливо я взгляну на небеса

Въ послѣдній разъ съ земнаго края,

Рукой хладѣющей стыдливо прикрывая

Полу-померкшіе глаза.

В. Бенедиктовъ.

ДОГАДКА.

Когда ты такъ мило лепечешь: «люблю»,
 Волшебное слово я жадно ловлю;
 Оно мнѣ такъ ново, и странно, и чудно;
 Не вѣрить мнѣ страшно, а вѣрить мнѣ трудно.
 На правное сердце пѣвца твоего,

Быть можетъ, ты кинула взглядъ сожалѣнья,
 И видя въ немъ глушь, ничету, запустѣнье,
 Размыслила: «дай, я наполню его!

Онъ милъ быть не можетъ; но тихо, безстрастно
 Я буду ласкать его сирый порывъ;

Не боѣ, чѣмъ прежде, я буду несчастна,

А онъ — онъ, быть можетъ, мной будетъ счастливъ!»

И съ ангельскимъ, кроткимъ, небеснымъ привѣтомъ

Ко мнѣ обратился твой дружескій взоръ,

И въ сердца моемъ благодатно — согрѣтомъ

Мечты и надежды воскресли съ тѣхъ поръ.

В. Бенедиктовъ.

ПѢСНЯ.

Посмѣялась вѣдо мною,

Ты, завистница — сульба, —

Посмѣюсь я надъ тобою:

Не найдешь во мнѣ раба!

Ужъ какъ ты меня ни гонишь,

Какъ сурово ни гнала, —

Не надѣйся, не преклонишь

Горделиваго чела.

Отъ несчастій духъ мой крѣпнетъ.

Такъ, отъ солнечныхъ лучей,

Встрѣтивъ ихъ, орелъ не слѣпнетъ,

Но глядитъ еще смѣлѣй!

Помолюсь усердно Богу,

Людамъ слезъ не покажу

И другую путь — дорогу

Къ счастью жизни проложу!

Посмѣялась надо мною,
Ты, завистница — судьба, —
Посмѣюсь я надъ тобою:
Не найдешь во мнѣ раба!

О. Меницковъ.

ВОЗРОЖДЕНІЕ.

Въ томленіи мрачномъ, въ тоскѣ безъ раздѣла,
Танулися страшно дни жизни моей,
И сбросить оковы душа не умѣла
Гветущихъ страданій, губящихъ страстей.

Игралице съ дѣтства судьбины коварной,
Я тщетно Хранителя — Ангела звалъ,
Молилъ: прилети! но онъ, — гость лучезарный, —
Чуждался меня, и моלבамъ не внималъ.

И въ горькомъ раздумьи, поникши главою,
Я мнилъ, что услады страданіямъ нѣтъ,
Безсильный, — въ борьбѣ со всесильной судьбою,
Безумно ропталъ на Создаваго свѣтъ!!!

Онъ благъ! — И души моей мракъ прояснился,
Незванное счастье наполнило грудь,
Небесный мой Ангелъ на землю явился —
И радости въиѣ мой жизненный путь!

В. Жалашниковъ.

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ЖЕНИТЬБА.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ 1725 и 1726 ГОДОВЪ.

Въ двухъ частяхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Семейныя объясненія.

Въ домѣ Алексѣя Матвѣевича Зубова всѣ ходили повѣся голову.

Два мѣсяца прошло съ того вечера, какъ Пелагея Паапона познакомила гравера и жену его съ купцомъ Егоромъ Назарычемъ Рябковымъ, а дѣло сватовства не подвинулось ни на шагъ. Рябковъ навѣщалъ родителей своей будущей невѣсты каждую недѣлю разъ, иногда два, и только этимъ доказывалъ, что не отстѣпается отъ своего намѣренія.

Проволочка эта происходила отъ того, что не было главной зачинщицы всего дѣла. Пелагея Ивановна пронала. Тщетно прождавъ ее нѣсколько дней, Мавра Федоровна сама отправилась на Петербургскую. Ставни маленькаго дома

были закрыты; ворота накрепко затворены. Прошло несколько дней, и Мавра Федоровна вторично пошла посмотреть, не вернулась ли Пелагея Ивановна. Соседи сказали ей, что Пелагея Ивановна приходила раза два, но не надолго и, против своего обыкновенія, ни съ кѣмъ даже не разговаривала.

Это странное, необъяснимое поведеніе Пелагеи Ивановны сильно обезпокоило жену гравера. Чтобы привести скорее дѣло къ концу, она могла бы приискать другую сваху, но боялась обидѣть этимъ Пелагею Ивановну и, такимъ образомъ, лишиться обещаннаго пособія, безъ котораго, по мнѣнію корыстолобивой Мавры Федоровны, купецъ не возьметъ дочери ея.

Обстоятельство это безпокоило и Алексѣя Матвѣевича, но менѣе, чѣмъ жену его, потому-что Зубовъ на время пересталъ быть супругомъ и отцомъ, сдѣлавшись вполнѣ художникомъ. Съ необыкновенною ревностію принялся онъ гравировать на мѣди церемоніаль погребенія Петра Великаго и просиживалъ за работой цѣлые дни, отвѣчая на жалобы жены пожатіемъ плечъ или даже вовсе не отвѣчая на нихъ, къ крайней досадѣ Мавры Федоровны.

Земцовъ по прежнему частенько навѣщалъ своего пріятеля, бесѣдовалъ, спорилъ съ нимъ или читалъ вслухъ замѣчательнѣйшія новости, объявляемыя въ вѣдомостяхъ. Однажды въ присутствіи всего семейства и Рябкова, Иванъ Захаровичъ прочиталъ пространное объявленіе объ отправленіи капитана Беринга въ Азію...

Крѣпко сжалось сердце Настеньки, и, чтобы скрыть слезы, насильно выкатившіяся изъ глазъ ея, она поспѣшно встала и ушла въ садъ.

Тамъ она выплакалась вволю...

Настенька сама не знала, о чемъ плакала; по дѣтской наивности своей она приписывала эти слезы сожалѣнію о бѣдномъ молодомъ человѣкѣ, котораго отсылали въ дальнее странствіе, гдѣ на каждомъ шагѣ ожидали его страшныя опасности; она плакала еще потому, что разсталась съ нимъ

не простившись, и что въ последнее свиданіе со слезами на глазахъ сказала, что ей будетъ жаль его...

Слезы молодой дѣвушки вытекали изъ сердца, но настоящей источникъ ихъ былъ въ новомъ чувствованіи, котораго она не понимала и, слѣдственно, не могла объяснить себѣ... въ чувствованіи, которое въ сердцѣ шестнадцатилѣтней дѣвушки разгорается отъ одной искорки.

Если бѣ Настенька поняла это чувствованіе, то была бы вполнѣ несчастлива. Она не могла бы покориться волѣ матери безъ внутренней борьбы и, вмѣсто того, чтобы видѣть въ кроткомъ, добродушномъ Егорѣ Назарычѣ мужа, предназначеннаго ей судьбою, суженаго, она встрѣтила бѣ его какъ нарушителя ея спокойствія, ея будущаго *возможнаго* счастья. Теперь же все прошло мирно, тихо, и проблеску любви, дивнаго чувствованія, безъ котораго жизнь женщины уныла, однообразна, предстояла грустная участь: угаснуть за отсутствіемъ причинъ, вызвавшихъ его...

Но эта минута еще не наступила.

Однажды рано утромъ, въ началѣ августа мѣсяца, Мавра Федоровна нарѣзывала лукъ въ своемъ садикѣ, въ которомъ полезное браво верхъ надъ пріятнымъ; Настенька стояла у изгородки и глядѣла на Неву.

Отъ адмиральства плыло судно на всѣхъ парусахъ, округленныхъ попутнымъ вѣтромъ.

Судно плыло шагахъ въ двадцати отъ дома Зубова.

На лицѣ Настеньки внезапно выразилось изумленіе, смѣшанное съ испугомъ... Затанѣвъ почти дыханіе и не трогаясь съ мѣста, глядѣла она на одинъ конецъ судна.

Тамъ, у самаго борта, стоялъ молодой человѣкъ, черты котораго уже такъ глубоко врѣзались въ памяти или, лучше сказать, запечатлѣлись въ сердцѣ молодой дѣвушки, что она сразу узнала его...

Сердце ея забилося сильнѣе, она чуть не вскрикнула.

Казалось и молодой человѣкъ узналъ ее; остановившись у борта, онъ смотрѣлъ на нее нѣсколько секундъ съ невыразимою грустію... онъ стоялъ какъ прикованный...

Но вдругъ раздался грубый голосъ боцмана:

— У фокъ-мачты не звать!

Молодой человекъ скоро обернулся и все очарованіе исчезло.

Только теперь Настенька замѣтила, что у борта стоялъ не офицеръ, а простой матросъ.

Но это непостижимое, поразительное сходство, грустный взглядъ молодого матроса произвели глубокое впечатлѣніе на молодую дѣвушку и искра, заброшенная въ сердце ея, вспыхнула ярче, свѣтлѣе прежняго...

— Настя, вскричала Мавра Федоровна; подай-ка мнѣ корзину.

Но Настенька не слышала; глаза ея все еще были устремлены на удалявшееся судно.

— Слышь-ли Настя! Чтѣ ты оглохла, чтѣ-ли? вскричала опять Мавра Федоровна.

Настенька вздрогнула и оглянулась.

— Чѣво ты тамъ зазввалась? продолжала Мавра Федоровна со свойственною ей любезностью и, поднявшись, посмотрѣла черезъ пзгородку.

Судно было уже шагахъ въ сорока отъ дому.

— Ахти! вскричала Мавра Федоровна: гляди-ка, Настя, ни какъ это Пелагея Ивановна?

— Гдѣ? разсѣянно спросила Настенька.

— Вотъ тамъ, тамъ! Ну, куды ты глядишь? На корабль, вотъ что идетъ...

— Кажется, она.

— Она, она и есть!.. Пелагея Ивановна! Пелагея Ивановна!

Но Мавра Федоровна звала напрасно. Либо вътеръ упустилъ слова ея въ противоположную сторону, либо та, которую она звала, не хотѣла оглядываться.

И мать, и дочь оставили садъ чрезвычайно озабоченныя.

Мавра Федоровна, посоветовавшись съ мужемъ, немедленно отправилась на Петербургскую сторону. Тамъ ей сказали, что Пелагея Ивановна пришла домой съ вечера, переночевала и ранешенько по утру убралась.

Мавра Федоровна совершенно растерялась. Она никакъ

не могла объяснить себѣ страннаго поведенія Пелагеи Ивановны, которую не разъ, про себя, помянула дурнымъ словомъ. Воротившись домой, она долго приставала къ мужу, чтобы онъ посоветовалъ ей, что дѣлать; но Алексѣй Матвѣвичъ въ этотъ день такъ заработался, что ему было не до Пелагеи Ивановны; рука его расходилась, штрихъ ложился ровно, красиво; самая мѣдь, казалось, охотнѣе поддавалась давленію иглы.

Наконецъ супруги рѣшились прибѣгнуть къ советамъ Земцова, которому Алексѣй Матвѣвичъ до-сихъ-поръ не говорилъ ни слова, по волю жены.

На другой день въ мастерской гравера засѣдали хозяйнѣ, жена его и Земцовъ.

Послѣдній съ изумленіемъ смотрѣлъ на своего пріятеля и Мавру Федоровну, не постигая значенія важности, съ которою его ввели въ мастерскую, усадили, и таинственности, съ которою хозяйка заперла дверь на задвижку.

Болѣе минуты длилось молчаніе.

Граверъ не начиналъ говорить потому, что опять засмотрѣлся на свою работу, которую оставилъ неохотно. Онъ, повидимому, совсѣмъ забылъ зачѣмъ они собрались.

Мавра Федоровна же, имѣвшая свои причины беречь Ивана Захарыча и ухаживать за нимъ, не знала какъ приступить къ дѣлу, о которомъ давно бы следовало извѣстить короткаго пріятеля.

Зубовъ, однакожь, первый прервалъ молчаніе.

— Иванъ Захарычъ, сказалъ онъ: какъ ты думаешь, какимъ штрихомъ проложить эту тѣнь: прямымъ или наискось?

Земцовъ всталъ.

— Полно тебѣ, Алексѣй Матвѣвичъ! вскричала въ это время хозяйка съ досадою и удерживая архитектора: брось свои косые штрихи! есть дѣло поважнѣе....

— Какъ поважнѣе? съ изумленіемъ спросилъ граверъ.

— Я пришла сюда не о твоемъ царапаньи толковать!...

— Царапаньи!... проворчалъ Алексѣй Матвѣвичъ, по-

жавъ плечами: невѣжество!... Такъ что же ты молчишь? Пришла толковать, такъ и толкуй!

— Что мнѣ одной толковать!... Вѣдь ты хозяйнѣ въ домѣ.

— Полно вамъ вздорить, сказалъ Земцовъ: я вижу, что у васъ есть какое-то дѣло....

— Есть, батюшка Иванъ Захарычъ, поспѣшно сказала Мавра Федоровна: и очень важное дѣло; твоего совѣту просить хотимъ.

— Ну, говорите, въ чемъ дѣло?

— Видишь ли, Иванъ Захарычъ, началъ Зубовъ, надо тебѣ сказать, что Пелагея Ивановна совсѣмъ пропала....

— Какъ пропала? спросилъ архитекторъ.

— Такъ вотъ, пропала.

Зубовъ замолчалъ.

Иванъ Захарычъ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ и, наконецъ, спросилъ:

— Такъ что же, что она пропала?

— Экой ты какой! вскричалъ Алексѣй Матвѣевичъ, весьма недовольный непонятливостію своего пріятеля: коли она пропала, такъ разумѣется и дѣло стало.... Безъ нея мы ничего не можемъ сдѣлать.... просто, ничего! Вотъ мы и рѣшились просить твоего совѣта.

Архитекторъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Алексѣя Матвѣевича, потомъ на жену его.

Мавра Федоровна сидѣла какъ на иголкахъ.

— Алексѣй Матвѣевичъ! вскричала она, наконецъ, съ сердцемъ: да опомнись, да приди хоть разъ въ себя! Чгѣ ты за чепуху нагородилъ!

Граверъ очень сердито, какъ безвинно обиженный, взглянулъ на жену.

— Экое наказаніе! продолжала она, всплеснувъ руками: что ты толкуешь Ивану Захарычу про Пелагею Ивановну, коли онъ ничего не знаетъ!

— Да развѣ онъ не знаетъ?... Развѣ ты не знаешь?

— Ничего не знаю.

— Ну такъ, такъ бы и сказалъ; это другое дѣло, коли ты ничего не знаешь.... Слушай же....

— Нѣтъ, ужъ оставь, Алексѣй Матвѣевичъ; я лучше сама все расскажу, перебила его жена.

— Ну, рассказывай.

Мавра Федоровна приняла ласковый видъ и, опустивъ глаза съ выраженіемъ раскаянія на лицѣ, стала говорить:

— Извольте видѣть, Иванъ Захарычъ, мы очень виноваты передъ вами.... конечно, намъ слѣдовало бы тотчасъ же васъ извѣстить.... да, знаете, батюшка, все во власти Божьей.... ино дѣло, кажись, совсѣмъ сладилось, а вдругъ, ни съ того, ни съ сего, такъ расклется, что и кусочковъ не подберешь.... и тогда знаете, чѣмъ больше свидѣтелей, тѣмъ больше сраму....

— Ну, пошла, пошла! проворчалъ Алексѣй Матвѣевичъ.

— Не мѣшай, сказалъ Иванъ Захарычъ.

— Вотъ, Иванъ Захарычъ, продолжала Мавра Федоровна: таковское и наше дѣло.... хоть, конечно, намъ отъ васъ и не слѣдовало бы таиться.... вы свой человекъ.... да все какъ-то не въ силу было....

— Полно, матушка Мавра Федоровна, сказалъ Земцовъ: конечно, я вамъ другъ, но все-таки не могу требовать, чтобы вы открывали мнѣ ваши семейныя тайны. Говорите же прямо.

Слова эти ободрили хозяйку, она хотѣла говорить, но мужъ предупредилъ ее.

— Конечно! вскричалъ онъ: говори прямо, а не колеси! Велика важность, что мы сосватали Настю!...

— Сосватали! повторилъ Земцовъ, привскочивъ на стулъ.

— Сосватали, батюшка, подтвердила Мавра Федоровна сладкимъ голоскомъ и пристально смотря на архитектора.

— Вотъ какъ! протяжно возразилъ Земцовъ съ горькой усмѣшкой.

— Да что же въ этомъ дурнаго? спросилъ Зубовъ, пораженный выраженіемъ голоса, которымъ пріятель его произнесъ послѣднія слова.

— Ничего.... ничего.... отвѣчалъ Иванъ Захарычъ, и сму-

щеніе его возрастало, по мѣрѣ того, какъ онъ старался преодолѣть его.

— Конечно ничего, сказалъ Алексѣй Матвѣевичъ.

— Да что ты затвердилъ какъ сорока: ничего да ничего! вскричалъ Иванъ Захарычъ, вспыхнувъ: нѣчто я говорю, что дурно?... Но, тотчасъ спохватившись, онъ прибавилъ: а.... а за кого сосватали?

— Вы и жениха-то знаете, отвѣчала Мавра Ѳедоровна.

— Какъ его зовутъ?

— Вы съ нимъ видались....

— Да ну! какъ его зовутъ? вспылчиво вскричалъ Иванъ Захарычъ.

— Рябковымъ, батюшка, поспышно отвѣчала Мавра Ѳедоровна.

— Ага! Верно сынъ того купца, что сюда ходитъ?

— Какой сынъ! Егоръ Назарычъ никогда не былъ женатъ.

— Такъ какой же это Рябковъ?

— Да онъ самый, батюшка, и есть.

Иванъ Захарычъ вскочилъ.

— Какъ! вскричалъ онъ: и вы скрывали это отъ меня!... Спасибо!.. Знаю я теперь вашу дружбу... хороши друзья!.. Въ глаза такой-сякой, а за глаза Жиду продадутъ.... Ну, Алексѣй Матвѣевичъ, не ожидалъ я отъ тебя такого огорченія!..

— Что ты расходишься! съ изумленіемъ произнесъ Алексѣй Матвѣевичъ; не ты ли самъ говорилъ, что нельзя открывать всѣхъ семейныхъ тайнъ?

— Да, да, толкуй! возразилъ Иванъ Захарычъ, разгораясь болѣе и болѣе; я знаю, у тебя отговорки найдутся... ты, я вижу, хитерь!

— Я хитерь? повторилъ Зубовъ, обидѣвшись: грѣшно тебѣ это говорить....

— А тебѣ не грѣшно? вскричалъ Земцовъ, сбиваясь и выходя изъ себя....

— Что мнѣ не грѣшно?

— Вишь какой невинный!

— Да ну, отстань! чортъ знаетъ, что говорить! вскричалъ раздосадованный Зубовъ.

— Пожалуйста, не чертайся!

Мавра Ѳедоровна нашла нужнымъ вмѣшаться въ ссору, причину которой со стороны Земцова никакъ не постигала.

— Иванъ Захарычъ, сказала она: не гнѣвайтесь.... ну, мы виноваты передъ вами....

— Нѣтъ, матушка Мавра Ѳедоровна, не передо мною вы виноваты, а передъ вашею дочерью! вскричалъ Земцовъ, разразившись: скажите, статочно ли дѣло отдавать ребенка за старика?... У него съдыхъ волосъ больше, нежели сколько она мѣсяцовъ прожила на свѣтъ!..

— Батюшка, Иванъ Захарычъ, вы знаете наше положеніе....

— Такъ, золотой мѣшокъ! Вы продаете дочь за кусокъ хлѣба!

— Эхъ Иванъ Захарычъ, возразила Мавра Ѳедоровна обидѣвшись: не о себѣ мы заботимся, а объ ней!

— Объ ней? А спросили ли вы ее, охотно ли она идетъ за старика?...

— Мы, батюшка, родители! Не йцу курицу учить.

Иванъ Захарычъ пожалъ плечами.

— Грѣшно, матушка, грѣшно! сказалъ онъ съ чувствомъ: подождать бы вамъ, лучше, годикъ, другой; авось суженый бы и самъ подвернулся... а то, съ бухты-барахты сладили дѣло! Эдакъ и я, помоложе вашего купца, могъ бы жениться на ней!

— И, батюшка! съ радостію бы отдали, колибъ ты посватался!

Земцовъ остановился, какъ вкопанный.

— Отдали бы? повторилъ онъ, какъ бы не въяра своимъ ушамъ.

— Вѣстимо, родимый! отвѣчала Мавра Ѳедоровна.

— Отдали бы? повторилъ Иванъ Захарычъ, обратившись къ хозяину.

Алексѣй Матвѣевичъ сдѣлалъ въ воздухѣ крестъ и махнулъ рукой.

Лицо архитектора внезапно прояснилось, но не надолго; вспомнив о чемъ-то, онъ опять нахмурился.

Кто-то постучался въ дверь.

— Кто тамъ? спросила Мавра Федоровна, вставая.

— Отвори, родимая, отвѣчала знакомый голосъ.

Хозяйка радостно вскрикнула и поспѣшно отдернула задвижку.

Въ мастерскую вошла Пелагея Ивановна.

При взглядѣ на нее жена гравера невольно вскрикнула отъ изумленія.

Пелагея Ивановна такъ перемѣнилась, что ее трудно было узнать; свѣжее, веселое лицо ея поблѣднѣло, приняло серіозное, почти строгое выраженіе; живые глаза потеряли свою прежнюю подвижность, сохранивъ только огонь, горѣвшій въ нихъ....

Видно было, что Пелагея Ивановна много пострадала.

Съ возвращеніемъ Пелагеи Ивановны все дѣло пришло въ прежній порядокъ.

На всѣ разспросы Мавры Федоровны объ отлучкѣ ея, она только отвѣчала, что уѣзжала по дѣламъ; воротившись же, съ прежнимъ усердіемъ принялась за хлопоты.

Не смотря на сильную оппозицію Земцова, дѣла находились уже въ такомъ положеніи, что отступить не было ни какой возможности.

Рябковъ посватался и вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ, что долженъ отлучиться по своимъ дѣламъ въ сибирскую губернію.

Вслѣдствіе этого неожиданнаго случая, свадьба была отложена до слѣдующаго года.

Иванъ Захарычъ согласился, потому-что всегда и на все соглашался.

Мавра Федоровна также не безпокоилась; она поняла, наконецъ, причину гнѣва Земцова и утѣшала себя тѣмъ, что на всякій случай у нея есть женишокъ про запасъ.

Архитекторъ обрадовался... не по эгонстическому чувству; онъ искренно любилъ Настеньку и хотя частенько

задумывался о томъ, что молоденькая жена сняла бы и съ него десятокъ лѣтъ, однакожъ, съ радостію уступилъ бы ее другому, еслибъ былъ увѣренъ, что съ этимъ другимъ она будетъ счастливѣе.

А Настенька?... Послѣ долгаго времени звонкій голосокъ ея пронесся опять по дому; и два раза спрашивала она Ивана Захарыча:

— Во сколько времени можно съѣздить въ землю Азію и обратно?....

ГЛАВА II.

Эстампы.

Двадцать перваго іюня 1726 года, Алексѣй Матвѣевичъ Зубовъ всталъ ранѣе обыкновеннаго. Ему не спалось. Мавра Федоровна покоилась еще крѣпкимъ сномъ, когда супругъ ея, одѣвшись съ особеннымъ тщаніемъ, вышелъ на цыпочкахъ изъ спальни.

Не остановившись даже передъ зеркаломъ, чтобы полюбоваться своими кафтаномъ и штанами свѣтло-зеленаго цвѣта и длиннымъ камзолемъ съ роскошными, пестрыми узорами, Алексѣй Матвѣевичъ пошелъ прямо въ мастерскую.

Тамъ, подъ прессомъ особаго рода, состоявшимъ изъ двухъ досокъ, на которыхъ лежалъ огромный булыжникъ, лежала причина блаженства, выражавшагося на лицѣ гравера: первые тщательно отпечатанные экземпляры его гравюръ.

Не торопясь снялъ Алексѣй Матвѣевичъ булыжникъ; потомъ съ величайшею осторожностью приподнял верхнюю доску, заглядывая подъ нее съ видомъ чловѣка, надѣющагося найти кладъ. Снявъ доску, онъ взялся указательными и большими пальцами за оба конца листа толстой бумаги, положенной надъ гравюрами.

Отложивъ бумагу въ сторону, Зубовъ остановился на ми-

нуту и перевелъ дыханіе, какъ бы собираясь съ силами для перенесенія предстоявшаго ему наслажденія.

Съ прежними предосторожностями принялся онъ наконецъ, за первый листъ. Долго и осторожно поднималъ онъ его; такъ же долго и осторожно перевертывалъ.

По мѣрѣ открытія гравюры, лицо творца ея принимало больше и больше улыбающееся выраженіе.

Наконецъ произведеніе его лежало передъ нимъ во всей своей красѣ.

Алексѣй Матвѣевичъ осмотрѣлъ всѣ мельчайшія подробности гравюры; глядѣлъ на нее впрямь, съ праваго, съ лѣваго бока, сверху, снизу, становился на стулъ и даже на минуту вышелъ въ сосѣднюю комнату, чтобы узнать какое впечатлѣніе произведетъ на него гравюра при первомъ входѣ въ мастерскую.

Налюбовавшись первымъ экземпляромъ, Алексѣй Матвѣевичъ перевернулъ слѣдующій, и хотя онъ былъ точъ въ точъ какъ и первый, Зубовъ разсматривалъ его съ такимъ же вниманіемъ, какъ и первый.

Перебравъ такимъ образомъ всѣ экземпляры, Алексѣй Матвѣевичъ пошелъ выбирать между своими папками ту, которая болѣе другихъ заслуживала честь сдѣлаться хранительницею гравюръ. Выбравъ самую чистую и красивую, онъ сталъ вкладывать въ нее одинъ экземпляръ за другимъ.

Все это продолжалось такъ долго, что когда Мавра Федоровна вошла въ мастерскую, чтобы звать мужа пить чай, Алексѣй Матвѣевичъ не былъ еще готовъ.

— Ну, матушка Мавра Федоровна, сказалъ Зубовъ послѣ чая: я, можетъ быть, опоздаю сегодня къ обѣду, да ужъ не прогнѣвайся! Надобно разнести кому слѣдуетъ мои *эстампы*, такъ, можетъ, гдѣ и задержать.

— Съ Богомъ, Алексѣй Матвѣевичъ, отвѣчала жена: да не забудь сходить и къ тальянцу, что возлѣ гостинаго двора лавку открылъ; авось и онъ возьметъ твоихъ картинокъ.

— Картинокъ, картинокъ! сердито повторялъ граверъ: когда ты у меня научишься называть вещи какъ слѣдуетъ?

Картинками ребятишекъ потѣшаются; а это, сударыня, эстампы!

— Это по-нѣмецкому, а я языкъ ломать не мастерица; по нашему картинка, да и дѣло съ концомъ!

Алексѣй Матвѣевичъ пожалъ плечами, взялъ папку подъ мышку, шляпу и трость въ руку и отправился.

На крыльцѣ онъ встрѣтилъ Пелагею Ивановну.

— Алексѣй Матвѣевичъ! вскричала она: я къ вамъ съ радостною вѣстью.

— Некогда мнѣ теперь, Пелагел Ивановна, некогда, отвѣчалъ граверъ: здравствуйте и прощайте.

— Куды, батюшка, спѣшите, послушайте хоть меня.

Въ это время выбѣжала на крыльцо Мавра Федоровна, пдала разслышавшая голосъ Пелагел Ивановны.

—Здравствуйте, матушка Пелагел Ивановна, вскричала она: пожалуйте, родимая, войдите; самоваръ еще не простылъ.

— Спасибо, Мавра Федоровна; Егоръ Назарычъ приказалъ вамъ кланяться.

— Чтѣ вы, родимая! радостно вскричала Мавра Федоровна: нечто онъ вернулся?

— Сегодня третій день, какъ съ дороги.

— Здоровъ ли онъ, сердешный?...

— Попомнѣлъ, голубушка! Впрочемъ вы сами увидите его; онъ обѣщался быть сюда часа черезъ полтора.

— Часа черезъ полтора! Алексѣй Матвѣевичъ, Алексѣй Матвѣевичъ! закричала Мавра Федоровна мужу, спокойно удалявшемуся; постой, не ходи!

Зубовъ остановился.

— Чтѣ тамъ еще? спросилъ онъ.

— Воротись! Егоръ Назарычъ обѣщался быть часа черезъ полтора.

— Ну, милости просимъ.

— Да, воротись же, говорятъ тебѣ! Онъ придетъ, а тебя не будетъ дома. Остаешься.

— Нельзя, никакъ нельзя! съ важностію возразилъ граверъ. Слышала ты, что вчера Иванъ Захарычъ говорилъ?

Князь Александр Данилыч ъдет завтра чуть свѣтъ и хочетъ взять съ собою мои эстампы, въ подарокъ Ея Высочеству Царевнѣ Аннѣ Иоанновнѣ.

— Ну, такъ ты сходи къ князю; да и вернись тотчасъ; къ другимъ ужъ не ходи, сказала Мавра Федоровна: завтра успѣешь.

Алексѣй Матвѣевичъ почесалъ затылокъ, подумалъ и отвѣчалъ:

— Быть по-твоему, и пошелъ къ калиткѣ.

Нѣсколько минутъ спустя, онъ вошелъ въ прихожую князя и приказалъ доложить о себѣ.

Меншиковъ былъ занятъ, а потому приказалъ своему секретарю взять десять экземпляровъ и отпустить гравера. Алексѣй Матвѣевичъ, надѣявшійся услышать лестный комплиментъ изъ устъ его свѣтлости, былъ весьма недоволенъ этимъ обстоятельствомъ, и счастье его убавилось на нѣсколько градусовъ, когда онъ вышелъ отъ Меншикова.

Выходя изъ дому, почтенный Алексѣй Матвѣевичъ надѣялся вернуться съ цѣлымъ запасомъ лестныхъ отзывовъ; а вмѣсто того возвращаясь съ тѣмъ, съ чѣмъ вышелъ; только секретарь князя отозвался, что эстампы слишкомъ черны. Садясь въ лодку, чтобы перѣхать на адмиральтейскую сторону, Зубовъ разсчиталъ, что успеетъ еще зайти кое къ кому. Ближе всѣхъ было къ Апраксину. Генералъ-адмиралъ лично зналъ Зубова, съ которымъ познакомился, когда послѣдній гравировалъ изображеніе гренагера сраженія.

Алексѣй Матвѣевичъ отправился къ нему. Апраксинъ былъ въ Кронштадтѣ.

Вторичная неудача раздражила гравера; онъ ждалъ лестнаго отзыва, а потому, забывъ наказъ жены, пошелъ къ Алексѣю Григорьевичу Долгорукову, которому считалъ долгомъ оказать предпочтеніе за пособіе, обещанное супругой князя его дочери.

Но, вѣроятно, Алексѣй Матвѣевичъ ступилъ въ этотъ день лѣвою ногою съ кровати.

Князь былъ занятъ.

— Подожду, сказалъ Зубовъ вздохнувъ, и, поставивъ папку, возмъ себя къ стѣнкѣ, сѣлъ въ углу пріемной.

Въ кабинетъ князя происходилъ между тѣмъ довольно крупный разговоръ. Отецъ журилъ за что-то сына. Сынъ небрежно слушалъ отца, и отвѣчалъ на выговоры его.

— Граверь Зубовъ проситъ позволенія представить вашему сіятельству какіе-то ястанпы, доложилъ слуга, осмѣлившійся войти, когда баринъ его пересталъ заниматься, то есть когда шумъ утихъ въ кабинетъ, и когда князь Иванъ удалился.

— Некогда мнѣ! угрюмо отвѣчалъ князь; пусть зайдетъ въ другой разъ!

— Другъ мой, сказала княгиня: прикажите ему войти; это займетъ, разлечетъ васъ.

— Ну,пусти его.

— Минуту спустя показалась изъ дверей папка, а за нею Алексѣй Матвѣевичъ.

Робко вступилъ онъ въ кабинетъ князя и отвѣсилъ два пренизкихъ поклона.

— Что ты за человекъ? съ гордою важностью спросилъ Долгоруковъ.

— Граверь Алексѣй Зубовъ, отвѣчалъ прерывающимся отъ смущенія голосомъ Алексѣй Матвѣевичъ; я вырѣзалъ на мѣди изображеніе погребенія всемилостивѣйшаго, въ Бозѣ опочившаго, Государя Императора Петра Алексѣевича...

— А! важно произнесъ князь: это любопытно; покажи, любезнѣйшій, покажи-ка намъ свое искусство. Да подойди сюда поближе.

Зубовъ дрожащими руками раскрылъ портфель и сталъ осматриваться куда-бы положить гравюры.

— Бумагу-то сюда положи, сказалъ князь, указавъ на столъ.

Алексѣй Матвѣевичъ повиновался и, открывъ одинъ экземпляръ, поклонился и отступилъ на шагъ.

— Это еще что? спросилъ князь,

— Это оно и есть, ваше сіятельство.

— А мѣдь-то гдѣ же?

Зубовъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на князя.

— Мѣдъ у меня дома.

— Такъ что-жь ты ее не принесть съ собой?

— Мѣдъ, ваше сіятельство, служить только для производства великаго количества экземпляровъ.

— Такъ что-жь ты говоришь: вырѣзалъ на мѣди? засмѣявшись сказалъ Долгоруковъ: такъ бы и сказалъ, что дескать изображеніе на бумагѣ!

Счастіе Алексѣя Матвѣевича убавилось еще нѣсколькими градусами.

— Ахъ! какъ тутъ все натурально представлено! сказала княгиня, занявшая уже разсматриваніемъ эстампа.

— Да, да, все хорошо изображено....

— А вотъ и Великій Князь, сказала Прасковья Юрьевна, продолжая внимательно разсматривать гравюру.

— Гдѣ, гдѣ? спросилъ Долгоруковъ: покажи, гдѣ? Тутъ и я долженъ быть.... Вотъ это, кажется, я; но нѣтъ никакого сходства, ни малѣйшаго!

— Ваше сіятельство, возразилъ Зубовъ: въ такихъ малыхъ размѣрахъ невозможно потрафить.... Тутъ только значится, какой былъ порядокъ церемоніала.

— Ну, развѣ что такъ! сказалъ Долгоруковъ: а себя ты не нашла, Прасковья Юрьевна?

— Нашла; вотъ я.

Князь продолжалъ утверждать, что въ лицахъ нѣтъ никакого сходства.

— Другъ мой, сказала княгиня, сжалившись надъ плачевной миной бѣднаго гравера: вы слишкомъ строго судите...

— Да, да, отвѣчалъ князь самонадѣянно: ужъ у меня обычай такой... Я какъ только взгляну, сейчасъ ошибку увижу.

— Что касается до меня, то я нахожу, что эта гравировка очень хороша, сказала княгиня.

— Хороша, хороша, нечего сказать! подтвердилъ князь: все это живо.... и такъ, тово.... хорошо, хорошо!

Алексѣй Матвѣевичъ вздохнулъ посвободнѣе.

Князь перевернулъ листъ, другой, третій.

— Что же это? сказалъ онъ: все одно и то же?

— Тутъ нѣсколько экземпляровъ.... сколько заблагодаривъ взять вашему сіятельству, на выборъ.

— Нечто платокъ взять? какъ ты думаешь, Параша?

— Возьмите, другъ мой; пошлемъ Василью Лукичу....

— И въ самомъ дѣлѣ! Да что ты все чернымъ да чернымъ; ты бы, знаешь, разными колерами намалевалъ, оно бы еще живѣе было.

— Это дѣло не гравера, а живописца, ваше сіятельство, отвѣчалъ Зубовъ.

— А! такъ ты только по черной части? Ну, а по этимъ нельзя ужъ намалевать?

— По этимъ нельзя, ваше сіятельство; но можно отпечатать другіе....

— Приготовь, приготовь. По чемъ же ты берешь за штуку этихъ черныхъ? спросилъ князь.

— Полагаюсь на щедрость вашего сіятельства, отвѣчалъ Зубовъ.

— Ну, ладно; принеси мнѣ еще размалеванныя, такъ я тебѣ за все вмѣстѣ заплачу. Продолжай, продолжай стараться... Это хорошее дѣло! Размалюй же мнѣ хорошенько.... Какъ, бишь, твоя фамилія?

— Зубовъ, ваше сіятельство.

— Да, да Зубовъ; пожалуйста хорошенько, всеми колерами.... натуральными.... Ну, собери же остальные.

— Зубовъ, сказала княгиня: ахъ Боже мой, да не тотъ ли ты Зубовъ, про котораго говорила мнѣ Пелагея Ивановна?

— Тотъ самый, ваше сіятельство, отвѣчалъ граверъ съ низкимъ поклономъ.

— Ты живешь на Невѣ, по линіи къ галерному двору?

— Точно такъ, ваше сіятельство; вы изволили взыскать насъ вашею милостію.... мы вѣчно будемъ Богу молиться за васъ!

— Что это такое? спросилъ князь.

— Послѣ расскажу, другъ мой, отвѣчала княгиня. Скоро ли же дочь твою выйдеть за-мужъ?

— Кажись, теперь скоро, сказалъ Зубовъ. Женихъ ѣздилъ въ Сибирскъ, по дѣламъ; да на дняхъ вернулся.

— Ну, поспѣши, ласково сказала княгиня: приданое у меня готово.

Зубовъ низко поклонился, собралъ гравюры, вложилъ ихъ въ папку и сталъ отступать къ двери.

Тамъ онъ еще разъ низко поклонился.

Княгиня ласково кивнула ему головой.

ГЛАВА III.

Допросъ.

Кто объяснить странныя противоположности нашихъ ощущений? Иногда тайное, тягостное предчувствіе сжимаетъ сердце чело­вѣка передъ ожидающимъ его несчастіемъ; иногда же онъ съ радостнымъ ощущеніемъ пріятнѣйшихъ надеждъ спѣшитъ на встрѣчу обстоятельству, въ которомъ ждутъ его одни огорченія...

Анализировать можно только общія чувствованія, но въ каждомъ изъ нихъ есть еще столько подраз­женій, столько контрастовъ, непостижимыхъ, необъяснимыхъ, что умъ чело­вѣческой, этотъ судья сердца, невольно сознаетъ свое безсиліе.

Алексѣй Матвѣевичъ Зубовъ вышелъ изъ дому, полный радостнѣйшихъ надеждъ; онъ возвращался домой огорчен­ный, а между тѣмъ ни малѣйшее предчувствіе не предска­зало ему того, что ожидало его....

Въ своемъ садикѣ встрѣтилъ онъ Егора Назарыча, разго­варивавшаго съ Маврой Федоровной; Настенька показывала свои цвѣты Пелагеѣ Ивановнѣ.

Увидѣвъ купца, Алексѣй Матвѣевичъ подо­звалъ дочь, приказавъ ей отнести папку въ мастерскую, а самъ обнялъ Егора Назарыча и поцѣловалъ его въ обѣ щеки.

— Настя! закричала Мавра Федоровна вслѣдъ дочери; вы­шли ко мнѣ Акулину.

Пелагея Ивановна пошла съ молодою дѣвушкою.

— Чтѣ это за большая книга? спросила она: указавъ на папку.

— Ахъ, Пелагея Ивановна, отвѣчала Настенька, вы еще не видали новаго эстампа тятиньки? Пойдемте со мною, я покажу вамъ.

Онѣ вошли въ столовую. Настенька развязала тесемки папки и, раскрывъ ее, показала гравюры Пелагеѣ Ивановнѣ.

Довольно долго любовались онѣ *преизрядными изобра­женіями*, какъ говорила Пелагея Ивановна; вдругъ Настенька вспомнила, что мать приказала ей высматъ работницу, и убѣжала въ кухню.

Между тѣмъ Пелагея Ивановна перевернула листъ; на вто­ромъ было изображено то же, что и на первомъ; на третьемъ, четвертомъ, пятомъ—все то же; она хотѣла уже закрыть пап­ку, какъ между пятымъ и шестымъ экземпляромъ замѣтила исписанный листъ бумаги; онъ лежалъ не прямо, а потому Пелагея Ивановна машинально поправила его; другую ру­кою закрывала она уже портфель, какъ вдругъ нѣсколько словъ, прочитанныхъ, такъ сказать, нечаянно, возбудили любопытство ея....

Не закрывая папки, продолжала она читать... читала съ жаднымъ любопытствомъ....

Въ этомъ письмѣ говорилось о какой-то интригѣ противъ князя ижорскаго. Въ числѣ враговъ его главное мѣсто зани­малъ Девіеръ и нѣсколько сильныхъ вельможъ, какъ вид­но было изъ содержанія письма.

Въ соседней комнатѣ послышался голосъ Настеньки.

Пелагея Ивановна скоро закрыла папку, и невольно при­жала къ ней обѣ руки, какъ бы собиравшись защищать свою добычу.

— Нонравилось вамъ, Пелагея Ивановна? спросила моло­дая дѣвушка.

— Какъ же.... какъ же.... отлично.... отвѣчала старуш­ка, стараясь скрыть свое смущеніе.

— А видѣли вы на эстампѣ тятиньку и Ивана Захарыча?
 — Видѣла, видѣла.
 — Постойте, я вамъ покажу еще...
 — Не тронь, не тронь! съ живостію вскричала Пелагея Ивановна, крѣпче прижавъ дрожащія руки къ портфелю; но какъ бы раскаявшись въ этомъ невольномъ движеніи, прибавила съ принужденной улыбкой: ужъ я посмотрѣлась... вдоволь... все высмотрѣла... пойдемъ лучше въ садъ... ступай... я сейчасъ приду...
 — Дайте сперва отнести папку.
 — Куда?
 — Въ мастерскую.
 — Пускай она тутъ останется... я послѣ еще посмотрю...
 — Нѣтъ, тятинька не велитъ тутъ оставлять, отвѣчала Настенька; да вы и тамъ можете послѣ посмотреть.
 — Правда твоя...
 — Постойте я завяжу тесемки...
 — Не нужно... кчему безпрестанно завязывать, да развязывать...
 — Ну, пожалуй! Дайже же я снесу.
 — Понесемъ вмѣствъ.
 — Я и одна снесу... вѣдь не тяжело! возразила молодая дѣвушка, засмѣявшись.
 Пелагея Ивановна вся дрожала. Она была такъ взволнована, что не могла даже придумать средства, какъ бы удалить Настеньку, чтобы завладѣть письмомъ. Не спуская глазъ съ портфеля, послѣдовала она за молодой дѣвушкой въ мастерскую; переложивъ папку со слишкомъ виднаго, на другое, менѣе видное мѣсто и остановилась возлѣ него на минутку, надѣясь, что Настенька уйдетъ первая.
 Но молодая дѣвушка также остановилась.
 — Пойдемте же, Пелагея Ивановна, сказала она.
 Нечего было дѣлать.
 Выйдя изъ мастерской, Пелагея Ивановна рѣшилась принять мѣры, чтобы никто не входилъ туда безъ ея

вѣдома. Пустивъ Настеньку впередъ, она захлопнула дверь, заперла ее и проворно вынула ключъ.
 — Куда вы ключъ берете? сказала Настенька, засмѣявшись.
 — Какой ключъ? спросила Пелагея Ивановна, смутившись пуще прежняго.
 — Отъ мастерской.
 — Ахти! вскричала Пелагея Ивановна, принужденно улыбуившись: экая разсыпанная! Я вообразила, что запираю свою каморку.
 И эта предосторожность не удалась Пелагеѣ Ивановнѣ; по она все еще не унывала. Письмо половину котораго она прочитала, было такъ важно для нея, что она рѣшилась овладѣть имъ, во что бы то ни стало.
 Она вышла опять въ садъ, но находилась въ лихорадочномъ состояніи; на всѣ вопросы отвѣчала не впадѣть и вздрагивала каждый разъ, когда граверъ приближался къ крыльцу. Состояніе это становилось невыносимымъ; чтобы выйти изъ него, Пелагея Ивановна рѣшилась, наконецъ, прямо идти въ мастерскую и выхватить изъ портфеля письмо.
 Съ этимъ намѣреніемъ вошла она скорыми шагами на крыльцо и, быстро осматрѣвшись, замѣтила, что никто не послѣдовалъ за нею.
 Въ одну секунду очутилась она у двери мастерской.
 — Господи! произнесла она про себя; прости мнѣ мое прегрѣшеніе, но не для себя дѣлаюсь я доносчицей... они погубили Петрушу... пускай они же спасутъ его!...
 Прошло еще двѣ секунды, и Пелагея Ивановна опять стояла у двери мастерской, но за пазухой у нея было письмо.
 Она хотѣла-было идти прямо въ садъ, но почувствовать, что руки ея сильно дрожали, подошла къ окну, выходявшему на дворикъ, на которомъ росли березы.
 Тамъ Пелагея Ивановна оцупала еще разъ письмо и плотнѣе скрестила косынку на груди.
 Окно на дворъ было открыто.
 За заборомъ послышались тяжелые шаги по деревян-

нымъ мосткамъ. Два или три человекъ остановились у воротъ, и Пелагея Ивановна явственно услышала, какъ одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Вотъ домъ Зубова.

— Ждать здѣсь, что ли? спросилъ другой.

— Ждите, ждите; генералъ самъ хотѣлъ быть сейчасъ.

— Ладно.

— Смотрите же, никого не выпускать.

И говорившій удалился.

Сердце Пелагеи Ивановны забилось сильнѣе. Пока она раздумывала о томъ, чтѣ бы это могло значить, къ дому подѣхала одноколка.

Кто-то выскочилъ изъ нея, переговорилъ съ прежде-прибывшими, и постучался въ калитку.

Старая работница Акулина сошла съ черного крыльца, произнесла свое обычное:

— Кого Богъ даетъ? и не торопясь поплелась къ калиткѣ.

Стукъ усилился.

— Иду, иду! проворчала старуха.

Она отворила калитку. На дворъ вошелъ мужчина высокаго роста, въ темнозеленомъ мундирѣ съ краснымъ воротникомъ и красными обшлагами. За нимъ слѣдовали два полицейскіе служителя.

— Антонъ Мануйловичъ! невольно вскрикнула Пелагея Ивановна, отскочивъ отъ окна.

Теперь она поняла все дѣло. Съ необыкновенною живостію выхватила она письмо изъ-за пазухи, вбѣжала въ мастерскую и—вернулась въ садъ, прежде нежели Акулина успѣла ввести туда неожиданнаго гостя.

— Настя, шепнула она молодой дѣвушкѣ: коли будутъ спрашивать, не говори, что я смотрѣла эстампы!

— Коли кто будетъ спрашивать?

— Кто бы то ни былъ! Тсъ, ни слова!

Молодая дѣвушка съ изумленіемъ взглянула на Пелагею Ивановну и хотѣла что-то спросить, но въ это самое время изъ узкаго прохода вышелъ человекъ, прѣ-

жавшій въ одноколку. Одинъ полицейскій служитель слѣдовалъ за нимъ, другой остался у калитки.

Алексѣй Матвѣевичъ, узнавъ въ новоприбывшемъ по мундиру полицейскаго офицера поспѣшилъ къ нему на встрѣчу.

— Ты Зубовъ? спросилъ гость.

— Я, ваше благородіе.

— А это чтѣ за люди?

— Вотъ жена моя, вотъ наша пріятельница Пелагея Ивановна....

— Ага! и ты здѣсь, произнесъ полицейскій офицеръ, устремивъ свои черные, проницательные глаза на гостяю.

Но послѣдняя успѣла уже оправиться. Съ пріятной улыбкой поклонилась она офицеру.

— Здѣсь, ваше сіятельство, здѣсь.... у добрыхъ людей въ гостяхъ; Алексѣй Матвѣевичъ, Мавра Федоровна, кланяйтесь ниже.... къ вамъ пожаловалъ самъ господинъ генералъ-полицеймейстеръ!

Въ это время и Егоръ Назарычъ выступилъ впередъ съ низкими поклонами.

— А ты за чѣмъ здѣсь? спросилъ его Девіеръ.

— Домашній дѣла, ваше сіятельство... въ родственники вступаю... коли вашей милости непротивно....

— А больше никого въ домъ нѣтъ?

— Никого, ваше сіятельство, отвѣчалъ Зубовъ.

— Акулина, батюшка, еще есть, работница.... прибавила Мавра Федоровна; да чай, она вамъ калитку отперла.

— Гдѣ ты былъ сегодня утромъ? спросилъ Девіеръ, опершись на длинную трость и обращаясь къ граверу.

— Гдѣ я былъ? съ изумленіемъ повторилъ послѣдній.

— Да; смотри, отвѣчай безъ утайки.

Всѣ присутствовавшіе съ изумленіемъ посмотрѣли другъ на друга. Пелагея Ивановна удивилась не менѣе, не бо-
лье другихъ.

Алексѣю Матвѣевичу стало что-то страшно.

— Я былъ, отвѣчалъ онъ: у свѣтлѣйшаго князя....

— Смотри, говори по порядку, съ самаго утра! произ-

несъ Девіеръ строгимъ голосомъ, и на лицѣ его вырази-лось безпокойство.

— По порядку, ваше сіятельство? повторилъ нетвердымъ голосомъ Зубовъ.

— Господи Боже мой! Чтѣ ты напроказилъ, Алексѣй Матвѣевичъ? съ безпокойствомъ вскричала Мавра Оедорвна.

— Молчи, не мѣшай! крикнулъ на нее Девіеръ.

— Слышь, молчи, не мѣшай! повторилъ дрожащимъ голосомъ граверъ, обращаясь къ женѣ. Такъ по порядку прикажете разсказывать, ваше сіятельство?

— Да; только смотри, не сбиваться.

— Слушаю, ваше сіятельство.... Я всталъ.... часа-то ужъ я не упомню, ваше сіятельство; только всталъ рано; умылся, ваше сіятельство, надѣлъ чистую сорочку, ваше сіятельство; потомъ хотѣлъ надѣть кафтанъ ореховаго цвѣта, ваше сіятельство, да передумалъ....

— Я тебя спрашиваю, куда ты ходилъ сегодня! нетерпѣливо вскричалъ генераль-полицеймейстеръ.

— Такъ я жъ сперва такъ и началъ, отвѣчалъ Алексѣй Матвѣевичъ, робѣя болѣе и болѣе. Былъ я у свѣтлѣйшаго князя....

— А прежде?

— Нигдѣ; изъ дому я прямо пошелъ къ нему съ эстампами.

Девіеръ вздохнулъ свободнѣе.

— Видѣлъ ты князя? спросилъ онъ.

— Не видалъ; его свѣтлость изволилъ приказать своему секретарю принять отъ меня эстампы.

— Дальше.

— Отъ князя я пошелъ къ его сіятельству графу Апраксину.

— Онъ, вѣрно, принялъ тебя? сказалъ Девіеръ изподлобья глядя на гравера.

— Никакъ нѣтъ; его сіятельство въ Кронштадтѣ.

— Такъ, такъ; дальше.

— Отъ графа я понесъ свои эстампы къ князю Долго-

рукову. Его сіятельство принялъ меня, обласкалъ; — и Алексѣй Матвѣевичъ невольно скорчилъ кислую мину, а потомъ я воротился домой.

— Никуда больше не заходилъ?

— Никуда.

— Ни съ кѣмъ не встрѣтился по дорогѣ?

— Ни съ кѣмъ.

— Говори правду.

— Говорю, ваше сіятельство.

— А какъ пришелъ домой, тогда чтѣ? продолжалъ допрашивать Девіеръ.

— Ничего, ваше сіятельство; съ часъ времени толкую съ Егоромъ Назарычемъ, отвѣчалъ граверъ.

— А эстампы свои куда дѣвала?

— Отдалъ своей дочери, чтобы снесла въ мастерскую. Настя, ты отнесла ихъ?

— Отнесла тятинька, отвѣчала молодая дѣвушка.

— И никому не показывала ихъ? спросилъ ее Девіеръ.

Настя колебалась.

— Отвѣчай смѣло, не робѣй голубушка, сказалъ Девіеръ.

Пелагея Ивановна закашлялась.

— Никому, отвѣчала молодая дѣвушка едва слышнымъ голосомъ.

— Точно ли? спросилъ опять генераль-полицеймейстеръ.

— Я сама видѣла, ваше сіятельство, поспѣшно отвѣчала Пелагея Ивановна, какъ она снесла ихъ въ мастерскую.

Лицо Девіера прояснилось.

— Слушай, Зубовъ, сказалъ онъ: у его сіятельства, князя Алексѣя Григорьевича, пропала со стола весьма важная бумага. Никто, кромѣ тебя, не входилъ въ кабинетъ. Князь немедленно уведомилъ меня о томъ....

— Ваше сіятельство! съ ужасомъ вскричалъ Алексѣй Матвѣевичъ: чтобъ мнѣ, вотъ сейчасъ, на этомъ мѣстѣ, сквозъ землю провалиться, если....

— Постой, постой, перебилъ его Девіеръ: выслушай меня: переговоришь съ княземъ, я разсудилъ, что ты, можешь

быть, захватил нечаянно эту важную бумагу со своими гравюрами....

— Вот это может быть! вскричал Зубовъ, почувствовавъ, что свинцовая тяжесть спала съ груди его.

— Конечно, это очень может быть, подтвердила Пелагея Ивановна.

— Если жъ она не окажется между эстампами.. продолжалъ генераль-полицеймейстеръ.

— Тогда что? спросилъ граверьъ, и свинцовая тяжесть опять опустилась на грудь его.

— Тогда... Девьеръ устремилъ суровый взглядъ на Зубова, — тогда ты увидишь, что съ тобой будетъ!

— Господи, Боже мой! съ отчаяніемъ произнесъ Алексѣй Матвѣевичъ.

— Пойдемъ, покажи мнѣ свой портфель, сказалъ генераль-полицеймейстеръ.

Схватившись обѣими руками за голову, повелъ Зубовъ Девьера въ мастерскую.

Никто изъ оставшихся въ саду не смѣлъ вымолвить слова.

Мавра Федоровна крестилась. Настенька со страхомъ взглянула на Пелагею Ивановну; послѣдняя приложила палецъ ко рту и улыбнулась. Улыбка эта успокоила молодую дѣвушку.

Егоръ Назарычъ вытаращилъ глаза и не спускалъ ихъ съ крыльца.

Изъ-за угла выглядывало равнодушное лицо полицейскаго служителя.

Въ домъ послышались скорые шаги и, почти въ тоже мгновѣніе, Алексѣй Матвѣевичъ, забывъ всякое почтеніе къ генераль-полицеймейстеру, перегналъ его, слетѣлъ съ крыльца, споткнулся, и чуть не сшибъ съ ногъ Пелагею Ивановну.

— Нашлась! закричалъ онъ, наконецъ, радостнымъ голосомъ: нашлась, цѣлехонька! только уголокъ былъ немножко загнутъ... такъ и видно, что я захватилъ ее нечаянно! Нашлась, Мавра Федоровна!

И внѣ себя отъ радости Зубовъ бросился на шею женѣ.
— Нашлась, Егоръ Назарычъ! Нашлась, Пелагея Ивановна! Нашлась, Настенька!... Алексѣй Матвѣевичъ перещеголовалъ всѣхъ и, если бъ полицейскій служитель стоялъ поближе, то и онъ не избавился бы отъ его объятій.

Вслѣдъ за Зубовымъ вышелъ въ садъ Девьеръ. Онъ весело улыбался. Общая радость еще болѣе убѣдила его въ томъ, что никто не видалъ письма....

— Зубовъ, сказалъ онъ ласково: за страхъ, тебѣ причиненный, я куплю у тебя десятокъ экземпляровъ твоей гравюры....

— Ваше сіятельство, вскричалъ граверьъ: не покупайте, примите такъ, въ даръ... осчастливьте!

Алексѣй Матвѣевичъ тотчасъ же вернулся въ мастерскую, вынесъ десять гравюръ, свернутыхъ въ трубку, и отдалъ ихъ полицейскому служителю.

Когда все успокоилось въ домъ гравера, Настенька, воспользовавшись удобной минутой, подошла къ Пелагее Ивановнѣ.

— Вы видѣли бумагу? спросила она шопотомъ.

Пелагея Ивановна утвердительно кивнула головой.

— Смотри, молчи! сказала она: никому ни слова, а не то намъ всѣмъ худо будетъ!

— Неужто?

Пелагея Ивановна кивнула головой.

— А что тамъ написано? съ любопытствомъ спросила молодая дѣвушка.

— Все знать будешь, скоро состарѣешься!...

ГЛАВА IV.

Интрига.

На другой день, на разсвѣтъ, князь Ижорскій выѣхалъ изъ Петербурга.

Въ тотъ же день, вечеромъ, Пелагея Ивановна болѣе часу просидѣла у Варвары Михайловны Арсеѣевой.

Отсутствие князя ижорскаго ободрило враговъ его. Главою ихъ былъ Девьеръ. Ни дарованный ему чинъ генераль-лейтенанта, ни графское достоинство, не могли заставить мстительнаго португальца забыть оскорбленіе. Онъ постоянно старался сближаться съ людьми, втайнѣ ненавидѣвшими князя. Не честолюбивые виды руководили Девьеромъ, а страхъ и ненависть.

Но у князя была покровительница.... женщина, которая подъ видомъ дружбы таила, быть-можетъ, болѣе нѣжное чувство къ человеку, чудная судьба котораго произвела глубокое впечатлѣніе на поэтическое воображеніе ея....

Эта женщина была Варвара Михайловна Арсеньева.

Въ самый день отъѣзда князя ижорскаго, Пелагея Ивановна рассказала ей сцену у Зубова, и сообщила содержаніе письма, нечаяннымъ образомъ найденнаго ею въ портфель гравера.

Пелагея Ивановна старалась оказать важную услугу князю, чтобы имѣть право требовать отъ него награды.

Никогда еще услужливая Пелагея Ивановна не просила вознагражденія за свои труды и хлопоты; въ первый разъ, въ жизнь свою, она была вынуждена къ тому обстоятельствами.

Читатели помнятъ поединокъ Александра Долгорукова съ Бергомъ.

Прель отъѣздомъ въ Кронштадтъ молодой унтеръ-лейтенантъ написалъ письмо, въ которомъ рассказалъ ссору свою съ княземъ, и просилъ одну изъ сосѣдокъ передать это письмо теткѣ его не ранѣе, какъ въ воскресенье.

Сосѣдка въ точности исполнила возложенное на нее порученіе. Пелагея Ивановна обмерла со страху, прочитавъ письмо; но какъ женщина, вполне практическая, она не предалась отчаянію, и сумѣла даже скрыть отъ сосѣдки свое смущеніе.

Надобно помочь горю,—было первое мыслію ея;—какъ помочь?—вторую, а третья мысль была уже отвѣтомъ на вторую.

Не теряя времени на разсужденія, Пелагея Ивановна отправилась въ адмиралтейство. Тамъ, какъ и вездѣ, были у

ней знакомые, съ помощію которыхъ она надѣялась добратъся до Кронштадта. Пелагея Ивановна узнала, что корабль отправится, но не ранѣе втораго часа по полудни. Хотя каждая минута была дорога, однакожъ надобно было покориться необходимости.

Безвѣтріе замедлило ходъ корабля, и онъ прибылъ въ Кронштадтъ только передъ сумерками. Пелагея Ивановна немедленно принялась искать своего племянника. Его нигдѣ не было, и никто не зналъ, куда онъ дѣвался. Угадывая истину, Пелагея Ивановна, со свойственною ей живостью и быстротою соображенія, разсудила открыть все генераль-адмиралу. Ей предстояли двѣ крайности: либо предоставить племянника несчастнымъ послѣдствіямъ поединка, либо предать его суду.

Она рѣшилась на послѣднее, въ надеждѣ, что сильное покровительство князя Ижорскаго смягчитъ приговоръ суда.

Но Пелагея Ивановна ошиблась: Бергъ нанесъ довольно опасную рану своему противнику. Долгоруковы, узнавъ все дѣло, были раздражены, и употребляли все средства, чтобы подвергнуть молодаго унтеръ-лейтенанта строжайшему наказанію. Самъ графъ Апраксинъ, недовольный уже Бергомъ, требовалъ наказанія его, когда узналъ, что онъ былъ зачинщикомъ ссоры.

Дѣло было представлено съ такой стороны, что Меншиковъ не захотѣлъ ходатайствовать за молодаго человека, не смотря на всѣ просьбы Варвары Михайловны.

Петръ Бергъ былъ разжалованъ за поединокъ въ матросы. Единственная милость, исходатайствованная ему Меншиковымъ, состояла въ томъ, что его не отослали въ Ревель, а оставили въ Кронштадтѣ.

Рана, полученная Долгоруковымъ, была зачтена ему въ наказаніе.

Несчастье, постигшее молодаго Берга, глубоко огорчило тетку его; не малаго труда стоило Варварѣ Михайловнѣ успокоить ее обѣщаніемъ, что князь не замедлитъ предоставить молодому человеку случай отличиться и заслужить се-

бъ прощеніе. Въ то время ожидали войны съ Данією; въ этой войнѣ Бергъ долженъ былъ снова заслужить офицерскій чинъ.

Но время проходило. Слухъ о войнѣ не только не оправдался, но даже начинали поговаривать о томъ, что все кончится миролюбивымъ образомъ.

Пелагея Ивановна грустила, плакала, но не унывала. По прежнему продолжала она навѣщать княгиню Прасковью Юрьевну, не знавшую близкаго родства ея съ молодымъ человекомъ, оскорбившимъ брата мужа ея. Пелагея Ивановна терпѣливо выждала, и случай представился. Нечаяннымъ образомъ открыла она интригу противъ Меншикова, и на этомъ основала надежду спасенія своего племянника.

Варвара Михайловна была предувѣдомлена и, въ первую минуту, рѣшилась известить обо всемъ князя; но потомъ раздумала. Опасность была еще не такъ велика, и Варвара Михайловна одна надѣялась отворотить ударъ, угрожавшій Меншикову. Она, съ помощію Пелагеи Ивановны, внимательно слѣдила за дѣйствіями враговъ его.

Послѣдніе дѣйствовали успѣшно. Прошло не болѣе недѣли послѣ отъѣзда князя Ижорскаго, и положеніе многихъ особъ при дворѣ значительно измѣнилось. Преждевременное торжество уже явственно выражалось на лицѣ Девіера.

Положено было отпраздновать блистательнымъ образомъ день Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, въ память покойнаго Императора. Лѣтній садъ былъ великолѣпно убранъ, богатый фейерверкъ приготовленъ, и все напередъ радовалось предстоявшему веселію, долженствовашему напомнить бывшее время; но петербургскій климатъ, который, не въ обиду будь ему сказано, за сто лѣтъ до нашего времени былъ немножко похуже нынѣшняго, испортилъ все дѣло.

Вѣтеръ и проливной дождь заставили отложить празднество со вторника на воскресенье, но погода не поправлялась, и съ четвертаго іюля празднество было отложено еще на недѣлю, до слѣдующаго воскресенья.

Между тѣмъ князь Ижорскій дѣйствовалъ весьма неуспѣшно въ Курляндіи. Возвратившись втораго іюля изъ Митавы

въ Ригу, онъ приказалъ генералу Бону выступить изъ Лифляндіи въ Курляндію, съ нѣсколькими полками.

Враги князя Ижорскаго не замедлили воспользоваться этимъ случаемъ. Они представили Екатерину пагубныя послѣдствія, могущія произойти отъ рѣшительныхъ мѣръ, принятыхъ княземъ.

Указъ арестовать князя на возвратномъ пути его изъ Курляндіи, былъ написанъ.

Враги торжествовали.

Ягужинскій поспѣшилъ передать новость княгинѣ Меншиковой. Дарья Михайловна пришла въ отчаяніе и, со слезами на глазахъ, поспѣшила къ сестрѣ, попросивъ Ягужинскаго послѣдовать за нею.

Варвара Михайловна Арсеньева очень спокойно выслушала сестру.

— Кто вамъ сообщилъ эту новость? спросила она Ягужинскаго.

— Графъ Бассевичъ.

— Графъ Бассевичъ! повторила Варвара Михайловна: а онъ отъ кого узналъ?

— Нѣсколько словъ, сказанныхъ герцогомъ голштинскимъ, открыли ему эту тайну.

— Какъ! Герцогу все известно, и онъ не вступаетъ за Александра Даниловича?... вскричала Варвара Михайловна. Ягужинскій пожалъ плечами.

— Боже мой, Боже мой! мы погибли! съ отчаяніемъ вскричала Дарья Михайловна.

— О, теперь я все понимаю! произнесла тихимъ голосомъ Варвара Михайловна.

— Графъ, ради Бога, помогите намъ, говорила умоляющимъ голосомъ княгиня: посоветуйте, что намъ дѣлать!

— Мнѣ кажется, сказалъ Ягужинскій, что прежде всего должно отправить къ князю нарочнаго и просить его, чтобы онъ не медля ни минуты, вернулся въ Петербургъ; одно присутствіе его можетъ отворотить ударъ...

— Но не будетъ ли поздно? спросила княгиня.

— Нѣтъ, не будетъ поздно! вскричала Варвара Михайлов-

на, послѣ минутнаго размышленія: если нарочный будетъ отправленъ сегодня же, то чрезъ восемь дней Александръ Даниловичъ можетъ быть здѣсь; а до тѣхъ поръ мы можемъ запутать дѣла противниковъ....

— Но мы не знаемъ ихъ! вскричалъ Ягужинскій.

— Я знаю ихъ! отвѣчала Варвара Михайловна, гордо поднимая голову. Глаза ея сверкали.

Ягужинскій съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Варвару Михайловну.

— Графъ! продолжала она рѣшительно: отправьте нарочнаго сегодня же; но человѣка надежнаго, преданнаго вамъ....

— И главное, вскричала княгиня: скройте отъ Бассевича, что вы сообщили намъ....

— Напротивъ, перебила ее Варвара Михайловна: скажите Бассевичу, что мы все знаемъ....

— Помилуй, сестра!

— Скажите ему, спокойно продолжала Варвара Михайловна: что князь извѣщенъ обо всемъ, и что мы ждемъ его съ часу на часъ....

— А! понимаю, сказалъ Ягужинскій, почтительно поклонившись Варварѣ Михайловнѣ.

— Просите Бассевича, чтобы онъ убѣдилъ герцога вступить за Александра Даниловича. Это весьма важно, Павелъ Ивановичъ; отъ того, что отвѣтитъ вамъ Бассевичъ, зависитъ успѣхъ всего дѣла, а потому прошу васъ захватить сюда тотчасъ послѣ вашего разговора съ министромъ герцога голштинскаго.

— Я исполню все въ точности, отвѣчалъ Ягужинскій.

— Я не смѣла бы обратиться къ вамъ, еслибъ не была увѣрена въ искренней привязанности вашей къ Александру Даниловичу, сказала Варвара Михайловна: вы одни можете спасти князя.

Ягужинскій раскланялся и уѣхалъ.

Оставшись одна съ сестрой, княгиня Меншикова опять заплакала.

— Боже мой! говорила она: отврати отъ насъ ударъ, угро-

жающей намъ.... помилуй и спаси насъ!... Сестра! прибавила она: увѣрена ли ты въ томъ, что Ягужинскій можетъ спасти князя?

Варвара Михайловна улыбнулась.

— Ягужинскій—благородный и умный человѣкъ, но его помощь въ настоящемъ случаѣ незначительна.... Мы сами спасемъ князя!

— Но какимъ образомъ, Боже мой!

— Я сама еще не знаю; но надѣюсь, что Господь поможетъ намъ... Прежде всего должно напасть на врага со всѣхъ сторонъ, смутить его, а потомъ нанести рѣшительный ударъ... Но для этого надобно подумать, сообразить....

Увѣренность Варвары Михайловны успокоила нѣсколько княгиню, а когда она удалилась, сестра ея долго и задумчиво глядѣла ей вслѣдъ; потомъ гордо подняла голову и произнесла тихимъ голосомъ:

— Я одна спасу князя!...

И улыбка сознанія собственного достоинства появилась на минуту на блѣдномъ, худощавомъ лицѣ ея....

Варвара Михайловна позвонила.

— Послать сейчасъ за Пелагеей Ивановной, сказала она вошедшей горничной дѣвушкѣ.

Потомъ Варвара Михайловна прошла нѣсколько разъ по комнатѣ, сѣла въ кресло и задумалась.

ГЛАВА V.

АССАМБЛЕЯ.

Наконецъ погода сжалилась надъ петербургскими жителями, нетерпѣливо ожидавшими обѣщаннаго праздника, и въ воскресенье, одиннадцатаго іюля, солнце возшло свѣтлое, лучезарное.

Съ самаго утра къ угламъ домовъ были прибиты объявленія, возвѣщавшія жителямъ столицы, что вечеромъ, въ Лет-

немъ Саду, имѣть быть ассамблея, на которую приглашались всѣ *порядочно-одѣтые* люди.

Порядочно-одѣтыми назывались всѣ, брившіе бороду и носившіе *нѣмецкое* платье.

Съ самаго полудня, на набережной толпился народъ, зѣвавшій на приготовленія къ фейерверку, вывезенному на середину Невы на плоскодонныхъ судахъ, около которыхъ шпыряли по всѣмъ направленіямъ лодки разныхъ формъ и величинъ; на однихъ носовая часть была сдѣлана въ видѣ лебедя; на другихъ красовался уродливый Цептунъ съ трезубцомъ въ рукахъ; третьи были выкрашены разными красками; четвертые убраны зеленью и цвѣтами.

Въ четыре часа картина оживилась еще болѣе. На набережной была давка; Нева, передъ Лѣтнимъ Садамъ, покрылась безчисленнымъ множествомъ мелкихъ судовъ, и яркое, іюльское солнце бросало золотистые лучи на пеструю толпу и на синія струи, волнуемая только веслами удалыхъ гребцовъ.

Въ это же время лодки стали приставать къ берегу, нѣсколько пайсковъ отъ Лѣтняго Сада. Полицейскіе служители наблюдали за порядкомъ у пристани и прочищали дорогу выходившимъ на берегъ.

Изъ шлюбки, принадлежавшей, повидимому, бѣдняку, воспользовавшемуся праздникомъ, чтобы заработать кусокъ хлѣба, вышло на берегъ нѣсколько человекъ. Между ними была женщина среднихъ лѣтъ, разодѣтая впухъ.

Изъ-подъ чепца странной формы падали по обѣимъ сторонамъ лица ея два локона, жесткіе, неподвижные, будто выточенные изъ дерева. Шелковое платье, свѣтлозеленаго цвѣта, съ огромными пестрыми узорами, начиналось отъ самой шеи, украшенной ожерельемъ изъ крупнаго жемчуга, обрисовывало круглыя плечи, прикрытыя кружевнымъ воротникомъ, обхватывало плотную талию и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, раздувалось во всѣ стороны, топырилось на упругихъ фижмахъ. Изъ-подъ платья выказывались ноги, обутыя въ остроносыя башмаки, на высокихъ, красныхъ каблучкахъ.

Это была Пелагея Ивановна, во всемъ блескѣ своего лучшаго, праздничнаго наряда. Она походила на одинъ изъ бронзовыхъ колокольчиковъ, употребляемыхъ нынѣ на письменныхъ столахъ.

Пройдя нѣсколько шаговъ, она остановилась и осмотрѣлась.

Казалось, весь Петербургъ собрался на набережной и на Невѣ. Тихій говоръ народа сливался въ общій гулъ, прерываемый то веселымъ смѣхомъ, то громогласнымъ восклицаніемъ грознаго блюстителя порядка.

Пока Пелагея Ивановна осматривалась, къ ней подошелъ мужчина въ коричневомъ, плисовомъ, саксонскомъ кафтанѣ, такихъ же штанахъ, и въ бѣломъ шелковомъ жплетѣ, украшенномъ шитьемъ изъ золотыхъ и серебряныхъ блестокъ.

Пелагея Ивановна узнала Земцова, со странными ужимками кланявшася ей, и, жеманясь, отвѣчала на поклонъ его. Дома или въ будни, они привѣтствовали бы другъ друга за-просто, какъ довольно короткіе знакомые, но при народѣ и въ нарядѣ надобно было соблюсти церемоніальность.

— Какъ изволите обрѣтаться въ вашемъ драгоценномъ здравіи? спросилъ Земцовъ.

— Довольно изрядно; только жаркота большущая, отвѣчала Пелагея Ивановна, внезапно развернувъ предъ самымъ носомъ сосѣда, безсмысленно глазѣвшимъ на нее, огромное опахало, точно павлиній хвостъ.

— Только бы дожждаться рефраншментовъ.

— Да-съ, и феверка, отвѣчала Пелагея Ивановна, не понявъ послѣдняго слова Земцова. А который теперь часъ?

Архитекторъ важно отогнулъ одинъ край длиннаго жилета и вытащилъ изъ кармана объемистые, серебряные часы, походившіе на луковницу. Посмотрѣвъ довольно долго на циферблатъ, онъ хотѣлъ отвѣчать, какъ вдругъ изъ адмиралтейства раздался пушечный выстрѣлъ.

— Гм! проворчалъ Земцовъ, мои куранты отстаютъ; на нихъ не хватаетъ еще шести минутъ до пяти часовъ.

Вслѣдъ за пушечнымъ выстрѣломъ, по всѣмъ улицамъ по-

слышался барабанный бой, и въ то же время на Лѣтнемъ дворцѣ, въ адмиралтействѣ и въ крѣпости были подняты флаги.

Радостный гулъ пронесся по воздуху, толпа заколыхалась, все лодки направились къ пристани, полицейскіе офицеры и служители засуетились; рѣшетчатая дверь въ садъ отворилась, по сторонамъ ея встали рослые сержанты и, по данному знаку, толпа длинной вереницей потянулась по деревянной мостовой.

— Угодно вамъ принять мою компанію? спросилъ Земцовъ Пелагею Ивановну.

— Весьма благодарствую, коли вамъ непротивно будетъ подождать.

— Зачѣмъ ждать? я проведу васъ....

— Знаю, Иванъ Захарычъ, но мнѣ есть надобность ждать....

— А коли такъ, то и я повременю.

Между тѣмъ народъ продолжалъ пробираться въ садъ, въ которомъ раздались уже звуки веселой музыки. Пелагея Ивановна осматривалась по сторонамъ, а услужливый кавалеръ начиналъ уже расквашиваться въ сдѣланномъ ей предложеніи. Онъ никакъ не могъ понять, что удерживало Пелагею Ивановну; но вдругъ она схватила его за руку и шепнула съ живостію:

— Вотъ сейчасъ и мы войдемъ.

Въ то же мгновеніе громкія восклицанія заставили Ивана Захарыча оглянуться.

— Сторонись, сторонись! кричали слуги въ богатыхъ цвѣтныхъ ливреяхъ, прочищая дорогу и становясь въ недалеющемъ разстояніи другъ отъ друга, по сторонамъ прохода, прочищенного ими въ толпѣ.

Минуту спустя, на берегъ вышла Варвара Михайловна Арсеньева и вступила въ проходъ. Она, по обыкновенію своему, была одѣта въ бѣлое платье безъ шлейфа и безъ всякихъ украшеній; только крупный брилліантъ на шеѣ служилъ запонкой драгоцѣнному кружевному воротнику, складками ниспадавшему на неровныя плечи ея.

За Арсеньевой слѣдовали два пажы, и едва послѣдніе поровнялись съ Пелагеей Ивановной, какъ она ловкимъ движеніемъ пробилась въ проходъ прежде нежели толпа успѣла замкнуться.

Иванъ Захаровичъ слѣдовалъ за нею.

Въ недалекомъ разстояніи отъ рѣшетки находились, на самомъ берегу Невы, три галереи, вокругъ которыхъ наиболѣе толпился средній народъ, съ любопытствомъ изучалъ манеры лучшаго общества, которому входъ въ галереи былъ дозволенъ.

Въ двухъ боковыхъ галереяхъ собиравлись мужчины, въ средней дамы и знатнѣйшіе придворные чины. Въ послѣдней находилась уже вся императорская фамилія, и Арсеньева пошла прямо туда.

Все придворные съ изумленіемъ замѣтили, что княгиня Меншикова, нѣсколько времени уже не появлявшаяся при дворѣ, въ этотъ день почти не отходила отъ Императрицы.

Варвара Михайловна какъ бы рассчитала время, въ которое ей можно будетъ явиться. Въ ту самую минуту, когда она вошла, Императрица чрезвычайно милостиво разговаривала съ сестрой ея. Появленіе Арсеньевой, привязанность которой къ Меншикову была всею извѣстна, произвело нѣкоторое волненіе въ толпѣ придворныхъ.

Почтительно поклонилась она Императрицѣ и Царевнамъ. Елисавета Петровна, взявшая на себя, въ этотъ день, по волѣ своей Матери, обязанность хозяйки, ласково встрѣтила Арсеньеву и поднесла ей чарку меду; Императрица знакомъ подозвала къ себѣ Варвару Михайловну, и приказала ей сѣсть возлѣ себя.

Умная женщина умѣла оживить бесѣду, и вскорѣ Екатерина стала весело и громко смѣяться, невольно увлеченная живымъ разговоромъ Варвары Михайловны.

Между тѣмъ Земцовъ со своей дамой обошли галерею. Отъ каждой изъ нихъ тянулась длинная, широкая аллея.

Пелагея Ивановна поворотила на среднюю.

Земцовъ важно выступалъ впередъ, гордясь своею дамой,

на щеках которой пуше обыкновеннаго разыгрался румянецъ.

Пройдя нѣсколько шаговъ молча, онъ наконецъ наклонился къ ней и спросилъ:

— Можно ли мнѣ теперь, не нарушая респекта, спросить васъ, на какой конецъ вы приказали мнѣ явиться сегодня сюда?

Пелагея Ивановна стыдливо опустила глаза.

— Погодите маленько, послѣ скажу, отвѣчала она тихимъ голосомъ.

Иванъ Захарычъ провелъ языкомъ по губамъ и самовольно улыбнулся.

Больше, нежели когда либо, бросались ему въ глаза пышныя, роскошныя формы Пелагеи Ивановны; она была совершенно подѣ-стать видному, красивому Ивану Захарычу.

Парочка вступила на первую, дамскую площадку, уставленную столами и скамьями. На столахъ были приготовлены разные напитки и сахарныя закуски для дамъ.

— Не прикажете ли какого рефрашисменту? спросилъ Земцовъ.

Пелагея Ивановна пожеманилась, потомъ подошла къ одному столу, вынула чарку меду, отвѣдала брусничнаго варенья и, взявъ кусочекъ коломенской пастилы, вернулась къ архитектору, почтительно остановившемуся возлѣ мраморной статуи.

Они пошли далѣе. Пелагея Ивановна жевала пастилу, а Иванъ Захарычъ безпрестанно откашливался, не зная о чемъ говорить. Такимъ образомъ, дошли они до обширной площадки, по срединѣ которой били два фонтана.

Тутъ гремѣла музыка, и подѣ звуки ея молодые и старыя отплясывали англійскій танецъ, прыгая въ тактъ и не въ тактъ. Позѣвавъ на танцовавшихъ, Пелагея Ивановна повернула въ боковую аллею. Земцовъ опять послѣдовалъ за нею. Роль кавалера начинала уже надобдаться ему. Съ завистию поглядывалъ онъ на другихъ мужчинъ, собиравшихся вокругъ столовъ, въ боковыхъ аллеяхъ, и весело принимавшихся за напитки, трубки и шашки.

Наконецъ они очутились у дубовой рощицы, находившейся передъ дворцомъ. Тамъ было мало народа.

— Иванъ Захарычъ, сказала Пелагея Ивановна, остановившись.

— Что прикажете?

— Хотите ли вы оказать мнѣ большую услугу?

— Съ моимъ удовольствіемъ.

— Только, чуръ, не проговоритесь....

— Буду вамъ какъ рыбаца, отвѣчалъ Иванъ Захарычъ, и еще разъ провелъ языкомъ по губамъ.

— Вѣрю, Иванъ Захарычъ; потому-то я и обратилась къ вамъ.

— Неупто только потому? спросилъ Земцовъ, нѣжно улыбувшись.

— Перестаньте, сказала Пелагея Ивановна, опустивъ глаза: на насъ смотреть.

— Извините, больше не буду, сказалъ Земцовъ, принявъ серіозный видъ.

— Видите ли вы площадку? продолжала Пелагея Ивановна.

— Которую?

— Вошь ту, налѣво.

— Вижу.

— Ступайте туда.

— Ну-съ?

— И останьтесь тамъ....

Иванъ Захарычъ вытаращилъ глаза.

— Чтобы я могла найти васъ, когда вы будете мнѣ нужны, прибавила Пелагея Ивановна.

Земцовъ лукаво улыбнулся.

— Смотрите, не уходите.

— Не уйду-съ; какъ прикованный, сяду на одномъ мѣстѣ.

— И будете слушаться?

— Какъ шклафъ!

— Какъ кто?

— Какъ шклафъ, сиречь преданный человекъ.

— И коли я прикажу вамъ что дѣлать, такъ не спрашивайте зачѣмъ, а исполняйте.

— Земцовъ немножко задумался.

— А какого рода будутъ ваши приказанія? спросилъ онъ.

— Вотъ вы ужъ и спрашиваете!

— Не прогибайтесь, но осмѣлюсь доложить, что дѣло довольно казусное.... Вы, примѣрно сказать, прикажете мнѣ въ прудъ броситься....

— Не бойтесь.

— Или набуянить прикажете?

— Напротивъ, я прикажу вамъ поступать, какъ можно тише, осторожнѣе.

Земцовъ почесалъ лобъ.

— Извольте видѣть, сказалъ онъ: тихо и осторожно можно запустить лапу въ чужой карманъ....

Пелагея Ивановна сердито отвернулась. Архитекторъ спохватился.

— Позвольте, позвольте, сказалъ онъ поспѣшно: вѣдь это я только примѣрно.... не въ обиду вамъ.... Не гнѣвайтесь, пожалуйста....

— Послушайте, Иванъ Захарычъ, сказала Пелагея Ивановна: какъ Богъ святъ, я не потребую отъ васъ ничего дурнаго.... вѣрите ли вы теперь?

Земцовъ помолчалъ нѣсколько секундъ.

— Ну, вѣрю! сказалъ онъ, наконецъ.

— И соглашаетесь исполнять все, что я вамъ прикажу?

— Извольте, такъ и быть.

— Честное слово?

— Наичестнѣйшее.

— Такъ до свиданія!

— Мое почтеніе!

Пелагея Ивановна скоро удалилась, а Земцовъ простоялъ еще съ минуту на одномъ мѣстѣ.

— Лукавый ея знаетъ, что она затѣяла, проворчалъ онъ про себя: говорить, что доброе, а кто порука?... Не убраться ли мнѣ лучше по-доброу, по-здорову? А то еще, пожалуй,

въ такую кашу попадешь, что и самъ не радъ будешь.... Нѣтъ, нельзя.... дакъ слово.... Желалъ бы я знать.... гм!... посмотримъ, посмотримъ, что-то будетъ.... Коли дѣло дрянъ выйдетъ, такъ вѣдь я и лыжи наострю.... А баба славная!... Увидимъ что-то будетъ....

Разсуждая такимъ образомъ, Иванъ Захарычъ дошелъ до площадки, указанной ему Пелагеей Ивановной, взялъ со стола бѣлую глиняную трубку, набилъ ее голландскимъ табакомъ, закурилъ, и подсылъ къ шашечному столику, у котораго завязалась уже партія.

Дама же его прошла нѣсколько шаговъ, скоро поворотила въ боковую аллею и тамъ остановилась, обративъ все свое вниманіе на приближавшуюся группу.

Давъ пройти приближавшимся, Пелагея Ивановна послѣдовала за ними, въ нѣкоторомъ отдаленіи.

ГЛАВА VI.

Прогулка.

Вотъ что между тѣмъ происходило въ средней галерей.

Въ то самое время, когда новая шутка Арсеневой заставила Императрицу громко засмѣяться, вошелъ Девиеръ.

Быстрымъ взоромъ окинулъ онъ присутствующихъ, и досада выразилась на смугломъ лицѣ его, когда онъ увидѣлъ, что по сторонамъ Императрицы сидѣли княгиня Меншикова и сестра ея. Смѣхъ Екатерины еще болѣе раздражалъ его, но, скрывъ досаду, онъ пошелъ прямо къ Государынѣ.

— Ваше Величество, сказалъ онъ, почтительно поклонившись: и праздникъ будетъ не въ праздникъ, коли ваши вѣрные подданные не удостоятся узрѣть васъ, Государыня.... Всѣ съ сердечнымъ нетерпѣніемъ ждутъ появленія Вашего Величества....

Теплая, радостная улыбка остыла, такъ сказать, на лицѣ Императрицы.

Появление Девиера напомнило ей Меншикова....

Екатерина скоро встала и, не сказав ни слова двумъ сестрамъ, пошла къ герцогу голштинскому, разговаривавшему въ это время съ Цесаревнами.

Невольная грусть выразилась на лицѣ княгини Меншиковой.

Едва замѣтная улыбка промелькнула на устахъ Варвары Михайловны. Она уже угадала, что гнѣвъ Императрицы на Меншикова былъ вынужденный.

Быстрымъ движеніемъ она пожала руку сестрѣ и съ пріятной улыбкой присоединилась къ придворнымъ, готовившимся следовать за Государыней въ прогулку ея по саду.

Вездѣ встречали Государыню съ радостными изъявленіями привязанности.

Екатерина останавливалась у танцующихъ, у музыкантовъ, ласково бесѣдовала съ нѣкоторыми знакомымъ ей лицами, уговаривала всѣхъ быть веселыми, и такимъ образомъ обошла весь садъ. По одну сторону ея шелъ герцогъ голштинскій, а по другую Александръ Львовичъ Нарышкинъ, и тотъ и другой старались занимать Государыню.

По собственному ли желанію, или по чьему-либо убѣжденію, Екатерина послѣ прогулки удалилась во дворецъ, чтобы отдохнуть, предоставивъ сопровождавшимъ ее придворнымъ остаться въ саду.

По удаленіи Императрицы, нѣкоторые изъ придворныхъ разошлись попарно въ разныя стороны. Оставшіеся, чловѣкъ десять, простолли минуту въ нерѣшимости.

— Черезъ часъ начнутся танцы въ галерейхъ, сказала герцогиня голштинская: прогулка по саду нѣсколько утомила меня.... Гдѣ бы намъ отдохнуть?

— Не угодно ли Вашему Высочеству идти во дворецъ? спросилъ графъ Толстой.

— Нѣтъ, погода такъ прелестна, что мнѣ хочется остаться на чистомъ воздухѣ, отвѣчала герцогиня.

— Пойдемте къ прудамъ....

— Или въ галерею....

— Останемтесь здѣсь, у дубовой рощицы.

— Или къ музыкантамъ....

— Къ танцующимъ....

Каждый предлагалъ то, что ему самому нравилось.

— Нѣтъ, нѣтъ, возразила герцогиня: тамъ слишкомъ шумно.... Нѣтъ ли мѣста уединеніе....

— Пойдемте къ *Езопу*, произнесла Варвара Михайловна.

Предложеніе это, сдѣланное горбатою Арсеньевой, было такъ забавно, что за нимъ последовало минутное молчаніе; всѣ присутствовавшіе старались удержаться отъ смѣха.

— Въ самомъ дѣль, пойдемте туда, сказала наконецъ герцогиня, улыбаясь.

Анна Петровна и вслѣдъ за нею придворные направили шаги къ тѣнистой аллей.

Арсеньева отстала немножко, оглянулась, кивнула кому-то головой и потомъ догнала общество.

Въ то же время женщина, въ яркозеленомъ, шелковомъ платьѣ, поворотила въ другую сторону къ площадкѣ, на которой находился Иванъ Захарычъ.

Почтенный архитекторъ только-что закурилъ вторую трубку и добился кружки пива. Садясь опять поближе къ игравшимъ въ шашки, онъ хотѣлъ поднести кружку ко рту, какъ почувствовалъ, что кто-то коснулся плеча его.

Онъ быстро оглянулся. За нимъ стояла Пелагея Ивановна.

— Пойдемте, сказала она ему тихимъ голосомъ.

Земцовъ положилъ трубку, поставилъ кружку, не отвѣдавъ нѣнстаго пива, подавилъ вздохъ, подымавшійся изъ глубины груди его, всталъ и отошелъ съ Пелагеей Ивановной.

— Что? начинается? спросилъ онъ ее.

— Начинается.

— Ну, увидимъ, что-то будетъ, проворчалъ Иванъ Захарычъ.

И оба пошли направо отъ площадки, по направленію къ Фонтанкѣ.

На концѣ тѣнистой аллеи, въ которую вступили герцогиня и придворные, возвышалась свинцовая, вызолоченная статуя *Езона*, съ чловѣческой ростъ.

Насмѣшливо поглядывали придворные на выпуклый горбъ древняго баснослова и на Варвару Михайловну; но послѣдняя не выказывала ни досады, ни смущенія; съ прежнею любезностію поддерживала она разговоръ, начинавшій терять прежнюю живость, въ слѣдствіе тайныхъ, насмѣшливыхъ разсужденій, вызванныхъ сравненіемъ горбовъ.

За статуей Езопа была довольно обширная площадка съ дорожками, въ видѣ лабиринта, отдѣленными шпалерникомъ, вышиною въ сажень. По угламъ изгибовъ лабиринта стояли свинцовыя, вызолоченныя статуи, представлявшія каждая одну изъ езоповыхъ басенъ. Фигуры животныхъ были въ настоящую величину, и изъ каждой, соответственно положенію ея, былъ красивый фонтанъ; вода падала въ маленькіе бассейны, обложенные мохомъ и окаменѣлыми раковинами.

Съ правой стороны каждой статуи былъ вбитъ столбъ, къ которому была прикрѣплена жестяная доска, съ объясненіемъ басни, написанной четкимъ шрифтомъ.

Наконецъ, на другомъ концѣ лабиринта, противоположномъ статуѣ Езопа, находился гротъ, обложенный снаружи грубыми, неотесанными камнями, а внутри раковинами.

Вся же площадка была окружена высокими деревьями, бросавшими на нее прохладную тѣнь.

На скамьяхъ, разставленныхъ передъ гротомъ, усѣлись герцогиня, Цесаревна Елисавета и всѣ придворные.

— Какъ здѣсь пріятно! сказала герцогиня.

И вслѣдъ за нею многіе изъ придворныхъ стали восхищаться прелестію мѣста.

— Я не удивляюсь болѣе предпочтенію, оказываемому Варварою Михайловною этому мѣсту, сказалъ Нарышкинъ.

— Да, сказала Арсеньева: я люблю въ выборахъ своихъ соединять пріятное съ полезнымъ.

— Это свойство избранныхъ умовъ, насмѣшливо возразилъ Нарышкинъ: но соединеніе это не всегда возможно; мы очень часто видимъ, прибавилъ онъ, пристально смотря на Варвару Михайловну, что полезному не достаетъ пріятнаго....

— Справедливо, отвѣчала Арсеньева, улыбаясь: но иногда бываетъ и наоборотъ; иной человѣкъ, скользящій очень мило и развязно на гладкомъ паркеть, спотыкается на шероховатой дорогѣ службы....

Варвара Михайловна произнесла этотъ прямой намекъ такъ спокойно и съ такою любезностію, что Нарышкинъ, скрывъ досаду, счелъ за благо разумнѣйшее громко засмѣяться. Вслѣдъ за нимъ засмѣялись и всѣ присутствовавшіе.

— Но вы забыли еще одинъ случай, сказалъ графъ Толстой.

— Какой? спросила Арсеньева, наклонившись нѣсколько впередъ и такимъ образомъ открывъ свой горбъ.

— Иногда неприятное, отвѣчалъ графъ, бросивъ быстрый взглядъ на горбъ Варвары Михайловны: бываетъ совершенно бесполезно.

— Этого случая я не признаю, возразила Арсеньева.

Нѣсколько человѣкъ возстали противъ ея мнѣнія.

— Слѣдовательно зло необходимо, сказала герцогиня.

— Пути Господа неисповѣдимы, отвѣчала Варвара Михайловна торжественнымъ голосомъ.

— Если зло необходимо, возразилъ смѣясь Толстой: такъ нѣзачѣмъ и стараться отвращать его.

— Это другое дѣло, Петръ Андреевичъ; открытое зло служить иногда къ отклоненію другаго, тайнаго зла.... Если, напримеръ, меня кто-нибудь оскорбитъ, то я буду остерегаться этого человѣка и приму мѣры, чтобы онъ не нанесъ мнѣ большаго вреда....

Варвара Михайловна произнесла послѣднія слова такъ выразительно, что Толстой съ изумленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Этотъ примѣръ не убѣдительно, сказала одна изъ придворныхъ дамъ.

— Конечно, прибавила герцогиня: оскорбленіе можетъ быть нанесено въ порывѣ минутнаго гнѣва....

— Или по внушенію недоброжелателей.... сказала Варвара Михайловна, съ удареніемъ на предпослѣднемъ словѣ.

— Ну, да, или по чьему-либо внушенію, продолжала гер-

цогиня, не понявъ настоящего смысла словъ Арсеньевой стало быть тутъ нечего опасаться большаго зла....

— Такъ, Ваше Высочество; если оскорбившій опомнится и сознается, что поступилъ несправедливо, бывши увлеченъ минутнымъ порывомъ или какими-либо наущениями....

Нарышкинъ и Толстой съ изумленіемъ посмотрѣли другъ на друга.

— Наущеніямъ поддаются только люди слабодушные, безхарактерные, произнесъ въ это время за Варварой Михайловной громкій голосъ.

Всѣ оглянулись. Никто не замѣтилъ какъ и когда подошелъ генераль-полицеймейстеръ, а онъ уже нѣсколько времени прислушивался къ разговору.

— Человѣкъ же твердый и благородный, продолжалъ Девіеръ: дѣйствуетъ по собственному произволу, и только прибѣгаетъ иногда къ опытнымъ советамъ искренно преданныхъ ему людей....

— Благодарю, Антонъ Мануиловичъ, сказала Арсеньева съ пріятной улыбкой: вы во-время подоспѣли ко мнѣ на помощь, и поддержали мое мнѣніе самымъ остроумнымъ образомъ. Видите ли, Ваше Высочество, продолжала она, обращаясь къ герцогинѣ: умъ хорошъ, а два лучше. Я готова уже была сознаться, что примѣръ, представленный мною графу Петру Андреевичу, не хорошъ; а между тѣмъ Антонъ Мануиловичъ открылъ настоящую сторону его, доказавъ, что предосторожность необходима, какъ бы ни было нанесено оскорбленіе, съ намѣреніемъ или по малодушію....

— Стало быть вы согласны съ тѣмъ, сказалъ Девіеръ прикусивъ губу: что оскорбленіе остается оскорбленіемъ, какъ бы оно ни было нанесено?

— О, вашъ вопросъ даетъ совсѣмъ другое направленіе нашему разговору, отвѣчала Арсеньева засмѣявшись.

— Все равно, сказалъ Толстой: и мнѣ любопытно знать ваше мнѣніе....

— Благодѣнія могутъ заставить забыть оскорбленія, серьезно отвѣчала Варвара Михайловна.

— Я съ этимъ совершенно согласна! вскричала герцогиня.

ня. Благодѣніе, оказанное оскорбленному, есть нѣкоторымъ образомъ скрытое сознание оскорбившаго въ своей несправедливости.

— Но что называете вы благодѣніями? гордо спросилъ Нарышкинъ.

— О, Александръ Львовичъ, подобные вопросы завлекутъ насъ въ безконечный и скучный диспутъ, отвѣчала Варвара Михайловна. Но желаніе ваше, господа, знать мое мнѣніе, весьма льститъ моему самолюбію, продолжала она, обращаясь къ Толстому и Девіеру: и я считаю пріятною обязанностию отвѣчать вамъ, какъ умѣю.... Вы, какъ мужчины, лучше меня должны знать, что оскорбленія снести нельзя, но и отвѣчать на него можно только въ такомъ случаѣ, если у обиженнаго довольно силы; въ противномъ же случаѣ отвѣтъ есть зло, потому-что неминуемо влечетъ за собою новую бѣду, то есть новое оскорбленіе.... поняли ли вы меня, Антонъ Мануиловичъ?

Эта перестрѣлка была занимательна только для немногихъ, понимавшихъ скрытый смыслъ ея; нѣкоторые изъ придворныхъ дамъ стали уже разговаривать между собою; герцогиня голштинская звѣнула.

— Довольно, довольно! Оставьте этотъ разговоръ; я только и слышу что оскорбленіе, да оскорбленіе, сказала она.

— Да, вскричалъ Нарышкинъ засмѣявшись, Варвара Михайловна наговорила намъ цѣлую кучу оскорбленій!

Шутка эта разсмѣшила всѣхъ придворныхъ. Только Девіеръ остался холоденъ.

Между тѣмъ праздникъ оживлялся болѣе и болѣе. Музыка гремѣла въ разныхъ мѣстахъ; вездѣ слышались радостные клики.

— Все сегодня напоминаетъ мнѣ бывшее время, задумчиво произнесла Елисавета Петровна: мнѣ безпрестанно кажется, что вдругъ между нами появится батюшка и ласковымъ словомъ оживитъ бесѣду....

— Да, для довершенія общей радости, недостаетъ его, со вздохомъ сказала Анна Петровна.

— Александръ Даниловичъ могъ бы своимъ присутствіемъ придать болѣе жизни празднеству, смѣло сказала Варвара Михайловна: но и его нѣтъ!

— Ахъ, скажите, скоро ли вернется князь Ижорскій? спросила одна изъ придворныхъ дамъ.

— Не знаю, отвѣчала Дарья Михайловна: но, вѣроятно, еще не скоро.

— Я даже думаю, что онъ совсѣмъ не вернется, сказалъ Девіеръ съ злобой усмѣшкой.

Княгиня Меншикова поблѣднѣла.

— Какая неприличная шутка! съ неудовольствіемъ сказала герцогиня.

— Я не шучу, возразилъ Девіеръ, продолжая коварно улыбаться: я увѣренъ, что не князь Ижорскій, а герцогъ курляндскій вернется въ Петербургъ.

— Не приготовите ли вы ему приличнаго пріема? спросила шуточнымъ тономъ Арсеньева.

— Непременно; и самое лучшее въ этомъ пріемъ будетъ то, что все семейство выѣдетъ изъ Петербурга.... на встрѣчу князя.

— Стало бытъ и вы съ нами, Антонъ Мануиловичъ? Вѣдь вы близкій членъ нашего семейства....

Генераль-полицеймейстеръ укусилъ губу чуть не до крови.

— Но врядъ ли его свѣтлость останется доволенъ нашимъ пріемомъ, сказалъ Нарышкинъ.

— Отчего же? простодушно спросила Варвара Михайловна.

— Александръ Даниловичъ такъ опытенъ въ подобныхъ дѣлахъ; встрѣчи и проводы, имъ устраиваемыя, всегда такъ искусно придуманы, что онъ съ перваго взгляда увидитъ всѣ недостатки мѣръ, нами принятыхъ....

— О, не безпокойтесь! Князь будетъ признателенъ вамъ и за доброе намѣреніе.... и при первомъ случаѣ отплатитъ вамъ тѣмъ же.

— Очень признательны! сказалъ Нарышкинъ поклонившись.

— Не-за что; долгъ платежомъ красенъ.

Во время этого разговора общество раздѣлилось на нѣсколько группъ; завязались частныя, отдѣльныя разговоры; только герцогиня голштинская не принимала ни въ одномъ изъ нихъ участія. Задумавшись, смотрѣла она то на Варвару Михайловну, то на Девіера.

Арсеньева первая обратилась къ ней.

— Нашъ разговоръ надобдаеть Вашему Высочеству, сказала она.

— Ничего, отвѣчала герцогиня: я слѣдую вашему пріемѣру, соединяю теперь пріятное съ полезнымъ: отдыхаю и учусь.

— Учитесь?

— Да; тамъ, за шпалерниками, кто-то читаетъ толкованіе басенъ.... Онъ сейчасъ дочиталъ одну изъ нихъ, и прибавилъ къ ней свои замѣчанія. Я очень люблю Езопу....

— Ваше Высочество, прервалъ генераль-полицеймейстеръ, оркестръ вашего супруга идетъ уже въ галерею.... Императрица, вѣроятно, уже тамъ....

На дворцовыхъ часахъ пробилъ восемь, и въ то же время изъ-за угла лабиринта вышелъ Бассевичъ.

— Ваше Высочество, сказалъ онъ почтительно подойдя къ герцогинѣ: герцогъ, вашъ супругъ, приказалъ мнѣ просить васъ въ галерею....

— Сейчасъ иду, отвѣчала Анна Петровна, съ грустнымъ выраженіемъ въ голосъ.

Толстой подошелъ къ Девіеру.

— Антонъ Мануиловичъ, сказалъ онъ: отстаньте на минутку; мнѣ нужно переговорить съ вами.

Воспользовавшись этой минутой, Варвара Михайловна поспѣшно приблизилась къ герцогинѣ и шепнула ей:

— Ваше Высочество, старый другъ лучше новыхъ днухъ.

Анна Петровна посмотрѣла на нее съ изумленіемъ.

— Чтò это значитъ? спросила она.

— Спросите послѣ танцевъ графа Бассевича, отвѣчала Арсеньева и, замѣтивъ приближавшагося Девіера, отступила.

Въроятно герцогиня поняла смыслъ словъ Варвары Михайловны, потому что бросила на нее взглядъ, исполненный невыразимой грусти.

Анна Петровна не была честолюбива; кроткое, нѣжное сердце ея не знало ни злобы, ни ненависти; но по слабости характера она легко поддавалась наветамъ окружающихъ ее....

— Антонъ Мануиловичъ, сказалъ Толстой, оставшись на-единѣ съ Девьеромъ: язвительные намеки горбуни безпокоятъ меня. Она все знаетъ.

— Такъ что же? спросилъ генералъ-полицеймейстеръ съ злобнымъ презрѣнiемъ.

— Стало быть и князь Ижорскій извѣщенъ.

— Ничего!

— Онъ можетъ принять мѣры....

— Поздно, графъ, поздно! князю послано уже повелѣнiе немедленно возвратиться въ Петербургъ.

— Но возвратившись....

— Онъ не воротится! возразилъ Девьеръ съ торжествующею злобою; сегодня подписанъ указъ арестовать его на возвратномъ пути!

— Подписанъ! О, теперь намъ нечего опасаться! вскричалъ Толстой.

Между тѣмъ, герцогиня голштинская, вышедъ въ большую аллею, подозвала къ себѣ Бассевича и стала тихо разговаривать съ нимъ.

Варвара Михайловна не спускала съ нихъ глазъ. Она замѣтила, что безпокойство выразилось на лицѣ Анны Петровны, когда министръ герцога отвѣчалъ на вопросъ ея; съ живостию произнесла она еще нѣсколько словъ. Бассевичъ поклонился, отошелъ, и незамѣтнымъ образомъ сталъ приближаться къ Арсеньевой.

Сильно забилось сердце послѣдней; но она скрыла свою радость и продолжала тѣмъ же шагомъ приближаться къ галереямъ.

Тамъ оркестръ игралъ уже польскій, и нѣсколько паръ

расхаживали по галереѣ гордой поступью и съ надутою важностью, отличительнымъ характеромъ этого танца.

Бассевичъ остановился у входа въ галерею, и когда Варвара Михайловна проходила мимо его, онъ поклонился и подалъ ей руку. Арсеньева ласково кивнула ему головой, и они вмѣстѣ вмѣшались въ ряды танцующихъ.

За нѣсколько минутъ до того, Земцовъ одинъ возвращался на прежнюю площадку.

— Право, она дурачить меня, ворчалъ онъ сквозь зубы: затанцила въ лабиринтъ, да заставила читать побасѣнки.... на потѣху двумъ-тремъ зъвакамъ.... да потомъ благодарить.... будто я невьсть какую услугу оказалъ ей.... Не кончено еще, говорить, ступайте опять на ту же площадку и не уходите.... Либо она рехнулась маленько.... либо дурачить меня.... Кто ее разбереть! Просто, такую конфузiю произвела въ моей головѣ, что бѣда!...

Воротившись на площадку, Иванъ Захарычъ увидѣлъ, что мѣсто его занято; онъ залянулъ въ кружку—ее осушили до дна.

ГЛАВА VII.

Г р о т ѣ .

Въ самый разгаръ танцевъ, изъ галереи вышли кавалеръ и дама, и стали пробираться между народомъ, зъвавшимъ на танцующихъ.

Тихо разговаривая, пошли они по большой аллее.

Въ тоже время отъ толпы отделилась женщина въ свѣтло-зеленомъ, шелковомъ платьѣ, и скоро пошла впередъ.

Солнце закатилось. На горизонтъ видна была еще красная полоса, принимавшая болѣе и болѣе сизый цвѣтъ. Все какъ бы подернулось синеватымъ туманомъ и только верхушка креста на куполѣ Троицкой церкви ярко горѣла....

Садъ представлялъ очаровательный видъ. Придворные

слуги зажигали фонари, висѣвшіе на сучьяхъ деревь, по обѣимъ сторонамъ аллей. Бесѣдка, находившаяся по срединѣ пруда на небольшомъ островкѣ, освѣтилась разноцвѣтными огнями, отражавшимися въ гладкой поверхности пруда. По всему саду разсыпались тысячи огней, подобно яркимъ звездочкамъ.

Даровое угощеніе развеселило всѣхъ. Молодёжь плясала доупаду, и мѣстами старички, какъ бы въ науку сынамъ и внукамъ, пускались въ старинный, русскій плясъ. Тутъ нѣсколько служащихъ, собравшись въ кружокъ и потягивая виццо, тихо и не нарушая благопристойности, распѣвали пѣсни; далѣе постукивали шашками, вгоняя другъ друга въ уголъ и безцеремонно произнося роковое слово. Словомъ, всѣ наслаждались, всѣ были счастливы.

И посреди этого общаго веселія тинулась интрига, развязки которой многіе ожидали съ сильнымъ безпокойствомъ.

Кавалеръ и дама, вышедшіе изъ галереи, повернули къ гроту, находившемуся на концѣ лабиринта, украшеннаго изображеніями басенъ.

Всѣ статуи были освѣщены. Внутренность грота оставалась темною, мрачною.

— Графъ, сказала дама: мы теперь похожи на влюбленную парочку, ищущую уединенія...

— Въ любви и въ политикѣ таинственность первое условіе.

— Такъ вы, въ самомъ дѣлѣ, думаете, что мы будемъ толковать о политикѣ?

— Вы забываете, Варвара Михайловна, что я сказалъ въ любви и политикѣ.

— О, графъ! произнесла Арсеньева съ грустнымъ упрекомъ.

Бассевичъ понялъ грубую непристойность своихъ послѣднихъ словъ; будучи сказаны другой женщиной, онъ покалится бы простой шуткой, но въ отношеніи къ бѣдной Варварѣ Михайловнѣ, онъ становился оскорбленіемъ.

Замѣтивъ смущеніе графа и опасаясь, чтобы неумѣст-

нымъ извиненіемъ онъ не увеличилъ оскорбленія, она поспышно вошла въ гротъ и, какъ бы забывъ о неудачной шуткѣ, сказала:

— Вотъ здѣсь, графъ, намъ никто не помѣшаетъ.

Графъ вошелъ за нею.

Снаружи, внутренность грота казалась мрачною, въ сравненіи съ яркимъ освѣщеніемъ сада, но внутри въ немъ можно было явственно различить предметы, при ровномъ отраженіи свѣта отъ фонарей, окружавшихъ статуи.

Арсеньева и Бассевичъ сѣли на скамью, противъ самаго отверстія грота.

Въ то самое время, когда графъ и Варвара Михайловна вышли изъ сада, Иванъ Захарычъ Земцовъ добился, наконецъ, мѣста у шашечнаго столика.

Странно любимыя имъ шашки заставили его забыть на время Пелагею Ивановну и странную роль, которую она заставляла его играть. Партнеръ Ивана Захарыча, канцелярскій служитель, былъ *дока*, обигравшій уже человекъ пять; Земцовъ самъ гордился своимъ искусствомъ и, садясь за столъ, объявилъ своему противнику, чтобы онъ держался.

Партія завязалась: противники обдумывали каждый ходъ, и то еще долго-долго не снимали пальца съ шашки, передвинувъ ее.

Игра объяснилась; побѣда клонилась на сторону архитектора; Иванъ Захарычъ провѣлъ уже двѣ шашки въ дѣмки, держалъ одну шашку противника въ заперти, въ углу, и безпоощадно наносилъ ударъ за ударомъ.

Поощренія зрителей производили на почтеннаго архитектора такое ощущеніе, какъ будто бы его мазали медомъ по губамъ.

Но вдругъ онъ вздрогнулъ; за противникомъ его прѣшла Пелагея Ивановна, слегка кивнувъ ему головою.

— Вамъ ходить, сказалъ канцелярскій служитель.

— Мнѣ?.. сейчасъ... сейчасъ.

Иванъ Захарычъ сходилъ. Зрители вскрикнули съ испугомъ.

Канцелярскій служитель однимъ разомъ взялъ три шапки.

— Что вы сдѣлали! вскричалъ одинъ изъ зрителей: надобно было ходить съ этой!

— Ничего.... ничего.... поправлюсь, отвѣчалъ Иванъ Захарычъ, теряясь болѣе и болѣе.

Онъ сходилъ еще разъ.

— Дамку фукну! торжествуя закричалъ канцелярскій служитель.

— Какъ, какъ! позвольте.... зачѣмъ вы ее фукнули? вскричалъ Иванъ Захарычъ, чувствуя, какъ холодный потъ выступалъ на лбу его.

— Ей надо было брать.

— Гдѣ, братъ?

— А вотъ....

И канцелярскій служитель показалъ ходъ.

— Ахъ, Пелагея Ивановна! съ досадою вскричалъ Земцовъ.

Вся захохотали.

— А вотъ мы ее, Пелагею Ивановну, къ рукамъ прибегремъ, сказалъ противникъ архитектора.

— Пойдите, пойдите, съ досадою отвѣчалъ послѣдній; не радуйтесь, еще не кончено.... Извольте-ка ходить.

— Да не мнѣ.... вамъ ходить.

— Мнѣ?... Ну-ка, ну-ка; я вотъ такъ схожу.... что вы скажете теперь?..

Зрители всплеснули руками.

— А вотъ я что скажу, отвѣчалъ канцелярскій служитель съ торжествующимъ спокойствіемъ: разъ беру....

— Какъ берете! позвольте-ка.... съ отчаяніемъ вскричалъ Земцовъ.

— Два беру.... и дамку беру....

— Ахъ, чортъ возьми!

— Да возьми глаза-то въ зубы! сказалъ одинъ изъ зрителей Земцову.

— Все равно! вскричалъ послѣдній, рѣшившись на отчаян-

ный ходъ: не обыграть же вамъ меня! Пускай лучше ничья будетъ.

Отчаянный ходъ погубилъ Ивана Захарыча.

— Ничья? повторилъ противникъ его: ой ли?... ну-ка теперь чья?

Иванъ Захарычъ проигралъ.

— Эту я беру, сказалъ канцелярскій служитель; а этой...

И онъ произнесъ роковое слово.... нужно ли говорить, какое это слово? спросите игрока въ шашки, что всего обиднѣе въ проигрышѣ?

Земцовъ вскочилъ взбѣшенный, заплатилъ два алтына и отошелъ отъ стола.

Пелагея Ивановна нетерпѣливо ждала его.

— Какъ вы долго, Иванъ Захарычъ, сказала она: пойдете скорѣе!

— Оконфузили вы меня, Пелагея Ивановна, осрамили! съ сердцемъ отвѣчалъ ей архитекторъ.

— Что такое, что такое?

— Да какъ же; игра была такая, что ребенокъ бы выигралъ... двѣ дамки....

— Прогрыша вамъ жалко!

— Не прогрыша, Пелагея Ивановна, а амбиціи!

— Ну, ничего, Иванъ Захарычъ; послѣ поправитесь; теперь пойдете скорѣе....

— Куда? съ досадою спросилъ Иванъ Захарычъ: опять побасенки читать?

— Эхъ, Иванъ Захарычъ, кабы вы знали.... Ну, да послѣ узнаете.... пойдете скорѣе....

Земцовъ невольно послѣдовалъ за Пелагеей Ивановной. Скорыми шагами повела она его къ галереямъ.

— Иванъ Захарычъ, сказала она ему дорогой: теперь дѣло будетъ потруднѣе и поважнѣе перваго.

— Ну, ну.

— Вы знаете князя Алексѣя Григорьевича Долгорукова?

— Знаю.

— Прикажите одному изъ придворныхъ лакеевъ вызвать его, сказала Пелагея Ивановна.

— Вызвать князя? а зачѣмъ?

— Слушайте только; вотъ какъ вызовутъ князя, вы скажите, что имѣете сообщить ему нѣчто весьма важное и секретное.

Архитекторъ вытаращилъ глаза на Пелагею Ивановну.

— Понимаете? спросила она его.

— Пока еще ничего не понимаю. У меня съ княземъ никакихъ секретовъ нѣтъ.

Пелагея Ивановна осмотрѣлась, приблизилась къ Земцову и, остановившись въ темномъ мѣстѣ, продолжала:

— Скажите князю, что вы подслушали важный секретный разговоръ двухъ особъ.

— Что вы Пелагея Ивановна! Богъ съ вами! вскричалъ Земцовъ, отмахиваясь руками.

— И что вы сочли священнымъ долгомъ донести о томъ князю.

— Ничего не скажу! Я никакого разговора не слыхалъ, а хоть бы и слышалъ, такъ не мое дѣло.

— Не горячитесь, Иванъ Захарычъ; я не введу васъ въ бѣду; это только такъ....

— Слуга покорный! Нѣтъ я ни за что не рѣшусь на такую шутку!...

— Ахъ, Боже мой! это не шутка.... вы скажете истинную правду.... князь самъ удостоверится въ томъ....

— Ну! понимай кто хочетъ! то правда, то не правда.... Пелагея Ивановна, сказалъ Земцовъ принявъ серьезный видъ: позвольте мнѣ спросить васъ объ одномъ.

— Спрашивайте, да только скорѣе.

— Вы не разсердитесь?

— Да говорите же скорѣе!

— Пелагея Ивановна.... не рехнулись ли вы крошечку?

Пелагея Ивановна такъ сердито топнула ногой, что Земцовъ невольно отступилъ.

— Иванъ Захарычъ, сказала она рѣшительно: хотите ли вы исполнить то, о чемъ я васъ прошу?

— Помилуйте, Пелагея Ивановна....

— Говорите: да или нѣтъ?

— Нѣтъ!

Пелагея Ивановна судорожно сжала руки.

— Ну, Иванъ Захарычъ! сказала она почти со слезами: я не ожидала этого отъ васъ.... Мнѣ самой этого сдѣлать нельзя, потому что князю известно, что я знаю Варвару Михайловну.

— Какую Варвару Михайловну?

— Богъ съ вами, Иванъ Захарычъ! но вы будете виноваты!

— Я виноватъ?... Я? повторилъ Иванъ Захарычъ; потомъ прибавилъ про себя: рехнулась, ей-ей, рехнулась....

Пелагея Ивановна въ судорожномъ волненіи схватила руку его.

— Послушайте, Иванъ Захарычъ, сказала она: клянусь вамъ передъ Богомъ, что сегодня же я вамъ все открою.... только помогите!

Пелагея Ивановна плакала; слезы ея тронули Земцова.

— Я не требую отъ васъ ничего худого, продолжала она умоляющимъ голосомъ: послѣ вы сами рады будете, что помогли доброду дѣлу.

— Да доброе ли оно? спросилъ архитекторъ, колеблясь.

— Доброе, Иванъ Захарычъ, право, доброе!

— Побожитесь.

— Ей Богу! Будь я анаѣема, если лгу!

Земцовъ почесалъ затылокъ, потомъ махнулъ рукой.

— Такъ и быть! сказалъ онъ. Извольте, удружу!

Пелагея Ивановна радостно сжала руку его.

Скоро они пошли впередъ. Пелагея Ивановна съ жаромъ говорила; Иванъ Захарычъ слушалъ и разспрашивалъ.

Сердце замерло у Земцова, когда онъ сталъ подходить къ галереямъ; но ободрившись и убѣжденный, наконецъ, что помогаетъ доброду дѣлу, онъ въ точности исполнилъ наставленія Пелагеи Ивановны.

Долгоруковъ вышелъ важный, гордый.

Это происходило въ то самое время, когда Варвара Михайловна и Бассевичъ вошли въ гротъ.

Архитекторъ, отойдя съ княземъ въ сторону, переска-

заль ему слова Пелагеи Ивановны. Голось его, дрожавший от радости и смущения, придавалъ болѣе вѣроятія разсказу.

— А! это очень важное обстоятельство, сказалъ Долгоруковъ.

— Простите мнѣ, ваше сіятельство, мою дерзость, но я бы совѣтовалъ вамъ собственными ушами удостовѣриться въ справедливости моихъ словъ. Обстоятельство это тѣмъ важнѣе, что я слышалъ, какъ разговаривающіе нѣсколько разъ произнесли ваше имя....

Долгоруковъ задумался на минуту.

— Ты правъ, сказалъ онъ: гдѣ они?

— Въ гротъ, какъ я уже имѣлъ честь докладывать вашему сіятельству.

— Я самъ пойду туда; а ты не уходи отсюда. Ты, можетъ быть, заслужилъ награду....

Долгоруковъ удалился. Едва прошелъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ Земцовъ ускользнулъ въ сторону.

— Спасибо! говорилъ онъ про себя: не нужно мнѣ твоей награды.... Довольно я напроказилъ.... теперь убраться бы поскорѣе отсюда, по добру-по-здорову.

Земцовъ пробрался къ садовой двери: она была заперта, по обыкновенію, установленному Петромъ I; послѣ восьми часовъ никого уже не впускали и не выпускали.

Надобно было остаться; но чтобы не встрѣчаться болѣе съ Пелагеей Ивановной, архитекторъ забрался въ сторону, противоположную площадкѣ.

Князь Алексѣй Григорьевичъ прошелъ нѣсколько шаговъ по направленію къ площадкѣ, потомъ остановился, подумалъ и подозвалъ къ себѣ одного изъ блюстителей порядка, чинно прохаживавшихся по саду.

— Гдѣ Антонъ Мануимовичъ? спросилъ онъ его?

— Не могу знать-съ.

— Отъищи его скорѣе, да скажи ему, что князь Долгоруковъ проситъ его пожаловать къ гроту.

— Къ кому, ваше сіятельство?

— Къ гроту, что за лабиринтомъ. Знаешь?

— Не могу знать, ваше сіятельство.

— Ну, къ Езопу!

— Слушаю, ваше сіятельство.

Распорядившись такимъ образомъ на всякій случай, князь пошелъ далѣе.

Между тѣмъ, Варвара Михайловна и Бассевичъ, войдя въ гротъ, просидѣли нѣсколько секундъ молча. Ни онъ, ни она не хотѣли начать разговора, боясь съ самаго начала обнаружить свои тайныя мысли.

Наконецъ Бассевичъ понялъ, что молчаніе его, въ настоящую минуту, было выразительнѣе словъ, а потому рѣшился прервать молчаніе.

— Варвара Михайловна, сказалъ онъ: съ самаго прихода вашего на ассамблею, я искалъ случая переговорить съ вами на-единѣ. Теперь случай этотъ представился, но я не знаю съ чего начать....

— Начните съ начала, сказала улыбающагося Арсеньева.

— Я надѣялся, что вы поможете мнѣ приступить къ дѣлу....

— Къ какому дѣлу?

— Будто бы вы ничего не знаете?....

— Графъ, я не скажу вамъ, что *все* знаю, чтобы вы не приняли этого за грубую уловку нѣкоторыхъ людей, которые съ помощію ея иногда и добиваются части истины.... не скажу также, что *ничего* не знаю, потому что вы мнѣ не повѣрите.

— Она все знаетъ, подумалъ Бассевичъ: но ея спокойствіе изобличаетъ контрпину.... допытаться. Варвара Михайловна, сказалъ онъ вслухъ: у князя Ижорскаго есть сильныя враги.

— Что это? предостереженіе или введеніе къ печальному извѣстію?

Бассевичъ не ожидалъ этого прямого вопроса.

— Еслибъ я могъ предостеречь васъ, то сдѣлалъ бы это давно....

— Ага! сказала Арсеньева съ притворнымъ спокойствіемъ.

емъ: стало быть, мнѣ остается ожидать, чтобы вы открыли мнѣ печальное извѣстіе.

— Повѣрьте, что я ничего не зналъ; все совершилось такъ быстро, такъ неожиданно.... только вчера узналъ я, и то случайно....

— Что же вы узнали?

Графъ молчалъ.

— Вы пугаете меня, графъ! вскричала Арсеньева: говорите ради Бога, не мучьте меня!

— Погибель князя Ижорскаго неизбежна, отвѣчалъ едва слышимымъ голосомъ Бассевичъ.

Сильно ждалось сердце Варвары Михайловны; она почувствовала, какъ вся кровь ея нахлынула къ нему; но съ необыкновеннымъ усиліемъ скрыла она свое волненіе и, посмотрѣвъ на графа, спросила спокойнымъ голосомъ:

— Вы думаете?

— Не думаю, а знаю. И будьте увѣрены, что еслибъ я узналъ о томъ прежде, то не преминулъ бы предостеречь князя.

— Благодарю за намѣреніе, и за откровенность отплачу вамъ откровенностью: князь уже предостереженъ.

— А! произнесъ графъ съ изумленіемъ: давно ли?

— Такъ давно, что если планъ его протівниковъ покажется ему достойнымъ вниманія, то онъ скоро будетъ здѣсь...

— Когда? съ безпокойствомъ спросилъ Бассевичъ.

— Въ эту ночь или завтра утромъ.

— Но его арестуютъ на дорогѣ! неосторожно вскричала графъ.

— Арестуютъ! съ невольнымъ страхомъ повторила Варвара Михайловна: арестуютъ?... стало быть?....

Бассевичъ опомнился и судорожно стиснулъ зубы. Онъ раскался въ томъ, что проговорился.

— О, это ужасно! произнесла Варвара Михайловна, какъ бы про себя. Послушайте, графъ....

Она не договорила. Въ некоторомъ разстояніи отъ грота послышался легкій кашель. Мгновенное размышленіе возвратило сестрѣ княгини Меншиковой спокойствіе.

— Графъ, сказала она, повысивъ нѣсколько голосъ: безпокойство мое напрасно.... Правда, погибель неизбежна; но не князя, а враговъ его. Вникните сами въ дѣло, и вы убѣдитесь въ справедливости моихъ словъ. Чтобы доказать вамъ свою признательность за участіе, принимаемое вами въ князь, я буду съ вами совершенно откровенна.

Произося эти слова, Арсеньева бросила быстрый взглядъ на потолокъ грота. Противъ самаго того мѣста, гдѣ она сидѣла, была проведена вверхъ жестяная труба для провѣтриванія внутренностей грота и уничтоженія въ немъ сырости. Въ эту трубу видна была маленькая частичка синѣвашаго вечерняго неба; но вдругъ что-то черное заслонило отверстие ея.

— Князю Ижорскому известны и интрига, и всѣ лица, принимающія въ ней участіе. Главную роль въ ней играетъ благородный родственникъ князя.... Вы его знаете, произнесла Варвара Михайловна съ некоторою горечью.

Бассевичъ молча кивнулъ головою.

— Кто измѣняетъ родному, продолжала Арсеньева, тому чужаго обмануть ничего не значить. Девіерь интригуетъ для того, чтобы погубить князя Ижорскаго.

— Ради Бога тише! сказалъ Бассевичъ тихимъ голосомъ: кто-то идетъ....

Въ лабиринтѣ слышались приближавшіеся шаги.

— Князь Алексѣй Григорьевичъ, гдѣ вы? произнесъ громкій голосъ.

— Девіерь! проговорилъ тихимъ голосомъ Бассевичъ. Пойдемте, пойдемте, Варвара Михайловна; онъ не долженъ видѣть насъ вмѣстѣ....

И взявъ Арсеньеву за руку, графъ поспѣшно увлекъ ее въ сторону лабиринта, противоположную той, откуда приближался Девіерь.

— Гдѣ вы, князь? спросилъ еще разъ послѣдній.

— Здѣсь! отвѣчалъ другой голосъ.

— Девіерь и Долгоруковъ! съ изумленіемъ произнесъ Бассевичъ.

— Что я вам говорила графъ, сказала Варвара Махайловна.

И они поспѣшно удалились.

ГЛАВА VIII.

ФЕЙЕРВЕРКЪ.

Девіеръ и Долгоруковъ встрѣтились передъ гротомъ.

— Ага, вы здѣсь, князь, сказалъ первый.

— Здѣсь, отрывисто отвѣчалъ Долгоруковъ.

— Вотъ и я.

— Очень радъ.

— Вы звали меня сюда?

— Звалъ.

— Зачѣмъ?

— Я думалъ, что вы понадобится; да, слава Богу, и безъ васъ дѣло обошлось.

— Что это значить, князь? спросилъ генераль-полицеймейстеръ, оскорбленный тономъ Долгорукова.

— Это значить, что кто два зайца вдругъ гоняетъ, и одного не изымаетъ....

— Ради Бога, вскричалъ Девіеръ съ безпокойствомъ: объяснитесь, ваше сіятельство.

— Само объяснитесь, ваше сіятельство! грубо отвѣчалъ Долгоруковъ, и, отвернувшись, пошелъ прочь.

Генераль-полицеймейстеръ съ изумленіемъ глядѣлъ ему вслѣдъ; потомъ пожалъ плечами и презрительно улыбнулся.

— Лукавишь, Гишпанецъ! ворчалъ удаляясь князь Алексѣй Григорьевичъ.

Разговоръ, подслушанный имъ, до того поразилъ Долгорукова, что ему надобно было привести въ порядокъ свои мысли и придумать мѣры къ уничтоженію замысловъ гене-

раль-полицеймейстера; а потому онъ не прямо вернулся къ галереямъ, а пошелъ прогуляться по саду.

Дойдя до Шхиперской площадки, онъ хотѣлъ поворотить въ сторону, какъ увидѣлъ въ одной группѣ Земцова, съ кружкой пива въ рукахъ.

Долгоруковъ пошелъ прямо къ нему и ударилъ его по плечу.

Земцовъ оглянулся, вздрогнулъ и выронилъ кружку изъ рукъ, забрызгавъ пивомъ свои новые плюсовые штаны. У него подкосились ноги.

— Чего ты испугался? сказалъ ему князь.

— Ничего, ваше сіятельство.... Я.... то есть....

Языкъ бѣднаго архитектора отяжелѣлъ отъ страха.

— Ступай-ка сюда.

— Ну, пропала моя головушка! подумалъ Иванъ Захарычъ, слѣдуя за Долгоруковымъ.

— Что ты за человекъ? спросилъ его послѣдній, отойдя нѣсколько въ сторону.

— Я?... то есть я?

— Ну, да, ты.

— Я служу.... служу, ваше сіятельство, въ медицинской канцеляріи....

— А какъ тебя зовутъ?

— Меня.... меня зовутъ.... Водичкиннмъ.

— Водичкиннмъ?

— Точно такъ, ваше сіятельство.

— Ну, я тебя не забуду.... ты оказалъ мнѣ важную услугу....

Долгоруковъ удалился, а Земцовъ все стоялъ на одномъ мѣстѣ, вытаращивъ глаза, разинувъ ротъ и растопыривъ руки.

Онъ простоялъ бы еще долго въ этомъ положеніи, еслибъ надъ самымъ ухомъ его не послышался голосъ Пелагеи Ивановны.

— Куда вы пропали, Иванъ Захарычъ, сказала она: ужъ я искала, искала васъ! Весь садъ обходила....

— Вот тебѣ и медицинская канцелярія! проговорилъ Земцовъ, прійдя въ себя.

— Что? спросила Пелагея Ивановна.

— Вот тебѣ и Водичкинъ!

— Какой Водичкинъ?

— Такъ себѣ, никакой.

— Пойдемте, Иванъ Захарычъ....

— Опять? Нечто мы еще какую штуку выкинемъ?

— Что вы кричите? сказала Пелагея Ивановна осматриваясь. Слушайте, Иванъ Захарычъ! Князь пріѣхалъ!

— Какой князь?

— Александръ Данилычъ Меншиковъ.

— А мнѣ какое дѣло?

— Надобно всѣмъ рассказывать.... Впрочемъ начните только, а послѣ вамъ же будутъ рассказывать.... вы съ того конца, а я съ этого.

— Пелагея Ивановна, тутъ опять что-нибудь да кроется, сказалъ архитекторъ, покачавъ головой. Дошлимы мы съ вами до чего-нибудь нехорошаго!

— Не бойтесь; я за все отвѣчаю. Ступайте только. До свиданія!

— Пойдите, пойдите; я вѣдь позабылъ, куда свѣтлѣйшій ѣздилъ.

— Въ Митаву и въ Вихляндію.

— То есть въ Митаву и въ Лифляндію, возразилъ болѣе грамотный Иванъ Захарычъ. Такъ онъ пріѣхалъ?

— Да, да. До свиданія!

Они разошлись, но Пелагея Ивановна воротилась.

— Иванъ Захарычъ, сказала она: скоро начнется февраль.... подождите меня у галдарей; мы вмѣстѣ выйдемъ изъ сада.

— Не премину.

И они опять разошлись.

Небо подернулось тучами, сгустившими ночную темноту, посреди которой освѣщеніе сада казалось еще болѣе яркимъ, блистательнымъ.

Былъ десятый часъ въ исходѣ. Мѣстами гаснули уже

фонари, и придворные слуги не замѣняли догорѣвшихъ свѣчей новыми. Танцовавшіе выбились изъ силъ; музыканты, разставленные въ разныхъ мѣстахъ сада, оглашали еще воздухъ дикими, нестройными звуками. Возлѣ столовъ валялись осколки глиняныхъ трубокъ, опрокинутыя кружки и бутылки. Слуги убирали пустыя тарелки, и уже мѣстами, на травѣ и въ кустахъ, раздавалось хрѣпаніе гостей, побѣжденныхъ пивомъ, виномъ или усталостію....

Но вотъ пробило десять часовъ.

Съ берега Невы, передъ галереями взвилась ракета. Всѣ гулявшіе бросились къ садовой рѣшеткѣ.

Раздался пушечный выстрѣлъ, другой, третій, и даже уснувшіе повскакали съ мягкаго, но сыраго ложа.

Все устремилось къ рѣшеткѣ. Всѣ спѣшили насладиться зрѣлищемъ фейерверка, которымъ должны были кончиться всѣ радости этого дня.

И во время общей суматохи, по толпѣ пронесся глухой говоръ.....

— Свѣтлѣйшій князь пріѣхалъ! раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Народъ высыпалъ на набережную. Придворные же и знатнѣйшія особы наполнили галерею.

Послѣ перваго пушечнаго выстрѣла, въ среднюю галерею вошелъ слуга и пошелъ прямо къ Варварѣ Михайловнѣ Арсеньевой, которая въ это время стояла одна, посреди залы, такъ что всѣ могли ее видѣть.

Лакей подалъ ей письмо.

Варвара Михайловна поспѣшно распечатала его, пробѣжала глазами и, осмотрѣвшись, пошла къ своей сестрѣ. Переговоривъ о чемъ-то шопотомъ, обѣ пошли къ Императрицѣ и просили позволенія удалиться.

Государыня освѣдомилась о причинѣ преждевременнаго удаленія ихъ. Дарья Михайловна отвѣчала, что неожиданный домашній случай требуетъ ихъ присутствія. Императрица молча кивнула головой.

Княгиня и сестра ея ушли, и минуту спустя, когда съ

крѣпости раздался второй выстрѣлъ, отъ берега отчалила лодка, освѣщенная фонарями.

Передъ окномъ, у котораго находилась Екатерина, была проволока, натертая порохоуъ и проведенная къ транспаранту, поставленному на берегу Невы съ вензелеуъ покойнаго Императора. Во ожиданіи третьяго выстрѣла одинъ изъ придворныхъ взялъ въ руку фитиль, чтобы зажечь проволоку.

У входа въ галерею показался графъ Девіеръ. Онъ былъ блѣденъ, встревоженъ.

Скорыми шагами пошелъ онъ къ Бассевичу, стоявшему возлѣ герцога голштинскаго, за Императрицей.

Разстроенный видъ Девіера поразилъ Бассевича.

— Что съ вами, графъ? Что случилось? спросилъ онъ.

Раздался третій выстрѣлъ.

— Меншиковъ пріѣхалъ! произнесъ генералъ-полицеймейстеръ, посреди наступившаго молчанія.

Секунду спустя транспарантъ освѣтился; прошла еще секунда, и по срединѣ Невы, какъ-бы изъ темно-синей пучины, взвились ракеты, зажглись храмы, затрещали бураки....

ГЛАВА IX.

КУПЕЧЕСКАЯ ВЕЧЕРИНКА.

На другой день открылось, что слухъ о пріѣздѣ Меншикова былъ ложный.

Варвара Михайловна поняла положеніе дѣлъ. Она воспользовалась тѣмъ, что сообщила ей Пелагея Ивановна, собственною наблюдательностію дополнила многое, проникательностію угадала скрытое, а умомъ соединила, связала, сообразила всѣ обстоятельства и на итогу своихъ размышленій основала планъ дѣйствій. Вскорѣ приказаніе объ арестованіи князя Ижорскаго было отменено. Ровно десять дней спустя послѣ праздника въ Лѣтнемъ-Саду, князь возвратил-

ся въ Петербургъ. Неудачная попытка враговъ его только увеличила его силу.

Искренняя, глубокая признательность князя вознаградила Варвару Михайловну за услугу, ему оказанную.

Пелагея Ивановна была вполне осчастливлена. Племянникъ ея, за искреннее раскаяніе, былъ опять пожалованъ мичманомъ.

Земцову князь Ижорскій поручилъ постройку церкви въ Ораніенбаумѣ, а Зубову заказаны гравюры къ *исторіи* Петербурга, предпринятой уже по указу, данному покойнымъ Императоромъ.

Между тѣмъ одно дѣло не заставляло Пелагею Ивановну забывать другія дѣла.

Въ домъ Егора Назарыча Рябкова готовился пиръ.

Сватовство кончилось, росписи были закрѣплены, обрученіе совершенно; оставалось только идти подъ вѣнецъ.

Свадьбу положили отпраздновать три дня спустя послѣ Успенскаго поста.

Мавра Фѣдоровна ликовала. Она представила дочь свою княгиню Долгоруковой, и послѣдняя отпустила ее съ богатымъ подаркомъ. Добрый Рябковъ, не слышавшій души въ Настенькѣ и помолодѣвшій уже отъ однихъ чинныхъ сношеній со своею молоденькою невѣстою, наслалъ ей множество отличныхъ даровъ.

Впечатлѣніе, произведенное на сердце Настеньки молодымъ морякомъ, мало-по-малу изгладилось. Она свыклась съ мыслию сдѣлаться женою Рябкова, а послѣдній умѣлъ заслужить, если и не любовь, то искреннюю привязанность молодой дѣвушки.

Егоръ Назарычъ былъ человекъ примѣрной честности; будучи недальнаго ума, онъ обладалъ всеми качествами, составляющими забывать недостатокъ ума; онъ былъ кротокъ, добръ, скроменъ; не зналъ, что значить спорить, и каждому готовъ былъ отдать преимущество предъ собою. Вместе съ тѣмъ прямой, здравый смыслъ вполне замѣнялъ ему умъ въ торговыхъ оборотахъ. По нѣкоторой непредпріимчивости, замѣчательной въ нашемъ купечествѣ и по нынѣ,

онъ никогда не пускался на такъ называемыя *сильныя предпріятія*, по нынѣшнему *спекуляціи*; торговалъ сообразительнѣ и расчетливо, былъ постояненъ, упоренъ въ своихъ дѣйствіяхъ, пользовался счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ и умѣлъ жить малымъ. Разумѣется, что съ такими данными, онъ нашлъ себѣ состояніе, хотя и не огромное, но довольно значительное.

Егору Назарычу стукнуло за сорокъ. Съ нѣкоторыхъ уже поръ онъ сталъ скучать своимъ одиночествомъ, двѣ сестры его, жившія вмѣстѣ съ нимъ, не могли пополнить сердечной пустоты, которую начиналъ чувствовать Рябковъ, не смотря на искреннюю привязанность ихъ къ нему. Замѣчая усиливавшуюся грусть брата, сѣстры стали допытываться причины ея; но Егоръ Назарычъ молчалъ: онъ боялся огорчить сестеръ откровеннымъ признаніемъ.

Но какая сердечная тайна скроется отъ женщины, рѣшившейся выведать ее?...

Сѣстры Егора Назарыча замѣтили, что онъ съ особенною нежностію засматривался на дѣтей и вздыхалъ, когда ему разсказывали, что такой-то женится или женился. Нѣсколько вопросовъ, искусно сдѣланныхъ, открыли имъ, наконецъ, причину грусти Егора Назарыча, и, что бываетъ вѣсьма рѣдко, онъ не только не старался отклонить его отъ желанія ввести въ домъ молодую жену, но сами стали заботиться о пріисканіи ея.

Пелагея Ивановна помогала имъ.

Съ разными предосторожностями объявили, наконецъ, сѣстры брату, что намѣрены женить его. Егоръ Назарычъ сначала нахмурился, думал, что сѣстры, угадавъ тайну его, хотѣли подшутить надъ нимъ; но убѣдившись, что онъ говорили очень серьезно, онъ разохотался, перецѣловалъ сѣстеръ и поспѣшно ушелъ, сказавъ, что подумаетъ.

Онъ думалъ не долго.

Увидѣвъ въ первый разъ Настеньку, Егоръ Назарычъ сначала испугался молодости ея; но сѣстры, которыя обѣ были его старѣе, убѣдили его, что онъ еще молодецъ хоть куда; онъ говорили, что у нихъ всегда сердце болитъ,

когда, какой-нибудь молокососъ, у котораго борода еще не выросла, женится. Маленькое самолюбіе, свойственное каждому человѣку, подтвердило слова сестеръ.

Познакомившись по-короче съ дочерью гравера, Рябковъ привязался къ ней всею душою. Кротость молодой дѣвушки вполне согласовалась съ собственною кротостію его; русская простота Настеньки обрадовала его; онъ боялся обученія по новому, нѣмецкому манеру, не по слѣпой привязанности къ старинѣ, а потому, что его отецъ не обучалъ, а самому въ голову не приходило распространить науку далѣе умѣнья читать по складамъ, да писать съ грѣхомъ по-поламъ.

Егоръ Назарычъ угадывалъ, что бракъ съ Настенькой пополнить сердечную пустоту, но не произведетъ въ жизни его одного изъ тѣхъ рѣзкихъ переворотовъ, которые часто бываютъ убійственны для людей, по привычкѣ тихихъ и кроткихъ. Онъ видѣлъ, что Настенька войдетъ въ жизнь его какъ мирное, нетревожное счастье; что, подобно теплomu, солнечному лучу осветить и согрѣетъ она домашній бытъ его, что она не измѣнитъ спокойствія, которымъ онъ доселѣ наслаждался, но только возведетъ его на степень совершеннаго счастья.

Егоръ Назарычъ Рябковъ жилъ въ собственномъ домикѣ, на лѣвомъ берегу рѣки Мьи, нынѣшней Мойки, наискось отъ деревяннаго зданія гостинаго двора, находившагося на правомъ берегу, тамъ, гдѣ нынѣ домъ Косиковскаго. Обширная, отгороженная роща тянулась за домомъ его.

Возвратившись изъ путешествія своего, Егоръ Назарычъ ревностно занялся украшеніемъ своего жилища, чтобы достойнымъ образомъ принять милую жену. Домъ былъ вновь выкрашенъ подъ горчичный цвѣтъ, ставни ярью, фундаментъ сврой краской съ бѣлыми и черными крапинками, а вся крыша перекрыта черепицами трехъ отѣнковъ, словно паркетъ. Прохожіе засматривались на обновленный домикъ, какъ на игрушку. Роща была очи-

шена, проведены дорожки, а сёстры Егора Назарыча пожертвовали частью огорода для разведения сада.

Передъ окончаніемъ поста все было готово и въ самый день Успенія Богородицы нетерпѣливый Егоръ Назарычъ, желая щегольнуть своими распоряженіями, пригласилъ къ себѣ невесту, чтобы узнать, не найдеть ли она нужнымъ что либо прибавить или перемѣнить, а чтобы пріятнѣе провести время, онъ пригласилъ еще нѣкоторыхъ пріятелей и знакомыхъ на вечеръ посидѣть и хлѣба-соли откушать.

Въ назначенный день, въ четвертомъ часу пріѣхали Зубовъ, жена его и дочь. Для бѣльшей важности Земцовъ предложилъ имъ на этотъ случай свою зеленую однокомку.

Егоръ Назарычъ и сёстры его вышли за порогъ калитки встрѣчать такихъ дорогихъ гостей, и послѣ долгихъ привѣтствій ввели ихъ на дворъ. Тамъ снова начались привѣтствія, сопровождаемыя уже цѣлованьями.

Потомъ стали съезжаться и сходитья прочіе гости. Ихъ привѣтствовали только черезъ порогъ и потомъ вводили въ покой, гдѣ они крестились, кланялись во всѣ стороны, и садились только послѣ долгихъ приглашеній.

Посреди комнаты стоялъ длинный столъ съ закусками всякаго рода, и по мѣрѣ прихода гостей, хозяйинъ и сёстры его немилосердно угощали ихъ.

Часа полтора послѣ пріѣзда гравера пришелъ и Земцовъ.

Иванъ Захарычъ, узнавъ короче Рябкова, пересталъ упрекать родителей Настеньки за то, что они выдаютъ ее за стараго мужа. Онъ убѣдился, что молодая дѣвушка будетъ съ нимъ счастлива. Притомъ же у почтеннаго Ивана Захарыча, питавшаго къ Настенькѣ почти отеческую привязанность, было уже нѣчто въ родѣ настоящей зазнобушки въ сердцѣ. Роскошныя прелести Пелагеи Ивановны плѣнили его, а послѣ приключеній въ Лятнемъ Саду, когда Пелагея Ивановна объяснила ему все дѣло, онъ, просто, пришелъ отъ нея въ такой восторгъ, что втайнѣ замыслилъ непременно предложить ей руку и сердце....

Едва только Земцовъ вступилъ въ покой и, перекрестившись, произнесъ:

— Добраго здравія желаю честной компаніи, — какъ передъ нимъ очутился хозяйинъ съ деревяннымъ подносомъ въ рукахъ, на которомъ стояли графинчики съ наливками и одинъ серебряный кубокъ.

— Иванъ Захарычъ, сказалъ хозяйинъ, прошу откушать.

— Откушайте, милостивецъ, домашней наливки, прибавила одна изъ сестеръ Егора Назарыча, кланяясь гостю въ пось.

— Напрасно изволите беспокоиться; я, то есть, почти человекъ свой, и безъ этой чести не прочь отъ вашей сладенькой, отвѣчалъ Иванъ Захарычъ, посматривая на графинчики.

— Которой прикажете? спросилъ, кланяясь, хозяйинъ.

— Которой? А вотъ ужѣ вечеромъ скажу, отвѣчалъ замѣявшійся Земцовъ: когда отвѣдаю всѣхъ сортовъ, тогда и скажу.

Загушаемый смѣхъ послышался на правой сторонѣ комнаты, гдѣ сидѣли мужчины.

— Видно что человекъ бывалый! шепнулъ одинъ изъ купцовъ своему сосѣду.

— Придворный, братецъ ты мой! отвѣчалъ сосѣдъ.

— Никакъ я послѣдній гость, сказалъ Иванъ Захарычъ, опорожнивъ рюмку и кланяясь.

— Нѣтъ, батюшка Иванъ Захарычъ, не послѣдній, отвѣчалъ хозяйинъ: мы ждемъ еще дорогую гостью....

— Да вотъ никакъ и она! перебила его сестра, поспѣшно выѣгая въ свѣтъ,

Хозяйинъ послѣдовалъ за нею, поставивъ подносъ на столъ. Земцовъ осмотрѣлся.

Въ переднемъ углу сидѣла Настенька между матерью и отцомъ. Бѣдная дѣвушка разыгрывала роль невесты, роль въ старину самую скучную и утомительную; роль, которая молодую дѣвушку пріучала неизвѣстно къ чему, къ терпѣнію, или притворству....

За отцомъ ея сидѣлъ рядъ мужчинъ, занявшихъ свои мѣ-

ста по праву старшинства; по правую руку матери сидѣли старушки, за ними молодухи и, наконецъ, дѣвушки.

И все это было неподвижно, серьезно. Мужчины поглаживали бороды, смотрѣли на полъ, на потолокъ, и только изрѣдка мѣнялись словами. Старушки наблюдали или, вѣрнѣе сказать, высматривали; молодухи, вперивъ глаза въ полъ, хранили глубокое молчаніе; положивъ руки на колѣни, онѣ занимались только *переборочкою*, то есть, вертели однимъ большимъ пальцемъ около другаго. Дѣвицы перешоптывались между собою и закрывались платочками, чтобы скрыть неприличную улыбку.

Настенька была одна, совершенно одна, не принадлежала ни къ одной изъ помянутыхъ категорій. Ей казалось, что на нее были обращены все взоры, и робко, стыдливо потупивъ глаза въ землю, ожидала она конца мученію, которое въ старину называлось *пиромъ*...

Земцову стало жаль ее; и въ то самое время, когда съдой купецъ, сидѣвшій возлѣ Зубова, подвинулся нѣсколько и, изъ уваженія къ нѣмецкому кафтану архитектора, уступалъ ему первое мѣсто, онъ прямо пошелъ къ Настенькѣ.

Это нарушеніе приличій поразило всѣхъ присутствовавшихъ. Мужчины посмотрѣли другъ на друга; старушки покачали головами; дѣвицы закрылись платочками; только молодухи не подымали глазъ, изъ чего, однакожь, не слѣдуетъ, чтобы онѣ ничего не замѣчали.

Въ то же время вошла Пелагея Ивановна, встрѣчаемая хозяевами. За ней слѣдовалъ мододой человекъ красивой наружности, въ мундирѣ мичмана.

— Милости просимъ, матушка Пелагея Ивановна, милости просимъ, говорили хозяева.

— Прошу не взыскать, что позднею пришла, отвѣчала Пелагея Ивановна: да вотъ хотѣлось мнѣ вамъ молодца-то представить; а онъ только что изъ Кронштадта; племянникъ мой, прошу любить да жаловать.

Хозяева, искренно любившіе и уважавшіе Пелагею Ивановну, радушно приняли молодого человека. Притомъ же, появленіе военнаго мундира служило къ чести дома ихъ.

Егоръ Назарычъ поспѣшно ухватился за поднось, но молодой мичманъ рѣшительно отказался отъ паливочекъ, и только по убѣдительной просьбѣ хозяевъ, согласился откушать годовалаго медку. Это обстоятельство придало молодому человеку еще болѣе вѣсу въ глазахъ всѣхъ гостей, и молодыя дѣвушки стали уже посматривать на него изъ-подлобья съ особеннымъ вниманіемъ, на томъ основаніи, что непитушіе были только важныя особы или суженые.

Егоръ Назарычъ нѣсколько смутился; и въ самомъ дѣлѣ, куда посадить такого гостя? Нельзя было оказать *непочтливости* къ старикамъ, а и офицеру нельзя было отвести послѣднее мѣсто; по счастью молодой человекъ самъ вывелъ хозяина изъ затрудненія, избравъ мѣсто, хотя не почетное, но болѣе пріятное — противъ молодыхъ дѣвушекъ.

Между тѣмъ Пелагея Ивановна здоровалась съ знакомыми. Земцовъ, прервавъ разговоръ съ Настенькой, шаркивался на обѣ стороны, къ новому соблазну старушекъ.

— Иванъ Захарычъ, сказала ему Пелагея Ивановна: пойдите-ка, я познакомлю васъ съ племянникомъ. Потолкуйте съ нимъ, батюшка, прибавила она тихимъ голосомъ, и вы увидите, какой онъ молодецъ въ обхожденіяхъ и приємностяхъ.

— Не сомнѣваюсь, отвѣчалъ Иванъ Захарычъ съ любезностью: вѣдь онъ, я полагаю, вашъ воспитанникъ, слѣдственно не можетъ не оказывать жизни пріятную къ людямъ и паче все касающееся до компаніи....

— Рвчисть, родимый! проворчала одна изъ старухъ другой, между тѣмъ какъ Иванъ Захарычъ пошелъ къ молодому мичману.

— Лѣгко-ли-дѣло! возразила другая: по нонишнему, матушка, по иностранному маниру! Наговорилъ съ дѣлымъ коробъ, а толку-то?

— Глаголы безумія, мать моя!

Племянникъ Пелагеи Ивановны не успѣлъ еще пересмотрѣть всѣхъ дѣвушекъ, когда къ нему подошелъ Иванъ

Захарычъ. Они познакомились, и архитекторъ съѣзъ возлѣ молодаго человека.

Между тѣмъ хозяева опять стали обносить гостей. Время проходило очень приятно въ угощеніяхъ со стороны хозяевъ, и въ ласковости со стороны гостей.

— Василій Ивановичъ, выкушайте, милостивецъ! говоритъ Егоръ Назарычъ, переходя отъ старухъ къ старику, сидѣвшему возлѣ Зубова.

— Да не будетъ ли, Егоръ Назарычъ? возразилъ старикъ, вставая.

— Не обижайте, Василій Ивановичъ, одну-то чарочку выпили, да ужъ и довольно!

— Ну инъ такъ и быть; только пушай угостить меня невѣстуха?

— Гдѣ, родимый! дѣло не привычное, отвѣчалъ Егоръ Назарычъ.

— А ужъ какъ тамъ себя знаешь, возразилъ упрямый гость: отъ тебя, братъ, не хочу! И капли въ ротъ не возьму.

Егоръ Назарычъ обратился къ родителямъ Настеньки.

— Государь ты, тестъ, батюшка, государыня, теща, матушка, отпустите со мною мою суженую; позвольте моей рлженой, душѣ Настасьѣ Алексѣевнѣ, по гостямъ пройтись; не нарушайте пира; безъ нея-то нѣту пира, безъ нея нѣтъ и веселья, говоритъ Егоръ Назарычъ, кланяясь.

Настенька встала по приказанію матери и, взявъ подносъ изъ рукъ жениха, подошла къ старику и пропнесла заветную формулу угощенія.

— Вотъ это ино дѣло! сказалъ старикъ, и, взявъ съ подноса чарочку, отвѣдалъ. Эхъ, Егоръ Назарычъ, продолжалъ онъ, поморщившись: хороша твоя наливка, да сласти въ ней мало..... а все оттого, что ты позабылъ какъ поется пѣсня....

И держа въ одной рукѣ кубокъ, а другою медленно помахивая, растопыривъ пальцы, старикъ запѣлъ нѣсколько дрожащимъ голосомъ:

.....

Воротися, соколъ, воротися,

Позабылъ шляпу на столікѣ.

Позабылъ ты невѣсту цѣловати, — цѣловати

Яркій румянецъ выступилъ на щекахъ Настеньки.

Пѣніе старика заставило мичмана обернуться.

Онъ взглянулъ на молодую дѣвушку въ то самое мгновеніе, когда Егоръ Назарычъ, раскраснѣвшійся не менше Настеньки, цѣловалъ ее въ лобъ...

Бергъ задрожалъ... сердце его сжалось, перестало биться, и, секунду спустя, кровь, остановленная на мгновеніе въ своемъ теченіи, потекла съ бѣльшого быстрою и силою...

Казалось вся жизнь его сосредоточилась во взглядѣ, неподвижно устремленномъ на Настеньку...

— Такъ вотъ, извольте видѣть, говоритъ ему Иванъ Захарычъ, продолжая разговоръ: въ мое пребываніе въ Голландіи.

— Скажите мнѣ, кто это? спросилъ Бергъ шопотомъ и судорожно схвативъ руку Земцова.

— Гдѣ-съ?

— Вотъ эта... дѣвица... съ подносомъ?

— Ахъ!.. это дочь моего лучшаго пріятели, Алексѣя Матвѣевича Зубова, и невѣста хозяина...

— Невѣста!.. повторилъ молодой человекъ, стиснувъ зубы.

— Точно такъ; дѣвица прѣстличныхъ качествъ: разумница и, извольте замѣтить, красавица собой...

Настенька приближалась. По примѣру старика, каждый гость сначала отказывался и наконецъ припывалъ три стиха, за которыми слѣдовалъ поцѣлуй.

Невыразимая тоска сдавила сердце Берга.

— Скажу вамъ по секрету, продолжалъ Иванъ Захарычъ: что я было самъ имѣлъ виды...

— Вы? спросилъ мичманъ.

— Да-съ; да знаете, все рефлексія да рефлексія; а тутъ другой и подвернулся!..

— Боже мой, боже мой! произнесъ Бергъ съ тяжелымъ вздохомъ.

Въ это самое время Настенька подошла къ сосѣду мичмана. На лицѣ ея выражалось утомленіе; взоромъ она какъ бы умоляла cadaго сжалиться надъ нею и прекратить тягостную шутку, которую только истинная, взаимная любовь могла сдѣлать сносною. Для гостей Егора Назарыча грусть, выражавшаяся на лицѣ Настеньки, была въ порядкѣ вещей; только въ настоящемъ случаѣ грусть эта была непритворная, а искренняя... Но для того, чтобы разгадать ее, нужно было чувство тонкое, нѣжное...

Подходя къ сосѣду Берга, Настенька взглянула въ сторону какъ бы для того, чтобы сосчитать сколько разъ ей придется еще произнести одни и тѣ же слова, и услышать одни и тотъ же отвѣтъ.

Глаза ея встрѣтились съ неподвижнымъ взоромъ мичмана...

Взглядъ этотъ напомнилъ сердцу ея что-то... огонь, горѣвшій въ немъ, заставилъ ее дпустить глаза; но въ то же мгновение она опять подняла ихъ...

Память сердца успѣла передать вѣсть памяти ума.

И Настенькѣ стало страшно, и ей стало стыдно... Графини задрожали на подносѣ...

Между тѣмъ гость, передъ которымъ она стояла, былъ, повидимому, записнымъ душою общества. Желая щегольнуть оригинальностью, онъ всталъ, и, растопыривъ пальцы, запѣлъ скороговоркой, съ ужимками и нѣсколько дрожащимъ отъ смущенія голосомъ:

Чарочка серебряная,
Брякъ, брякъ, брякъ!
Во пиру ходила,
Люшеньки люи!
О графинь стучала,
Брякъ, брякъ, брякъ!
Гостей упоила,
Люшеньки люи!

Вниманіе всѣхъ присутствовавшихъ обратилось на пѣвца, и никто не замѣтилъ волненія молодой дѣвушки. Она стояла неподвижно, не смѣя болѣе поднять глазъ... она чувствовала, какъ тоска выжимала слезы изъ сердца ея, и какъ эти слезы подымались все выше и выше...

Пѣвецъ, перемѣнивъ тонъ, запѣлъ протяжно и съ переливами:

Катилось солнышко ко западу,
Катилось красное за теремомъ;
Выходилъ свѣтелъ мѣсяцъ ко востоку,
Онъ свѣтитъ ясно и не меркнетъ.
Сѣзжались гости ко Назарычу,
Ко Егору на широкой дворѣ,
Восходили въ свѣтлую свѣтличку,
Они Богу молилися,
Хозяину чинно кланялися,
Всѣ рядомъ сядили;
Одно мѣстечко оставили,
Впередѣ полъ иконами.
Чарочка серебряная,
Брякъ, брякъ, брякъ!
Во пиру ходила,
Люшеньки люи!
О графинь стучала,
Брякъ, брякъ, брякъ!
Гостей упоила,
Люшеньки люи!

Бѣдная Настенька страдала невыразимо; она инстинктивно не угадывала, что Бергъ не спускалъ съ нея глазъ; кровь ея волновалась, и слова пѣсни увеличивали уныніе ея... Настенька не думала о томъ, какъ очутился здѣсь молодой морякъ... Одна мысль овладѣла всѣмъ умомъ ея; мысль о присутствіи того, кого она почти забыла...

— Ай да Ефимъ Карпычъ! молодчина! произнесъ старикъ: складно поешь!

Пѣвецъ, ободренный этими словами, запѣлъ громче прежняго и съ большими ужимками:

Звали къ себѣ, выкликали,
 Выкликали красную дѣвицу,
 Настеньку, душу Алексѣевну;
 Ты выдь, краса Настенька,
 Ты выдь, свѣтъ, Алексѣевна!
 Покажи намъ свое лицо бѣлое,
 Покажи намъ свое лицо румяное!
 Для тебя ли мы пиромъ прѣѣхали.
 Чарочка серебряная,
 Брякъ, брякъ, брякъ!
 Во пиру ходила,
 Люшеньки люли!
 О графинѣ стучала,
 Брякъ, брякъ, брякъ!
 Гостей упонила,
 Люшеньки люли!

Мичманъ страдалъ почти столько же, какъ и молодая дѣвушка; но то, что наводило на нее тоску нестерпимую, раздражало молодаго человѣка. Нѣсколько разъ уже порывался онъ зажать ротъ несносному любезнику-пѣвцу.

— Иванъ Захарычъ, произнесъ онъ, наконецъ, задыхающимся голосомъ, въ то самое время, когда Ефимъ Карпычъ расходился такъ, что сталъ постукивать каблуками и вертѣться на одномъ мѣстѣ: посмотрите, какъ эта шутка тягостна... молодой дѣвицѣ... Нельзя ли сказать этому пѣвцу, чтобы онъ пересталъ?

Иванъ Захарычъ пожалъ плечами.

— Сохрани васъ Богъ! сказалъ онъ: это, батюшка, старина родимая!

Пѣвецъ продолжалъ пѣть и постукивать каблуками.

Ты сядь съ добрымъ молодцомъ,
 Съ добрымъ молодцомъ, съ твоимъ суженымъ,
 Со Егоромъ, со Назарычемъ,
 Подъ святыми иконами,
 Подъ Вожіею милостію,
 Вамъ скоро золотымъ кольцомъ мѣняться,
 Золотымъ вѣнцомъ вѣнчаться.
 Вѣкъ тебѣ съ нимъ не раставатися....

Громко зарыдала Настенька.... Но никто не обратилъ вниманія на слезы ея; нѣкоторыя изъ дѣвушекъ даже старались присмотрѣться, какъ это она такъ искусно плачетъ, чтобы въ свое время также не ударить лицомъ въ грязь.

А Ефимъ Карпычъ между тѣмъ продолжалъ съ большимъ противу прежняго усердіемъ:

Чарочка серебряная,
 Брякъ, брякъ, брякъ!...

Бергъ не выдержалъ. Онъ вскочилъ и взялъ изъ рукъ рыдавшей Настеньки поднось.

Молодая дѣвушка закрыла обѣими руками лицо, подбѣжала къ матери и бросилась къ ней на грудь, громко всхлипывая.

Съ судорожнымъ движеніемъ негодованія опустилъ мичманъ поднось на столъ, такъ что графинчики чуть не опрокинулись. Но негодованіе его было ничто въ сравненіи съ негодованіемъ, выразившимся на лицахъ старухъ, пораженныхъ неприличнымъ поступкомъ молодаго человѣка.

Мавра Феодоровна упирала Настеньку тѣми же словами, какими некогда ее утѣшала мать, которая то же слышала отъ своей матери... Одинъ Егоръ Назарычъ прослезился, а Ефимъ Карпычъ, не обращая ни на кого вниманія продолжалъ допѣвать приплясывая:

Во пиру ходила!
 Люшеньки люли!
 О графинѣ стучала,
 Брякъ, брякъ, брякъ!
 Гостей упонила,
 Люшеньки люли!

Настеньку увели въ другую комнату; по горести ея, столъ краснорѣчиво выразившаяся, ни мало не нарушила пира. До десятого часа веселились гости, до десятого часа проплакала Настенька въ сосѣдней комнатѣ....

Когда стали расходиться, Пелагея Ивановна тщетно искала своего племянника.

Онъ давно ушелъ.

ГЛАВА X.

Двѣ разрушенныя надежды.

Иванъ Захарычъ взялся отвезти Пелагею Ивановну въ своей таратаечкѣ до почтоваго двора, къ перевозу на Петербургскую сторону.

Погода была пасмурная, сырая. Дорогою Земцовъ нѣсколько разъ предлагалъ Пелагею Ивановну закрыть его плащомъ, но она упорно отказывалась.

Улицы совершенно опустели: только слышались оклики караульныхъ, да раздавался стукъ рогатокъ, задвигаемыхъ на концъ улицъ.

Пелагея Ивановна была задумчива. Иванъ Захарычъ сидѣлъ, повѣсивъ голову на грудь и опустивъ возжи. Онъ приходилъ въ себя только тогда, когда лошадь, заманиваемая зеленой травой, сворачивала въ сторону, угрожая опрокинуть таратайку въ канаву.

— Чудное дѣло! проговорила Пелагея Ивановна какъ бы про-себя.

— Чтѣ вы изволили сказать? спросилъ Иванъ Захарычъ.

— Вы не видали, когда ушелъ Петруша?

— Не видалъ. Я только что отвернулся на минуту, а онъ и исчезъ.

— Чудное дѣло! сказала опять Пелагея Ивановна: этого съ нимъ никогда не бывало. Не понимаю, чтѣ съ нимъ сдѣлалось.

— Эхъ, Пелагея Ивановна, возразилъ Земцовъ, чтѣ дѣлается молодому человеку?... Пелагея Ивановна, знаете ли пословицу, что сытый голоднаго не разумѣетъ?

— Знаю. Чтѣ же?

— Я догадываюсь, чтѣ сдѣлалось съ вашимъ племянникомъ, сказалъ Земцовъ.

— Неужто, родимый? Скажите же мнѣ, коли догадываетесь.

— Съ нимъ приключилось то же, что и со мною.

— Не прогневайтесь, Иванъ Захарычъ, а я все еще не понимаю.

— Сейчасъ, стойте.... Петръ.... Петръ.... какъ бинъ его по батюшкѣ?

— Андреевичъ.

— Петръ Андреевичъ, должно быть.... влюбленъ.

— Чтѣ вы, Иванъ Захарычъ! вскричала Пелагея Ивановна: чтѣ вы! Въ кого ему влюбиться!... притомъ же онъ открылся бы мнѣ.... О нѣтъ, этого не можетъ быть!

— Эхъ, Пелагея Ивановна! долго ли влюбиться.... вѣдь на то нашему брату.... то есть не только нашему брату, но и вамъ.... то есть и женщинамъ.... сердце дано. Вотъ хоть бы, примѣрно сказать, я самъ.... не думалъ, не гадалъ....

— Ай, батюшки!... Валимся, Иванъ Захарычъ, валимся!

— Ну, негодная! сердито крикнулъ Земцовъ, дернувъ возжи и поворотивъ на дорогу лошадь, которая вздумала-было присоединиться къ нѣсколькимъ коровамъ, пасшимся на дворцовомъ лугу.

Обстоятельство это непріятнымъ образомъ прервало разговоръ.

— О чемъ бинъ мы говорили? спросилъ Иванъ Захарычъ, послѣ минутнаго молчанія.

— Вы говорили, что мой племянникъ влюбленъ.

— Такъ точно; но знаете ли, почему я догадался?

— Почему?

— По симпатіи, Пелагея Ивановна, чувствительно возразилъ Земцовъ.

— Чтѣ это за штука?

— Симпатія? Это такое чувствіе, Пелагея Ивановна, по которому одно сердце познаетъ другое, понеже оба чувствуютъ равномерно.

— Какъ! нечтѣ и вы тово?

— Да-съ.... и я.... тово....

— Скажите, пожалуйста! А чтожь, Иванъ Захарычъ, доброе дѣло; право, доброе дѣло; вы мужчина въ самыхъ лучшихъ лѣтахъ....

— Не правда ли? съ радостію вскричалъ Земцовъ.

— Карахтера вы добраго, привѣтливаго; и состоянице у васъ хорошее; трудами своими вы обжились и нажились на прокъ и веселье....

— О, Пелагея Ивановна, кабы вы знали, какъ авантажны для меня ваши рѣчи!

— И коли угодно, Иванъ Захарычъ, такъ я какъ разъ дѣло улажу.

— Сдѣлайте такую милость....

— Назовите же мнѣ ту, которая вамъ приглянулась.

Земцовъ счелъ за благоразумное поворотить лошадь на самую середину дороги и хорошенько подобрать возжи. Потомъ онъ опять обратился къ Пелагеѣ Ивановнѣ и открылъ уже ротъ, но, но не придумавъ еще, какъ объяснить ей дѣло, промолчалъ.

— Что же вы молчите? спросила Пелагея Ивановна.

— Радъ бы говорить, да.... боюсь, осерчаете.

— Чего мнѣ серчать? Коли вы не по себѣ невѣсту выбрали, такъ вѣдь ваша воля.... а л-то вамъ что?

— Вы, Пелагея Ивановна!.. вы все! вскричалъ архитекторъ съ жаромъ и такъ крепко притянулъ къ себѣ возжи, что лошадь остановилась.

Страстное выраженіе голоса архитектора поразило Пелагею Ивановну. Пристально посмотрѣла она на него, потомъ опустила глаза, и грустная улыбка выступила на лицѣ ея.

Пелагея Ивановна поняла нерѣшительность Земцова.

— Что же мы стали? спросила она послѣдняго, забывшаго стегнуть лошадь.

Иванъ Захарычъ, раздосадованный всѣми непріятностями, которыя лошадь дѣлала ему какъ бы на зло, такъ приударилъ ее, что она пустилась вскачь, и минутой спустя очутились у почтового двора, гдѣ былъ перевозъ на Петербургскую сторону.

— Вотъ мы и пріѣхали, сказала Пелагея Ивановна, меж-

ду тѣмъ какъ Земцовъ, испуганный отчаяннымъ бѣгомъ коня, не успѣлъ еще порядочно осадить его.

Выходя изъ дома Рябкова, Иванъ Захарычъ былъ самъ не свой отъ радости, что ему представился такой удобный случай объясниться съ Пелагеѣ Ивановнѣ; ему казалось, что слова такъ сами и польются. Но дорогою онъ никакъ не могъ подобрать этихъ словъ, и если бъ не заговорила Пелагея Ивановна, такъ онъ, вѣроятно, промолчалъ бы до самаго перевоза. Но вотъ разговоръ завязался; дѣло шло на ладъ; оставалось только окончательно объясниться, а перевозъ тутъ, какъ тутъ.

— Какъ скоро! произнесъ Земцовъ съ выраженіемъ искренняго сожалѣнія: я не замѣтилъ, какъ пролетѣло время въ пріятной бесѣдѣ!...

— Да, очень скоро! сказала Пелагея Ивановна, улыбаясь и выходя изъ таратайки: спасибо вамъ, Иванъ Захарычъ, за компанію и за то, что довели меня.... я сама постараюсь услужить вамъ: живо сосватаю вамъ чудо-невѣсту.... Вѣдь вы знаете, что другихъ я сватать охотница, хотя сама дала себѣ слово никогда не выходить за-мужъ....

Грустное выраженіе было въ голосѣ Пелагеи Ивановны, когда она произносила послѣднія слова.

— Прощайте, Иванъ Захарычъ! сказала она, и скоро пошла къ пристани.

Земцовъ сидѣлъ, какъ окаменѣлый.

— Экая досада! проворчалъ онъ: не удалось мнѣ объяснить... Ну, нечего дѣлать! въ другой разъ!... Ахъ чортъ возьми! вѣдь она сказала, что сама не намѣрена выходить замужъ... А съ какой стати она это вымолвила?... Ахъ, башка! произнесъ онъ вслухъ, ударивъ себѣ ладонью по лбу: да вѣдь это она мнѣ на усь намотала!... Она поняла меня.... и спровадила деликатнымъ маниромъ... "Ну, штучка!... Эхъ Иванъ Захарычъ, видно тебѣ на роду написано попадаться въ просакъ....

Сердито тряхнулъ онъ возжами и, чтобы хоть на комъ-нибудь выместить свою досаду, принялся хлестать коня, приговаривая:

— А все ты, бестія, виновать!... Вотъ я тебѣ докажу дружбу... вотъ тебѣ за канаву... вотъ тебѣ за кочки... а вотъ за стоянку... а вотъ еще за канаву....

Лошадь, изумленная чувствительнымъ обхожденіемъ, къ которому ее не пріучилъ обыкновенно добрый Иванъ Захарычъ, пустилась въ галопъ и ударяла, по временамъ, задними копытами въ передокъ таратайки съ такою силою, что Земцовъ привскакивалъ.

Вскорѣ таратайка и конь исчезли во тьмѣ ночной... только слышалось еще хлопанье бича.

Старый матросъ отворилъ калитку Пелагеев Ивановнѣ, когда она вернулась домой.

— Дома Петръ Андреевичъ? спросила она.

— Тома, отвѣчалъ матросъ изъ чухонцевъ.

— Почиваетъ?

— А я ни спай.

Войдя въ прихожую, Пелагея Ивановна увидѣла два сундука и нѣсколько разложенныхъ вещей.

— Чтò ты тутъ дѣлаешь? съ изумленіемъ спросила Пелагея Ивановна.

— Укладывайсь.

— Зачѣмъ?

— Завтра вѣкать.

— Какъ завтра? Петръ Андреевичъ хотѣлъ остаться еще три дня?

— Ни спай, отвѣчалъ матросъ, преспокойно продолжая укладывать; скасалъ: укладывайсь, Михель, савтра вѣкать.

Пелагея Ивановна поспѣшно вошла въ комнату.

У порога двери въ соседній покой видна была полоса свѣта. Пелагея Ивановна скоро подошла къ этой двери и постучалась.

— Кто тамъ? спросилъ ея племянникъ.

— Я, Петинька; ты еще не спишь? можно войти.

Бергъ самъ отворилъ дверь.

— Здравь ли ты, мой голубчикъ? спросила тетушка, переступивъ черезъ порогъ и пристально глядя въ лицо молодому человѣку.

Онъ былъ блѣденъ, грустенъ.

Читатели знаютъ, какъ и когда Бергъ познакомился съ Настенькой. Ему предстояло тогда далекое путешествіе, и хотя молодой унтеръ-лейтенантъ чувствовалъ уже нѣжную привязанность къ дочери гравера, однакожъ никогда не рѣшился бы просить объ исключеніи его изъ числа офицеровъ, назначенныхъ въ важную по своей цѣли экспедицію. Онъ увезъ бы съ собою нѣжное воспоминаніе о молодой дѣвушкѣ, и это воспоминаніе послужило бы ему часто утѣшеніемъ въ минуты грусти, ободреніемъ въ часы опасности и бѣдствій... По временамъ надежда придавала бы этому воспоминанію еще болѣе прелести... Надежда эта не имѣла бы никакого основанія; не смотря на то она, вмѣстѣ съ воспоминаніемъ, придавала бы нѣкоторую дѣйствительность мечтаніямъ молодаго чловѣка, когда онъ стоялъ бы на вахтѣ въ свѣтлыхъ, тихихъ, сѣверныхъ ночи... Прошелъ бы годъ, другой. Время, жизнь неизвѣрно разнообразная въ своемъ однообразіи, столкновеніе съ новыми лицами и предметами, изгладили бы изъ памяти Берга черты Настеньки; только сердце сохранило бы воспоминаніе о нѣжныхъ впечатлѣніяхъ краткаго знакомства молодыхъ людей... и Бергъ встрѣтилъ бы другую дѣвушку, которая возобновила бы, воскресила бы забытыя впечатлѣнія....

Но судьба рѣшила иначе, бросивъ на встрѣчу Бергу препятствія.

Препятствія испытуютъ нравственную силу чловѣка. Они служатъ междою, за которую ступаютъ только характеры твердые, избранные.

Поединокъ имѣлъ для Берга несчастныя послѣдствія. Ему казалось, что вся будущность его, которая по временамъ представлялась ему радостною, блистательною, разстроилась. Въ грубой, матросской курткѣ провѣхалъ онъ передъ садикомъ, у котораго нѣсколько времени тому назадъ былъ такъ счастливъ, и крупныя слезы покатались изъ глазъ его, когда онъ увидѣлъ въ саду Настеньку.

Мысль о разстояніи, отдѣлявшемъ его, простаго матроса, отъ молодой дѣвушки, вскорѣ превратила нѣжную при-

вязанность къ ней въ пламенную, несчастную любовь... Постоянная грусть овладела сердцемъ Берга, но онъ не упалъ духомъ. Покорившись судьбѣ, онъ забылъ о томъ, чѣмъ былъ прежде, и исполнялъ новыя обязанности свои съ усердіемъ.

Въ одиночествѣ своемъ Бергъ могъ исполнѣть предаваться воспоминанію о быломъ, сладостномъ и горестномъ... Безпрестанно растравляя легкую рану сердца, онъ сдѣлалъ ее неизлечимую.

Ласковое обхожденіе начальниковъ, видѣвшихъ въ грусти молодого челоуѣка глубокое, искреннее раскаяніе, снова пробудило надежду въ сердцѣ его. Надежда эта осуществилась, и съ невыразимой радостью полетѣлъ новоожалованный мичманъ въ Петербургъ.

Но тамъ ожидалъ его новый ударъ... ударъ рѣшительный, совершенно разрушавшій всѣ надежды его...

— Чтѣ съ тобою? заботливо продолжала Пелагея Ивановна, не спуская глазъ съ лица своего племянника.

— Ничего, тѣтушка, ничего, отрывисто отвѣчалъ молодой челоуѣкъ.

— Какъ ничего! Ты совершенно разстроены... отчего ты ушелъ отъ Егора Назарыча, не сказавшись ни мнѣ, ни кому?... И съ какой стати ты задумалъ вѣхать завтра, когда тебѣ данъ отпускъ на три дня?

— Миѣ надобно въ Петербургъ... и всѣ его пиры... и угощенія...

Пелагея Ивановна задумчиво покачала головой.

— Хороши пиры... мучать молодую дѣвушку... заставляють ее кланяться, цѣловаться... говорилъ молодой челоуѣкъ, прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ.

По рывкимъ, судорожнымъ движеніямъ его замѣтно было, что кровь его кипѣла...

— Петинька, голубчикъ мой, произнесла Пелагея Ивановна растроганнымъ голосомъ; я-то чѣмъ тутъ виновата?

— Вы... вы! вскричалъ Бергъ, остановившись передъ тѣткой и стиснувъ зубы: вы, тѣтушка, разстроили все мое счастье! вы погубили меня!...

— Опомнись, Петруша, опомнись! возразила Пелагея Ивановна съ упрекомъ: тебѣ кто-нибудь надосадила, а ты на меня вскинулся...

— Нѣтъ! повторяю, вы разстроили все мое счастье... Пусть судить васъ Богъ, а я съ этой поры вамъ не племянникъ... Завтра уеду въ Кронштадтъ, черезъ три дня въ Ревель, а оттуда буду проситься куда-нибудь подальше, чтобы не видѣть васъ, не слышать про васъ!... Прощайте, Пелагея Ивановна, Богъ вамъ судья!... это наше последнее свиданіе.

Пелагея Ивановна гордо выпрямилась. Неблагодарность племянника оскорбила ее въ глубинѣ души. Для него одного жила она; къ его счастью клонились всѣ дѣйствія ея; а онъ почти выгонялъ ее отъ себя!

— Петръ, сказала она, и легкая дрожь замѣтна была въ голосѣ ея: Петръ, опомнись и сознайся, что ты въ горячности обидѣлъ меня.

— Пелагея Ивановна, отвѣчалъ молодой челоуѣкъ: если я обидѣлъ васъ, то вы сами тому причиной: во-первыхъ вашими поступками, а во-вторыхъ потому, что сами напросились на обиду. Я хотѣлъ ухватить, не простившись съ вами.

— Мои поступками! съ вѣсѣльчивостію повторила Пелагея Ивановна: Петръ, это неблагоуарно! коли я напросилась на обиду, то ты вызываешь меня на упрек!... Ты осмѣливаешься порицать мои поступки! Я чиста передъ Богомъ... Ему извѣстно, что цѣлю всѣхъ моихъ дѣйствій было благо, а не кака-либо злоба... Не изъ корысти мѣшалась я въ нѣкоторыя дѣла, а по убѣжденію въ правості этихъ дѣлъ и—по любви къ тебѣ! Да, да, смотри мнѣ въ глаза, я смѣло могу повторить, что трудилась и хлопотала для тебя!... Поступки, которые ты такъ строго и презрительно порицаешь, избавили тебя отъ далекаго и опаснаго путешествія; поступки мои спасли тебя отъ смерти, когда противникъ твой зашелъ уже надъ тобою кортикъ; поступки мои избавили тебя отъ ссылки послѣ поединка; поступки мои возвратили тебѣ офицерскій чинъ!...

— Вы, вы все это сдѣлали! вскричалъ съ изумленіемъ Бергъ.

— Богъ мнѣ свидѣтель!

— О, тѣтушка! вы хорошо дѣлаете, что призываете Бога въ свидѣтели, а то я не повѣрилъ бы вамъ! Я не повѣрилъ бы, что вы, моя родная тѣтка, причина всѣхъ моихъ несчастій.... Тщетно искалъ я руку, наносившую мнѣ ударъ за ударомъ.... О, тѣтушка, умоляю васъ, избавьте меня отъ вашего покровительства!

Пелагея Ивановна плакала: она начинала понимать благородное отчаяніе молодого человѣка,

— Знаете ли, продолжалъ послѣдній съ горечью: что выхлопотавъ мнѣ увольненіе отъ экспедиціи, вы отняли у меня случай отличиться, подвергли меня насмѣшкамъ, бывшимъ причиной поединка, послѣдствія котораго достойнымъ образомъ увѣщали ваши старанія?... О, умоляю васъ, тѣтушка, ради самаго Бога, избавьте меня отъ покровительства, унижающаго меня въ собственныхъ глазахъ! Собственными заслугами хочу я добиться почестей, а не просками. Чинъ мичмана пожалованъ мнѣ моимъ крестнымъ отцомъ, Императоромъ Петромъ Алексѣевичемъ... Я гордился этимъ чиномъ потому, что внутренно сознавалъ, что заслужилъ его... Видите ли, тѣтушка, Господь справедливъ: Онъ лишилъ меня незаслуженнаго, и я опять стою на той же точкѣ, до которой дошелъ собственными заслугами... Тѣтушка, я прошу вамъ все зло, которое вы мнѣ сдѣлали, только оставьте меня на произволъ собственной судьбы!..

— Господи! произнесла Пелагея Ивановна, всхлипывая и опустившись на колѣни: пути Твои непонятны! .. Отъ Тебя одного исходить благо... мы же блуждаемъ во тьмѣ... Прости, мнѣ Господи! Я согрѣшила по невѣдѣнію!...

И наступила минута молчанія, прерываемая только всхлипываніями Пелагеи Ивановны.

Она встала и протянула руку племяннику.

— Прости мнѣ, Петръ, сказала она тихимъ голосомъ.

Бергъ поцѣловалъ руку ея.

— Простите мнѣ, тѣтушка, жесткія слова...

— Родимый мой, гнѣвъ твой вылился изъ благороднаго сердца... Я виновата предъ тобою... Но ты не гнѣваешься больше, не правда ли?

— Нѣтъ, тѣтушка, нѣтъ, въ грустію отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— И останешься?..

— Я долженъ ѣхать.

— За чѣмъ, голубчикъ мой? сказала Пелагея Ивановна, утирая слезы и ласкаясь къ племяннику.

— Не спрашивайте...

— Петруша, сказала Пелагея Ивановна, взявъ руку Берга: у тебя есть какое-то тайное горе....

— Есть, тѣтушка, со вздохомъ отвѣчалъ молодой человѣкъ: но ему нѣтъ помощи!

— За чѣмъ отчаяваться? Откройся мнѣ, и, можетъ-быть, я помогу...

— О нѣтъ, нѣтъ! съ живостію возразилъ Бергъ.

— Присядемъ, Петруша, я устала...

— Да, тѣтушка, вамъ нуженъ отдыхъ.... сонъ успокоитъ васъ....

— Ты гонишь меня отъ себя?

— Не гоню... но...

— Послушай, Петруша, сказала Пелагея Ивановна, садясь: мнѣ садется, — улыбаясь, сквозь слезы посмотрѣла она на племянника, — мнѣ садется, что ты... влюбленъ.

Бергъ вздохнулъ; послѣднее слово ударило его прямо въ сердце.

— Я угадала? съ живостію спросила тѣтка.

Молодой человѣкъ не отвѣчалъ.

— Ну, признайся; тебѣ стыдиться нечего... ты вѣдь не красная дѣвица, продолжала Пелагея Ивановна, улыбаясь.

— Да, тѣтушка, съ усиліемъ отвѣчалъ Бергъ: вы угадали, ... но ради Бога, не разспрашивайте...

— Э, полно! весело возразила тѣтка: молодежь всегда такъ... Назови-ка мнѣ свою красавицу, и ты увидишь, что всѣ бѣды, всѣ препятствія, которые мерещатся тебѣ, разлетятся какъ дымокъ....

— Не шутите, тётушка! сказала Бергъ.

Выраженіе голоса его испугало Пелагею Ивановну. Улыбка внезапно исчезла съ лица ея.

— Петръ, сказала она: не слишкомъ ли высоко ты занесся?

Бергъ отрицательно покачалъ головою съ горькой усмѣшкой.

Тётка задумалась.

— Ума не приложу, сказала она, послѣ краткаго молчанія: ради Бога, Петруша, успокой меня... Скрытое горе тяжеле известнаго... Другъ мой, откройся мнѣ, и коли горю, въ самомъ дѣлѣ, нельзя помочь, такъ мы хоть раздѣлимъ его пополамъ... авось полегче будетъ...

Бергъ закрылъ лицо обѣими руками, и, помолчавъ несколько секундъ, сказалъ:

— Вы правы, тётушка, я долженъ открыться вамъ, чтобы вы поняли мое намѣреніе навсегда удалиться изъ Петербурга, изъ Кронштадта, куда-нибудь подальше...

Слезы покатались по щекамъ молодаго человека.

— Голубчикъ ты мой! произнесла Пелагея Ивановна, съ любовію смотря на племянника: Богъ наказываетъ меня... гонялась я за суетой, а не подумала поберечь сердце твое... Плачь, дитя мое, не стыдись;... слезы, родимый, Божья роса... онѣ освѣжаютъ сердце...

И Пелагея Ивановна заплакала вмѣстѣ съ племянникомъ.

— Тётушка, сказала, наконецъ, послѣдній и судорожно отеръ слезы: ту, которую я люблю уже болѣе году, всѣмъ сердцемъ, вы сосватали за другаго!...

— Я!... опять я!

Эти три слова подобно воплю вырвались изъ груди Пелагеи Ивановны.

— Я не виню васъ, тётушка.... я виню самого себя... За чѣмъ прежде не открылся вамъ.... Настасья Алексѣевна могла бы подождать.... она еще молода....

— Настасья!... дочь Зубова!... вскричала тётка.

Бергъ молча кивнулъ головою.

Пелагея Ивановна опустила голову на грудь и горько заплакала....

Племянникъ, въ свою очередь, сталъ утѣшать ее.

Наконецъ, она подняла голову; слезы струились еще по щекамъ ея, но на лицѣ выражалось грустное спокойствіе.

— Ты правъ, сказала она тихимъ голосомъ: этому горю нѣтъ помощи!... Съ Богомъ, дитя мое, продолжала она, вставая, перекрестивъ племянника и поцѣловавъ его въ голову: поѣзжай, тебѣ въ Питеръ не житье.... Поѣзжай, прибавила она прерывающимся голосомъ: да не поминай меня лихомъ.... Видитъ Богъ, я готова отдать за тебя жизнь....

Пелагея Ивановна не выдержала и, рыдая, бросилась на шею племяннику.

— Придется ли намъ еще увидѣться?... говорила она, всхлипывая;— да будетъ воля Божья.... А ты не забывай меня.... пиши.... и когда горе спадетъ съ бѣднаго сердечка.... пріѣзжай опять.... прощай, прощай, мое дитятко!...

Горячія слезы Берга упали на руку тётки.

— Господь съ тобою, дитя мое!... произнесла Пелагея Ивановна, благословивъ своего крестника, и пошла къ двери.

На порогъ она остановилась, оглянулась и еще разъ кивнула головою....

На другой день Пелагея Ивановна одна плакала въ пустой комнатѣ своего племянника.

ГЛАВА XI.

Перевозъ.

Давно не было такого очаровательно-прекраснаго утра, какъ въ назначенный день свадьбы Егора Назарыча Рябокова.

Ночной туманъ припалъ къ землѣ. Весело, радостно раз-

лились солнечные лучи по черепичным кровлям столицы. Небо было светло-голубое, и самые деревья, листья которых уже начинали желтеть, как бы ожили под благотворным влиянием осеннего солнышка.

Давно Егоръ Назарычъ не былъ такъ счастливъ, какъ въ это утро. И не удивительно, — сегодня молодая дѣвушка, которую онъ любилъ всюю душою, произнесетъ передъ алтаремъ клятву принадлежать ему; и послѣ этой клятвы начнется для него новая жизнь, исполненная истиннаго счастья....

Не шумно выражалось счастье Рябкова; оно все сосредоточивалось въ сердцѣ и блестяло въ кроткихъ глазахъ, зеркаль сердца его.

Нежнѣ обыкновеннаго поздоровался онъ съ сестрами, которыя перемигнулись, заметивъ радость, сіявшую на добродушномъ лицѣ его.

— Рады ли вы братецъ? спросила старшая сестра.

— Можно ли мнѣ не радоваться? отвѣчала онъ тихимъ голосомъ: Господь видимо благословляетъ меня.... Посмотрите, даже погодка какъ будто раздѣляетъ мое блаженство.... Право, сестрица, счастливѣе меня нѣтъ челоуѣка въ мірѣ!

— А не разлюбите ли вы насъ, братецъ? сказала младшая.

— Васъ, мои голубушки!... Не вы ли устроили мое счастье?... Не вы ли до-сихъ-поръ дѣлили со мною горе и радость?... Родныя мои! У меня достанетъ любви про всѣхъ!... Видитъ Богъ, про всѣхъ!

Напившись чаю, сѣстры принялись опять за приготовления къ готовившемуся празднеству, а Егоръ Назарычъ взялся за шляпу.

— Сестрицы, сказалъ онъ, я пойду къ Троицѣ.... Сердцу не терпится; оно такъ и просится помолиться Господу и поблагодарить Его за всѣ милости....

— Идите съ Богомъ, братецъ.... Молитва ваша будетъ угодна Господу.

Егоръ Назарычъ крѣпко поцѣловалъ сестеръ. Слезы навернулись на глазахъ его.

Онъ вышелъ изъ дому, перешелъ черезъ улицу и, остановившись на берегу Мыи, засмотрѣлся на воду; постоявъ нѣсколько минутъ, онъ хотѣлъ идти далѣе, но невольно оглянулся и опять остановился. Что-то непреодолимое влекло его назадъ, домой, — и, почти безсознательно, направилъ онъ шаги къ воротамъ.

Калитка была не заперта. Егоръ Назарычъ вошелъ на дворъ, на крыльцо, въ сѣни.

Тамъ были сѣстры его. Одна изъ нихъ шла въ чуланъ, другая отдавала приказаніе работницѣ.

Егоръ Назарычъ остановился на порогѣ.

— Что вы вернулись, братецъ? спросила одна изъ сестеръ.

— Я хотѣлъ.... отвѣчалъ Егоръ Назарычъ, почесывая лобъ, и не докончилъ своего отвѣта.

— Не забыли ли вы чего?

— Нѣтъ.... ничего не забылъ.... что бышь я хотѣлъ сказать?

— Не по хозяйству ли?

— Да, да, точно! по хозяйству.... только теперь не помню.... совсѣмъ изъ ума вонь!

— Не тревожьтесь, братецъ, по хозяйству все будетъ въ исправности.... сказала старшая сестра.

— Разумѣется! Я и самъ не знаю, что мнѣ за мысль такая пришла.... Прощайте, сестрицы!

И Рябковъ, въ избытокъ нежности, еще разъ поцѣловалъ сестеръ.

— Что это вы, братецъ, такъ прощаетесь, словно куда въ дорогу собираетесь, сказала старшая сестра.

Егоръ Назарычъ засмѣялся.

— Не знаю, сестрица, отвѣчалъ онъ: но у меня такая пріятность на сердцѣ, какой я отъ-роду не испытывалъ еще.... Такъ бы вотъ и разцѣловалъ всю поднебесную!

— Божья милость, братецъ; отъ Него нисходитъ всякое благо.

— Правда, сестрица!... и Ему же подобает всякое благодареніе.... Пойду молиться.

Егору Назарычу очень хотѣлось еще разъ поцѣловать сестеръ, но ему стало стыдно своей излишней нежности.

— Прощайте, сестрицы, произнесъ онъ тихимъ голосомъ, исполненнымъ глубокаго чувства; потомъ какъ бы нѣхотя и медленно отвернулся.

Ступивъ два шага, онъ опять остановился.

— Прощай, Аринья, сказалъ онъ работницѣ, и еще разъ кивнулъ сестрамъ головою.

— Прощайте, батюшка! отвѣчала Аринья, улыбнувшись такой небывалой учтивости.

Улыбка эта произвела непріятное впечатлѣніе на Егора Назарыча, и онъ поспѣшно удалился.

Казалось, ощущеніе, переполнявшее сердце Рябова, было ему не по силамъ. Охотно подбился бы онъ своимъ счастьемъ; ему казалось, что хотя бы онъ отдалъ добрую половину, то все-таки на его долю осталось бы довольно.

Было еще рано. Чухны съ возами жизненныхъ припасовъ медленно тащились на рынокъ; бабы съ кульками спылили туда же; купцы отпирали лавки.

Перейдя черезъ Зеленый, а нынѣшній Полицейскій мостъ, Егоръ Назарычъ поворотилъ къ гостинному двору. *Малецъ* отперъ уже лавку его. Рябовъ помоллся на всѣ четыре стороны и вошелъ въ лавку; приказавъ мальцу не отпускать ни одного нищаго безъ подавннн, онъ взялъ изъ угла мѣшечекъ съ овсомъ и вышелъ.

Передъ навѣсомъ слетались голуби на ежедневное пропитаніе. Громко воркуя, окружили они Егора Назарыча. Бросивъ имъ нѣсколько пригоршней овса, онъ съ улыбкой смотрѣлъ, съ какою быстротой исчезали зерна, потомъ отдалъ мѣшокъ мальцу, приказавъ ему *запираться* въ третѣмъ часу, и побѣсѣдовалъ съ двумя-тремя сосѣдями.

— Чтѣ батюшка, Егоръ Назарычъ, сказалъ ему одинъ изъ нихъ: ужѣ ты будешь нашего поля ягода. Поди-ка, ты теперь, самъ не свой?

— Не спрашивай, Иванъ Ивановичъ, отвѣчалъ Рябовъ: не знаю, право, и самъ, что у меня такое на сердцѣ.

— Женххово дѣло! Разумѣемъ мы это!

Егоръ Назарычъ простился и вышелъ изъ гостинаго двора.

— Радуйся, сказалъ молодой, безбородый купчикъ своему товарищу: радуйся! успеешь еще заплакаться! Жена-то молода, какъ разъ за укаску посадить!

И онъ грубо захохоталъ.

Егоръ Назарычъ былъ уже далеко и не слыхалъ этого смѣха.

На адмиралтейскомъ лугу къ счастливцу подошелъ нищій.

— Купецъ честной, Христа-ради!... говорилъ онъ прѣтяжнымъ голосомъ.

Егоръ Назарычъ далъ ему алтынъ. Пока нищій, изумленный такою щедрою подачей, отвѣшивалъ поклонъ за поклономъ, за Рябовымъ бѣжала уже оборванная старуха съ ребенкомъ. Счастливецъ подаль и ей алтынъ, радуясь случаю помочь несчастнымъ и хоть такимъ образомъ передать частичку блаженства, наполнявшаго сердце его. Но чувство этого блаженства было какъ-то странно для Егора Назарыча. Онъ не понималъ чтѣ съ нимъ дѣлается.

Рябовъ перѣхалъ въ лодку на Петербургскую сторону, и пошелъ черезъ Троицкую площадь, къ церкви.

Въ храмъ Божіемъ было пусто, тихо.

Нѣсколько женщинъ, поставивъ свѣчи къ образамъ, благоговѣнно молились.

Егоръ Назарычъ купилъ десять свѣчей и пошелъ ставить ихъ.

Усердно молился онъ... или, лучше сказать, молилась душа его, не развлекаемая ни малѣйшимъ шумомъ....

Въ темномъ углу преклонилъ счастливецъ колѣни; набожно принадле онъ къ полу, и крупныя слезы текли по щекамъ его....

Никогда еще, въ жизнь свою, Егоръ Назарычъ не ощущалъ ничего подобнаго тому, что теперь происходило въ душѣ его. Она находилась въ какомъ-то восторженно-ре-

лигиозномъ состояніи и, не смотря на всю величину земнаго счастья добраго купца, онъ какъ бы жаждалъ въ эти минуты познанія иного, вѣчнаго счастья; какъ бы вспомнивъ о тлѣнности и недолговѣчности всего земнаго, Рябковъ утрашился одной мысли о томъ, что и его радости могутъ превратиться въ печали... и душа его просилась туда, гдѣ все прочно, постоянно, безконечно...

Церковь мало-по-малу наполнилась народомъ. Торжественно загудѣли колокола. Началась обѣдня.

Егоръ Назарычъ не трогался съ мѣста. Мысленно повторялъ онъ каждое слово священнослужителя, и душою возносился къ престолу Всевышняго...

Кончилась обѣдня, а Рябковъ все еще стоялъ на колѣняхъ, совершенно отдѣлившись отъ всего мірскаго.

Наконецъ, онъ очнулся, отеръ слезы и всталъ.

Молитва облегчила сердце его...

Счастіе имѣеть иногда свою тягость, налегающую на грудь; кромѣ того, вмѣстѣ съ нимъ въ сердцѣ чловѣка развивается тайное, непобѣдимое опасеніе, основанное на измѣнчивости и непрочности счастья.

Рябковъ не разбиралъ своихъ ощущеній; медленно и съ сожалѣніемъ оставилъ онъ храмъ Божій.

Видъ свѣтлаго, чистаго неба, теплые, солнечные лучи, видъ зелени и голубыхъ струй рѣки разогнали задумчивость, вызванную на добродушное, открытое лицо Рябкова, тихую торжественностію богослуженія. Онъ подошелъ къ перевозу, и только тогда замѣтилъ, что съ запада поднималась густая туча.

— Садись, хозяинъ! Духомъ перевезу! сказалъ молодой парень въ сѣромъ кафтанѣ, сидѣвшій въ неуклюжей, небольшой лодкѣ, и державшійся багромъ за плотъ. Съ однимъ что ли вхатъ?

— Съ однимъ, отвѣчалъ Рябковъ.

— А что дашь?

Рябковъ взглянулъ на парня; лицо его понравилось ему; онъ захотѣлъ его порадовать и подѣлиться съ нимъ своимъ счастіемъ.

— Съ женихами не торгуются, сказалъ Рябковъ: вези безъ торгу. На разживу дамъ тебѣ три алтына, а ты помолись за меня Господу Богу. Сегодня, любезный, моя свадьба!

— Ой ли, хозяинъ! Ну, дай тебѣ, Господи, счастья на вѣки вѣковъ! Вижу, что ты чловѣкъ добрый. Садись, хозяинъ! Не переплыву съ тобой, а перелечу! Вотъ оно что! А когда твоя свадьба-то?

— Сегодня.

— Сегодня! Да что-жь ты это! Невѣста-то твоя на которой сторонѣ? Чай, на той?

— На той.

— Садись, усаживайся скорѣе! Ужъ такъ стану грести, что, не только, по пословицѣ, небу, но и холодной водѣ будетъ жарко! Вотъ оно что! Мигомъ черезъ Неву махну! Уважу!

— Добрый ты парень, я вижу. Вотъ тебѣ не три алтына, а пять, на разживу! Возьми деньги впередъ.

— Вѣкъ тебѣ не забуду, хозяинъ! Добрый ты чловѣкъ! Господь наградитъ тебя, и дастъ тебѣ счастье на вѣки вѣковъ, нерушимо.

— Спасибо за доброе желаніе, любезный! сказалъ Рябковъ, подавая перевозчику деньги, съ добродушною улыбкой.

Лодка отчалила отъ берега. Ванька сдержалъ слово, и такъ сильно, необычайно гребъ веслами, что Нева удивилась, и только жемчужною пѣною, разсыпавшеюся съ шумомъ около лодки и весель Ваньки, выразила свое чувство удивленія.

Добрался уже Ванька до середины широкой рѣки. Тучи на западѣ, гонимыя бурей, въ нѣсколько минутъ взгромоздились грозными горами и заняли полнеба. Яркая молнія разрѣзала ихъ и загудѣлъ величественно громъ.

Рябковъ и Ванька, снявъ шапки, перекрестились.

Не успѣли они надѣть шапки, какъ налетѣла и завывала буря. На Невѣ вмигъ расходились волны, разбѣгались по нимъ зайчики, то есть пѣна разъяренной воды; лодку Ваньки бросало изъ стороны въ сторону, какъ щенку.

Поблѣднѣлъ Ванька. Рыбковъ не поблѣднѣлъ; на лицѣ его выражалась молитва.

— Держись, хозяинъ! Дѣло плохо! сказалъ Ванька.

— А что? Ты, кажется, струсилъ?

— Нѣтъ, не струсилъ! только, признательно сказать, та- кой бури на Невѣ я еще отъ-роду не видывалъ.

— Мало ли ты чего не видывалъ! Ты еще молодъ.

— Оно такъ, но, право, не видывалъ. Держись, хозяинъ! Вишь ли, какъ волны-то лезутъ къ намъ въ лодку. Выгребай ихъ своей шапкой, хозяинъ, а я буду грести.

— Ладно! Грести усерднѣе, а я буду выкачивать воду шапкой.

— Хозяинъ! Я вижу, что потонемъ!

— Воля Божія, если потонемъ!

— А ты плавать умѣешь?

— Нѣтъ!

— А я умью.

— Ну, такъ что-жь?

— Ничего!

— Гроби!

— И то гробу!

Буря свирѣѣла. Ванька, выбившись изъ силъ, сложилъ весла, пустил лодку на произволъ волнъ и бури, и началъ раздѣваться.

— Что ты дѣлаешь?

— Раздѣваюсь, хозяинъ! неравно придется плыть.

— А вѣдь я не умью плавать.

— Жалко!

— Да къ чему ты это говоришь?

— Да къ тому, что лодку нашу, того и смотри, перевер- нуть вверхъ дномъ.

— Господи, Боже мой! произнесъ Рыбковъ, перекрестив- шись: въ Твоей волѣ и рожденіе, и земная жизнь, и смерть, и вѣчная жизнь человѣка? Да будетъ воля Твоя!.. Ваня! Потонемъ что ли мы?

— Авось не потонемъ, хозяинъ, если плавать умѣешь.

— Не умью, Ваня! Я ужъ тебѣ сказалъ.

— Эко горе какое! Я то какъ-нибудь выплыву авось, и доберусь до берега, а ужъ какъ тебѣ помочь — не знаю!

— Прощай, Ваня! Скажи моимъ милымъ сестрамъ, моей милой невѣстѣ, Настенькѣ, что я потонулъ, и чтобы онѣ молились за мою душу. Домъ мой на рѣчкѣ Мѣ, близъ Зе- ленаго моста. Фамилія моя, — Рыбковъ.

— Ладно! Все это скажу, хозяинъ, коли самого меня Богъ до берега донесетъ. Эхъ, хозяинъ! Потанциль бы и тебя, да силъ не хватить при такой бурѣ. Ей ей, не хватить!

Яростный валъ ударилъ въ лодку. Она опрокинулась. Ванька поплылъ. Рыбковъ перекрестился и... потонулъ.

ГЛАВА XII.

Послѣдняя жертва.

Прошло четыре мѣсяца.

За нѣсколько дней до Рождества, въ калитку дома Алек- сѣя Матвѣевича Зубова стучалась Пелагея Ивановна.

Старая Акулина впустила гостью.

— Пелагея Ивановна! вскричала Настенька, выбѣжавъ въ свни на встрѣчу гостьѣ; сколько лѣтъ, сколько зимъ мы васъ не видали! Пожалуйте скорѣе! маменька будетъ раде- шенька вамъ... Дайте, я сниму съ васъ шубу, миленькая Пелагея Ивановна... Мы совсемъ соскучились безъ васъ...

Улыбаясь, глядя Пелагею Ивановна на молодую дѣвуш- ку; удовольствіе послѣдней казалось ей добрымъ предзна- менованіемъ и ручательствомъ за успѣхъ дѣла, по которо- му она пришла.

Пелагея Ивановна, по прежнему, не сидѣлось безъ дѣла.

Ласково приняли ее родители молодой дѣвушки. Поздоро- вавшись и пораспросивъ гостью о здоровьи, граверь ушелъ въ свою мастерскую. Мавра Федоровна пустилась въ распро- сы о городскихъ новостяхъ. Пелагея Ивановна отвѣчала

довольно отрывисто, искоса поглядывая на Настеньку и какъ-бы придумывая средство удалить ее. За нѣсколько времени передъ тѣмъ Мавра Федоровна сразу бы угадала желаніе гости-хлопотуны, но теперь обстоятельства пере-
мѣнились.

За то Настенька стала подогадливѣе. Инстинктъ сердца подшепнулъ ей, что Пелагея Ивановна пришла для нея, и, воспользовавшись первымъ представившимся случаемъ, она вышла изъ комнаты.

— Скажите-ка мнѣ, Мавра Федоровна, поспѣшно сказала Пелагея Ивановна, прервавъ какой-то вопросъ хозяйки: что Настенька?

— Ничего, слава Богу!

— Не грустить?

— Сначала погрустила, а теперь прошло.

— Ну, и слава Богу! правду вымолвить, матушка Мавра Федоровна, покойникъ Егоръ Назарычъ, дай Богъ ему царствіе небесное, былъ человекъ пречестивѣйшій и предобрѣйшій, да не женихъ Настеньки!

— Видно что такъ, родимая.

— Да ужъ я вамъ говорю... А вотъ что, Мавра Федоровна! Я разъ сосватала вамъ Настю, и еще разъ сосватаю...

Пелагея Ивановна ожидала, что Мавра Федоровна съ признательностью приметъ предложеніе ея, но ошиблась: хозяйка слегка смутилась и отвѣчала довольно холодно:

— Благодарствую... Не къ спѣху, матушка; пождемъ, подумаемъ...

— Чего ждать! съ беспокойствомъ вскричала Пелагея Ивановна: не сидѣть же ей въ дѣвкахъ!

— Небось, родная, не засидится.

— Да ужъ вы не прискакали ли ей жениха? съ возрастающимъ беспокойствомъ спросила Пелагея Ивановна.

— Не то что прискакали... А такъ, знаете... есть ма примѣть человекъ...

— Эхъ, Мавра Федоровна, грѣшно вамъ! возразила гостя общепринятымъ голосомъ: кажись я вамъ несомнѣнно чужая... Можно бы и посоветоваться и потолковать вмѣстѣ... А то

вы, этакъ, помимо меня... Не ожидала, Мавра Федоровна; право, не ожидала отъ васъ такого презрѣнія!

Держась того правила, что въ колодець ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ плевать, Мавра Федоровна стала уговаривать гостью и увѣрять ее, что ничего еще не порѣшено; что она только думаетъ, и что, навѣрное, не замедлила бы сообщить обо всемъ Пелагеѣ Ивановнѣ, если бъ человекъ, на котораго она задумала, приступилъ къ рѣшительному объясненію.

— Но кто же этотъ человекъ? спросила гостя.

— Хотя это наша семейная тайна, а вамъ сказать можно. Извольте видѣть, когда мы известили Ивана Захарыча Земцова...

Мавра Федоровна замолчала. Въ сосѣдней комнатѣ слышались шаги; вошелъ архитекторъ.

Последнія слова хозяйки, изысканность наряда Ивана Захарыча и смущеніе его при видѣ Пелагеи Ивановны, открыли последней семейную тайну Мавры Федоровны, и сильное беспокойство сжало сердце ея. По дружественнымъ сношеніямъ съ граверомъ и по порядочному состоянію, архитекторъ былъ опаснымъ соперникомъ тому, за котораго намѣревалась ходатайствовать Пелагея Ивановна.

Она поклялась, что это будетъ послѣднимъ дѣломъ ея, и что устроивъ его, она посвятитъ себя семейной жизни молодыхъ супруговъ. Но вотъ, являлось новое препятствіе... и Пелагея Ивановна задумалась.

Земцовъ зашелъ только мимоходомъ; онъ принесъ граверу нѣсколько чертежей изъ канцеляріи отъ строеній. Вѣроятно онъ желалъ и падьялся увидѣться съ Настенькой, но она не выходила. Просидѣвъ съ четверть часа и не находя въ своемъ смущеніи словъ, для поддержанія разговора, онъ рѣшился, наконецъ, откланяться.

Пелагея Ивановна молчала почти во все время, но на лицѣ ея уже не было замѣтно прежняго беспокойства; она бросила на Ивана Захарыча нѣсколько взглядовъ, увеличившихъ смущеніе его, и, когда онъ сталъ прощаться, по-

просила, чтобы онъ—если ему по дорогѣ,—доставилъ ее до того мѣста набережной, гдѣ льтомъ бываетъ перевозъ.

— Я пораспрошу его, шепнула она Мавръ Федоровнѣ передъ уходомъ.

Нѣсколько минутъ спустя, сани отъѣхали отъ воротъ дома гравера.

Пелагея Ивановна была задумчива, печальна. Ивану Захарычу было какъ-то неловко; но считая продолжительное молчаніе невриличнымъ, онъ, наконецъ, первый прервалъ его.

— О чемъ вы печалитесь? спросилъ онъ.

Пелагея Ивановна вздохнула.

— Не произошла ли съ вами какая прискорбность? продолжалъ Иванъ Захарычъ.

— Нѣтъ, отвѣчала Пелагея Ивановна. Мы съ Маврой Федоровной вспомнили о покойникѣ, бѣдномъ Егорѣ Назарычѣ.... Мнѣ взгрустнулось по немъ.

— Да! добрый былъ человекъ.... Да что объ немъ жалеть! Онъ теперь посчастливѣе насъ, грѣшныхъ.

— Истинно такъ, Иванъ Захарычъ.... И знаете ли, не женихъ онъ былъ Настенькѣ, сказала Пелагея Ивановна.

— Да вѣдь вы же сосватали, не въ попрекъ вамъ будь сказано.

— Эхъ, батюшка! Вся мы грѣшныя; часто не знаемъ, что творимъ. Закачалась теперь! Статочное ли дѣло сватать молодую дѣвушку за человека, который ей въ отцы годится.

Земцовъ поморщился, закашлялся, и приударилъ лошадей.

— Не гоните, пожалуйста, я смерть какъ боюсь опрокинуться, сказала Пелагея Ивановна, желая выиграть время.

Архитекторъ удержалъ лошадей и сказалъ:

— Конечно, Егоръ Назарычъ былъ ужъ слишкомъ старъ для Настеньки; но есть люди, которымъ хоть и за сорокъ, но у которыхъ сердце еще свѣжо и молодо....

— Да! есть! возразила Пелагея Ивановна, опустивъ глаза.

Ободренный этимъ подтвержденіемъ, Земцовъ продолжалъ съ жаромъ:

— Вотъ хоть бы, примѣрно, я.... не въ похвальбу себѣ

скажу, — а, право, у меня хватить еще сердца, чтобы осчастливить жену....

Пелагея Ивановна вздохнула, и архитектору показалось, что она слегка приблизилась къ нему. Мурашки пробѣжали по всему тѣлу его.

— Притомъ же, продолжалъ онъ нетвердымъ голосомъ: холостая жизнь наскучила мнѣ.... Придешь домой, — грустно; никто не встрѣтитъ ласковымъ словомъ; уходишь со двора безъ сожалѣнія.... То ли дѣло съ женой!.... Правду пословица говоритъ: какъ дома женушка, да брага, да щи, такъ другаго добра и въ раю не вишь!

— Истинно такъ, тихимъ голосомъ произнесла Пелагея Ивановна: я сама знаю это по опыту. Одночество куда какъ тяжело!

Съ этими словами она такъ умильно посмотрѣла на Ивана Захарыча, что у него занялся духъ.

— Помните ли вы.... сказалъ онъ, заикаясь: когда, послѣ пирушки у покойнаго Рябкова.... я доставъ васъ.... до перевоза....

— Помню, отвѣчала она, опустивъ глаза. Вы уже тогда говорили мнѣ о нашемъ намѣреніи жениться.... Можетъ быть, вы раздумали?

— Кто?... то есть я?... не то что раздумалъ, я.... тово....

— Мужчины ужасно непостоянны, сказала Пелагея Ивановна съ грустью.

Иванъ Захарычъ терялся больше и больше.

— Нѣтъ!... сдѣлайте одолженіе, говорилъ онъ: тутъ никакого непостоянствія нѣтъ.... Только вы изволили тогда сказать, что не намѣрены.... выходить замужъ....

— А какое вамъ дѣло до меня?....

Пелагея Ивановна опять взглянула на Ивана Захарыча, и привела его въ такое замѣшательство, что онъ поступилъ совершенно по пословицѣ: изъ огня да въ полымя, вскричавъ:

— Да нѣчто вы не поняли, что oprичъ васъ ни къ кому сердце мое не лежало въ тѣ поры!

— Ахъ, Иванъ Захарычъ! сдѣлливо произнесла Пелагея Ивановна; но, поправившись, она продолжала: неужели слова мои такъ испугали васъ, что вы за потребное разсудили присвататься къ другой дѣвницѣ?..

— Не обижайте, Пелагея Ивановна, я не сватался....

— Правда ли?

— Ей, ей, не сватался!

Они проѣхали уже мимо перевоза; Пелагея Ивановна

только теперь заметила, что они выехали на набережную передъ Лытнимъ садомъ.

— Куда же мы ѣдемъ? сказала она, улыбаясь. Постойте, я выйду.

— Посидите еще маленько, произнесъ умоляющимъ голосомъ Иванъ Захарычъ: побесѣдуемте еще....

— Минь теперь некогда.... спѣшу домой; но выслушайте одну просьбу!

— Говорите, Пелагея Ивановна; я все готовъ для васъ сдѣлать!

— Посватайте невесту моему племяннику.... Родители ея послушаютъ васъ скорѣе, а молодая дѣвушка давно уже любить моего молодца....

— Но кто же родители?

— Зубовы, отвѣчала Пелагея Ивановна, и не давъ опомниться архитектору, прибавила, пожавъ ему руку: прощайте, спѣшу встрѣтить племянника, возвращающагося изъ Ревеля, а васъ жду завтра утромъ къ себѣ.... Авось, порѣшимъ и ваше дѣло....

—

Мавра Федоровна чрезвычайно удивилась, когда Земцовъ сталъ просить руки Настеньки не для себя, а для молодого Берга. Она хотѣла-было пуститься въ возраженія, но архитекторъ убѣдилъ ее, объявивъ, что онъ старается въ пользу *своего* племянника.

Пелагея Ивановна принесла послѣднюю жертву сыну сестры своей; жертву, правда, не слишкомъ великую, потому-что сама питала тайную склонность къ красивому, веселому и доброму Ивану Захаровичу. Она согласилась на его предложеніе.

Не смотря на всѣ наши разысканія, мы не могли достоверно узнать: состоялись ли свадьбы Берга съ Настенькой, и тетки его съ Иваномъ Захаровичемъ. Вѣроятно, состоялись, а можетъ-быть и нѣтъ. Судьба бѣднаго Рябова разителью доказала, что на землѣ нѣтъ ничего вѣрнаго.

М. Фурманъ.

ЛЕЙТЕНАНТЪ И ПОРУЧИКЪ

1710 годъ.

БЫЛЪ ВРЕМЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

—

(Продолженіе.) *

III.

Русское войско, какъ извѣстно нашимъ читателямъ изъ предыдущей главы, выступило на разсвѣтъ, съ Котлина острова къ Выборгу. Поручикъ Лаповъ увидѣлъ на опытѣ, что опасенія друга его, лейтенанта Вѣтрина, были основательны. Снѣжные сугробы, трещины, полыньи на Финскомъ заливѣ непрерывно преграждали храброму войску дорогу, не проложившую никѣмъ и опредѣляемую по компасу; каждую минуту опасался, чтобы пушки и мортиры не провалились сквозь ледъ. Капитанъ, командовавшій отрядомъ артиллеріи, непрерывно кричалъ: «Осторожиѣе, ребята! Смотрѣть, крепко ли ледъ! Не забудьте, что подо льдомъ море и смерть, а впереди Выборгъ и побѣда! Постарайтесь, ребята!»

— Рады стараться, отецъ-командиръ! восклицали солдаты и дѣлали, просто, чудеса! Завязнетъ пушка въ снѣжномъ сугробѣ, — солдаты сбѣгаются, почти поднимаютъ ее на ру-

* См. первую книгу *Сына Отечества* за текущей 1848 годъ.

кахъ, понукають лошадей, и пушка опять на ровной, ледяной дорогѣ! Затрещалъ ледъ подъ пушкою, — гдѣ ни возьмутся длинныя доски; водсовываютъ ихъ подъ колеса, и съ крикомъ: ура! спасаютъ орудіе отъ потопленія. Обѣзжаютъ по льду; черезъ трещины вмигъ готовы мостики изъ досокъ, и русская артиллерія, какъ, нежданная, громовая туча, все ближе и ближе къ шведской крѣпости. Кавалерійскія лошади, заостривъ уши и храпя отъ страха, живописно упряются въ рыхлый ледъ передними ногами и не хотятъ идти далѣе; по всадники, подобравъ удла, принимаются за шпоры, и кони ихъ, распустивъ по вѣтру гриву и сверкая глазами, несутся по тонкому льду впередъ. Пѣхота, видя все это и надѣясь на свои закаленные въ походахъ ноги, своими молодецкими восклицаніями поощряетъ артиллерію и кавалерію, и сама не столько маршируетъ, сколько бѣжитъ, не назадъ, конечно, а впередъ, къ неприятельской крѣпости.

Главнокомандующій, графъ Апраксинъ, на своей гнѣдой лошади, ѣдетъ впереди всѣхъ, держа въ одной рукѣ удла своего коня, а въ другой—маленькій, ручной компасъ.

Ледъ и ледъ, покрытый снѣгомъ! Больше ничего не видно! Выборгъ — неизвѣстно гдѣ! Солнце до половины погрузилось въ отдаленную, покрытую туманомъ снѣжную равнину. Оно гаснетъ болѣе и болѣе, съ каждою минутой! Кажется, что ледъ и снѣгъ погасятъ навсегда жаркое и свѣтлое солнце, и оно не взойдетъ на другой день. Вотъ! Солнце совсѣмъ погасло, и наступила, темная, туманная почъ.

Мракъ ночи разсѣяла на нѣсколько минутъ луна; но и ее скрыли густыя тучи, и русское войско — на тонкомъ, невѣрномъ льдѣ, посреди темноты, на неизвѣстной, загадочной дорогѣ! Подо льдомъ ужасная глубина, жадная поглотить всѣхъ вѣрившихся ей; надъ головами мрачное, облачное небо; на обратномъ пути, извѣданномъ по опыту, нѣтъ спасенія; путь впередъ еще болѣе невѣренъ.

— Тише! Осторожнѣе!—Таковъ приказъ былъ всему войску приказъ главнокомандующаго, графа Апраксина.

Пѣхота, кавалерія и артиллерія пошли шагомъ, смотря внимательно впередъ, направо, и налево.

Мракъ ночи все болѣе и болѣе сгущался. Въ это время поровнялся съ поручикомъ Лановымъ командиръ отряда артиллеріи, капитанъ Иванъ Петровичъ Шурлинъ, на соловой лошади, которая отъ усталости опустила уши и встряхивала по временамъ головой и гривой. Шурлинъ былъ усачъ высокаго роста, смуглый, слегка рябоватый, плечистый; лице его, съ перваго взгляда, казалось суровымъ, но чѣмъ болѣе въ него кто вглядывался, оно казалось привлекательнѣе и добрѣе. Молодецкая неустрашимость, чистота совѣсти, чувствительность добраго сердца блистали въ черныхъ глазахъ его, изъ-подъ нахмуренныхъ бровей, какъ свѣтлые лучи солнца сквозь громовой тучи.

— Добраго здоровья и всякаго удовольствія! крикнулъ капитанъ Шурлинъ поручику Ланову, съ которымъ онъ былъ близко знакомъ.

— Ахъ! Это ты, Иванъ Петровичъ, отвѣчалъ Лановъ.

— Некуда я, самъ, а не мое привидѣніе! Вотъ, какъ провалился сквозь ледъ, такъ авось навѣстимъ другъ-друга въ видѣ выходцевъ съ того свѣта. А впрочемъ, во всемъ воля Божія!

— Для чего проваливаться, Иванъ Петровичъ! Провалился сквозь землю такое предположеніе!

— Вполнѣ согласенъ! Ну, что? Усталъ, товарищъ?

— Не то, что усталъ, а порядкомъ умаялся.

— Умаялся?... Это все — пустяки! И я умаялся, но это не значитъ, что я усталъ. Попймаешь, Александръ Пльпчъ?

— Попымаю.

— И безподобно! Мы другъ друга попймаемъ!

— Да ты на лошади, а я пѣшкомъ, такъ это маленькая разница.

— Какая тутъ, къ чорту, разница! Чтò ты, любезный Саша, городишь! Я себѣ всѣ ноги стеръ и едва не кричу. Да сядь ты на мою лошаденку, которая мотааетъ головой словно усталый оселъ, и ступай впередъ, а я пѣшкомъ пойду.

— Это не въ порядкѣ, Иванъ Петровичъ!

— Не въ порядкѣ,—такъ ты и молчи.

— Я молчу.

— И я молчу; но скажу тебѣ, что напрасно ты мнѣ завидуешь.

— Да кто тебѣ сказалъ, что я завидую!

— А не завидуешь, такъ и ладно! Я только думаю о томъ, какъ бы намъ поскорѣе до Выборга добраться и его взять. А впрочемъ, во всемъ воля Божія!

— И я того же отъ души желаю; но посмотри, какая темная ночь! Потонемъ въ морѣ, такъ и дѣлу конецъ!

— А! не потонемъ! Мнѣ такъ сдается.

— И мнѣ также.

— Ну, и слава Богу!

Разговоръ друзей прекратился. Одинъ маршировалъ крупнымъ шагомъ, другой ѣхалъ маленькою рысью.

Долго молчали они. Ночь пролетѣла. На востокъ вспыхнула утренняя заря, и солнце своимъ великолѣпнымъ, радостнымъ свѣтомъ облило снѣжную поверхность Финскаго залива.

— Саша! сказалъ капитанъ артиллеріи. Ты, я надѣюсь, видишь, что солнышко взошло.

— Какъ не видѣть!

— Теперь иди-то свѣтлѣе и удобнѣе.

— Безъ сомнѣнія!

— А далеко ли до Выборга-то?

— Да Богъ его знаетъ! Полагаю, что онъ недалеко.

— И я того же мнѣнія! Страхъ, какъ хочется шархнуть въ него картечью и ядрами, и послать въ почтенный Выборгъ нѣсколько гостинцевъ, называемыхъ бомбами! А ты, Саша, какъ пѣхотинецъ, попотчивай поусердиѣ Шведовъ, въ случаѣ вылазки или штурма, закусками, которыя пленуются штыками.

— Не станеть за мною дѣло, капитанъ!

— Увѣренъ въ этомъ! Но только вотъ что, Саша! Съ нами взято провіанту очень мало, какъ тебѣ извѣстно. Если окаянный Шведъ учинитъ продолжительное и неожиданное сопротивление; то мы при долговременной осадѣ съ голоду умремъ. А впрочемъ, во всемъ воля Божія!

— Да развѣ тебѣ неизвѣстно, капитанъ, что самъ Царь, какъ только ледъ на морѣ взломаетъ, явится съ флотомъ сво-

имъ у Выборга и привезетъ и провіантъ, нужный для всего войска, и осадную артиллерію, и мортиры, и все, что нужно, для побѣды.

— Это я знаю.

— Знаешь, такъ и не спрашивай.

— Да я и не спрашиваю. Я и съ моимъ отрядомъ артиллеріи насолою Выборгу такъ, что будетъ долго меня помнить. Только вы, пѣхотинцы, отъ меня не отставайте.

— Не опасайся, Иванъ Петровичъ! Не отстанемъ!

— Ну, и ладно! Только я не знаю, когда ледъ на морѣ, по которому мы теперь идемъ, взломаетъ. Теперь я не желаю, чтобы его взломало; но когда придемъ къ Выборгу, такъ пусть море поскорѣе стряхнетъ ледъ и растолчетъ его, въ манную крупу, и пусть Царь съ флотомъ своимъ прибудетъ скорѣе къ намъ, для побѣды. Такъ ли, товарищъ?

— Такъ!

Друзья замолчали. Разговоръ между ними прекратился, но крайней мѣрѣ на цѣлый часъ; но все-таки Шурлинь ѣхалъ на своей соловой лошадекѣ подлѣ Лапова, и только изрѣдка оборачивался къ своимъ пушкамъ и мортирамъ, слѣдовавшимъ по пятамъ за нимъ, восклицая изрѣдка:—Снѣгѣ и скорѣе, ребята! Ледъ здѣсь, я вижу, крѣпче; видно, что берегъ близко; да и ночь-то ужъ давно прошла. Глядите, ребята, въ оба! Скоро Выборгъ увидимъ. А впрочемъ, во всемъ воля Божія!... Постарайтесь, ребята!

— Рады стараться, отецъ-командиръ! восклицали весело и единодушно артиллеристы.

Не смотря на обѣщаніе и ободреніе капитана, артиллеристы и все прочее войско все-таки видѣло предъ собою одну ледяную, покрытую снѣгомъ, безконечную равнину. Выборга нѣтъ, какъ нѣтъ!

Капитанъ вытащилъ изъ кармана бѣлый платокъ и началъ проворно вытирать себѣ глаза.

— Что это, Иванъ Петровичъ? сказалъ ему поручикъ Лаповъ. Ты, кажется, плачешь?

— Кто? Я плачу? Съ чего ты это гдль?

— Я замѣтилъ у тебя на щекѣ слезу, и видѣлъ очень ясно, какъ ты стеръ ее платкомъ.

— Это отъ мороза!

— Обманываешь меня, Иванъ Петровичъ! Такія слезы не пробиваются отъ морозу, да и морозу-то теперь, кажется, нѣтъ, потому, что солнце сильно грѣетъ. Видишь, какая оттепель!

— Вижу!

— Ну что же?

— Ничего!

— Да отчего же ты заплакалъ? Скажи мнѣ правду, Иванъ Петровичъ! Ты меня опытишь; я тебѣ во всемъ повѣрю! Потому что мы, не дойдя до Выборга?

— Тыфу ты, пропасть! Тпунъ бы тебѣ на языкъ! Съ чего ты взялъ, что мы потонемъ?

— Да съ твоей слезы.

— Слеза! Большая важность—слеза! Отъ нея ледъ не растаетъ. Плюнь на мою слезу, если ты ее въ самомъ дѣлѣ замѣтилъ.

— Для чего плевать! Всякая слеза почтенна потому, что не знаешь отчего она происходитъ: отъ морозу, или отъ сердечнаго горя. Скажи мнѣ правду, Иванъ Петровичъ! Не хитри со мной! Ты вѣдь правду любишь и никогда ей не измѣнялъ. Потонемъ?

— Тыфу какой песносный! Не трусь, сдѣлай милость, и свою команду, которая за тобой маршируетъ, не напугай напрасно! Я тебѣ скажу всю правду-пистину. Слеза моя, которую ты замѣтилъ, просто — чепуха, мѣдной копѣйки не стоитъ! Я подумалъ о женѣ своей, которую оставилъ въ Петербургѣ, о моей бѣлокурой, маленькой и миленькой дочкѣ, которая такъ ласково каждое утро вѣшалась ко мнѣ на шею, о моихъ двухъ сынишкахъ, которые еще меньше старшей ихъ сестрицы и глупѣе. Такіе сорванцы, что, просто, бѣда! По мнѣ пошли! Увижу ли я ихъ? Мы съ тобой идемъ къ неприступной крѣпости; тамъ, конечно, насъ встрѣтятъ не клюквой и горохомъ. Что будетъ съ моею бѣдною женой, съ моими ребятишками, если я лягу въ мать-сыру землю подъ Выбор-

гомъ? Вѣдь это будетъ разоренное гнѣздо! Неоперившіеся птенцы мои попадаютъ на землю и погибнуть отъ голода и холода, а мать ихъ умретъ надъ ними, съ горя! Вотъ, отъ этой-то мысли, любезный мой Саша, пробила у меня невольная слеза, которую ты замѣтилъ.

И другая, крупная слеза повисла на черныхъ рѣсницахъ уса-ча-капитана, которую онъ проворно отеръ своимъ бѣлымъ платкомъ.

— Ну полно, Иванъ Петровичъ! Ты опять, какъ я вижу, плачешь?

— Выкатилась еще одна, окающая! Да впрочемъ, это послѣдняя. Что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, за чувствительность на меня напала. Довольно!.. Полно дурить! воскликнулъ капитанъ, поднявъ гордо голову и сверкая глазами, полными твердаго, благороднаго мужества. Подавай намъ только Выборгъ скорѣе; мы съ тобой дадимъ ему о себѣ вѣсточку! Узнаетъ онъ Русскихъ! А впрочемъ, во всемъ воля Божія!

Опять наступило молчаніе. Войско шло впередъ и впередъ, по льду. Наконецъ, на отдаленномъ горизонтѣ явилась высокая, грозная башня, унизанная, сверху до основанія, выставившимися изъ узкихъ оконъ пушками; потомъ начали постепенно обозначаться шпицы церкви, другія высокія, городскія зданія, и каменные стѣны Выборга.

— Капитанъ! сказалъ поручикъ Лановъ. Ужъ не Выборгъ ли это? Вонъ! посмотри, тамъ, вдали!

— А Богъ его знаетъ!

— Мнѣ кажется, что это Выборгъ.

— И мнѣ также.

— Не крикнуть ли намъ: ура!

— Подожди, Саша! Не торопись. Можетъ быть, это и не Выборгъ, а какой-нибудь другой городъ.

Въ это время передано было всему войску приказаніе главнокомандующаго, графа Апраксина, чтобы всѣ приблизились къ Выборгу въ величайшей тишинѣ и обложили его со всевозможной скоростью.

— Ну, видишь ли, другъ Саша! Твое-то: ура! было бы здѣсь очень не у мѣста. Не правда ли?

— Правда, Иванъ Петровичъ!

Войско приближалось скорыми шагами къ неприятельской крѣпости. Высокая башня, цитадель Выборга, и стѣны его замѣтно росли, и становились все грознѣе и грознѣе. Въ тишинѣ и съ удивительною быстротою обложили Русскіе Выборгъ!

Съ двадцать втораго марта по первое апрѣля, то есть въ теченіе десяти дней, изумленные Шведы, не ждавшіе такихъ гостей, не сдѣлали имъ никакого рѣшительнаго сопротивленія, нрѣдка стрѣляли съ башни и со стѣнъ, а Русскіе между тѣмъ дѣлали апроши къ крѣпости. Возобновившіеся морозы и гранитная почва много мѣшали Русскимъ; но ихъ ничто не останавливало. Замерзшую землю они неутомимо рыли, а на голомъ гранитѣ устроивали апроши изъ мѣшковъ, набитыхъ шерстью. Наконецъ, перваго апрѣля, по приказу главнокомандующаго, капитанъ артиллеріи Шурлинь изъ своихъ десяти, двѣнадцатифунтовыхъ пушекъ, открылъ огонь по крѣпости, и изъ трехъ своихъ мортиръ началъ бросать бомбы въ Выборгъ. Болѣе не было артиллеріи при всемъ войскѣ.

Черезъ одиннадцать дней, а именно двѣнадцатаго апрѣля, Шведы сдѣлали вылазку. Храбро и отчаянно было ихъ нападеніе. Одинъ русскій полкъ отъ ихъ натиска принужденъ былъ отступать и врѣшелъ даже въ замѣшательство. Поручику Ланову приказано было стоять со своей ротой у пушекъ и мортиръ, и прикрывать ихъ, въ случаѣ нападенія.

Капитанъ Шурлинь, наблюдая за ходомъ боя, продолжалъ бить ядрами, изъ своихъ пушекъ, стѣны крѣпости, согласно приказу, и удачными выстрѣлами разрушилъ нѣсколько амбразуръ и сбилъ въ нихъ нѣсколько орудій. Громко говорилъ его три мортиры и непрерывно посылали бомбы въ Выборгъ.

Вдругъ, скачетъ къ нему во весь опоръ кавалеристъ. Онъ осадилъ передъ нимъ свою покрытую пѣной лошадь.

— Капитанъ! сказалъ кавалеристъ. Главнокомандующій приказалъ тебѣ изъ четырехъ пушекъ стрѣлять картечью въ Шведовъ, которые нашу пѣхоту попятяли, а изъ остальныхъ шести пушекъ и трехъ мортиръ продолжать разговоръ съ крѣпостью и ей, сколько возможно, *докучать*.

— Слушаю! отвѣчалъ Шурлинь.

Кавалеристъ поскакалъ въ другую сторону. Шурлинь командовалъ повернуть влѣво четыре пушки и зарядить ихъ картечью, но въ эту же самую минуту замѣтилъ, что сильный отрядъ Шведовъ, явившійся словно изъ-подъ земли, бѣжалъ на артиллерію съ-тыла.

— Саша! крикнулъ капитанъ Ланову. Оглянись и побереги пась, артиллеристовъ, чтобы намъ затылокъ не нагрѣли, покуда я буду справляться съ этими пріятелями, которые, смотри-ка, какъ нашихъ пятятъ!

Лановъ вмгъ повернулъ и выстроилъ свою роту. Видя, что нападающій съ-тыла отрядъ Шведовъ вдвое сильнѣе его роты, поручикъ рѣшился не начинать огня, подпустить нападателей ближе, и, воспользовавшись дымомъ перваго неприятельскаго залпа, внезапно броситься въ штыки и сломить центръ шведскаго отряда.

Капитанъ Шурлинь, между тѣмъ, взмахнувъ шпагой, крикнулъ: «Пли!» и четыре пушки грянули разомъ; картечь завывала и засвистѣла; шведскія, густыя колонны дрогнули и смѣшались. Не давъ имъ опомниться, Шурлинь началъ въ нихъ стрѣлять изъ каждой пушки, поочередно. Смятеніе Шведовъ увеличилось. Это не укрылось отъ русской, отступавшей пѣхоты; она оправилась и съ такимъ жаромъ ударила въ штыки на Шведовъ, что они побѣжали въ беспорядкѣ къ крѣпости.

— Bravo! Молодцы! Ура! кричалъ въ восторгѣ Шурлинь, махая шпагою. Такъ! Такъ, богатыри! Гоните ихъ!

Въ это время шведскій отрядъ, бѣжавшій на артиллерію съ-тыла, остановился, увидѣвъ, что Лановъ выстроилъ свою роту и готовъ отразить нападеніе. Стволы шведскихъ ружей сверкнули и вмгъ превратились въ рядъ черныхъ точекъ. Еще мгъ, и изъ этихъ точекъ съ трескомъ хлынула струями огонь; густой, бѣлый дымъ заходилъ облакомъ и скрылъ Шведовъ.

Многіе солдаты изъ роты Ланова упали, раненые или убитые.

— На штыки! крикнулъ Лановъ, и рота его, какъ неудер-

жнная лава, прорвала центръ шведской линіи. Послѣ упорной битвы, Шведы побѣжали.

Лановъ, отрядивъ половину своей роты, для преслѣдованія бѣглецовъ, съ другой половиной воротился къ артиллеріи, для ея прикрытія, и что же онъ увидѣлъ? Капитанъ Шурлинъ, прострѣленный пулею, блѣдный, умиравшій, сидѣлъ на сѣгѣ подлѣ пушки. Капралъ, ставъ на колѣни, сзади поддерживалъ его за плеча, прислонивъ голову капитана къ своей груди. Слезы текли по смуглымъ щекамъ усагаго капрала. На бѣломъ сѣгѣ, подлѣ Шурлина, вилась алая струя крови, отъ которой поднимался легкій паръ. Капитанъ правою рукою прижалъ къ груди бѣлый платокъ свой, тотъ самый, которымъ онъ, на Финскомъ заливѣ, стеръ двѣ слезы свои. Весь этотъ платокъ былъ смоченъ его кровью.

— Боже мой! воскликнулъ Лановъ, бросающъ къ своему другу.

— Саша! проговорилъ Шурлинъ слабымъ, прерывающимся голосомъ, подыавъ на него полужакрытые глаза, въ которыхъ жвзнь видимо погасала. Другъ-Саша!... Прощай!... Возьми платокъ!... Тутъ мои слезы, — помнишь?... Тутъ моя кровь!... Отдай самому Царю... попроси, чтобы не оставилъ моихъ бѣдныхъ ребятшекъ съ ихъ матерью!... Охъ! тяжело!... Прощай, Саша!... Онъ не оставитъ ихъ?... Отдай же Царю, не забудь!... А впрочемъ... воля Божія!

Капитанъ простоналъ, судорожно потянулся, опустилъ голову на грудь и тяжело вздохнулъ. Это былъ послѣдній вздохъ храбраго воина.

Въ это время, раздалось по всему боевому полю радостное ура! Русскіе вездѣ торжествовали; Шведы въ безпорядкѣ спасались въ крѣпость.

Слезы покатились по блѣднымъ щекамъ Ланова.

— Онъ уже умеръ! Онъ уже не слышитъ побѣднаго клика! проговорилъ Лановъ и, держа платокъ, смоченный кровью друга, поднялъ руки къ небу и тихо прошепталъ: Милосердый Боже! Прійми его душу въ небесное жилище праведныхъ!

IV.

Со дня этой вылазки, почти въ теченіе двухъ мѣсяцовъ, не было никакого значительнаго сраженія подъ Выборгомъ; Русскіе промолчали только изрѣдка метать въ крѣпость бомбы изъ трехъ, единственныхъ мортиръ, бывшихъ при войскѣ, а Шведы изрѣдка стрѣляли со стѣпъ, изъ пушекъ.

Графъ Апраксинъ нетерпѣливо ожидалъ прибытія флота съ осадною артиллеріей и провіантомъ; но морозы въ ту весну необыкновенно долго не прекращались. Флотъ у Котлина острова давно уже былъ нагруженъ и готовъ къ отплытію, но ледъ на Финскомъ заливѣ стоялъ неподвиженъ. Петръ Великій, безпокоясь о своемъ войскѣ, отправленномъ къ Выборгу, съ самою малою частью артиллеріи и съ провіантомъ, какой только могъ умѣститься въ раницахъ солдатъ, безпрестанно наблюдалъ и самъ, и приказывалъ себѣ докладывать: нѣтъ ли оттепели.

— Морозитъ, Ваше Величество! говорили Царю то тотъ, то другой изъ его приближенныхъ.

— Плохо, любезный! За эту вѣсть не жди отъ меня спасба. Вотъ, какъ бы ты сказалъ, что оттепель; что ледъ на морѣ тронулся, такъ я бы тебя разцѣловалъ.

— Радъ бы радостью, великій Государь, да вѣдь морозы не въ моей власти.

— Знаю, братецъ! Онъ не только что въ твоей, но и не въ моей власти. Помолись-ка усерднѣ Богу, да доложи мнѣ: оттепель! Такъ меня порадуешь, что вѣтъ не забуду!

— Постараюсь, великій Государь, и помолюсь усердно.

Лейтенантъ Вѣтринъ, давно уже изъ своей пзбы, красовавшейся на выпѣвшей англійской набережной, перебрался на корабль, который долженъ былъ состоять подъ личною командою контръ-адмирала Петра Михайлова. Ходя взадъ и впередъ по палубѣ, Вѣтринъ нюхалъ воздухъ, измѣрялъ его температуру, потиралъ озябшія отъ мороза руки и съ негодованіемъ восклицалъ:

— Развозило тебя, как нарочно, проклятаго! Мало тебѣ было зимы-то! Опомнись, постыдись! Вѣдь надо и честь знать! Теперь ужь давно весна! Убирайся ты отъ насъ поскорѣе, проваливай! Нашп-то, можетъ быть, гибнуть и голодаютъ подь Выборгомъ. Да сгинь ты, океанннй!

Морозъ очень холодно принималъ всѣ эти укорины молодого лейтенанта и продолжалъ спокойно щипать его носъ, уши и руки.

— Мошенникъ этакой! восклицалъ далѣе лейтенантъ. Вишь ли какъ скрѣпилъ ледъ-то на морѣ. Какъ бы могъ я разшибить этотъ гадкнй ледъ своими кулаками, чтобы дать нашему флоту дорогу, ужь не пожалѣлъ бы своихъ кулаковъ!

Опасенія молодого лейтенанта были основательны. Русское войско подь Выборгомъ, истощивъ весь провіантъ, взятый съ собою, начало голодать. Люди были безъ хлѣба; для лошадей съ великимъ трудомъ добывали въ окрестностяхъ сѣно. Приходила уже офицерамъ и солдатамъ невольна мысль питаться мясомъ лошадей въ ожиданнн прибытнн флота. Графъ Апраксинъ раздѣлялъ эту мысль съ своими подчпненными, но никому этого не высказывалъ.

— Потерпимъ, товарищи! говорилъ онъ: Царь скоро подошлетъ къ намъ со своимъ флотомъ, и у насъ всего будетъ изобильно. Дай только Господи, чтобы морозы скорѣе прекратились!

— Дай Господи! восклицали офицеры и солдаты.

— Царь нашъ привезетъ и провіантъ, и побѣду! Выборгъ будетъ нашъ!

— Нашъ! Нашъ! Ура! единодушно кричало все войско, одушевленное восторгомъ.

Графъ Апраксинъ началъ разсылать въ разныя стороны небольшие команды, для фуражировки. Сельскнн жители, услышавъ о нападеннн Русскихъ на Выборгъ, разбѣжались и увезли съ собою всѣ жизненные запасы. Пришлось искать этихъ запасовъ за пятьдесятъ, шестьдесятъ верстъ отъ Выборга, и даже далѣе.

Поручикъ Лановъ съ отрядомъ солдатъ былъ отправленъ, вмѣстѣ съ другими, для отысканнн съѣстныхъ припасовъ въ

окрестностяхъ Выборга. Долго шель онъ, безуспѣшно. Верстъ ужь пятьдесятъ или болѣе было отмѣряно шагами, и Лановъ, не найдя ничего, скомаццовалъ солдатамъ остановиться и отдохнуть. Разлеглись солдаты, кто на гранитномъ камнѣ, кто на мшистой кочкѣ, кто у пня сломеннаго бурену дерева. Вѣтеръ въ это время переѣнился, и вдругъ послышался шумъ, похожнй на раскатъ отдаленнаго грома.

— Аоанасевъ! сказалъ Лановъ своему капралу. Слышишь?

— Слышу, командиръ!

— Что-жъ ты думаешь?

— Ничего, отецъ нашъ, Александръ Пльпчъ!

— Ничего! Да что-жъ это такое?

— Не можемъ знать, отецъ-командиръ!

— И я не болѣе тебя знаю въ этомъ случаѣ. Чтѣ это за страшный и непонятный шумъ?

— А Богу повѣстно!

Лановъ съ его отрядомъ отдохнуль, всталъ, поднялъ на ноги весь свой отрядъ и сказалъ:

— Пойдемте, ребята, прямо туда, гдѣ этотъ громъ раскатывается. Узнаемъ чтѣ такое.

— Узнаемъ, отецъ-командиръ! За тобой въ огонь и въ воду!

Довольно долго еще шель отрядъ. Отдаленный громъ успливался. Русскнн солдаты, въ слѣдъ за своимъ поручикомъ, прямо и смѣло шли на непонятный громъ.

Наконецъ пришли они на утесистый, высокнй берегъ, взглянули внизъ и остановились, какъ вкопаные, отъ изумленнн. Широкая рѣка, стѣсненная двумя рядами вѣковыхъ, гранитныхъ утесовъ, съ яростню прокладывала себѣ путь, бросалась неистово на утесы, падала съ нихъ внизъ со стономъ и ропотомъ, кипѣла пѣною бѣшенства и неслася бѣлымъ, снѣговымъ вихремъ далѣе. Рѣка ревѣла! Утесы хохотали!

— Вѣдъ это сушнй адъ, отецъ-командиръ! сказалъ капралъ Аоанасевъ, указывая пальцемъ на бѣснующуюся рѣку.

— Чтѣ?

— Адъ, отецъ-командиръ!

— Не слышу! Говори громче! При этомъ чертовскомъ шумѣ ни одного человѣческаго слова слышать невозможно!

— Не слышу, отець-командирь!
 — Что? Что такое?
 — Что вы изволили сказать?
 — Тьфу, глухой!
 — Не сердитесь, отець-командирь! По вашему лицу вижу, что гнѣваетесь, а ей-богу ничего не слышу, и ни въ чемъ невиповатъ!

Лановъ нетерпѣливо махнулъ рукой и воскликнулъ:

— Кто его знаетъ, что онъ бормочетъ! Вижу только, что шевелить губамъ.

Передъ Лановымъ и его отрядомъ была Иматра,—знаменитый, финляндскій водопадъ или, вѣрнѣе сказать, круто-наклонный, длинный порогъ, образуемый рѣкою Вуоксою, которая вытекаетъ изъ озера Саймы и равняется шириною нашей петербургской, Малой Невѣ. Путь Вуоксы, при самомъ началѣ водопада, преграждается маленькимъ островомъ. Она оббѣгаетъ его съ неизобразимою быстротою. Далѣе стоятъ справа и слѣва высокіе утесы и стѣсняютъ теченіе рѣки, по крайней мѣрѣ на четвертую долю ширины ея. Рѣка бѣшено прорывается сквозъ рядъ утесовъ и бѣжитъ внизъ съ такою яростію, какую не описать на языкѣ человѣческомъ. Надобно самому видѣть Иматру, этотъ порогъ-водопадъ, чтобы получить объ немъ понятіе. При этомъ должно замѣтить, что въ то время, когда Лановъ былъ у Иматры, воды Вуоксы были гораздо выше, чѣмъ нынѣ; водопадъ былъ свирѣпѣе. Теперь на лѣвомъ, утесистомъ берегу, который значительно ниже праваго, путешественникъ съ изумленіемъ смотритъ на просверленные въ гранитѣ, глубокия, круглыя ямы, и невольно спрашиваетъ самъ себя: кто, когда и для-чего просверлилъ эти сухіе колодцы? Просверлили ихъ водовороты, которые постоянно бушевали здѣсь въ теченіе тысячъ, двухъ, трехъ тысячъ, а можетъ быть и болѣе, лѣтъ! Такъ отвѣчаетъ самъ себѣ каждый логическій путешественникъ, и при оглушительномъ грохотѣ водопада поднимаетъ взоръ свой со дна сухаго, высверленнаго въ гранитѣ, мрачнаго колодца, къ бездонному, голубому, свѣтлому небу, въ невольномъ сознаніи своего ничтожества, своихъ слабыхъ силъ, своей краткой, скоропреходящей, земной жизни, передъ вы-

рѣзанными водою на гранитѣ, въ теченіе тысячелѣтій, гіероглифами, которые каждому мыслящему человѣку, громче водопада, возвѣщаютъ неизгнѣримыя силы природы и безконечное величіе Творца ея, превосходящее умъ и воображеніе человѣка.

Тропинкою, которая впасть по гранитному берегу водопада, Лановъ повелъ свой отрядъ, вверхъ по рѣкѣ. Пройдя версты двѣ, увидѣлъ онъ деревянный, одноэтажный домъ, выкрашенный красною краскою, съ бѣлыми обводами около оконъ и ставнями сѣраго цвѣта. Передъ домомъ зеленѣлъ небольшой садъ, огороженный палисадникомъ изъ заостренныхъ кольевъ; сзади дома тянулся обширный огородъ; съ боку видны были амбары, житница, скотный дворъ, конюшня, сарай; далѣе стояла на возвышеніи мельница и усердно махала своими крыльямъ, какъ-будто желая подняться съ земли и улетѣть.

— Кажись, господишь поручикъ, дѣло не худое! сказалъ капитанъ Ланову. Изволите ли видѣть мельницу?

— Вижу.

— А гдѣ мельница, тамъ и мука, а гдѣ мука, тамъ и хлѣбъ, за которымъ мы посланы.

— Справедливо.

Отрядъ подошелъ къ красному дому.

— Стой! крикнулъ Лановъ своему отряду. Подождите здѣсь, а я войду въ домъ.

Сказавъ это, онъ отворилъ калитку и вошелъ на обширный дворъ. Четыре цѣпныя собаки разомъ выскочили изъ своихъ конуръ и затаили такой неистовый кватуоръ, что Лановъ зажалъ уши.

Къ этимъ басистымъ пѣвцамъ присоединилась примадонна,— маленькая собачка съ шелковистою, бѣлою шерстью, свѣтлоричшевымъ, длиннымъ, пушистымъ, какъ локоны, ушамъ, и съ красивыми пятнами того же цвѣта на обоихъ бокахъ. Лай ея былъ чистый контраalto.

— Ну что ты, глухая собаченка! сказалъ Лановъ, обращаясь къ примадоннѣ. Что ты злишься по-пустому?

Красивая собачка, поощряемая хоромъ цѣпныхъ псовъ, кинулась отчаянно на поручика съ намѣреніемъ схватить его зу-

бамъ за ногу; но поручикъ, замѣтивъ ея намѣреніе, схватилъ примадонну за загривокъ, поднялъ ее на руки и началъ ее гладить.

Примадонна, поднятая такъ смѣло на руки, присмирѣла, опустила пушистыя уши и только ворчала про-себя, для собственнаго удовольствія.

Лановъ, съ собачкой на рукахъ, отворилъ калитку и вошелъ въ садъ.

У цвѣтника стояла прелестная дѣвушка и садила цвѣты. Увидѣвъ русскаго офицера, она поблѣднѣла, опустила руки и прекратила свою работу.

Лановъ быстро подошелъ къ ней, продолжая гладить примадонну, которая продолжала ворчать, и началъ разыгрывать пантомимный балетъ, въ увѣренности, что Шведка не пойметъ ни одного русскаго слова, а Русскій задумается надъ каждымъ шведскимъ.

Видя испугъ шведской красавицы, поручикъ нашелъ нужнымъ тотчасъ же разсѣять этотъ испугъ и для того приступилъ къ слѣдующимъ мѣрамъ. Улыбнувшись какъ можно пріятнѣе, Лановъ погладилъ собачку, которая была у него на рукахъ, передалъ ее дѣвущкѣ, по весьма вѣрному умозаключенію, что это ея собачка, указалъ на вертящіяся крылья мельницы, потомъ раскрылъ ротъ и началъ быстро совать въ него свой указательный палецъ.

Эта пантомима обозначала, что пужны, дескать, съѣстные припасы.

Шведская красавица поняла эту пантомиму и отвѣчала удивленному Ланову по-русски:

— Вамъ угодно хлѣба; но у насъ его очень немного.

— Прежде рѣчи о хлѣбѣ позвольте спросить: какимъ чудомъ вы говорите по-русски?

— Жила въ Россіи и научилась.

— Когда, долго ли вы жили въ Россіи?

— Для чего вамъ знать это?

— Конечно, я соглашаюсь, что мой вопросъ заключаетъ въ себѣ неумѣстное любопытство. Да что вы такъ поблѣднѣли! Это вамъ вовсе не къ лицу. Сдѣлайте одолженіе, успокойтесь.

— Вы здѣсь одинъ?

— Нѣтъ-съ! Со мной цѣлый отрядъ солдатъ.

— Цѣлый отрядъ! Гдѣ же онъ?

— Тамъ, на берегу.

— Я надѣюсь, что вы меня и моего стараго отца не обидите, не разорите насъ! сказала дѣвушка, потупивъ глаза, наполнившіеся слезами.

— Такое предположеніе насчетъ Русскихъ крайне обижаетъ меня! Будьте увѣрены, что Русскіе войны никогда не захотятъ обидѣть беззащитныхъ, никогда не нанесутъ малѣйшаго оскорбленія дряхлому старику, слабой женщинѣ, прекрасной, невинной дѣвущкѣ! Если у нашихъ враговъ ружья и пушки, штыки и сабли, о! тогда дѣло другое! Русскій всегда готовъ помѣряться силами и посмотрѣть: чья взяла? Ужъ тутъ, извините, мы упрямы и стойки!

— Благодарю васъ! Вы меня успокоили.

— А я благодарю васъ за то, что вы подпiali на меня ваши глаза, и что на вашихъ щекахъ вижу румянецъ, который убѣждалъ безъ всякой законной причины съ постоянного своего мѣста жительства.

— Господинъ офицеръ! Вы льстите мнѣ! сказала дѣвушка, потупивъ глаза и глядя собачку, которая была у ней на рукахъ, быстро махала хвостомъ и лизала ей лицо для доказательства своей пѣжной любви и уваженія, а къ поручику изрѣдка оборачивалась сердито и ворчала.

Въ это время къ шведской красавицѣ и Ланову подошелъ торопливо старикъ, опиравшійся на суковатую, толстую палку. Бѣднякъ дрожалъ, какъ въ самомъ сильномъ приступѣ лихорадки. На лысой головѣ его торчалъ колпакъ съ кисточкой на верхушкѣ; на ногахъ его были туфли и сѣрые чулки; ноги его облекались широкими, голубыми, брюками; грудь его покрывалась краснымъ, суконнымъ жилетомъ, застегнутымъ мѣдными, блестящими пуговками; шею обвязывалъ желтый платокъ; весь этотъ великолѣпный нарядъ довершалъ кафтанъ-не кафтанъ, куртка-не куртка изъ синяго сукна, что-то среднее между курткой и кафтаномъ. Старикъ былъ очень похожъ

на американского, пестраго попугая или, по крайней мѣрѣ, на щегленка.

Старикъ быстро взглянулъ на Ланова. Взоръ его былъ похожъ на взглядъ собаки, у которой хозяинъ, съ арапникомъ въ рукѣ, отнял кость. Торопливо пробормоталъ онъ своей дочери нѣсколько словъ по-шведски; та ему также торопливо отвѣчала, и оба замолчали.

Лановъ, ожидая развязки разговора отпа съ дочерью, заложилъ руки за спину и стоялъ неподвижно, съ маленькой, незамѣтной улыбкой.

— У насъ нѣтъ хлѣба! сказалъ отрывисто старикъ, обращаясь вдругъ къ Ланову.

— Не лги, почтенный! возразилъ Лановъ и указалъ на мельницу, которая съ необыкновеннымъ усердіемъ размахивала крыльями.

— Она такъ, просто, вертится по привычкѣ, и мететь пустяки!

— Не мели и ты, почтенный, пустяковъ, и не вертись. Вѣдь мы мельницу-то твою и всё твои заведенія осмотримъ и узнаемъ есть ли у тебя хлѣбъ или нѣтъ.

— А!...

— То-то!

— Чего же вы хотите отъ меня, господинъ офицеръ?

— Да, хлѣба!

— Нѣтъ у меня хлѣба!

— Ну, такъ мы сами его пощемъ. Авось и найдется, хоть и не твой. Вѣдь мы не грабить тебя пришли, а купить твой хлѣбъ. Такъ велѣлъ нашъ главнокомандующій.

— Купить!

— Да!

— Это другое дѣло!

— Давно бы такъ!

— А когда вы мнѣ заплатите?

— Да теперь же.

— А почему?

— Поторгуемся и поладимъ.

Старикъ снялъ колпакъ, потеръ лысину и лобъ, потянулъ

внизъ свой красный жилетъ, встряхнулъ свой синій кафтанъ или куртку, хотѣлъ что-то сказать, ничего не сказалъ и задумался, оборотя глаза на свою дочь.

— Ну что же, старикъ?

— Ничего! Я размышляю.

— Размышляй проворнѣе!

— Съ вами отрядъ солдатъ?

— Конечно! Я бы къ тебѣ и пришелъ одинъ въ гости.

— Гм! А почему дадите вы за мѣшокъ муки?

— Скажи цѣну христіанскую.

Старикъ объявлялъ такую цѣну, какой и Жидъ никогда не объявлялъ.

— Ты, никакъ, ряхнулся, любезный! Берн треть противъ объявленной тобою цѣны, такъ и дѣло въ шляпѣ. Ни тебѣ, ни мнѣ не будетъ обидно. Не забудь, что со мною отрядъ солдатъ!

— А гдѣ онъ? Великъ ли онъ?

— Препорядочный! Онъ тамъ, на берегу.

— Ну! дѣлать нечего! Я вамъ продамъ всю муку мою по назначенной вамъ цѣнѣ.

— Ладно!

— А позвольте спросить: вы Выборгъ-то взяли ужъ, или еще нѣтъ?

— Нѣтъ, еще не взяли, но возьмемъ непременно!

— Гм! Торгъ нашъ конченъ. Берите всю мою муку, и давайте деньги по назначенной вамъ цѣнѣ.

— Съ удовольствіемъ!

— И сверхъ того, по случаю покупки и продажи, прошу васъ отобѣдать со мною и выпить по стакану хорошаго вина за ваше и мое здоровье.

— Вполнѣ согласенъ! Но притомъ, почтенный господинъ, — не знаю какъ васъ зовутъ по имени и отчеству, — осмѣлюсь васъ попросить не забыть моей команды, которая стоитъ тамъ, на берегу.

— И ее не забудемъ! Дочь моя! велн приготовить для всей команды этого русскаго, благороднаго офицера хорошиій обѣдъ и выкатить для нея боченокъ лучшаго, шведскаго пива. Поцмась?

— Понимаю, батюшка! сказала дочь и побѣжала въ кухню.

— Только вотъ что, господинъ офицеръ! Мы оба не должны забывать, что мы враги, непримиримые враги!

— Что вы хотите этимъ сказать? Я васъ не понимаю. Вы продали мнѣ хлѣбъ, позвали меня обѣдать, приказали накормить мой отрядъ—какіе же мы враги! Я съ вами драться вовсе не намѣренъ и нисколько не боюсь вашей толстой, суковатой палки, которая у васъ въ рукахъ. Враги наши—шведскіе солдаты, а не мирные жители.

— Конечно! Вы совершенно справедливы! И я также съ вами драться вовсе не намѣренъ.

— Такъ что же?

— А вотъ что! Прошу васъ не говорить никому изъ моихъ земляковъ, что я вамъ хлѣбъ продалъ; что пригласилъ обѣдать; что накормилъ вашихъ солдатъ. Говорите всѣмъ, сдѣлайте одолженіе, что вы меня ограбили; что сплю принудилъ меня угостить васъ и отрядъ вашъ. Я долго жилъ въ Россіи, люблю Русскихъ, но все-таки я Шведъ и долженъ быть патриотомъ и вашимъ врагомъ.

— На этомъ основаніи, извольте! Будемъ врагами! Теперь я понимаю вашу мысль.

— Вашу руку, господинъ офицеръ!

— Вотъ она! Землякамъ вашимъ, если придется, буду говорить, что я васъ ограбилъ, а начальству своему,—ужъ извините! — скажу правду.

— Такъ и слѣдуетъ! Я вамъ долженъ признаться, что вы браваый молодець; что вы мнѣ понравились; что я васъ полюбилъ; но что все-таки мы враги! Не забывайте этого. Я прііють!

— Не безпокойтесь, не забуду!

— Конечно! Пойдемте ко мнѣ въ домъ и закуспимъ кое-чего передъ обѣдомъ, любезнѣйшій врагъ!

— Съ удовольствіемъ, почтеннѣйшій непріятель! Я васъ не-кренно полюбилъ! Позвольте прежде закуски спросить: какъ ваше имя и фамилія?

— Этого я не могу, не долженъ вамъ объявлять. Я Шведъ— и только! А ваше имя и фамилія?

— Я Русскій—и только!

— Основательный отвѣтъ! Вы умный, хорошій человекъ! Вы мнѣ все болѣе и болѣе нравитесь. Позвольте васъ обнять и поцѣловать!

Враги обнялись, поцѣловались и пошли въ домъ, къ закускѣ.

— Командиръ-то нашъ что-то замѣшкался и очень долго не выходитъ изъ этого дома! говорилъ капралъ отряду солдатъ, стоявшему на берегу.

— Ужъ нѣтъ ли тутъ замѣны какой или засады? замѣтилъ одинъ изъ солдатъ.

— Онъ бы намъ крикнулъ въ такомъ случаѣ, сказалъ капралъ: а пока не кричитъ, намъ должно стоять, гдѣ командиръ поставилъ.

Въ это время растворилась калитка со двора дома, и старая чухонка, въ синей юбкѣ съ красными оторочками, съ мѣдной бляхой на поясѣ, съ бѣлой шапочкой на макушѣ сѣдой головы, выкатила за калитку боченокъ. Солдаты оглянулись. Старуха катила боченокъ все далѣе и далѣе по берегу, и остановилась противъ самой середины отряда.

— Что у тебя за боченокъ, тетка? спросилъ капралъ, усмѣхнувшись. Ужъ не съ порохомъ ли? Не затѣяла ли ты взорвать всѣхъ насъ?

Старая чухонка, не понимавшая ни слова по-русски, взглянула на капрала, и произнесла: *Эй мустъ!* (т. е. не понимаю!) указала пальцемъ на боченокъ, вытащила изъ глубокаго кармана своей синей юбки большой, деревянный стаканъ, подняла его вверхъ, поднесла его къ своимъ губамъ и сдѣлала рукою движеніе, выразившее мысль: не угодно ли, господа, пивца отвѣдать?

Участый капралъ смотрѣлъ на старуху во все глаза.

— Что бы это такое обозначало? сказалъ онъ. Что она руками-то такъ размахиваетъ? Врожить что ли?

— А кто ее знаетъ! замѣтилъ одинъ изъ солдатъ. Не прикажете ли пріцѣлиться и свалить старую вѣдьму?

— Погоди, Потаповъ, не торопись! Помнишь ли пословицу: поспѣшишь, людей насмѣшишь. Надобно прежде всмотрѣться и сообразить.

Старая чухонка, видя, что не поняли ее, подкатила боченокъ ближе къ солдатамъ и начала выдѣлывать такіе выразительные жесты, что лучшие балетмейстеры закричали бы ей: браво!

Капралъ и всѣ солдаты вмигъ поняли искусную пантомиму старухи.

— Дѣло въ томъ, товарищи, сказалъ капралъ: что эта старушонка желаетъ насъ поподчивать. Это ясно! Но не знаю еще только того: что у нея въ боченкѣ. А притомъ нужно спросить прежде командира нашего: принять ли намъ отъ старухи угощеніе?

Капралъ подошелъ къ чухонкѣ и передалъ ей,—а ужъ какъ передалъ, этого мы объяснить не беремся,—вопросъ: позволилъ ли командиръ приступить къ боченку?

Чухонка, — тоже не знаемъ какъ, — поняла капрала, побѣжала въ красивый домъ, и скорѣе Лановъ, подошла къ частоколу, окружавшему садъ, крикнувъ своему отряду:

— Можете, ребята, опорожнить этотъ боченокъ. Сверхъ того, вамъ подадутъ и пообѣдать. Вольно! Опасности никакой нѣтъ!

— Слушаемъ, командиръ! крикнули въ одинъ голосъ капралъ и солдаты.

— А ружья все-таки не выпускайте изъ рукъ, на всякій случай.

— Слушаемъ, командиръ!

На берегу началось угощеніе. Боченокъ съ шведскимъ пивомъ очень скоро опустѣлъ и наполнился однимъ воздухомъ, какъ барабанъ. Изъ калитки выкатился на берегъ другой боченокъ. И тотъ черезъ часъ опустѣлъ. Изъ той же калитки явился прежде втораго боченка нѣсколько корзинокъ съ сытными, ржанымъ и пшеничнымъ хлѣбомъ, съ Выборгскими кренделями, съ вареными, превосходными форелями, и другими вкусными и сытными яствами. И корзины опустѣли прежде втораго боченка.

— Ай тетка! говорилъ капралъ, отирая рукавомъ бѣлую пѣну пива съ черныхъ своихъ усовъ и обращаясь къ старой чухонкѣ, которая смотрѣла на него во всѣ глаза, ничего не понимала и улыбалась, присѣдая по финско-шведскому обычаю. Ты хоть и дура и не разумѣешь ни одного русскаго слова, а все-таки я вижу, что ты баба умная и добрая! Такъ ли, товарищи?

— Такъ! истинно такъ! кричали въ одинъ голосъ солдаты.

Веселье было пиръ на берегу, веселье оное было и въ красивомъ домѣ. Старый поугай и щегленокъ поставилъ свою толстую палку въ уголъ и пригласилъ Ланова къ роскошной закускѣ, разставленной чопорно въ гостиной, отличавшейся шведскою чистотою и оригинальнымъ вкусомъ. Закусили и пошли въ столовую. Посрединѣ стола блестѣла небольшая, фарфоровая ваза, въ которой торчалъ, вмѣсто цвѣтовъ, мозжельникъ, зеленѣющій и лѣтомъ, и зимою, и осенью, и весною. Чистый, гладкій полъ столовой былъ усыпанъ тѣмъ же мозжельникомъ. За круглый столъ, накрытый бѣлоснѣжною скатертью, сѣлъ старый, шведскій щегленокъ, дочь его и русскій поручикъ.

Очень ошибутся тѣ, которые подумаютъ, что обѣдъ начался со вкуснаго супа. По шведскому обычаю супъ подается посрединѣ обѣда.

Послѣ перваго блюда, состоявшаго изъ превосходной форели съ мастерскимъ соусомъ, шведскій щегленокъ откупорилъ бутылку стараго, французскаго вина, и налилъ до половинны широкия, огромныя рюмки, стоявшія передъ нимъ, его дочерью и поручикомъ.

— За здоровье и славу Швеціи! провозгласилъ онъ.

— И за здоровье и славу Россіи! приложивъ Лановъ.

— Согласенъ! крикнулъ щегленокъ. За здоровье и славу Россіи и Швеціи! Послѣ Полтавской битвы я уступаю Россіи первое мѣсто! Видите ли, поручикъ, что я справедливъ и честенъ, какъ истинный Шведъ!

— Вижу, и пью за здоровье и за славу Швеціи и Россіи! Дай Богъ, чтобы эти двѣ державы скорѣе заключили между собою вѣчный миръ!

— Вивать! закричал щегленокъ.

— Вивать! повторилъ Лановъ.

— И я вивать! сказала вполголоса шведская красавица, поднося къ своимъ пурпуровымъ, молодымъ губкамъ, старое, пурпуровое вино.

Обѣдъ кончился тѣмъ, что бутылка стараго, французскаго вина опустѣла, какъ два пивные боченка, на берегу; что непримиримые враги, щегленокъ и поручикъ, подружились навѣки; что шведской красавицѣ очень понравился русскій поручикъ, а русскій поручикъ влюбился въ шведскую, неизвестную красавицу сильнѣе, чѣмъ Донъ-Кихоть въ свою несравненную Дульсинею.

Забравъ купленные мѣшки съ мукою, Лановъ отправился со своимъ отрядомъ къ Выборгу, давши напередъ честное слово своей Дульсинеѣ взять Выборгъ и потомъ повидаться съ нею, для дальнѣйшихъ объясненій.

Онъ и не подозрѣвалъ, что отбиваетъ невѣсту у своего друга, лейтенанта Вѣтрина.

(Окончаніе въ слѣдующей книжѣ).

К. МАСАЛЬСКІЙ.

Иностранная Словесность.

НЕПОСТОЯНСТВО ВЪ ЛЮБВИ.

Романъ Поль-де-Кока.

(Окончаніе.)

IX.

Разговоръ. — Размышленія. — Вопросы.

На другой день, въ одиннадцать часовъ утра, когда всѣ гости Вальдемара еще спали, онъ самъ только что всталъ и вышелъ въ садъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ Эрнестину, которая занималась своими цвѣтами.

— Ты побранишь меня, сказалъ онъ ей, не правда ли, я такой лѣнтяй?

— Вы проиграли всю ночь, такъ надо выспаться днемъ, отвѣчала госпожа Дюранси, не переставая смотреть на цвѣты.

К. IV. — Отд. IV.

Вальдемаръ взялъ ея руку.

— Другъ мой, ты принимаешь меня сегодня слишкомъ холодно. Тебѣ досадно, что я проигралъ вчера цѣлый вечеръ.

— Нѣтъ, я не могу досадовать, что вы нашли удовольствіе въ кругу вашихъ друзей.... я могу пожалеть только о томъ, что не въ состояннн болѣе составлять ваше счастье, и что вы должны искать его въ другихъ.... Но я напрасно сказала вамъ это.... Да, напрасно.... это даже непротнтельно мнѣ.... Извините.... забудьте мои слова.... я обещаю никогда болѣе не дѣлать вамъ упрековъ.

Говоря это, Эрнестина продолжала смотреть на свои цвѣты и не оборачивала головы на сторону Вальдемара. Ей не хотѣлось, чтобъ онъ замѣтилъ слезы на ея глазахъ, и однако она желала, чтобъ онъ посмотрѣлъ на нее. У женщинъ часто бываетъ совершенное противорѣчіе между ихъ дѣйствіями и желаніями.

Вмѣсто того, чтобы смотреть въ глаза той, которая стояла возлѣ него, Вальдемаръ подошелъ къ розовому кусту и съ большимъ жаромъ принялся обирать съ него маленькихъ насѣкомыхъ. Черезъ минуту, онъ снова принялъ холодный видъ:

— Я не вижу въ томъ ничего дурнаго, милая Эрнестина, если принимаю у себя своихъ друзей.

— Да, хороши друзья! одинъ только и знаетъ, что спать или вѣсть, другой.... прошу не думать, что я говорю изъ самолюбія, — другой ухаживаетъ за мною... Вы скажете, что такъ поступаютъ всѣ друзья.... но, въ такомъ случаѣ, мнѣ прнятнѣе было бы безъ нихъ! О господинъ Альфредъ ни слова. Онъ, по крайней мѣрѣ, не притворяется.... о немъ прямо говорятъ, что онъ дурень..... а такіе люди иногда бываютъ гораздо лучше тѣхъ, о комъ ни чего не говорятъ.... Было время.... и не очень давно, когда вы были такъ ревннвы!... Тогда вы не пришли бы ко мнѣ въ домъ вашихъ трехъ прнателей.

— Милая Эрнестина, послѣ того, какъ я видѣлъ доказательства самой искренней твоей любви ко мнѣ, кажется, я

не имѣю болѣе права быть ревннвымъ.... этимъ я могу теперь обидѣть тебя....

— Боже мой!... я и не оправдываю ревности... она можетъ быть иногда и обидна.... Но думаютъ ли объ этомъ, когда страдаютъ отъ нея?... Есть люди, которые любятъ безъ ревности, это возможно; но если кто разъ узналъ это ужасное мученіе, я увѣрена, что оно дастъ ему покой только тогда, когда охладѣетъ любовь.

— Я думаю, чтобъ быть ревннвымъ, надо имѣть какія-нибудь побужденія....

— О, совсѣмъ нѣтъ; притомъ же, у ревннваго всегда найдутся причины; онъ изобрѣтаетъ ихъ, отыскиваетъ, выдумываетъ.

— И ты хочешь, чтобъ я былъ ревннвъ къ моимъ друзьямъ?...

Эрнестина съ досадою оцнпывала прекрасную розу.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу ничего! пропштала она. Я не говорила этого.... Я сама не знаю, чтѣ говорю. Но со вчерашняго дня я испытала такъ много.... Эти люди, съ которыми мы встрѣтились.... эта женщина безпрестанно называла тебя *моимъ супругомъ*.... и передъ твоими друзьями... Я не знаю, какъ мнѣ держать себя....

Вальдемаръ взялъ руку Эрнестины и сжалъ ее въ своихъ рукахъ.

— Такъ тебѣ непрнятно, Эрнестина, считаться моею женою? сказалъ онъ.

— Еслибъ мнѣ было непрнятно, я кажется не согласилась бы занимать это мѣсто.... но я не хотѣла бы только, чтобъ возлѣ меня были люди, которымъ извѣстно, что это ложь.

— Когда ты захочешь.... это будетъ правда, ты знаешь....

Эрнестина долго смотрѣла на Вальдемара, вздохнула и пропштала:

— Ахъ! мой другъ!...

— Чтѣ значитъ этотъ вздохъ?

— Я не скажу тебѣ.

— Значить, въ немъ нѣтъ ничего пріятнаго для меня?

— Гмъ!... скорѣе для меня онъ не имѣетъ ничего утѣшительнаго.

— Посмотримъ; скажи же, Эрнестина, что ты думаешь.... ты мучишь меня своими недоконченными фразами.... никогда не узнаешь твоей первой мысли, ты открываешь только вторую....

— Когда первая печальна, лучше объ ней умолчать.... Возвратимся къ нашимъ сосѣдямъ: я думаю, мой другъ, ты не поведешь къ нимъ.

Съ минуту Вальдемаръ не отвѣчалъ ни слова; потомъ онъ сказалъ съ небрежностію:

— Какъ тебѣ угодно... но я думаю, что въ деревнѣ можно видѣться съ сосѣдами, это не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій для городской нашей жизни.

— Подъ какимъ же именемъ ты представишь меня?

— Ужели я долженъ давать отчетъ этимъ людямъ? Зачѣмъ опровергать то, чему они вѣрятъ?

— А твои друзья, которые тамъ будутъ?

Вальдемаръ знакомъ обнаружилъ свое нетерпѣніе.

— Мои друзья! мои друзья! Боже мой! вскричалъ онъ, это значить, ты не хочешь теперь куда выѣзжать?

Эрнестина отвернула голову и поднесла къ своимъ глазамъ носовой платокъ. Вальдемаръ подбѣжалъ къ ней, охватилъ ея станъ обѣими руками и нежно прижалъ ее къ себѣ.

— Прости... сказалъ онъ; я огорчилъ тебя, а ты столько сдѣлала для меня.... Но почему, Эрнестина, ты не хочешь быть моею женою? Мнѣ кажется, тогда исчезли бы все опасенія, разсѣялись бы все толки.... Говори....

— Твоей женой!... лишитъ тебя свободы, и потомъ, можетъ-быть, видѣть твое раскаяніе.... я буду страдать отъ одной мысли, что не одна любовь привязываетъ тебя ко мнѣ.

— Ахъ, какія странныя у тебя мысли!...

— Можетъ-быть, этого никогда не случится... Но, это значить, что сердце мое, предавшись тебѣ вполне, сохранило еще въ себѣ гордость.... Я люблю, и хочу быть любимой. Другъ

мой, ты боялся, что не встрѣтишь женщины, которая бы тебя любила; теперь, можетъ-быть, ты находишь, что я уже слишкомъ люблю тебя....

Вальдемаръ хотѣлъ-было отвѣчать; но приходъ его гостей попрепятствовалъ ему. Три горожанина опять одѣлись въ свой городской костюмъ. Каждый изъ нихъ привѣтствовалъ Эрнестину. Альфредъ восхищался, что прекрасно спалъ въ деревнѣ. Дюгранваль говорилъ, что его лелѣли очаровательныя грезы. Маренго жаловался на комаровъ.

Завтракъ давно уже былъ поданъ. Маренго ѣлъ съ такимъ усердіемъ, какъ будто онъ не надѣялся въ тотъ день объѣдать, или какъ будто не совсѣмъ подагался на угощеніе Мутонара. Предметомъ разговора были вчерашніе новыя знакомые.

— Какіе славные люди, сказалъ Альфредъ; я увѣренъ, что у нихъ можно провести время не хуже, какъ дома.

— Молодая женщина очень мила, сказала Эрнестина.

— Мнѣ кажется, она слишкомъ была нарумянена, подхватила Дюгранваль.

— За то, ея тетюшка была блѣдна, прибавилъ Маренго.

— А вы поѣдете къ нимъ на обѣдъ? спросилъ Вальдемаръ.

— Конечно, мы общались; они ждутъ насъ, и я увѣренъ, это доставитъ имъ большое удовольствіе.

— Только бы господниъ Мутонаръ не подчивалъ насъ своими дынями, сказалъ Маренго.

— А вы не зайдете туда вечеромъ, съ прогулки? спросилъ Альфредъ.

Вальдемаръ взглянулъ на госпожу Дюранси; она отвѣчала:

— Я не люблю знакомиться съ сосѣдами; но Вальдемаръ какъ хочетъ.

Вальдемаръ не отвѣчалъ ни слова. Альфредъ бросилъ взглядъ на Дюгранваля. Дюгранваль взглянулъ на Маренго. А тотъ смотрѣлъ только на свою тарелку.

Послѣ завтрака, три друга Вальдемара прошлись нѣсколько разъ по саду; потомъ раскланялись съ своими хозяевами,

попросивъ у Эрнестины позволенія бывать иногда въ ея домъ. Имъ отвѣчали, что всегда имъ будутъ рады. Черезъ нѣсколько минутъ, эти господа снова измѣряли своими шагами единственную улицу деревеньки Мерланъ.

— Клянусь, господа, сказалъ Дюгранваль, госпожа Дюранси очаровательная женщина: какъ она деликатна, какіе у ней прекрасные приемы!... Признаюсь, я напрасно бранилъ Вальдемара; онъ очень счастливъ; я бы желалъ быть на его мѣстѣ.

— Любезный Дюгранваль, возразилъ Маренго, вы имѣете большія притязанія на умъ, а разсуждаете теперь словно улитка... Эта женщина бросилась вамъ въ глаза, и вы готовы уже жить съ нею въ пустынь; вы завидуете участи Вальдемара! А я бьюсь объ закладъ, что эти любовники скоро разойдутся.... Какъ ты думаешь, Альфредъ?...

— Я думаю, что Вальдемаръ не можетъ бросить госпожу Дюранси: она пожертвовала для него собою.

— Такъ онъ останется съ нею потому, что нельзя будетъ сдѣлать иначе! Какъ это будетъ утѣшительно для госпожи Дюранси, и пріятно для него! Ему очень хотѣлось идти къ господину Мутонару, да его красавицъ было не угодно, и онъ побоялся ей противорѣчить. Завидное счастье!

— Намъ сказали, что выйдя изъ Мерлана, мы тотчасъ увидимъ и Росни, проговорилъ Альфредъ, остановившись въ полѣ.... Ба! что это тамъ?... Посмотрите, господа, вѣдь это вчерашній нашъ проводникъ ѣдетъ къ намъ на встрѣчу?

Дѣйствительно, то былъ Гильо, вхавшій въ этотъ разъ на своемъ ослѣ, которому онъ предоставилъ полную волю идти шагомъ и собирать по дорогѣ все, что тотъ находилъ по своему вкусу. И потому всадникъ и его осель подвигались очень медленно, оба опустивъ головы.

Замѣтивъ трехъ Парижанъ, крестьянинъ пріосанился; онъ хотѣлъ-было улыбнуться, но это очень затрудняло его.

— Ахъ, да, да, это онъ, это почтенный Гильо! вскричали молодые люди.

— Здравствуйте, господа, отвѣчалъ крестьянинъ, кивая

головую, но не снимая шляпы. Вы вѣрно идете къ господину Мутонару?

— Да. Но ты какъ очутился на своемъ ослѣ?... вѣдь твоя жена продала его розовой дамѣ.

— Ахъ, не говорите! Такая, вѣрно, участь этой скотины: никакъ я не могу развязаться съ ней!... Да и Клавдія-то не умѣла уладить дѣла: она продала его съ оговоркой!... Дама, видите, сказала ей: «Коли вашъ осель хорошъ, да притко бѣгаетъ, такъ я дамъ вамъ сто франковъ....» Вотъ, ладно; я и привелъ осла къ этой дамѣ; она говоритъ, что осель-то больно сухопаръ. А я говорю: «Это ничего; у васъ отъѣстся, такъ и пожирветъ.... а я не хотѣлъ его откармливать.» Хорошо.... Вотъ, она и вздумала стѣсть на него и хотѣла вхать рысцою.... А моя проклятая скотина повалилась на земь.... да и не съ мѣста, хотѣ убей.... Я сталъ-было говорить дамѣ: «Это такъ, онъ пошамить вздумалъ.... это ничего....» Да она меня не послушала; за труды дала мнѣ сто су, а осель все-таки остался у меня. Теперь я хочу отвѣсти его къ Лебуте.... Скажу, что я ворочу ему боченокъ.... такъ вѣдь мы и уговорились... Вы свидѣтели.

Молодые люди долго смѣялись надъ новымъ несчастіемъ Гильо; онъ хотѣлъ-было удалиться; но Альфредъ удержалъ осла за хвостъ.

— Постой-ка, любезный Гильо.

— Что? не хотите ли купить моего осла?... Пожалуй, я радъ.

— Нѣтъ, мы торговать его не будемъ, а то ты какъ разъ докажешь, что мы его купили.... А вотъ что, кто это такая розовая дама?... Ты былъ у ней въ домъ, такъ, вѣрно, узналъ про нее?

Крестьянинъ лукаво посмотрѣлъ на Альфреда.

— А, такъ и вамъ охота провѣдать про нее.... У насъ все толкуютъ, что она какая-то будто переодѣтая принцесса.... Да народъ глупъ!

— А ты, что скажешь про нее?

— Я... Эхъ, какъ у меня въ горлѣ пересохло, словно въ печи.... не промочу, такъ пожалуй....

— А, понимаю, сказала Альфредъ, шаря въ своемъ карманѣ.

И онъ далъ Гилью пять франковъ:

— Ну, вотъ тебѣ на лекарство.

Гилью положилъ деньги въ карманъ.

— Коли такъ, дѣлать нечего, надо угодить господамъ....

Правда, у меня есть работишка; но вы мнѣ платите, такъ и для васъ надо удѣлать немножко времени.... Я вѣдь не собака!... знаю, какъ что слѣдуетъ.

— Ну, а розовая дама?

— Да! она живетъ вонъ тамъ.... какъ войдешь въ Нуази.

— Она замужняя?... Ты видѣлъ кого-нибудь у ней?

— Я видѣлъ двоихъ, лакея да горничную, и только....

Зовутъ ее госпожа Сентъ-Адель.

Маренго захохоталъ во все горло.

— Сентъ-Адель! вскричалъ онъ; это напоминаетъ мнѣ одну моретку въ улицѣ Наваренъ, которая назвалась *Сентъ-Аспержъ*.

— Маренго, оставь насъ, пожалуйста, въ покоѣ! сказала Альфредъ. Ну же, любезный Гилью, что ты еще знаешь?

— Собой она больно хороша.... А какая обходительная! А ножка и ручка у нея.... право, какъ будто у куклы.... И молода еще.... такъ, съ годомъ двадцать, не больше.... Въ домъ у ней тоже славно убрано.... Я всю кухню осмотрѣлъ.... Въ саду поставлены ящики съ деревьями.... а деревья все не здѣшнія, заморскія....

— Только-то ты и знаешь?

— А что же еще? кажется, за пять франковъ довольно. Прощайте, господа, я ѣду къ Лебуте, чтобъ продать ему осла.

Гилью громко засмѣялся и повхалъ дальше.

X.

Домъ Мутонара.—Карусель.

Когда три друга прибыли къ Мутонару, ихъ встрѣтилъ маленькій человѣчекъ, румяный, толстошекій и чрезвычай-

но вертлявый; когда онъ говорилъ съ кѣмъ, то какъ будто хотѣлъ прыгнуть тому на шею.

Это былъ привратникъ и вмѣстѣ садовникъ господина Мутонара; жена его служила кухаркою въ томъ же домѣ.

Увидѣвъ трехъ господъ, онъ запрыгалъ отъ радости, захлопалъ въ ладоши и закричалъ:

— Ахъ, вотъ и гости!... Какъ будутъ довольны наши господа!... Они чрезвычайно любятъ общество!... Они готовы хоть кого пригласить, только бы не остаться однимъ.

— Это очень лестно для насъ! сказала Маренго.

— Разъ имъ пришлось было обѣдать однимъ; племянница ихъ съ мужемъ были въ Парижѣ; вотъ моя госпожа и говорить своему мужу: «Пригласи хоть деревенскаго сторожа, пусть онъ пообѣдаетъ съ нами, все-таки намъ будетъ веселѣе.»

Пока садовникъ восхищался счастьемъ своихъ господъ, молодые люди осмотрѣли наружность дома, который стоялъ между дворомъ и садомъ, и на видъ былъ довольно просторенъ, но оставленъ безъ всякаго присмотра. Впрочемъ, часть стѣнъ была выштукатурена за-ново.

— Они въ саду, на карусели, прибавилъ садовникъ; должно быть самъ господинъ теперь вертеть; ему часто это приходится. Онъ велѣлъ мнѣ скорѣе придти, чтобы замѣнить его, да у меня есть другое дѣло.... Надо отыскать мою жену....

И маленькій человѣчекъ пошелъ, подпрыгивая, какъ будто бы онъ ходилъ на одной ногѣ. Гости прошли черезъ сѣни, и тотчасъ очутились въ саду. Почти передъ самымъ домомъ, на лужайкѣ, была устроена карусель.

Госпожа Мутонаръ гордо сидѣла на деревянной лошади, всунувъ ноги въ стремена.

На другой лошади сидѣлъ господинъ Корентьенъ. Молодая племянница и толстая дама лѣтъ пятидесяти занимали два кресла, имѣвшія видъ лебедей; маленькій мальчикъ, лѣтъ семи или осми, ставилъ кольца, а господинъ Мутонаръ вертелъ карусель. Толстякъ снялъ свою фуражку; потъ

струился по его лицу, и ему некогда было утереться, потому-что жена каждую минуту кричала ему:

— Ну же, Филемонъ, ну.... Эта игра тогда и занимательна, когда быстро вертять.

Замѣтивъ трехъ друзей, господинъ Мутонарь испустилъ радостный крикъ; онъ думалъ-было остановиться, но жена закричала ему:

— Ну же, Филемонъ, шибче.... Эти господа будутъ свидѣтелями моей ловкости. Здравствуйте, господа. Ахъ, какъ я рада, что вы пришли въ такое время!... Ну, Корентъень, помогайте мнѣ, не дадимъ этимъ дамамъ обыграть насъ....

Корентъень не отвѣчалъ ни слова своей теткѣ, привсталъ на стременахъ, вытянулъ впередъ руку, вооруженную палкой, какъ рыцарь, который хотѣлъ бы своимъ копьемъ проткнуть кирасу своего противника, но все-таки ему не удалось снять всѣ кольца; госпожа Мутонарь была гораздо проворнѣе.

И господинъ Мутонарь съ радостію остановился, едва перевода духъ.

Маренго подаль руку хозяйкѣ дома, чтобы помочь ей сойти съ лошади; она быстро спрыгнула и какъ будто ненарочно дала замѣтить, что на ней надѣты панталоны.

Молодая племянница соскочила съ своего лебедя, прежде чѣмъ Альфредъ успѣлъ предложить ей свои услуги. Оставалась только толстая дама, помѣщавшаяся на другомъ лебедѣ, и которая, повидимому, очень затруднилась тѣмъ, какъ ей спуститься на землю.

— Кто же поможетъ сойти госпожѣ Замбоне? сказала госпожа Мутонарь.

Никто не отозвался на этотъ вызовъ. Толстякъ Мутонарь бросился на скамейку и запыхтѣлъ, какъ быкъ; Корентъень обтиралъ свои сапоги, Маренго отошелъ въ сторону, а Альфредъ разговаривалъ съ молодою племянницею.

Красавецъ Дюгранваль долженъ былъ покориться судьбѣ; онъ нехотя сдѣлалъ шагъ впередъ и искалъ глазами стула.

— Если бы былъ небольшой табуретъ, гораздо бы удобнѣе было сойти, сказалъ онъ.

— Ахъ, Боже мой, поддержите только меня немного, отвѣчала толстая дама, протянувъ руки къ Дюгранвалю, какъ будто бы она хотѣла упасть прямо къ нему на руки; но красавецъ-брюнетъ медлилъ и не трогался съ мѣста.

— Нѣтъ, не такъ-то легко высадить оттуда госпожу Замбоне, проговорилъ господинъ Мутонарь; мы втроемъ туда поднимали ее.

— Возмите ее подъ мышки, какъ берутъ дѣтей, кричалъ Маренго; такъ будетъ лучше.

Дюгранваль ужасно досадовалъ, что рѣшился на такую услугу, но не хотѣлъ уже отступить; онъ подставилъ плечо и подаль руку; толстая дама оперлась на него, выпрыгнула и упала на лугъ; красавецъ-брюнетъ былъ увлеченъ тягестію госпожи Замбоне.

— Живая картина! вскричалъ Маренго. Я предвидѣлъ это....

Толстая дама захохотала, какъ сумасшедшая, и кричала во все горло:

— Ничего! ничего!

Но красавецъ, сдѣлалъ ужасную гримасу и быстро вскочилъ на ноги:

— Славное начало! сказалъ онъ, что-то будетъ дальше!...

— Вы видите, господа, какъ мы забавляемся, сказалъ Мутонарь.

— Да, вы веселитесь до упада, отвѣчалъ Маренго.

— Не угодно ли вамъ, господа, составить со мною партію? сказала госпожа Мутонарь.

— Ахъ, только не теперь; лучше послѣ, отвѣчалъ Альфредъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, теперь пойдемте-ка посмотрѣть мой садъ, да дыни.... Онѣ наливаются; ахъ, честное слово, онѣ наливаются!...

— А вы думали, дядюшка, что онѣ навсегда останутся такими пуговками? сказала, смѣясь, госпожа Корентъень.

— Конечно, нѣтъ; да вы съ моей женою всегда толковали: «Не созрѣютъ, да не созрѣютъ!»

— А онъ ужъ поспѣли? спросилъ съ ужасомъ Маренго.

— Нѣтъ еще....

— Тѣмъ лучше.

— Ну, какъ же вамъ правится мой домъ, господа?

— Очень милъ; но, кажется, въ немъ сдѣланы поправки.

— Да, это вздумалъ Корентъень.... Съ тѣхъ поръ, какъ ко мнѣ въ племянники попалъ архитекторъ, у меня безпрестанно работы, то здѣсь, то въ Парижъ, въ моемъ домѣ.... а иногда и въ обоихъ вмѣстѣ.... У меня постоянно, что-нибудь да чинять, либо передѣлываютъ.

— Это для вашей же пользы, съ важностию отвѣчалъ Корентъень.

Садъ господина Мутонара былъ обширенъ, но не устроенъ; между цвѣтами росли огородные овощи; аллея были безъ всякой тѣни; за то капуста предоставлена была полная свобода, и она разрослась цѣлыми кустарниками.

— Какъ вамъ кажется мой садъ? спросилъ хозяинъ.

— Вашъ садъ очень оригиналенъ, отвѣчалъ Маренго. Если въ немъ нельзя укрыться отъ солнца подъ вашими деревьями, за то можно сидѣть въ тѣни вашей капусты. А такія рѣдкости не вездѣ встрѣчаются.

— О, когда я удобрю землю гуаномъ, не то еще будетъ!

— Вамъ хочется, можетъ-быть, имѣть капустный лѣсъ?

— Нѣтъ, я хочу развести табакъ. Племянникъ мой Корентъень еще совѣтуетъ мнѣ построить здѣсь павильонъ.... а тамъ домикъ.... а съ лица бельведеръ....

— Если вы будете слѣдовать совѣтамъ вашего племянника, то изъ своего сада сдѣлаете цѣлую деревеньку.

— Смотрите, вотъ мои дыни, чудесныя будутъ....

— А можно ли у васъ освѣжиться чѣмъ-нибудь?

— Сколько угодно.... Будьте, пожалуйста, какъ дома.

— Такъ потрудитесь показать мнѣ вашу столовую.

Въ то время, какъ Маренго отправился въ столовую, Альфредъ шутилъ съ Элизой, Дюгранваль съ важностию толковалъ съ Корентъенемъ, а госпожа Мутонаръ, до страсти привязанная къ игрѣ въ кольца, предложила еще нар-

тию своей подругѣ, госпожѣ Замбоне. Но эти дамы съ сожалѣнiемъ замѣтили, что не кому было вертѣть карусель.

Служанка, подавшая Маренго пить, была женщина въ пять футовъ и шесть дюймовъ ростомъ и соразмѣрной толщины. Въ то время, какъ Маренго со вниманiемъ разсматривалъ этого колосса, маленькой человѣчекъ, занимавшiй мѣсто садовника и исправлявшiй должность привратника, впрыгнулъ въ залу, и сказалъ женщинѣ-великану:

— Мамочка, барыня сейчасъ же велѣла тебѣ придти вертѣть ее.

Колоссъ опустилъ глаза на малютку и отвѣчалъ громовымъ голосомъ:

— Мнѣ надо готовить обѣдъ; это нужнѣе ихней игры! Ступай ты, Фуине.

— Мамочка говорить дѣло, сказалъ Маренго: обѣдъ гораздо важнѣе, чѣмъ эта игра, которая, мнѣ кажется, изувѣчить васъ всѣхъ.... начиная съ хозяина дома.

— Это насъ очень забавляетъ, отвѣчалъ Мутонаръ принужденно.

— Да, правду сказать, возразила великанша: это насъ всѣхъ изувѣчить.... Когда мужъ мой повертитъ часа два, онъ цѣлый день ни къ чему не годится.

— Вашъ мужъ! вскричалъ Маренго шутиво. Какъ! Фуине обладаетъ такую прекрасною женою?

— А почему же не такъ, сударь?

— На первый взглядъ, это показалось мнѣ невѣроятнымъ.

Маленькiй Фуине перепрыгивалъ съ ноги на ногу, точно какъ чирикъ въ клеткѣ, потомъ, смотря на свою жену масляными глазами, съ нѣжностию произнесъ:

— Да, мамочка прекрасный цвѣточекъ!... Я обожаю прекрасныхъ женщинъ.... и я былъ бы очень счастливъ, еслибъ мамочка позволяла мнѣ почаще цѣловать ее.... Да она слишкомъ спесива, а противъ ея воли, мнѣ не очень удобно цѣловать ее, вы видите, я не могу достать....

— Ну, ну, молчи, негодный! отвѣчалъ колоссъ, ступай-ка лужу подвязывать свой горохъ, чѣмъ вертѣть барыню-то.

И великанша пошла въ одну сторону, а Фуине въ другую.

— Сказать по чести, милостивый государь, вашъ домъ настоящій кабинетъ рѣдкостей, произнесъ Маренго, оставшись наединѣ съ Мутонаромъ; если бы вамъ было угодно, я нашелъ бы одно средство, чтобы доставить счастье вашему садовнику и спокойствіе вамъ самимъ, которымъ, изъ-за вашей проклятой карусели, вамъ рѣдко удастся наслаждаться.

Мутонаръ взялъ руку Маренго и съ чувствомъ пожалъ ее.

— Если вы найдете такое средство, милостивый государь, признаюсь, вы окажете мнѣ величайшую услугу.... Я не хочу открыться женѣ, но это ужасно утомляетъ меня... Я буду благословлять васъ, если вы найдете такое средство.

— Я не требую вашихъ благословеній, только не хочу, чтобы вы получили одышку. Положитесь на меня, я изобрѣталь еще не такія вещи.

Послѣ этого, Мутонаръ показалъ Маренго весь свой домъ съ низу до верху.

— У васъ все хорошо, все удобно, сказалъ Маренго, да нѣтъ биліардной залы.

— Жена не захотѣла; сама она не играетъ на биліардѣ, а думала, если поставить биліардъ, то гостей и не выживешь оттуда.

— А! тогда не кому бы было вертѣть ее, понимаю. Но если я устрою для вашей карусели вѣчное движеніе?

— О, тогда у меня будетъ биліардъ.

— Хорошо, я припомню вамъ это.

Домъ Мутонара не могъ похвалиться хорошимъ устройствомъ; хозяйка не умѣла принимать гостей съ тою милою непринужденностію, которая составляетъ прелесть хорошаго общества; гости, собиравшіеся у нихъ, часто были самыя разнородныя, потому-что они болѣе всего заботились о многочисленности общества; но вообще, это были добрые люди, которые считали за счастье, если у нихъ веселились,

и предоставляли своимъ гостямъ полную свободу дѣлать, что имъ угодно; надъ ними не лѣзя было смѣяться, потому-что въ ихъ приемъ ясно выказывалось добродушіе, безъ всякихъ притязаній, и они сами первые смѣялись надъ тѣмъ, что находили смѣшнаго въ своемъ хозяйствѣ.

У такихъ людей, Альфреду могло нравиться, Диогранвалъ могъ скучать, а Маренго былъ какъ дома. За обѣдомъ, Маренго привелось сидѣть возлѣ госпожи Мутонаръ; она уже знала отъ своего мужа, что гость, который безобразнѣе всѣхъ, общалъ найти средство вертѣть карусель безъ помощи человѣка. Потому хозяйка дома особенно заботилась о Маренго; она всячески старалась ему услужить, откладывая для него лучшіе куски, и безпрестанно повторяла своему мужу:

— Что жъ ты, Филемонъ, не просишь господина Маренго.... онъ ничего не пьетъ.... ты совсѣмъ забываешь его.... Господинъ Маренго, развѣ вамъ не нравится наше вино?

— Извините, сударыня, говорилъ Маренго; вчера, въ Мерланъ мы немножко подкутили.... а каждый день, будетъ тяжело.

— Кстати о Мерланъ, сказалъ Мутонаръ; этотъ господинъ съ своей супругой придутъ къ намъ?... Можемъ ли мы ожидать ихъ сегодня?...

— Не думаю, отвѣчалъ Альфредъ. Госпожа Вальдемаръ не любитъ ходить по гостямъ.... а мужъ ея одинъ не хочетъ.

— Они, право, настоящіе медвѣди.

— Въ такомъ случаѣ, надо сдѣлать для нихъ берлогу, сказалъ Корентень.

— Нѣтъ, они не медвѣди.... скорѣе пустынники.

— Ну, такъ надо имъ выстроить хижицу, пробормоталъ Корентень.

— Вотъ кстати о сосѣдяхъ, подхватилъ Альфредъ, говорить, не далеко отъ васъ.... въ Нуази, живетъ молодая и прекрасная дама.... Вы не слышали о розовой дамѣ?... Такъ ее прозвали крестьяне.

— Розовая дама? вскричала госпожа Мутонаръ; намъ толь-

ко сегодня въ первый разъ говорили объ ней... Кажется, эта дама высшаго общества! Филемонъ, завтра же сдѣлай ей визитъ, и пригласи ее къ себѣ.

— Хорошо, отвѣчалъ толстякъ, я завтра пойду.... Да вотъ, чертъ возми! я не знаю, какъ ее зовутъ....

— Госпожа Сентъ-Аспержь, сказалъ Маренго серьезно.

— Удивительное имя! промолвилъ Мутонарь....

— Не слушайте Маренго, любезный Мутонарь, перебилъ Альфредъ; онъ всегда исковеркаетъ чужое имя. Эту даму зовутъ Сентъ-Адель.

— А какъ вы узнали, господа, имя этой дамы? спросила госпожа Замбоне съ лукавымъ видомъ.

— Мы встрѣтили, сударыня, одного крестьянина, ужаснаго болтуна.... онъ подстрекнулъ наше любопытство, и мы разспросили его объ этой дамѣ.

— Что же онъ вамъ сказалъ?

— Если вѣрить этому крестьянину, розовая дама очаровательная женщина.... это какал-то богиня!

— Такъ надо воздвигнуть ей храмъ, сказалъ Корентьенъ.

Обѣдъ кончился, гости возвратились въ садъ; скоро замѣтили, что Диогранваль исчезъ.

— Вашъ другъ уже уѣхалъ? спросила госпожа Мутонарь съ удивленіемъ.

— Сегодня вечеромъ, ему нужно быть въ Парижъ, по одному дѣлу; извините его, отвѣчалъ Альфредъ.

— Онъ испугался, чтобъ еще разъ не пришлось ему снимать госпожу Замбоне съ карусели, вполголоса проговорилъ Маренго.

Вечеромъ, къ Мутонару пріѣхали некоторые изъ его сосѣдей. Госпожа Мутонарь составила для себя партію для карусели; племянница предложила танцы.

— А музыка? спросилъ Маренго.

— У насъ музыка найдется, отвѣчалъ Мутонарь; я сейчасъ вамъ принесу ее.

Мутонарь пошелъ въ домъ, и скоро возвратился съ серицетю въ рукахъ.

— Она играетъ пять кадрилией, два вальса и одну поль-

ку.... можно танцовать, сколько угодно, эти музыканты никогда не утомятся.

— А кто же будетъ играть?

— Кто хочетъ.... не угодно ли вамъ?

— Покорно благодарю.

— Вы любите лучше танцовать?

— Нѣтъ, я никогда не танцую; но я люблю лучше отдыхать.

Толстякъ взялъ серицету, и сталъ играть; ему казалось это величайшимъ наслажденіемъ, особенно въ сравненіи съ каруселью. Гости танцовали; одинъ Маренго не принималъ ни въ чемъ участія, и спокойно лежалъ на травѣ. Наступила ночь, и Альфредъ напомнилъ Маренго, что пора отправляться домой, иначе они не найдутъ не одной коляски.

— Оставайтесь у насъ, сказала госпожа Мутонарь: у насъ чудесныя постели.... здѣсь спать, какъ сурки.

Альфредъ отказался отъ этого предложенія, и хотѣлъ возвратиться въ Парижъ; но Маренго вскричалъ:

— Если у васъ спать, какъ сурки, такъ это мнѣ очень нравится, и я принимаю ваше предложеніе.... Я готовъ проспать хоть цѣлые полгода.

— Вы премилый чѣловѣкъ! вскричала госпожа Мутонарь.

— Еще въ первый разъ я слышу такой отзывъ о себѣ! отвѣчалъ Маренго.

XI.

Встрѣча.—Желанія и досада.

Прошло двѣнадцать дней послѣ не совсемъ романтическихъ происшествій, которыя мы описали.

Погода была прекрасная, небо чистое; то былъ настоящій лѣтній день. Вальдемаръ пошелъ прогуливаться одинъ. Видѣть его безъ Эрнестины, могло бы показаться стра-

нымъ для жителей деревни, которые никогда не видали ихъ другъ безъ друга; но для людей, знающихъ сердце человеческое, такое явленіе очень естественно.

Наканунъ, Мутонарь и его жена посѣтили своихъ мерланскихъ сосѣдей, и съ бѣльшимъ жаромъ возобновили свои просьбы видѣть ихъ въ своемъ домѣ; они съ какою-то гордостію хвастались тѣмъ, что господину Маренго очень понравилось у нихъ, и онъ спалъ по двѣнадцати часовъ въ сутки, не считая маленькихъ случайныхъ отдыховъ въ продолженіе дня; они рассказывали о своей карусели и о сериетѣ, которая играла полную кадрили.

Все это не слишкомъ львило Эрнестину, но иначе подѣйствовало на Вальдемара, который, послѣ ухода почтенныхъ сосѣдей, съ упрекомъ обратился къ милой вдовѣ и сказалъ, что она хочетъ жить по-волчьи. Этотъ упрекъ вызвалъ слезы на глаза Эрнестины, потому что цѣлый вечеръ дулись другъ на друга, и вотъ почему, на другой день, Вальдемаръ вышелъ прогуливаться одинъ.

Притомъ же, иногда и пріятно быть одному, предаваться на свободѣ своимъ мыслямъ, воскрешать свои воспоминанія, обдумывать свои планы, мѣлчать свои надежды и мечты.

Мысли Вальдемара, вѣроятно, были не очень веселы, потому-что изъ груди его часто вылетали вздохи; на лицѣ его замѣтна была забота; обводя глазами прекрасныя окрестности, онъ не рѣдко покачивалъ головою, какъ будто хотѣлъ сказать: «Если бы я зналъ!...»

Вальдемаръ шелъ по дорогѣ, ведущей въ Вильмомбль; вдалекѣ, впереди себя, онъ замѣтилъ женщину, хвашую на ослѣ, который повидимому чуть-чуть подвигался впередъ. На этой женщинѣ было розовое платье, соломенная шляпка съ розовою газовою вуалью, и розовый же шарфъ.

Издали Вальдемаръ не могъ угадать, какихъ лѣтъ была эта женщина. Впрочемъ, по ея стану и по ловкости, съ какою она сидѣла на своемъ ослѣ, онъ предполагалъ, что она должна быть молода. Тогда онъ вспомнилъ толки крестьянъ о женщинѣ, всегда одѣтой въ розовое платье. Нѣтъ сомнѣнія, что это была та самая розовая дама. Говорили

также, что она была молода и прекрасна, и потому Вальдемаръ удвоилъ шаги, чтобы повѣрить, правду ли говорили крестьяне.

Для Вальдемара было не трудно догнать эту женщину, потому-что, не смотря на все стараніе всадницы понудить своего осла бѣжать рысью, упрямое животное твердо рѣшилось идти шагомъ, а иногда даже останавливалось, и, казалось, вовсе не хотѣло двигаться съ мѣста.

Чѣмъ ближе Вальдемаръ подходилъ къ розовой дамѣ, тѣмъ болѣе былъ расположенъ вѣрить, что крестьяне говорили правду; сперва, онъ замѣтилъ, что эта женщина, хотя и небольшого роста, но хорошо сложена и очень ловка. Ноги ея были обуты въ прекрасныя пепельнаго цвѣта полусапожки, и щегольскія перчатки обтягивали ея руки. Не подходи такъ близко, чтобъ быть замѣченнымъ, Вальдемаръ осмотрѣлъ свой туалетъ. На немъ было мериносое пальто, тиковые полосатые панталоны и сѣрая шляпа съ широкими полями; онъ былъ одѣтъ самымъ приличнымъ образомъ для сельской прогулки; но ему очень не нравился этотъ костюмъ; впрочемъ любопытство одержало верхъ надъ самолюбіемъ. Онъ догналъ даму и скоро могъ разсмотрѣть ея лицо.

Крестьяне вѣрно обрисовали ея портретъ. Розовая дама была очень молода; свѣтлорусые волосы окаймляли ея бѣлоснѣжное лицо, отътененное легкимъ румянцемъ; въ быстрыхъ голубыхъ глазахъ отражался умъ; носъ у ней былъ прямой и тонкій; небольшой ротъ имѣлъ нѣсколько насмѣшливое выраженіе, но улыбка ея была очаровательна и выказывала рядъ прекрасныхъ зубовъ, которые она не старалась слишкомъ часто выставлять на показъ, не смотря на общую слабость особъ, обладающихъ красивыми зубами, смѣяться при каждомъ случаѣ, даже не впадѣть и противъ воли.

Вальдемаръ смотря на незнакомку, поднесъ руку къ своей шляпѣ. Въ деревнѣ здороваются и безъ предварительнаго знакомства; это старинное обыкновеніе еще не совсемъ

утратилось и служить въ похвалу сельской жизни. *Emollit mores nec sinit esse ferus!*....

Розовая дама, занятая своимъ осломъ, почти не обращала вниманія на шедшаго возлѣ ея человека. Вальдемаръ убавилъ шагъ, чтобъ не уйти слишкомъ далеко отъ всадницы. Черезъ нѣсколько минутъ, не слыша за собою топота копытъ, онъ обернулся и увидѣлъ, что оселъ остановился и никакъ не хотѣлъ перейти черезъ маленькій ручеекъ, пересѣкавшій дорогу.

Напрасно всадница понуждала его своимъ хлыстикомъ, оселъ опустилъ голову, поднялъ уши, и не трогался съ мѣста.

Вальдемаръ возвратился къ розовой дамѣ и, снова сдѣлавъ почтительный поклонъ, сказалъ ей:

— Не прикажете ли, сударыня, помочь вамъ справиться съ вашимъ бѣгуномъ, который, кажется, немощно съ порывомъ?

Женщина внимательно посмотрѣла на Вальдемара и поблагодарила его за услужливость. Молодой человекъ взялъ осла за поводъ, и тотъ, почувствовавъ, что его тащила сильная рука, согласился наконецъ перейти ручеекъ.

— Безконечно вамъ благодарна, произнесла розовая дама. А я не знала, что и дѣлать съ этимъ несноснымъ животнымъ; я вышла изъ дома съ своей горничной; она также на ослѣ, но ея оселъ совершенно не похожъ на моего, тотъ такой прыткій. Моя горничная понадеялась, что я не отстану отъ нея, продолжала вѣхать впередъ и, вѣрно, захватила въ лѣсъ, вотъ что на-лѣво, потому-что ее не видно больше. Я осталась одна на дорогѣ..... это ужасно непріятно, особенно если ѣдешь на такомъ упрямомъ животномъ и не можешь справиться съ нимъ.

— Въ такомъ случаѣ, сударыня, я могу быть вамъ полезна, позвольте проводить васъ до вашей горничной?...

— Вы очень добры....

— Прежде всего, сударыня, я долженъ вамъ сказать, что я почти вашъ сосѣдъ. Вы живете при входѣ въ Нуази?

— Да, это правда, но почему вы знаете?...

— Я объясню вамъ, сударыня; окрестные поселяне называютъ васъ розовою дамою, а по описанію, сдѣланному ими, мнѣ легко было узнать васъ.

Всадница лукаво улыбнулась и спросила:

— А вы живете въ красивенькомъ домикѣ, возлѣ деревеньки Мерланъ?

— Точно такъ, сударыня... Но отчего вы знаете?...

— Я объясню вамъ, милостивый государь; окрестные поселяне прозвали васъ дикаремъ.... а по описанію, сдѣланному ими, мнѣ не трудно было узнать васъ.

Вальдемаръ не могъ удержаться отъ смѣха.

— Въ самомъ дѣлѣ, сударыня, я дикарь; но у меня есть и другое имя, въ Парижѣ меня называютъ Вальдемаромъ.

— Я действительно розовая дама, но мои знакомые знаютъ, что меня зовутъ также и Сентъ-Адель.

— Значитъ, сударыня, я не совсемъ незнакомъ съ вами; теперь позвольте ли мнѣ помочь вамъ отыскать вашу горничную?

— Я принимаю ваше предложеніе, если только оно не отрываетъ васъ отъ занятій.

— Теперь, я рѣшительно безъ всякаго дѣла, сударыня; прекрасная погода вызвала меня на прогулку, вотъ и мое занятіе. Я благодарю случай, который доставилъ мнѣ такую пріятную встрѣчу.

Розовая дама улыбнулась.

— И безъ случая мы могли бы, вѣроятно, встрѣтиться. Я бываю иногда въ одномъ домѣ, гдѣ часто говорятъ о васъ, и гдѣ всегда ждутъ васъ, равно какъ и вашу супругу.

Розовая дама сдѣлала особенное удареніе на словахъ: *вашу супругу*. Вальдемаръ слегка нахмурилъ брови, но тотчасъ же принялъ веселый видъ.

— Чей это домъ, сударыня, гдѣ говорятъ о..... обо мнѣ?

— У господина Мутонара.

— Вы знакомы съ ними?...

— Можетъ быть, столько же, какъ и вы. Они посвѣщали меня по праву сосѣдей, и взяли съ меня слово быть у нихъ. Мнѣ сказывали, что они очень добрые люди, и считаютъ

величайшимъ для себя счастьемъ принимать гостей. Я прѣхала въ деревню для развлеченія и для удовольствій, поэтому и не отказалась отъ приглашенія господина и госпожи Мутонаръ, и, скажу откровенно, нисколько не раскаяюсь въ этомъ.... У нихъ очень весело проводить время.... они дѣлаютъ все, что могутъ, для удовольствія своихъ гостей, а это уже заслуживаетъ некоторой признательности.

— Вы, сударыня, возбудили и во мнѣ желаніе сдѣлать то же самое, уступить просьбамъ нашихъ сосѣдей. Впрочемъ, надежда быть вмѣстѣ съ вами скорѣе всего заставитъ меня рѣшиться на это.

Вальдемаръ произнесъ эти слова съ такою искренностію, что въ нихъ нельзя было замѣтить ни малѣйшей лести. Розовая дама сдѣлала легкій поклонъ.

Вы очень добры, милостивый государь; но мнѣ кажется, что мы еще не такъ близко знакомы, чтобъ я могла измѣнить ваше намѣреніе жить въ уединеніи.... Увѣрнотъ, что вы и ваша супруга ни къ кому не ѣздите и къ себѣ никого не принимаете. А это доказываетъ, что вы довольны другъ другомъ.... что вы находите счастье въ самихъ себѣ. Вы осуществляете тѣ пріятныя мечты, которыя многіе считаютъ химерой.... Это дѣлаетъ честь вамъ и вашей супругѣ.

Розовая дама, кажется, находила особенное для себя удовольствіе безпрестанно повторять: *ваша супруга*, и притомъ, съ какимъ-то коварнымъ выраженіемъ, которое, конечно, поразило бы Вальдемара, если бы онъ обратилъ на то побольше вниманія; но онъ былъ разсѣянъ, и почти совсѣмъ растерялся.

— Да, сударыня, мы любимъ уединеніе, отвѣчалъ онъ.... Мы прѣхали въ деревню, чтобы жить на свободѣ.... А когда заведешь знакомство, нужно уже нѣсколько стѣснить себя, надо иногда заняться и туалетомъ, а это такъ скучно въ деревнѣ.

— Ахъ, нѣтъ! я васъ увѣрню, что у Мутонаровъ вовсе этого не требуютъ.... Простота обращенія въ ихъ домѣ иногда доходитъ до крайности.... Между прочимъ, я видѣла тамъ господина Маренго...., который, кажется, не брилъ своей

бороды съ тѣхъ поръ, какъ живетъ у нихъ....и не смотрѣлъ на то, его находять очень милымъ....

— Маренго!....Ахъ, да!.... я знаю его, отвѣчалъ Вальдемаръ, смѣясь: это одинъ изъ моихъ друзей.

— Онъ вашъ другъ! Жалко, что я отозвалась объ немъ такъ неосторожно.... Я очень мало его видѣла.... Онъ почти всегда въ саду, лежитъ на спинѣ посреди луга; сначала, я приняла его за пугало для птицъ, потомъ узнала, что онъ боленъ, и ему трудно переменить свое положеніе.

— Вы правы, сударыня, наружность Маренго очень мало говорить въ его пользу; и онъ во зло употребляетъ позволеніе хозяевъ ни чѣмъ не стѣсняться въ ихъ домѣ. Но въ душѣ, онъ добрый малый, въ немъ умъ и образованность перемѣшаны съ странною причудливостію характера.

— Вы хотите мнѣ сказать, что не лзя судить по наружности; но я, какъ женщина, не могу опустить безъ вниманія первыхъ впечатлѣній.... И вы сами соглашаетесь, что другъ вашъ Маренго не привлекателенъ съ перваго раза.... а я сомнѣваюсь, чтобъ онъ показался лучше и во второй разъ....

При этихъ словахъ, розовая дама засмѣялась, и Вальдемаръ воспользовался случаемъ, чтобы полюбоваться ея прекрасными зубами. Потомъ вдругъ она остановила своего ослана и вскричала:

— Но куда же мы ѣдемъ?...

— Я не знаю, сударыня; мнѣ также мало знакома эта дорога, какъ и вамъ.

— Да, это справедливо.... вы заперлись въ своемъ саду.... Но я боюсь, милостивый государь, чтобъ не заставить васъ уйти слишкомъ далеко.... Вашу супругу можетъ обезпочить ваше отсутствіе.... Я думала даже, что вы никогда не выходите другъ безъ друга.

— Сегодня, мо.... мо.... моя жена не совсѣмъ здорова.... она не рѣшилась прогуливаться....

— И вы оставили ее одну?.... Вы не боитесь, что ей будетъ скучно?...

— У ней мигрень.... она спитъ.

— А! понимаю, пока она спитъ, вамъ свободнѣе... Все-таки мнѣ непріятно, что для меня вы такъ отдалились отъ дома.... Посмотрите, что это тамъ, вонъ на той тропинкѣ?... Это моя горничная несется въ галопъ.... Боже мой! она, вѣрно, не можетъ справиться съ осломъ.... Какъ упрямы здѣсь ослы!... Онъ сброситъ ее на землю!...

— Успокойтесь, сударыня; я останавливаю его.

Осель, на которомъ ѣхала горничная, дѣйствительно скакалъ изъ всѣхъ силъ, и дѣвушка, испуганная запальчивостію своего бѣгуна, растерялась, опустила поводья и, чтобъ не упасть, ухватилась обѣими руками за гриву и кричала во все горло.

Осель бѣжалъ прямо на встрѣчу Вальдемару и розовой дамѣ. Вальдемаръ схватилъ его въ ту самую минуту, когда горничная выпустила изъ рукъ гриву и упала на дорогу, которая, къ счастью, не была вымощена. Молодая дѣвушка первая засмѣялась надъ своимъ паденіемъ, не имѣвшимъ дурныхъ послѣдствій; она снова сѣла на осла, и Вальдемаръ пошелъ между двухъ всадницъ, чтобъ удерживать ретивого осла и погонять лѣниваго.

— Не угодно ли вамъ, сударыня, помѣняться со мной? сказала горничная. Мой осель славно бѣгаетъ.

— Нѣтъ, мнѣ пріятнѣе ѣхать шагомъ, отвѣчала розовая дама. Я бы ужасно испугалась, если бы мой осель пустился вскачь, какъ твой. Ахъ, какъ я вамъ благодарна, милостивый государь.... Если бы не вы, у насъ вѣрно не обошлось бы безъ приключенія.... По неволѣ получишь отпращеніе къ осламъ.... Но чѣмъ же заниматься въ деревнѣ, особенно, если не имѣешь склонности къ уединенію, какъ вы?

Вальдемаръ отошелъ отъ осла горничной и приблизился къ розовой дамѣ.

— Я думаю сударыня, сказалъ онъ, что вашъ мужъ также долженъ составлять ваше счастье.

— У меня нѣтъ мужа, то-есть я лишилась его, я вдова.

— Вы.... уже вдова?

— Да, потому-то я и живу, какъ мнѣ хочется... Не

правда ли, вѣдь, самый лучший мужъ не всегда исполняетъ наши прихоти?

— Можетъ быть....

— А вы не совсѣмъ уврены въ этомъ?... Кажется, вы образецъ всѣхъ мужей....

— Вы долго думаете оставаться въ деревнѣ, сударыня?

— Не знаю... Это будетъ зависеть отъ моей прихоти, и смотря потому, какъ будетъ весело здѣсь... Ахъ, Боже мой, осель опять понесся съ моей горничной... это несносно!

— Пусть онъ скачетъ, сударыня; теперь онъ прямо прибѣжитъ въ Нуази....

— Вы такъ добры, милостивый государь, что не хотите оставить меня одну, но я опасуюсь....

— Повторю вамъ, сударыня, что это доставляетъ мнѣ удовольствіе. А часто вы бываете въ Росни?

— У Мутонаровъ?... Да.... я провожу тамъ иногда цѣлые дни.... Тамъ можно видѣть такія странныя лица... не считая господина Маренго... Боже мой, я все забываю, что онъ вашъ другъ!.... А у васъ много такихъ друзей, какъ господинъ Маренго? Я ручаюсь, что нѣтъ; во первыхъ это очень трудно.... Должно быть, я кажусь вамъ очень злою, не правда ли? съ перваго раза, вы составите по моимъ словамъ очень дурное обо мнѣ мнѣніе?

— Я составляю очень лестное мнѣніе для вашего ума, сударыня.

— Ахъ, не смѣшивайте ума съ насмѣшкой; я сама очень хорошо понимаю, что они не имѣютъ никакого отношенія между собою; нѣтъ ничего легче, какъ надъ всѣмъ насмѣхаться, все обращать въ шутку, и издѣваться даже надъ самыми невинными вещами; смѣяться легко всякому, потому-что насмѣшка почти всегда имѣетъ успѣхъ, и никто не откажется выслушать злую шуточку на счетъ ближняго, что во-все не дѣлаетъ чести человѣчеству. При томъ же, я знаю, что самые глупые люди иногда умѣютъ ловко подтрунить надъ другими, а люди умные часто становятся въ тупикъ. Но не смотря на то, я все-таки лю-

блю посмѣяться. Какъ вамъ это нравится? у меня уже такой характеръ, и я вѣрю словамъ:

Какъ не измѣнй природу,
А она свое возьметъ.....

Вотъ, напримѣръ, у моего осла не въ природѣ скакать... и его ни за что не заставишь прибавить шагу.... Какое несносное животное!... Пожалуйста, ударьте его.

Вальдемаръ повиновался. Розовая дама болѣе и болѣе увлекала Вальдемара своимъ разговоромъ, и онъ съ досадою замѣтилъ, что они были уже близъ Нуази.

Проезжая мимо дороги, ведущей въ Мерланъ, она остановилась и сказала своему спутнику:

— Прощайте, милостивый государь, вотъ ваша дорога; мой домъ въ двухъ шагахъ отсюда, и я буду очень беспокоиться, если вы пойдете еще дальше... Впрочемъ, вонъ моя и горничная, она поджидаетъ меня.

— Вамъ не угодно, сударыня, чтобъ я провожалъ васъ далѣе, повинуюсь вамъ; но надѣюсь скоро имѣть удовольствіе снова увидѣться съ вами, у господина Мутонара....

— Мнѣ было бы очень пріятно, но я не смѣю вполнѣ полагаться на ваши слова; вы не знаете, угодно ли это будетъ вашей супругѣ.

Произнеся эти слова съ едва замѣтною улыбкой, розовая дама сдѣлала Вальдемару граціозный поклонъ, и поѣхала далѣе.

XII.

Новыя изобрѣтенія Маренго.

Вальдемаръ возвратился домой, совершенно занятый своею встрѣчею; розовая дама, думалъ онъ, очень мила, разговоръ ея увлекателенъ, но она какъ будто съ намѣреніемъ безпрестанно повторяла слова: «Ваша супруга.»

Если бы Вальдемаръ не зналъ Маренго, онъ могъ бы подумать, что тотъ проболтался, и что всѣмъ уже извѣстны отношенія его въ госпожѣ Дюранси; но если Маренго не любилъ говорить о томъ, что ему не нравилось и что наводило на него скуку, то равнымъ обзоромъ не былъ способенъ измѣнить тайнъ друга.

Когда Вальдемаръ возвратился, Эрнестина сидѣла въ саду; она не сдѣлала ему никакого упрека, но только сказала:

— Ты долго прогуливался, мой другъ.

— Да... Погода прекрасная!... а возвращаясь домой, я сбился съ дороги....

Вальдемаръ не считалъ нужнымъ говорить о своей встрѣчѣ. Черезъ минуту, Эрнестина снова сказала:

— Для тебя пріятнѣе теперь прогуливаться одному, чѣмъ оставаться со мною!

Вальдемаръ продолжалъ очищать кусть шиповника.

— Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ онъ; но теперь не угадаешь, что тебѣ нравится... ты такъ боишься встрѣчи съ людьми... я думалъ... что тебѣ пріятнѣе остаться дома.

Эрнестина печально смотрѣла на того, кого она такъ любила.

— Это ты мнѣ говоришь, мой другъ? произнесла она. Ты не знаешь болѣе, что можетъ мнѣ нравиться... Ты сомнѣваешься, что прогулка съ тобою доставляетъ мнѣ удовольствіе... Ахъ, нѣтъ, ты не то говоришь, что думаешь... чѣмъ я заслужила такіе упреки?...

— Я не дѣлаю тебѣ упрековъ... только для меня странно упорство, съ какимъ ты отказываешься посѣтить... нашихъ сосѣдей въ Росни; а они съ такимъ усердіемъ насъ просятъ къ себѣ.

— А мнѣ также странно твое желаніе непременно быть у господина Мутонара... Мнѣ кажется, что нѣтъ ничего общаго между нами и этими людьми....

— Въ гости не всегда ходятъ для хозяевъ.... но лишь бы весело провести тамъ время.

— А кто тебѣ сказалъ, что ты можешь весело провести

время у Мутонаровъ?... Вѣроятно, твоихъ друзей уже нѣтъ тамъ.

— Маренго тамъ, онъ остался.

— Какъ же ты знаешь это?

Вальдемаръ смутился — было, но скоро оправился:

— Я встрѣтилъ.... одного крестьянина.... Знаешь того, что навязывался къ намъ выводить кротовъ.... Онъ былъ у Мутонаровъ и видѣлъ Маренго.

— А, ты теперь разговариваешь съ крестьянами?

— Почему же не такъ?... Съ кѣмъ разговаривать въ деревнѣ?... Тебѣ все кажется необыкновеннымъ; тебя все удивляетъ, что бы я ни сдѣлалъ.

Эрнестина ничего не отвѣчала, она отвернула голову и заплакала. Вальдемаръ, замѣтивъ это, подбѣжалъ къ молодой женщинѣ и обнялъ ее.

— Прости меня, я виноватъ.... я не знаю, что говорю.... для меня невыносимо быть причиною твоей печали!... Успокойся, прошу тебя, не сердись, не плачь, ради Бога, не плачь, или я буду думать, что ты все еще сердиться на меня!

Эрнестина утерла глаза, улыбнулась Вальдемару, протянула ему руку и сказала самымъ нѣжнымъ голосомъ:

— Забудемъ все; для меня невыносимо тяжело, когда ты говоришь со мною такъ холодно, я думаю, что ты уже не любишь меня.... что мое присутствіе наскучило тебѣ.... но нѣтъ, нѣтъ, ни слова больше!... Ты еще любишь меня.... но слушай, я не хочу идти къ Мутонарамъ; мои отношенія къ тебѣ не позволяютъ мнѣ этого; но я не хочу лишать тебя удовольствія. Ты посѣдай ихъ, мой другъ, когда тебѣ угодно. Я одна здѣсь буду думать о тебѣ, и ты.... надѣюсь, не совсемъ забудешь меня въ веселомъ обществѣ нашихъ сосѣдей?...

— Нѣтъ, мой другъ, нѣтъ, я не пойду безъ тебя къ Мутонарамъ, вскричалъ Вальдемаръ, дѣлая Эрнестину; когда тебѣ не хочется видѣться съ ними....

— Изъ-за этого тебѣ не стоить оставаться дома. Ты зна-

ешь, мой другъ, что мужъ можетъ ходить въ гости и безъ жены.

— Ну, хорошо же! Я сдѣлаю имъ, изъ учтивости, визитъ, но тѣмъ и кончу.

Прошло два дня послѣ этого разговора; Вальдемару нетерпѣливо хотѣлось побывать у Мутонаровъ, и онъ объявилъ Эрнестинѣ, что пойдетъ къ своимъ сосѣдямъ отдать имъ визитъ. Подъ вечеръ, онъ отправился; до Росни было не меньше полумили, и Вальдемаръ шелъ добрыхъ полчаса.

Прибытіе мерланскаго сосѣда чрезвычайно обрадовало Мутонаровъ; но радость ихъ нѣсколько уменьшилась, когда узнали, что онъ былъ одинъ. Вальдемаръ сказалъ въ извиненіе Эрнестины, что что она не совсемъ здорова, и потому не могла придти; извиненіе слишкомъ избитое, но при случаѣ очень достаточное.

— Ахъ, посмотрите, что сдѣлалъ для насъ вашъ другъ господинъ Маренго! вскричала госпожа Мутонаръ, схвативъ Вальдемара за руку и потащивъ его въ садъ.

Она привела его къ тому мѣсту, гдѣ устроена была карусель.

Два лебеда были заняты племянницею и сосѣдкою Замбо-не, на лошадяхъ сидѣли два сосѣда. Карусель вертѣлась, какъ будто сама собою; но почти непрерывный вой собаки скоро открылъ Вальдемару, какое средство придумалъ Маренго, чтобы приводить карусель въ движеніе.

Къ карусели прикрѣплены были двѣ палки; на одной изъ нихъ висѣлъ кусокъ говядины, а къ другой привязана была большая, сильная собака, которую съ утра не кормили въ тотъ день, когда имѣли намѣреніе играть въ кольца. Собака, видя передъ собою говядину, изъ всѣхъ силъ бросалась впередъ, чтобы схватить лакомый кусокъ, и такимъ образомъ, начинала вертѣть карусель. Но говядина вертѣлась вмѣстѣ съ каруселью, и несчастная собака, стараясь догнать приманку, ускоряла свои скачки и съ бѣшенствомъ выла въ продолженіе партіи, что очень забавляло всѣхъ участвовавшихъ въ игрѣ.

— Ну, что вы скажете? вскричала госпожа Мутонарь; не правда ли, вѣдь очень замысловато?

— Да, замысловато, отвѣчалъ Вальдемаръ; но если вы часто играете въ кольца, такъ скоро замучите вашу собаку.

— Нѣтъ, господинъ Маренго намъ сказалъ, что она привыкнетъ. А къ тому же, послѣ игры ее хорошо кормятъ.... Только по утрамъ ей ничего не даютъ ѣсть.

— Все равно, я думаю, что вамъ лучше бы было дать ей по-крайней-мѣрѣ помощника.

— Постойте.... постойте, вотъ и нашъ гость, которому мы обязаны этимъ удовольствіемъ.

Произнося эти слова, госпожа Мутонарь указала на что-то, лежавшее на травѣ. Вальдемаръ, проходя мимо, счелъ это за сушившееся бѣлье; и теперь только онъ замѣтилъ, что тутъ лежалъ Маренго, закутанный въ сѣрую блузу необычайной ширины, съ поднятыми къверху ногами, съ трубною въ зубахъ, и гордо поглядывалъ на Эдиша, вертѣвшаго карусель.

— Кажется, что ты очень доволенъ здѣшнимъ житьемъ?.. сказалъ Вальдемаръ съ улыбкой.

— Чрезвычайно! я какъ дома.... Нѣтъ, лучше, чѣмъ дома; по этому-то я и остался здѣсь.

Въ свою очередь и господинъ Мутонарь овладѣлъ Вальдемаромъ; онъ хотѣлъ показать ему свой садъ, и особенно гряды съ дынями. Вальдемаръ сдѣлалъ видъ, что все это занимаетъ его, но ему гораздо больше хотѣлось увидѣть что-нибудь другое. Проходя по дому и черезъ садъ, напрасно искалъ онъ глазами той, которую надѣялся встрѣтить. Слѣдуя за Мутонаромъ, который только и толковалъ, что о своей капуствѣ да о дыняхъ, Вальдемаръ старался по-крайней-мѣрѣ перемѣнить разговоръ.

— У васъ, какъ я вижу, всегда собирается многочисленное общество? спросилъ Вальдемаръ разсѣянно.

— Да. У насъ всегда гости.... А вотъ, посмотрите, земляника.... чудесная, не хуже ананасовъ.... Въ нынѣшнемъ году, ягодъ еще нѣтъ, но какъ удобрю землю гуаномъ, такъ на тотъ годъ, ихъ пропасть уродится.

— У васъ бывають и дамы?..

— Да; сосѣдка Замбоне, да моя племянница, жена архитектора Корентьена.... Ахъ! у меня изъ головы не выходитъ, какъ онъ сказалъ, что подъ мой домъ, въ улицѣ Корбо, въ Парижѣ, надо подложить новый фундаментъ!... Кажется, что съ некотораго времени на дома наша какая-то болѣзнь!..

— Конечно, вы знакомы и съ другими сосѣдными женщинами?

— Ахъ, да! мы знакомы со всеми здѣшними!... А вотъ слива.... просто сахаръ, какъ положишь въ ротъ. Въ нынѣшнемъ году, плодовъ еще не будетъ.... но когда удобрю землю гуаномъ, я увѣренъ, что дѣло пойдетъ на ладъ; изъ сливъ я буду дѣлать варенье.

— А у васъ никогда не бываетъ.... та дама, что живетъ въ Нуази, госпожа Сентъ-Адель?

— Госпожа Сентъ-Адель!... извините, она очень часто посѣщаетъ насъ.... А вотъ я не знаю, что случилось съ моими яблоками. Посмотрите, вѣдь яблоки чудесныя; плодовъ въ зародышѣ бездна; но лишь только яблоки нальются съ орѣхъ, всѣ и попадають.... Черви ихъ подтачивають, милостивый государь.... Какъ вы думаете, вѣдь отъ гуано черви изведутся? Надо вамъ сказать, что у меня яблоки не совсѣмъ здоровы....

Вальдемаръ уже не слушалъ разсказней Мутонара; онъ замѣтилъ не вдалекѣ отъ дома одну особу, которую тотчасъ же узналъ: то была розовая дама.

Вальдемаръ не рѣшился однако вдругъ подойти къ госпожѣ Сентъ-Адель, которая разговаривала съ другими; онъ остановился возлѣ Маренго и сказалъ ему вполголоса:

— Эта дама часто здѣсь бываетъ?

— Какая? спросилъ Маренго, постукивая ногами.

— Розовая дама.... Ты знаешь.... госпожа Сентъ-Адель?

— А, славная шутка!... Это не имя, Сентъ-Адель.... Это чортъ знаетъ, что такое! Называются Маріею, Дюпоиомъ, Бонуа, а не слыхано имени Сентъ-Адель!..

— Ты думаешь, что это не настоящее имя розовой дамы?

— Я увѣренъ.... Ну, да для Мутонаровъ и это хорошо; они разъ засадили же меня играть въ пикетъ съ глухонѣмымъ, а не предупредили объ этомъ.... Партенеръ мой беретъ карты, дѣлаетъ мнѣ разные знаки, гримасы.... Онъ хотѣлъ показать, что у него четырнадцать дамъ.... я ничего не понялъ, высунувъ ему языкъ и ушелъ спать.

Наконецъ, Вальдемаръ подошелъ къ розовой дамѣ; она взглянула на него съ какимъ-то удивленіемъ; потомъ сдѣлавъ ему поклонъ, она пробѣжала глазами по саду, какъ бы желая еще кого-то увидѣть.

— Вы знакомы съ нашимъ сосѣдомъ, господиномъ Вальдемаромъ? сказала госпожа Мутонаръ розовой дамѣ.

— Да.... разъ, прогуливаясь по окрестностямъ, я встрѣтила господина Вальдемара.... безъ него, я никакъ не могла бы справиться съ моимъ упрямымъ ослomъ.

— Не говорите ужъ! ослы самыя негодныя животныя.... Гильо навязывалъ-было намъ своего осла, да я сказала мужу, что у насъ и безъ того много народу, къ чему еще осла?

— Мнѣ очень пріятно, что я снова могу поблагодарить васъ, милостивый государь, перебила розовая дама. Я еще не имѣла удовольствія видѣть васъ здѣсь.

— Господинъ Вальдемаръ первый только разъ удостоилъ насъ своимъ посѣщеніемъ, но мы надѣемся, что это будетъ не послѣдній.

Вальдемаръ слегка поклонился, госпожа Мутонаръ продолжала скороговоркой:

— И какъ супруга ихъ поправится здоровьемъ, конечно и она не откажется пожаловать къ намъ.

— Ахъ.... вы одни.... безъ супруги? сказала розовая дама, пристально взглянувъ на Вальдемара.

— Она не совсемъ здорова.... и потому.... ей не хотѣлось выйти изъ своего сада.... Да и до Росни отъ насъ довольно далеко.... а....

— Ба, что это такое?... Эдипъ остановился и не вертитъ карусели! вскричала госпожа Мутонаръ. Господинъ Маренго, посмотрите, что это значить?...

Вальдемаръ былъ очень радъ, что госпожа Мутонаръ оставила ихъ, потому-что онъ могъ тогда свободно говорить съ госпожею Сентъ-Адель, которая занялась вышиваньемъ по канвѣ, и смѣясь сказала молодому человѣку:

— Вы видите, господинъ Вальдемаръ, здѣсь можно дѣлать, что угодно; вотъ я принесла съ собой работу... Я не люблю игры въ кольца, и потому мнѣ чрезвычайно непріятно смотрѣть на бѣдную собаку, которая, высунувъ языкъ, должна вертѣть этихъ кавалеровъ и дамъ!.... За это изобрѣтеніе я бы поколотила вашего друга Маренго.

— Онъ хотѣлъ услужить госпожѣ Мутонаръ.

— И вполне успѣлъ: его просто обожаютъ здѣсь.... А вы, милостивый государь, остаетесь со мной? я, можетъ быть, препятствую вамъ ухаживать за этими дамами... мнѣ будетъ очень жаль, если, изъ угожденія мнѣ, вы лишите себя этого удовольствія...

— Вы такъ тонко подшучиваете, сударыня.

— Почему вы такъ думаете?

— За кѣмъ же прикажите ухаживать? За госпожею Мутонаръ, или за этою толстою дамой, которая какъ будто спрослась съ каруселью?

— Вы забыли госпожу Корентень; она очень мила.

— Можетъ быть... но это такія лица, за которыми, мнѣ кажется, нельзя и думать волочиться.

— Да, въ самомъ дѣль!

— Здѣсь есть только одна особа, которая влечетъ къ себѣ какою-то неодолимою силою...

Вальдемаръ не смѣлъ продолжать; розовая дама, казавшись, не поняла этихъ словъ; она сказала ему:

— Ваша супруга позволила вамъ идти сюда одному!... Ахъ, какъ добры женщины!...

Вальдемаръ невольно выказалъ свою досаду; онъ не могъ не замѣтить, что розовая дама постоянно напоминала ему объ Эрнестинѣ. Приходъ госпожи Мутонаръ и ея племянницы помѣшалъ ему отвѣчать на эти слова. Хозяйка дома и госпожа Корентень помирали со смѣха.

— Надѣюсь, сударыни, что вы подвѣтите съ нами вашимъ удовольствіемъ, сказала госпожа Сентъ-Адель.

— Ахъ, конечно, милая сосѣдка... Господинъ Маренго еще выдумалъ штуку.... Какой же онъ умный человекъ!... Смотрите, видите вонъ тамъ высокую женщину, что собираетъ петрушку?...

— Господи!... какая огромная!...

— Это наша кухарка. А видите, вотъ этого маленькаго человечка, что бѣжитъ къ дому?...

— Это, кажется, вашъ садовникъ.

— Да, это Фуине, мужъ высокой женщины.

— Ахъ, несчастный!

— Въ самомъ дѣлѣ, онъ считаетъ себя очень несчастнымъ, потому-что жена обращается съ нимъ очень грубо, не позволяетъ ему часто цѣловать себя; а Фуине хотя и малъ, но, кажется, большой охотникъ до поцѣлуевъ.

— Да, онъ слишкомъ малъ противъ своей жены.

— Кажется, что нашъ садовникъ разсказалъ о своемъ горѣ господину Маренго и просилъ у него какого-нибудь средства, чтобы ему во всякое время, можно было напечатлѣть сладкій поцѣлуй на розовыхъ щекахъ своей мамочки. Такъ онъ зоветъ свою жену.

— Ахъ, такого мужа стоить поставить за стекло.... Ну, и господинъ Маренго нашелъ средство уломать мамочку?

— Нѣтъ, онъ гораздо лучше выдумалъ; онъ сказалъ Фуине: «Вели сдѣлать себѣ ходули, и становись на нихъ, когда пойдешь прогуливаться съ своей женою». Фуине принялъ этотъ совѣтъ; а господинъ Маренго былъ еще такъ добръ, что научилъ его ходить на ходуляхъ; теперь Фуине расхаживаетъ на нихъ, какъ журавль. Впрочемъ, онъ употребляетъ ихъ не иначе, какъ съ позволенія своей жены. Мнѣ нужно было послать ее въ Вильмомбль, я отпустила съ нею и мужа; вотъ Фуине и прибѣжалъ ко мнѣ и прыгаетъ и кричитъ отъ радости: «Сударыня, мамочка позволила мнѣ идти съ нею на ходуляхъ!»

— Право, это даже не вѣроятно; и если бы не вы разсказывали мнѣ, я приняла бы все это за шутку.

— Вотъ смотрите, смотрите, наши супруги отправляются въ Вильмомбль.

Дѣйствительно, въ эту минуту въ воротахъ показалась кухарка, и за нею слѣдомъ, съ торжествующимъ видомъ выступалъ Фуине на ходуляхъ; теперь онъ не уступалъ въ ростѣ своей дражайшей половинѣ.

— Мамочка позволила мнѣ идти на ходуляхъ, кричалъ онъ.... Понятно, что это значить!... Всею дорогою я буду любезничать съ нею!

Маренго, не перемѣняя своего обыкновеннаго положенія, съ удовольствіемъ смотрѣлъ на свое произведеніе и изъ всѣхъ силъ хлопалъ въ ладоши:

— Эй, почтенный Фуине, кричалъ онъ, будьте осторожны! Не совсѣмъ полагайтесь на свой ростъ! я бы вамъ совѣтовалъ побережь свои ходули для праздниковъ!

Всѣ отъ души смѣялись надъ выдумкой Маренго, какъ вдругъ со стороны карусели послышалось оханье. Тогда вспомнили, что на лебедь оставили госпожу Замбоне, которая не находила никакой физической возможности спуститься внизъ самая собою.

Госпожа Мутонарь пригласила всѣхъ мужчинъ освободить несчастную Замбоне отъ горестнаго ея положенія. Россійскіе сосѣди повиновались. Но Маренго ни за что не соглашался помочь этимъ господамъ; онъ отвѣчалъ, не трогаясь съ мѣста:

— Я знаю, что случилось съ нашимъ другомъ Дюгранвалемъ, когда онъ помогалъ этой дамѣ спуститься; цѣлыя пять минутъ онъ провелъ въ самомъ ужасномъ положеніи. Я не хочу подвергаться такому же несчастію. Это очень опасно.

Вальдемаръ надѣялся еще найти случай завести разговоръ съ розовою дамой; но она присоединилась къ обществу и ни на минуту не оставила госпожи Корентень; не было никакого средства поговорить съ нею на-единѣ.

Впрочемъ, и Вальдемаръ спрашивалъ самъ себя, для чего ему хочется быть съ нею на-единѣ.

— Конечно, я не рѣшусь ухаживать за этой женщиной,

говорилъ онъ самъ съ собою.... я люблю Эрнестину..... и не хочу измѣнить ей. Притомъ же, эта женщина считаетъ меня женатымъ, и не захочетъ слушать меня.

Не смотря на то, Вальдемаръ все-таки былъ недоволенъ, что не могъ возобновить разговора съ госпожею Сентъ-Адель; и еще досадило ему было, когда, на предложеніе его проводить ее до дома, она отвѣчала, что съ нею ей горничная, и она не хочетъ никого беспокоить.

Вальдемаръ не смѣлъ настаивать, и одинъ возвратился въ свой домикъ; онъ былъ скученъ и разстроенъ; увидѣвъ Эрнестину, которая ожидала его въ саду, онъ сказалъ самъ про себя:

— Кажется, я умно сдѣлаю, если никогда больше не пойду въ Росни.

XIII.

Подъ деревомъ.

Но человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ, говоритъ старая пословица, очень выгодная для тѣхъ, которые думаютъ, что человекъ никогда не можетъ произвольно управлять самимъ собою.

Черезъ нѣсколько дней послѣ перваго своего посѣщенія роснинскихъ сосѣдей, Вальдемаръ снова отправился къ нимъ; спустя два дня, онъ опять былъ тамъ же; потомъ, это обратилось въ привычку, и не проходило ни одного дня, чтобы онъ, хотя на часъ, не побывалъ у Мутонаровъ.

Вальдемаръ не говорилъ Эрнестинѣ, что онъ ходилъ въ Росни, а чтобы отсутствіе его не было очень продолжительно, то онъ бѣгомъ совершалъ свое путешествіе, и приходилъ весь въ поту; а все для того, чтобы увидѣть красивенькую розовую дамочку, которая, въ награду за то, очень часто подшучивала надъ нимъ, разспрашивала объ его супругѣ.

У Мутонаровъ наконецъ привыкли видѣть Вальдемара одного; всѣ рѣшили, что его супруга не любила никуда выходить. Въ роснинскомъ обществѣ говорили между собою:

— Кажется, что эта женщина настоящій медвѣдь!

А Маренго прибавлялъ сквозь зубы:

— Этотъ медвѣдь себя на умѣ.

Когда Сентъ-Адели не было у Мутонаровъ, то и Вальдемаръ оставался тамъ не долго; онъ говорилъ, что по дѣламъ ему надо побывать еще въ другомъ мѣстѣ, и убѣгалъ домой. Маренго пожималъ плечами и говорилъ ему:

— Гораздъ ты сталъ на выдумки.

Эрнестина говорила иногда Вальдемару:

— Наши сосѣди не будутъ жаловаться на твою неучтивость. Ты такъ часто видишься съ ними, мой другъ.

— Я захожу къ нимъ иногда съ прогулки, отвѣчалъ Вальдемаръ.

И госпожа Дюранси не сердилась болѣе на его отлучки, въ которыхъ она не подозрѣвала ничего, что бы могло нарушить счастье ихъ любви. И Вальдемаръ, побывавъ въ Росни, старался быть какъ можно ласковѣе къ Эрнестинѣ, чтобы она не выговаривала ему, и извиняла его частыя прогулки.

Наконецъ молодая женщина еще болѣе успокоилась, когда ихъ посѣтили Альфредъ и Дюгранваль и высказали ей свои мнѣнія о домѣ Мутонара.

— Едва ли я рѣшусь когда-нибудь идти туда, сказалъ красавецъ-брюнетъ; это чортъ знаетъ, что за домъ!... Бросаютъ вамъ на руки такихъ женщинъ, которыхъ доброй лошади поднять въ пору.... заставляютъ любоваться зародышами дынь, да чудовищными кухарками!...

— Но, вѣрно, между ихъ гостями есть и хорошенькія женщины, замѣтила Эрнестина.

— Ни одной, сударыня!... Все какія-то чучела!... Племянница не дурна.... но и та никогда не составитъ пріятнаго общества.

— Развъ случайно найдешь тамъ какое-нибудь удовольствіе, сказалъ Альфредъ, но часто ходить туда не стѣить!

— А вотъ Вальдемаръ, господа, ходитъ туда едва не каждый день.

— Не можетъ быть!... Да что тамъ дѣлать?...

— Я хожу туда не нарочно, а если мнѣ вздумается прогуляться въ ту сторону, такъ захожу поговорить съ Маренго.

Два друга Вальдемара отправились потомъ въ Росни, потому-что имъ надо же было изъ вѣжливости посѣтить Мутонаровъ, у которыхъ они обѣдали. Встрѣтивъ тамъ розовую даму, они пошли, для чего Вальдемаръ ходилъ такъ часто къ своимъ роснинскимъ сосѣдямъ.

— Бѣдная госпожа Дюранси! сказалъ Альфредъ. Я опасаюсь, чтобъ нашъ другъ не рѣшился измѣнить!...

— Онъ уже давно рѣшился, отвѣчалъ Маренго.

— И эта смазливенькая дамочка не прочь отъ него? спросилъ Дюгранваль.

— А мнѣ почему знать?

— Здѣсь по-прежнему считаютъ его женатымъ?

— Да, по-прежнему! Едва ли еще не два раза!

— Я боюсь за тебя, Маренго, чтобы пребываніе въ домѣ Мутонара не имѣло пагубнаго вліянія на твой умъ.

— Опасности нѣтъ: я отыскиваю теперь средство выростить дыни моего хозяина.

— Кажется, госпожа Мутонаръ очень внимательна къ тебѣ, Маренго, и готова исполнять малѣйшія твои желанія; она вздыхаетъ, глядя на тебя, и вымѣняется убійственными взглядами. Племянница также улыбается тебѣ... даже сама госпожа Замбоне равнодушна къ тебѣ!... Ты здѣсь словно паша!

— Эхъ, господа! слушайте... здѣсь нѣтъ кандитерскихъ подмастерьевъ, и не кому мѣшать моей любви... А вы думаете, что уродъ никогда и не можетъ одержать побѣды!

Альфредъ и Дюгранваль старались ухаживать и любезничать съ госпожею Сентъ-Адель; но розовая дама была

неговорлива въ тотъ день, и очень холодно принимала комплименты этихъ господъ, которые на обратномъ пути въ Парижъ говорили между собою:

— Если Вальдемара принимаютъ не лучше насъ, то онъ не измѣнитъ госпожъ Дюранси.

Розовая дама, хотя была и любезна съ Вальдемаромъ, и разговаривала съ нимъ свободно, какъ со старымъ знакомымъ, но также принимала холодный видъ, когда онъ уже слишкомъ живо начиналъ выражать свое удовольствіе быть съ нею и видѣть ее. Никогда впрочемъ Вальдемаръ не произносилъ еще словъ любви, но если онъ и не говорилъ, то это слово выражалось въ его глазахъ, во всѣхъ его дѣйствіяхъ; и нельзя было думать, чтобъ госпожа Сентъ-Адель не понимала его.

Вальдемаръ былъ счастливъ и веселъ, когда шелъ въ Росни, потому-что мечталъ о той, которую хотѣлъ встрѣтить. Но возвращаясь домой, онъ становился печаленъ и скученъ, потому-что думалъ о той, которую долженъ былъ видѣть; онъ упрекалъ себя въ неблагодарности, въ непостоянствѣ; съ Эрнестиною онъ старался быть веселымъ, ласковымъ, даже нѣжнымъ. Но все это было припужденно. Радость его была не естественна; одни только вздохи были истинны.

Эрнестина съ безпокойствомъ смотрѣла на своего возлюбленнаго. Она часто говорила ему:

— Мнѣ кажется, мой другъ, что деревня наскучила тебѣ... и ты останешься здѣсь только для моего удовольствія... Возвратимся въ Парижъ, или лучше поведемъ путешествовать, отправимся въ Швейцарію, какъ мы предполагали когда-то....

Но Вальдемаръ отвѣчалъ на это, что деревня ему очень нравится, и онъ никогда не подумаетъ разстаться съ этими мѣстами, если только она сама не соскучится. Эрнестина говорила, что съ нимъ ей вездѣ пріятно; этимъ и оканчивался ихъ разговоръ.

Однажды Вальдемаръ, направляясь по дорогѣ къ Росни,

замѣтилъ, что госпожа Сентъ-Адель, одна, безъ слуги, тихонько шла по тропинкѣ, извивавшейся по косогору.

Вальдемаръ свернулъ съ дороги, и пошелъ по той же тропинкѣ, за розовой дамой. Молча и въ значительномъ разстояніи онъ шелъ за нею, чтобъ не слышио было его шаговъ. Скоро госпожа Сентъ-Адель остановилась передъ однимъ развѣсистымъ деревомъ, бросившимъ густую тѣнь; она съѣла на траву, вынула изъ кармана книгу, и стала читать. Но поднявъ глаза, она увидѣла, что передъ нею стоялъ Вальдемаръ.

Живой румянецъ пробѣжалъ по лицу молодой женщины, но она старалась скрыть свое волненіе, засмѣялась и сказала Вальдемару:

— Вы здѣсь!... Право, я никакъ не думала, чтобъ вы были такъ близко возлѣ меня; вы почти испугали меня.

— Я издадека замѣтилъ васъ на этой тропинкѣ... и пошелъ вслѣдъ за вами.

— Это немножко нескромно!... А если бы я назначила здѣсь свиданіе!...

— Я тотчасъ же удалился бы, сударыня....

— Ахъ, я шучу; а вы, вѣрно, идете къ господину Мутонару?

— Точно такъ, сударыня.

— Зачѣмъ вы пошли сюда? это вамъ не по дорогѣ.... Теперь я уже знаю здѣшнія мѣста?

— А вы, сударыня, развѣ не пойдете въ Росни?

— Нѣтъ.... сегодня мнѣ не хочется.... Я буду читать подъ тѣнью этого дерева; но это не должно препятствовать вашему свиданію съ нашими добрыми сосѣдями.

— Ахъ, что же я буду у нихъ дѣлать, когда васъ не будетъ тамъ?

— Это очень лестно для меня, но не слишкомъ пріятно для дома Мутонара; впрочемъ, вы позволите мнѣ думать, что это не больше, какъ комплиментъ, и что я не имѣю никакого вліянія на ваши дѣйствія. А если это не такъ....

— А если не такъ, сударыня!...

— Тогда я принуждена буду оставить знакомство съ Мутонарами.

— Почему?... Значитъ, вамъ непріятно, что я считаю для себя удовольствіемъ быть вмѣстѣ съ вами?

— Я полагаю, что вы хорошо знаете женщинъ, значитъ, вы должны также понять, что для нихъ всегда пріятно правиться. Но бываютъ обстоятельства.... Ахъ, Боже мой! да о чемъ мы говоримъ!... Мнѣ кажется, что нашъ разговоръ можетъ быть гораздо веселѣе.... Не правда ли, сегодня прекрасная погода?

Вальдемаръ закусилъ отъ досады губу, и отвѣчалъ съ тяжелымъ вздохомъ:

— Да, сударыня.... превосходная.

Розовая дама громко захохотала, и это еще больше смутило Вальдемара. Онъ съ како-то робостію пробормоталъ:

— Сударыня, позвольте ли мнѣ съѣсть возлѣ васъ?

— Боже мой! мѣсто свободное, и если это можетъ доставить вамъ удовольствіе....

Вальдемаръ не дождался окончанія рѣчи прекрасной блондинки, и съѣлъ возлѣ нея. Они долго сидѣли другъ возлѣ друга, не говоря ни слова. Вдругъ розовая дама вскричала:

— Милостивый государь, если ваша супруга увидитъ, что вы сидите возлѣ меня въ рошѣ.... что она скажетъ?

Вальдемаръ потупилъ глаза въ землю.

— Сударыня, отвѣчалъ онъ, я замѣтилъ, что вы всегда, съ особенною настойчивостію, стараетесь завести со мною разговоръ.... о моей женѣ.

— А, вы замѣтила это? Хорошо! а я также замѣтила, что вы никогда не говорите объ ней, и признаюсь, это казалось мнѣ очень страннымъ. Кто рѣшился удалиться съ своею женою почти въ пустыню, тотъ значитъ горячо любить ее, обожаетъ.... и я говорила сама себѣ: «Это должно быть прекрасный мужъ, онъ обожаетъ свою жену!... это должно быть что-то необыкновенное!» И потому, мнѣ очень любопытно было видѣть васъ.... тѣмъ болѣе, что я много слышала объ васъ и объ вашей деревенской жизни.... Я нарисовала себѣ вашъ портретъ самый романтической.... И что

же вышло?... ваше присутствіе все разрушило.... Я увидѣла челоуѣка.... конечно, очень любезнаго.... но челоуѣка, который подобно другимъ легкомысленнымъ людямъ, воочитя за чужими женами, и никогда не говоритъ о своей.... Согласитесь, милостивый государь, что я должна была ожидать совѣтъ другаго.

Вальдемаръ не отвѣчалъ ни слова; онъ задумался. Видя, что онъ упорно хранить молчаніе, розовая дама начала снова:

— Господинъ Вальдемаръ, ваша супруга, должно быть, очень хороша?

— Да, сударыня, она прекрасна, отвѣчалъ Вальдемаръ, не поднимая глазъ.

— И, вѣроятно, у ней добрый характеръ.... Чтобы предоставить своему мужу такую свободу, чтобы позволить ему прогуливаться каждый день, а самой оставаться дома.... это показываетъ, что она всеми силами старается угодить вамъ. И ни малѣйшей ревности!... Да вы самый счастливый челоуѣкъ; не все женщины такъ добры, какъ ваша супруга....

Вальдемаръ не могъ болѣе удержаться; онъ вскочилъ и съ безпокойствомъ началъ ходить взадъ и впередъ.

Черезъ нѣсколько времени, розовая дама снова обратилась къ нему:

— Милостивый государь, вы утомитесь, если будете такъ бѣгать.... Или, можетъ-быть, комары безпокоятъ васъ.

Вальдемаръ съелъ опять возлѣ прекрасной блондинки, и сказалъ ей самымъ трогательнымъ голосомъ:

— Сударыня, я очень несчастливъ.

— Вы несчастливы, вы, а я завидовала вашей участи? Какъ я обманывалась!... Что же? ваша супруга изменила?... Или она сказала вамъ какую-нибудь непріятность?...

— Нѣтъ... нѣтъ... не то.

— Такъ что же!

— Это.... секретъ.... это тайна!... Я не могу открыть вамъ; а это еще болѣе увеличиваетъ мои мученія.

— Право, я совершенно не понимаю васъ.

— Но если бы вы, сударыня, представили, что.... что....

я не женатъ, и принимали меня за холостяка, это было бы величайшимъ для меня счастьемъ.

— Вотъ странная идея. Очень жалко, что я не могу вамъ сдѣлать этого удовольствія; но зная навѣрное, что вы не свободенъ, я рѣшительно не понимаю, какъ можно представить васъ свободнымъ. Такая мечта могла бы быть даже и опасною для меня!...

— Ахъ, если бы я былъ свободенъ, вы выслушали бы меня, вы не остались бы нечувствительными къ моей любви.... Потому-что.... я люблю васъ.... да, я люблю васъ, сударыня.... И нужно ли говорить объ этомъ? Уже ли вы не замѣтили сами?

Въ свою очередь и розовая дама встала и отошла отъ дивана. Вальдемаръ подбѣжалъ къ ней, схватилъ ея руку и сказалъ:

— Вы бѣжите отъ меня!...

— Да, я должна бѣжать; потому-что это очень дурно, что вы сказали мнѣ сейчасъ.... Женатый челоуѣкъ.... Я не удивляюсь теперь, что вы просили представить васъ свободнымъ....

— Ахъ, Боже мой! сударыня, пусть я не свободенъ, но развѣ поэтому я не могу питать къ вамъ самаго нѣжнаго чувства?... это не зависитъ отъ нашей воли... нельзя управлять своимъ сердцемъ.

— Нельзя управлять своимъ сердцемъ! вотъ прекрасное оправданіе для вѣтренниковъ. Но во всякомъ случаѣ, должно управлять своимъ разсудкомъ.

— Когда слѣдуютъ внутреннимъ разсудка, значитъ не любить.

— Вы такъ думаете? Но я знаю только то, что я никогда не буду отвѣчать любви челоуѣка, который обязанъ любить другую; и если бы я имѣла несчастіе почувствовать къ нему.... какую-нибудь склонность, то употребила бы все усилія удалиться, избѣгать ея.... хотя бы это стоило мнѣ даже большаго труда.... Прощайте.... прошу васъ, оставьте меня.... иначе вы чрезвычайно меня оскорбите.

Розовая дама сдѣлала Вальдемару холодный поклонъ, и

тотчасъ же удалилась. Онъ слѣдовалъ за нею глазами, но скоро потерялъ ее изъ вида, потому-что не смѣлъ нарушить ея запрещенія; впрочемъ, теперь говоря съ нимъ, она уже не шутила, и это доставляло ему какое-то тайное удовольствіе.

XIV.

Услужливость Гильо.

На другой день послѣ разговора подъ деревомъ, Вальдемаръ отправился къ Мутопарамъ. Но госпожа Сентъ-Адель туда не приходила; на слѣдующій день тоже. Вся недѣля протекла такимъ образомъ. Вальдемаръ сдѣлался задумчивъ и безпрестанно повторялъ про себя: «Она не хочетъ болѣе меня видѣть.» Потомъ ему приходило на умъ, что еслибы она не считала опаснымъ выслушать его, то, вѣрно, не стала бы убѣгать; послѣ такихъ размышленій, онъ останавливался на томъ, что розовая дама, конечно, не отвергла бы его любви, если бы знала, что онъ былъ не женатъ.

Но открыть это Сентъ-Адели, значило бы сдѣлаться слишкомъ неблагодарнымъ передъ Эрнестиной, послѣ ея любви и преданности къ нему. Онъ и то уже очень холодно обращался съ нею; а съ нѣкотораго времени, и совсѣмъ почти оставилъ ее. Но и вѣтренникъ иногда страшится мысли оскорбить то лицо, которое онъ обманываетъ.

Вальдемаръ не долго оставался въ Росни, когда не находитъ тамъ розовой дамы. Маренго каждый разъ повторялъ ему:

— Вѣрно, нѣтъ здѣсь твоей Дульсины; а со мною ты не хочешь и знаться. Кстати, извини меня передъ твоей прекрасной мерланской супругой... Я очень невѣжливъ, что до-сихъ-поръ ни разу еще не посѣтилъ ее; впрочемъ, я такъ здѣсь облыбился, что не могу двинуться съ мѣста. Но

все-таки, когда-нибудь я приду засвидѣтельствовать ей мое глубочайшее почтеніе. Я одну ее не променяю на дюжину розовыхъ дамъ... Я не то, что ты.

Вальдемаръ не хотѣлъ и слушать Маренго; возвращаясь изъ Росни, онъ каждый разъ заходилъ въ Нуази, и бродилъ около дома, занимаемаго Сентъ-Аделью; цѣлые часы онъ проводилъ передъ ея окнами, въ надеждѣ увидѣть ее, и отходилъ еще съ болѣею грустію, потому-что она не показывалась. Новое чувство, овладѣвшее имъ, не давало ему ни на минуту покоя; бѣдная Эрнестина была совсѣмъ забыта. Впрочемъ находясь возлѣ нел, и видя ея любовь, нѣжность и непоколебимую преданность, онъ горько упрекалъ себя въ непостоянствѣ, и вслѣдствіе старался скрыть отъ нея; свою измѣну.

Эрнестина хорошо видѣла, что Вальдемаръ уже былъ совсѣмъ не тотъ, что прежде, и что онъ часто искалъ развлеченія вдали отъ нея но она говорила сама себѣ:

— Мужчины не умѣютъ такъ любить, какъ мы; постоянное счастье, однообразная жизнь имъ кажутся скучными; имъ невозможно всегда оставаться возлѣ насъ, хотя бы расположеніе ихъ къ намъ и не уменьшалось; наша прихоть жить въ уединеніи немного похожа на романъ, а въ любви мужчины не долго могутъ быть героями романовъ. Я должна извинить Вальдемара, что онъ ищетъ теперь развлеченія въ обществѣ другихъ... Если любовь его немного охладѣла, за то можно надѣяться, что будетъ продолжительнѣе.

Такимъ-то образомъ бѣдная женщина старалась оправдать ежедневныя отлучки Вальдемара. Трудно обвинять тѣхъ, кого мы любимъ.

Однажды, Вальдемара, по обыкновенію, не было дома, а Эрнестина сидѣла въ саду; у воротъ зазвѣнѣлъ колокольчикъ. Служанка доложила Эрнестинѣ, что крестьянинъ, который выводитъ кротовъ, называвалъ-было имъ своего осла, но она уже отказала ему.

Внезапная мысль блеснула въ умъ Эрнестины.

— Позови ко мнѣ этого человѣка, сказала она... пусть онъ войдетъ въ садъ... я хочу поговорить съ нимъ.

Служанка поспѣшила кликнуть Гильо, который не замедлил вернуться, и скоро явился передъ госпожею Дюранси, таща за собою своего перазлучнаго осла.

Молодая вдова пристально посмотрѣла на крестьянина, который старался скрыть свое лукавство подъ личиною добродушія.

Ты хотѣлъ говорить съ господиномъ Вальдемаромъ? спросила она.

— Все равно, сударыня, съ нимъ или съ вами... отвѣчалъ Гильо; дѣло въ томъ, сударыня, что вотъ у меня есть оселъ, славная скотина... да случай такой вышель... мнѣ онъ не нуженъ теперь... и я продамъ бы его дешево!

— Ты знаешь господина Мутонара, что живетъ въ Ро-
снии?

— Какъ же, сударыня, я всѣхъ знаю. Кому нуженъ садовникъ, я какъ тутъ! У господина Мутонара и есть садовникъ... Фуине, да плоховатъ маленько... бѣдняга! Теперь онъ становится на ходули, когда идетъ прогуливаться съ своею женою, и думаетъ, что онъ сдѣлался и не вѣсть какой молодецъ!...

— А ты знаешь также и господина Маренго... Онъ у господина Мутонара теперь?

— Господинъ изъ Парижа... что всегда лежитъ на спинѣ и курить... Да, я знаю его... онъ, съ двумя другими, былъ однажды у васъ....

— Ну, да.

— Да, онъ теперь у Мутонаровъ; кажется, что ему тамъ понравилось, онъ и тронуться никуда не хочетъ.

Эрнестина была очень довольна тѣмъ, что Вальдемаръ не обманывалъ ее, когда говорилъ, что у Мутонаровъ онъ видится съ своимъ другомъ Маренго; она хотѣла отослать Гильо, но тотъ снова спросилъ:

— А что, сударыня, вы не купите моего осла?

— Да что я буду съ нимъ дѣлать?

— Какъ что? будете прогуливаться верхомъ, какъ розовая дама... вотъ она, такъ двухъ ословъ купила.

— А! эта дама, что живетъ недалеко отсюда?...

— Да, да... ослы только у ней болѣе упрямы... одне-го и коломъ не своротить, какъ остановится, а другой скачетъ словно угорьный, ничѣмъ не удержишь и никакой сѣдокъ на немъ не усидитъ, всякаго на-земь сбросить... А вотъ, какъ бы моего купила, такъ дѣло бы и хорошо было... мой тихъ какъ ягненокъ, дѣлай съ нимъ, что хочешь!...

— И эта дама прогуливается въ деревнѣ?

— Да, и вашъ мужъ знаетъ ее, онъ развѣ еще не далъ ей упасть, и долго велъ ея осла.

Сердце Эрнестины сжалось; эти слова безотчетно поразили ее; но она старалась скрыть свое смущеніе.

— Мой мужъ... велъ осла этой дамы? проговорила она... Ты, вѣрно, ошибся....

— Ошибся! о, нѣтъ!... я былъ недалеко отъ нихъ. Надо вамъ сказать, что я сидѣлъ въ ямѣ, и издали завидѣлъ эту даму... потомъ, смотрю, оселъ у ней остановился, и ни шага... а на которомъ ѣхала ея дѣвушка, какъ стрѣла бросился черезъ лѣсъ... Розовая дама засуетилась, и хлыстикомъ-то, и всяко-то, погоняла свою клячу, да ничто не помогло; вотъ я и смѣюсь, и говорю про себя: «Добро, тутъ безъ хлопотъ не обойдется. Это за то тебя, сударыня, думалъ я про себя, что общала купить моего осла, и помѣшала мнѣ продать его Лебуте, а потомъ и спятилась!» Вѣдь, какъ быть-то? досадно, сударыня.

— А потомъ?

— Потомъ? да къ несчастью, скоро подоспѣлъ вашъ мужъ, и помогъ розовой дамѣ; онъ взялъ осла за морду... потомъ даму также... Ахъ, нѣтъ... она сидѣла верхомъ... ну, онъ осла и стацилъ съ мѣста....

— Ну, что-жь? послѣ того, вѣрно, они и разстались?

— Нѣтъ, онъ пошелъ съ нею, и они стали разговаривать и смѣяться, словно какъ два пріятеля. «Эхъ, подумалъ я, больно скоро свели знакомство!» Али, можетъ

статья, они давно уже знакомы?... Ну, да не мое дело....

— После того что?

— После того? после того, они вдвоем пошли в лес, там долго были; а потом, уж я увидял их вместе съ служанкой, у которой осель-то скакаль... ваш муж велъ обоихъ ословъ... одного подгоняль, а другаго сдерживаль; это должно быть измучило его... Потомъ, они повернули по дорогъ въ Нуази, и я потерял ихъ изъ глазъ... Да развѣ вашъ мужъ не рассказываль вамъ объ этомъ? Эхъ, господа не разболтаются много!....

— Къ чему же? объ этомъ не стоило и рассказывать!... отвѣчала Эрнестина, силась подавить свое волненіе... А послѣ того, ты не встрѣчалъ ихъ вмѣстѣ?...

— Нѣтъ... не случалось. Ну, да вѣдь, если имъ захочется поболтать, такъ могутъ видѣться....

— Гдѣ?

— Да какъ гдѣ? у господина Мутонара.

— Развѣ эта дама бываетъ въ Росни?

— Вотъ тебѣ на!... да почти каждый день она бываетъ тамъ... и вашъ-то супругъ также, и не мудрено, что они встрѣчаются тамъ... Поэтому-то мой осель и очень бы пригодился господину Вальдемару, а то онъ бѣгаетъ, какъ заяць... весь въ поту! вѣдь этакъ онъ, пожалуй, захвораетъ; а купилъ бы лучше моего осла, и вздиль бы взадъ и впередъ до Росни....

Эрнестина страшно поблѣднѣла, вся кровь ея бросилась къ сердцу; она вдругъ поняла, или лучше угадала всю истину. Чтѣ-то шептало ей, что Вальдемаръ влюбленъ въ эту женщину, которая слыветъ подъ именемъ розовой дамы; что для нея онъ ходитъ каждый день въ Росни; что изъ-за этой женщины онъ оставилъ, бросилъ ее, и совершенно измѣнился; что эта-то женщина похитила у нея сердце и любовь Вальдемара. Достаточно было мгновенія, чтобы понять все это; она не видѣла еще никакого доказательства измѣны Вальдемара; но въ любви бываютъ предчувствія, которыя никогда не обманываютъ, и Эрнестина не сомнѣвалась уже въ своемъ несчастіи.

Госпожа Диоранси неподвижно сидѣла на дерновой скамейкѣ, опустивъ глаза въ землю; неожиданная новость, казалось, жестоко терзала ее. Гильо, для котораго молчаніе составляло родъ пытки, не могъ дожидаться никакого вопроса отъ Эрнестины; черезъ минуту, онъ снова завелъ разговоръ:

— Доложу вамъ, что я не люблю мѣшаться въ чужія дѣла: всякъ живетъ себѣ, какъ хочетъ. У Мутонаровъ принимаютъ всякаго прохожаго, забавляютъ гостей, и пусть ихъ веселятся. Но эта розовая дама... такая чопорная, такая жеманная....

— А ты не знаешь, замужная эта дама, или нѣтъ?

— Она вдова.

— Вдова? ты вѣрно знаешь?

— Да, да, лакей ея, съ которымъ иногда мы болтаемъ вечеромъ, сказываль мнѣ, что госпожа его вдова. Но этого ужъ не знаю, сколько у ней было мужей.... вѣдь, въ свѣтъ бываютъ разныя вдовы!...

— Она молода?

— Очень молода: то-есть, по правдѣ-то, я не знаю, который ей годъ. Разъ, къ слову, я спросилъ-было у ея человѣка: «А чтѣ, который годъ вашей госпожѣ?» Да онъ запоролъ свое: «Откуда это вы пріѣхали? годы спрашиваютъ у лошадей, а не у женщин!»—Вотъ тебѣ разъ! я говорю ему, а въ Мерланѣ такъ напротивъ; скрываютъ годы у скота, а годы женщинъ всѣмъ известны.»

— А часто она бываетъ у господина Мутонара?

— Розовая-то дама? она ходитъ туда каждый день. Ахъ, постойте, нѣтъ! вотъ ужъ нѣсколько дней она не была тамъ, и сидитъ все дома. Мнѣ лакей ея сказываль.

Въ сердцѣ Эрнестины снова блеснулъ лучъ надежды: розовая дама нѣсколько уже дней не была въ Росни, а между тѣмъ Вальдемаръ постоянно туда ходитъ; значить не для нея онъ бываетъ у Мутонара. Она съ безпокойствомъ посмотрѣла на Гильо и спросила:

— Ты навѣрное знаешь, что эта дама нѣсколько уже дней не была въ Росни?

— Да, это верно, сударыня; я ведь сказалъ вамъ, что мнѣ человекъ ея рассказывалъ объ этомъ; а вотъ нынче утромъ онъ спрашиваетъ у меня: «Гильо, тебѣ всѣ знакомы здѣсь, скажи, пожалуйста, не знаешь ли, что это за чудакъ по цѣлымъ часамъ ходитъ передъ нашимъ домомъ и все посматриваетъ на окна?... Я боюсь, ужъ не воръ ли это какой?» И онъ показалъ мнѣ издали на господина, который, въ самомъ дѣлѣ, ходилъ взадъ и впередъ, какъ будто что подсматривалъ. Я такъ и померъ со смѣха:—«Не бойся, не бойся, говорю ему..... тутъ нѣтъ никакой опасности.... это изъ Мерлана.... господинъ Вальдемаръ....» Я тотчасъ же узнала вашего супруга... а теперь знаю и ваше имя, сударыня.... Сначала, я не знала. Потомъ слуга этой дамы и спрашиваетъ меня:—«Да для чего же онъ ходитъ тутъ?»—Извѣстно, говорю я, лучше бы зайти въ домъ, ведь онъ знакомъ съ вашей барыней... Да вотъ, поди! находить же на людей такая блажь!...» Ужъ поохотали же мы съ нимъ вдводемъ....

Эрнестина опустила голову на грудь; лучъ надежды, прокравшійся въ ея сердце, потухъ, потухъ навсегда; нельзя было сомнѣваться, что Вальдемаръ любилъ другую. Эрнестина спросила прерывающимся голосомъ:

— Эта дама живетъ недалеко?...

— Да, тутъ и есть, какъ войдешь въ Нуази; это будетъ ближе, чѣмъ до Росни.

— А ты... тамъ видѣлъ... господина Вальдемара?

— Да еще и часу нѣтъ, какъ онъ тамъ былъ; онъ все ходилъ мимо дома, взадъ и впередъ. Должно быть ему очень приглянулось въ Нуази... а что бы, кажется, тамъ? Вотъ подумаешь, кому что понравится.... Недалеко сказать, хоть личицу... всякой любить по-своему; я такъ смерть люблю личицу съ свинымъ жиромъ.

Эрнестина вынула изъ кармана кошелекъ и подала Гильо:

— Возьми это, сказала она.... и оставь меня....

Гильо сосчиталъ деньги; въ кошелекъ было двадцать-пять франковъ. Онъ подумалъ немножко, потомъ сказалъ:

— Сударыня, этого маловато... право, мой оселъ дороже стѣить...

— Да это тебѣ... возьми съ собою и осла, мнѣ не нуженъ онъ, сказала Эрнестина, сдѣлавъ знакъ, чтобы онъ удалился.

Тѣмъ расчетъ очень понравился Гильо; онъ поклонился Эрнестинѣ до земли и поспѣшилъ увести своего осла.

Страданія любви—самыя жестокия, самыя ужасныя страданія, какія только терзаютъ наше сердце; но когда они поражаютъ насъ нечаянно, какъ удары грома, то представляются какими-то трезами; даже и тогда влюбленные не хотѣть вѣрить въ свое несчастье, когда уже вовсе нельзя сомнѣваться въ этомъ.

Эрнестина была уничтожена: въ нѣсколько минутъ ея счастье исчезло, положеніе измѣнилось, планы разрушились.... Еще обыкновенныя страданія, удары судьбы, могутъ загладиться, еще можно снова найти и богатство, и почести и друзей; но нельзя возвратитъ потерянной любви.

Эрнестина, перебирая въ своей памяти поступки Вальдемара, говорила сама съ собою: «Какъ я не догадывалась прежде, что онъ уже не любилъ меня? Какъ я была глупа и слѣпа! Каждый день онъ выходилъ безъ меня и возвращался печальнымъ, задумчивымъ, разсѣяннымъ; когда я говорила ему о любви своей, онъ, казалось, вовсе не слушалъ меня; возлѣ меня онъ былъ молчаливъ и невнимателенъ, разговоры его были отрывочны, ласки принужденны, самыя пощелки были холодны, и я не замѣчала этого! Ахъ! значить, я не могла и не хотѣла думать, чтобы когда-нибудь онъ пересталъ меня любить! Но почему не признаться мнѣ въ истинѣ? для чего обманывать меня?... онъ можетъ оставить меня, и если онъ не покидаетъ меня, такъ можетъ-быть только изъ жалости!»

Эрнестина проплакала цѣлый день. Впрочемъ, когда услышала, что Вальдемаръ возвратился, она поспѣшно отерла слезы и старалась придать своему лицу веселое выраженіе.

Не смотря на новое чувство, наполнявшее его душу, Вальдемаръ былъ пораженъ переменою въ лицѣ госпожи Дюранси, и съ безпокойствомъ спросилъ, не больна ли она. Она

сослалась на легкое нездоровье, прибавивъ, что покой подкрѣпить ее. Потомъ, когда Вальдемаръ не могъ того замѣтить, Эрнестина всматривалась въ него; она ужаснулась, замѣтивъ печаль въ его взглядахъ и перемены въ его лицѣ. Она поняла, что и онъ также несчастливъ, и готова была забыть его вину, раздѣлить его горе и плакать вмѣстѣ съ нимъ.

Подъ вечеръ, Эрнестина спросила Вальдемара, не хочетъ ли онъ немножко прогуляться съ нею; молодой человекъ тотчасъ же подавъ ей руку, и Эрнестина была въ упоеніи. Она старалась провести своего друга по всѣмъ мѣстамъ, которыя они посѣщали вмѣстѣ въ первое время ихъ пребыванія въ этой сторонѣ, когда онъ такъ любилъ ее и она была такъ счастлива.

По временамъ, останавливаясь подъ тѣмъ деревомъ, или на той лужайкѣ, гдѣ они сидѣли некогда другъ возлѣ друга, Эрнестина смотрѣла на Вальдемара, чтобы найти въ его глазахъ легкое воспоминаніе ихъ прежней любви. Но онъ былъ задумчивъ, вздыхалъ и уже не смотрѣлъ на нее. И молодая женщина говорила про себя: «Все кончено! Все кончено!»

Потомъ, они возвратились домой, одна глотая свои слезы, другой стараясь скрыть свои вздохи.

XV.

Послѣднія мечты.

Прошло нѣсколько недѣль. Наступила осень, но погода стояла еще прекрасная; только для Эрнестины природа потеряла свою прелесть, и лучи осенняго солнца уже не радовали ея.

Вальдемаръ былъ также задумчивъ, какъ и та, которую онъ обманывалъ. Явленіе довольно рѣдкое: обыкновенно измѣнившіе бываютъ веселы, и одни покинутые печальны; правда, Вальдемаръ былъ невѣренъ только вполвину, въ-

роитно потому, что не видѣлъ еще взаимности въ предметъ новой своей страсти.

Розовая дама очень рѣдко ходила къ Мутонарамъ; и, когда встрѣчала тамъ Вальдемара, старалась не оставаться съ нимъ на-единѣ, такъ что ему не было никакой возможности поговорить съ нею тайкомъ. Это еще болѣе воспаляло любовь Вальдемара; онъ не могъ скрывать своей досады, но хорошенькая блондинка какъ будто и не замѣчала этого.

Маренго, и сквозь табашный дымъ, видѣлъ все происходившее вокругъ него, и не переставалъ говорить своему другу:

— Розовая дама проводитъ тебя.... Она шутить, да понимаетъ свое дѣло.... она надуетъ тебя.

Вальдемаръ притворялся, что не понималъ словъ Маренго, но возвращаясь домой еще печальнѣе, чѣмъ былъ прежде. И такъ какъ нравственные страданія сильно и скоро дѣйствуютъ на физическую природу человека, то Вальдемаръ ужасно измѣнился; онъ сдѣлался худъ и блѣденъ; глаза ввалились, лобъ сморщился; казалось, Вальдемаръ впалъ въ сильную чахотку.

И Эрнестина, съ своей стороны, не походила уже болѣе на себя; грусть измѣнила ее. Но Вальдемаръ не замѣчалъ перемены въ той, которая такъ любила его, между тѣмъ какъ молодая женщина видѣла его страданія, и была еще столько добра, что беспокоилась объ немъ. Рѣшительно, женщины гораздо выше мужчинъ!

Эрнестинѣ хотѣлось объясниться съ Вальдемаромъ. Каждый день она говорила себѣ:

— Онъ не любитъ меня болѣе.... онъ несчастливъ со мною.... Я должна удалиться и возвратить ему свободу.

И когда Вальдемаръ находился возлѣ нея, она старалась, между разговорами, выпытать отъ него тайну.

— Ты, кажется, печаленъ, мой другъ, говорила она, пристально смотря ему въ глаза: что лежитъ у тебя на сердцѣ?... Можетъ-быть, деревня наскучила тебѣ ... или мое

общество неприятно уже для тебя.... Скажи, мой другъ, откровенно.... Ты не любишь меня болѣе, не правда ли?....

Но Вальдемаръ, вспоминая все, чѣмъ пожертвовала для него госпожа Дюранси, всегда отвѣчала на эти вопросы, что онъ все тотъ же, что деревня ему не наскучила и сердце его не измѣнилось.

Эрнестина была увѣрена, что Вальдемаръ обманывалъ ее, но не имѣла силы обличить его.

— Онъ еще не совсѣмъ разлюбилъ меня, думала она, и потому не хочетъ меня оскорбить.

Между тѣмъ, это положеніе было невыносимо для обоихъ, и не могло долго продолжаться.

Однажды, Вальдемаръ вышелъ, по обыкновенію, прогуливаться. Эрнестина, замѣтивъ, что онъ уже удалился, взяла шляпку и шаль, и рѣшилась также идти.

— Я узнаю, говорила она, куда онъ ходитъ.... что онъ дѣлаетъ.... я увижу, быть-можетъ, мою соперницу..... и рѣшу все за-разъ.

Но молодая женщина вдругъ остановилась. Слѣдить за Вальдемаромъ, подсматривать за его поступками, это показалось ей слишкомъ низко для нея. Она готова уже была отказаться отъ своего намѣренія; но и жить въ безпрерывныхъ мученіяхъ, въ томительной неизвѣстности, было тяжело, убійственно для ея сердца. Эрнестина уступила чувству, которое влекло ее; она вышла изъ дома; проходя полемъ, она смотрѣла во всѣ стороны, въ надеждѣ увидѣть Вальдемара; но глаза ея напрасно искали его; Вальдемара нигдѣ не было видно.

Эрнестина шла все дальше и дальше; она миновала деревню Мерланъ, и дошла до перекрестка, гдѣ расходятся дороги въ Вильмомбль, въ Росни и въ Нуази. Тутъ она остановилась въ недоумѣніи; у нея родился вопросъ, пошелъ ли тотъ, кого она ищетъ, къ Мутонарамъ, или, можетъ-быть, бродитъ около жилища розовой дамы.

Знакомый голосъ прервалъ размышленія Эрнестины. То былъ Гильо. Онъ шелъ возлѣ своего осла, на которомъ си-

дѣлъ другъ его Лебуге. Послѣдній, казалось, былъ очень пьянъ и съ трудомъ держался на ослѣ.

— Эй братъ, Лебуге, говорилъ Гильо, ты славно ѣдешь верхомъ.... Наклонись на-право.... Этотъ оселъ, какъ будто для тебя и созданъ.... Послушай, согласенъ, что ли, те-перь?.... Наклонись на-лѣво.... Если бы ты приударилъ его каблуками, вотъ какъ бы онъ пошелъ скакать... Ну же, наклонись на-лѣво... Славно бы тебѣ было ѣздить на немъ съ рывой въ Парижъ.... Эй, держись за гриву.... Что съ тобою сдѣлалось? свалился.

Лебуге, вѣроятно, уже слишкомъ покачнулся на-лѣво, и упалъ подъ осла, а оселъ счелъ очень приличнымъ лечь на своего всадника; Гильо хохоталъ во все горло. Но замѣтивъ Эрнестину, онъ успѣшилъ поднять своего осла на ноги, и подвелъ его къ молодой дамѣ, сказалъ ей:

— Сударыня, онъ никогда не ложится! это Лебуге уронилъ его.... не угодно ли вамъ прогуляться верхомъ, будете довольны, сударыня.

Эрнестина поблагодарила, и, давъ ему серебряную монету, спросила у него, по которой дорогѣ надо идти къ розовой дамѣ. Гильо показалъ ей дорогу, и прибавилъ:

— Вы тамъ встрѣтитесь съ вашимъ мужемъ... онъ прогуливается въ рощѣ, на-лѣво отъ дороги..... Онъ, должно быть, васъ дожидаетъ, видно по всему, что онъ ждетъ ко-го-то.

Этого было довольно для Эрнестины. Она съ трепетомъ пошла впередъ. Проходя по показанной ей дорогѣ, она безпрестанно осматривалась, не увидитъ ли гдѣ Вальдемара. Не видя никого, она рѣшилась идти дальше, возлѣ густыхъ кустовъ бузины.

Вдругъ ей послышались голоса. Она остановилась и стала вслушиваться.... Точно, слухъ ее не обманулъ.... Разговаривали вблизи, по другую сторону кустовъ. Она подошла къ тому мѣсту, откуда неслись голоса, и взглянула сквозь чашу кустарника. Вальдемаръ сидѣлъ на лугу, возлѣ какой-то женщины, одѣтой съ изящною простотою.

Дрожь пробѣжала по телу Эрнестины, ноги ея подко-

сились... она принуждена была съезъ; отсюда нельзя было видѣть ее, но она могла слышать весь разговоръ. Эрнестина внимательно смотрѣла на розовую даму; прелесть и красота ея соперницы отняли и послѣднюю ея надежду.

Вальдемаръ держался въ почтительномъ разстояніи отъ прекрасной блондинки; физіономія которой, въ тотъ разъ, была веселѣе обыкновеннаго; но казалось, она не съ большимъ удовольствіемъ слушала разговоръ своего собесѣдника.

— Какъ я счастливъ сегодня, сказалъ Вальдемаръ, такъ давно я не видѣлся съ вами, сударыня!

— Какъ давно? третьяго дня мы видѣлись въ Росни.

— Но тамъ, я какъ будто не былъ съ вами; я не могъ вамъ сказать ни одного слова... вы ни на минуту не оставляли общества.

— Да, я люблю общество; я не похожу на вашу супругу, которая, кажется, рѣшилась никому не показываться.

Вальдемаръ опустил глаза. Эрнестина вперила въ него свой взоръ; не смотря на всѣ страданія, какія ей привелось испытывать въ эти минуты, она была тронута блаженностью и печалью Вальдемара. Черезъ минуту, Вальдемаръ началъ снова:

— Вы никогда не хотите слушать меня, сударыня?

— Васъ слушать? А теперь, что же я дѣлаю?

— Ахъ, сударыня! вы знаете, что я хочу сказать вамъ.... вы знаете все, что я чувствую къ вамъ..... ахъ, вы знаете, что я люблю васъ!.....

Эрнестина закрыла лицо платкомъ, и залилась слезами; но она все-таки не переставала слушать, хотя эти слова раздирали ея сердце.

— Милостивый государь, отвѣчала розовая дама съ важностію: если бы я полюбила кого-нибудь, то я хотѣла бы обладать имъ безъ раздѣла. Я не допускаю, чтобъ можно было за-разъ принадлежать двоимъ; вы не свободны, потому-что женаты, не правда ли, милостивый государь?...

Вальдемаръ склонилъ голову и молчалъ.

— Для чего же вы ухаживаете за мной, милостивый государь?.... Да, вы отвѣтите мнѣ, что не лъзя владѣть

своимъ сердцемъ, своими чувствами; вы уже говорили мнѣ это!... Дѣйствительно, это правда, я сама испытала....

— Какъ это, сударыня?

— Ахъ, я не должна вамъ говорить.

— Почему же?...

— Это ни къ чему не поведетъ; зачѣмъ говорить кому-нибудь, что полюбилъ бы его, если бы онъ былъ свободенъ, но какъ онъ не свободенъ...

— Ахъ, сударыня.... такъ это возможно!... вы полюбилъ бы меня?...

— Если бы вы не были женаты; но вы вѣдь женаты, не правда ли?...

И глаза розовой дамы остановились на Вальдемарѣ съ какою-то грустію; Эрнестина затаила дыханіе, чтобы не пропустить отвѣта.

Черезъ нѣсколько минутъ, Вальдемаръ пробормоталъ едва слышимымъ голосомъ:

— Да, сударыня.... да, я женатъ.

Камень спалъ съ сердца Эрнестины, между тѣмъ какъ въ глазахъ прекрасной блондинки выразилась досада. Она поспѣшно встала и сказала взволнованнымъ голосомъ:

— Въ такомъ случаѣ, милостивый государь, намъ бесполезно видѣться.... Я открыла вамъ мой образъ мыслей и не перемѣню его....

Розовая дама удалилась, и Вальдемаръ не сдѣлалъ ни малѣйшаго усилія удержать ее; но, казалось, онъ такъ былъ тронутъ, такъ глубоко опечаленъ, что Эрнестина сжалась надъ его страданіемъ, и досадовала на свою соперницу, что она сдѣлала его столько несчастнымъ. Можетъ - быть, это покажется довольно невѣроятнымъ, а между-тѣмъ есть женщины, любовь которыхъ доходитъ до этой степени.

Эрнестина не хотѣла, чтобъ Вальдемаръ замѣтилъ, что она слѣдила за нимъ. Она поспѣшила вернуться домой; сердце ея не было спокойно послѣ того, что она слышала; по крайней-мѣрѣ, она не такъ уже страдала; Вальдемаръ не сознался, что онъ свободенъ, и ей казалось, что Вальдемаръ еще не совсѣмъ разлюбилъ ее, и что для ней осталась

надежда снова привязать его къ себѣ. Послѣ того, чему она была свидѣтельницей, казалось бы, немного трудно дѣлать еще въ себѣ какую-нибудь надежду, но въ дѣлахъ любви, долго дѣлать и несбыточные мечты; есть даже и такіе люди, которые никогда не теряют надежды.

Возвратясь домой, Эрнестина съ нетерпѣніемъ ожидала прихода Вальдемара. Она хотѣла своими заботами, нежностью и любовью, отблагодарить его за скромность передъ этой дамой, которая съ такою настойчивостію спрашивала его, женатъ ли онъ. Но часы проходили, а Вальдемаръ не возвращался. Молодая женщина начала беспокоиться, потому что никогда еще Вальдемаръ не забывалъ придти къ обѣду. Наконецъ, у воротъ зазвѣнѣлъ колокольчикъ.

Эрнестина бросилась, чтобы скорѣе увидѣть Вальдемара. Но вмѣсто того, кого она ожидала, передъ ней явился Маренго, одѣтый довольно опрятно. Онъ подошелъ къ Эрнестинѣ и отвѣсилъ ей низкій поклонъ:

— Сударыня, имѣю честь.... наконецъ, вотъ и я.... Вы, я думаю, считаете меня за..... ну, не скажу.... это животное, которое доставляетъ жиръ. Словомъ сказать, съ тѣхъ поръ, какъ я такъ радушно былъ принятъ у васъ, вы не видѣли меня..... между тѣмъ, я жилъ по сосѣдству, у Мутонаровъ, въ семействѣ дынь.... Впрочемъ, мнѣ тамъ очень понравилось.... но все-таки это не можетъ извинить моей невѣжливости....

— Помилуйте, въ деревнѣ....

— Ахъ, сударыня, въ деревнѣ или въ другомъ мѣстѣ, но знаю, что я невѣжа, дѣлтай... мужикъ, на-отрѣзъ скажу....

— Милостивый государь....

— Рышено! Но я зналъ также, что вы крайне добры, чрезвычайно снисходительны.... Я вполне цѣню васъ, сударыня, я тотчасъ понялъ васъ и сказалъ: «Эта дама извинитъ меня!» И я пришелъ просить у васъ прощенія.... къ самому обѣду, потому-что это удобнѣе.... Обѣдать и говорить.... если только это не обезпокоитъ васъ.

— Напротивъ, очень пріятно.

— Вальдемаръ дома?

— Нѣтъ, онъ еще не возвращался, и признаюсь, это беспокоитъ меня, онъ никогда не имѣлъ обыкновенія такъ запаздывать.... Онъ въ Росни?

— Я не видалъ его.... Онъ прогуливается.... О, онъ возвратится. Вы думаете, что съ нимъ случилось что-нибудь?... здѣсь спокойно.... воровъ нѣтъ!...

— Но скоро наступитъ ночь.... онъ знаетъ, что я жду его.... Лучше бы онъ остался....

Эрнестина отвернулась, чтобы скрыть слезы, которыхъ она не могла болѣе удерживать. Маренго, замѣтивъ перемѣну въ лицѣ молодой женщины и угадывая причину ея горести, сильно былъ тронутъ ея слезами; этотъ беззаботный человекъ въ первый разъ почувствовалъ жалость при видѣ печали другаго. Онъ самъ удивился тому, что испытывалъ въ своей душѣ въ эту минуту; онъ не подозрѣвалъ въ себѣ такой чувствительности.

Эрнестина отерла платкомъ глаза, и старалась принять спокойный видъ.

— Обѣдъ готовъ, сказала она.... не угодно ли вамъ сѣсть за столъ....

— Спать некуда, сударыня, отвѣчалъ Маренго; аппетитъ мой прошелъ. Подождете Вальдемара.

— Боже мой!... что съ нимъ случилось?...

— Помилуйте, что же съ нимъ могло случиться?... Въ воду онъ не упадетъ, потому-что здѣсь нѣтъ воды....

— Онъ былъ такъ печалень.... такъ разстроенъ....

— Мнѣ кажется, что и вы не веселѣе.... и я угадываю причину вашей грусти....

— Вы угадываете....

— Какъ колдунъ!... Вальдемаръ оставляетъ васъ.... онъ рѣшается забыть васъ, потому-что волочится за маленькой кокеткой въ розовомъ платьѣ, которая смѣется надъ нимъ....

— Какъ! вы знаете?...

— А вы думаете, что я не замѣчалъ ничего, прозябалъ въ семействѣ огурцовъ?... Лежа на спинѣ, съ трубкой въ зубахъ, я хорошо видѣлъ все, что происходило около меня,

и не пропускалъ ни одного слова!... Слышалъ я такіе разговоры!... Я не старался подслушивать.... но думаютъ, что я сплю, и болтаютъ возлѣ меня.... Не дальше какъ вчера, это были три замужнія женщины.... племянница.... жена плотника Корентьена.... то бишь архитектора, толстуха Замбоне, да другая сосѣдка, такая чопорная. Эти женщины говорили о замужествѣ. Толстая Замбоне сказала порядочную глупость; я не думаю, чтобъ она о себѣ это говорила: Жена архитектора отвѣчала: «Любовь пріятна только въ началѣ.» Наконецъ, третья дама вскричала со вздохомъ: «Мнѣ такъ нужна любовь, что думаю, я снова влюблюсь въ своего мужа!..» Вотъ нескромныя признанія!... но извините, это для васъ незанимательно. А что касается до розовой дамы, которая слыветъ подъ именемъ Сентъ-Адели!...—это имя!.. и которая любезничаетъ съ Вальдемаромъ, я увѣренъ, что это какая-нибудь кокетка, интригантка!...

— Въ самомъ дѣлѣ!... вы думаете....

— Я ужасно сержусь на Вальдемара, за то что изъ-за нея онъ оставилъ васъ, васъ.... которая стоите во сто разъ дороже..... Ахъ, не считите моихъ словъ за комплименты!... васъ, которая пожертвовала для него своимъ именемъ!... Я могу это сказать вамъ.... между нами, это не должно оскорблять васъ....

— О, нѣтъ!... но ужели и въ Росни, у этихъ людей, гдѣ вы живете, знаютъ, что я не жена Вальдемара?

— Могу васъ увѣрить, что тамъ васъ считаютъ за мужа и жену.... по этому-то обхожденію розовой дамы мнѣ и кажется очень неприличнымъ, развѣ Вальдемаръ признался ей, что онъ холостъ....

— Нѣтъ, онъ не говорилъ ей этого, я увѣрена. Если бы онъ признался, меня бы здѣсь уже не было!... Я оставила бы Вальдемара.... и возвратила бы ему свободу....

— И прекрасно бы сдѣлали; это лучшее средство наказать Вальдемара.

— О, я думаю, онъ не пожалѣетъ объ этомъ!...

— Сначала, можетъ быть; но скоро спохватится. Впро-

чемъ, все равно, а мнѣ сдается, что эта госпожа Сентъ-Адель не безъ цѣли поселилась здѣсь по сосѣдству....

— Вы думаете?...

— Я постараюсь развѣдать объ этомъ....

— Ахъ, господинъ Маренго, если вы узнаете что-нибудь объ этой дамѣ, пожалуйста, тотчасъ же извѣстите меня.

— Не беспокойтесь.... будетъ исполнено.... но больше не плакать, не горевать.... Ахъ, Боже мой! если бы вы знали людей такъ, какъ я ихъ знаю, вы увидѣли бы, что они не стоить и одной вашей слезы!

Приходъ Вальдемара прервалъ этотъ разговоръ. Увидѣвъ того, о комъ такъ беспокоилась, Эрнестина вскрикнула отъ радости и побѣжала къ нему на встрѣчу; но Вальдемаръ холодно обошелся съ нею и едва отвѣчалъ на ея ласки; Маренго чуть не вышелъ изъ себя:

«Еще одинъ безумецъ, подумалъ онъ, который какъ сыръ въ маслѣ катался, и лѣзетъ теперь въ крапиву.... а потомъ, будетъ жаловаться на женщинъ!.. говорить, что его не любятъ!...

Обѣдъ былъ очень скученъ. Вальдемаръ почти не вымолвилъ ни слова; Эрнестина вздыхала; Маренго, у котораго снова родился прекрасный аппетитъ, ѣлъ и пилъ за четверыхъ. Но тотчасъ же послѣ кофе, онъ раскланялся съ Эрнестиной, пожалъ руку Вальдемару и отправился домой, сказавъ ему тихоюшко:

— Любезный другъ, не стоить большаго труда увезти женщину въ деревню, и послѣ бросить ее.... Если она не оставляетъ тебя, значить, она любитъ безпредѣльно.... Ты очень счастливъ, что могъ внушить такую любовь.... Меня никогда не любили и въ четверть этого, однако сегодня, въ первый разъ, я замѣтилъ, что и у меня есть сердце. Какъ жаль, что я такъ безобразенъ!

Прежде чѣмъ Вальдемаръ нашелся, что отвѣчать, Маренго былъ уже далеко.

XVI.

Какъ Маренго устроиваетъ дѣла.

Маренго положилъ остаться въ Росни лишь нѣсколь-
ко дней: онъ довольно уже сдѣлалъ для семейства Муго-
нара; приучилъ Эдипа вертѣть карусель, прибавилъ роста
маленькому садовнику, вмѣсто дѣны выростилъ редиску;
такой платы ему казалось достаточно за ихъ гостепрѣим-
ство.

Но съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ слезы Эристинны, онъ
вздумалъ исправить Вальдемара, или по-крайней-мѣрѣ
узнать, кто такая розовая дама. Исправить человека! пред-
пріятіе очень трудное; но Маренго любилъ трудности.

Маленькая блондинка не являлась болѣе въ Росни.
Маренго, не смотря на свою склонность къ покою, захотѣлъ
узнать эту даму въ ея собственномъ жилищѣ. Вѣроятно,
госпожа Дюранси задѣла его за-живое, что онъ рѣшился
преодолѣть свою лѣнь.

Въ одно утро, Маренго подходилъ къ домику, занимаемо-
му розовой дамой въ то самое время, какъ слуга вышелъ
оттуда. Маренго, не колеблясь, прямо подошелъ къ это-
му человеку и спросилъ у него:

— Дома ваша госпожа?

— Госпожа Сентъ-Адель? спросилъ лакей, насмѣшливо
осматривая Маренго.

— Эхъ, нѣтъ!... госпожа.... Боже мой! забылъ другое
ея имя. Я знаю, что она живетъ здѣсь подѣ именемъ Сентъ-
Адели, но это не настоящее ея имя.

Слуга съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Маренго. Тотъ про-
должалъ дѣлать видъ, будто напоминаетъ имя.

— Госпожа.... госпожа.... госпожа.... Ахъ, чортъ возь-
ми! На языкъ такъ и вертится ея имя.... Госпожа....
госпожа.... госпожа....

Слуга, вида, что незнакомецъ непременно рѣшился вспо-
мнить настоящее имя его госпожи, вскричалъ въ нетер-
пѣніи.

— Госпожа Лостанжъ!...

— Ну, вотъ!... госпожа Лостанжъ.... Я только что хо-
телъ выговорить.... Бываютъ такіе глупые дни, когда
никакъ не можешь припомнить имени....

— Вы знаете ее?

— Чортъ возми!... странный вопросъ!... Знаю ли я го-
спожу.... Лостанжъ, вы говорите? Конечно, знаю....

— Она вышла прогуливаться; не угодно ли вамъ по-
дождать....

Маренго, не находя побудительной причины своему по-
сещенію, очень былъ радъ, что розовой дамы не было до-
ма. Онъ сказалъ, что придетъ въ другой разъ, и отпра-
вился дальше.

— Позвольте, сударь, узнать ваше имя, вскричалъ слуга.

— Это не нужно, отвѣчалъ Маренго. Нарисуйте мой порт-
ретъ, и меня тотчасъ узнаютъ....

«Я узналъ ея настоящее имя, сказалъ про себя Марен-
го; но этого еще мало.... Къ чему эта таинственность?...
Есть цѣль у этой дамы.... но какая? Если бы я могъ до-
вести ее до того, чтобы она сама мнѣ сказала объ этомъ....
затронувъ ея самолюбіе.... Это старое средство, но оно
всегда удается....»

Въ это время, Маренго увидѣлъ прекрасную блондинку;
она сидѣла на травѣ и читала, или по-крайней-мѣрѣ, дѣ-
лала видъ, что читаетъ; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея
сидѣла ея горничная. Маренго подошелъ къ розовой дамѣ,
которая, вѣроятно, ожидала другой встрѣчи, и на его при-
вѣтствіе отвѣчала какой-то особенной миной. Это нисколь-
ко не смутило Маренго; онъ сѣлъ возлѣ нее и сказалъ:

— Давно мы не имѣли удовольствія видѣть васъ, суда-
рыня, у почтенныхъ Мугонаровъ?

— Это правда, отвѣчала блондинка; но не все же такъ
постоянны, какъ вы....

— Да, я очень постояненъ! отвѣчалъ Маренго; и въ са-

момъ дѣлъ, не вся люди могутъ похвалиться тѣмъ же.... начиная съ почтеннаго моего друга Вальдемара. Онъ такъ же гораздо рѣже теперь бываетъ въ Росни.... Но это удивительно, сударыня, онъ не встрѣчаетъ тамъ васъ.

Лицо блондинки подернулось яркимъ румянцемъ.

— Почему вы полагаете, милостивый государь, спросила она: что... вашъ другъ, господинъ Вальдемаръ посѣщаетъ Росни для меня?

— Ахъ, сударыня!... надо быть слѣпымъ.... Но можно быть безобразнымъ и хорошо видѣть, сударыня.... Послѣ всего, что я замѣтилъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ.... На его мѣстѣ, я сдѣлалъ бы то же самое. Встрѣчаешь въ деревнѣ какую-нибудь даму; знакомишься.... Дама окружаетъ себя таинственностію, одѣвается въ розовое платье, перемѣняетъ имя. Говоришь себѣ: «Я одержалъ побѣду.... эта женщина безъ ума отъ меня....» потомъ врѣжешься, а послѣ и останешься самъ въ дуракахъ.

Блондинка вспыхнула, потомъ поблѣднѣла; брови ея намурились, лобъ сморщился и она отвѣчала голосомъ, выражавшимъ гнѣвъ и досаду:

— Милостивый государь, на чемъ вы основываете такія предположенія? Съ чего вы взяли, что я имѣла намѣреніе забавляться надъ господиномъ Вальдемаромъ?

— Если это не правда, сударыня, такъ позвольте вамъ сказать, что ваше поведеніе довольно безразсудно. Позвольте за собой волочиться челоуѣку женатому!...

— Господинъ Вальдемаръ не женатъ!...

— Ахъ, вы знаете это, сударыня? Такъ другое дѣло; я полагалъ, что вамъ это неизвѣстно. Но, перемѣнять имя.... гмъ!... я очень мало имѣю довѣрія къ дамъ, которая перемѣняетъ имя.... Для чего называться Сентъ-Аделью, когда зовутъ Лостанжъ?

— Вы хорошо меня знаете, милостивый государь, такъ должны знать и то, что дядя господина Вальдемара желалъ видѣть меня женою своего племянника. Романтическое поведеніе послѣдняго разрушило надежды дяди. Но я, милостивый государь, женщина и имѣю особенную склон-

ность къ тому, что повидимому убѣгаетъ меня. Сначала, мнѣ вовсе не нравился этотъ союзъ; но я услышала, что господинъ Вальдемаръ отказался даже видѣть меня, и что онъ уѣхалъ въ деревню съ одною дамою, которую клялся обожать вѣчно, и мнѣ пришла охота узнать этого господина, узнать, такъ ли сильна любовь его, какъ онъ говорилъ. Для этого, я наняла домъ по сосѣдству съ домомъ, занимаемымъ господиномъ Вальдемаромъ, перемѣнила имя, постоянно одѣвалась въ розовое платье, и такимъ образомъ прогуливалась по окрестностямъ, будучи увѣрена, что скоро заговорятъ обо мнѣ, и я подстрекну любовніцтво моихъ сосѣдей. Вотъ, что я сдѣлала, милостивый государь; мнѣ кажется, что во всемъ этомъ нѣтъ ничего, что бы могло заслужить ваши упреки.

Маренго съ удовольствіемъ слушалъ хорошенькую блондинку, потому-что она говорила съ увлеченіемъ, съ жаромъ; по выраженію ея голоса можно было угадать, что она живо чувствовала то, что говорила.

— Виноватъ, сударыня, отвѣчала Маренго поклонившись: очень виноватъ, и прошу извинить меня. Но согласитесь, по-крайней-мѣрѣ, что ваше поведеніе было довольно загадочно.

— Можетъ быть; но я считала васъ очень умнымъ, и не думала, чтобы вы могли ошибаться во мнѣ!

— Значитъ, мы оба обманывались, сударыня. Но если... въ чемъ я не сомнѣваюсь... вы восторжествовали въ сердцѣ Вальдемара надъ вашею соперницею, то, конечно, вы имѣете намѣреніе выйти за него за-мужъ?...

— Я сдѣлаю, что мнѣ будетъ угодно, милостивый государь; позвольте вамъ сказать, что я никому не даю отчета въ своихъ поступкахъ.

— Совершенно справедливо, сударыня. Прошу извинить! Прощайте, сударыня.

И Маренго послѣшно отправился къ дому, занимаемому Эрнестиной. «Она не хочетъ давать мнѣ отчета, говорилъ онъ; очень хорошо; но я долженъ отдать отчетъ въ этомъ разговорѣ той, которая такъ интересуется имъ. Я общалъ

госпожѣ Дюранси извѣстить ее обо всемъ, что узнаю. Мое извѣстіе не доставитъ ей большаго удовольствія, но все-таки она должна узнать объ этомъ; если уже суждено получить ударъ, то гораздо лучше получить его вдругъ, чѣмъ ожидать .»

По обыкновенію, госпожа Дюранси сидѣла одна, когда пришелъ Маренго; замѣтивъ его издали, она побѣжала къ нему на встрѣчу.

— Вы узнали что-нибудь? вскричала она.

— Да! я узналъ многое.... то-есть, теперь вамъ не о чемъ больше спрашивать....

— Она.....

— Знаетъ, что Вальдемаръ.... не мужъ вамъ.... И она знаетъ всю вашу исторію.

Эрнестина поблѣднѣла, голова ея упала на грудь....

— Все кончено, прошептала она.... я не имѣю болѣе права оставаться съ нимъ....

— Но позвольте, я еще не все вамъ сказалъ....

— Не беспокойтесь, господинъ Маренго, мнѣ не нужно болѣе ничего знать.... Когда Вальдемаръ возвратится, онъ уже не найдетъ меня здѣсь.

— Какъ! вы отправляетесь?..

— Сейчасъ же.... у меня уже все готово къ отъезду.... Прощайте, господинъ Маренго; я никогда не забуду вашей услуги.

— Но послушайте.... Эта женщина называется не Сентъ-Аделью, у ней есть другое имя.... И слушать не хочеть! чортъ бы побралъ этихъ женщинъ! То не хотять слушать, и ничѣмъ не заманишь; то опять заболтаютъ, и ничѣмъ не удержишь! Что-то она намѣрена сдѣлать!... А впрочемъ, ей и слѣдуетъ оставить Вальдемара: на ея мѣсть, я давно бы бросилъ его. Дѣло пошло на ладъ.... Я зналъ, что если я вмѣшаюсь, такъ все устроится. Но надо убраться.... Вальдемаръ придетъ, такъ на меня же накинется.... Люди всегда несправедливы! однако я услужилъ ему.

Маренго возвратился въ Росни.

Эрнестина вошла въ домъ, съѣла за свой письменный

столъ и на-скоро написала Вальдемару слѣдующую записку:

«Вы меня болѣе не любите. Я уже давно замѣчала это; но думала, что за недостаткомъ любви, вы будете, крайней-мѣрѣ, питать ко мнѣ дружбу, и не станете объявлять другой женщинѣ, что никакая связь не соединяетъ насъ. Я обманулась; теперь спѣшу возвратить вамъ полную свободу. Прощайте, будьте счастливы, вотъ самое пламенное мое желаніе, и единственная надежда, какая осталась у меня.»

Эрнестина подписала записку и облила ее слезами. Потомъ, взяла нѣсколько нужныхъ вещей и поспѣшно оставила деревню, куда она пріѣхала съ такимъ удовольствіемъ, и гдѣ счастье ея было такъ кратковременно.

Проселочными дорогами, изъ опасенія, чтобъ не попасть на встрѣчу Вальдемару, она пробралась на большую дорогу, и возвратилась въ Парижъ.

Въ привычное время, Вальдемаръ возвратился домой, напрасно проходивши передъ завѣтнымъ жилищемъ своей очаровательницы, которую ему не удалось увидѣть.

Войдя въ садъ, онъ удивился, что Эрнестина не встрѣтила его, по обыкновенію. Онъ обошелъ весь аллеи, осмотрѣлъ бесѣдки, потомъ вошелъ въ домъ; нигдѣ никого не было. Эта пустота начала беспокоить его. Люди тогда только цѣнятъ вещь, когда потеряютъ ее, и Вальдемаръ почувствовалъ въ это время, что присутствіе Эрнестины было пріятно для него, что она необходима ему; можетъ-быть, въ эту минуту, онъ съ прежнимъ жаромъ любилъ бы ее. Онъ снова выбѣжалъ въ садъ и опрометью бросился къ привратнику.

— Эрнестина ушла?

— Да, сударь.

— Одна?

— Нѣтъ, сударь; она отправилась съ горничной.

— Давно?

— Часа два будетъ.

— Она ничего не велѣла сказать мнѣ?

— Нить, сударь.... Ахъ, виновать! она наказала мнѣ, что въ комнату вамъ оставлено письмо.... Я думаю, что на каминъ или на столъ.... На-вѣрное не знаю....

Вальдемаръ не слушалъ уже привратника, вернулся въ домъ, вбѣжалъ въ комнату, нашелъ записку, прочиталъ ее и въ изнеможениі упалъ на стулъ.

Черезъ минуту, онъ снова прочиталъ письмо и сказалъ самъ себѣ:

«Она замѣтила, что я любилъ другую.... Бѣдная Эрнестина! Я думалъ скрыть отъ нея тайну моего сердца.... Ахъ, я очень виновать!... но я заглажу свою вину.... Я отправлюсь по ея слѣдамъ.... она должна быть въ Парижъ.... Я брошусь къ ея ногамъ, она проститъ меня.... О, она такъ добра.... она возвратится ко мнѣ....»

Эти размышленія, родившіяся при первомъ впечатлѣніи, произведенномъ разлукою съ госпожею Дюранси, скоро смѣнились слѣдующими:

«Она думаетъ, что я откровенно объяснилъ Сентъ-Адели наши отношенія.... Но я никогда не говорилъ о томъ.... а эта дама знаетъ.... Странно!... Я долженъ бы былъ догадаться потому, что она всегда съ насмѣшкою говорила мнѣ о.... о.... Ахъ, она знаетъ, что я не женатъ!... Она хотѣла вынудить у меня признаніе.... Для чего?... Она говорила мнѣ, что никогда не согласится любить человека женатаго.... Но она знала, что я холостой.... Значитъ, Маренго сказалъ ей.... Надо увидѣться съ Маренго.... потомъ, я брошусь къ ногамъ Эрнестины.... Бѣдная Эрнестина! она любила меня такъ пламенно....»

И вмѣсто того, чтобы бѣжать вслѣдъ за той, которой причинилъ столько страданій, Вальдемаръ отправился въ Росни; онъ пришелъ туда уже довольно поздно. Не желая заходить къ Мутонарамъ, онъ велѣлъ вызвать Маренго, который не замедлил явиться, съ салфеткою въ рукъ.

— Вальдемаръ! вскричалъ онъ. Чтò же ты не зайдешь въ домъ? обѣдъ поданъ.

— Ахъ, Маренго, мнѣ не до обѣда; вотъ, прочитай!

И онъ подалъ Маренго записку, оставленную Эрнестиной. Маренго прочиталъ и сказалъ:

— Мнѣ кажется, что ты долженъ былъ ожидать этого. Ты самъ всему виною. Чего же ты отъ меня хочешь?...

— Я хочу знать, не ты ли сказалъ госпожѣ Сентъ-Адели, что я не женатъ.

— Во-первыхъ, любезный мой другъ, госпожи Сентъ-Адели не существуетъ!... Это выдумка!... Въ дѣйствительности, это госпожа Лостанжъ, та самая, на которой твой дядюшка хотѣлъ женить тебя, и которая, узнавъ, что ты отказался даже и видѣть ее, перемѣнила имя, и поселилась здѣсь нарочно, чтобы вскружить тебѣ голову.... Я иду обѣдать....

— Возможно ли! Какъ! эта дама та самая молодая вдова, что пріѣхала изъ Америки?...

— Да, мой другъ, точно, какъ дядюшки миллионеры въ старинныхъ водевиляхъ, гдѣ они были необходимы для развязки.... Только здѣсь женщина... Это гораздо милѣ.... Но я хочу обѣдать....

— Но почему ты узналъ все это, Маренго?

— Потому-что я рѣшился разузнать объ этой дамѣ.... И мнѣ не стоило большаго труда! Когда сердце спокойно, такъ видишь гораздо яснѣе. Впрочемъ, я говорилъ съ этой дамой, и она сама призналась мнѣ во всемъ.... Но обѣдъ простынетъ....

— Маренго, еще минуточку, ради Бога.... Чтò ты посоветуешь мнѣ?... чтò я долженъ дѣлать?... Бѣжать вслѣдъ за Эрнестиной?... Проститъ ли она меня, какъ ты думаешь?...

— Такъ какъ ты еще не въ Парижъ, значитъ не любишь ее болѣе.... Для чего возвращать ее, чтобъ послѣ снова покинуть?... Впрочемъ, дѣлай, какъ хочешь; послѣдній разъ говорю тебѣ, что я хочу обѣдать.

Маренго ушелъ. Вальдемаръ не зналъ, на что рѣшиться. Медленно возвращался онъ изъ Росни; тысяча различныхъ мыслей толпились въ его головѣ. Онъ вздыхалъ еще по Эрнестинѣ, но и припоминалъ слова Маренго:

«Для чего возвращать ее, чтобы послѣ снова покинуть?»

Вмѣсто того, чтобы идти къ своему дому, Вальдемаръ повернулъ на дорогу, ведущую къ жилищу госпожи Лостанжъ.

Ночь была прекрасная и еще довольно пріятная для осенней поры. Подойдя къ домику, гдѣ жила особа, которую онъ уже зналъ теперь, Вальдемаръ остановился; въ первомъ этажѣ былъ огонь; ему казалось даже, что, сквозь освѣщенные окна, онъ видѣлъ стройный станъ прекрасной блондинки.

Вальдемаръ посмотрѣлъ на часы. Стрѣлка стояла на восьми; онъ рѣшился сдѣлать визитъ этой дамѣ.

«Надо рѣшить мою участь, говорилъ онъ про себя.... Надо наконецъ узнать, согласна ли она будетъ отвѣчать на мою любовь.... Впрочемъ, теперь я знаю ея настоящее имя, мы не чужды другъ другу.... и я не думаю, чтобы она не приняла меня....»

Вальдемаръ позвонилъ. Вѣрно, онъ не имѣлъ уже намѣренія отправиться вслѣдъ за Эрнестиной.

Дверь отворилась. Вальдемаръ сказалъ вышедшему слугѣ:

— Доложи барынѣ, что господинъ Вальдемаръ желаетъ засвидѣтельствовать почтеніе госпожѣ Лостанжъ.

Черезъ минуту, слуга возвратился и попросилъ Вальдемара войти. Вальдемаръ былъ чрезвычайно взволнованъ. Въ эту минуту онъ совершенно уже не думалъ объ Эрнестинѣ.

Госпожа Лостанжъ скоро явилась; она сняла свое розовое платье и одѣлась въ болѣе изыщное, въ которомъ казалась еще красивѣе; прическа ея была очаровательна и шла къ ней какъ нельзя больше; можно было подумать, что такое кокетство въ деревнѣ выражало сильную охоту понравиться.

Госпожа Лостанжъ граціозно поклонилась Вальдемару и попросила его сѣсть. Тотъ нѣсколько смѣшался и не находилъ, съ чего начать разговоръ; часто случается, что чѣмъ болѣе предметовъ для разговоровъ, тѣмъ труднѣе находить слова

для нихъ. По этой же причинѣ, глупцы обыкновенно бѣгаютъ ужасно болтливы.

— Сударыня, наконецъ проговорилъ Вальдемаръ: прежде всего скажу вамъ, что я намѣренъ бесѣдовать съ госпожею Лостанжъ, потому-что теперь уже знаю, съ кѣмъ имѣю честь говорить.

— Хорошо, отвѣчала блондинка, улыбаясь: и это доказываетъ, что вашъ другъ, господинъ Маренго немножко болтливъ. Впрочемъ, въ этомъ еще нѣтъ большаго зла. Перемѣна имени была моя прихоть, одна изъ тѣхъ причудъ, которыя иногда позволяютъ себѣ женщины.... Я не вижу никакой необходимости продолжать эту таинственность. Только удивительно для меня, милостивый государь, какъ вы рѣшились посѣтить меня, зная настоящее мое имя, тогда какъ вы на-отрѣзъ сказали вашему дядюшкѣ, что не хотите меня и видѣть.

— Сударыня, я кажусь вамъ очень смѣшнымъ, очень невѣжливымъ. Ахъ, если бы я зналъ.... если бы былъ знакомъ съ вами прежде....

— Боже мой! я находила васъ только оригинальнымъ, и больше ничего; признаюсь, это-то и побудило меня узнать васъ.

— Мой дядя составилъ планъ.... для насъ обоихъ....

— Да, это правда.... Но вы знаете, дяди всегда имѣютъ страсть женить своихъ племянниковъ, и имъ никогда не удается.

— Впрочемъ, можетъ также и утѣться.

— Это случается очень рѣдко. И въ самомъ дѣлѣ, гораздо естественнѣе слѣдовать влеченію своего сердца, чѣмъ вступать въ бракъ по видамъ дядюшекъ.

Вальдемаръ сидѣлъ какъ на иголкахъ. Послѣ продолжительнаго молчанія, онъ началъ снова:

— Но вамъ извѣстно, сударыня, что я не женатъ.

— Это правда; потому-то я и позволяла себѣ иногда шутить съ вами на счетъ этого предмета.... Не спорю, я виновата; мнѣ любопытно было познакомиться съ той осо-

бой, которая внушила вамъ такую сильную, такую продолжительную страсть....

Вальдемаръ опустил глаза и прошепталъ трепещущимъ голосомъ:

— Сударыня, теперь все перевернулось....

Госпожа Лостанжъ притворилась удивленною, хотя за нѣсколько уже часовъ знала объ отъѣздѣ госпожи Дюранси, потому-что, благодаря нѣсколькимъ монетамъ, ей легко было знать, черезъ почтеннаго Гильо, все, происходившее въ окрестности. И въ деревняхъ есть лазутчики; они имѣютъ тамъ такія же преимущества, какъ и въ Парижѣ; а, за недостаткомъ мужчинъ эта должность часто возлагается на женщинъ, которыя съ усердіемъ, съ жаромъ исполняютъ ее, какъ будто по особенному призванію.

Госпожа Лостанжъ не отвѣчала ни слова; Вальдемаръ рѣшился наконецъ прервать молчаніе.

— Теперь когда я свободенъ, сказалъ онъ, когда всѣ препятствія устранены.... вы позволите мнѣ, сударыня, видѣться съ вами.... говорить вамъ о своей любви.... и надѣяться, что планы, составленные моимъ дядею, когда-нибудь исполнятся?..

Прекрасная блондинка какъ-то насмѣшливо улыбнулась.

— Вы слишкомъ спѣшите, милостивый государь, отвѣчала она.... Какъ! вы любите теперь ту женщину, которую не хотѣли даже видѣть!... Хорошо ли вы увѣрены въ себя?

— Ахъ, сударыня, этотъ вопросъ....

— Я имѣю право сдѣлать вамъ его. Вы влюбляетесь.... и изменяете очень легко....

— Если вы будете любить меня, я никогда не изменю.

— То же говорятъ каждой женщинѣ, за которою ухаживаютъ.

— Это доказываетъ, что ничего нельзя сказать лучше.

— Да, но не доказываетъ, чтобъ то была правда.

— Сударыня.... ради Бога.... могу ли я надѣяться?

— Ахъ, милостивый государь, ваша любовь летитъ по желѣзной дорогѣ. А я, такъ люблю подуматъ.... Теперь

уже поздно, и вамъ пора возвратиться домой.... Завтра вы узнаете мой отвѣтъ.

— Завтра?

— Да.... я напишу вамъ.

— Вы напишете?

— Даю вамъ слово.

— Но почему вы не хотите передать всего на словахъ?..

— Потому-что мнѣ лучше кажется написать вамъ.... есть вещи, о которыхъ не знаешь какъ сказать, но очень легко напишешь. Боже мой! вамъ все надо объяснять.

— И такъ, я буду ожидать вашего письма, сударыня....

— Добрый вечеръ, господинъ Вальдемаръ!

Госпожа Лостанжъ сдѣлала Вальдемару самый граціозный поклонъ, и тотъ удалился вздыхая, впрочемъ, съ сердцемъ, полнымъ надежды.

Во всю ночь, Вальдемаръ почти не смыкалъ глазъ. Онъ мечталъ о прекрасной блондинкѣ, и изрѣдка вспоминалъ объ Эрнестинѣ, съ которою онъ никогда не думалъ разлучаться.

Съ наступленіемъ дня, Вальдемаръ мечталъ уже только о письмѣ, которое госпожа Лостанжъ обѣщала написать ему; а для Эрнестины не осталось и мѣста въ его сердцѣ.

Утро показалось безконечнымъ для нашего влюбленнаго. Двадцать разъ онъ покушался бѣжать къ своей очаровательницѣ и умолять ее—на словахъ передать ему то, что она хотѣла написать.

Наконецъ, въ полдень, кто-то позвонилъ у воротъ. То былъ Гильо, истребитель кротовъ. Съ какимъ-то лукавымъ видомъ, онъ показалъ привратнику письмо. Но Вальдемаръ выхватилъ письмо изъ рукъ Гильо, отошелъ въ сторону и прочиталъ:

«Милостивый государь, я не люблю васъ, и никогда не любила. Вы пренебрегли мной, и я захотѣла дать вамъ маленькій урокъ; очень жаль, что я сдѣлалась виновницею

страданій бѣдной госпожи Дюранси, но я отмщаю за нее, отвергая вашу любовь: возвратитесь къ ней, быть-можетъ, она еще будетъ такъ добра, что простить васъ; но, на ея мѣсть, я никогда бы не сдѣлала этого.»

«Евгенія Лостанжъ.»

Вальдемаръ былъ уничтоженъ. Онъ подбѣжалъ къ Гилью и закричалъ какъ бѣшеный:

— Кто тебѣ отдалъ это письмо?

— Да та маленькая розовая дама; только она теперь вырядилась въ голубое платье.

— И она ничего тебѣ больше не сказала?

— Она велѣла отнести къ вамъ это письмо, и только; она мнѣ заплатила; а если и вамъ угодно что-нибудь дать мнѣ, воля ваша.

— Ахъ, мнѣ нужно увидѣть ее, пореговорить съ нею....

— Съ кѣмъ?... съ этой дамой?... Это будетъ трудненько, они ужъ все уѣхали въ коляскахъ.... въ домъ пусто, да кажется, и назадъ не прѣдутъ.... Эхъ! въ самомъ дѣлѣ, холоды такъ и пробираетъ.

Вальдемаръ не хотѣлъ вѣрить, чтобъ госпожа Лостанжъ уѣхала, не выслушавъ его: и тогда только убѣдился, что прекрасная блондинка издѣвалась надъ нимъ, когда увидѣлъ, что домикъ ея пустъ и все ставни на-глухо заперты.

Въ надеждѣ что-нибудь узнать отъ Маренго, Вальдемаръ отправился въ Росни. Но тамъ ему сказали, что другъ его прѣстился съ семействомъ Мутонара, и еще на разсвѣтъ отправился въ Парижъ.

Разстроенный, унылый, съ досадою на сердце, Вальдемаръ возвратился домой. Но его сельское жилище опротивило ему. Онъ на-скоро сдѣлалъ распоряженія, и къ вечеру самъ отправился въ Парижъ.

Первымъ его дѣломъ было бѣжать къ Маренго. Онъ встрѣтилъ своего друга, когда тотъ возвращался домой.

Маренго, увидѣвъ Вальдемара, съ удивленіемъ вскричалъ:

— Какъ! и ты возвратился?... Развѣ госпожа Лостанжъ оставила деревню?

— Госпожа Лостанжъ кокетка; она забавлялась надо мной.... она написала мнѣ, что никогда не любила меня.

— Гмъ! тутъ не чему удивляться. Я всегда думалъ, что она шутитъ надъ тобою.... И изъ-за нея-то ты оставилъ женщину, которая такъ любила тебя!

— Да, Маренго, я виноватъ; но постараюсь загладить мою вину. Я поспѣшу вымолить себѣ прощенье у ногъ госпожи Дюранси....

— Напрасно будешь беспокоиться.

— Почему такъ?

— Потому-что госпожа Дюранси отправилась въ почтовой каретѣ.

— Куда?

— Она мнѣ не сказала. Нѣтъ еще утромъ, по прѣздѣ въ Парижъ, я пошелъ повидаться съ нею. Прихожу, а она собирается уже въ дорогу, «Какъ! сказалъ я, вы отправляетесь?... но я увѣренъ, что Вальдемаръ скоро оиать будетъ у вашихъ ногъ....—Если-бъ онъ явился вслѣдъ за мною, отвѣчала она, я могла бы еще простить его; я подумала бы, что онъ не могъ перенести моего отсутствія. Но теперь уже поздно!... Наша дружба не можетъ возобновиться.... Я отправляюсь путешествовать, чтобы развлечь себя. Прощайте, господинъ Маренго. Я узнала любовь непостоянную, постараюсь найти любовь вѣчную.» И затѣмъ, она прѣстилась со мною.

— Ужьаха! прошептала Вальдемаръ, склонивъ голову на грудь; и неизвестно, въ которую сторону она отправилась!

— Какъ неизвестно!... Она побѣжала въ ту сторону, гдѣ обитаетъ вѣчная любовь. Но гдѣ эта страна?... Я полагаю, что на картѣ она не означена.

Науки и Художества.

УЛОЖЕНІЕ ЗАКОНОВЪ

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ И НАКАЗАНІЯХЪ ВЪ ГЕРМАНИИ.

(Окончаніе.)

Если при разсмотрѣніи вѣкоторыхъ предначертаній не безъ основанія можно повторить строгіе отзывы нѣмецкихъ правовѣдовъ и сравнить ихъ съ тѣми законодательствами, о которыхъ говоритъ министр прусскій фонъ-Кампцъ (Actenmaessige Darstellung, и пр. 1842, стр. XV) или съ тѣми неудачными попытками въ законодательствѣ, которыя описаны Миттермайеромъ (Strafgeszbgng, ч. 11); то нельзя при этомъ не замѣтить, что нерѣдко сами составители убѣждены въ шаткости своихъ предначертаній и открыто предлагаютъ общую постоянную истину въ видѣ временной мѣры: такъ уставъ осудопроизводствъ въ Вюртембергѣ введетъ, въ видѣ опыта, на блѣтъ—явленіе, которому мы тщетно стали бы искать оправданія съ самыхъ смѣлыхъ ученійхъ науки права. Недостатокъ предварительнаго опыта, на которомъ долженъ основываться законъ, требуетъ опыта послѣдующаго, и лишаетъ правило существеннаго его свойства: положительности. Любопытно и поучительно было бы изобразить, какъ и по какимъ поводамъ возникали требованія со стороны науки и общественного мнѣнія, и какъ удовлетвореніе этихъ требованій, не находя въ нихъ точнаго основанія, въ колебаніи уважить или не уважить ихъ, избрало перѣшительный путь, называемый переходнымъ, и избрѣло transitorische Gesetzgebung—временныя истины, не управляя, но будучи управляемо временными требованіями. Но прежде обсто-

ательнаго изложенія возникновенія и развитія сихъ требованій въ ученіяхъ о преступности, виновности и наказуемости, мы обозначимъ въ общихъ чертахъ причины неудовлетворительности прежнихъ уложеній, дабы видѣть, въ какой мѣрѣ опытъ прошедшаго послужилъ въ науку настоящему.

Первый вопросъ здѣсь представляется о томъ: что можетъ служить доказательствомъ удовлетворительности или неудовлетворительности уголовныхъ законовъ? Оцѣнка по личному убѣжденію здѣсь очевидно недостаточна, ибо для сего необходимы точныя удостовѣренія; иначе всякое предначертаніе можетъ быть признано вполнѣ соответствующимъ своему назначенію. Къ сожалѣнію, во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ точное удостовѣреніе одно: опытъ времени, стоящей иногда дорогихъ и невозвратимыхъ потерь, неизвиняемыхъ ни возвышенною цѣлію, ни тѣмъ еще менѣе пылкостью поспѣшнаго стремленія, и общою ошибочностью человѣка, уже слишкомъ часто приводимую въ оправданіе ошибокъ и погрѣшностей.

Въ основаніяхъ къ составленію новыхъ предначертаній, какъ напр. въ Брауншвейгѣ, Фрейгера фонъ-Шлейница, говорится, что «дѣйствующіе (до 1840) законы удовлетворяютъ своему назначенію, ибо охраняютъ миръ права и поощряютъ успѣхи нравственнаго образованія (§ VIII).»

По мнѣнію нашему, удостовѣреніе это не имѣетъ опредѣлительности и если бы оно было справедливо, то не было бы основанія приступать къ новому предначертанію законовъ. Мы не будемъ говорить о томъ, что въ герцогствѣ еще во второй половинѣ XVIII столѣтія незначительныя преступления, какъ напр. воровство угрожалось и наказывалось смертію, и что въ этомъ смыслѣ были даже позднѣйшія о воровствѣ постановленія (повелѣн. 7 сентябр. 1752 и 25 феврал. 1773 г.). Уголовное правосудіе въ герцогствѣ вообще было менѣе удовлетворительно, нежели въ другихъ странахъ Германіи и некало исправленія въ содѣйствіи ученыхъ правовѣдовъ. По мнѣнію нашему, въ указанн. г. фонъ-Шлейница мы напрасно стали бы искать точныхъ доказательствъ удовлетворительности дѣйствующаго уголовного законодательства или противнаго. Что касается до успѣховъ образованности, то въ настоящемъ вѣкѣ сближенія, постоянныхъ общихъ сношеній, а въ Германіи средства и совѣстности отдѣльныхъ государствъ, образованность не можетъ не преуспѣ-

вать даже безъ всякаго содѣйствія мѣстныхъ правъ. Это работа вѣка, а не человѣка. И не въ этомъ заключается назначеніе уголовного права. Оно ограждаетъ вѣрность, пользованія правъ и удостовѣряетъ вознагражденіе за дѣя нарушеніе (14).

Доказательствомъ удовлетворительности могло бы быть общее мнѣніе: но этотъ источникъ, по неустройству его орудій, весьма сбивчивъ и преисполненъ духомъ пристрастія, охуленія и своемыслія. Затруднительность отысканія нарушенныхъ правъ, безнаказанность и продолжительность преслѣдованія препятствуютъ частной выгодѣ возвыситься надъ мелочными расчетами и подъ вліяніемъ ихъ представляются оплошностію, невниманіемъ и недостаткомъ, даже бесплѣмъ огражденія. Съ другой стороны, впечатлѣніе и ощущение замѣляютъ чувство долга и справедливости: извѣстное сочиненіе, Mes prisons, возбуждало къ сочинителю общее участіе и неравнодушные отзывы о жестокости наказанія, между тѣмъ какъ само это сочиненіе служитъ доказательствомъ противнаго, обличая не жестокость, но неудовлетворительность наказанія и учрежденій онаго (15).

Всего ближе дѣйствіе уголовного права могло бы быть доказано средними числами уголовной отчетности (статистики): но, по недавнему ея существованію, среднихъ чиселъ еще нѣтъ, а по различнымъ условіямъ времени и мѣста, самая относительная точность ихъ подлежитъ сомнѣнію и столь мало опредѣлена, что одни и тѣ же числа могутъ быть употреблены для подкрѣпленія и для опроверженія. При томъ же измѣненія закона, столь частыя, измѣняютъ и отчетныя числа. Такъ напр. увеличеніе числа дѣлъ, по отчетности, для однихъ служитъ доказательствомъ недостатка уголовного права, попускающаго усиленіе преступленій; для другихъ — доказательствомъ дѣйствительности права, обнаруживающаго прежде бывшія въ безгласности преступленія. Увеличеніе числа отзывовъ о неувольненіи для однихъ удостовѣряетъ ближайшее знакомство съ обрядами и точное отправленіе права, для другихъ — признакъ недовѣрія къ правосудію. Число дѣлъ, число подсудимыхъ и наказанныхъ — постоянно и вездѣ возрастающія — не выражаютъ тѣхъ отгѣнковъ, которые могли бы дать настоящее понятіе о преступности и ея побужденіяхъ. Число дѣлъ и подсудимыхъ возрастаетъ отъ причинъ случайныхъ, независимо отъ умноженія народонаселенія и способовъ обнаруженія:

отъ учрежденія, въ одномъ году и мѣстѣ, ярмарки, сбора, въ другомъ—желѣзной дороги, въ третьемъ—отъ неурожая, въ четвертомъ—отъ оплошности или бдительности мѣстнаго надзора, въ пятомъ—отъ новыхъ таблицъ отчетности. Число осужденныхъ еще менѣе положительно. Завися отъ существа доказательствъ въ одномъ году и мѣстѣ такихъ, въ другомъ мѣстѣ—другихъ, означенія эти неосновательны и потому, что въ нихъ судившій по преступленію важному, но осужденный при семъ за маловажный проступокъ (ложное показаніе, недонесеніе, неосторожность и др.)—значится въ разрядѣ послѣднихъ, а въ первомъ не означается и преступленіе.

Болѣе достовѣрности надлежало бы ожидать отъ числа воспривиненій (повтореній): но означеніе сихъ свѣдѣній столь же разнообразно и еще болѣе неполно. Оно разнообразно отъ различнаго понятія воспривиненій: въ однородныхъ преступленіяхъ и въ разнородныхъ. Оставленный въ подозрѣніи совѣтъ не входитъ въ расчетъ, точно также какъ утаившій прежнюю судимость или удалившійся изъ одной страны въ другую. Существенное условіе воспривиненія—время, т. е. черезъ сколько лѣтъ послѣ перваго совершенно новаго дѣяніе—не входитъ въ отчетность (17).

Вообще при несовершенствѣ и разнообразіи отчетности числа ея могутъ служить болѣе для повѣрки дѣлопроизводства, нежели для нравственныхъ выводовъ и заключеній и—можно сказать—чѣмъ паразиты и повидимому точнѣе сіи послѣднія, тѣмъ болѣе основаній сомнѣваться въ ихъ непогрѣшимости. — Безъ сомнѣнія соответствіе числа преступленій съ числомъ наказанныхъ и итога потерь съ итогомъ возмѣщенной могло бы служить мѣрою удовлетворительности, но для сего необходимы и иной порядокъ отправленія правосудія и другія основанія и означенія отчетности. — Какой положительной достовѣрности можно ожидать отъ чиселъ, когда не установились понятія и самыя основныя начала столь зыбки и разнородны!

Не подлежитъ сомнѣнію только одно то, что преступленія уславиваются (16).

По мнѣнію нашему, лучшаго доказательства удовлетворительности уголовныхъ законовъ должно искать въ дальнѣйшемъ ихъ развитіи. Соответствіе ихъ требованію удержать и утвр-

дить ихъ, напротивъ неудовлетворительность ихъ измѣнить и совершенно отмѣнить ихъ предписаніе. Это основаніе было бы весьма удостовѣрительно, если бы дѣйствіе и усовершеніе закона были ближе къ жизни. Нерѣдко существуетъ несоответственный законъ и не отмѣняется единственно потому, что несоответствіе его въ примѣненіи неизвѣстно при составленіи или усовершеніи закона. Еще чаще законъ подвергается улучшенію по отвлеченнымъ требованіямъ или по одностороннимъ замѣчаніямъ. Въ руководствахъ законопостановленій открыто или сокровенно существуетъ правило: устранять сколь возможно болѣе возбужденіе сомнѣній. Хотя сомнѣніе приимается здѣсь въ смыслѣ праздныхъ требованій, а неизбежное поясненіе въ смыслѣ измѣненія, но съ дѣловой точки зрѣнія нельзя не замѣтить, что мелочныя поясненія затмѣваютъ главный смыслъ закона, и вольное возбужденіе сомнѣній даетъ поводы, подъ предлогомъ недоумѣній, уклоняться отъ ответственности за послѣдствія рѣшенія, испытывать терпѣніе ожидающаго и неосновательными представленіями отягощать мѣста высшія. Однако, въ видахъ самаго закона, здѣсь должны быть постановлены точныя предѣлы: или свободное возбужденіе сомнѣній, подъ отвѣтственностію за ихъ неосновательность, или ограниченіе сей свободы, но съ условіемъ бдительнѣйшаго надзора.

Повелѣніемъ 7 декабря 1827 г. воспрещено прусскимъ судамъ, при опредѣленіи лишенія дворянства, назначать тѣлесное наказаніе.

Съ перваго взгляда здѣсь естественно представляются вопросы: освобождено ли дворянство отъ тѣлесныхъ наказаній? Это не подлежитъ сомнѣнію ни по точному смыслу повелѣнія 23 мая 1812 г. о назначеніи ихъ только лицамъ низшаго сословія, такъ и по особеннымъ правамъ дворянства, (точно въ семъ отношеніи впрочемъ невыраженнымъ), но въ такомъ случаѣ, на какомъ основаніи суды опредѣляли этотъ видъ наказанія и почему поводъ къ отмѣнѣ его явился не ранѣе 1827 года? Несоответствіе судебныхъ опредѣленій въ примѣненіи закона здѣсь столь же очевидно, какъ и позднее поясненіе. Точное наблюденіе обнаружило бы при первомъ приговорѣ или то, что дворяне подвергались тѣлесному наказанію, или—что судебныя приговоры не исполнялись въ точномъ ихъ

смыслъ, и во всякомъ случаѣ—что примѣненіе закона требуетъ поясненія (18). Въ прусскомъ уложеніи впрочемъ подобныхъ примѣровъ можно указать весьма много. Мы обратимся къ уложенію австрійскому, болѣе совершенному и возьмемъ въ примѣръ самое обыкновенное и повсемѣстное преступленіе: воровство.

Воровство въ Австріи раздѣляется, между прочимъ, по количеству, по свойству кражи, по предмету ея и наконецъ по личности виновнаго; если напр. оно совершено во время пожара, изъ церкви, на 5 гульденовъ съ поля, во второй разъ, на 5 гульденовъ слугою, работниками и т. д. (§ 151—169) то оно есть преступленіе уголовное.

Мы не говоримъ ничего о случайности условій (количество); справедливость требуетъ замѣтить, что въ австрійскомъ уложеніи они менѣе приняты въ основаніе нежели въ другихъ. Здѣсь представляется другое замѣчаніе: въ 1827 г. послѣдовало объясненіе (156 § 6) что похищеніе, сдѣланное учениками у своихъ мастеровъ и наставниковъ есть преступленіе, а не проступокъ. Здѣсь конечно не можетъ быть вопроса: неужели подобное воровство—какъ извѣстно весьма обыкновенное—въ первый разъ, съ 1803 г., учинено въ 1827 году? Но вопросъ о томъ: какъ наказывалось это преступленіе до 1827 года и почему, для поспенія точнаго правила закона, поводъ къ тому представился не равнѣ 24 лѣтъ по введеніи уложенія въ дѣйствіе. Замѣчаніе это получаетъ особенную важность, если мы рассмотримъ примѣненіе закона въ болѣе обширномъ кругѣ дѣйствія.

Мы означили выше, что постановленія о мѣрѣ виновности по мѣрѣ совершенія или покушенія и по мѣрѣ участія или способствованія, въ уложеніи австрійскомъ изложены весьма неопредѣленно и, кромѣ нѣкоторыхъ преступленій, выше нами означенныхъ, вообще предоставлены наукѣ или усмотрѣнію суда.

Излишне было бы говорить, что поводъ къ поясненію закона здѣсь долженъ былъ представиться непремѣнно; ибо наука и личное усмотрѣніе разнообразны и необязательны. Поводы сіи представились, но по отсутствію точнаго наблюденія, несвоевременно, а случайно и черезъ 35 лѣтъ — о покушенія, 6

марта 1838 г. и черезъ 40 лѣтъ объ участіи — 10 іюля 1843 г. и проч. (19).

Гласность суда во Франціи, ограждая единообразіе обычая и нерѣдко смѣшивая изъясненіе закона съ предписаніями о предметахъ распорядительныхъ, тѣмъ не менѣе допускаетъ и продолжительную неточность и разнообразіе въ примѣненіи закона и позвѣе ихъ поясненіе. Не говоря уже о безчисленныхъ разнообразныхъ частныхъ приговорахъ, приводимыхъ въ изданіяхъ французскихъ правовѣдовъ Рогрона, Гели и многихъ другихъ, мы упомянемъ, что въ уложеніи 1810—1832 года вѣтъ объясненія о поединкѣ (дуэль), столь частомъ во Франціи, нѣтъ точныхъ опредѣленій о судѣ государственныхъ преступленій и нарушеній порядка печатанія, столь многочисленныхъ и важныхъ.

Конечно, мелочная требовательность общаго и буквального единообразія приведетъ къ успіямъ несоразмѣрнымъ съ средствами, и дробностію огражденій ослабитъ существенныя условія успѣшнаго правосудія, стремясь къ недостижимому единообразію въ примѣненіи закона: хотя уклоненія и ошибки неразлучны со всякимъ дѣяніемъ, но должно стараться о возможномъ уменьшеніи ихъ или по крайней мѣрѣ важѣйшихъ изъ нихъ, не оставляя безъ замѣчанія ошибки прошедшія и указаніемъ или обнаруженіемъ ихъ предупреждая подобныя ошибки въ будущемъ. Ошибаться извинительно, но и послѣ испытаній впадать снова въ ошибку уже менѣе извинительно, особенно если цѣль такого усилія есть огражденіе права дѣлаго сословія или точное примѣненіе закона о преступленіяхъ многочисленныхъ и часто повторяющихся.

Въ сихъ видахъ—оцѣнка закона по продолжительности его дѣйствія—разсмотрѣніе послѣдующаго развитія уложеній прусскаго, австрійскаго, французскаго и баварскаго представляетъ весьма назидательныя указанія. Прусское и баварское можно сказать совершенно измѣнены частными дополненіями, а уложеніе французское общимъ преобразованиемъ его въ 1832 г. Удержалось продолжительнѣе другихъ уложеніе австрійское. Мы не принимаемъ на себя такого разсмотрѣнія, требующаго долговременнаго изученія подробностей и непосредственнаго обращенія въ дѣлахъ суда и надзора за ихъ производствомъ и рѣшеніемъ. Каковы бы ни были обильныя сочиненія правовѣдовъ,

они никогда не дадутъ совершеннаго о томъ понятія, какъ бы ни была ясна и обширна книга закона, входя въ рабочія комнаты суда, въ рукахъ судей, она разлагается на мелкія части, неуловимыя для лица непосвященнаго и вопліѣ извѣстныя только изъ продолжительнаго собственнаго опыта. Многосложность изученія здѣсь увеличивается еще болѣе отъ разнообразія судебного обычая, который такъ силенъ и при отвлеченныхъ, какъ баварское, и при опытныхъ, какъ прусское, уложеніяхъ.

Мы ограничимся только указаніемъ, что въ самомъ непродолжительномъ времени по изданіи и введеніи въ дѣйствіе уложенія потребовались существенныя дополненія и измѣненія. Въмѣсто постоянства, которое предполагали до такой степени, что думали *jus in eo posse finire*, законы сдѣлались зыбкими, вмѣсто вѣрности (*jus certum*) произвели опасеніе ошибокъ отъ уловленій, вмѣсто ясности и соответствія—смѣшенія и противорѣчія. Обычность получила еще болѣе свободы.

Причины такого неудовлетворительнаго состоянія и столь противоположныхъ ожиданію послѣдствій различны. Съ одной стороны ихъ должно искать въ самихъ законахъ, а съ другой—въ событіяхъ, которыми сопровождался ихъ составленіе и дѣйствіе. Впрочемъ эти послѣднія причины, на которыя уже слишкомъ часто опираются ошибочность и неумѣніе, вовсе не такъ дѣйствительны какъ первыя. Вообще слишкомъ много приписываютъ современной образованности и требуютъ во имя ея болѣе, нежели она сама требуетъ. Австрійское уложеніе явилось во время самыхъ дѣятельныхъ преобразованій и во многомъ до-сихъ-поръ соответствуетъ настоящей образованности. Въ послѣдніе годы во многихъ нѣмецкихъ государствахъ: въ Пруссіи, Баденѣ, Вюртембергѣ, Брауншвейгѣ почти совершенно отмѣнены тѣлесныя наказанія, и между тѣмъ въ образованнѣйшемъ государствѣ, въ Англіи, они строги и до сихъ поръ удержаны.

Вторая причина, — неудовлетворительность самихъ уложеній — болѣе дѣйствительна и заключается:

1. Въ существѣ самаго уложенія или введенія законовъ. Не раздѣляя мнѣнія тѣхъ, которые оспариваютъ готовность нашего времени къ уложенію законовъ (20), мы не усомнимся однако сказать, что уложеніе законовъ есть дѣло весьма труд-

ное, и что первое время дѣйствія и самыхъ лучшихъ подобныхъ сборниковъ всегда сопровождается смѣшеніями отъ уловленій, непремѣнно болѣе еще менѣе входящихъ въ уложеніе.

2. Соединеніе собственно уложенія законовъ съ ихъ усовершеніемъ, или болѣе увеличивающее число уловленій, а съ ними — смѣшеній и противорѣчій.

3. Подчиненіе разныхъ преступныхъ дѣяній: важныхъ и неважныхъ, общихъ и особенныхъ однимъ и тѣмъ же (общимъ) условіямъ вѣтвямости, виновности и наказуемости.

4. Включеніе предметовъ распорядительныхъ и вообще часто измѣняющихся.

5. Отсутствіе удостовѣренія судебного обычая или порядка надзора.

Надобно представить себѣ послѣдствія и впечатлѣніе, производимыя явленіемъ книги законовъ, уложенныхъ или сведенныхъ въ одинъ составъ. Книга эта застаетъ дѣла: въ началѣ, въ теченіи, въ созрѣніи и совершеніи. Она не отмѣняетъ для этихъ дѣлъ силы законовъ прежнихъ, а слѣдовательно не отмѣняетъ и судебного обычая. Эта тройственность закона ощущается не въ одномъ дѣлопроизводствѣ судовъ, но въ самомъ правовѣдѣніи, въ самомъ обществѣ и неволью производитъ болѣе или менѣе смѣшеніе, колебаніе, разнообразіе и недовѣріе. Все это особенно увеличивается объемомъ новой книги законовъ, уловленіями, въ ней сдѣланными, переходными мѣрами, обыкновенно при введеніи ея принимаемыми и разнообразіемъ возрѣній, необходимо связанныхъ со всякимъ новымъ дѣломъ и особенно съ выборомъ одного изъ трехъ правилъ (20). Время такого смѣшенія болѣе продолжительно, нежели обыкновенно полагаютъ: ибо дѣйствіе старыхъ законовъ продолжается на всѣ дѣла, до изданія уложенія возникшія и нерѣдко спустя нѣсколько лѣтъ по изданіи его возникающія, и несправедливо думаютъ, что эти затрудненія относятся только къ дѣлопроизводству: они начинаются при самомъ началѣ изслѣдованія и оставляютъ подсудимаго съ нерѣшимости и опасеніяхъ до самаго окончанія суда, такъ что въ виду этой зыбкости закона неволью приходитъ мысль, неоднократно и прежде выраженная, что уголовное правосудіе есть право или мѣра распорядительная.

Но сіи временныя неудобства не столько важны, какъ протекающія изъ самаго существа уложеній, отъ принятаго порядка составленія и усовершенія ихъ.

Какое бы ни былъ порядокъ составленія и усовершенія уложеній, работа эта, по свойству своему, требуетъ болѣе или менѣе измѣненій и уновленій значительныхъ и рѣдко совершенно сообразныхъ съ дѣйствительностію: ибо уложеніе само по себѣ есть отвлеченіе. Связь частей необходимо приводитъ къ общимъ положеніямъ; соглашеніе разныхъ законовъ, отсутствіе котораго при совмѣстномъ уложеніи ихъ такъ ощутительно, требуетъ новыхъ измѣненій, самое изложеніе закона (текстъ), чтобы уложить ихъ въ предначертанныя рамы или сокращается или направляется, или переставляется или наконецъ выражается другими словами (21). Къ этимъ необходимымъ измѣненіямъ присовокупляются другія еще болѣе важныя. Не довольствуясь уложеніемъ законовъ, составители вмѣстѣ съ тѣмъ усовершенуютъ ихъ или по указаніямъ опыта или—всего чаще—по требованіямъ другихъ законодательствъ и современныхъ ученій науки. Такъ думали Клейнъ, Суарезъ, Клейншродъ и Фейербахъ.

Указанія опыта есть безъ сомнѣнія вѣрнѣйшій путь исправленія и усовершенія, но токмо опыта живаго, постепенно въ примѣненіи закона открывающагося, опыта частнаго, мелкаго и потому вѣрнѣе уловимаго и выражаемаго въ законѣ, а не того собранія наблюденій и замѣчаній дѣловыхъ и ученыхъ людей, которыя имѣютъ только видъ опытнаго или дѣловаго основанія. Отдѣленные отъ самыхъ дѣлъ, замѣчанія сіи становятся отвлеченіями, которыя, будучи сдѣланы въ разныхъ мѣстахъ, въ разные времена и разными лицами, нерѣдко противорѣчатъ другъ другу, почти всегда односторонни и неполны и влекутъ за собою рядъ новыхъ мелочныхъ случайностей (казусовъ). Введеніе подобныхъ замѣчаній было первою причиною шаткости прусскаго и французскаго уложенія.

Несравненно важнѣе указанія видовъ уголовной предусмотрительности (политики).

Что касается до усовершенія по ученіямъ науки, то опытъ баварскаго уложенія служитъ доказательствомъ вреднаго отъ сего послѣдствія. Уложеніе, немедленно по изданіи, потребовало поясненій и измѣненій многочисленныхъ, ослабило судъ частнымъ обращеніемъ къ помилованію и наконецъ подверглось основной

передѣлкѣ. Мы видѣли, что въ послѣдующіе годы новыя предначертанія явились и являются во множествѣ и составленіе ихъ обратилось въ какое-то соревновательное занятіе. Если современныя успѣхи права вообще не лишены достоинствъ, то и подвижность, частая измѣчивость законовъ, ослабляя ихъ силу и постоянное дѣйствіе, — имѣтъ неблагоприятное вліяніе на жизнь и на положительность или твердость убѣжденій.

Достигнутые успѣхи даютъ слишкомъ много увѣренности въ силѣ ума и знанія, а соревнованіе ихъ унизило высокое дѣло до повседневныхъ занятій и какой-нибудь членъ палаты считаетъ себя въ состояніи дать слово закона, руководство жизни, единственно потому, что по его убѣжденію, почерпнутому изъ дневныхъ лстковъ, законъ долженъ быть таковъ, хотя бы дѣйствительная жизнь была съ нимъ и несогласна. Мысль принимается за поводъ, ожиданіе лучшаго за необходимость.

Есть очевидное несоотвѣтствіе въ смѣломъ стремленіи и желаніи опредѣлить развитіе жизни, столь разнообразное и безконечное, успѣхами науки, отвлеченными предположеніями умовъ какого-либо даннаго времени, хотя бы оно и возвышалось надъ временами прошедшими. Несповѣдимы пути, ожидающіе дальнѣйшее развитіе, и вотъ почему ожиданія лучшаго, принятыя въ положительныя правила, такъ мало и рѣдко оправдываются, и служатъ только къ возбужденію новыхъ ожиданій.

Для вспомошествованія наукѣ, въ послѣднее время, призывались гласность и совокупное участіе разсматривательныхъ собраній. Но издѣсь опытъ не подтверждаетъ ожиданій. Гласность есть огражденіе чистоты, откровенности, довѣрія, а не лучшаго изысканія истины, смущаемою этимъ говоромъ и напоромъ гласности. Наименьшая гласность сопровождала уложеніе австрійское и оно болѣе и вѣрнѣе другихъ соотвѣтствовало своему назначенію. Что касается разсматривательныхъ собраній, то здѣсь въ обоихъ крайнихъ случаяхъ: и при обзорѣи основныхъ началъ (если они могутъ быть опредѣлены) и при разборѣ частныхъ, не представляется вѣрнаго ручательства. Въ Саксоніи и Голландіи по несогласію съ началами предначертаній жаркія пренія остановили дѣло. Въ Баденѣ предложенныя начала были приняты, собраніе перешло къ частностямъ. Здѣсь, при разсмотрѣніи частностей возникъ сильный споръ (12-е засѣданіе въ палатѣ): возвращеніе тайно взятаго или присвоеннаго должно ли уничтожать наказаніе

за похищеніе? Вопросъ разрѣшенъ утвердительно и въ этомъ смыслѣ состоялся законъ объ *одномъ* видѣ кражи. Черезъ три дня, при рассмотрѣніи *другаго вида*, вопросъ разрѣшенъ отрицательно и эта ошибка отъ невниманія исправлена уже впоследствии. И какіе впрочемъ — мы повторимъ прежнее замѣчаніе — какіе частные случаи могутъ быть представлены гласностію и собраніями, которые бы не были извѣстны, точнѣе и достовѣрнѣе изъ самаго судебнаго опыта?

Отвлеченное составленіе предначертаній, по свойству своему одностороннее, непременно приведетъ къ нововведеніямъ, необходимость и польза которыхъ болѣе нежели сомнительны; а примѣнимость этихъ нововведеній не можетъ имѣть вѣрнаго ручательства ни въ стройности и послѣдовательности отвлеченнаго отъ жизни построенія, ни въ гласности и въ рассмотрѣніяхъ собраній, жаркія пренія и споры которыхъ производятъ новыя требованія.

Дѣловое уложеніе законовъ (т. е. изложеніе въ случайномъ порядкѣ дѣйствующихъ, уже вошедшихъ въ жизнь правилъ) одно соответствуетъ назначенію постоянной и общей книги законовъ: приведенію ихъ въ извѣстность и ясность (*jus certum*).

Такое уложеніе, чисто историческое, въ строгомъ смыслѣ едва ли возможно: ибо, какъ мы замѣтили выше, при всякомъ безъ изыятія уложеніи, необходимо допускаются разныя нововведенія. Но въ дѣловомъ, сводномъ уложеніи, этихъ нововведеній можетъ быть менѣе, нежели во всякомъ другомъ.

Совершенно различная отъ уложенія работа есть улучшеніе или усовершенствованіе законовъ, соединеніе которой съ уложеніемъ ихъ такъ много даетъ поводовъ къ нововведеніямъ и чрезъ то такъ много увеличиваетъ ихъ неудобства и непримѣнимость.

И здѣсь, какъ въ уложеніи законовъ, старались достигнуть усовершенствованія ихъ, преимущественно наукою. Это привело къ тѣмъ же послѣдствіямъ, которыя имѣли отвлеченныя уложенія т. е. законъ встрѣчалъ противорѣчіе, требовалъ дополненій и поясненій и наконецъ отмѣнился. И здѣсь дѣловое улучшеніе одно представляетъ вѣрный способъ достиженія: ибо оно соединяетъ въ себѣ необходимыя условія — постепенности, столь важной въ развитіи положительнаго права, и непосредственности опыта жизни, столь важнаго для соответствія закона. Су-

щественная цѣль улучшенія уложеній есть полнота, а такой цѣли путемъ умозрѣній достигнуть невозможно, потому-что всякое умозрѣніе, дополняя видимый недостатокъ, приноситъ съ собою другіе: прикрывая одно отвратіе, оно раскрываетъ многія. При томъ же вступающаго на путь улучшенія умозрѣніями, законъ уже не останавливается и скоро улучшенія возрастаютъ до того, что число ихъ превышаетъ число самыхъ статей закона. Тогда приступаютъ, какъ въ Пруссіи, къ *новому* уложенію, или сливаютъ старыя и новыя статьи въ *новомъ* изданіи стараго закона, какъ во Франціи въ 1832 г. или вводятъ новыя статьи въ видѣ примѣчавій къ старымъ (*Landrecht*, издан. 1803), или наконецъ оставляютъ новыя постановленія отдѣльно отъ самаго уложенія, какъ въ Австріи и Баваріи. Изъ четырехъ сихъ видовъ, конечно третій есть наиболѣе удобный, потому-что не измѣняя книги законовъ, онъ указываетъ каждому дополненію принадлежащее ему мѣсто въ общемъ составѣ. Самое неудобное есть оставленіе новыхъ постановленій отдѣльно отъ общаго закона: здѣсь непременно явится смѣшеніе въ ихъ примѣненіи и несогласіе новыхъ законовъ съ старыми. Что касается до *новаго* изданія всей книги законовъ съ новымъ порядкомъ раздѣловъ, главъ и статей, то въ дѣловомъ отношеніи это производитъ разныя затрудненія и иногда торжественно съ изданіемъ новаго уложенія, какъ можно заключать изъ *repetitae praelectionis* законовъ римскихъ. Всѣ эти виды улучшенія имѣютъ то общее неудобство, что умаляютъ существенное качество уложеній — постоянство. Неудобства эти уменьшаются еще болѣе увеличиваются, если основаніемъ улучшеній будутъ приняты умозрѣнія, ослабляющія уже другое, высшее качество уложеній — положительность законовъ.

Конечно и путемъ дѣловаго усовершенствованія содержаніе уложенія со временемъ измѣнится и число дополненій возрастетъ до значительнаго количества: но возрастаніе это будетъ постепенное, немногосложное и частное, а слѣдовательно и медленное, опредѣлительное и удобно примѣняемое. Поспѣшное развитіе и притомъ совокупное, по многимъ раздѣламъ вдругъ, и общее, въ основныхъ началахъ права, суть главнѣйшія причины ошибокъ, и потому замедленіе развитія, способствуя осмотрительности и ближайшему усвоенію права, существенно полезно. Оно вредитъ стройности уложеній, это правда, но стройность

есть не главное ихъ качество и для него нельзя жертвовать главнѣйшими: положительностію и постоянствомъ.

Дѣловое т. е. непосредственными явленіями жизни вызываемое усовершенствованіе важно и въ томъ отношеніи, что при правильномъ его дѣйствіи удобно соблюсти различіе въ разныхъ видахъ развитія или улучшенія: измѣненія частныя (или усовершенствованіе текущее), дополняющія статьи въ видѣ частныхъ примѣчаній, по мѣрѣ изданія сихъ измѣненій или въ извѣстные сроки, за годъ, за два, смотря по срокамъ законодательныхъ работъ. Измѣненія общія, когда количество частныхъ потребуетъ передѣлки всего *состава* книги или новаго изданія уложенія, безъ всякихъ нововведеній, въ сроки гораздо болѣе продолжительные, такъ чтобы второе поколѣніе (черезъ двадцать пять лѣтъ) послѣ перваго изданія законовъ, могло имѣть и второе изданіе. Наконецъ третья степень—измѣненіе основаній закона или составленіе новаго уложенія должно принадлежать еще болѣе продолжительному: желательно бы было, чтобы поколѣніе родилось и умерло подѣ дѣйствіемъ однихъ и тѣхъ же законовъ.

Австрійское и баварское уложенія остались неизмѣнными и въ новыхъ изданіяхъ. Въ 1814 г. въ Австріи издано дополненіе (Anhang) изъ 27 статей и съ того времени никакихъ особыхъ дополненій къ статьямъ уложенія не издавалось. Въ Пруссіи въ 1803 г. дополненія, въ видѣ примѣчаній, внесены въ книгу и затѣмъ она до-сихъ-поръ остается въ прежнемъ видѣ. Въ 1817 г. предполагено новое уложеніе, на началахъ науки и мѣтнаго иноземнаго опыта. Предположеніе это, какъ можно было и предвидѣть, не могло быть приведено въ исполненіе и хотя въ 1832 г. оно значительно сократилось въ своихъ основаніяхъ и устремлено было особенно на уголовную часть, но до-сихъ-поръ еще не приведено къ окончанію. Такимъ образомъ препятствіями новому изданію были послѣ 1803 года: быстрія и коренныя преобразованія 1807—1817 годовъ, требовавшія не новаго изданія, но совѣтъ новаго уложенія; неисполнимость предположенія 1817 г., а послѣ 1832—несогласіе въ началахъ и особый порядокъ расматривательныхъ совѣщаній.

Французское уложеніе измѣнено въ 1832 году и сдѣланныя измѣненія были такъ обширны, что признано необходимымъ обнародовать (послѣ составленія, 1810 г. черезъ 22 года) новое

изданіе. Изъ новѣйшихъ уложеній, баварское явилось черезъ годъ, въ Ольденбургѣ, уже въ новомъ изданіи; саксонское 1838, принятое въ разныхъ княжествахъ, четыре раза подвергалось измѣненіямъ.

Третья причина скорой измѣчивости уложеній заключается въ подчиненіи разнаго рода нарушеній общимъ условіямъ.

Замѣчаніе это относится преимущественно къ прусскому и наименѣе къ австрійскому.

Такъ какъ каждый главный родъ преступленій (служебныя, таможенныя, маловажныя и т. п.) имѣетъ свой кругъ дѣйствій, свои особенныя свойства, то подчиненіе ихъ общимъ условіямъ вмѣняемости и наказуемости должно было привести къ несообразностямъ, которыя требовали или поясненій въ видѣ изъятія изъ общихъ правилъ или составленія особыхъ уложеній. Несообразности эти могли быть частію поправлены установленіемъ, по родамъ преступленій, особыхъ родовъ судопроизводства въ порядкѣ подсудности, доказательствъ и окончательнаго рѣшенія дѣлъ. Въ Австріи въ 1835 г. изданъ особый уставъ о нарушеніи правъ казенныхъ доходовъ, въ Баваріи еще въ 1825 издано положеніе о нарушеніи постановленій таможенныхъ, въ Пруссіи изданы особыя правила о преступленіяхъ по службѣ, о личныхъ оскорбленіяхъ.

Конечно такое раздробленіе вредитъ стройности книги законовъ, но стройность есть второстепенное ея достоинство и не должна быть предпочтена дѣловому удобству, ясности и точности, которыя весьма много выигрываютъ отъ правильнаго отдѣленія преступленій одного вѣдомства отъ другаго.

Еще болѣе потребовало весьма частыхъ измѣненій въ уложеніяхъ смѣшеніе предметовъ общихъ и главныхъ съ распорядительными и мелочными. Мы выше означили, или въ уложеніи прусское введены такіе предметы, которые къ суду вовсе не относятся и которые, по предметамъ своимъ, нерѣдко зависы отъ воли мѣстныхъ или главныхъ начальствъ или отъ временныхъ обстоятельствъ, измѣняются весьма часто и относятся къ благоустройству и благочію.

Конечно желательно бы было видѣть всѣ и всякія правила въ видѣ постоянного и стройнаго собранія: но если эти правила не могутъ быть постоянны или принадлежать другому вѣдом-

ству, то помѣщеніе ихъ въ уголовныхъ уложеніяхъ и неумѣстно и ослабляетъ постоянство книги законовъ.

Нельзя не сдѣлать здѣсь еще замѣчанія о порядкѣ введенія уложеній. Образецъ всѣхъ новыхъ собраній законовъ есть безъ сомнѣнія *corpus juris civilis* или уложеніе римское, долженствовавшее заключать въ себѣ *totum jus*. Это видно и изъ самыхъ названій: *codex Justinianeus*, *constitutio Carolina*, *Theresiana*, *Fridericiana*, *Josephina*, *codex Maximilianus*, *code Napoleon*. Въ Пруссіи предпринято тоже *totum jus*, какъ общее такъ и областное. Предпріятіе это само собою раздѣлилось и общее право (*Landrecht*) вышло по частямъ или по-крайней-мѣрѣ отдѣльно, а областныя права до-сихъ-порѣ не издавы. Въ Австріи, Баваріи и Франціи уложенія о общихъ преступленіяхъ и наказаніяхъ обнародованы вмѣстѣ съ уставами о судопроизводствѣ. Впослѣдствіи въ Австріи и Баваріи изданы особые уставы о нѣкоторыхъ родахъ преступленій. Въ новѣйшее время почти вездѣ уложенія о наказаніяхъ изданы отдѣльно отъ уставовъ о судопроизводствѣ, а въ Голландіи уложеніе о наказаніяхъ раздѣлилось на двѣ части: общую, уже обнародованную и частную, еще приготавливаемую. Всѣ эти раздробленія произошли случайно. Между тѣмъ случайность эта имѣла весьма полезныя послѣдствія, ибо опытъ показываетъ, что чѣмъ менѣе уювленій и чѣмъ ограничѣннѣе эти уювленія, тѣмъ менѣе затрудненій и тѣмъ удобнѣе усвоеніе нововведеній, потому многіе предпочитаютъ и мы не остановимся предложить введеніе новыхъ обширныхъ уюженій не въ полномъ составѣ и не вдругъ, а по частямъ и постепенно. Такимъ образомъ предварительное обнародованіе общей части, какъ въ Голландіи, приготовило бы постепенное введеніе разныхъ отдѣленій второй или особенной части. Такое отдѣльное введеніе, давая возможность неспѣшно и отчетливо заниматься работою составленія, способствуетъ удобнѣйшему устройству новаго порядка, и имѣетъ то важное достоинство, что ошибки, недосмотры и несообразности, обнаруженныя при введеніи одной части, легко и съ существенною пользою могли бы быть исправлены въ послѣдующихъ, не пропзводя никакихъ недоумѣній и замѣшательствъ. Такъ отвратилсь бы многія изъ тѣхъ затрудненій, описываемыхъ Миттермайеромъ (*Straf-gesetzgong*, ч. II.) которыя замѣчены въ дѣйствіи познѣйшихъ (1838—1842) уюженій.

Но всѣ сін мѣры, утверждая постоянство, опредѣленность и у-

добство введенія уюженій, еще недостаточны для установленія должнаго единообразія въ правосудіи, нарушаемаго и при дѣйствіи самаго подробнаго уюженія *судебнымъ обычаемъ*.

Исторія всѣхъ законодательствъ показываетъ, что при всей дробности и точности законовъ судебный обычай явлется непремѣнно и овладѣваетъ тѣми немалочисленными случаями, разнообразіе которыхъ неуловимо въ положительныхъ опредѣленіяхъ закона и которыя поражаются самою его дробностію и сплетеніемъ общихъ правилъ съ частными. Первое—дробность, очевидно, въ уюженіи прусскомъ; второе—сплетеніе общихъ правилъ съ частными—въ баварскомъ.—Здѣсь, очевидно, законъ не можетъ имѣть прямого, буквального примѣненія, и судъ рѣшаетъ случай *по своему соображенію*. Это соображеніе, разнообразное по основаніямъ его, есть судебный обычай т. е. усвоенный временемъ порядокъ разрѣшенія неясностей закона.

Нѣтъ сомнѣнія, и опытъ прошедшаго удостоверяетъ, что усовершеніе законодательства наукою т. е. опредѣленіемъ общихъ правилъ и согласіе умозрительныхъ ученій уменьшаютъ пространство дѣйствія судебного обычая, но вліаніе науки можетъ устранить произволь въ обычаяхъ, а не самыя обычай, есгласіе же ученій есть такая степень совершенства, которой можно ожидать только въ окончательномъ развитіи науки. Посему судебный обычай всегда былъ и будетъ, и должно стремиться не къ уничтоженію его, а къ возможному удостовѣренію его правильности и единообразія.

Цѣли этой предполагали достигнуть: подробностію закона, которая въ уюженіи прусскомъ привела еще къ большимъ случайностямъ, общими опредѣленіями въ уюженіи баварскомъ, которыя, не имѣя точной связи съ частными, породили множество неясностей, учрежденіемъ блюстительной общей палаты, какъ во Франціи, и вліаніемъ науки, какъ въ уюженіи австріискомъ по общему ученію о покушеніи и участіи, и особенно въ уюженіяхъ новѣйшихъ. Въ послѣднихъ, по настоянію правѣдовъ, наукѣ предоставляется полная свобода, но при извѣстныхъ условіяхъ (баденское уюженіе), которыя служатъ какъ бы извѣтїемъ изъ общаго правила. Здѣсь не опредѣляютъ что дѣлать, а только означаютъ чего не должно дѣлать. Начало важное, ведущее къ другому—началу гласности и всѣмъ сопровождающимъ ее послѣдствіямъ.

Мы рассмотрим учреждение блюстительных палат (cours de cassation) и влияние умозрительных ими отвлеченных учений.

Блюстительная палата не входит въ рассмотрение дѣлъ по существу, а только наблюдать за исполненіемъ обрядовъ; она не имѣетъ права непосредственнаго вмѣшательства въ дѣла, а входитъ въ рассмотрение ихъ только по представленію сторонъ или по жалобѣ. Изъ этого очевидно, что учрежденіе подобныхъ палатъ неполно и въ первомъ случаѣ есть нѣкоторымъ образомъ замѣня точныхъ доказательствъ, усгупившихъ мѣсто доказательствамъ неопредѣленнымъ или нравственнымъ убѣжденіямъ, а во второмъ замѣня постепенности (инстанцій) суда, ограниченаго въ важнѣйшихъ дѣлахъ одною степенью. И въ томъ и другомъ случаѣ, палата ограждаетъ болѣе лица, правильность о-сужденій, нежели законъ или правосудіе въ полномъ смыслѣ. Первый недостатокъ—ограниченіе права палаты обрдами—старались пополнить предоставленіемъ палатѣ рѣшительнаго права по существу дѣлъ (какъ мы объяснили выше при соображен. 440 ст. франц. улож. о судопроизв.), второй недостатокъ и вообще наблюденіе за точнымъ исполненіемъ закона пополняется гласностію суда. Распространеніе права палаты на существо дѣлъ очевидно противорѣчитъ основанію блюстительной власти, ограниченной собственно обрдами, противорѣчитъ и независимости суда, обязаннаго, иногда вопреки своему убѣжденію, принимать указаніе палаты за непремѣнное основаніе своего рѣшенія, и въ Бельгіи измѣнено порядкомъ болѣе соответственнымъ достоинству суда и закона (сообр. примѣчаніе 12).

Что касается гласности, то подчиненіе суда этому условію подчиняетъ убѣжденіе общественному мнѣнію со всеѣмъ его непостоянствомъ, своемыслиемъ и чуждымъ для правосудія увлеченіемъ. И въ первые вѣка въ германскихъ племенахъ, народныя суды были гласны. Непосредственность участія въ судѣ и управленіи не могла быть гласною. Впоследствии, непосредственность замѣнена представительностію или выборомъ (Wahl) и слѣдовательно гласность уже потеряла свое соответствіе и является уже не непосредственною, а свободною, произвольною, имѣющею конечно важныя достоинства, но еще большіе недостатки. Здѣсь неумѣстно излагать тѣ и другіе. Со введеніемъ ученаго права, судъ требовалъ людей свѣдущихъ въ правовѣдѣніи. Знаніе, понятіе закона слѣвалось исключительностію, особымъ преимуществомъ. Разумноженіе ученыхъ, уничтоживъ

эту исключительность, перенесло законовѣдѣніе въ болѣе обширный кругъ всеѣхъ мыслящихъ и пишущихъ, число которыхъ въ Германіи весьма значительно.

На этой степени законовѣдѣніе стояло и стоитъ до-сихъ-поръ, готовясь распространиться во всеѣхъ сословіяхъ образованныхъ или читающихъ, когда оно на границахъ запада, на Рейнѣ, етолкнулось съ началомъ западнымъ—общеою гласностію, развившеюся не изъ постепеннаго развитія законовѣдѣнія во всеѣхъ слояхъ общества, но изъ насильственнаго возстановленія начала непосредственности. Первое призываетъ (къ представленію замѣчаній напредпачертанія Кармера, Клейна, Цейлера, Клейншрода, Фейербаха и мн. др.) того, кто *знаетъ*, второе—всякаго, кто *хочетъ*. Немногіе призываютъ тѣхъ, кто *можетъ*, * и еще менѣе тѣхъ, кто *долженъ*. Отсутствіе обязанности лишаетъ гласность существеннаго свойства, по которому она могла бы назваться учрежденіемъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Любопытно видѣть, какъ ученая гласность Германіи, болѣе и болѣе, уступаетъ мѣсто общей французской гласности и какъ самолюбивая наука ищетъ и находитъ оправданіе такого подражанія въ древнихъ присяжныхъ судахъ, которыхъ въ Германіи никогда не было, и въ общихъ началахъ правовѣдѣнія, которое въ Германіи было первою причиною удаленія суда и закона отъ жизни и гласности!

Помощь науки здѣсь, конечно, вѣрнѣе, нежели блюстительный полный порядокъ съ его гласностію. Разъ взявъ въ свое вѣдомство право, наука оказала ему существенныя и незабвенныя услуги и довела уголовную часть его до такой степени, какой она никогда не имѣла ни въ Греціи, ни въ Римѣ. Наука замѣнила положительный законъ, а когда онъ явился, (Каролина) она взялась уравнивать все его несообразности и ограждать отъ злоупотребленій натянутого примѣненія (sumptum jus). Не было точности, не было положительности закона, но были осповательность и осмотрительность. Наука смягчала жестокость закона и спасла многія жертвы, обреченныя на казнь или на мученія по признанію съ пытки или по убѣженію изувѣрства. Наука установила ученыхъ, весьма темный, но тѣмъ не менѣе добросовѣтныи и осповательный обычай судебный, въ которомъ застали правосудіе преобразованія Фридриха II, Иосифа II, Максимилиана и Наполеона (правителей Франціи). Право поясненія и истолкованія закона дано наукѣ самимъ закономъ (Каролиной) и съ того времени

началось общее учреждение ученых рѣшеній, чрезъ посылку дѣлъ въ собранія высшихъ училищъ (Acten versendung). Учрежденіе это, естественно, не могло уже имѣть прежняго дѣйствія по изданіи точныхъ и подробныхъ уложеній, и въ лицѣ преобразователей правосудія, особенно Фридриха Вильгельма I и Фридриха II, встрѣтило открытое и прямое противодѣйствіе. Пруссія имѣла намѣреніе воспретить и часто воспрещала посылку дѣлъ на разсмотрѣніе ученыхъ. И въ самомъ дѣлѣ порядокъ этотъ былъ несогласенъ съ положительностію законовъ, уложенныхъ въ видѣ Fridericianum, Josephinum, Maximilianum, и изданныхъ именно для устраниенія произвольныхъ рѣшеній. Онъ, по установившимся понятіямъ Фейербаха о законности, едва ли и возможенъ, не представляя точнаго ручательства и основываясь на свободныхъ ученіяхъ науки, можетъ быть совершенныхъ, но тѣмъ не менѣе никакою положительною отвѣтственностію не обязательныхъ. Неудовлетворительность этого порядка обнаруживалась впрочемъ изъ самыхъ рѣшеній, производившихъ соблазнъ разительностію противорѣчій. Кромѣ примѣровъ отдаленныхъ, извиняемыхъ тогдашнимъ несовершенствомъ науки, еще въ живой памяти дѣла, разными учеными собраніями (факультетами) разнообразно рѣшенныя. Такъ напр. дѣло о столарѣ Вендтѣ, подвергшемся отвѣтственности по подозрѣнію въ отравленіи жены своей. Онъ приговоренъ геттингенскими правовѣдами (6 ноября 1834) какъ виновный и доказанный, къ смертной казни колесованіемъ; гейдельбергскимъ (14-го января 1836 г.) какъ недоказанный, оставленъ въ подозрѣніи, а высшимъ пархимскимъ судомъ (5 февраля 1838 г.) признанъ невиннымъ. Столь ненадежна игра ученій и личныхъ воззрѣній и притомъ въ столь важномъ дѣлѣ, грозившемъ человѣку смертію!

Важное для своего времени учрежденіе посылки дѣлъ (Acten versendung) не имѣло необходимыхъ качествъ прочаго учрежденія: ни огражденной обязательности посылки, ни обязательной отвѣтственности за рѣшенія, и надобно удивляться, что оно могло такъ долго (до 1835 г.) быть терпимо при дѣйствіи новыхъ законодательствъ.

Помнѣнію нашему, въ настоящемъ положеніи порядка суда, удовлетвореніе судебного обычая можетъ быть достигнуто сосредоточеніемъ полнаго надзора за его дѣйствіями, опредѣленнымъ порядкомъ поясненія законовъ и дѣловою гласностію этихъ поясне-

ній. Мы не будемъ подробно излагать здѣсь наше мнѣніе, ограничиваясь предметами и цѣлію настоящаго обзорѣнія и скажемъ, въ поясненіе общей мысли нашей только то, что *надзоръ*, по степенямъ судебныхъ учрежденій, удовлетворяя точное приименіе закона, обнаруживаетъ разнообразіе и неправильности приименія, а *поясненіе*, истолковывая эти неправильности, предупреждаетъ ихъ дѣловою *гласностію*, предавая оной, какъ замѣченное разнообразіе, по разнообразному понятію закона, такъ и неправильности, проистекающія отъ ошибочнаго понятія закона. Ограничивая гласность порядкомъ служебнымъ, дѣйствующимъ внѣ круга дробной и впечатлительной общественности, сосредоточенный надзоръ дѣйствуетъ обыкновенными сношеніями и оглашеніемъ сомнѣній и поясненій установленными путями: частными разрѣшеніями, если сомнѣніе неосновательно и возникло не болѣе какъ въ трехъ мѣстахъ, круговымъ сообщеніемъ, если оно возникло во многихъ, и печатнымъ объявленіемъ, если поясненіе признано необходимымъ и должно служить общимъ руководствомъ. Объясненіе, по мнѣнію нашему, должно быть общее и печатное и мы не можемъ указать причинъ, по которымъ въ Австріи и Пруссіи многія повелѣнія и сообщенія предписывались только нѣкоторымъ судамъ и доступны общему свѣдѣнію изъ частныхъ сборниковъ.

Конечно противъ этихъ предположеній можетъ быть сдѣлано обыкновенное возраженіе: что сосредоточеніе замедляетъ разрѣшеніе, что поясненіе запутываетъ понятіе и что гласность есть учрежденіе опасное. Но возраженія сіи не могутъ имѣть здѣсь мѣста. Сосредоточеніе не замедлитъ движенія дѣлъ, если надзоръ будетъ относиться къ дѣламъ уже оконченнымъ, къ удовлетворенію въ причинахъ, останавливающихъ докладъ и разрѣшеніе, и къ непосредственному поясненію, безъ перехода дѣлъ по степенямъ, сомнѣній, возбужденныхъ о посядності. Поясненіе не затемнитъ закона, если оно дѣлается осторожно, постепенно и при прямомъ участіи дѣловаго опыта. А гласность дѣйствій безопасна, если она не призываетъ участія празднолюбія и ограничивается предметами отвѣтственныхъ обязанностей и кругомъ должностныхъ лицъ.

Впрочемъ мы не можемъ скрыть, что эти предположенія едва ли могутъ соотвѣтствовать порядку, основанному болѣе или менѣе на началахъ французскихъ, которыхъ вліяніе прозрѣваетъ и въ самомъ противорѣчій имъ. Подчиненіе уголовного право-

судія сторонним видамъ (политики) привело къ искусственному порядку, усовершенія котораго трудно ожидать, въ средѣ другаго народа, уже и потому, что онъ предполагаетъ свѣдущаго судью въ каждомъ гражданѣ и соединенъ съ полною гласностію. Предположенія наши несомнѣнны съ сими условіями и мы весьма далеки отъ того, чтобы въ дѣлахъ вышнихъ дѣйствій гражданина предоставлять судъ внутреннему убѣжденію и отчаиваться въ достаточности учреждений вышнихъ (формальных), замѣняя ихъ нравственными. Послѣднія—убѣжденія нравственныя—или перейдутъ или недостигнутъ настоящаго предѣла достовѣрности.

По мнѣнію нашему, уголовное право должно развиваться и усовершиться независимо отъ личнаго произвола, какъ было во времена беззаконія законовъ, требовавшихъ угрозъ, утрашенія и немедленной расправы; независимо отъ ученаго права и умозрительныхъ ученій, къ помощи которыхъ оно прибѣгло, при дѣйствіи законодательства римскаго, и независимо отъ общественаго мнѣнія, къ которому оно обращается нынѣ, какъ бы увѣрять въ неудовлетворительности оградительныхъ средствъ своихъ и замѣняя опытныхъ судей присяжными, доказательство убѣжденіемъ, осторожность гласностію, достоинство выразительностію (22).

Понятіе о преступленіи, въ уложеніи прусскомъ (11. 20 § 1—2) и австрійскомъ (§ 4), еще близко къ понятію о порокѣ, но какъ въ этихъ уложеніяхъ, такъ, и еще съ болѣею опредѣлительностію, во французскомъ и баварскомъ, преступленіемъ признается дѣяніе, означенное въ законѣ, незнаніе котораго, по прусскому (§ 11) иногда можетъ, а по австрійскому (§ 4) и прочимъ, уже не можетъ служить извиненіемъ. Такъ отдѣляются понятія о преступленіи и порокѣ, и послѣдній долженъ идти противудѣйствіе вышъ признанныхъ учреждений общественаго устройства.

Смѣшенное въ своихъ степеняхъ въ уложеніи прусскомъ, преступленіе, въ послѣдующихъ уложеніяхъ, раздѣляется на важныя и менѣе важныя, основываясь, въ австрійскомъ, на отвлеченномъ ученіи объ умыслѣ и цѣли наказанія, а во французскомъ—на дѣловомъ удобствѣ судопроизводства.

Естественное дѣленіе дѣяній на преступленіе (умышленное) и проступокъ (неосторожный), на нарушенія безнравственныя (mala in se) и запрещенныя (prohibita), на дѣянія и опущенія—

еще замѣтно, но уже изглаживается, не достигнувъ опредѣленнаго развитія и точности. Особенное значеніе получаетъ преступленіе правилъ печатанія.

Въ дальнѣйшемъ разъясненіи понятій, преступленіе (23):

—То *сокращается* исключеніемъ однихъ видовъ изъ преслѣдованія и представленіемъ другихъ на волю частнаго лица,

То *распространяется* отвѣтственностію за умыселъ и разныя степени участія, и введеніемъ новыхъ видовъ запрещенія, въ огражденіе правъ государственнаго, правительственнаго и даже нравственной чистоты жизни частной.

Не извѣлія преступности незнаніемъ закона, уложеніе австрійское уже подробно прусскаго, а французское и баварское подробно австрійскаго, опредѣляютъ условія *виновности* и наказуемости:

Развитіемъ ученія о *вмѣняемости*, столь широко распространившей кругъ свой, при неограниченномъ дѣйствіи обычая и науки и ученія о смягчающихъ обстоятельствахъ, дошедшаго, по строгости наказаній и неодобрительному мягкосердію, до произвола въ выборѣ уваженій;

Назначеніемъ пространныхъ *размѣровъ* наказаній, по усмотрѣнію суда,

И *введеніемъ* новыхъ и усовершеніемъ прежнихъ *видовъ* наказаній. Но различіе ихъ, по различію преступленій, виновности и наказуемости, еще мало замѣтно и единообразіе наказаній, нѣсколько распространившееся *мнѣніемъ* правъ и преимуществъ, еще недостаточно измѣнено и представляется сплошнымъ въ самыхъ учрежденійхъ наказательныхъ.

Понятіе о *наказаніи* заключается въ цѣли его, въ утрашеніи, по уложеніямъ прусскому и французскому. Австрійское предполагаетъ удержать отъ дальнѣйшаго совершенія и улучшить менѣе порочнаго, а баварское падѣется даже уменьшить, если не совѣтъ остановить наклонность къ преступленіямъ.

Въ развитіи сего понятія замѣчается:

Постепенное *ослабленіе* начала *утрашенія*, отмѣною терзательныхъ и уродующихъ наказаній и уменьшеніе случаевъ смертной казни, почти исключительно, путемъ помилованія, а во Франціи—замѣною казни, по уменьшающимъ вѣщу обстоятельствамъ.

Постепенное смягченіе наказаній, отмѣною неизгладимыхъ (клейма) и позорныхъ тѣлесныхъ, и отмѣною особенныхъ видовъ

смертной казни. Лишенія естественныя уступили мѣсто лишеніямъ нравственнымъ.

Заботливость объ улучшеніи преступника надзоромъ и занятіями въ заключеніи, вліяніемъ покаятельныхъ тюремъ, устройствомъ особыхъ учрежденій для женщинъ и несовершеннолѣтнихъ и попеченіемъ объ устройствѣ участіи, по освобожденіи отъ наказанія. Во Франціи открыта возможность возвращенія прежнихъ правъ и отношеній доброу жизнию.

Положеніе преступника совершенно измѣнилось, самое наказаніе приняло другой видъ и получило другое значеніе. Переходы сіи были подъ вліяніемъ науки и общественнаго мнѣнія. Переходы сіи перѣдко были такъ противоположны, что преступникъ считался, то полезнымъ орудіемъ устрашенія, то полезнымъ работникомъ и переселенцемъ, то предметомъ состраданія, имѣющимъ право на устройство участіи своей заботами общественнаго человѣколюбія, то предметомъ перевоспитанія, изученія и даже сочувствія. Явленіе замѣчательное, доказывающее или несоотвѣстствіе понятія о преступленіи или несоотвѣстствіе наказанія. Конечно, много участія при семъ принимали увлеченіе, тщеславіе и праздность сострадавшихъ.

Ученіе о наказаніяхъ, въ послѣднее время, было предметомъ особеннаго вниманія частныхъ лицъ и правительствъ. Оно развито и во многихъ отношеніяхъ объяснено съ глубокомысліемъ и знаніемъ сердца; но какъ всякое отвлеченное ученіе привело на самомъ дѣлѣ къ послѣдствіямъ, которыхъ едва ли ожидать было можно. Оно утверждается и на свѣдѣніяхъ точной отчетности, но свѣдѣнія сіи собирались и извлекались для доказанія принятаго ученія и получались изъ мѣсть (напр. Женевы), непримѣнимыхъ къ другимъ мѣстамъ. Ученіе сіе постановило началомъ, что наказаніе должно улучшать и облагораживать преступника; за тѣмъ виновнаго оно признало заблуждающимся, а наказаніе перевоспитаніемъ, и самому уголовному праву дало значеніе какого-то нравственнаго учрежденія. Возникли вопросы: имѣетъ ли государство право лишать преступника неотчуждимыхъ принадлежностей—жизни и чести? Согласно ли понятіе о караніи съ духомъ и предписаніемъ божественнаго ученія? И какимъ образомъ обезпечить личность преступника отъ впаденія въ новыя преступленія?

Не только преція и защищенія приверженцевъ, но самое возбужденіе сихъ вопросовъ, стремилось ослабить и въ нѣкоторыхъ

случаяхъ дѣйствительно ослабило наказаніе, какъ смягченіемъ и сокращеніемъ ихъ, такъ и въ особенности (и это источникъ вреда) участіемъ въ осужденіи и признаніемъ необходимости и, за сѣмъ, извинительности преступленія. По соприсосновенію крайностей, какъ прежде желали, отвлечь отъ злодѣянія страхомъ, такъ потомъ надѣялись достигнуть сего внутреннимъ убѣжденіемъ, привычкою къ доброй жизни и даже наградами за добрыя дѣянія. Неудовлетворительность устрашенія привела къ поощреніямъ (24).

Мы не осмѣлимся противорѣчить высокимъ доводамъ благодушія и человѣколюбія, выраженныхъ въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ съ блескомъ и убѣдительностію отличныхъ умовъ и глубокой проицательности. Поворотъ мнѣнія должно было предвидѣть по сближенію мысли съ дѣйствіемъ, науки съ общественнымъ мнѣніемъ, которое, къ чести человѣчества, всегда падало на изліянія благородныя и на чувствованія возвышающія, и по разлитію сильнаго начала, которое можно выразить *общественнымъ ходатайствомъ* за неспасенныхъ, смѣшиваемыхъ съ бѣдными и преступными: ходатайство непрізанное, но тѣмъ не менѣе говорливое. Мы осмѣливаемся думать, что здѣсь, какъ и во всякомъ увлеченіи, односторонность привела къ крайностямъ и безъ сомнѣнія не замедлитъ вызвать противодѣйствіе. Отвѣтъ на вышеозначенные вопросы о правѣ государства и свойствѣ кары заключается въ самомъ существованіи оспориваемыхъ правъ, безъ дѣйствія которыхъ не могло бы быть безопасности и самаго государства. Превращать уголовное право — учрежденіе оградительное, болѣе страдательное и отрицательное, въ учрежденіе нравственное, по мнѣнію нашему, значитъ смѣшивать всѣ стихіи развитія общества и уклонять отъ прямой дѣли назначеніе государства. Признаніе наказанія воспитаніемъ предполагаетъ признаніе всѣхъ поводовъ къ преступленію правомъ на общественное участіе и смѣшиваетъ порочность съ неспасеніемъ, зависть съ заслугою, любостыжательность съ бѣдностью и произволъ съ необходимостію.

Улучшеніе и облагораживаніе должны итти другими путями. Участіе и поощреніе не водворятъ и не утверждаютъ ихъ въ душахъ порочныхъ. Мздовозданіе за дѣйствительное зло не должно быть отмѣляемо, ни ослабляемо, въ ожиданіи мнимаго исправленія, ибо мздовозданіе есть долгъ, неисполненіе котораго есть тоже злоупотребленіе. Участіе къ ожидаемому и даже дѣй-

ствительному раскаянію не должно умалать ответственности, мѣра которой назначается мѣрою дѣянія.

Дѣйствительность, строгость есть первое условіе наказанія. Оно соединяетъ въ себѣ возмездіе, за нарушеніе, и принужденіе къ раскаянію. И въ видахъ челоѣколюбія, строгость, отрѣшенная отъ жестокости, представляется полезною. Не наказаніе, не строгость возмущаетъ душу, а неправосудіе и неуравнительность, позоръ и неизгладимость послѣдствій: ибо чувству преступившаго не чужды ни зависть, ни честь, ни желаніе исправленія. Онъ знаетъ, что возмездіе за нарушеніе непременно должно быть въ сей или въ будущей жизни и онъ готовъ искупить грѣхъ своей. Снисхожденіе ослабляетъ эту готовность или по-крайней-мѣрѣ рѣдко ее пробуждаетъ.

Возмездіе есть долгъ, раскаяніе есть способность возчувствія вины и возвращенія на лучшій путь жизни. Первое необходимо слѣдуетъ за дѣяніемъ, второе зависитъ отъ лица и можетъ быть и не быть. Посему непременно опредѣляя возмездіе, наказаніе не обязано и не въ силахъ опредѣлить раскаяніе: ибо опредѣливъ, оно не можетъ удостовериться въ дѣйствительности его, а слѣдовательно и не должно предоставлять своего опредѣленія игрѣ случая, а еще менѣе обману и своемыслию (25).

Но опредѣляя возмездіе, наказаніе не должно преграждать виновному пути возвращенія: и великому грѣшнику отвергается дверь спасенія. Наказаніе не должно уничтожать дѣйствіе раскаянія и, по примѣру божественной милости, должно съ опредѣленіемъ наказанія опредѣлять и искупленіе вины, прибѣгая къ мѣрамъ безвозвратнымъ и неизгладимымъ только тогда, когда истощится долготерпѣніе, и закоренѣлость въ злѣ сдѣлаетъ преступника совершенно неисправимымъ.

Искупленіе вины и согрѣшенія дѣлою продолжительныхъ испытаній, есть обѣтованная милость божественнаго учителя, и есть вмѣстѣ столько же велѣніе сердца, сколько и требованіе правосудія, основаннаго на христіанскихъ началахъ (26).

Въ какой мѣрѣ, замѣченныя здѣсь уклоненія и недостатки, предупреждены въ послѣдующихъ законодательствахъ, мы увидимъ изъ дальнѣйшаго развитія уложеній прежнихъ и изъ состава и содержанія уложеній новѣйшихъ.— Тогда мы изложимъ и наши убѣжденія о пространствѣ и свойствахъ преступленій и наказаній и объ отношеніи виновности къ наказуемости.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПРИМѢЧАНІЯ.

(1). Вообще исторія права, смотр. сочиненія: Эйхгорна — Staats und Rechts geschichte. Ч. 1 и 2. Россига System und Geschichte d. d. crim. Recht 3 части.

О Каролингъ: древнѣйшія извѣстныя изданія Каролины: въ Майнцѣ, у Шефера, MDXXXIII. Cum eragia et privilegio imperiali; потомъ съ 1533 въ Майнцѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ и Вольфенбютелѣ до 1600 г. больше 30 изданій.

Для изученія Каролины: Malblank—Geschichte der pein. Ortsordnung Kaiser Carls V von ihrer Entstehung—bis auf unsere Zeit. Нюрнбергъ 1783 и Лейпцигъ, bei Laufer, 1820.

(2). Сравни. Frederisdorf—Promptuarium der fürstlich. V. Wolf. Landesverordnungen, im Auszuge. Braunschweig 1775 — 1817, 7 частей. Повелѣніями 15 апрѣля 1656 и 20 авг. 1742 г. вмѣнено въ обязанность строго и буквально держаться закона. Но въ одномъ постановленіи высшаго суда, 1825 года, объяснено положительно, что уголовное уложеніе измѣнено обычаемъ. Этого правила держались потомъ уже всѣ суды.

О Бадель: Das badische Strafedict mit seinen Erläuterungen und Zusätzen. Mannheim 1823. Новое уложеніе, изданіе Тило, 1845. Введенія.

(3). Еще Беконъ говорилъ объ этомъ, съ обыкновеннымъ его глубокомысліемъ, въ пространномъ сочиненіи «о достоинствѣ и приращеніи наукъ»—Кн. VIII, глав. 3. Краткое начертаніе всеобщаго правосудія и источниковъ права. Здѣсь, въ общихъ положеніяхъ (афоризмахъ) Беконъ излагаетъ законы законовъ (Legum leges), и объ уложеніяхъ въ особенности говоритъ съ 59—65 положеніяхъ.

Главнѣйшимъ поводомъ спора было изданіе предначертанія прусскаго уложенія. Прочныя основанія сему положены правовѣдомъ Шлоссеромъ, развитыя въ послѣдствіи учеными законовѣдами Тибо и Савиньи (1814 г.) Болѣе самостоятельно разсматривалъ этотъ предметъ Бентамъ: sur la codification.

Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что споръ происходилъ объ уложеніяхъ общихъ и (Тибо и Савиньи) преимущественно законовъ гражданскихъ. Примѣненіе спора къ законамъ уголов-

пымъ начинается съ изданія (съ 1801 — 1813) уложенія Баварскаго Feurbach: kleine Schriften — Отдѣленія 5—6.

Къ сожалѣнію почти все возраженія ограничиваются общими разсужденіями, рѣдко убѣдительными въ дѣловомъ отношеніи. Надобно, однако, условиться въ томъ, въ какомъ видѣ законъ соотвѣтствуетъ болѣе своему назначенію: въ разсѣянномъ или въ сводномъ. Можетъ-быть въ рукахъ правовѣда, разсѣянность или отдѣльность законовъ болѣе способствуетъ свободному развитію права и примѣненію его къ частному случаю или дѣлу: но отдѣльность эта, при значительномъ числѣ законоположеній, затрудняетъ и запутываетъ правосудіе, а для частнаго свѣдѣнія и совѣмъ невозможна. Въ строгомъ смыслѣ историческаго ученія, уложеніе законовъ принадлежитъ времени, но здѣсь право приписывается въ смыслѣ не закона, а науки, какъ по ученію отвлеченному—въ смыслѣ выраженія понятій, между тѣмъ какъ законъ есть огражденіе, которое тѣмъ лучше, чѣмъ вѣрнѣе т. е. опредѣленнѣе и извѣстнѣе.

Въ послѣднее время г. Савиньи, не ограничиваясь общими возраженіями, въ сочиненіи своемъ — «Нынешнее римское право, Берлинъ, 1840—1847» сдѣлалъ весьма много и прямыхъ частныхъ примѣненій, на основаніи которыхъ онъ могъ сказать о прусскомъ уложеніи: «что если бы могли знать къ какимъ послѣдствіямъ приведетъ предпринятое уложеніе, то едва ли бы рѣшились приступить къ нему». Безъ сомнѣнія; но въ томъ положеніи, въ которомъ правосудіе находилось до 1779 г. при строгомъ историческомъ началѣ, надобно бы было совѣмъ отказаться отъ уложенія и предоставить судъ общему мнѣнію правовѣдовъ (*communis doctorum opinio*). Частные недостатки здѣсь выкупаются общимъ благодѣяніемъ, тѣмъ, что есть законъ, который прежде существовалъ въ разнообразныхъ сборникахъ и листахъ или въ обычаяхъ и ученіяхъ, еще болѣе разнообразныхъ.

Объ уложеніи уголовныхъ законовъ, въ послѣднее время, болѣе другихъ писалъ Миттермайеръ (смотри ниже, примѣч. 13). Вопросъ этотъ уже рѣшенъ и рѣчь идетъ собственно о порядкѣ и составѣ уложеній. Изъ многочисленныхъ предначертаній весьма трудно указать хотя на одно, которое бы не представляло замѣчательный трудъ по чистотѣ и стройности работы, начиная съ предначертанія Фейербаха и оканчивая баденскимъ. Но

большая часть ихъ имѣютъ видъ и расположеніе болѣе учебниковъ, нежели простыхъ и ясныхъ книгъ закона.

(4). О прусскихъ уголовныхъ законахъ сообр. Temme — Handbuch des preus. criminalrechts. Лейпцигъ 1837. XX раздѣлъ, изданный дополненіями и изъясненіями Маннкофомъ; aberg—versuch einer Geschichte der Strafgesetzgebung—въ изданіи—Гятцига Zeitschrift. 1 supplement band. отдѣлен. 1. стр. 1—205.

(5). Сравн. австрійскаго правовѣда—Маухера—Systematisch. d. oesterreich. Strafgesetzes, Вѣна, 1844 ч. 1. стр. 12,

(6). Lipowsky — Geschichte des bairisch Criminalrechts 1802. Фейербаха: Kleine Schriften, отдѣлен. 5 и 6, стр. 133 и 153, и его же Kritik des Kleinschrodsehen Entfurfs, 1804.

Ансельмъ фонъ-Фейербахъ, имя котораго такъ часто упоминается въ уголовныхъ сочиненіяхъ, есть, безъ сомнѣнія, глава новыхъ ученій о уголовномъ правѣ. Онъ родился въ Франкфуртѣ 14 ноября 1775 г. учился въ Іенѣ, гдѣ и потомъ въ Килѣ былъ преподавателемъ. Перешедши въ Ландсгутъ, онъ вскорѣ получилъ порученіе составить предначертаніе уложенія для Баваріи и съ того времени, не оставляя наукъ, онъ постоянно принадлежалъ судебной службѣ. Главное начало его есть то, что основаніемъ суда о преступленіи и наказаніи, есть буквальный смыслъ закона—(nullum crimen, nulla poena sine lege) и что цѣль уголовного закона есть—внушить общее убѣжденіе въ непремѣнномъ послѣдствіи наказанія за преступленія и тѣмъ предупредить, чтобы въ государствѣ не было никакихъ нарушеній или преступленій. Мы говоримъ ниже о составленіи и началахъ предначертанія Фейербаха и о главнѣйшихъ его сочиненіяхъ. Первый составитель *ученаго* предначертанія, Фейербахъ испыталъ все несправедливости, весьма часто къ нему неотносилися, болѣе какъ представитель извѣстнаго ученія, нежели виновный въ его послѣдствіяхъ.

Предначертаніе его перерабатывалось, дополнялось и измѣнялось замѣчаніями и, въ окончательномъ своемъ видѣ, не можетъ быть названо его работою.

Существенный вредъ ученаго уложенія не въ томъ, что оно неудобно въ употребленіи, съ которымъ можетъ освоить время, или недоступно для большинства общества, которое современнымъ можетъ узнать его изъ учебниковъ. Вредъ этотъ важенъ, но не осязателенъ. Существенный вредъ заключается въ послѣдствіяхъ, иногда являющихся немедленно по введеніи закона

въ дѣйствіе. Такъ напр. по дѣйствию баварскаго уложенія, немедленно число преступленій возросло, по 315 и 411, о сопротавленіи, самоуправствѣ, 420, о разбоѣ (сообр. Миттермайеръ Strafgesetzgebung, ч. 1 стр. 20—24 и ч. II стр. 179 и слѣд.) Но это умноженіе числа преступленій, отъ неясности или дробности закона, не изъ дѣйствительности составленнаго, сопровождалось тѣмъ, что по всякому случаю заводилось особое дѣло, требовавшее особаго расходовъ, особаго занятій, силъ и денегъ, и — что всего важнѣе — по каждому случаю, привлекались люди къ отвѣтственности, къ свидѣтельству, неся отъ того убытки, безпокоюсь и подвергаясь всѣмъ неприятностямъ, съ подобными случаями соединеннымъ.

Обозрѣніе отчетовъ въ этомъ отношеніи за извѣстное пространство времени можетъ представить достойный предметъ изученія, и мы сожалѣемъ, что за неимѣніемъ ихъ должны ограничиться этими краткими указаніями, заимствованными изъ сочиненія Миттермайера.

(7). Эти второстепенные сборники довольно многочисленны. Мы укажемъ на главнѣйшія:

Hessen-Darmstadt peinliche Gerichtsordnung 1726. Это примѣненное къ мѣстности уложеніе Карла V.

Criminal-Instruction ^{30 Апрель}_{11 Мая} 1763, Георга II, для Ганновера.

Это, по мнѣнію правовѣда Захаріе (Gebrechen und Reform d. deutsch, Strafverfahren, 1846) до сихъ лучшее собраніе постановленій о производствѣ. Последнее изданіе его Нипера, 1841 г. Ганноверъ, дополнено новыми постановленіями, во многомъ, впрочемъ, измѣненными уложеніемъ 8 Авг. 1840 г. и полицейскимъ судомъ 19 Ноябр. 1840 г.

Württemberg. Criminal-ordnung 1732, въ Hochstellers-Extract general Rescripte. Часть II стр. 333.

Fuerstliche Hessische peinl. ger. ordn. et cet 23 Апрѣля 1748, въ Клейншмидтовомъ собраніи часть 4 стр. 973.

(8). О прусскихъ уголовныхъ законахъ, сообр. повременныя изданія: Гитцига Zeitschrift, част. 2 тетради 1 и 3, въ особенноти статьи Ярке: Beitrage zur Revision d. preus. gesetzgebung. Миттермайера Strafgesetzgebung, Ч. 1 стр. 9.

(9). Объ австрійскомъ уложеніи — разборы Клейна и Клейншрода въ allen archiv d. Crimlnrechts, Части 5 и 6. Вообще и тотъ и другой признають уложеніе строгимъ (указывая на статьи 16,

18, 94, 124, 170, 377, 404, а; 410, 412, 462, 465, 492) неполнымъ (ст. 1, 5, 7, 29, 52, 92, 94, 110, 114, 122, 123, 127, 133—135, 147 и мн. друг.) и неопредѣленнымъ во многихъ случаяхъ. Клейнъ оуждасть однообразный порядокъ наказаній. Мы остановились на разборѣ этихъ правовѣдовъ потому, что они оба участвовали въ составленіи уложеній въ Пруссіи и въ Баваріи. Сообр. различныя сужденія такъ же Миттермайера Strafgesetzgebung Ч. 1 стр. 11 и Ч. 2 стр. 81.

Лучшія руководства: о преступленіяхъ Вазера и еще подробнѣе Маухера Systematisches Handbuch 1844—1845 г.; о тяжкихъ проступкахъ Кудлера Erklarung des Strafgesetzes über schwer. Polizeiübertretungen, 1836 Вѣна.

(10). Съ самаго изданія французскаго уложенія, оно подверглось строгому и нерѣдко пристрастному порицанію нѣмецкихъ ученыхъ, въ особенноти за жестокость наказанія и безразличіе виновности по участию и покушенію. Общее осужденіе его г-мъ Савиньи (Beruf unserer Zeit, стр. 56), основанное, впрочемъ, на отзывкахъ французскихъ правовѣдовъ (Крюссера, Мальвиля, Потье) неоднократно повторенное другими государственными правовѣдами (Кампцъ actenmaessige Darstellung d. pr. Revision, Берлинъ 1842), впоследствии, при изданіи книги въ 1828 г. смягчено знаменитымъ ученымъ. Тѣмъ не менѣе, влияние этого уложенія, начиная съ законовъ баварскихъ 1813 г. простирается на всѣ италіянскія, швейцарскія и вообще рейнскія государства. Впрочемъ, и въ самой Франціи дѣловые и ученые правовѣды находятъ въ немъ множество недостатковъ, особенно съ того времени, какъ его стали улучшать, не измѣняя состава, частными дополненіями, которыя съ 1824 г. пять разъ подвергались пересмотру. Сообр. Талландіе, Граверанъ, Лякозиль, Адольфъ и Гели. Двое послѣдніе, чиновники высшаго судебнаго управленія, издали лучшее и обширное сочиненіе: Theorie du code pénal 8 частей, Парижъ 1837—1843 г. Это не развитіе ученія, а болѣе историческое объясненіе содержанія и составленія уложенія со многими замѣчаніями, изъ дѣлъ извлеченными.

(11). Мы разумѣемъ законъ 28 Апрѣля 1832. Разныя перемѣны, имъ введенныя, потребовали новаго изданія уложенія 1810 г. и вообще признаются полезными. Сообр. Миттермайера Neue Archiv d. Crimlnrecht, часть XXX, отдѣл. II и Лгармита—Critische Zeitschrift. ч. IV стр. 248; такъ же Helie — Theorie du code — ч. I стр. 25—28. Но введеніе circonstances atténuantes за-

служило порицаніе какъ во Франціи, такъ и въ Германіи, какъ напр. Миттермайера—Strfgstzbgng, 71 стр. 108 и ч. 2 стр. 244; Гели—ч. VIII стр. 219—261; Лякюзинь— Sur l'administration crim. стр. 17,

Законъ 1832 г. о обстоятельствахъ, измѣненный 9 сентября 1835 г. есть, во всякомъ случаѣ, мѣра полезная, какъ смягченіе строгости вообще наказаній и особенно не рѣдкаго примѣненія смертной казни, такъ и какъ требованіе справедливости, дозволяющее присяжнымъ говорить не только «виноватъ», но «болѣе или менѣе виноватъ,» и на этомъ основаніи избавляющее ихъ прибѣгать къ оправданію, дабы не подвергнуть виновнаго несообразному наказанію: прежде изъ 100 подсудимыхъ едва 60 признавались виновными, теперь — болѣе 70. Строгость наказаній приводила къ смягченію суда, а смягченіе наказаній — къ его строгости.

Полезенъ законъ 1832 года и тѣмъ, что измѣнивъ въ существѣ опредѣленіе наказаній, онъ почти не измѣнилъ состава и самыхъ статей уложенія, что въ дѣловомъ отношеніи весьма важно.

Не говоря о злоупотребленіяхъ, которыя дѣлаются изъ закона, о смягчающихъ обстоятельствахъ, и которыя относятся болѣе къ французскому порядку судопроизводства, мы должны однако замѣтить, что онъ требуетъ существенныхъ измѣненій при судѣ двухъ или нѣсколькихъ преступниковъ, т: е: въ примѣненіи къ степенямъ участія и покушенія, такъ недостаточно развитыхъ въ уложеніи. Недѣлительность наказанія, здѣсь замѣчаемая, не менѣе порицательна, какъ и жестокость его, и законъ 1832 г. этому ни сколько не помочь.

(12). Обращаемъ вниманіе на 440 ст. Code d'instruction, на основаніи которой, при вторичной отмінѣ т: е: si le second jugement sur le fond sera attaqué par les mêmes moyens (какъ и первое рѣшеніе), il sera procédé selon la loi du 16 Sept. 1807 т: е: законъ подвергается поясненію и толкованію распорядительнымъ порядкомъ, dans la forme de l'administration publique. Этотъ законъ 1807, смѣшивавшій судъ съ управленіемъ, отміненъ 30 іюля 1828 когда постановлено: и при вторичномъ рѣшеніи, судъ могъ остаться при своемъ мнѣніи, не стѣсняясь отмінною—prononcer souverainement sans être obligé de suivre la doctrine, établie par la cour de cassation. Законъ этотъ допускалъ право вторичной отміны и вмѣстѣ съ тѣмъ, желая оградить независимость суда, уничтожаетъ отміню, давая нѣкоторымъ образомъ прему-

щество писемому суду предъ высшимъ, блюстительнымъ. Въ 1837 г. апрѣля 1, постановлено новое правило, не менѣе крайнее и стѣснительное: si le deuxième jugement est cassé pour les mêmes motifs que le premier, le tribunal se conformera à la décision de la cour de cassation. Здѣсь очевидно противорѣчіе: la cour de cassation можетъ рѣшить дѣло по существу, sur le fond и второй судъ обязанъ принять его рѣшеніе. La forme emporte le fond. При введеніи французскаго уложенія въ Бельгіи, правило это выражено иначе: si la cour annule le second jugement, il y a lieu à l'interprétation (par le pouv. législatif). Зак. 4 авг. 1834 г. ст. 24.

(13). Весьма трудно изчислить все законодательныя работы, напечатанныя пренія разсматривательныхъ собраній и частныя сочиненія объ уголовномъ правѣ, какъ въ повременныхъ изданіяхъ, такъ и въ отдѣльныхъ книгахъ и сборникахъ. Къ сожалѣнію должно замѣтить, что не только историческое изученіе, въ родѣ Мареццоля—das Gemeine deutsche Criminalrechts als Grundlage и пр. 1841, но и пространныя сочиненія, въ духѣ исключительныхъ ученій написанныя, какъ Титманъ, Генке, Ярке, даютъ мѣсто или учебникамъ Мартина, Абега, Вехтера, Бауера, Гефтера, или сочиненіямъ болѣе глубокомысленнымъ, нежели обдуманымъ и обработаннымъ, какъ Россгирта, или отрывочнымъ, въ видахъ государственныхъ, уголовной предусмотрительности и отвлеченныхъ ученій. Послѣ Фейербаха историческое изученіе осталось при одномъ ученюмъ достоинствѣ и мы напрасно стали бы искать учености, вооруженной дѣловою опытностію какого нибудь Карпцова—Practica nova rerum criminalium vit. 1638, или Клейншрода—Systematische Entwicklung d. Grundbegriffe des peinl. Rechts 1793 г. или Фейербаха. Вліяніе иныхъ началъ, пришедшихъ изъ Франціи, вторгается и въ часть судную и въ ученія уголовныя. Историческое и самое отвлеченное ученіе болѣе и болѣе подчиняется сравнительному, соответственно нашему времени или по-крайней-мѣрѣ требованіямъ — часто мнимымъ — нашего времени. Сравнительное ученіе и въ сочиненіяхъ болѣе удовлетворительныхъ нежели опыты г. Ортолова, не принесутъ той положительной пользы, какой можно ожидать отъ историческаго и особенно дѣловаго.

Послѣ Бюмера (1816 г.) общее обзорніе сочиненій по уголовному праву издалъ: Фр. Канлеръ—Handbuch d. Literatur des

Criminalrechts und dessen Hülfswissenschaften (philosophischer und medicinischer), von F. Kappler, Stuttgart, 1838. Не смотря на обширность (1245 страниц) сочинение это не может быть названо полным и не содержитъ въ себѣ изданій самаго дѣятельнаго пространства времени (1838—1845 г.) Оно расположено по порядку учебника Фейербаха, котораго изданіе, обогащенное примѣчаніями и дополненіями Миттермайера, могло служить ему началомъ и основаніемъ.

Богатымъ источникомъ уголовного права и законовѣдѣнія служатъ сочиненія и изданія Миттермайера, имя котораго упоминается почти во всякой статьѣ и книгѣ. Тайный совѣтникъ и профессоръ Миттермайеръ родился въ августѣ 1787 г. и съ молодыхъ лѣтъ извѣстенъ трудами своими и чтеніями въ гайдельбергскомъ университетѣ, которыхъ онъ не оставлялъ будучи и предѣвателемъ баденской палаты. Если съ одной стороны трудно найти какой-нибудь предметъ права, о которомъ бы не писалъ, и всегда съ замѣчательнымъ успѣхомъ, Миттермайеръ, то съ другой стороны невозможно не изумляться и всесторонней дѣятельности его и нерѣдко современной обработки имъ нѣсколькихъ сочиненій. Можно подумать, что всѣ сочиненія его лежатъ раскрыты въ рабочей комнатѣ, и получивъ листъ или книгу, онъ дополняетъ, измѣняетъ и вноситъ все, что относится къ предметамъ его сочиненій изъ полученнаго творенія, статьи, письма или извѣстія. Участвуя почти во всѣхъ изданіяхъ повременныхъ, издавая самъ, засѣдая въ разныхъ съѣздахъ ученыхъ, ведя постоянную обширную переписку съ людьми всѣхъ странъ, Миттермайеръ, по своему разнообразію, можетъ справедливо назваться представителемъ и еще справедливѣе — обнародователемъ (публицистомъ) современнаго уголовного права. Онъ сочинилъ и издалъ: Нѣмецкое частное право — 1821 — 1830; о судопроизводствѣ: гражданскомъ — 1820 — 1823; уголовномъ — 1810 — 1832, 1839, 1845; о доказательствахъ — 1809 — 1834, о защищеніи — 1820 — 1845 и мн. друг. Имя его связано съ важнѣйшими преобразованиями правосудія въ Баденѣ и въ особенности съ отдѣленіемъ правосудія отъ управленія, съ назначеніемъ широкаго размѣра въ опредѣленіи наказаній, по усмотрѣнію судей, съ различеніемъ среды науки и среды закона и др. Никто болѣе его не способствовалъ соединенію науки съ законодательствомъ, обнародованію современныхъ успѣховъ въ видѣ обзорѣ-

ній законодательства сравнительнаго и связи ученій и ученыхъ, опытовъ и послѣдствій въ разныхъ странахъ. Прежнія изданія его сочиненій совершенно измѣнились въ позднѣйшихъ и учебникъ Фейербаха, въ 14 изданіи, сдѣлался обширнымъ сборникомъ, неполненнымъ не рѣдко весьма счастливыхъ сближеній. Изъ числа послѣднихъ его сборниковъ (изъ статей, болѣею частію писанныхъ и обработанныхъ для повременныхъ изданій) по настоящему уголовному праву, замѣчательны:

1. Die Strafgesetzgebung in ihrer Fortbildung, geprüft nach der Forderungen и проч. Heidelberg. 1841 г. Въ 1843 г. онъ издалъ 2 ч. Это собственно о преступленіяхъ и наказаніяхъ, по повѣйшимъ уложеніямъ съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ общихъ замѣчаній: о порядкѣ уложенія, о судейскомъ произволѣ, о наукѣ и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что въ новомъ изданіи оно будетъ полнѣе въ содержаніи и зрѣлѣе въ развитіи подробностей.

Въ 1845 г. П. И. Дегай издалъ: Взглядъ на современное положеніе уголовного законодательства въ Европѣ. СПбургъ. 100 стр. in. 8. Это означеніе существенныхъ предвѣщаній, какія сдѣланы въ разныхъ государствахъ, съ историческими обзорѣніями.

2. Die Mündlichkeit, das Anlageprincip, die Oeffentlichkeit und das Geschwornengericht. 1845. Это, въ томъ же смыслѣ, какъ и первое, есть собраніе свѣдѣній и мнѣній о устройствѣ и производствѣ суда. Изданное о семъ сочиненіе П. И. Дегай въ 1846 г. есть опытъ, въ строгомъ смыслѣ, сравнительнаго законодательства; подобнаго изданія, сколько намъ извѣстно, не существуетъ нигдѣ.

Сравнительное законодательство можетъ имѣть три вида: 1. Сводъ извѣстнѣйшихъ уложеній. Если бы точное и пространное исполненіе такого свода было возможно, съ сохраненіемъ всѣхъ отгѣнковъ и подробностей, то подобный трудъ могъ бы быть весьма важнымъ основаніемъ работъ и изученія положительныхъ законодательствъ. 2. Сопоставленіе изъ разныхъ уложеній соответственныхъ §§, какъ сдѣлано въ Саксоніи въ 1838 и въ Пруссіи, по распоряженію г. Кампца. Это трудъ полезный, замѣняющій много книгъ. Но и сводъ и сопоставленіе, особенно послѣднее, не представитъ даннаго уложенія въ цѣлости и послѣдовательности его ученія и развитія; они всегда будутъ, болѣе или менѣе, отрывочны. 3. Изложеніе ученій различныхъ положительныхъ законодательствъ, въ видѣ обзорѣ-

ній (какъ напр. Миттермайера), по мнѣнію нашему, болѣе удовлетворяетъ своему назначенію. Здѣсь изложеніе можетъ быть отчетливѣе, послѣдовательнѣе и удобнѣе запечатлѣвается въ памяти. Сравнительное изученіе почти вытѣснило изученіе историческое, отъ котораго такъ много можно ожидать полезнаго.

(14). Разнообразныя ученія о цѣли наказаній, какъ безусловныя (абсолютныя), такъ и относительныя, по мнѣнію нашему, совершенно не примѣнимы къ положительному праву и каждое изъ нихъ, взятое отдѣльно, ведетъ къ крайнимъ несообразностямъ. (Срав. ниже примѣчаніе 24). Мы полагаемъ, что огражденіе общества отъ нарушеній есть существенное назначеніе наказанія и уголовного права государства. Такъ и было всегда бываетъ, при опредѣлительныхъ основаніяхъ государства, еще незапутанныхъ отношеніями мѣста, времени и лицъ. Поэтому, не довольствуясь огражденіемъ, государство принимаетъ на себя предупрежденіе нарушеній и даже поощреніе развитія.

При сближеніи науки съ жизнью, намъ кажется, что весьма не рѣдко предполагаемая образованность и смятеніе правотъ принимаются за дѣйствительныя и грамотность за просвѣщеніе и мы не думаемъ, чтобы устрашеніе, если оно полезно, уже неумѣстно въ наше время. Мы думаемъ, что улучшеніе преступника не относится къ уголовному праву.

(15). Mes prisons — Silvio Pellico. По мнѣнію нашему, въ сужденіяхъ объ этой книгѣ часто смѣшиваютъ грубость, не рѣдко даже обрядность съ жестокостію или тягостію, а преданность вѣрующаго, съ униженіемъ или безнадежностію страдающаго. Сравн. напр. Люка — Reformes des prisons ч. III. Сенъ-Маркъ-Жирарденъ, Essais de litterature, статью: Silvio Pellico, и предисловія во французскихъ изданіяхъ. При подобномъ судопроизводствѣ (мы говоримъ не о личности и винѣ подсудимаго, а имѣемъ въ виду только важность преступленія), виновность есть принадлежность дѣла, судейской комнаты, а наказаніе, подсудимымъ потерпѣнное и описанное, читается всѣми. Мы думаемъ, что Пеллико, рѣшившійся описать свое заключеніе, долженъ бы былъ описать и причины его и основанія обвиненія или невинности.

(16) Мы позволяемъ здѣсь сдѣлать нѣсколько замѣчаній объ усиленіи преступленій, въ чемъ нѣкоторые обвиняютъ уголовное правосудіе, основываясь на его же отчетности.

Усиленіе преступленій не подлежитъ сомнѣнію: отчеты по управленію уголовнымъ правосудіемъ въ Пруссіи, Франціи и Англіи представляютъ тому очевидныя доказательства.

Исслѣдователи дошли до слѣдующихъ заключеній. Число преступленій увеличивается въ несоразмѣрномъ отношеніи съ усиленіемъ народонаселенія. Такъ по изчисленію Фарентрапа, народонаселеніе съ 1814 г. возрасло на 14%, а преступленія на 23%.

Преступность находится въ соотношеніи съ бѣдностію, а бѣдность съ средоточеніемъ богатствъ.

Въ мѣстахъ земледѣльческихъ, число преступленій несравненно менѣе, нежели въ тѣхъ, гдѣ занимаются на заводахъ и въ руководѣльныхъ, такъ что во Франціи напр., въ верхнерейскомъ округѣ, изъ преступниковъ уголовныхъ приходится 1 на 2014 жителей, а въ изерскомъ округѣ 1 на 13,037.

Число молодыхъ, несовершеннолѣтнихъ, преступниковъ значительно превышаетъ число взрослыхъ и старыхъ (разумѣется сравнительно съ общимъ числомъ ихъ населенія), такъ что въ Англіи молодыхъ 40 и даже 42%, а изъ поселенцевъ 50% всего числа преступниковъ.

Число грамотныхъ преступниковъ постоянно увеличивается. Въ Англіи не грамотныхъ было: въ 1836 г. — 33%, въ 1841 г. — 32, въ 1845 — 30. Всѣ прочіе — отъ 67 до 70% умѣли читать. Сколь не обманчивы отчетныя числа, они дѣйствительно представляютъ постоянное усиленіе числа преступленій, изъ которыхъ, по весьма многимъ, обвиняемые не признаны виновными (въ Баденѣ напр. въ нижнерейскомъ округѣ 62 изъ 100), а по многимъ и совѣмъ никого виновныхъ не открыто. Но конечно самое большое число принадлежитъ преступленіямъ, по которымъ обиженный или потерпѣвшій не получилъ удовлетворенія. Какъ прежде въ сдѣлкахъ (composiciones) уничтожалось наказаніе, такъ нынѣ удовлетвореніе уничтожается въ наказаніяхъ.

Но мы, съ своей стороны, думаемъ, что означенныя выше заключенія о несоразмѣрности усиленія преступленій съ усиленіемъ народонаселенія, особенно въ земледѣльческихъ и руководѣльныхъ сословіяхъ, едва ли правильны въ своихъ основаніяхъ: преступленіе не должно быть соразмѣряемо съ народонаселеніемъ, иначе, при извѣстныхъ законахъ умноженія населенія, не предполагая особенной испорченности поколѣній, можно бы было исчислить впередъ число преступленій, столь

зависимое отъ разныхъ обстоятельствъ. Здѣсь слѣдуетъ принимать въ основаніе не народонаселеніе, но развитіе требованій и возможность ихъ удовлетворенія.

Съ этой точки зрѣнія, т. е., разсматривая требованія по количеству (народонаселенію) и качеству (значенію лицъ и сословій), Англія и Франція не представляютъ утѣшительнаго явленія. Замѣчаніе это, впрочемъ, можетъ относиться вообще ко всѣмъ государствамъ запада, въ которыхъ развитіе переполнилось и нарушило равенство требованій и удовлетвореній. Мы разумѣемъ здѣсь два явленія: уменьшеніе браковъ и усиленіе преступленій или возрастающую безнравственность.

Уменьшеніе браковъ есть прямое доказательство уже ощущаемой несоразмѣрности требованій съ удовлетвореніями отъ избытка населенія, доведеннаго, поощреніями его, до бѣдности въ средствахъ содержанія, какъ это всегда бываетъ при исключительности развитія. Но здѣсь не должно винить одинъ избытокъ населенія; уменьшеніе браковъ не уменьшаетъ числа рожденій. Причины этого заключаются въ измѣнившихся требованіяхъ, въ несоотвѣстствіи значеній съ назначеніями, къ которому привело поощреніе или искусственность развитія, выведеннаго изъ естественныхъ границъ или условій мѣста и времени.

Что касается усиленія преступленій, то здѣсь, основываясь на отчетныхъ числахъ, несомнѣнно должно признать, что число преступленій увеличилось, и при томъ несоразмѣрно, съ умноженіемъ народонаселенія. Искать ли причину этого явленія въ исключительной преданности челоѣка вещественнымъ выгодамъ (Гизо), или въ тѣхъ потокахъ беззаконія, въ которыхъ появляются легкомысліе, законопреступныя утѣхи юности, закоснѣніе старости, забвеніе Промысла въ счастіи, ропотъ въ несчастіяхъ, тщеславіе въ благотвореніи, корыстолюбіе въ трудолюбіи, медленность въ исправленіи, многократныя паденія послѣ возстанія, беспечность и бездѣйствіе, свойственныя владычеству роскоши, своеволіе вѣка, надменнаго мечтою просвѣщенія.»

Мы не будемъ разсматривать это явленіе ни въ общемъ смыслѣ, ни въ отношеніи какого либо государства, какъ Англія, Франція, гдѣ имѣются свои особенныя условія. Мы намѣрены обратить вниманіе на разсмотрѣніе этого явленія въ одной области, болѣе другихъ удаленной отъ разгара увлеченій, основываясь, какъ мы старались дѣлать всегда, на дѣловыхъ (оффиці-

альныхъ) свѣдѣніяхъ, получившихъ общую извѣстность. Мы говоримъ о силезскомъ совѣщаніи 1837 года въ собраніи областныхъ сословій.

Въ 1836 г. прусское правительство, усматривая непомѣрное усиленіе преступленій, требовало отъ подлежащихъ присутственныхъ мѣстъ и лицъ изысканій о причинахъ возрастающей безнравственности, steigende Entsittung, и силезское собраніе по этому поводу имѣло совѣщанія и представило свое мнѣніе и заключенія. Въ семь мнѣній, изложенномъ въ Landtags-Verhandlungen, 14 Folge, Berlin 1840, объявлено, что «корни безнравственности или сѣмена развращенія, при отношеніяхъ настоящаго времени, безъ сомнѣнія, разсеяны повсюду и обильнѣе нежели прежде, потому что общая личная свобода, открывая неограниченное поприще соревнованія, въ приобрѣтеніи, вмѣстѣ съ тѣмъ подвергаетъ немущія сословія всѣмъ тѣмъ опасностямъ и превратностямъ случайнаго сопряженія обстоятельствъ, которыя нерѣдко ведутъ къ нуждѣ, а нужда, въ свою очередь, ведетъ къ преступленію. Но этому настоятельно необходимо изыскать средства, которыя бы могли предупредить лихцевидное преуспеянiе сѣмени зла сего. При тщательномъ попеченіи о народномъ образованіи и основаніяхъ его — церкви и училищахъ — нѣтъ недостатка въ средствахъ любви, это признано всѣми единодушно; но средства страха, столь же необходимыя для удержанія семейства и народа на пути нравственности, при настоящемъ порядкѣ вещей, нельзя признать достаточными.

«Этотъ недостатокъ особенно ощутителенъ въ отношеніи юношества. Освободясь отъ родительской власти и оставленное на собственный прозволю, при совершенной свободѣ, въ поискахъ лучшаго и удобнѣйшаго, итти на всѣ четыре стороны, оно легко пріучается къ бродячей жизни и лишается отеческаго руководства и управленія въ томъ именно возрастѣ, когда развиваются страсти и укрѣпляется своемысліе. Опредѣленіе отношеній зависимости, введеніе общественнаго устройства, который бы распространялся на бездомовыхъ и несовершеннолѣтнихъ, усиленіе родительской и мѣстной блюстительной власти, примѣненіе военныхъ законовъ къ гражданскому юношеству, особенно къ мастеровымъ и домашнимъ работникамъ, — вотъ мѣры, которыя могутъ противодѣйствовать необузданности и порочному направленію молодаго поколѣвія.

«Недостатокъ страха предъ закономъ и наказаніемъ, обнаружи-

вается и въ тѣхъ, которые уже вступили на путь преступлений, ибо при настоящемъ порядкѣ уголовного правосудія, злодѣяніе весьма часто вовсе не подвергается изслѣдованію, еще чаще остается недоказаннымъ и безнаказаннымъ и самое наказаніе весьма рѣдко исполняется дѣйствительнымъ образомъ.

«Доколѣ владѣльческая судная власть будетъ отвѣтствовать за уголовныя издержки, и доколѣ маловажныя нарушенія будутъ принадлежать вѣдомству общихъ судовъ, доколѣ нарушители, кромѣ развѣ важныхъ случаевъ, всегда будутъ надѣяться избѣгнуть судейскаго преслѣдованія. Такимъ образомъ совершаются незаметно и невозбранно первые шаги на пути преступленія и къ возрастающему порочному влеченію присоединяется увѣренность въ безнаказанности.

«Подозрительные, отягченные преступники весьма часто не изобличаются въ злодѣяніи и остаются безъ наказанія. Причину этого должно искать въ затруднительности предписанныхъ закономъ доказательствъ, въ обрядности и медленности производства изслѣдованій, затемняющихъ истину,—въ безнаказанности лжи и заpiresательства, потакающей преступнику безстыдное отрицаніе сдѣланнаго прежде сознанія,—въ крайне вредномъ вліяніи совмѣстнаго заключенія во время изслѣдованій, отъ чего тюрьмы превращаются въ высшія училища опытныхъ преступниковъ,—и наконецъ въ частномъ смѣшеніи понятій о несчастіи и преступленіи, въ судебныхъ приговорахъ.

«Исполненіе наказанія, ограничивающагося большею частию лишеніемъ личной свободы, весьма часто не имѣетъ на преступника и на другихъ никакого дѣйствія, ибо осужденный получаетъ въ тюрьмахъ лучшее содержаніе, нежели имѣлъ бы онъ, не совершивъ преступленія. Для искаженной природы это выше, нежели свобода. Только тотъ, кто близко знакомъ съ жизнію простаго народа, можетъ ясно видѣть въ какой степени положеніе преступника, при теплой укрѣпляющей пищѣ, въ отопленныхъ, убранныхъ комнатахъ, въ чистой одеждѣ, на хорошей постелѣ, при непродолжительныхъ развлекающихъ занятіяхъ, безъ заботъ о прокормленіи своего семейства и объ уплатѣ податей,—въ какой степени это положеніе лучше состоянія честнаго работника, который въ потѣ лица своего едва можетъ содержать себя и семейство, и которому постоянно сопутствуютъ нужда и заботы. Отъ этого происходитъ то, что преступники охотно возвращаются въ тюрьмы; число воспривиженій, послѣ

заключенія, весьма велико и многіе умышленно совершаютъ преступленія единственно, чтобы попасть въ тюрьму.» Landtags-Verh. стр. 235 и слѣдующ.

Нельзя не отдать полную справедливость изложенному здѣсь мнѣнію, но вопросъ заключается въ томъ: искоренить ли желаемый общинный порядокъ бродяжничества, и, ограничивая его, не стѣснить ли онъ вообще сношеній.

Patrimonialgerichtbarkeit, конечно, отягощена уголовными издержками и вообще неудовлетворительность уголовного правосудія въ Пруссіи очевидна.

Не будемъ говорить уже о развитіи вещественныхъ богатствъ, къ услугамъ которыхъ и обиліе рукъ и счастливые успѣхи науки и опыта представляютъ затрудненіе выбора: склады торговыхъ городовъ, общее пониженіе всѣхъ цѣнностей, обращеніе товаровъ по морямъ, каналамъ и желѣзнымъ дорогамъ свидѣтельствуютъ о могуществѣ вѣка и сторичномъ вознагражденіи его дѣятельности; мы укажемъ на развитіе въ Германіи, особенно въ Пруссіи, умственныхъ силъ, соединенное съ распространеніемъ образованія или грамотности. Поощреніе или усиленіе сего развитія дошло до того, что для желающихъ учиться нѣтъ мѣста въ существующихъ заведеніяхъ, что выучившимся нѣтъ назначенія, соотвѣтствующаго ихъ познаніямъ, и что въ ничтожномъ городкѣ или мѣстечкѣ есть доктора правъ, врачеванія, мірской мудрости (Weltweisheit), ожидающихъ пристройки (Anstellung), есть Buchhandlung съ картинными изданіями по грошу, есть Conversationsaal, casino и собраніе французскихъ повѣстей, переводовъ, подражаній и повременныхъ листовъ, ожидающіе въ Lesezimmer желающихъ знать, что дѣлается въ Калькутѣ, у Шницбергена, въ Парижѣ, въ городахъ и земляхъ, о которыхъ читающій узнаетъ въ первый и въ послѣдній разъ.

Въ «Введеніи въ исторію» (Москва 1833 г.) мы означили условія развитія, подраздѣляя оное на естественное и неестественное.

Такое развитіе нельзя назвать естественнымъ: удовлетвореніе отстало отъ требованія; ибо требованіе пробудилось самостоятельно и постепенно: значеніе несоотвѣтствуетъ назначенію: ибо первое зависитъ отъ воли, а назначеніе отъ обстоятельствъ. Такъ, въ существѣ, естественное и простое, развитіе усиленіемъ его хода вмѣсто ожидаемыхъ благъ привело къ затрудненіямъ.

Уклоненіе отъ простѣйшихъ началъ развитія, естественныхъ

и очевидных, непременно должно было имѣть эти послѣдствія. Какъ предустановленный законъ природы, развитіе само по себѣ просто, а между тѣмъ, что есть простаго въ этой сложной, запутанной образованности, въ этомъ ученомъ правѣ и письменной мудрости?

Совершенство, къ которому стремится человѣчество, пахочитъ на высокой горѣ и для скорѣйшаго достиженія его человѣкъ, вмѣсто обыкновеннаго пути, строить подмостки, которыя и тѣсны и зыбки и оттого безпрестанно колеблются и разрушаются, то отъ времени, то отъ напора стремленія.

Благодушно и доблестно желать — какъ Генрихъ IV — чтобы «всякій крестьянинъ имѣлъ курицу за объѣдомъ», или — какъ Фридрихъ и Иосифъ — чтобы онъ «умѣлъ читать и понимать право». Но пробужденіе сихъ требованій и поощреніе ихъ удовлетвореній пробуждаетъ другія, рѣдко удовлетворимыя, и еще рѣже основательныя.

Мы весьма далеки отъ того, чтобы роптать на повсемѣстное развитіе вещественныхъ и умственныхъ силъ: это есть непремѣнный законъ бытія, совершенствующагося раскрытіемъ своихъ значеній. Но мы полагаемъ, что это развитіе должно быть естественно т. е. должно открывать требованіе по мѣрѣ необходимости, и въ этой же необходимости обрѣтать удовлетвореніе, и совершаться въ предѣлахъ условій, въ которыхъ не можетъ быть никакого бытія, и забвеніе или искаженіе которыхъ, перепутываетъ и искажаетъ всѣ пути достиженія. Условія эти — мы не говоримъ о разныхъ второстепенныхъ — суть мѣсто и время, выражаемыя въ началахъ мѣстности и давности. Гдѣ эти условія и что съ ними сдѣлано?

Мѣстность заключается въ извѣстномъ пространствѣ, населенномъ извѣстными племенами и вообще образованномъ самою природою, рѣками и горами, или событіями времени, установившимъ единство. Конечно мѣстности должны со временемъ слиться, но не прежде, какъ по окончаніи своего мѣстнаго развитія и при томъ путемъ непримѣтнаго сближенія и взаимности. Когда *сосредоточеніе* этихъ мѣстностей вызвало въ Пруссіи изданіе общаго права — Landrecht — какъ мы изложили ходъ этого дѣла «въ обзорѣнн прусскихъ законоположеній» — мѣстныя права, долженствовавшія тоже быть изданы, упали, забылись или исказились вліаніемъ общаго, точно также, какъ и по изданіи code Napoleon. Взявъ верхъ, сосредоточеніе уже менѣе

внимательно къ мѣстнымъ нуждамъ (les intérêts locaux) и поглощаетъ мѣстныя права (Provincialrechten, coutumes), не замѣчая ни отвлеченія мѣстныхъ силъ, ни ослабленія самаго мѣстнаго ихъ дѣйствія своимъ усиленіемъ. Изученіе областныхъ собраній Verhandlungen der Provincialstaenden представляетъ этому убѣдительный примѣръ: рѣдкое предположеніе ихъ могло быть исполнено или потому, что не согласовалось съ видами общими, или потому, что требовало справокъ для введенія единообразія, или потому, наконецъ, что соревнованіемъ одной мѣстности ослабляется другая.

Мѣстность сокращается и, можно сказать, уничтожается или сосредоточеніемъ какъ напр. дорогою въ Гамбургъ, или соревнованіемъ, какъ напр. ходатайствомъ о введеніи рейнскаго (французскаго) судебного порядка. Примѣръ объяснить это очевидно, и особенно примѣръ ошутительный: дороги, это прямыя линіи, сокращающія пространства. Съ востока и съѣвера три пути вели въ Гамбургъ: чрезъ Пруссію, чрезъ Любекъ и чрезъ Голштинію. Любекъ представлялся самымъ удобнѣйшимъ. Киль, соревнуя, въ 1839 г. предпринялъ построить дорогу искусственную (Kunststrasse); но едва она была окончена, какъ въ томъ же году начата желѣзная, и въ это же время также желѣзный путь открытъ въ восточной Пруссіи, столь бѣдной обыкновенными мѣстными путями сообщеній. Соревнованіе должно уронить Любекъ, и конечно уронъ его не будетъ способствовать благосостоянію его жителей. Въ Бельгіи старыя, большія искусственныя и желѣзныя дороги четыре раза измѣняли направленіе путей: а между тѣмъ, сообразуясь съ направленіемъ ихъ, образовывались и поселенія и удовлетвореніе требованій: свозы, склады, закупки, съѣзды, которые, будучи обойдены дорогами, переносились, измѣнялись и не удовлетворяя прежнимъ, пробуждали новыя требованія.

Какъ въ развитіи силъ вещественныхъ, такъ и въ умственныхъ, уничтоженіе мѣстности имѣло важныя послѣдствія, и преимущественно этой причинѣ должно приписать подвижность или какъ замѣтило силезское собраніе, бродячество, которое охлаждаетъ привязанность къ мѣсту рожденія, къ отчей могилѣ и семейному крову. Этому же должно приписать и то болѣе важное броженіе ума и убѣжденій, которое изъ жизни сдѣлало предпріятіе (aventure), а изъ положительнаго знанія опытъ, и кото-

рому, въ стремленіи его, такъ много способствуетъ отсутствіе условія времени или давности.

Давность, въ свою очередь, потерпѣла не меньшія измѣненія. Она выражалась въ старшинствѣ, *Senes, senatus*, и въ преемственности родовъ, *genus, majorats*. И то и другое служило ручательствомъ основательности, опытности, и то и другое имѣло опредѣленную мѣру, зависѣло не отъ людей, но отъ времени, и въ этомъ смыслѣ было вполне естественно. Принятая въ значеніи совокупной или сосредоточенной опытности, замѣняемой знаніемъ, давность уступила мѣсто образованности, мѣрою которой приняты *способности*. Если естественно было видѣть въ убѣжденномъ сѣдинамъ старцѣ судію, учителя и предводителя, то естественно ли видѣть въ этомъ санѣ юношу, хотя бы онъ владѣлъ обширнымъ запасомъ знаній? Съ началомъ давности соединена не одна совокупность опытности, но вмѣстѣ привычка и укоренившееся временемъ уваженіе, спокойствіе, даруемое продолжительнымъ навыкомъ, и безпристрастіе, приобретаемое охлажденіемъ страстей, временемъ. Какія способности замѣнять эти принадлежности?

Но недостатокъ новаго начала заключается не въ одной неестественности. Давность, какъ совокупность извѣстнаго числа лѣтъ, независимыхъ отъ случайности и произвола, имѣетъ опредѣленную, всемъ понятную мѣру. Какая мѣра, опредѣленная и независимая отъ произвола и случайности, можетъ существовать для способностей? Въ отвлеченномъ значеніи—какъ силы души, *facultés*— мѣра способностей зависитъ отъ личнаго убѣжденія, всегда шаткаго, или отъ общественнаго мнѣнія, еще болѣе своеправнаго. Въ опредѣленномъ значеніи—какъ извѣстныя принадлежности, *saracités*— способности зависятъ отъ случайности, и слѣдовательно ни въ томъ, ни въ другомъ значеніи не имѣютъ вѣрнаго ручательства.

Въ примѣненіи этихъ началъ къ развитію представляются послѣдствія самыя неутѣшительныя. Это какое-то стремленіе къ сокращенію, уничтоженію природы, условій естественныхъ, преждевременное возбужденіе нужды, преждевременное достиженіе и кака-то ранняя усталость, опередившая наслажденіе.

Невниманіе къ мѣстности производитъ лишенія, нужды и бѣдность съ одной стороны, со всеми ихъ послѣдствіями: съ другой стороны возможность скораго и случайнаго обогащенія. Но постепенное приобрѣтеніе, не дорожа временемъ, такъ же

непостепенно и расточается. Чтò не цѣнить времени, тѣмъ не дорожить и время.

Замѣвъ естественнаго и мѣрнаго начала давности отвлеченнымъ началомъ способности произвелъ усиленіе стремленій къ достиженію, зависѣвшему прежде отъ лѣтъ или времени, а теперь отъ собственнаго напряженія. Это безчисленное стремленіе, при ограниченности достиженія, посоревнованіе, ухищреніе, зависть, клевету, столкновеніе, проступки и самое преступленіе. Отсутствіе мѣры, общепринятой мѣры способностей, даетъ поводъ къ возбужденію безчисленныхъ стремленій, для достиженія значеній, условіемъ которыхъ признана способность. Безмѣрность условія породила безмѣрное честолюбіе.

Новыя начала, поощряемыя славолюбіемъ, подстрекаемыя соревнованіемъ и вспомоествуемыя случайностію, конечно, подвинули развитіе быстрыми шагами, сократя пространства, время и цѣнность, но этимъ самымъ они умалили и трудъ достиженія или благосостояніе, и удаля отъ опредѣленныхъ условій мѣстности и давности, они ввели затрудненія и противорѣчія, которыхъ не могло быть при развитіи, менѣе быстромъ, но естественномъ. Итогъ богатствъ увеличиваетъ число требованій выше мѣры, быстрота достиженія преслѣдуетъ стремленіе напряженнымъ соревнованіемъ и напитокъ утоленія приводитъ сильнѣйшую жажду.

Нынѣ уже недостаточно имѣть курицу за обѣдомъ и выдерживать испытаніе въ *Luter's kleinen Kathchismus*. Сосредоточеніе ознакомило съ роскошью, отвлеченное (синтетическое) ученіе сокупило все знанія, а открытая возможность достиженія призываетъ всехъ къ дѣятельности, предоставляя успѣхъ счастью, счастью умѣнью, а умѣнью—волѣ.

Сосредоточеніе жизни и мысли, связавъ мѣстности прямыми линиями и свѣдя опыты вѣковъ въ общее вѣдѣніе, необыкновенно увеличило свою силу или вѣрнѣе—свои способы. Но успѣхъ этотъ только видимый и усиленіе заключается только во внѣшнемъ. Внутреннее, содержаніе, этого прямолинейнаго стремленія и совокупительнаго знанія весьма недостаточно и—(такова сила мѣста и времени)—даже пусто, лишено теплоты и животворнаго ея дѣйствія. Недостигшая своего развитія мѣстность и отвлеченное отъ непосредственнаго своего источника знаніе не могли войти въ это содержаніе. Отсюда, отъ внутренней пустоты этого сосредоточеннаго (синтети-

ческого) начала происходит повидному странное, но въ существѣ естественное явленіе:

Гордый своимъ успѣхамъ вѣкъ, не находя въ самомъ себѣ пищи, стремится воспроизвести вѣка прошедшіе, то чужіе—римскіе, то забытые—средніе.

Блестящая образованность общая, мнѣвшая совокупить въ себѣ все знанія, стремится изучить, усвоить и воспроизвести образованность мѣстную и обратилась къ ученію о народности, переходящему перѣдко въ простонародность и, обогащенная умозрѣніями и опытами, наука низходитъ въ низкіе слои народа и мѣстности и поучается отъ нихъ: какъ выражается житейская мудрость въ пословицахъ и народописии, какъ вѣрнѣе лечиться—въ народномъ врачеваніи, какъ усовершенить землеописаніе—изъ народныхъ названій и понятій и т. п.

Неудовлетворительность пріобрѣтенныхъ свѣдѣній привела наконецъ къ тому, съ чего должно было начать въ самомъ началѣ или по-крайней-мѣрѣ гораздо прежде.

Еще лѣтъ это въ развитіи наукъ отвлеченныхъ и опытныхъ. Совокупивъ понятія о познаніи, наука общаго вѣдѣнія, а за нею и все прочія, даже правовѣдѣніе и исторія, въ мысляхъ писателей достигла до той степени оконченности, что, по способу наведенія и выводу понятій, неизвѣстное прошедшее или будущее воспроизводилось въ опредѣленныхъ чертахъ и знаніе дѣлалось общимъ, всеѣмъ доступнымъ. Между тѣмъ какъ науки опытныхъ: химія, механика, астрономія, географія и др. шагъ за шагомъ шли путемъ частныхъ наблюденій и при этой постепенности далеко оставили за собою науки, мнѣвшія объять (Гегель) все пространство вѣдѣнія. Мозеръ не могъ написать оснабрюкской (мѣстной) исторіи, какъ въ тоже время Гердеръ рѣшился опредѣлить общіе законы (философію) исторіи человечества. Успіи въ теченіе 70 лѣтъ не могли привести къ окончанію свода законовъ какой-нибудь небольшой области, какъ Шлоссеръ и Тибо не оставили предначертать общее уложеніе для всей Германіи. Успіи и желанія прекрасныя, но преждевременныя и потому бесполезныя, а въ приложеніи къ дѣйствительной жизни даже вредныя. Сему должно приписать то, что настоящее, точное знаніе весьма рѣдко и что отвлеченные выводы потеряли довѣріе и повели науку изъ высокихъ палатъ искать своего содержанія въ пыльныхъ дѣлохранилищахъ и въ уединенномъ быту простолюдина.

Стремленіе къ непосредственности, замѣчаемое во всеѣхъ дѣятельностяхъ, есть возстановленіе путей давности и мѣстности, остававшихся въ забвеніи. Нельзя не одобрять сего направленія, хотя нельзя и не взъявить опасенія, чтобы это направленіе не привело къ крайностямъ т. е: чтобы недоувѣріе къ общему и достигнутому вѣдѣнію не перешло въ полное довѣріе къ мѣстнымъ ожидаемымъ свѣдѣніямъ и чтобы утонченное общество дѣйствительно не обратилось къ помощи пословицъ, народныхъ лекарьствъ и мѣстнымъ именованій. Стремленіе къ общему столь было сильно и забвеніе мѣстнаго такъ было полно, что достиженіе едва ли оправдааетъ ожиданіе. Мѣстный опытъ и по обыкновенному порядку вещей развивается и усовершенствуется медленно, а при забвеніи его еще медленнѣе. Для полненія сей мысли достаточно указать на примѣръ дорогъ въ Бельгіи: видъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, нѣтъ или почти нѣтъ ѣзды и пути сообщенія въ упадкѣ.

Симъ ограничиваемся мы въ замѣчаніяхъ нашихъ о разсужденіяхъ слезскаго собранія.

17. Воспрониненіе называется совершеніе новаго преступленія послѣ наказанія за прежнее какое бы то ни было преступленіе или за подобное новому или одинаковое съ нимъ. При такомъ смѣшеніи различнаго рода воспрониненій обыкновенно нигдѣ не означается ни черезъ сколько времени послѣ наказанія совершено новое преступленіе, ни по какимъ побужденіямъ. Безъ этихъ условій невозможно вывести никакихъ точныхъ заключеній о преступности. Притомъ, и эти не полныя означенія чрезвычайно нейтрны, потому—что удостовѣреніе съ воспрониненіи основывается большою частію на показаніи подсудимаго. Число ихъ безъ сомнѣнія было гораздо болѣе, если бы подсудность каждаго лица означалась въ гражданскихъ спискахъ или въ книгахъ сословія. Въ Австріи и Пруссіи одни суды объ извѣстныхъ преступникахъ сообщаютъ другимъ и ведутъ о подсудимыхъ особые у себя буквары. Очевидно, или эта мѣра не можетъ вполнѣ достигать своей цѣли и означеніе воспрониненій не имѣетъ достовѣрнаго основанія. А между тѣмъ мѣра наказанія за повтореніе преступленія весьма значительна.

Но сколько ни сомнительны эти означенія, они показываютъ, что воспрониненія весьма часты и даже неоднократно, а повторяются вѣсколько, иногда болѣе 10 разъ. Не говоря объ Англіи и Америкѣ, гдѣ переселенія препятствуютъ имѣть точное

свѣдѣніе о воспривиненіи, мы укажемъ на Францію и возьмемъ не отдѣлъ исправительныхъ преступниковъ, въ которыхъ воспривиненія весьма часты, а важнѣйшихъ преступниковъ, на которыхъ обращается вся строгость закона и надзора. Изъ числа 8226 воспривинившихся показано 1903; изъ нихъ 107 совершили преступленіе по освобожденіи отъ каторжныхъ работъ, 646— послѣ продолжительнаго заключенія. Нѣкоторые, 192 человѣка, осуждены три раза, 50 человѣкъ—пять разъ, а 7 человѣкъ—десять разъ и больше. Между тѣмъ, правомъ возстановленія (rehabilitation) за доброе поведеніе воспользовались только 21 человѣкъ. Вообще изысканія по поводу преній о безмолвномъ и одинокомъ заключеніи, въ разныхъ государствахъ, обнаружили, что число воспривиняющихся должно полагать болѣе $\frac{1}{3}$ всѣхъ преступниковъ и что главная причина такой неисправимой порочности есть неудовлетворительность наказательныхъ учрежденій.

Причина эта, конечно, должна имѣть важное вліяніе, но не единственное и не главное. Безнаказанность, ослабленіе наказаній и частые случаи помилованія съ одной стороны, и человѣколюбивая попечительность о освобожденныхъ преступникахъ, вообще усиленное развитіе вещественныхъ силъ и частая случайность достиженія съ другой стороны суть общіе источники преступленій и воспривиненій.

Выше, въ 16 примѣчаніи, мы изложили мысли наши о неестественности всякаго усиленія или поощренія развитія, смѣшавшихъ мѣрныя условія — мѣстность и давность съ безмѣрными: сосредоточеніями и способностями.

18. Манниконъ: XX раздѣлъ 27. Lanrecht, издан. 1838 г. Ч. 2, стр. 30.

19. Маухеръ: Strafgesetzbuch, Ч. 1, 464 — 480. Нельзя при этомъ не замѣтить, что эти истолкованія измѣняютъ не только видъ наказанія, но и подеудность дѣла.

20. Повторяя прежнія слова наши о пользѣ и даже необходимости уложеній, какъ закона точнаго (jus certum), какъ единства, устраняющаго разсѣянность и разнообразіе, мы, въ виду чистыхъ измѣненій законовъ въ Австріи, Пруссіи и Баваріи, не можемъ не обратить вниманія на замѣчательныя слова фонъ-Савиньи: Verui unserer Zeit и проч., стр. 80, о неточности права. Слова эти, сказанныя о неточности вообще права во Франціи, могутъ быть примѣнены и къ законамъ уголовнымъ, осо-

бенно въ Пруссіи. Есть глубокое основаніе въ упорномъ отвѣтѣ лордовъ: не хотимъ измѣнять законовъ нашихъ — *polimus leges Angliae mutare*, и въ словахъ бывшаго министра юстиціи въ Пруссіи. графа Данкельмана, сказанныхъ при разсужденіи о пересмотрѣ законовъ по неисполнимо предначертанію цѣли и работъ 1817 г. (См. «прусскія законоположенія»): «Я не могу не сказать, что для меня всякій законъ важенъ уже и потому, что онъ есть.»

(21) Мы уже неоднократно имѣли случай замѣтить, что историческое уложеніе въ строгомъ смыслѣ т. е., уложеніе однихъ дѣйствующихъ законовъ безъ малѣйшихъ уполненій—совершенно невозможно, какъ невозможно и чисто отвлеченное уложеніе въ смыслѣ Бенгтама (*sur la codification*). Первое, какъ напр., прусское, непременно должно будетъ допустить разныя уполненія, второе, какъ баварское,—ввести многое изъ законовъ дѣйствующихъ. Совокупность уполненій съ старыми правилами, есть первый поводъ несоответствія большей части уложеній, и чѣмъ меньше этого смѣшенія, тѣмъ болѣе основанія предполагать соотвѣтствіе или точность закона.

Г. Савиньи въ прежнемъ сочиненіи своемъ: *Veruf unserer Zeit* и проч. и въ послѣднемъ: Нынѣшнее римское право, Ч. 1 § 14 — 22 приписываетъ эти нововведенія вліянію науки. Можетъ быть это дѣйствительно была главная причина неточности прусскаго уложенія, при составленіи котораго, — какъ описываетъ одинъ изъ участниковъ, Клейнъ, — «старались слѣдовать болѣе Ульпіану и Лябсону, нежели Монтескье и Руссо, и хотя желали держаться законовъ дѣйствующихъ, но принуждены были некая основанія въ высшихъ отвлеченныхъ возрѣніяхъ» *Rezirgъ Geschichte und System*, ч. 1 стр. 325). Но оставляя въ сторонѣ вліяніе науки, здѣсь въ историческихъ уложеніяхъ или сводахъ, болѣе дѣйствительно вліяніе самой работы: надобно уложить въ извѣстномъ порядкѣ частныя законы, распределить ихъ, изложить и связать общими положеніями, которыя рѣдко бываютъ въ законахъ частныхъ, и уполненія, введеніе которыхъ тѣмъ важнѣе, что они общія и находятся въ соотношеніи со всѣми частными.

(22). Настоящія обзорнія служатъ приготовленіемъ къ труду болѣе обширному: о ручательствахъ и огражденіяхъ уголовного правосудія, значеніе которыхъ въ настоящее время и въ Германіи готово измѣниться въ смыслѣ огражденій французскихъ. Начала сосредоточія и способности болѣе и болѣе входятъ въ

уголовныя ученія — прежде стремились всё предусмотрѣть, опредѣлить и предназначить въ книгѣ закона: каждое дѣяніе, каждый видъ дѣянія, родъ и мѣру наказанія, основанія, по которымъ подсудимый *долженъ* быть признанъ виновнымъ, уличеннымъ. Нынѣ предполагаютъ, не дробя, опредѣлить общее свойство, сосредоточенное понятіе преступленія, такъ чтобы частныя виды могли быть изъ него выводимы, и предписать краткія исключенія, при соблюденіи которыхъ судъ *можетъ* признать подсудимаго виновнымъ и назначить ему то или другое наказаніе, по своему усмотрѣнію. вмѣсто прежнихъ огражденій вызываются новыя.

(23). Обращаемъ вниманіе на упомянутое сочиненіе Миттермайера Strafgesetzgebung, Ч. 1. стр. 18 — 27 и 155 — 300 и Ч. 2 стр. 1 — 80.

(24). Сообр. 14 и 16 вышедшій примѣчанія и дополненія о цѣли наказаній и о естественномъ и искусственномъ развитіи, при посредствѣ или однихъ огражденій, или и огражденій и поощреній. Бенгамъ, Theorie des recompenses, предполагалъ награжденіемъ за добрыя дѣла усилить стремленіе къ ихъ совершенію и тѣмъ отвѣтъ или уменьшить стремленіе къ преступнымъ.

Ученіе о цѣли наказаній развито нѣмецкими учеными весьма подробно. Всѣ многочисленныя виды или исключительныя цѣли наказаній подводятъ подъ слѣдующіе отдѣлы относительныя и безусловныя: 1. Nothwehr, — самосохраненіе или оборона, въ сочиненіяхъ Шульца и Мартина;

2. Schadenersatz, возмѣщеніе — Велькеръ, Клейнъ, Шнейдеръ и др.

3. Praevention, предупрежденіе — Штибель, Грольманъ, Титманъ.

4. Устрашеніе, Abschreckung — Фейербахъ;

5. Widervergeltung, возмездіе — Кантъ, Бергъ, Захаріе;

6. Vertrag, ex pacto, по гражданскому союзу — Эргардъ, Фихте;

7. Objectivirung, поработеніе in totum или in quantum нарушителя видамъ нарушеннаго общества, — Дрешъ;

8. Rechts-Reaction, воздѣйствіе или возстановленіе, — Генке, и 9 Erziehung, перевоспитаніе, улучшеніе.

Сравни впрочемъ сочиненіе тубингенскаго правовѣда Kritische Darstellung der Strafrechtstheorien. Heidelb. 1829.

Излишне упоминать, что всѣ эти ученія не примѣнимы въ по-

ложительныхъ законахъ и, кромѣ устрашенія, принадлежать болѣе ученому развитію науки, нежели выводамъ ся изъ явленій дѣйствительности.

(25). Ученіе о покаанныхъ тюрьмахъ, объ улучшеніи или перевоспитаніи преступниковъ весьма важно и должно имѣть непосредственныя послѣдствія, если примѣненіе его къ наказательнымъ учрежденіямъ будетъ сдѣлано въ пространныхъ размѣрахъ. Мы представляемъ здѣсь въ общемъ очеркъ начало и развитіе этого ученія.

Какъ всѣ дѣловыя истины, ученія о покааніи, улучшеніи и обезпеченіи преступниковъ, возбуждены необходимостію, яснѣе обнаружившеюся возгласами человеколюбія. Дальнѣйшее развитіе приняла на себя наука, въ подкрѣпленіе которой явились и выводы уголовного управленія. Замѣчено, что казнь, припимаемая въ смыслѣ устрашенія, не уменьшаетъ преступленій, а между тѣмъ портитъ, еще болѣе развращаетъ преступниковъ. По естественному порядку вещей, слѣдовало бы ограничиться тѣмъ, чтобы наказанія были безвредны для нравственности: отвлеченное ученіе пошло далѣе. Оно желаетъ и требуетъ, чтобы наказаніе было не только безвредно, но даже полезно для преступника. Это столкновеніе двухъ пользъ, общественной и личной, есть существенное затрудненіе новаго ученія, и если рѣшеніе послѣдуетъ въ видахъ послѣдней, значеніе наказаній совершенно измѣнится. Какъ прежде недовольствовались однимъ наказаніемъ, а желали отъ него или устрашенія или выгоды (отъ работъ заключеній), такъ и теперь ищутъ въ наказаніи не одного огражденія отъ нарушеній и порчи, но и улучшенія нарушителя, и при томъ не извѣстнаго рода нарушителей, а всѣхъ и каждого. Здѣсь замѣчается уже не ослабленіе наказаній, но рѣшительное ихъ преобразованіе.

Въ чемъ бы ни состояло наказаніе, оно всегда было и есть *лишеніе*, начинааясь назначительнымъ, напр. лишеніемъ нѣсколькихъ грошей, выговоромъ или дневнымъ заключеніемъ и оканчиваясь смертію: естественною, гражданскою и нравственною. По свойству нарушеній, лишеніе относится къ той или другой стижіи человѣческаго бытія, и преступленіе вымещается или на тѣлѣ, или на имуществѣ или на евоодѣ виновнаго.

Постепенное развитіе стижій устанавливаетъ постепенное явленіе преступленія и наказаній, и не смотря на частыя уклоненія, есть, кромѣ нравственнаго (раціональнаго), историческое основаніе въ соотвѣтствіи преступленій и наказаній (proen. talionis), при-

знаваемомъ знаменитыми мыслителями (Кантъ) первымъ условіемъ кары. Въ дни грубости и безначалій, главнѣйшія преступленія были: прямое посягательство на жизнь и имущество. Жизнь и имущество были и въ отвѣтъ: самоуправство требовало око за око и зубъ за зубъ; немущій отвѣчалъ чѣмъ могъ: жизнью, рабствомъ; въ увѣчьяхъ каждый членъ и каждая рана были оцѣнены, украденное возвращалось или возмѣщалось вполнѣ или зарабатывалось лично.

Общимъ наказаніемъ были: за преступленія важныя — смерть, за маловажныя — денежное взысканіе.

Мелкія нарушенія мира или благочинія привели къ лишеніямъ свободы. Уже въ Каролинѣ является наказательная тюрьма — Stokhaus. Въ концѣ 16 и въ началѣ 17 столѣтій появляются дома заключенія, преимущественно рабочіе: въ Лондонѣ въ 1551 году, въ Амстердамѣ въ 1595, въ Бременѣ въ 1614, въ Гамбургѣ въ 1616, и потомъ почти во всѣхъ большихъ городахъ. Это было начало домовъ, пзвѣстныхъ нынѣ подъ именемъ Zuehthaus, заключеніе въ которыхъ съ 1731 г. является самостоятельнымъ наказаніемъ. Съ этого времени лишеніе свободы — *Gereichtsstrafe* — болѣе и болѣе распространяется и, по разнымъ видамъ преступленій и преступниковъ, раздѣляется на разные виды: задержаніе, заключеніе и заточеніе, въ домѣ, въ тюрьмѣ, въ крѣпостяхъ, безъ работъ и съ работами, при тѣлесномъ наказаніи и безъ наказанія, въ смиренныхъ, исправительныхъ или рабочихъ домахъ.

Между тѣмъ, духовное правосудіе, независимо отъ свѣтскаго, распространило виды заключенія своимъ путемъ и обыкновенныя, по собственному произволу налагаемыя, лишенія превратило въ наказательныя, начиная отъ ссылки въ отдаленный монастырь на смиреніе (заключеніе), до пожизненнаго заточенія (затворничества), дѣлавшагося иногда погребеніемъ за-живо въ какомъ нибудь скленѣ, простенкѣ или пещерѣ. Здѣсь, цѣною постоянныхъ лишеній и самой жизни, искупалъ великій грѣшникъ или грѣшница нарушеніе обѣта или связь съ нечистою силою и заслуживалъ спасеніе въ будущемъ, не находя власти, которая бы даровала это спасеніе разрѣшеніемъ грѣха въ настоящей жизни.

Три причины, въ особенности, способствовали развитію тюремнаго заключенія: усиленіе преступленій и преступниковъ отъ умноженія народонаселенія и отъ сосредоточенія его, произведшаго мѣстное обдѣненіе и частые поводы нарушеній; уменьшеніе

видовъ и случаетъ смертной казни со времени вліянія образованности и ученія Монтескье, *Esprit des lois*, и послѣдователей его въ Италіи — Беккарія, въ Германіи — Гоммеля; и ограниченное примѣненіе всѣхъ другихъ видовъ наказанія, ссылки, изгнанія, взысканія денежныхъ и наказанія тѣлесныхъ. Заключеніе сдѣлалось общимъ, можно сказать, единственнымъ видомъ и накопленіе, а за тѣмъ оплошное содержаніе заключенныхъ, доходило до крайности. Тюрьмы строились крѣпко, осужденные содержались небрежно, старые и молодые, важныя и неважныя жили вмѣстѣ. Цѣль заключенія ограничивалась удержаніемъ, опасеніе побѣга налагало цѣпи и заставляло принимать другія мѣры: особую одежду, брѣтѣ головы, клейменіе и *одиночное* заключеніе для преступниковъ самыхъ важныхъ или принадлежавшихъ къ высшимъ сословіямъ. Вообще положеніе тюремъ представлялось въ самомъ неудовлетворительномъ, перѣдко отвратительномъ видѣ.

Въ одну изъ такихъ тюремъ во Франціи, попалъ случайно около 1756 г. Джонъ Говардъ, богатый Англичанинъ, умъ воспримчивый и истинно благомыслящій другъ человѣчества. Испытавъ все на себѣ, онъ своими глазами убѣдился въ злѣ, производимомъ тюрьмами въ подобномъ неустройствѣ. Если сообщество обыкновенныхъ людей, сосредоточенное въ городахъ и селахъ, поражаетъ разныя бѣдствія, то можно представить себя эти бѣдствія отъ сообщества людей порочныхъ, отверженныхъ и клейменыхъ. И преступленія и болѣзни заражаютъ, въ тѣсныхъ стѣнахъ заключенія, слабыхъ и здоровыхъ. Говардъ посвятилъ себя улучшенію тюремъ и съ этою цѣлію объѣхалъ и обозрѣлъ тюрьмы во всѣхъ государствахъ и представилъ англійскому правительству общее предначертаніе о ихъ преобразованіи. Обращенное ихъ состояніе въ Англии дѣйствительно требовало немедленныхъ улучшеній. Закономъ парламента 1779 г. предположеніе Говарда принято и введенъ новый порядокъ наказательныхъ домовъ, подъ названіемъ *penitentialy houses*, подобный существовавшему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на материкѣ, въ Севъ-Мишелѣ, Вильвурдѣ и Гентѣ (въ 1772 г.).

Сочиненіе Говарда о тюрьмахъ вышло въ 1777 году, въ то самое время, когда отъ старой Англии отложилась новая Англія — соединенныя государства Америки, гдѣ тюремное заключеніе получило обширное примѣненіе.

Въ настоящее время обихихъ преній объ улучшенныхъ видахъ заключенія, народное тщеславіе силится доказать, что основанія

новаго ученія извѣстны были гораздо прежде: Италия, Нидерланды, Германия и Франція паходятъ ихъ у себя не только въ сочиненіяхъ ученыхъ, но и на самомъ дѣлѣ. Конечно, не полемить сомнѣнію, что неудотворительное состояніе тюремъ было вездѣ ощутительно, что одиночное заключеніе, въ видѣ изыатія, было вездѣ употребляемо, и что необходимость измѣненій въ порядкѣ наказаній вообще, и въ заключеніи въ особенности, были вездѣ. Но надобно было, чтобы эти намеки и изыатія получили опредѣленное значеніе и сдѣлались общими правилами.

Окончательное развитіе ученія о тюрьмахъ принадлежитъ Америкѣ, новой Англій, гдѣ этому способствовали ученіе квакеровъ. Смертная казнь должна была уступить мѣсто смерти гражданской и нравственной и, дабы замѣнъ былъ дѣйствителенъ, соединить въ себѣ два условія: уединеніе и молчаніе. Развитіе и примѣненіе сихъ условій, не безызвѣстныхъ впрочемъ и въ Европѣ, составляетъ основаніе тюремныхъ учрежденій въ Америкѣ.

Мы не будемъ говорить о частныхъ, мѣстныхъ *поводахъ* преобразованія сихъ учреждений, пачатаго квакерами, ни объ *искусственности* основныхъ началъ его, доведеннаго въ послѣдствіи, при перенесеніи ихъ въ Европу, до мелочной изысканности, до игры въ NN осужденныхъ, въ кѣтки, въ дворники. Изысканная искусственность, прибѣгнувъ къ наукѣ, пошла еще далѣе: тайный врачебный совѣтникъ Фроринъ, 11 ноября 1843, представилъ прусскому министерству особый способъ принужденія къ молчанію и отдѣленію посредствомъ изобрѣтеннаго имъ состава (пластыря), паличниковъ и т. п. для рта, чтобы не говорить, для глазъ, для ушей и проч. Мы обозримъ постепенное введеніе новаго ученія въ Европѣ.

Влганіе Америки было сначала едва замѣтно и кажется первыя свѣдѣнія о ея тюрьмахъ сообщены герцогомъ Ротфукко-Мавкуромъ: *Des prisons de Philadelphie, par un Européen*, Намб. 1797, и въ сочиненіи доктора Руча: *Untersuchungen über die Wirkung der öffentlichen Strafen*, Leipz. 1792. Между тѣмъ въ Европѣ, усиліями Говарда, сдѣланъ былъ первый шагъ: вещественное улучшеніе тюремъ лучшимъ содержаніемъ и раздѣленіемъ заключенныхъ. Въ Англій Бенгамъ предложилъ новое устройство — *Raporticon*, 1791, въ Пруссіи — Арнимъ 1803, во Франціи — Дашу, 1821, въ Германіи — Целлеръ — *Strafanstalt als Erziehungsanstalt*, 1825, наконецъ, въ это же время, учреждена въ по-

дражаніе американскимъ, тюрьма Женевская, распространіяная улучшенія и подражанія въ Лозаннѣ, Бернѣ, Базелѣ. Около этого же времени окончательно образовались въ Америкѣ: заключеніе безмолвное, въ Нью-Йоркѣ, въ 1823 г. и заключеніе уединенное въ Филадельфій, въ 1829 г., открыты общественныя чтенія о тюрьмахъ (Юліусъ, въ Берлинѣ), составлено, какъ бы для особой науки, особое именованіе — *Gefängnisskunde*, возникли повсюду общества покровительства освобожденныхъ изъ заключенія и начинается то обиліе сочиненій, предначертаній о тюрьмахъ, которое мы видимъ въ настоящее время и дѣятельнѣйшими представителями котораго, по справедливости, могутъ назваться въ Англій — Крофордъ, во Франціи — Моро Кристоффъ, въ Германіи — Юліусъ. Наконецъ, въ половинѣ 1842 г. открыта, учрежденная на новыхъ основаніяхъ, образцовая тюрьма близъ Лондона — *Pentonville Prison* и начались дѣловыя предначертанія и дѣйствительныя постройки. Подобное же учрежденіе возведено въ Берлинѣ, предположено въ Кельнѣ, Мюнстерѣ и Кенигсбергѣ, предложено во Франкфуртѣ, пачато въ Гамбургѣ. Новыя начала приняты въ Баденѣ, въ рабочемъ домѣ въ Бруксальѣ; предначертаны, еще въ 1841 г., въ новыхъ законахъ, для всей Франціи, для тюремъ саксонскихъ, нидерландскихъ. Предначертаны улучшенія въ Швеціи, Даніи и др. Почти всѣ значительныя государства посылали особыхъ чиновниковъ, правовѣдовъ и строителей для обозрѣнія и описанія тюремъ въ другихъ государствахъ. Назначены съѣзды, для общаго совѣщанія, свѣдущихъ людей во Франкфуртѣ, въ Брюсселѣ. Подобно Говарду, Леди Элизабетъ Фри, изъ квакеровъ, съ 1816 по 1843 г. объѣхала и обозрѣла тюрьмы въ разныхъ странахъ.

Для познанія сочиненій о тюрьмахъ и разныхъ видахъ заключенія, мы обращаемъ къ обстоятельному описанію и разбору Миттермайера, въ *Archiv des Criminalrechts*, 1838, стр. 138 и слѣд., къ повременному изданію Юліуса и Фарентрана: *Jahrbücher der Gefängnisskunde*, пачавшемуся съ 1842 г., и къ сочиненіямъ о тюрьмахъ и ихъ преобразованію: въ Англій: Крофорда, В. Руссель и весьма подробныя служебныя донесенія (Reports); — во Франціи — Моро Кристоффъ, Люка, Токвилъ; въ Пруссіи — Юліусъ, Темме и фонъ Лихтенбергъ, въ Швеціи — принцъ Оскаръ, (переводъ Трескова, съ введеніемъ Юліуса, *Ueber Strafen und Strafanstalten*, Лейпцигъ 1841 г.), въ Даніи — Давида (переводъ Фалька); въ Бельгіи — Дюкпесіо, въ Гамбургѣ — Гудвалькеръ,

въ царствѣ Польскомъ—графъ Скарбекъ, въ Швейцаріи — Обанель, Греде де Вальми, въ Вюртембергѣ — Вехтеръ, въ Франкфуртѣ и вообще — Фарентрауъ, въ Италиі — графъ Петити ди Роретто; и вообще изданія и сочиненія Юліуса, съ 1825 года постоянно занимающагося симъ предметомъ, Фарентрана, Миттермайера, Фуше, Дюкнесю и ми. др. Юліусъ, прежде врачъ въ Гамбургѣ, занятъ по порученію правительства, преобразованиями тюремъ въ Пруссіи. Новое ученіе о порядкѣ заключенія особенно припато съ участіемъ въ Англии, соединенныхъ государствахъ Америки, Франціи и Пруссіи, и поводомъ къ нему было неудовлетворительное состояніе высшихъ наказательныхъ учреждений: во Франціи—работъ (въ *bagnes* въ Тулонѣ, Рочфорѣ и Брестѣ), въ Англии, въ Америкѣ и Пруссіи — переселенія (*deportation*) и тюремъ. Развитіе новыхъ правилъ о заключеніи было современно съ удостовѣреніемъ недостатковъ и невозможности переселенія. Видъ сего наказанія въ Англии, есть самый многочисленный: около и болѣе $\frac{1}{2}$ преступниковъ осуждается въ ссылку. *Deportation*, по французскому уложенію, не имѣетъ приложенія. Неудавшаяся попытка переселенія преступниковъ изъ Пруссіи въ 1802 и Мекленбурга (въ Бразилію), предложенія о введеніи сего наказанія, сдѣланныя областными собраніями въ 1825 году — были поводомъ къ принятію ученія о новыхъ тюрьмахъ въ Пруссіи. Пентонильская тюрьма, близъ Лондона, учрежденіе которой рѣшило споръ о преимуществѣ того или другаго способа заключенія, есть собственно приготовленіе къ переселенію, а не самостоятельный видъ наказанія, и въ этомъ смыслѣ, заключеніе уединенное, безъ сомнѣнія, имѣетъ значеніе и пользу: оно уменьшаетъ замѣченные недостатки поселеній, препровождая въ оныя людей, приготовленныхъ къ новой жизни въ новомъ ихъ отечествѣ, продолжительнымъ содержаніемъ въ заключеніи, соединенномъ съ наставленіями нравственными и ремесленными.

Иначе смотрятъ на заключеніе припимающіе его за особый, самостоятельный видъ наказанія, по немѣнью мѣсть для переселенія.

Существенное начало состоитъ, при заключеніи вообще, въ томъ, чтобы пресѣчь сообщеніе между содержащимися: ибо сообщеніе, сообщество, лишаетъ тюрьму наказательнаго свойства и нерѣдко дѣлаетъ ее мѣстомъ заразы преступленій, знакомства, сговора и дальнѣйшихъ связей преступниковъ. Такъ думали

въ концѣ XVIII столѣтія и для устраненія сего, въ Америкѣ (и частію въ Европѣ, въ Гентѣ, съ 1772 года и вообще въ заключеніи важныхъ преступниковъ въ крѣпостяхъ и тюрьмахъ *au secret* или какъ сказано въ французскомъ законѣ 6 Окт. 1791 г. ст. 16 — *condamné à la gêne sera seul et aucune communication* и проч. въ тюрьмахъ Глостерской и Глазговской,) принимаются два способа: 1. *Уединеніе* — какъ въ Питсбургѣ и Филадельфіи: преступникъ днемъ и ночью содержится въ отдѣльной комнатѣ, гдѣ его постель, утварь и орудія занятія. Заключенный именуется N, комнаты не имѣютъ никакого сообщенія съ другими; пользуется определеннымъ часомъ прогулки по отдѣльному двору, присутствуетъ при богослуженіи, видя только алтарь и священника. Къ нему имѣютъ доступъ начальники и, по особому дозволенію, весьма не часто, благонадежные родственники и паставители-посѣтители. 2) *Молчаніе* какъ въ Нью-Йоркѣ. Заключенные спятъ отдѣльно, но обѣдаютъ, работаютъ и гуляютъ вмѣстѣ, особыми отдѣленіями, будучи обязаны всегда молчать и подвергаться за малѣйшее нарушеніе сего правила словомъ или знакомъ, немедленно тѣлесному наказанію или темному заключенію.

Оба способа имѣютъ своихъ защитниковъ и противниковъ, но большинство голо овъ на сторонѣ уединенія. Конечно изъ двухъ крайностей оно наименьшее. Ученіа защитниковъ присоединяютъ къ основнымъ началамъ разныя видоизмѣненія: порядокъ посѣщенія, ученіе, работы, поощренія, временныя дозволенія и т. п. Не говоря о противоестественности молчанія и рѣшительной невозможности пресѣченія всякаго сообщенія взглядами, знаками, мы не можемъ не обратить вниманія на искусственность самыхъ тюремъ уединенныхъ, особенно если размѣръ ихъ значителенъ, напр. на 500 и 1000 человекъ. Келья, коридоры, переходы, часы прогулки на отдѣльныхъ дворикахъ, посѣщенія каждаго заключеннаго отдѣльно, въ самой постройкѣ тюремъ представляютъ крайнюю сложность и искусственность.

Защитники уединенія исчисляють слѣдующія его преимущества: 1. Въ уединеніи преступникъ сильнѣе чувствуетъ наказательность заключенія и 2, оно впечатлѣвается глубже и остается продолжительнѣе. При уединеніи 3, тюремное начальство имѣетъ болѣе вліянія; 4, безъ значительнаго числа надзирателей и сторожей; 5, пресѣкаетъ всякое сообщеніе, не прибѣгая къ противоестественной мѣрѣ молчанія и 6, не дѣлаясь безпре-

станнымъ соглядатаемъ за нарушителями. 7. Работы въ уединеніи полезнѣе, нежели въ сообществѣ, производящемъ развлеченіе. 8. При уединеніи вообще болѣе вѣроятія въ нравственномъ исправленіи. 9. Болѣе возможности предупредить знакомство и связь по освобожденіи. Строгость такого наказанія 10, даетъ возможность сократить сроки заключенія. Нѣтъ точныхъ основаній предполагать, чтобы этотъ видъ былъ вреднѣе другихъ для здоровья и въ пользѣ его удостовѣряютъ: извѣстные писатели, непосредственныя начальства, сами заключенные и наконецъ большее число сихъ тюремъ, противъ безмолвныхъ, въ самой Америкѣ.

Какъ замѣчено выше, споръ о преимуществѣ того или другаго способа должно считать оконченнымъ.

Онъ оконченъ въ Америкѣ, гдѣ большинство голосовъ на сторонѣ одиночнаго заключенія. Въ Европѣ этотъ споръ получилъ обширное развитіе. Въ Англіи вредныя послѣдствія ссылки привели къ мысли о *притоввленіи* поселенцевъ до ссылки въ тюрьмахъ особаго устройства. Въ Бельгіи учрежденіе тюремъ безмолвнаго заключенія оказывается неудовлетворительнымъ. Въ Женевѣ, предъявлявшей права, на изобрѣтеніе особаго вида заключенія — *распредѣлительнаго* (съ раздѣленіемъ заключенныхъ на разряды), устроена новая тюрьма одиночнаго порядка. Во Франціи, по примѣру Англіи, тотъ же порядокъ предложенъ въ видѣ общей мѣры; въ Германіи, въ подражаніе Франціи, приступили къ нему разныя государства.

Но между тѣмъ, какъ Англія вводитъ новый порядокъ въ видѣ опыта, какъ мѣру приготовительную для ссыльныхъ, между тѣмъ, какъ совмѣстность двухъ тюремъ въ Женевѣ обѣщаетъ представить доказательство превосходства того или другаго порядка, а Франція ожидаетъ съ 1841 года принятія или не принятія новаго закона о тюрьмахъ, наука обозрѣла вопросъ со всѣхъ сторонъ и почти единогласно разрѣшила его въ пользу одиночнаго заключенія. — Наука, не останавливаясь на успѣхахъ частныхъ, желала дать рѣшенію своему обязательность общаго мнѣнія, *communis doctorum opinio*, и въ этихъ видахъ, въ сентябрѣ 1846 г. съѣздъ или сеймъ, на который были приглашены и съѣхались во Франкфуртъ на Майнѣ знатоки, ученые и любители изъ Америки, Швеціи, Норвегіи, Англіи, Франціи, Бельгіи, Голландіи, Италіи, Россіи и особенно Германіи.

Въ засѣданія 28, 29 и 30 сентября, послѣ чтеній и разсужденій, собраніе постановило слѣдующія заключенія:

1. Лица, состоящія подъ слѣдствіемъ, подвергаются отдѣльному или одиночному заключенію и не имѣютъ сообщенія ни между собою, ни съ другими заключенными, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда слѣдователь, по ихъ требованію, призываетъ возможнымъ дозволить имъ сообщеніе, съ соблюденіемъ правилъ, предписанныхъ на этотъ конецъ въ тюремномъ положеніи.

2. Одиночное заключеніе пріемлетъ общую мѣру въ отношеніи всѣхъ осужденныхъ, съ тѣми различіями въ усиленіи и смягченіи, которыя зависятъ отъ вида преступленія, свойства приговора и отъ личности и поведенія заключеннаго, и должно состоять въ томъ, чтобы всякій заключенный, пребывая въ одиночествѣ, былъ занятъ полезною работою, имѣлъ каждадневно движеніе на вольномъ воздухѣ, поучался или былъ наставляемъ въ вѣрѣ и нравственности, присутствовалъ при богослуженіи, не видя никого кромѣ алтаря и священника, былъ посѣщаемъ духовникомъ, тюремнымъ начальникомъ, членами надзирающаго, наблюдающаго и почтительнаго общества, независимо отъ другихъ посѣщеній, которыя допускаются по существующему порядку.

3. Одиночное заключеніе примѣняется какъ къ осужденнымъ на кратковременные сроки,

4. такъ и къ подсудимымъ на продолжительные, и въ этомъ случаѣ оно соединяется со всѣми тѣми мѣрами смягченія, постепенно принимаемыми, которыя не противорѣчатъ дѣйствию общаго начала: отдѣльности заключеннаго.

5. Тѣлесно и душевно болѣзненное состояніе заключеннаго можетъ быть, по усмотрѣнію начальства, поводомъ къ принятію особыхъ мѣръ и дозволенію такому заключенному постояннаго сообщенія, но онъ, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ быть соединяемъ съ другими заключенными.

6. Введеніе одиночнаго заключенія взамѣнъ обыкновеннаго, совмѣстнаго, должно имѣть непосредственнымъ послѣдствіемъ сокращеніе сроковъ заключенія, опредѣленныхъ въ уголовныхъ законахъ.

7. Преобразование уголовного законодательства, положительное введеніе высшаго надзора (*inspection*), непосредственнаго наблюденія въ самыхъ тюрьмахъ и основаніе попечительства объ освобождаемыхъ изъ заключенія лицахъ, долж-

ны быть необходимыми дополненіями преобразованія тюремъ.»

Многое можно бы было сказать о сихъ общихъ выраженіяхъ новаго ученія, имѣющихъ въ виду болѣе преступника, нежели преступленіе, и устремляющихся уже къ преобразованію всего законодательства. При отвлеченномъ развитіи даже положительной истины, подобная односторонность, неопредѣлительность и увлеченіе, весьма обыкновенны и точное примѣненіе конечно зависить отъ подробныхъ предписаній мѣстнаго положительнаго закона.

Одиночность заключенія важнѣйшихъ преступниковъ принята, какъ необходимая мѣра, почти во всѣхъ положительныхъ законодательствахъ. Въ виду опыта и убѣдительныхъ разсужденій ученаго собранія, несправедливо было бы отвергать превосходство уединенія предъ молчаніемъ и не видѣть вообще полезнаго вліянія его на заключеніе, какъ видъ наказанія, особенно въ государствахъ, гдѣ порядокъ и способы наказаній недостаточны и бѣдны средствами.

Мы опасаемся однакожъ крайностей, въ которыя обыкновенно впадаютъ при осуществленіи отвлеченныхъ положеній, и именно крайностей въ развитіи наказанія, исключительно въ видахъ улучшенія преступника, и въ примѣненіи этого улучшительнаго заключенія, какъ общаго и единственнаго вида наказанія, и вмѣсто смертной казни, и вмѣсто продолжительнаго заключенія, въ сокращенныхъ срокахъ, и вмѣсто кратковременнаго задержанія. По главному свойству своему, этотъ видъ однообразенъ, невпечатлительнъ, мало дѣлится и сопряженъ съ накопленіемъ наказанныхъ. Для соответствія различнымъ видамъ преступленій и провиненій, онъ долженъ быть соединяемъ съ разными ограниченіями и потому келья можетъ сдѣлаться гробомъ, въ которомъ пребываніе будетъ медленная казнь, такъ-что—говоря словами римскаго закона—*sit et mors solatium et vita supplicium*.

Мы не дозволить себѣ охуждать ожиданіе выгодъ, съ которыми встрѣчено это нововведеніе, ни предупреждать нашимъ разборомъ тѣ улучшенія, какія могутъ быть придуманы учеными и опытными знатоками дѣла. Мы видѣли тюрьмы новаго устройства въ Гентѣ, въ Женевѣ и въ Парижѣ, *maison centrale de l'instruction correctionnelle des jeunes détenus*, и не получили убѣжденія въ пользѣ ихъ. Особенно тягостно было видѣть молодыхъ заключенныхъ въ парижской тюрьмѣ, испитыхъ, исто-

щепныхъ порокомъ, которому такъ благопріятствуетъ уединеніе. Опытъ, одинъ опытъ можетъ здѣсь представить точное удостовѣреніе. Мы желаемъ только, чтобы этотъ опытъ не привелъ къ послѣдствіямъ невозвратнымъ и худшимъ.

Точныхъ чиселъ отчетности о новыхъ видахъ заключеній, по новости дѣла, еще нѣтъ, и доколѣ новый порядокъ существуетъ въ видѣ опыта, а въ Англіи при томъ и въ видѣ пріготовительной мѣры, доколѣ противники и защитники будутъ опираться на общія разсужденія и на частныя наблюденія, всегда разнообразныя. Не говоря о возраженіяхъ противниковъ: о частыхъ случаяхъ сумасшествія, о вредномъ вліяніи на здоровье, о неудобствѣ работъ, о недостаткѣ способныхъ людей, не упоминая и объ отсылкѣ заключеннаго отъ своего круга, отъ семейства и обычныхъ занятій, мы не можемъ не изъяснить опасенія, чтобы начало это не ослабило наказанія въ мнѣшии и въ дѣйствительности, и чтобы предполагаемое улучшеніе не ограничилось тѣмъ временемъ, въ продолженіе котораго заключенный находится подъ вліяніемъ мѣръ принудительныхъ.

Если молчаніе, и весьма основательно, признается не естественнымъ, то и безусловное уединеніе представляетъ разныя невыгоды. Что касается между прочимъ до изученія занятій и ремеслъ, то, принимая наказаніе и въ этомъ значеніи, можно усумниться, чтобы уединеніе было непремѣннымъ условіемъ занятій, тѣмъ болѣе, что при изученіи необходимо соревнованіе, въ уединеніи совершенно невозможное. Уединеніе пагубно для молодости. Она одичаетъ, озлобится, она не разовьется и преждевременно испортится привычками противуестественными, и безъ обращенія съ дѣйствительною жизнью, по освобожденіи изъ заключенія, всякое общество будетъ ей тягостно, ибо время привычекъ проведено ею внѣ общества, и особенно опасно будетъ общество порочное, противъ котораго она не можетъ имѣть и той небольшой опытности, приобретаемой даже съ юности, если она возрастаетъ въ обществѣ.

Какъ во многихъ учрежденіяхъ, такъ и въ порядкѣ наказаній, удаленіе отъ природы, отъ простыхъ началъ, привело къ искусственности, мало надежной и всегда запутывающей.

Со время Фейербаха, уголовныя ученія, кажется, стараются превзойти одно другое въ искусственности своихъ основаній и цѣли. Важный успѣхъ развитія ученій заключается въ томъ, что къ началу Фейербаха объ утрашеніи не жестокостію, а не

избѣжности наказанія, присоединилось убѣжденіе, что изкоренить зло невозможно. Но съ этимъ убѣжденіемъ связывается другое, ему противоположное,—что наказаніе опредѣляется для исправленія виновнаго. Зло, преступникомъ совершенное, огражденіе общества, преступленіемъ нарушенное,—какъ бы несуществуютъ или оставляются въ тѣни! Какъ прежде мщеніе за одно причиненное зло поглощало въ себя и виды общества и личность нарушителя, какъ послѣ—при дѣйствіи устрашенія—казнь поглащала и личность осужденнаго и выгоды потерпѣшаго отъ преступленія, такъ теперь личность нарушителя задушаетъ требованія и нарушеннаго права и нарушеннаго порядка. Потерпѣвшему или обиженому недостаточно того, что преступникъ подвергнутъ наказанію, не возмѣста причиненнаго вреда; общество не можетъ удовлетвориться тѣмъ, что для предупрежденія дальнѣйшихъ провинцій, приняты мѣры перевоспитаніемъ порочнаго чрезъ наказаніе. Доволенъ остается только одинъ преступникъ и мы не удивляемся выгодному отъѣзду нарушителей, подвергшихся улучшенному наказанію, о пользѣ заключенія. Есть очевидное противорѣчіе въ назначеніи опредѣленныхъ или положительныхъ наказаній за всѣ виды преступленій, столь разнообразныя по свойству нарушаемыхъ правъ, по способу нарушенія и личности нарушителей. Такая подвижность преступленій должна найти соотвѣтствіе и въ видахъ наказаній. Сравните, по видимому, совершенно тождественныя два дѣла, напр. о воровствѣ, подвергающемъ заключенію; изучите эти дѣла во всѣхъ ихъ дробныхъ отношеніяхъ и вы увидите, что одинаковость наказанія, по всѣмъ правиламъ точнаго правосудія слѣдующая, *summa jus* есть почти всегда *summa injuria*. Вы увидите, что украденныя суммы, по отношенію къ ихъ владѣльцамъ, совершенно различны, что побужденія и поводы нарушенія и наконецъ положеніе нарушителей—тоже различны. Дальнѣйшія послѣдствія еще разительнѣе: наказаніе опредѣлено одно, и старцу, склонному къ уединенію, и юношѣ, для котораго оно есть истинная тягость, одно—лѣнивцу, на рукахъ котораго нѣтъ никакихъ обязанностей, и работнику, безъ помощи котораго жена, семейство не имѣютъ обезпеченія. Какимъ образомъ уравнивъ наказаніе со всѣми этими дробностями, многочисленными и едва извѣстными только лицамъ, въ средѣ которыхъ проживалъ нарушитель?

Развитіе ученія о перевоспитаніи наказаніемъ чрезвычайно важно: но оно переступаетъ предѣлы должнаго.

Развитіе этого ученія вредитъ правосудію, сокращая виды наказаній и безъ того весьма бѣдные и мало соотвѣтствующіе разнообразію видовъ преступленія.

Въ отношеніи преступниковъ *наличныхъ*, ученіе это, подкрѣпляемое общимъ участіемъ къ новости дѣла, еще можетъ быть удовлетворительно. Но наличное число увеличится и отъ общихъ причинъ усиленія преступленій, и отъ сокращенія другихъ видовъ наказанія, а участіе общества не имѣетъ никакихъ качествъ постоянного и прочнаго учрежденія: ни обязательности, ни отвѣтственности.

Въ отношеніи преступниковъ несовершеннолѣтнихъ, мы убѣждены въ нѣкоторой пользѣ наказанія, возбужденнаго и возбуждающаго сильныя споры во Франціи и въ Англии,—въ пользѣ, — поселеній и въ особенности поселеній молодыхъ преступниковъ. Оно ограждаетъ общество, извергая преступника изъ среды его; оно не лишаетъ преступника возможности улучшить себя, имѣя здѣсь то преимущество, что даетъ эту возможность безъ принужденія. Оно удобнѣе, нежели другое наказаніе, соединимо съ возмѣщеніемъ частныхъ убытковъ. Оно дозволяетъ пребываніе на вольномъ воздухѣ; оно представляетъ возможность заниматься въ сообществѣ и укрѣпительныя труды землѣдѣлія, огородничество, садоводство, и болѣе тяжкія работы пилки, рытья, переноски тяжестей, и внутреннія производства ремеслъ, соединить съ строгимъ содержаніемъ, съ привычкою къ исполнительности и съ пріобрѣтеніемъ познаній въ грамотѣ, счетѣ и вообще въ обязанностяхъ военной и писарской службы. Если когда-нибудь наказаніе можетъ быть образовательнымъ учрежденіемъ, то конечно для молодыхъ преступниковъ.

Три возраженія дѣлаютъ обыкновенно противъ подобныхъ учрежденій: 1, значительность расходовъ на содержаніе; 2, привлеченіе въ эти учрежденія немущихъ, желающихъ воспользоваться способами образованія и 3, дальнѣйшее назначеніе освобожденныхъ изъ поселенія. По мнѣнію нашему, возраженія эти, не лишены впрочемъ основанія, разрѣшаются опытомъ. Расходы на поселеніе менѣе значительны, нежели на всякое другое учрежденіе и, какъ скоро есть земля и обиталище, расходы эти въ большей части могутъ покрываться собственными до-

ходами поселенія. Дальнѣйшее назначеніе здѣсь менѣе затруднительно, ибо освобожденный имѣетъ запасъ свѣдѣній и принадлежитъ къ сословію, въ которомъ значеніе менѣе, нежели въ другомъ, можетъ быть въ противорѣчій съ назначеніемъ. Что касается до привлеченія въ поселенія для образованія и не преступныхъ лицъ, то, конечно, подобное учрежденіе болѣе или менѣе будетъ имѣть видъ заведенія воспитательнаго, но въ этомъ нѣтъ предполагаемаго вреда: ибо если преступленіе можетъ назваться когда-нибудь ошибкою, увлеченіемъ, то, безъ сомнѣнія, въ этомъ неопытномъ и пылкомъ возрастѣ. Привлеченіе въ поселеніе будетъ останавливаться съ одной стороны строгостію содержанія и низкимъ значеніемъ молодыхъ поселенцевъ. И то и другое, будетъ вообще угрозою, которая, при ослабленіи семейныхъ узъ и родительскаго надзора, такъ необходима юности. Если же и за сѣмъ найдутся желающіе, то конечно уже такіе, которые и безъ сего желанія, въ послѣдствіи попали бы въ исправительное поселеніе.

Подобныя учрежденія заведены:

Въ Америкѣ—въ Нью-Йоркѣ, съ 1825 г. въ Филадельфій и Бостонѣ, съ 1826 г. существующихъ.

Въ Вандименовой землѣ, при портѣ Артурѣ, въ Point Puer.

Во Франціи—въ округахъ Жиронды и Сены, поселенія: Метре, близъ Тура; св. Петра, близъ Марселя; Пети—Буръ, близъ Парижа.

Въ Бельгіи—поселеніе св. Губера, съ 8 мая 1840 г.

Подобныя заведенія въ Гамбургѣ при *gauben Hause*, въ Брейндорфѣ, въ Саксоніи; Людвигсбургѣ, Винненделѣ и др. въ Вюртембергѣ, въ Роттердамѣ и Амстердамѣ, въ Голландіи.

Мы ограничиваемся этими общими указаніями и, не обольщаясь описаніями объ успѣхахъ поселеній гг. Дикнессіо, Давида, Рике и др., мы видимъ въ удаленіи отъ сосредоточенной жизни роскошныхъ городовъ, въ преимуществѣ земледѣльческихъ занятій и въ привычкахъ пшшаго сословія, — ручательства нѣкоторой пользы подобныхъ учрежденій.

Вопросъ о введеніи новыхъ видовъ заключенія теперь — такъ сказать—на дневной очереди. Нѣкоторые успѣхи въ Америкѣ и въ Англіи, неудовлетворительность противоположнаго порядка заключенія въ Бельгіи, новыя постройки въ Пруссіи, Норвегіи и Даніи убѣждаютъ въ справедливости заключенія о неудовлетворительности прежнихъ тюремъ. Польза новыхъ требуетъ под-

тверженія отъ продолжительнаго опыта, въ размѣрахъ болѣе пространныхъ, нежели тюрьма женевакая и въ заведеніяхъ, гдѣ бы дѣйствіе новыхъ правилъ оправдалось и безъ участія опытности гг. Обермайера, Обанеля и имъ подобныхъ.

Можетъ быть назначенный въ Брюсселѣ съѣздъ ученыхъ и дѣловыхъ знатоковъ въ тюремныхъ учрежденіяхъ представитъ послѣдствія взаимныхъ сообщеній и преній болѣе опредѣлительныя и ближе къ исполненію и примѣненію, нежели тѣ, которыя обнаружены послѣ съѣзда во Франкфуртѣ, въ сентябрѣ 1846 года. *Verhandlungen der ersten Versammlung für Gefnnsreform* стр. 271.

26). Мы дозволяемъ себѣ пояснить эту мысль нѣкоторыми дополнительными замѣчаніями. Говоря о необходимости строгихъ наказаній, мы полагаемъ, что устрашеніе заключается преимущественно въ неизбѣжности наказаній, какихъ-бы тѣ, которыя. Строгость наказаній должна распространяться на лишеніе свободы и на лишенія вешественныя.

Точнѣйшее развитіе основаній правосудія и ближайшее удовольствіе видовъ управленія (уголовной политики) привели къ мысли о возможности возстановленія, потеряннаго или отсужденнаго достоинства, при невинности, обнаруженной послѣ осужденія, *возвращеніемъ*, *restitutio in integrum*, и при виновности, заглаженной наказаніемъ, — *возстановленіемъ*, *rehabilitatio*, правъ и преимуществъ.

Возвращеніе и возстановленіе должны быть самостоятельными учрежденіями уголовного правосудія т. е. обязательными и отвѣтственными.

Первое, *возвращеніе* невинно потеряннаго, существуетъ вездѣ, но не имѣетъ полнаго развитія. Невинно осужденный получаетъ прежнія права, получаетъ не рѣдко и понесенные убытки: но права и имущество не заключаютъ вѣсѣхъ потерь. Правило о обнаруженіи невинно подвергшагося наказанію, принятое въ новыхъ уложеніяхъ, весьма справедливо и должно быть распространено на всякій оправдательный приговоръ, если того требуетъ подсудимый, оправданный, не по недостатку доказательствъ, а по невинности.

Возстановленіе правъ не существуетъ въ видѣ постояннаго и общаго правила. Полезное примѣненіе его, впрочемъ въ ограниченномъ видѣ, начинается съ повелѣній 1670 года Людовика XIV, въ которыхъ въ 5 ст. XVI раздѣла, пре-
К. IV. — Отд. V.

доставляемая возможность de remettre le condamné en ses biens et bonne renommée. Въ послѣдствіи оно перешло въ уложенія и въ дѣйствующемъ Code d'instruction изложено во 2 кн. въ 4 гл. VII раздѣла, въ ст. т. 619—635. Учрежденіе это заключается въ томъ, что подвергшіеся уголовнымъ наказаніямъ (ст. 619), по окончаніи ихъ, по крайней мѣрѣ черезъ пять лѣтъ, имѣютъ право просить о возстановленіи прежнихъ правъ. Это ходатайство должно быть основано на мѣстномъ удостовѣреніи лицъ, которыя въ теченіе извѣстнаго времени знали и видѣли поведеніе просящаго (ст. 620). Разсмотрѣніе просьбы о возстановленіи совершается судебными и высшими правительственными мѣстами, а самое возстановленіе даруется королевскимъ повелѣніемъ и все это сопровождается гласностію (621—632 ст.). При воспривіеніи не можетъ быть возстановленія (ст. 634).

Учрежденіе это съ нѣкоторыми улучшеніями, введено въ люцернскомъ уложеніи 1836 г. ст. 95, и въ голландскомъ 1840 г. ст. 74—79. Оно, по вліянію французскихъ началъ въ Германіи, было предметомъ преній и при составленіи новыхъ нѣмецкихъ уложеній, но не могло быть соглашено съ общими основаніями отвлеченныхъ ученій и потому выразилось иначе. Такъ въ 27—29 §§ уложенія вюртембергскаго постановлено, что опредѣленное въ законѣ въ разныхъ видахъ, лишеніе правъ, можетъ быть пожизненное и срочное, и что въ послѣднемъ случаѣ, по истеченіи срока (отъ 2 до 10 лѣтъ) осужденный можетъ снова пріобрѣсть утраченныя имъ права и преимущества. Подобныя нововведенія въ Баденѣ (Entwurf, ст. 18) не были приняты. Въ саксонскомъ уложеніи (ст. 9) сдѣлано изъятіе только для мастеровыхъ, а въ брауншвейгскомъ (ст. 17) положительно сказано о потерѣ правъ и способности пріобрѣтать оныя навсегда, при уголовныхъ осужденіяхъ. Это не возстановленіе правъ, а просто раздѣленіе наказанія на два вида.

Установленіе французское, по нашему мнѣнію, недостаточно въ томъ, что дозволяетъ возстановленіе правъ, не различая ихъ, предписываетъ общій срокъ (5 лѣтъ) и соединено съ гласностію, которая можетъ быть не менѣе неурядна какъ и самый судъ. Послѣднее можно считать причиною рѣдкаго примѣненія rehabilitation.

К. ЛЕВЕДЕВЪ.

О РАЗРАБОТКѢ ТОРФА.

Не смотря на все богатство Россіи въ лѣсномъ матеріалѣ, многія губерніи средней полосы, — о южной ужъ и говорить нечего, — терпятъ нужду въ лѣсѣ. Причина этому неравномерное распредѣленіе лѣсовъ и невозможность доставки лѣса изъ сѣверныхъ и восточныхъ губерній, гдѣ лѣсные запасы гниютъ на корнѣ, въ губерніи южныя. Недостатокъ въ лѣсѣ, въ средней и южной полосахъ Россіи, сдѣлался въ настоящее время уже довольно ощутителенъ; правительство, видя это, принимало и принимаетъ дѣятельныя мѣры къ разведенію лѣса въ мѣстахъ безлѣсныхъ и къ замѣнѣ лѣса другими горючими матеріалами, но къ сожалѣнію, распоряженія и дѣйствія правительства не встрѣчали до-сихъ-поръ подражанія въ частныхъ владѣльцахъ.

Вѣроятно всякій, хотя по наслышкѣ, знакомъ нѣсколько съ торфомъ; знаетъ, что торфомъ можно замѣнить дрова, но однако до-сихъ-поръ еще никто изъ частныхъ владѣльцевъ не принялъ на себя труда разработать торфяниковъ; проѣзжая среднія губерніи Россіи, часто, можно замѣтить довольно значительныя пространства торфяныхъ болотъ, которыя лежатъ впустѣ, не принося никакой пользы владѣльцу ихъ, тогда какъ въ окрестности нѣтъ ни одного дерева, ни одного куста. Правда, введенію торфа во всеобщее употребленіе, въ мѣстахъ безлѣсныхъ, много препятствуютъ вкоренившіеся предразсудки противъ этой весьма полезной замѣны лѣса; но опыты должны убѣдить, что всѣ эти воображаемыя невыгоды и разнаго рода предразсуд-

ки не составляют и не могут составлять действительных препятствий въ употребленіи торфа.

За границей, во многих мѣстахъ, и у насъ въ Курляндіи торфъ имѣеть весьма разнообразное употребленіе.

Въ Курляндіи торфъ употребляютъ наиболѣе для сушенія хлѣба, и торфъ въ этомъ случаѣ вполне соответствуетъ своей цѣли. Чтобы вымолотить ригу, вмѣщающую въ себѣ отъ 6 до 9 лозовъ (отъ 2 до 3 четвертей), надобно отъ 120 до 150 кусковъ торфу. Для отвращенія всякой опасности отъ огня во время топки, печи должны быть крѣпкія и, если возможно, снабжены рѣшетками, на которыя могла бы высыпаться зола.

Для увеличенія жара въ ригѣ лучше не пристраивать печи къ одной изъ наружныхъ стѣнъ риги, а ставить ее совершенно отдѣльно.

Если торфъ не совершенно сухъ, то для топки необходимо примѣшать нѣсколько дровъ; при сухомъ торфѣ этой подбавки вовсе не нужно.

Мнѣніе, что хлѣбъ при сушкѣ его торфомъ получаетъ дурной вкусъ, не имѣеть основанія, потому-что опытъ доказываетъ совершенно противное.

Отопленіе комнатъ торфомъ имѣеть значительныя выгоды предъ отопленіемъ дровами: торфъ горитъ гораздо равномернѣе; не нужно безпрестанно смотрѣть за печью, ибо торфъ, будучи зажженъ, горитъ безпрепятственно и не гаснетъ; при топкѣ торфомъ, печи сохраняются гораздо долѣе, потому-что невысокое пламя торфа не выжигаетъ кирпича, и при вкладываніи торфа въ печи не повреждаются наружныя ихъ стѣны; опасности пожара при топкѣ торфомъ менѣе, потому-что отъ торфа не садится легко загорающаяся сажа.

Всѣ эти выгоды точки торфомъ побудили ввести его въ употребленіе почти во всей сѣверной Германіи, не смотря на достаточный тамъ запасъ лѣса.

При топкѣ торфомъ, надобно обращаться осторожно съ золой, въ которой, иногда въ небольшихъ крошкахъ торфа, тлѣетъ огонь дней пять или шесть.

Многіе полагаютъ, что торфъ не можетъ быть употребленъ для приготовленія кушанья, но это несправедливо: въ Галле, булочники не имѣютъ, кромѣ торфа, другаго горючаго матеріала, а между тѣмъ, тамошній хлѣбъ очень вкусенъ; для приготовленія

кушанья, торфъ долженъ быть употребляемъ сухой, и горшки, въ которыхъ готовятъ, необходимо покрывать.

Гдѣ нуженъ ровный огонь, какъ на винокурныхъ заводахъ и пивоварняхъ, тамъ торфъ можетъ быть чрезвычайно полезенъ, и замѣняетъ большое количество дровъ: 500 кусковъ торфа замѣняютъ кубическую сажень дровъ.

Нынче торфъ получилъ весьма обширное употребленіе за границей, не только для гончарнаго дѣла, но даже на солеварняхъ, для обжиганія кирпича, извести, на стекляныхъ заводахъ и вообще тамъ, гдѣ требуется сильный и равномерный жаръ.

Мѣста, на которыхъ можно предполагать существованіе торфа, суть обыкновенно самыя бесплодныя во всей странѣ: торфъ допускаетъ только самую скудную растительность, и на торфяныхъ болотахъ встрѣчаются весьма часто уродливыя сосны и березы. Несомнѣннымъ признакомъ существованія торфа на какомъ-либо мѣстѣ служитъ упругость поверхности болота. Если въ такомъ мѣстѣ можно безъ затрудненія опустить, до известной глубины, круглую палку, то можно съ достовѣрностію заключать о нахожденіи тамъ торфа; столь же вѣрнымъ признакомъ существованія торфа служитъ мутность воды, собирающейся въ канавахъ.

Растенія, подающія поводъ заключать о существованіи торфа, суть сильно изуродованные стволы сосны, березы, изъ травъ: разные роды осоки, а изъ мховъ: болотный мохъ и сытовникъ (*sphagnum palustre, et scirpus schoenus*).

Торфяныя болота бываютъ разнаго рода. *Высокія болота* отличаются замѣтнымъ возвышеніемъ надъ окружающею ихъ поверхностію, или по срединѣ, или же наконецъ въ какой-либо части своего протяженія. Высокія болота возвышаются иногда внезапно футовъ на 20 и болѣе и бываютъ окружены небольшими возвышеніями. Поверхность ихъ бесплодна, встрѣчаются только одинокія уродливыя сосны, березы, да частію верескъ и мхи покрываютъ неровную ихъ поверхность.

Болота лежащія въ углубленіяхъ, будучи окружены хрящеватыми возвышеніями, получаютъ оттого видъ котловины или углубленія, по срединѣ котораго подаются небольшіе холмы. Отличительно примѣтно этихъ болотъ служатъ окружающія ихъ возвышенія, состоящія всегда изъ хряща, и незамѣтная разность всей поверхности болота. Глубина болотъ, лежащихъ въ углубленіяхъ, бываетъ отъ 3 до 15 футовъ. На нихъ никогда

не вѣрѣаются древесныя породы, но травы вырастаютъ иногда очень порядочныя.

Луговые болота бываютъ окружены незначительными берегами, но чаще лежатъ на обширныхъ равнинахъ вблизи рѣкъ. Глубиною бываютъ они обыкновенно не болѣе 5 футовъ и не столько богаты торфомъ, какъ болота двухъ предыдущихъ родовъ.

Полевые торфяники суть самыя малыя болота; они бываютъ обыкновенно покрыты тонкимъ дерномъ, подъ которымъ футовъ на 12 или 16 глубины, лежитъ родъ тѣста изъ сгнившихъ растительныхъ частицъ. Эти болота даютъ наилучшій торфъ, и если добываемая изъ нихъ масса слишкомъ напитана водою, то разработка ихъ должна быть произведена особеннымъ образомъ.

На эти главные четыре рода дѣлятъ обыкновенно торфяныя болота; впрочемъ каждое болото имѣетъ въ себѣ столько отличнаго, что весьма трудно подвести виды болотъ подъ опредѣленные разряды, потому-что при одномъ и томъ же составѣ болота могутъ быть различнаго образованія.

Торфъ состоитъ изъ ткани сгнившихъ, болѣе или менѣе разложившихся, растительныхъ частицъ, смѣшанныхъ съ горною смолою, сѣрою и разными землями, и содержащихъ въ себѣ извѣстную степень сырости. Чѣмъ болѣе растительныя частицы разложены и напитаны горною смолою и сѣрою, тѣмъ лучше, старѣе и тяжеле торфъ, и на оборотъ. По этому опредѣленію можно дѣлать торфъ на слѣдующіе сорта:

Нижній прѣсный торфъ—лучшій изъ всѣхъ сортовъ торфа. Онъ отличается особеннымъ блескомъ и тяжестью, совершенно черенъ и содержитъ въ себѣ мало растительныхъ частицъ, которыя бы можно было распознать. Этотъ торфъ составляетъ обыкновенно нижніе слои болотъ втората и третьяго рода, и почитается лучшимъ сортомъ чернаго, прѣснаго или форменнаго торфа.

Прѣсный торфъ даетъ самый сильный жаръ, твердый уголь и много бѣлой золы.

Второй прѣсный торфъ, также чернаго цвѣта и почти такой же тяжести, хотя растительныя части замѣтны въ немъ болѣе и бываетъ примѣсь земли. Этотъ сортъ торфа сильно крошится, даетъ продолжительный жаръ, менѣе твердый уголь, и встрѣчается въ высокихъ болотахъ.

Рѣчной торфъ легче предыдущихъ сортовъ и темносѣраго цвѣта. Онъ состоитъ изъ сплетенія безчисленныхъ сгнившихъ частицъ травъ, мховъ и корнейевъ, и содержитъ въ себѣ мало земляныхъ частицъ. Торфъ этотъ плотенъ и горитъ скоро; пламя отъ него ярче, нежели отъ первыхъ двухъ сортовъ; онъ встрѣчается тоже въ высокихъ болотахъ.

Обыкновенный торфъ, темнобурый, иногда совершенно черный, содержитъ въ себѣ болѣе толстыхъ травяныхъ стеблей, тростникъ и болѣе земли, нежели нижній прѣсный торфъ; онъ плотенъ и довольно тяжелъ; даетъ продолжительный жаръ, довольно твердый уголь и много свѣтло желтой золы.

Обыкновенный торфъ встрѣчается въ болотахъ въ углубленіяхъ лежащихъ и луговыхъ.

Бурый мховый торфъ и бѣлый мховый торфъ чрезвычайно легки, состоятъ изъ мховъ немногихъ загнившихъ. Торфъ этотъ получается изъ верхнихъ слоевъ высокихъ болотъ. Онъ очень плотенъ, даетъ мало жару, но сильное пламя, и чрезвычайно полезенъ для обжиганія извести, кирпича,—вобще тамъ, гдѣ требуется большое пламя. Въ этомъ сортѣ торфа различаютъ еще видъ, извѣстный подъ названіемъ листоваго, въ которомъ слои мха лежатъ видимо одинъ на другомъ, такъ что ихъ можно снимать листами. Листовой торфъ находится только въ самыхъ верхнихъ слояхъ высокихъ болотъ и есть слѣдствіе не совершеннаго разложенія, по недостатку влажности, моховаго покрова болота.

Разные сорта торфа въ отношеніи годности ихъ къ употребленію содержатся между собою, какъ количества горючихъ веществъ, въ нихъ заключающихся.

Чѣмъ тяжеле, чернѣе торфъ въ сухомъ состояніи, тѣмъ онъ лучше; чѣмъ легче, свѣтлѣе и рыхлѣе, тѣмъ хуже. Торфъ, въ которомъ растительныя частицы совершенно сгнили, долженъ быть старѣе того, въ которомъ можно еще распознать эти части; впрочемъ скорое гніеніе частей торфа не всегда зависитъ отъ времени, а потому нельзя принять за-достоверное, чтобы самый старый торфъ былъ всегда и самый лучшій.

Въ высокихъ болотахъ, наполненныхъ водою и содержащихъ въ себѣ малое количество горной смолы, растительныя частицы хотя и разлагаются, но не растворяются до того, чтобы ихъ нельзя было узнать, не смотря на то, что эти болота могутъ быть столь же стары, какъ болота въ углубленіи лежація или луго-

вья, которыя, будучи пропитаны горною смолою, даютъ растворенныя растительныя части совершенно нераспознаваемыя.

Минеральныя частицы, находящіяся въ торфѣ, придаютъ ему болѣе вѣса; потому-то тяжелый торфъ лучше легкаго и черный предпочитается свѣтлому.

Прежде разработкою торфа необходимо осушить болото, безъ чего рѣдко бываетъ возможно приступить къ добыванію торфа.

Осушка торфяныхъ болотъ производится посредствомъ канавъ, которыми отводятъ изъ болота излишнюю воду въ рѣчки или ручьи.

Главная цѣль осушенія состоитъ въ необходимости доставить работнику возможность, спускаться безъ труда накопляющуюся воду.

Прежде осушкою болота опредѣляютъ посредствомъ нивелировки паденіе его и мѣсто, куда можетъ быть спущена вода; послѣ сего начинаютъ рыть ровъ во всю длину или ширину болота, соображаясь съ нивелировкой и направляя ровъ къ мѣсту спуска воды.

Окончивъ ровъ, пересекаютъ болото на самомъ глубокомъ мѣстѣ, другой канавой. Если болото окружено возвышеніями, съ которыхъ стекаетъ весною таящій снѣгъ, то необходимо вдоль возвышеній прорыть еще канаву, и воду провести въ главный ровъ.

Въ болотахъ, представляющихъ отлогій скатъ, нѣтъ нужды проводить ровъ по срединѣ; если слишкомъ большое количество воды въ болотѣ не дѣлаетъ мѣру эту необходимою. Въ такихъ болотахъ гораздо выгоднѣе прорывать канаву вкось передъ болотомъ, у подошвы его.

Глубина рововъ засиситъ отъ глубины болота. Соображаясь съ послѣднею, разработку болота производятъ или до самаго дна, или только на 4 фута глубины. Во всякомъ случаѣ однако, должно слѣдовать правилу, чтобы ровъ былъ футомъ глубже разработки болота. Исключеніе изъ этого правила можетъ быть допущено только въ высокыхъ болотахъ.

При опредѣленіи ширины и глубины рва, должно сообразить: будетъ ли онъ подверженъ весною сильному приливу воды.

Въ болотахъ не слишкомъ водянистыхъ, содержащихъ въ себѣ торфъ на 8 футовъ, предполагая разработку его только на 4 фута, — достаточно рыть ровъ въ $5\frac{1}{2}$ футовъ глубины, 3 фута ширины у дна и 8 — сверху.

Канавы необходимо ежегодно исправлять: въ торфяныхъ болотахъ онѣ не столько заростають, сколько засоряются.

Для добыванія торфа употребляются слѣдующія, главныя орудія:

Съемная лопата, которою снимается верхній покровъ торфа, есть обыкновенная толстая, желѣзная лопата въ 12 дюймовъ длины, 6 ширины, хорошо закаленная и наточенная.

Надрѣзная лопата, въ 13 дюймовъ ширины, 6 дюймовъ вышины и до $\frac{1}{2}$ дюйма толщины, окончивающаяся остриемъ.

Вырѣзная лопата, обыкновенная прямоугольная лопата отъ 6—8 дюймовъ длины и отъ 4 до $4\frac{1}{2}$ ширины.

Мѣрная доска, въ 7 футовъ длиною и 12 дюймовъ шириною, раздѣляется глубокими желобками на части по предполагаемой величинѣ торфяныхъ кусковъ. Кроме мѣрной доски, каждый работникъ долженъ быть снабженъ доской для складки у самой ямы вырѣзаннаго торфа.

Торфяная тележка, обыкновенная одноколесная тачка.

Исчисленные инструменты употребляются разными работниками, которыхъ при каждой ямѣ бываетъ обыкновенно четверо; если болото хорошо осушено и нѣтъ особенныхъ препятствій къ работѣ, то четыре работника могутъ вырѣзать въ одинъ день отъ 8 до 12 т. кусковъ торфа, слѣдовательно на каждаго придется отъ 2 до 3,000 кусковъ.

Величина кусковъ можетъ быть весьма различна, но вообще можно принять за правило: чѣмъ легче торфъ, тѣмъ могутъ быть болѣе вырѣзаемые куски, и чѣмъ онъ тяжеле, тѣмъ куски должны быть менше; чѣмъ теплѣе и продолжительнѣе лѣто, тѣмъ куски болѣе, и на оборотъ: чѣмъ короче время сушки, тѣмъ куски торфа менше.

Обыкновенною величиною торфяныхъ кусковъ можно принять 11 длины, 4 ширины и $3\frac{1}{2}$ дюйма толщины; куски большихъ размѣровъ, при несомнѣнномъ благоприятномъ лѣтѣ, никогда не высыхаютъ совершенно.

Благприятнѣйшее время для рѣзки торфа — исходъ или половина мая, когда торфяныя болота оттаиваютъ до того, что уже можно приступить къ разработкѣ торфа. Вырѣзка торфа должна быть окончена къ исходу іюня, а сушка въ концѣ іюня или началѣ августа. Осень неблагоприятна для сушки торфа: ночи уже слишкомъ долги, дни коротки, и торфъ не можетъ высыхать, какъ слѣдуетъ.

Предъ начатіемъ разработки торфянаго болота, необходимо опредѣлить: назначается ли оно, по извлеченіи торфа, подъ пашню, или въ немъ должно быть учреждено постоянное добываніе торфа.

Первый способъ пользованія торфяными болотами не можетъ быть у насъ въ Россіи главною цѣлію добыванія торфа, и потому объ немъ говорить мы не будемъ, а скажемъ нѣсколько словъ о второмъ способѣ пользованія торфяниками.

Теперь уже никто не сомнѣвается въ возможности возобновленія торфяниковъ, — и вообще можно принять, что вырѣзанное болото, если оно будетъ попеременно подвержено вліянію мокроты и сырости, лѣтъ чрезъ 20 или 30 вновь наполнится торфомъ въ такомъ же количествѣ, какое было въ немъ до разработки.

Процессъ образованія торфяника очень простъ: такъ какъ торфъ состоитъ изъ растительныхъ и минеральныхъ частицъ, и для образованія первыхъ требуется извѣстная степень сырости; то легко понять, что сообщивъ болоту требуемую имъ влажность, мы будемъ способствовать возобновленію и гніенію растительныхъ веществъ, которыя отъ присоединенія къ нимъ земли образуютъ наконецъ совершенный торфъ. Посѣвомъ осоки, нѣкоторыхъ тростниковъ и травъ, считааемымъ преимущественно торфяными растеніями, можно способствовать скорѣйшему, искусственному образованію торфа.

Излишекъ и недостатокъ воды одинаково вредны для образованія торфа; если вода въ ямѣ стоитъ постоянно на 4 или 5 футовъ, то возобновленіе торфа можетъ продолжаться лѣтъ сто и болѣе. По этому, гораздо лучше наводнять болото отъ осени до весны, а лѣтомъ, сообщать ему высокую степень сырости, т. е. чтобы болото было только мокро. При такомъ обращеніи съ торфяникомъ, травы и тростники, выросшіе лѣтомъ, сгниютъ, и въ слѣдующее лѣто появятся новые. При благоприятныхъ обстоятельствахъ можно полагать 3 дюйма ежегоднаго прироста торфа.

При назначеніи ямъ для вырѣзки торфа, главное вниманіе должно обратить на то, чтобы притекающая вода не препятствовала работѣ, и работникъ не былъ бы принужденъ оставлять въ ямѣ слой торфа, или перемычку, съ цѣлію провести воду въ вырѣзанную часть ямы.

Чтобы не затруднить свозки торфа на мѣсто сушки, ямы по

возможности должно отводить такъ, чтобы мѣсто сушки находилось предъ вырѣзчикомъ торфа. Для этого обыкновенно начинаютъ впаиваться у главнаго спускнаго рва, и вырѣзываютъ сперва одну, а потомъ другую половину болота.

Назначеніе ямы зависитъ также отъ способа разработки и отъ сорта торфа; вліяніе послѣдняго гораздо важнѣе. Въ высокомъ болотѣ, если оно по срединѣ довольно возвышенно, вырѣзка начинается отъ края къ срединѣ; въ болотѣ въ углубленіи лежащемъ и хорошо осушенномъ, напротивъ того, — отъ средины къ краямъ; а въ луговыхъ болотахъ, нѣсколько покатыхъ, вырѣзка начинается отъ края ската къ срединѣ. Вообще назначеніе ямъ зависитъ отъ мѣстности, принимая однакожъ въ соображеніе возможность спуска излишней воды.

При вырѣзкѣ ямы отъ главнаго рва соблюдается правило, чтобы между ямами и рвомъ оставалась торфяная перемычка въ 4 фута ширины.

Ширина и глубина ямы зависятъ какъ отъ сорта торфа, такъ и отъ способа разработки его. Удобнѣе кажется принять ширину ямы 7 футовъ, а глубиною 4 фута. Этотъ размѣръ ямы удобенъ потому, что представляетъ складчику именно такую ширину, которая требуетъ менѣе времени на его занятіе, потому-что, складчику по большей мѣрѣ надобно сдѣлать два шага, чтобы возвратиться сирава влѣво, къ началу каждаго вырѣзаннаго ряда.

Въ разстояніи 4 футовъ отъ главнаго рва, отмѣчается 7 футовъ въ ширину и произвольная длина, составляющая со рвомъ прямые углы, и приступаютъ къ выкапыванію или почину ямы.

Верхняя земля, не содержащая въ себѣ годнаго торфа, снимается, потомъ работникъ выкапываетъ яму, глубиною отъ 4 до 4½ — шириною въ 7 — длиною отъ 3 до 4 футовъ; это называется выкапываніемъ или починомъ ямы. Передняя сторона, которая можетъ почитаться началомъ торфяной ямы, сравнивается перпендикулярно, и тогда начинается настоящая вырѣзка торфа; но предварительно, въ перемычкѣ, отдѣляющей яму отъ рва, дѣлается для стока излишней воды скважина. Ширина перемычки можетъ быть до 4 футовъ.

Выкопавъ яму, приступаютъ къ самой рѣзкѣ торфа. Для этого вырѣзчикъ, съ вырѣзною лопатою и мѣрною доскою, становится вверху передъ ямою и отрѣзываетъ куски торфа въ длину, съ правой руки къ лѣвой, отмѣтивъ сперва ширину

первого куска, потомъ соскакиваетъ въ яму и рѣжетъ торфъ въ ширину.

Складчикъ вынимаетъ куски, по одиначкѣ, съ лѣвой стороны къ правой, и кладетъ ихъ на край ямы, гдѣ принимается ихъ возчикъ.

Во время работы должно смотрѣть за тѣмъ, чтобы стоящій въ ямѣ вырѣзчикъ вырѣзывалъ клѣтки такъ, чтобы боковыя стѣны ямы были перпендикулярны, а не шире книзу.

Отъ дурнаго выкапыванія, верхнія стороны ямы склоняются одна къ другой, трескаются, стѣны обваливаются, и терается много торфа.

Поэтому, лучше выкапывать ямы ко дну нѣсколько уже, нежели къ верху, и надобно смотрѣть, чтобы стѣны ямы не выдавались мѣстами; такая небрежность допускается только при началѣ работъ, когда работники не имѣютъ еще достаточнаго навыка.

Другая ошибка, которую дѣлаютъ часто рѣзчики торфа, состоитъ въ томъ, что, избѣгая необходимости нагибаться, они рѣжутъ куски не горизонтально, а вкось; отъ этого, дно становится глубже по мѣрѣ того, какъ подвигается работа въ ямѣ, и вода не можетъ стекать подлежащимъ образомъ.

Усиѣху работы препятствуютъ часто слои песка, встрѣчающіеся въ торфяныхъ болотахъ, также камни, большіе куски старыхъ деревьевъ. Отъ песчаныхъ слоевъ нѣтъ другого средства, какъ перерывать ихъ небольшими рвами, и то только въ томъ случаѣ, когда угрожающее излішествомъ количество воды дѣлаетъ эту работу необходимою. Добыча торфа уменьшается отъ этихъ препятствій, но уменьшеніе это опредѣлить рѣшительно невозможно.

Камни весьма часто замедляютъ работу, а иногда на незначительной глубинѣ они встрѣчаются въ такомъ количествѣ, что совершенно прекращаютъ вырѣзку торфа.

Большіе обломки деревьевъ весьма затрудняютъ работу, особенно въ высокіхъ болотахъ, гдѣ обыкновенно попадаютъ обломки сосны и ели. Длинныя и тонкіе боковыя корни, если работникъ попытается ихъ вытащить, портятъ цѣлыя клѣтки торфа, и торфъ, лежащій около обломковъ, если онъ не особенно плотенъ, обыкновенно пропадаетъ.

Землистые слои пересѣкаютъ иногда болото фута на два въ поперечникѣ и ихъ должно вынимать изъ болота съ большою

потерей времени. Часто случается однако, что слои эти сильно проростають тростникомъ и бываютъ напитаны земляною смолою, и въ такомъ случаѣ могутъ дать лучшій прѣсный торфъ.

Трещины, происшедшія въ болотѣ отъ ключей, и вода, окружающая болото вслѣдствіе дурной осушки, могутъ быть причиною крошки торфа.

Крошка торфа, случающаяся иногда и въ хорошо осушенныхъ болотахъ, и происходящая отъ множества древесныхъ частей, особенно небольшихъ вѣтвей и корней ольхи и березы, весьма препятствуетъ вырѣзкѣ торфа, — и нерѣдко изъ 1,000 кусковъ только половина, иногда даже — одна треть, оказываются годными къ употребленію. Въ такихъ обстоятельствахъ, обыкновенно лучше добывать прѣсный торфъ. Если же необходимость заставляетъ вырѣзывать торфъ, то отъ вырѣзки большихъ кусковъ онъ крошится менѣе, нежели отъ малыхъ.

Нѣкоторые приписываютъ крошку торфа малому количеству очищенной съ ямы земли, полагая, что теплота вытягиваетъ изъ земли сырость и оттого торфъ рыхлѣетъ; а этому неудобству можно пособить наполненіемъ болота на зиму достаточнымъ количествомъ воды.

Вырѣзанный торфъ свозится и складывается для сушки на мѣстахъ, особо для того назначенныхъ. Сушка торфа имѣетъ важность не менѣе самой вырѣзки торфа. Вся предшествующая работа пропадаетъ безъ пользы, если съ величайшею пренебрежительностію не будетъ расчитано настоящее время для сушки торфа, и если для этого дѣла будутъ употреблены неискусные работники.

Сушка торфа раздѣляется на два главные періода: а) Сушка собственно, складкою въ кучи, кусками и т. д. и б) Дальнѣйшая сушка торфа, складкою въ кучи для сбереженія и охраненія противъ непогоды.

Мѣста для сушки торфа должны быть выравнены. Если они отведены на хрящеватомъ грунтѣ, то должны быть очищены отъ камней, мѣшающихъ складкѣ кучь. Мѣста сушки на самыхъ болотахъ, если онѣ покрыты кочками, должны быть выравнены; работа эта производится очень просто: срѣзанная кочка опрокидывается и кладется между другихъ двухъ кочекъ. На высокіхъ болотахъ произрастающій тамъ багульникъ или засыпается землею или только срѣзывается.

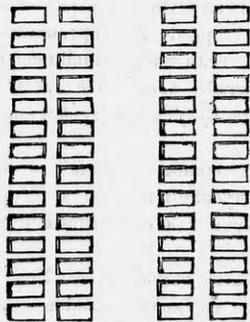
Къ сушкѣ торфа обыкновенно приступаютъ чрезъ нѣсколько

дней послѣ вырѣзки. Торфъ, получаемый изъ болотъ хорошо осушенныхъ, требуетъ менѣе времени для совершенной высушки.

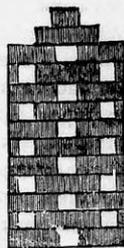
Обыкновенно полагаютъ для совершенной высушки торфа, вырѣзаннаго въ первое время, отъ 4 до 6 недѣль; для сушки торфа, вырѣзаннаго нѣсколько позже, отъ 6 до 8 недѣль, и для торфа, вырѣзаннаго въ послѣднее время разработки, отъ 10 до 12 недѣль.

Торфъ складывается прямыми линиями въ видѣ стѣнъ, кучами или плотинами.

Плотинами складываютъ торфъ слѣдующимъ образомъ: на мѣстѣ, избранномъ для складки, кладутъ куски торфа двумя параллельными рядами, оставляя между рядами промежутокъ въ 6 дюймовъ, а между кусками въ 2 дюйма. Когда торфъ простоять такимъ образомъ сутки, начинаютъ класть второй рядъ, такъ чтобы середина или промежутокъ между рядами былъ накрытъ кускомъ торфа, положеннымъ поперегъ; куски торфа на ребро кладутся еще съ краю кучи и на нихъ снова кладутъ, какъ и въ началѣ кладки, два параллельные ряда кусковъ торфа; такимъ образомъ кладутъ до 11 рядовъ торфа въ вышину и потомъ дѣлаютъ крышу изъ двухъ кусковъ торфа.

Основаніе кладки плотины.

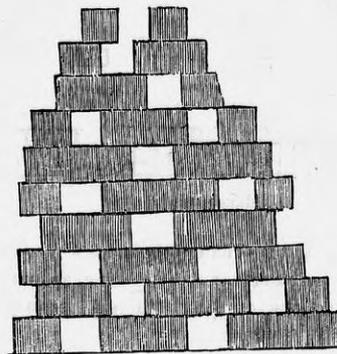
Поперечный разрѣзъ плотины.

При кладкѣ торфа плотинами надобно обращать особенное вниманіе на погоду и послѣдующіе ряды можно класть уже только тогда, когда нижніе нѣсколько просохли.

Если торфъ свозится для сушки на тачкахъ, то между стѣнами торфа оставляется промежутокъ въ 4 фута шириною, —

если на телѣгахъ съ лошадьми, то въ 8 футовъ, и въ такомъ случаѣ лучше выставлять длинныя стѣны.

Складка торфа въ малыя кучи заслуживаетъ вниманія потому, что при хорошей погодѣ торфъ въ такихъ кучахъ сохнетъ гораздо скорѣе; но за то для исполненія этой мѣры требуется болѣе мѣста, и сверхъ того торфъ не имѣетъ ни малѣйшей защиты отъ дурной погоды.

Полная куча (круглая) содержащая въ себѣ 50 кусковъ торфа.

Впрочемъ поздно вырѣзанный торфъ легче высушить этимъ способомъ до известной степени, — и гдѣ позволяетъ мѣстность и есть привычные работники, тамъ можно пользоваться обими способами, складкою въ стѣны и въ полныя кучи.

Въ нашемъ климатѣ, къ исходу августа, торфъ долженъ высухнуть до такой степени, чтобы можно было свозить его на мѣсто назначенное для его храненія. Торфъ хранится въ большихъ кучахъ или въ сараяхъ.

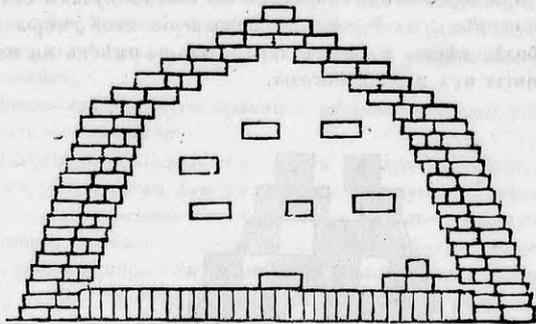
Величина кучъ зависитъ отъ произвола и бываетъ различная; но въ нихъ должно помѣщаться по крайней мѣрѣ по 1000 кусковъ.

Кучи, въ которыхъ торфъ долженъ зимовать, для соразмерной величины ихъ защиты отъ непогоды, складываются въ 100 т. кусковъ.

Для складки такихъ кучъ, требуется совершенно сухой торфъ, который могъ бы оказать вѣшней силѣ значительное сопро-

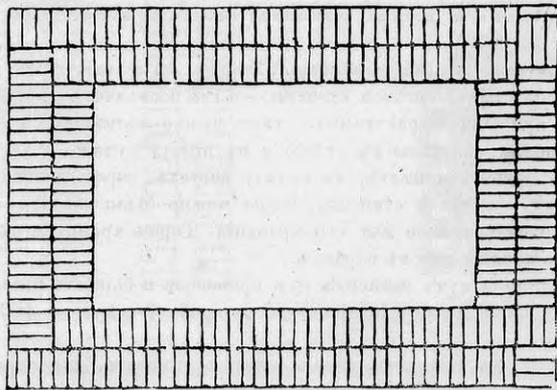
твление, какъ во время возки, такъ и при складкѣ, потому-что работники должны ходить по немъ.

Чтобы углы держались крѣпче, куча скрѣпляется лѣсомъ.

Мансардовая куча.

Складка такихъ кучъ, — ихъ называютъ обыкновенно мансардовыми кучами, по сходству ихъ съ мансардовыми крышами, — требуетъ большаго искусства; главными правилами при складкѣ можно принять слѣдующія:

Основаніе мансардовой кучи.

Край долженъ быть сложенъ въ видѣ стѣны, толщиной въ двѣ длины торфяныхъ кусковъ, составляющихъ поперечникъ

края. Въ верхней части кучи, куски надобно класть уступами въ $1\frac{1}{2}$ и 2 дюйма. Внутренній первый рядъ ставится на основаніи стоймя въ высоту, чтобы сырость не могла такъ легко проникать изъ земли въ верхніе ряды торфа. Остальное пространство кучи наполняется безъ порядка, но такъ, чтобы пустоты оставались какъ можно менѣе. При складкѣ такой кучи надобно наблюдать, чтобы внутренность ея не была бы слишкомъ скоро наподняема, иначе вѣдья будетъ усмотрѣть за остающимися пустотами.

Кромѣ мансардовыхъ кучъ, кладутся еще обыкновенныя призматическія, которыя, по длинѣ, обкладываются жердями, обернутыми соломой. Невыгода этихъ кучъ состоитъ въ томъ, что онѣ выставляютъ дѣйствию непогоды гораздо большую площадь: мансардовая куча во 100 т. кусковъ представляетъ площадь въ $1950\frac{2}{3}$ кв. фут., а призматическая въ $2193\frac{1}{3}$ ф., слѣдовательно, большое количество торфа можетъ быть повреждено. Но лучше всего хранить торфъ въ сараяхъ. Сарай строить вблизи болота и даютъ имъ такую величину, какое пространство можетъ занять миллионъ кусковъ торфа. По приватой мѣрѣ кусковъ въ 12 дюймовъ длины, 4 дюйма высоты и 5 дюймовъ ширины, для 1000 кусковъ нужно мѣста 75 куб. фут., слѣдовательно, для миллиона 75,000 куб. фут., а потому сарай долженъ имѣть 100 футовъ длины, 36 фут. ширины и 10 фут. высоты, а крыша 18 фут. высоты. При постройкѣ такого сарая, главное вниманіе должно обратить на крѣпость и хорошую связь балокъ и столбовъ; обшивка можетъ быть очень легкая, не только изъ планокъ, но даже и изъ кустарника.

Переплетать стѣны сарая хорошо особенно тогда, когда торфъ не просохъ еще совершенно, до середины кусковъ, и при такомъ устройствѣ сарая, вѣтеръ, проникая въ сарай, довершаетъ сушку торфа.

Храненіе торфа въ сараѣхъ есть прямая необходимость, потому-что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ торфъ можетъ быть у насъ добываемъ, зима бываетъ очень продолжительна, а осень слишкомъ мокра, отчего большія, на открытомъ мѣстѣ стояція, кучи должны много терпѣть отъ дурной погоды, и покрывша въ этихъ случаяхъ хранямаго торфа становится необходимою.

Утрата торфа при сушкѣ и храненіи его бываетъ сообразна съ качествомъ торфа. Чѣмъ торфъ лучше, тѣмъ болѣе онъ крошится.

ся и усыхать, чѣмъ хуже, тѣмъ крошка и усыханіе бывають мѣше.

Не все сорта торфа могутъ быть вырѣзываемы; этому мѣшаетъ или излишняя рыхлость торфа или значительная сырость, въ немъ заключающаяся. И потому, такой сортъ торфа приготавливается для жженія, сжиманіемъ его въ формахъ и высушиваніемъ.

Все сорта торфа могутъ быть сжимаемы, но значительная дороговизна этого способа приготovenія торфа не позволяетъ употреблять его повсюду, и собственно выжимнымъ торфомъ можетъ считаться только напнтанный самыми мелкими частицами, почти подобный тинѣ, и торфъ слишкомъ сухой и рыхлый.

Въ болотахъ, содержащихъ въ себѣ большое количество мелкихъ древесныхъ частицъ и называемыхъ потому древесными, бываетъ иногда такой недостатокъ въ водѣ, что торфъ разсыпается какъ пыль. Чтобы воспользоваться этимъ торфомъ, его смачивають до того, чтобы составился родъ тѣста, сжимають въ формахъ и рѣжутъ. Работу эту производятъ такимъ образомъ: вырываютъ продолговатую яму, кладутъ въ нее торфъ, смачивають его достаточно и мѣтятъ ногами или лопатой, до того, что вся масса перемишается надлежащимъ образомъ; потомъ выкладываютъ торфъ на край ямы, кучею въ 12 дюймовъ или 2 фута вышиною и вырѣзываютъ изъ ней кирпичи.

Вмѣсто ямы употребляютъ иногда ящикъ около 7 футовъ длины, 6 футовъ ширины и 3¼ фута вышиною; основаніе ящика состоитъ изъ 4-хъ брусковъ, укрѣпленныхъ такимъ образомъ, что четыре доски, составляющія стѣны ящика, могутъ быть легко скрѣплены посредствомъ четырехъ клинышковъ. Въ стѣнахъ и днѣ ящика просверливають дыры для стока воды. Торфяная масса, положенная въ такой ящикъ, мѣсится ногами или лопатами до тѣхъ поръ, пока слѣдается достаточно однородною, и потомъ рѣжется въ торфяные кирпичи, или выжимается въ формахъ, что еще лучше. Для этого употребляются простыя кирпичныя формы или еще лучше рама безъ дна, съ 25 мѣстами, по пяти въ рядъ. Раму, для крѣпости, обивають со всехъ сторонъ желѣзомъ. Перегородки въ рамѣ должны быть достаточно крѣпки, гнѣзда для кирпича дѣлаются внизу нѣсколько шире, чтобы куски торфа не ломались при выниманіи ихъ.

Приготовленная такимъ образомъ рама становится возлѣ ящика съ торфяною массою, которая накладывается въ формы ло-

патою, пока все мѣста будутъ наполнены, потомъ рама снимается, и торфяные кирпичи готовы.

Рамы, самыя выгодныя для приготovenія торфа, должны имѣть 60 мѣствъ, но при этомъ нужно имѣть сильныхъ рабочихъ.

При дѣланіи торфяныхъ кирпичей, надобно наблюдать, чтобы торфъ не прилипалъ къ угламъ гнѣзда, а для этого нужно содержать раму постоянно сырою.

При употребленіи кирпичныхъ формъ, торфъ хотя и выходитъ гораздо плотнѣе и крѣпче, потому-что втискивается въ форму по одному кирпичу, однако это требуетъ слишкомъ много времени, и потому не вездѣ можетъ быть одинаково выгодно.

Для добыванія торфа въ большомъ видѣ, можно употребить слѣдующій способъ:

Въ ямѣ, приготовленной въ самомъ болотѣ такъ, чтобы до грунта оставалось торфа по-крайней-мѣрѣ на одинъ футъ, приготавливають торфяную массу, и потомъ кладутъ ее въ рамы, длиною въ 14, шириною въ 6 футовъ, а вышиною въ 5 дюймовъ, равную вышинѣ торфяныхъ кусковъ. На короткихъ сторонахъ рамки дѣлаются зарубки чрезъ каждые 4 дюйма, что составляетъ ширину кирпичей, а на длинныхъ чрезъ 12 дюймовъ; рама эта кладется на горизонтально выровненное мѣсто, наполняется торфяною массою, которая уминается доскою и уравнивается. Послѣ того массу дѣлаютъ отъ мѣтки до мѣтки, хорошо навареннымъ сталью ножомъ, обоюдо острымъ, въ 15 дюймовъ длиною, и 2 или 2¼ шириною, съ закругленнымъ концемъ. Если работникъ не очень искусенъ и не умѣетъ дѣлать просто рукою, то означаетъ мѣтки веревкою.

Такая рама содержитъ въ себѣ 252 куска торфа, и при достаточномъ навыкѣ рабочихъ, въ день можетъ быть приготовлено отъ 3 до 4000 кусковъ, чего невозможно получить ни при какомъ другомъ способѣ.

Если торфяная масса слишкомъ напнтана водою, то торфъ ловится сътыю, свозится на землю, по возможности осушается и приготавливается потомъ по одному изъ вышеизложенныхъ способовъ.

Подъ нѣсколькими слоями хорошаго торфа, нерѣдко попадаетъ такая жидкая масса, что для добыванія ея необходимо прибѣгать къ черпалу.

Масса, вынутая изъ ямы, черпаломъ выкладывается въ чанъ, вмѣщающій въ себѣ до 12 футовъ, и снабженный нѣсколькими косямъ краемъ, вышиною фута въ два. Чанъ, наполненный торфяною массою, приносятъ на выровненное мѣсто, покрытое соломой или тростникомъ, выливають массу кучею и оставляють для стока воды дня на четыре или на пять.

Потомъ работники, подвизавъ себѣ подъ ноги дощечки, немного побольше подошвы, утаптываютъ массу до тѣхъ поръ, пока она перестанетъ трескаться и умѣсится равномерно; послѣ этого

масса оставляется еще на несколько дней и наконец дѣлится на куски лопатою.

Иловой и выжимной торфъ даютъ большую степень жара, нежели сорты вырѣзные, но пламя отъ нихъ гораздо менше.

Выжимной и иловой торфъ сушатся точно также, какъ и вырѣзной, съ тою только разницею, что куски этого торфа, если они по вынуги изъ рамы подучили надлежащую твердость, ставятся тотчасъ же въ двойныя стѣны. Небольшія призматическія кучи неудобны для хранения выжимнаго и иловаго торфа, ибо этотъ торфъ, будучи подверженъ дѣйствию солнца и воздуха, легко разсыпается. Для приготовления выжимнаго торфа, непремѣнное и главное условіе есть—хорошая погода: при сильномъ дождѣ только что сформированные куски совершенно распускаются.

Тельги, назначаемыя для перевозки торфа, должны быть снабжены корзинными стѣнками фута въ 4 вышиною.

Для избѣжанія, при отпускѣ торфа, труда пересчитывать куски, можно употреблять короба, въ которые бы вмѣщалось известное число торфяныхъ кирпичей.

Кромѣ прямого назначенія торфа собственно для жженія, онъ можетъ имѣть еще постороннее назначеніе.

Въ сельскомъ хозяйствѣ торфъ можетъ быть съ выгодой употребленъ на удобреніе глинистой почвы; зола торфа составляетъ отличное удобреніе для луговъ, не уступающее достоинствомъ гною. Она смертоносна для червей, истребляетъ излишнюю для луговъ сырость и мхъ, и весьма способствуетъ произрастанію травъ.

Чѣмъ зола цвѣтнѣе, тѣмъ лучше для удобрения, и зола отъ лучшихъ сортовъ торфа болѣе прочихъ достигаетъ цѣли удобрения.

Торфяники съ выгодой могутъ быть употреблены, для полученія съ нихъ какихъ-нибудь полезныхъ плодовъ, и для этой цѣли могутъ быть разрабатываемы только высокія болота.

По спускѣ съ нихъ воды, выжигаютъ верхній покровъ болота до торфа, а потомъ засѣваютъ почву гречихою, картофелемъ или даже наконецъ и рожью.

Въ Финляндіи торфяныя болота воздѣлываются съ большимъ успѣхомъ. Но не смотря на всѣ выгоды, общаемыя торфяниками отъ воздѣлыванія ихъ подъ хлѣбныя или корнеплодные растенія, въ мѣстахъ, гдѣ мало лѣсу, и есть потребность въ веществахъ, его замѣняющихъ, лучше, не употребляя торфяники для земледѣлія, оставить ихъ для разработки торфа; а въ этомъ, кромѣ личной пользы владѣльца торфяника, будутъ заключаться и выгоды потребителей торфа.

Н. ШЕЛГУНОВЪ.

Кривука и Бислиографія.

Русскій Пѣсенникъ, или Собраніе лучшихъ и любимѣйшихъ пѣсней, романсовъ и водевильныхъ куплетовъ, извѣстныхъ писателей, изданный К. Авдѣевою. Двѣ части. Въ 42 д. С. Петербургъ 1848. Въ типогр. Военно-учебныхъ заведеній.

У насъ, вѣроятно, не было бы такихъ плохихъ пѣсенниковъ, такихъ жалкихъ сборниковъ, или собраній пѣсней, романовъ, водевильныхъ куплетовъ и тому подобныхъ побрякушекъ и баболокъ, еслибъ языкъ нашъ имѣлъ слово, которое, подобно греческимъ антологикамъ, или антологіи и нѣмецкой *Blumenlese*, выражая собраніе цвѣтвозъ, напоминало бы составителямъ этихъ пѣсенниковъ и сборниковъ, что надлежитъ собирать цвѣты, выбирать изъ-подъ пустоцвѣта и тринь-травы одно благовоное и прекрасное. Слово же «пѣсенникъ» или «сборникъ» нисколько не предостерегаетъ составителя; для «пѣсенника», или «сборника», по видимому, все годится: такъ все и черепадетъ въ эти несчастныя книжонки. А пора бы намъ имѣть хорошую антологію, собраніе нашихъ лучшихъ народныхъ пѣсней и нашихъ лучшихъ лирическихъ стихотвореній — и тому чрезвычайно способствуетъ нынѣшній періодъ нашей лирической поэзіи: достаточно ея, для составленія прекраснаго букета въ одномъ томѣ, и она еще не такъ богата, чтобы сдѣлать выборъ затруднительнымъ. Какъ полезно бы было изданіе такого рода! Не всякій въ состояніи имѣть *все* сочиненія нашихъ поэтовъ; но всякій можетъ

дать и охотно дать одинъ или полтора рубля серебра за вѣнокъ изъ отборныхъ цвѣтовъ нашей лирической поэзіи. Какое счастливое вліяніе подобная книга имѣла бы на эстетическій вкусъ публики, а для начинающихъ поэтовъ нельзя бы было и выдумать лучшаго руководства. Во всякомъ поэтѣ найдешь мѣста слабыя, полу-прозаическія, а это именно соблазняетъ новобранца-пиита! Въ книгѣ же стихотвореній, въ которой былъ бы подобранъ перлъ къ перлу, алмазъ къ алмазу, петлѣнный чудо-цвѣтокъ къ своему подобію, въ которой не было бы ни одного пустоцвѣта, ни одной слабой піесы — такаа книга тотчасъ вразумила бы каждому, что такое поэзія и къ чему долженъ стремиться тотъ, кто принимается за злато струнную лиру? Русская антологія, какую мы разумѣемъ и считаемъ дѣломъ не только возможнымъ, но и очень легкимъ, должна раскопаться по Россіи тысячами экземпляровъ; но это не могло прійти въ голову ни одному книгопродавцу, потому-что ни одинъ изданный пѣсенникъ или сборникъ далеко не походитъ на антологію. Отъ чего же такъ, когда составленіе русской антологіи столь возможно, столь легко въ наше время? Развѣ составитель ея долженъ быть гениемъ особеннаго рода, какимъ-то Колумбомъ, чтобы показать, какъ поставить лицо стойма? Нѣтъ! Антологъ можетъ не быть гениемъ, даже талантомъ; антологу нужно не много: только очищенное чувство изящнаго и умъ критическій! Съ этими простыми средствами онъ совершитъ то, чего не сдѣлаетъ ни одинъ даровитый, гениальный поэтъ, относительно своихъ собственныхъ сочиненій: издастъ книгу стихотвореній, въ которой не будетъ ни одной слабой піесы, отъ того, что антологъ, какъ человекъ посторонній, равно безпристрастенъ ко всѣмъ цвѣтамъ, изъ которыхъ выбирать. Намъ всегда казалось однимъ изъ горькихъ знаменій несовершенства человеческого, что гениальный писатель не можетъ быть справедливымъ судьей собственныхъ дѣтищъ своихъ, лучшему часто предпочитаетъ слабѣйшее, однимъ словомъ: иногда не видитъ того, что тотчасъ замѣтитъ первый взглядъ *посторожнаго* ума. Рассказываютъ намъ про И. А. Крылова, что онъ предпочтительно любилъ свою басню: «Ручей»; а именно эта басня одна изъ неудачнѣйшихъ басенъ его, будучи огромнымъ промахомъ въ самомъ *созданіи* своемъ, т. е. будучи основана на неправдѣ художественной! По нашимъ понятіямъ христіанскимъ, мы не можемъ видѣть въ рѣкѣ или ручьѣ—

водянаго бога, и потому, въ нашемъ умѣ, рѣка и ручей ни сколько не виноваты, когда они, отъ ливня ли, или другой причины, выходятъ изъ береговъ и причиняютъ опустошенія. Мы не винимъ слабой силы стихійной, дѣйствующей по законамъ физическимъ. «Ручей» Крылова отнюдь не виноватъ въ своемъ разливѣ, и потому басня, впрочемъ хорошо рассказанная — *не хороша!* Еще разительнѣйшій примѣръ авторскаго ослѣпленія находимъ мы у нашего гениальнаго Пушкина: въ одной изъ лучшихъ піесенъ своихъ онъ не исключилъ слабого, ничтожнаго конца ея — въ піеснѣ Мери, «въ Пару во время чумы»:

«Было время, процвѣтала
Въ мирѣ наша сторона:
Въ воскресенье бывала
Церковь Божія полна, и проч:

Въ продолженіе трехъ осьмистишныхъ куплетовъ, пісня эта дивнымъ образомъ возвышается; третій куплетъ кончается тѣмъ, что, во время чумы:

«Поминутно мѣсто надо,
И могилы межъ собою,
Какъ испуганое стало,
Жмутся тѣсною чередой!»

И послѣ этого дивнаго уподобленія, слѣдуютъ еще два слабѣйшіе куплета, уничтожающіе все очарованіе поэтическое. Пишущій эти строки, которому Пушкинъ далъ въ Альманахѣ этотъ «Парь во время чумы», осмѣлился, по отпечатаніи Альманаха, спросить самаго Пушкина: ужели не видитъ онъ, что два послѣдніе куплета отнюдь не достойны первыхъ трехъ? и получилъ отъ него чисто-сердечный отвѣтъ: «Зачѣмъ же вы не исключили этихъ куплетовъ?» *Не* для себя, а для *Пушкина* припомнимъ эти слова, если они дойдутъ до свѣдѣнія будущаго біографа его.

Мы сдѣлали небольшое отступленіе, чтобы, ксати, напомнить читателямъ, что всякій изъ нихъ, кто только образовалъ свой изящный вкусъ, не долженъ увлекаться установленною извѣстностью или славою какого-либо писателя, а имѣетъ судить своимъ умомъ каждое изъ произведеній его, ибо этому безотчетному увлеченію мы обязаны тѣмъ, что до сихъ поръ не имѣемъ

ни общественнаго мнѣнія литературнаго, ни даже порядочной антологіи. Мы отнюдь не проповѣдуемъ неуваженія къ славнымъ именамъ; напротивъ, мы ненавидимъ эту разрушительную систему! Мы желаемъ только, чтобы всякій читатель, забывая объ имени автора, всегда повѣрялъ своимъ изящнымъ чувствомъ общее безотчетное мнѣніе публики, или легкомысленный приговоръ какого-либо журналиста. Нѣтъ пужды, если читатель подчасъ и ошибется; въ массѣ публики, это будетъ великій шагъ впередъ къ общественному мнѣнію литературному, когда каждый читатель поставитъ себя правиломъ: судить о произведеніи словесности и наслаждаться имъ только по собственному крайнему разумію, а не по словамъ другихъ. Никто, больше нашего, не уважаетъ гениальность Пушкина; но, если бы намъ довелось составить русскую антологию, то выборъ нашъ палъ бы непременно на упомянутую превосходную пѣсню Мери, и мы, безъ зазрѣнія, исключили бы послѣдніе два куплета, по извѣстной уже причинѣ. Положимъ, шной безотчетный поклонникъ всего, что ни написано Пушкинымъ, былъ бы сначала пораженъ такою смѣлостью; но, поразсудивъ, что антологъ руководствовался строжайшимъ чувствомъ изящнаго и, дѣйствительно, сдѣлалъ добросовѣстный выборъ, по предѣламъ антологіи, въ одинъ томъ, тотъ же слѣпой поклонникъ, можетъ стать, прозрѣвъ бы, понявъ бы, почему исключены тѣ два куплета пѣсни Мери—и мы, въ такомъ случаѣ, оказали бъ ему великую услугу умственную. Да не сочтутъ этого—предсудительною самонадѣянностью! одни афферисты книжные издають книги по извѣстнымъ расчетамъ; но литераторы, уважающій свое званіе, не иначе пускаетъ свою книгу въ свѣтъ, какъ съ надеждою, что книга его принесетъ умственную пользу.

Обратимся наконецъ къ «Русскому Пѣсеннику г-жи Авдѣевой.» Изъ всего выше сказаннаго явствуетъ, что мы недовольны этимъ сборникомъ; однако, не забывая впередъ своимъ сужденіемъ, рассмотримъ подлежащее, по принадлежности. *Первая* часть пѣсенника состоитъ изъ «пѣсенъ и романсовъ», разныхъ авторовъ и изъ лирической смѣси, изъ «пѣсенъ разнаго содержания», какъ говорить издательница. *Вторая* часть содержитъ въ себѣ «пѣсни народныя, пѣсни свадебныя, пѣсни, подъ которыя плясывали на вечерникахъ, пѣсни круговыя, пѣсни подблюдныя» и, наконецъ, «пѣсни театральныя,» т. е. куплеты изъ разныхъ водевилей. Сборникъ начинается пѣсней г-на Вельт-

мана, въ которой, съ первыхъ двухъ стиховъ, «зоренька ясная падаетъ на землю росой!» Вслѣдъ за тѣмъ добрый молодецъ, прощаясь въ полночь съ своею красною дѣвицею, велитъ ей *держатъ коня крѣпче подъ уздцы;* выпиваетъ еще чарку вина и отправляется въ Муромскій лѣсъ—грабить купцовъ, чтобы у зазнобушки его была «кофточка шитая и шубка на лисьемъ мѣху!» Русскіе, сколько намъ извѣстно, никогда не имѣли суроваго обычая заставлять женъ и красныхъ дѣвушекъ ухаживать за конями и держать ихъ подъ уздцы. Но пусть бы красная дѣвица держала коня подъ уздцы, пусть бы зоренька пала на землю—все это еще простительно! Главный проступокъ издательницы состоитъ въ томъ, что она свою *антологию* начинаеть *разбойничьей пѣсней!* Да кромя этого важнаго промаха, мы въ толкъ не возьмемъ, какимъ образомъ, при началѣ русской антологіи, можетъ кому-либо прійти въ голову г-нъ Вельтманъ? Мы уважаемъ этого писателя, по таланту и обширнымъ познаніямъ его, но тѣмъ не менѣе думаемъ, что онъ еще больше нашего былъ изумленъ, очутившись *пердовымъ* лицомъ Пѣсенника г-жи Авдѣевой. Почтенной составительницѣ частенько не удавалось даже выборы изъ нашихъ лучшихъ поэтовъ: вотъ что, между прочимъ, взято у Жуковского:

«О вѣтеръ, вѣтеръ! что ты вѣешься?
Ты не огъ милого несешься,
Ты не принесъ веселья мнѣ!
Играй съ косаткой въ вышнѣй,
По поднебесью съ облаками,
По синю морю съ кораблями—
Стрѣлу пернатую отвѣй
Отъ друга—радости моеи!»

Признаться, мы не помнимъ этой пѣсы; не знаемъ, переводная ли она, или оригинальная? и не повѣрили бы, что она Жуковского, не будь подписи. Пѣса, и сама по себѣ весьма незначительная, еще особенно потому не должна бы была имѣть мѣста въ пѣсенникѣ, что смыслъ ея остается крайне темнымъ. Какую *пернатую стрѣлу* вѣтеръ долженъ отвѣять отъ друга—радости, для души-дѣвицы? Какой вѣтеръ отвѣваетъ стрѣль? Ихъ мечетъ тетива лука! И что за странное желаніе души-дѣвицы:

имѣть пернатую стрѣлу своего возлюбленнаго, отвѣянную вѣтромъ! Намекъ ли это на Амурову стрѣлу? Но вещественная стрѣла Амурова уже сидитъ у нея въ сердцѣ, когда она возымѣла столь причудливое желаніе, и она очевидно проситъ иной стрѣлы—можетъ быть, стрѣлы съ грамоткою, съ вѣсточкою,—но это лишь невѣрная съ нашей стороны догадка, ради приличія и уваженія къ автору, догадка, почти опровергаемая странностью просьбы, обращенной къ *вѣтру* и тѣмъ, что, въ такомъ случаѣ, ближе, яснѣе, естественнѣе было бы обратиться къ *самому другу-радости*, попросить *его*: перекинуть къ ней, попутнымъ вѣтромъ, съ могучаго лука, вѣсточку на стрѣлѣ пернатой. Щекотливая утонченность нынѣшнихъ понятій требуетъ, въ подобномъ дѣлѣ, точности и вѣрности выраженія, тщательнаго избѣганія всякой неясности; если отъ возвышеннаго до смѣшнаго только шагъ, то отъ наивно-эротическаго до двусмысленнаго менѣе полудюйма.

Кажется, изъ *Пушкина* можно бы было выбрать двадцать или двадцать пять самыхъ *антологическихъ* пѣсень, чистѣйшаго золота поэтическаго, оставляя еще очень богатый запасъ для второй и третьей антологіи русской, но и тутъ, за исключеніемъ не многихъ пѣсень, выборъ издательницы неудаченъ: менѣе хорошее предпочтено несравненно лучшему. Къ чему, въ *антологіи*, пѣсня подозрительной красавицы въ «Русланѣ и Людмилѣ», пѣсня «Кавказскаго плѣнника» и тому подобное? все это можетъ имѣть свою цѣну въ полномъ собраніи стихотвореній Пушкина, но оно не у мѣста въ антологіи. Извѣстная горестная пѣсня: «Я пережилъ свои желанья — я разлюбилъ свои мечты!» имѣется даже въ *двойномъ* числѣ, на стран: 9 и 158 I тома! Можно ли было проглядѣть прекраснѣйшія элегіи: «На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла,» и «Подъ небомъ голубымъ страны своей родной — она томилась, увядала...» право, не сочтешь всего, что несравненно лучше выбраннаго г жею Авдѣевой.

У князя Вяземскаго, — вѣроятно потому, что нѣтъ еще собранія его стихотвореній, что трудно отыскивать ихъ въ разныхъ изданіяхъ—взято только двѣ пѣсень: 1) «Какъ обманъ, какъ уносень» и 2) «Собирайтесь, дѣвки красны.» Последняя довольно мила; но обѣ пѣсень мы съ удовольствіемъ отдали бы за чудно-хорошую пѣсню того же автора, изъ которой помнимъ слѣдующія двѣ строфы:

Слезы, что пробилась,
Позабыты мной;
Чувства освѣжились
Свѣжей ихъ росой!

*
*

Слезы, что отсѣли
На сердечномъ дѣлѣ,
Къ язвамъ прикипѣли
Ржавчиной во мѣ.

Вотъ, что нужно для русской антологіи! Вотъ одинъ изъ перловъ и алмазовъ нашей лирической поэзіи! И эти-то алмазы частенько проглядываютъ г-жа Авдѣева. Не понимаемъ, что прельстило ее въ *первомъ* нами упомянутомъ стихотвореніи князя Вяземскаго? Это—одинъ наборъ словъ, да еще наборъ неудачный, потому-что въ немъ не соблюдена даже послѣдовательность возрастанія быстроты: Выишемъ послѣдній куплетъ:

Какъ незнатный житель лѣса (?)
Какъ пустынная стрѣла,
Какъ отважный конь Черкеса,
Какъ потокъ съ горы утеса —
Радость быстро протекла.

При первомъ стихѣ этого куплета недоумѣваешь, говорится ли объ угольщикѣ, или о чижикѣ? Оба они имѣютъ равное право на эпитетъ «незнатнаго жителя лѣса.» Только въ послѣдствіи догадываешься, что подразумѣвается *птица*. И такъ послѣ птицы—*стрѣла*! но что-такое *пустынная* стрѣла? Не все ли равно, въ отношеніи къ ей быстротѣ, пущена ли она въ пустынь, одна, или въ битвѣ, въ обществѣ другихъ стрѣлъ? здѣсь, мы имѣемъ въ виду только быстроту ея. Что же, послѣ быстроты стрѣлы, значитъ «конь Черкеса» и «потокъ съ утеса»? гдѣ имъ равняться со стрѣлою или, чего требовалось, превзойти ее въ быстротѣ! Подобный наносъ (агломерация) уподобленій уже самъ по себѣ не изященъ, но спасется своею эффектною лишь тогда, когда соблюдено строгое *crescendo*. Одинъ изъ главныхъ стихотворныхъ пороковъ князя Вяземскаго состоитъ въ томъ, что онъ, для рифмы, всегда готовъ на болѣе жертвоприниженіе, нежели сколько дозволяется, или—правильнѣе—прощается поэту.

Издательница «Пѣсенника» заглядываетъ въ поэтическіе сады Нелединскаго, Капниста, И. Дмитріева, Батюшкова, Карамзина, Державина, К. Хованскаго, Хераскова, О. Глинки, Иванчинъ-Писарева, Измайлова, Баратынскаго, Давыдова, Б. Дельвига, Языкова, Марлинскаго, Бенедиктова, Лермонтова и Кольцова. Кажется, у иныхъ изъ этихъ цвѣтничковъ можно бы пожить-ся; но г-жа Авдѣева, подъ вліяніемъ какой-то злополучной звѣзды, выбирая обыкновенно только посредственное, иногда даже плохое, еще не запаслась достаточно въ этихъ поэтическихъ садахъ и, для укомплектованія своего матеріала, принуждена завернуть въ стихотворные огороды гг. И. Лажечникова, Н. Таушева, П. Кайсарова, П. Николаева, К. П. В. Гури, Г. Оржцкаго, П. Корсакова, Н. Глебова. Посмотримъ, что намъ приноситъ она отъ этихъ стихотворцевъ:

Отъ И. Лажечникова:

Участь сладка, незабвенна!
Я въ раю съ Мальшиной жилъ:
Въ ней была моя вселенна,
Въ ней себѣ, другихъ любилъ!

Отъ Н. Таушева:

Къ кому не знаютъ и слѣда
Съ высотъ разише перуны,
И спицами въ колесѣ фортуны
Человѣкъ не бьетъ кто никогда; и проч.

Отъ П. Кайсарова:

Не крушился, мать любезна,
Не томился, не вздыхай!
Участь горька, участь слезна,
Превратись въ душевный рай!

Отъ П. Николаева:

Вдругъ вода съ пескомъ смутилась
Тамъ, и лгода горька
Съ той минуты, какъ лишилась
Я любезнаго дружка.

Отъ К. П. В. Гури:

Тише, тише, питра мила!
Съ сердцемъ вмѣстѣ будь уныла;
Томною заставъ игрой
Призадуматься съ собой!

Отъ П. Корсакова:

Часы крылаты, не летите!
. . . . .
Бгугутъ, лѣтятъ стрѣлой они:
Ни лѣнь, ни нѣгой наслажденье
Не могутъ имъ сдержать стремленье, и проч.

Отъ Н. Глебова:

Съѣсть затѣялъ Русь святую и проч.

Слава Богу, мы у конца первой части, къ которой мы должны были быть такъ взыскательны, потому-что—повторяемъ—русская антологія есть именно въ наше время, дѣло очень быточное.

Во второй части, мы ограничимся разсмотрѣніемъ только отдѣленія *народныхъ* пѣсенъ, потому, что онѣ своими *выборными* входятъ въ предполагаемый составъ русской антологіи. Въ нихъ нѣтъ у насъ недостатка, но не многія изъ нихъ замѣчательны въ отношеніи поэтическомъ, чтобы имѣть право на помѣщеніе въ антологію. Въ *этомъ* отдѣленіи издательница пѣсенника, имѣя гораздо менѣе свободы въ выборѣ, чѣмъ въ первой части, распорядилась несравненно лучше, нежели тамъ, и еслибъ она, вмѣсто 62 пѣсень, ограничилась сорока или пятидесятью, то сдѣлала бы еще лучше. Но *одно* мы должны замѣтить почтенной издательницѣ: въ числѣ этихъ шестидесяти двухъ пѣсенъ народныхъ, мы не доискались нѣкоторыхъ истинно-поэтическихъ и довольно извѣстныхъ и, что всего удивительнѣе, мы здѣсь не находимъ *лучшаго перла* нашей народной поэзіи, той превосходной пѣсни, о которой упоминаетъ даже исторіографъ нашъ, въ послѣдней главѣ X тома—пѣсни о витязѣ, который умираетъ въ дикой степи на коврѣ, подлѣ огня угасающаго:

Припекаетъ свои раны кровавыя...
Въ головахъ стоитъ животворящій Крестъ,
По праву руку лежитъ сабля острая,

По лѣву руку его крѣпкій лукъ,
 А въ ногахъ стоитъ его добрый конь...
 Онъ, кончаяся, говоритъ коню:
 Какъ умру я, мой добрый конь,
 Ты зарой мое тѣло бѣлое
 Среди поля, среди чистаго;
 Побѣги потомъ во святую Русь:
 Поклонись моему отцу и матери,
 Благословенье свежи малымъ дѣтушкамъ;
 Да скажи моей молодой вдовѣ,
 Что женился я на другой женѣ:
 Я въ приданое взялъ поле чистое!
 Была свахою калена стрѣла,
 Положила спать сабля остра!
 Всѣ друзья-братья меня оставили,
 Всѣ товарищи разбѣхались...
 Лишь одинъ ты, мой добрый конь,
 Ты служилъ мнѣ вѣрно до смерти...

Мы повторили пѣсню въ томъ видѣ, въ какомъ она у Карамзина, который, отрѣшивъ отъ нея простонародную окантину и сохранивъ одно *чистое золото* русской народности, указываетъ русскому антологу, какъ должно поступать съ нашими народными пѣснями, чтобы выказать ихъ въ полномъ блескѣ и дать имъ право гражданства въ русской *антологіи*! Скоро ли дождемся ея!

Мы не сибѣили свою рецензію! «Русскій Пѣсенникъ» г-жи Авдѣевой, вѣроятно, уже взялъ свое, разошелся! Тѣмъ лучше: онъ проложилъ путь будущей антологіи той же издательницы!

ВТОРОЕ ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ А. МАРЛИНСКАГО.
Изданіе четвертое, XII частей, въ четырехъ томахъ, въ 12 д. Спб. Въ типографіи Минист. Госуд. Имущества. 1847 года.

Иностранные писатели, разумѣется, *дурнымъ*, завистливымъ глазомъ глядя на страшное для нихъ, и, очевидно, все болѣе и болѣе развивающееся величіе Россіи, любятъ воображать русскую націю распавшеюся на двѣ части, изъ которыхъ *одна*, мѣвшаля, гениемъ Петра Великаго подвинута на путь европейскаго просвѣщенія, силится идти наравнѣ съ вѣкомъ, между тѣмъ, какъ другая, несравненно болѣе часть, засѣла въ своемъ прежнемъ невѣжествѣ, или развѣ стремится назадъ къ сво-

ему первобытному азиатскому элементу. Прощаемъ иностранцамъ такое ложное мнѣніе, когда у насъ, въ Россіи, есть Русскіе люди ученые, которые толкуютъ безпрестанно о томъ, что высшіе классы у насъ будто оторваны отъ живаго корня русскаго, и что мы, черезъ это, будто утратили живую личность народную. При разборѣ «Московского Сборника» за прошедшій годъ, мы уже насмѣхались надъ этими толками, о которыхъ говорить серьезно, да вообще *говорить* уже не стоить. Здравый русскій смыслъ понималъ и понимаетъ, что Петръ Великій былъ преобразователемъ не однихъ высшихъ классовъ, но всей Россіи, что онъ весь народъ выдвинулъ изъ его азиатскаго застоя на путь просвѣщенія! Если глава народной колонны—высшіе классы общества—уже достигли, по крайней мѣрѣ *наружно*, европейской образованности, а хвостъ колонны еще только что выходитъ изъ своей тысячелѣтней стоянки, то это отнюдь не значитъ, что масса народа разорвана! Колонна въ шестьдесятъ милліоновъ тянется на огромнѣйшемъ протяженіи: поэтому, удивительно ли, что глава далеко впереди хвоста? Народъ нашъ очень хорошо понимаетъ, что «шука плетъ изъ Новагорода, а хвостъ волочить изъ Бѣла-Озера», не распавшись на двѣ части, не отдѣливъ головы отъ хвоста. Преобразовательный гений Петра какъ же не проникъ всей Россіи, когда простолюдинъ низовыхъ губерній, въ нѣсколько мѣсяцевъ на берегахъ Невы, пойметъ, что не грѣшно бросить закоренѣлые предрасудки и, на-примѣръ, употреблять ненавистное ему дотолѣ *чертова зелье*—табакъ? Уразумѣніе своего невѣжества, въ чемъ бы то ни было, есть такой моментъ отрицательный, въ которомъ содержится условіе чего-то положительнаго; принятый нами, или возложенный на насъ, символъ непримѣтно содѣйствуетъ къ постепенному осуществленію сокрытой подъ нимъ идеи; брадобритіе и европейская одежда петровскихъ бояръ довели до блистательныхъ даредворцевъ екатеринныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что вся масса народа двинулась, и мудрое правительство, указывая ей прямой, естественный, народному духу сообразнѣйшій путь къ просвѣщенію, всячески печется о вящемъ облегченіи труднаго пути.

Въ началѣ нашего вѣка, передовые ряды нашей народной колонны (остаемся при этомъ уподобленіи), не отставая отъ Европы, держались, кажется, того мнѣнія, что и Россіи суждено принять со временемъ тотъ обще-европейскій характеръ, передъ

которымъ національныя особенности Запада начинали исчезать. Но европейскій умъ нашихъ передовыхъ рядовъ вскорѣ okaza- ся въ разладѣ съ ихъ русскимъ сердцемъ, лежавшимъ къ са- мобытной народности и требовавшимъ иного, болѣе естествен- наго, т. е. нефорсированнаго процесса развитія. Этотъ душев- ный разладъ произвелъ какъ въ обществѣ, такъ и въ выраже- нии его, въ литературѣ—и могло ли быть иначе?—томную аб- нормальность, какой-то недугъ нравственный—*malaise*—словес- нымъ представителемъ котораго сдѣлался Пушкинъ, въ самомъ началѣ своего поприща. * Передовые ряды были уже слишкомъ папистаны просвѣщеніемъ, чтобы желать возврата, или даже приближенія къ прежнему боярству; но, убѣжденные въ томъ, что дальнѣйшее слѣдованіе по, такъ называемому, пути евро- пейскому и мнимое неотставаніе отъ *въска* привести еще къ большому разладу съ русскимъ сердцемъ, они приостановились, чтобы не слишкомъ—не до разрыва—растягивать колонну, и по- думали о способѣ: согласовать влеченіе ума съ врожденными по- требностями сердца. Вотъ уже болѣе двадцати лѣтъ, какъ со- вершается благодѣтельная реакція въ пользу русскаго чувства, и реакція совершается очень просто, какъ все гениальное: это не шествіе назадъ, но—такъ сказать—искусное боковое движе- ніе, дающее способъ поджидать, по прямому ближайшему пу- ти—естественное, правильное развитіе русскаго чувства, не пер- ставая жить умомъ, не теряя изъ виду современныхъ успѣ- ховъ *истиннаго* просвѣщенія. И вотъ уже болѣе двадцати лѣтъ, какъ мы очень хорошо знаемъ, *какимъ* путемъ шествовать и что изчужа присвоивать себѣ, чтобы отечество наше было об- разованною *Русью*, т. е. страню оригинально-самобытною и въ своемъ просвѣщеніи, не сколкомъ съ какого-нибудь запад- наго государства, невозможнымъ по нашему прототипу народ- ному.

Всякій переходъ отъ опредѣленнаго положенія къ какому-ни- будь процессу—когда наче выходъ изъ природнаго состоянія— по рѣзкости своей, сопровождается болѣзненными припадками,

* Зри стихотворенія:

Я пережилъ свои желанья
Я разлибилъ свои мечты.
Остались мнѣ одни страданья —
Плоды душевной пустоты.

нравственными судорогами: мы видѣли ихъ при Петрѣ. Онъ все одолѣлъ, по чувству своей непобѣдимости,—и народъ нашъ высту- пилъ изъ природнаго состоянія въ область *Исторіи* (въ философ- скомъ смыслѣ) и началъ процессъ чисто-человѣческаго развитія. Этотъ процессъ имѣетъ множество различныхъ моментовъ и пе- риодовъ и тянется въ безконечность. По русской смѣтливости— правильной, даровитости, умъ нашъ скоро догналъ европейское просвѣщеніе; но сердце не такъ скоро могло возвыситься надъ глыбой земною, и разрослось широко и распустило великолѣпный цвѣтъ истинной людскости и моральнаго образованія: прекрас- ное расцвѣтаетъ медленно, природы не заторопишь! А природа *русская*, закаленная въ вѣковыхъ бѣдствіяхъ историческихъ, давно требуетъ узаконеннаго времени для своего развитія, для разведенія своего благороднаго металла до нравственной кристаллизація: черезъ многотрудный, весьма аккуратный про- цессъ химическій, серебро развивается Дианнимъ деревомъ....

Особенно въ нынѣшнія времена, для насъ пріятно, угѣши- тельно постигать умомъ и сердцемъ, что Россія имѣетъ своимъ жизненнымъ началомъ религіозность и *ничто* въ родѣ той нрав- ственности, которая составляла стихію эллинской жизни—мы разумѣемъ *моральность разумнаго инстинкта*, врожденную вну- треннюю стройность, наивную непосредственность *неразмышляю- щаго* чувства нравственности, между тѣмъ, какъ жизнь западно- романскихъ народовъ, основанная на моральности *размышляю- щей*, сбилась и все еще сбивается на какое-то самона- дѣянное сознаніе, оно же считаетъ возможнымъ и несбыточное, принимаясь осуществлять въ моментѣ—въ опредѣленной формѣ и въ опредѣленномъ времени,—идею абсолютную; забывая, что единственная для человѣка истина абсолютнаго заключается только въ чистомъ къ нему стремленіи, существуетъ только, какъ неокончаемый процессъ историческій, т. е. совершается скеминутно, но—во вѣки вѣковъ, на землѣ не совершится.

Если, въ передовыхъ рядахъ нашей народной колонны, вы- шесказанный разладъ душевный оказался томною праздною ума и какою-то пустотою сердца, о чемъ не разъ заводила пѣс- ню Муза Пушкина, не догадываясь о причинѣ недуга, пока не дожили до благодѣтельной реакціи—то, въ слѣдующихъ ря- дахъ, этотъ же душевный разладъ искалъ исцѣленія, или оглу- шенія, т. е. искалъ выхода на пути, рѣшительно противопо- ложномъ нашимъ духовнымъ выгодамъ, на пути большаго раз-

внѣя посторонняго элемента, вмѣсто разложенія его въ нравственномъ процессѣ. Представителемъ этого минувшаго фаза общества считаемъ мы автора, сочиненія котораго лежать передъ нами. Въ немъ воишь обнаруживается первобытная природа азіатская съ первобытною же силою духа; молодецкое презрѣніе смерти, искрометное остроуміе, шаловливая геніальность, при той суровости души, которая, у Русскаго, значительно уже смягчилась, подъ вліяніемъ христіанства и болѣе и болѣе смягчается, безъ малѣйшаго ущерба этой первобытной силы житейской и другихъ отличительныхъ достоинствъ нашего народа. У Марлинскаго же, лучи просвѣщенія играютъ только на поверхности ума, не проникая во внутрь нѣжнымъ свѣтомъ истинной людскости. Это дикое суровое, то рѣзче, то слабѣе, выказывается почти во всѣхъ сочиненіяхъ нашего автора. Если наша двадцатилѣтняя реакція вразумила намъ, что у насъ, теперь, дѣло не въ суровомъ молодечествѣ, а въ тщательномъ стараніи о доведеніи нашего душевнаго процесса до нравственной кристаллизаціи, на степень, равную со свѣтомъ нашего ума, то этимъ и объясняется, почему мы, отдавая всю справедливость таланту нашего автора, не чувствуемъ душевной къ нему симпатіи, какъ къ автору. Въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Марлинскаго, эта душевная суровость, кстати примѣняемая къ героямъ его повѣстей, къ дикимъ сынамъ Кавказа, удачлѣе скрывается отъ суда читателей; но тѣмъ не менѣе и въ позднѣйшихъ произведеніяхъ существуетъ, относительно самого автора.

Приостановимся. Выказываемая здѣсь строгость приводитъ намъ на память *Судъ мертвыхъ*, у древнихъ Египтянъ: это былъ самый горько-торжественный обрядъ, когда-либо установленный людьми! Прямо изъ простаго обще-человѣческаго чувства, во всѣ времена, простекало благое правило: «о мертвомъ или безмолвіе, или доброе слово!» Одною изъ сильнѣйшихъ чертъ людской души обнаруживается склонность: видѣть одно хорошее въ пресѣченной жизни собрата; сажать, какъ цвѣтокъ, доброе слово на могилѣ его. Если же, вопреки этой сильной склонности и тому общему благому правду, на египетскомъ судѣ мертвыхъ, истцы кляли жалобу на преобразенный присутственный ликъ усопшаго, то надобно полагать, что они, по большей части, совершали это съ сокрушеннымъ сердцемъ, повинувшись высшей обязанности, побуждаясь моральною пользою патетическаго обряда. Въ подобномъ же положеніи находится и критика, обязан-

ная, по совѣсти своей, говорить не только объ художественскихъ, но и личныхъ недостаткахъ умершаго писателя, когда сіи послѣдніе отпечатались на его произведеніяхъ и, вмѣстѣ съ ними, остались живы для потомства! Это одно изъ тѣхъ тяжелыхъ, жертвоприношеній, которыя изъ безъ того уже горькій хлѣбъ рецензента содѣлываютъ еще горшимъ.

Указавъ на поминутый выше недостатокъ въ талантѣ Марлинскаго, мы столь же чистосердечно возстаемъ однако противъ тѣхъ, кто, изъ-за этого недостатка, хочетъ унизить самый талантъ нашего автора; мы, напротивъ того, думаемъ, что если бы судьба сулила Марлинскому должайшую жизнь, особенно, если бы переселила его съ Кавказа въ кругъ дѣйствій, мнѣе суровыхъ, болѣе мирныхъ и благопріятствующихъ образованію сердечному, то авторъ нашъ, безъ сомнѣнія, очистился бы въ своей личности отъ всего темнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возрастая до художественной стройности Пушкина, долженствовалъ бы, по свойству (*la trempe*) своего генія, быть чуть ли не первымъ изъ поэтовъ русскихъ, ибо ни въ одномъ изъ нашихъ писателей, за исключеніемъ развѣ Державина, не видимъ мы столько оригинальности и геніальности, сколько въ Марлинскомъ. Преждевременно ли явились эти геніи (Пушкинъ, Марлинскій, Грибоѣдовъ), что судьба ознаменовала ихъ и преждевременною смертью, не давъ имъ совершить своего житейскаго подвига? Пушкинъ хоть дожилъ до реакціи; благодаря вліянію ея, послѣднія его сочиненія суть лучшія изъ всѣхъ, совершеннѣйшія! Долгое, послѣ перваго блистательнѣйшаго успѣха, молчаніе Грибоѣлова дѣлаетъ сомнительными дальнѣйшіе его, въ томъ же родѣ подвиги словесные, но, во всякомъ случаѣ, онъ дожилъ бы до сознанія, что въ Россіи уже не бывать *горю отъ ума, сводимаго съ русскимъ сердцемъ* — и такое сознаніе могло бы навѣвать столь дароватому писателю прекрасными вдохновеніями не въ комическомъ родѣ. А если бы жилъ по сіе время Марлинскій, то сколько бы еще написалъ геніальнаго въ томъ же родѣ эпическомъ, ибо какъ бы было нашему автору не выразить того, что теперь понимаетъ послѣдній изъ насъ, т. е. что мы болѣе всего должны стараться: образованіемъ душевнымъ догнать свое умственное просвѣщеніе — и этого одного не доставало Марлинскому.

Самобытный талантъ нашего автора не произрасталъ ни одного послѣдователя, не имѣлъ образовательнаго вліянія ни на од-

ного из писателей младшаго поколѣнія, сколько намъ извѣстно; но за то патологическая черта въ этомъ самобытномъ талантѣ: *неумиренная шутливость* — сдѣлалась родоначальницею несчастнаго самозванца юмора, на которомъ выѣзжаютъ наши писальщики: вотъ, что составляетъ критику въ обязанность разсматривать этотъ мнимый юморъ у самаго источника его; прослѣдить эту рѣзкую черту въ Марлинскомъ.

Онъ говоритъ, въ одномъ изъ своихъ небольшихъ разсказовъ — въ «Будочникъ-Ораторъ»: «Никакой шутки не могъ я *выжать* изъ своего пера!» Этого не могъ бы написать авторъ, если бы за нимъ не вѣдался грѣшокъ *выжимать* шутки! Шутка, по природѣ своей — есть милая, легкая сифида-бабочка, не терпящая столь крутого сь нею обхожденія, если не хотите, чтобъ отъ нея осталась одна лишь измятая грязь на кончикѣ пера. У Марлинскаго нѣтъ и тѣни истиннаго юмора; есть только остроуміе, быть можетъ природное, но отъ насилуванія, по большей части — неумѣнное и неудачное. Кажется, авторъ нашъ, всего болѣе страшась *простоты* разсказа — столь плѣнительной, когда она изящна, но легко сбивающейся на водяность, если писатель не руководствуется тонкимъ чутьемъ критическимъ — взялъ себѣ неизмѣннымъ правиломъ, всегда, когда не имѣется гениальной, поэтической мысли или глубокаго чувства, — прибѣгать къ шуточкамъ, безъ всякаго естественнаго побужденія, насилувать свое остроуміе, что значительно мѣшаетъ наслажденію читателя, отзываясь въ его душѣ чѣмъ-то перадоственнымъ, болѣзненнымъ. Плодомъ только внутренней стройности художника бываетъ изящная простота; избѣганіе же ея, у Марлинскаго, происходило отъ горькаго несогласія между умомъ и сердцемъ его — и надъ бездною этого дуализма онъ, почти всегда, долженъ былъ — или сверкать молніею гениальной мысли, или разсыпаться то трескучимъ острословомъ, то мелкимъ глумителемъ. Когда же глубина чувства, или важность основной идеи, наполняетъ собою эту бездну, изглаживаетъ на время дуализмъ, приводитъ его въ художественную гармонию, — тогда авторъ нашъ и не думаетъ *острить*, и дарованіе его тогда выказывается въ лучшемъ свѣтѣ и въ то же время манитъ наше душевное участіе: «Ночь на кораблѣ» и «Красное покрывало» такъ хороши именно потому, что въ нихъ нѣтъ и тѣни шуточки! Въ самомъ дѣлѣ, не только малѣйшая шуточка, но даже *тѣнь* ея испортила бы все въ этихъ милыхъ, на глубокомъ

чувствѣ основанныхъ твореніяхъ. Есть у Марлинскаго и другія повѣсти, въ которыхъ онъ воздерживается отъ шутокъ, какъ-то: «Страшное гаданіе» и «Аммалатъ-Бекъ», но *здѣсь*, это воздержаніе не опредѣляетъ, не характеризуетъ достоинства повѣстей, заключающагося въ основной идѣѣ, въ превосходствѣ созданія. Здѣсь умѣренные шутки даже не помѣшали бы ни сколько; но ихъ нѣтъ, между-тѣмъ, какъ авторъ частенько шутить не во время и не у мѣста! Не доказываетъ ли это, что шутливость Марлинскаго была не природною склонностью, но только привычкою, пріобрѣтенною въ обществѣ и утвердившеюся въ послѣдствіи, какъ способъ: маскировать свой внутренний дуализмъ.

Въ особенности тяжела шутливость нашего автора въ повѣсти: «Мулла-Нуръ», въ которой безъ всякой художественной надобности, далъ онъ непомѣрно широкій просторъ вовсе не интересному, постороннему и крайне ничтожному лицу Гаджи-Юсуфа, единственно для того, чтобы было надъ кѣмъ разшучиваться. Казалось бы, это non plus ultra неудачнаго юмора, если бы самъ авторъ нашъ не нашелъ средства перецеголить эту неудачу въ одной статьѣ, которая, кажется, является впервые въ полномъ собраніи сочиненій Марлинскаго, бывъ дотошъ похороненною въ «Московскомъ Телеграфѣ»: это критическая статья «О Романѣ Н. Полеваго: Клятва при Гробѣ Господнемъ.» Въ отношеніи не только ультра неудачной шутливости, но и самой критики, эта статья требуетъ, чтобы мы, въ разборѣ своемъ, занялись его болѣе, чѣмъ прекрасными повѣстями автора, которые публика знаетъ почти наизусть, и въ которыхъ гениальное далеко превышаетъ художественные недостатки. Если и по сіе время критика наша еще не далеко ушла, то какъ же не интересно посвятить вниманіе рецензій, написаной въ 1833 году, гениальнѣйшимъ изъ нашихъ писателей и обнаруживающей несравненно меньшую степень критической способности и дальновидности! Положимъ, что авторъ нашъ хотѣлъ, этою статьею угодить Н. А. Полевому, издававшему тогда «Московскій Телеграфъ»; положимъ, что авторъ нашъ включилъ въ свой «Взглядъ на Русскую Словесность въ теченіи 1824 и началѣ 1825 годовъ» слѣдующій порицательный отзывъ о Московскомъ Телеграфѣ: «Въ Москвѣ явился двухнедѣльный журналъ: Телеграфъ, издаваемый г. Полевымъ. Онъ заключаетъ въ себѣ все; извѣщаетъ и судитъ обо всемъ, начиная отъ без-

конечно-малыхъ въ математикѣ, до пѣтушыхъ гребешковъ въ соусѣ, или до бантиковъ на модныхъ башмакахъ. Неровный слогъ, самоувѣренность въ сужденіяхъ, рѣзкій тонъ въ приговорахъ, вездѣ охота учить и частое пристрастіе — вотъ знаки сего Телеграфа, а *смыслимъ владыцѣ Богъ*—его девизъ!... Положимъ, что авторъ хотѣлъ искупить это порицаніе другимъ, рѣзко противорѣчащимъ преждему, отзывомъ о томъ же Телеграфѣ, напримѣръ: «Да и зачѣмъ бы я сталъ пересказывать то, что такъ *дально*, такъ *безпристрастно*, такъ увлекательно высказано въ *Телеграфѣ*, журналѣ, который стоитъ *одинъ* на *ловль* европейскаго просвѣщенія!» (Ч. XI, стр. 198). Однимъ словомъ: что бы ни побудило нашего автора такъ рѣзко противорѣчить себѣ самому, изъ соуса съ пѣтушьями гребешками пожаловать Телеграфу въ единственные у насъ ловчье европейскаго просвѣщенія — никоимъ образомъ нельзя допустить, чтобы *возвышенный и общепризнанный первостатейный гений*, каковъ Марлинскій, серьезно возымѣлъ мысль *куртизировать* такое мелкое—въ сравненіи съ нимъ, по таланту — свѣтило, каковъ Н. А. Полевой, которому мы, въ *дружнѣхъ* отношеніяхъ, охотно отдадимъ полную справедливость. По этому достовѣрно для насъ, что автору нашему вышесказанный романъ Н. А. Полеваго понравился болѣе, чѣмъ другіе современные русскіе романы: иначе онъ не принялся бы за рецензію! Но не къ славіи критическаго таланта Марлинскаго относится, если онъ въ самомъ дѣлѣ, не выразумѣлъ, до какой степени романъ Полеваго ошибоченъ, можно сказать, ничтоженъ, въ своемъ планѣ, въ своемъ художественномъ составѣ, доказывающемъ, что сочинитель его, въ то время, еще не имѣлъ никакого понятія объ органической стройности созданія, что, впрочемъ, не мѣшаетъ его роману *пазнуть Русью*. Этотъ русскій духъ, какъ ни милъ и пріятенъ для насъ, не искупаетъ однако недостатка созданія и во вѣки вѣковъ не объяснитъ, какъ могло прійти въ голову рецензенту, для статьи о такомъ приземистомъ предметѣ, взмоститься до высипенныхъ, сдѣлать смотръ всѣмъ вѣкамъ, отъ начала міра, чтобы добраться до романа Полеваго — а именно, *это* сдѣлалъ Марлинскій! Онъ начинается «съ *лицъ Леды*—и почему въ самомъ дѣлѣ не такъ? Развѣ эту фигуру не считаютъ началомъ міра и человѣка?» и черезъ Индію, Персію, Египетъ, Грецію, черезъ *Омира* и Римъ, и средніе вѣка, и Мавровъ, и французскій классицизмъ, черезъ Вольтера, Гете и Шиллера, и

Вальтеръ—Скотта и проч. и проч. и проч. доходить, самымъ утомительнымъ путемъ, наконецъ до «Клятвы при Гробѣ Господнемъ.» Вотъ, какъ у насъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, писывались пня критики! Раскачались по всѣмъ литературамъ въ мірѣ, чтобъ эффектиѣ обрывать на мелкомъ предметѣ, о которомъ слѣдовало бы просто, и съ пользою для публики, излагать свое критическое мнѣніе. Слабый отголосокъ этихъ чудовищныхъ критикъ сохранился до нынѣ, въ такъ называемыхъ «Обозрѣніяхъ нашей Словесности за истекшіи годъ», являющихся какъ подарки въ новыи годъ, въ нѣкоторыхъ журналахъ. Въ этихъ обозрѣніяхъ та же небывальщина, то же не чистосердечное намѣреніе увѣрять публику въ существованіи того, чего не имѣется въ наличности; пускать пыль въ глаза, лишь бы разгуливаться широковыщательною статьею съ неосновательною претензіею на ученость. — Ниже, мы укажемъ другую точку зрѣнія на эту статью Марлинскаго. Сперва мы должны судить о ней, какъ о серьезной рецензіи.

Разсматривая лицо *гудочника*, въ романѣ Полеваго, авторъ нашъ восклицаетъ: «Какая *высокая* романтическая мысль была, изобразить человѣка, отдавашаго въ жертву всѣ радости жизни, все честолюбіе свѣта, *даже надежду за гробомъ*—преданности! Стремясь къ цѣли, онъ топчетъ и людей и совѣсть, обманываетъ, лицемеритъ, похищаетъ документы, разсылаетъ ложные приказы, возставляетъ брата на брата... но онъ *выкупаетъ* все это жаркою, безкорыстною любовью къ пользамъ дѣтей своего Кнзя.» — Преданность имѣетъ свои предѣлы, и если она жертвуетъ даже надеждою за гробомъ и топчетъ совѣсть, и влается во всякое воровство и разбойничество — то какая тутъ *высокая* романтическая мысль? Это просто помѣшательство, или нелѣпость, страшнѣйшая, чѣмъ всѣ нелѣпости средневѣковыхъ рыцарей, жертвовавшихъ своей дамѣ также всѣмъ, но только за исключеніемъ загробной надежды. Вести русскаго Полюмника темнымъ, извѣстнымъ, страшнымъ путемъ, какимъ идетъ «гудочникъ» помнятый—есть просто клевета на древнюю Русь; а фанатизмъ такого рода—такое же нелѣбое согрѣшеніе передъ психологіею. На концѣ своей критики, Марлинскій, предрекая автору Клятвы при Гробѣ Господнемъ, что, въ скоромъ времени публика не будетъ больше прятать въ рукавъ свою руку, но подастъ ее безъ перчатки Полевому и скажетъ ему отъ сердца:

Спасибо! продолжаетъ: «Впрочемъ, неполный усѣхъ «Клятвы» произошелъ, вѣроятно, отъ слога: это *концертъ Бетховена, сыгранный на плохой скрипкѣ!*» — Пораженные до безмолвія, предоставляемъ знатокамъ музыки судить о точности этого изумительнаго угодобленія.

Перейдемъ къ юмористикѣ разсматриваемой рецензіи. (стр. 160) «На святой Руси по сочинителямъ не кличь кликать : стоить крикнуть, да денежкой бракнуть, такъ набѣжить, наползеть ихъ полторы тмы съ потемками. Такъ и сталося. Чернильныя тучи взошли отъ поля и отъ моря: *закричали гуси*, ощипаные безъ милосердія, и запищали гусиныя перья со всеусердіемъ. Прежніе наши романисты, забытой памяти, Федоръ Эминъ, Нарѣжный, Марья Извѣкова, Александръ Измайловъ, скромненько начинали съ какого-нибудь Никанора, Несчастнаго дворянина, съ Евгенія или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія, съ Русскаго Жилблаза, который не чуждался ни чарки, ни палки. Тогда вороны не летали въ хоромы!... добрыя, простыя времена! Но мы нашли, что простота хуже воровства. *Острые локти наши*, которые тоже любятъ просторъ, проглянули изъ тѣсныхъ рукавовъ Митрофанушкина кафтана: иной бы сказалъ, что у насъ выросли крылья — такъ бойко начали мы метаться въ даль и въ воздухъ. Исторія сдѣлалась страстью Европы, и мы *сунули носъ* въ исторію, а Русскій ни съ мечемъ, ни съ калачемъ шутить не любитъ. Подавай ему героя охвата въ три, ростомъ съ Ивана-великаго, и съ такимъ славнымъ именемъ, что на тошакъ и не выговорить. Искромсали Карамзина въ лоскутки; доскреблись и до архивной пыли; обобрали кругомъ звусное преданіе; не завалилась даже за печкой никакая сказка, ни присказка. Мало намъ исторіи; принялись мы и за мораль. «Нраво-описательныхъ ли, нравственно-сатирическихъ, сатирико-историческихъ ли романовъ? Милости просимъ! Кто купить?»—О, навѣрно ужъ не я! Въ осьмую долю листа, въ восемнадцатую долю смысла, хоть торцовую мостовую мости. И надобно сказать, что все они съ отличнымъ поведеніемъ: порокамъ у нихъ нѣтъ повадки; колютъ не въ бровь, а прямо въ глазъ, не то, что у иностранцевъ — на щипокъ правоученія не возьмешь... У насъ, батюшка, его не продаютъ, будто краденое изъ-подъ *огонь* (огня); у насъ оно облуплено словно луковка: кушай, да локтемъ слезы вытирай. А ужъ про складъ и говорить нечего! Въ подлюжину лѣтъ нажи-

ли мы не одну дюжину романовъ, подсыжныхъ, подовыхъ романовъ, романовъ, въ которыхъ есть и русскій квасъ и русскій хмѣль; есть прибаутки и пословицы, отъ которыхъ не отказался бы ни одинъ десятскій; есть и дубочныя картинки нашего быта, разкрашенные матушкой-грязью; есть въ нихъ все, кромѣ русскаго духа, все, кромѣ русскаго народа!»

Какъ назвать этотъ странный юморъ, эту судорожную натугу остроумія? Изъ всѣхъ писателей и даже писальщиковъ, видно, авторъ нашъ, первый, у живаго гуся выщипалъ то перо, которымъ написалъ свою рецензію, и которое, отъ начала до конца, кричитъ ощипаннымъ гусемъ. Мы, право, не понимаемъ, надъ чѣмъ издѣвается авторъ, или силится издѣваться? Именно надъ тѣмъ періодомъ нашей словесности, когда появлялись романы, непреходящіе въ нашей словесности — романы Бугарина, Загоскина, Лажечникова, Калашникова и другихъ... назовемъ смѣло и *Масальскаю!* Намъ дѣла нѣтъ до того, что онъ Редакторъ «Сына Отечества» статья наша является съ нашимъ именемъ, а читатели Сына Отечества знаютъ, что мы никому не льстимъ—и не самъ ли Марлинскій (стр. 205) признаетъ дарованіе автора романовъ: *Дочь купца Жолобова и Камыдалка*, «столь богатыхъ картинными описаніями Сибири» и талантъ автора *Стрѣльцовъ* и *Чернаго лиска*, «столь драгоцѣнныхъ по матеріаламъ, объясняющимъ любопытнѣйшую эпоху нашей Исторіи?» Не знаемъ о *какихъ* подсыжныхъ и подовыхъ романахъ говорить авторъ нашъ; но когда судить онъ о русскіихъ романахъ вообще, такъ надобно думать, что рѣчь идетъ преимущественно о тѣхъ, которые впереди и въ виду всей публики—и ни къ одному изъ тѣхъ романовъ не примѣнишь странной шутливости нашего автора! Укажите намъ, въ лобомъ изъ нихъ, гдѣ именно острые локти проглядываютъ изъ тѣсныхъ рукавовъ Митрофанушкина кафтана? гдѣ герой «въ *три охвата*, ростомъ съ Ивана-великаго?» гдѣ «въ осьмую долю листа, въ *восемнадцатую долю смысла*?» гдѣ правоученіе «облуплено словно луковка, и гдѣ есть русскій квасъ и русскій хмѣль и все, кромѣ русскаго духа и русскаго народа?» Ужели русскій духъ и русскій народъ впервые явились, въ «Клятвѣ при Гробѣ Господнемъ» Полеваго, въ этомъ «Бетховенскомъ концертѣ, сыгранномъ на плохой скрипкѣ?» Если авторъ нашъ, въ самомъ дѣлѣ, чуялъ внаго рода *русскій духъ*, единосушный съ духомъ твореній Бетховена, то и мы сог-

ласны, что такого *Вестгоузенскаго* русскаго духа рѣшительно не имѣется у Загоскина и другихъ достойныхъ романистовъ нашихъ, и отъ нихъ, по сіе время, никакъ не требовалось.

Выпишемъ еще одно прелюбопытное мѣсто, относящееся къ исторіи (стр. 163).

«Исторія была всегда, свершалась всегда. Но она ходила сперва не слышно, будто *кошка*, подкрадывалась невзначай, какъ *татя*! Она буйвила и прежде, разбивала царства, ничтожила народы, бросала героевъ въ прахъ, выводила въ князи изъ грязи; но народы, послѣ тяжкаго похмѣлья, забывали вчерашнія кровавыя попойки, и скоро исторія оборачивалась сказкой. Теперь иное. Теперь исторія не въ одномъ дѣлѣ, но и въ памяти, въ умѣ, на сердцѣ у народовъ. Мы ее видимъ, слышимъ, осязаемъ ежеминутно; она проникаетъ въ насъ всѣми чувствами. Она *толкаетъ* насъ *локтями* на прогулкѣ, втирается между вами и дамой вашей въ котильонъ...»

Когда же, и *гдѣ* именно, исторія ходила неслышно, какъ кошка, или подкрадывалась, какъ *татя*? Напротивъ! мѣръ древній, объемомъ менѣшій и, въ составѣ своемъ, простѣйшій нынѣшняго, надолго и *весь* оглашался такими событіями, которыми, въ наши дни, удостоивался бы только минутнаго вниманія. Теперь-то забываютъ вчерашнее и спѣшатъ вниманіемъ за новѣйшими событіями. Осада *Трои*, дѣло, безъ сомнѣнія, не важное въ своей первобытной исторической сущности, дождала, въ одной памяти народа, не въ *книгахъ*—до Гомера, разширившаго, растянущаго, обезсмертившаго ее, а осада *Генуи* была забыта черезъ немного лѣтъ. Тевтобургская битва Арминія свѣдѣе, въ памяти Германіи, чѣмъ Лейцигская... Нѣмцы до-чиста позабыли, по крайней мѣрѣ, *то, чѣмъ* за нее они обязаны Русскимъ! Ни въ своихъ фактахъ, ни въ дѣисловіяхъ Фукидида, Саллюстія, Тацита—древняя исторія не ходила неслышно, какъ кошка.

Продолжаемъ ту же выписку, касательно исторіи.

«Баринъ, баринъ!» Кричитъ вамъ гостинодворскій сидѣлецъ: купите шапку *Эриванку*!—Не прикажите ли скрывать вамъ сюртукъ по *варшавски*?—спрашиваетъ портной. Скачаетъ лошадь—это Веллингтонъ! Взглядываете на вывѣску, Кутузовъ манитъ васъ въ гостиницу, возбуждалъ выѣтъ народную гордость и народный аппетитъ. Берете ценотку табаку—онъ купленъ съ молот-

ка послѣ Карла X. Запечатываете письмо—сургучъ императора Франца. Воззаете ножъ въ сладкій пирожекъ—его имя Наполеонъ!.. Дайте гривну—и вамъ покажутъ за гривну злосчастіе вѣковъ, Клевтемистру и Шенле, убійство Генриха IV, и Ватерлоо, Березину и Св. Елсиу, потопъ петербургскій и землетрясеніе Лиссабона—и что я знаю! Размѣняйте бѣлую бумажку, и вы будете кушать славу, курить славу, утираться славой, топтать ее подошвами. Да-съ, исторія теперь превращается во все, что вамъ угодно, хотя бы вамъ было это вовсе не угодно. Она вѣрна, какъ Обрѣва собака; она воровка, какъ сорока-воровка; она смѣла, какъ русскій солдатъ; она безстыдна, какъ блинница; она точна, какъ Брегетовы часы; она причудлива, какъ знатная барыня. Она то героиня, то скромница; она Нибуръ и Видокъ черезъ строку; она весь народъ, она исторія, наша исторія, созданная нами, для насъ живущая. Мы обвинялись съ нею волей и неволей, и нѣтъ развода. Исторія *половина* наша, во всей тяжести этого слова!»

Но причудливой привности ума автора, все это, мѣстами—по крайней мѣрѣ,—было бы довольно мило и забавно, еслибъ то была *шутка*, *сатира* на наше время, которое ловко барышничаетъ текущими дѣлами историческими, покада легкомысліе вѣка не перейдетъ къ другимъ событіямъ, не перемѣнитъ вывѣски трактира, названія лошади и пирога, и табаку Карла и сургуча Франца. Но это говорится въ капитальной, по объему, рецензій, и авторъ серьезно увѣряетъ насъ, что исторія наша законная жена, наша *тлжеслая половина*, между тѣмъ, какъ она, на дорогѣ жизни, встрѣчается съ нами такъ мимолетно, что только успѣшь схватить ее за русую косу и свѣдаться съ нею быстрымъ поцѣлуемъ. Оглянешься—она уже далеко позади!—Рецензія эта производитъ чрезвычайно-странный эффектъ въ сочиненіяхъ Марлинскаго: то хочется выкинуть ее, недостойную автора, какъ *рецензію*, то опять жаль шессы, въ которой столько живой, хотя и неумѣстной и безпутной, шаловливости. Повторяемъ: какъ *рецензія*, статья о романѣ Полеваго ниже всякой критики, а между тѣмъ нашлось бы весьма легкое средство: сдѣлать ее, не измѣняя въ ней ни слова, такимъ же перломъ въ комическомъ родѣ, какъ Амалать-Бекъ въ патетическомъ: стоило бы только нашему автору, вложить это сужденіе въ уста «Будочника-Оратора» витійство котораго, какъ вамъ извѣстно, пробуждается отъ того, что запоздалая женщина, на окликъ его: «кто

идеть?» отвѣчаетъ: *солдатъ!* Вотъ какимъ образомъ мы, въ свосмъ умѣ, связываемъ эти двѣ статьи. «Будочникъ-ораторъ», у нашего автора, кончается тѣмъ, что не трезваго человѣка, по приказанію надзирателя, отправляютъ въ сибирку. Арестованный могъ бы сказать, въ свое оправданіе, что онъ не пьянствовалъ, но читалъ, съ кумомъ Василиемъ Матвѣевичемъ, романъ Полеваго, при рюмкѣ вина, дабы, въ ночное чтеніе, поддерживать и тѣлесныя силы—и, по такому отзыву, весьма естественно, будочникъ, оставшіяся опять одинъ, получившій, какъ вы знаете, очень порядочное воспитаніе, но безпорядочнымъ поведеніемъ низведенный до своего настоящаго званія, отъ мудрствованія о женщинахъ могъ бы перейти къ роману Полеваго, и въ услышаніе нашего автора провитіиствовать всю эту статью о романѣ Полеваго. Право, мы не шутимъ! Попробуйте читать названную статью, воображая ее на устахъ оригинальнаго Будочника-братора—и вы сами согласитесь, что мы ничего не имѣемъ превосходнѣйшаго въ комическомъ родѣ. Помните, «Московскій Телеграфъ» когда-то возился съ тою рецензіею какъ (позвольте употребить простонародное, но милое и мѣткое сравненіе) возился съ тою рецензіею, какъ *котъ съ саломъ*, конечно, не замѣтивъ, что она удивительнымъ образомъ подходитъ подъ тонъ и гениальный образъ мыслей «Будочника-оратора» и можетъ послужить великолѣпнымъ продолженіемъ и окончательнымъ созданіемъ мастерскаго произведенія въ шутовомъ родѣ. Могъ ли самъ Марлинскій этого не видѣть? стало быть, онъ съ намѣреніемъ поддѣлывался подъ этотъ тонъ и образъ мыслей, чтобы мистифицировать надменные *пытуши гребешки въ соусъ*, за рѣзкое ихъ сужденіе, и насмѣхаться надъ современными критиками на «Клятву» Полеваго! Въ *такомъ* случаѣ, само собою падаетъ все то, что мы наговорили противъ той статьи, какъ *рецензіи* серьезной!

Нечего паниковать названія тѣхъ повѣстей, на которыхъ основана слава нашего автора: публика хорошо знаетъ и помнитъ ихъ. Ограничиваемся немногими общими и частными замѣчаніями. Вездѣ видна гениальная природа, побуждаемая къ эксцентрическому своимъ внутреннимъ дуализмомъ и часто сбиваемая съ пути истинны, противъ воли, но не безознательно: отъ прыжка въ сторону, гениі автора, какъ разъ, ринется опять на истинный путь и пошелъ по немъ прядать, будто съ свѣжею силою—и выше и выше до новаго скачка въ сторону! Вообще

этому гению, полному кипучихъ силъ, какъ будто трудно существовать ровнымъ, величественнымъ ходомъ, или носиться стройнымъ плавнымъ полетомъ; ему, какъ-то, свойственнѣе прядать порывистыми прыжками, часто выше облаковъ! Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ читатель отдыхаетъ въ прекрасной повѣсти: «Наѣзды» одною изъ лучшихъ произведеній Марлинскаго, по ходу довольно ровному, по удачному созданію, по умѣренности и стройности частей; здѣсь нѣтъ ничего эксцентрическаго! Живѣйшій интересъ поддерживается грандіозно-простою естественностію. Мы сейчасъ похвалили удачное созданіе (*la conception*): въ *этомъ* отношеніи, крѣпко грѣшатъ двѣ другія повѣсти: «Латникъ» и «Мулла-Нуръ». Въ первой, *два* разсказа, не приведенные въ единство подъ высшею точкою зрѣнія, текутъ параллельно другъ другу, разбивая интересъ. Въ «Мулла-Нуръ» почти то же: авторъ возбуждалъ наше участіе къ Искендеръ-Беку; онъ для насъ главное лицо; подъ конецъ, авторъ подставляетъ другаго главнаго героя, хотя и въ связи съ первымъ; но тѣмъ не менѣе интересъ двоится неприятнымъ образомъ. Если судить строго, то можно бы сказать: каждый изъ нихъ равно достоинъ въ своемъ родѣ, быть главнымъ героемъ этой повѣсти: по этому они уподобляются двумъ противоположнымъ другъ другу электричествамъ, которыя, при своемъ соединеніи, уничтожаютъ другъ друга.

Въ нашей бѣглои объ этомъ же изданіи Марлинскаго статьѣ, помѣщенной въ 45 № Сѣв. Пчелы вышнѣшняго года, мы назвали лучшимъ и совершеннѣйшимъ изъ произведеній нашего автора—«Аммалатъ-Бекъ». Мы здѣсь повторяемъ это мнѣніе. У Марлинскаго есть пять или шесть капитальныхъ повѣстей, стяжавшихъ ему, у насъ, первенство въ родѣ повѣствовательномъ; но ни одна изъ нихъ не можетъ мѣяться съ «Аммалатъ-Бекомъ». Въ этомъ романѣ—правильнѣе—въ этой *поэмѣ* нѣтъ ни одного изъ обыкновенныхъ недостатковъ нашего автора: вѣтъ ничего абнормальнаго, судорожнаго, насильно притащенного, ничего чуждаго предмету! Съ удивительною стройностію и простотою, разсказъ развивается до высшаго драматическаго интереса. Здѣсь авторъ, вопреки своему обыкновенію, не прядаетъ львомъ, но отъ начала до конца паритъ плавнымъ полетомъ гениа, художественнымъ инстинктомъ устремленнаго, по прямому пути, къ вѣрной цѣли. Не рѣдко, у Марлинскаго, нахо-

лямъ прекрасное описаніе романтической природы Кавказа; но здѣсь, изображеніе ея превосходитъ тѣмъ, что она является въ полномъ согласіи съ народнымъ типомъ своихъ сыновъ—съ *героемъ* поэмы, т. е. что эта природа и этотъ герой отражаютъ другъ друга въ своей дикой грандіозности, будто созданные другъ для друга. Но авторъ нашъ не остановился на этомъ взаимномъ отраженіи, на этомъ торжествѣ, которое не доставляло бы намъ совершенно чистаго наслажденія художественнаго: неодолимость этой природы и неодолимость этого героя отбрасывали бы суровую тѣнь на нашу душу! Не горька ли мысль, что эта горная высь, производящая лишь дикарей, недоступна для преобразователей, стремящихся къ ней изъ долины? И еще прискорбнѣе воображать, что эти племена людскія, въ теченіи тысячелѣтій не выходявшія изъ состоянія хищническаго, пробудить въ немъ еще столько же времени и, можетъ статься, до конца вѣковъ, неспособныя, не рожденные для образованія и, потому, бесполезныя для человѣчества! Вотъ почему авторъ, руководимый, въ разсматриваемой поэмѣ, необыкновенно тонкимъ чувствомъ изящнаго, не могъ остановиться на взаимномъ отраженіи той природы и того человѣка, и долженъ былъ взойти на высшую степень искусства, чтобъ отклонить отъ насъ эти прискорбныя сомнѣнія—и онъ разрѣшаетъ ихъ отдаленнымъ образомъ, показывая намъ, въ природѣ своего героя, способность къ умственному развитію, къ преобразованію гражданскому, однимъ словомъ: удобоусовершенство, даже необычайную понятливость! Авторъ тонко выразумѣлъ, что въ *этомъ* надлежало удостовѣрить читателя фактически и вотъ вамъ выдержки изъ записокъ Аммалатъ-Бека!

Они производятъ магическій эффектъ... читаешь ихъ съ какою-то священной радостью, видя начинающееся возрожденіе! Хотя оно и не совершилось, но утѣшительна мысль, что оно могло бы, должно бы было совершиться, безъ пагубной любви къ Селтанеттѣ, безъ козвей Ахметъ-Хана. Аммалатъ погибъ варваромъ; по записки его, горькое нравственное состояніе, послѣ убіенія своего благодѣтеля и, наконецъ, произвольная, веледушная смерть подъ русскою батареей—остаются для насъ залогомъ конечнаго возрожденія тѣхъ хищныхъ племенъ и, слѣдственно непреложнымъ предзнаменованіемъ конечной нашей побѣды надъ дикой природой Кавказа! До какой степени, для нашего автора была завѣтна эта идея, доказывается еще тѣмъ,

что онъ проявляетъ ее и надъ смертнымъ одромъ Ахметъ-Хана, отвергающаго съ негодованіемъ страшный, имъ самимъ отъ Аммалата потребованный—выкупъ за Селтанетту! Съ обыкновенной точки зрѣнія, Ахметъ-Ханъ, по характеру, который далъ ему авторъ, долженъ бы былъ, и на одрѣ смерти, съ варварскимъ восторгомъ принять принесенную ему голову врага; но авторъ пожертвовалъ этимъ суровымъ эффектомъ для вышей истины, для проявленія той идеи и на другомъ лицѣ, болѣе, чѣмъ Аммалатъ-Бекъ, закоренѣломъ въ варварствѣ—и сдѣлалъ хорошо! Удачное созданіе этой поэмы одно могло побудить автора къ выполненію высшаго требованія искусства, требованія, которое онъ частенько выпускаетъ изъ виду, въ своихъ прочихъ произведеніяхъ. Вотъ почему присуждаемъ мы «Аммалатъ-Беку» пальму первенства, и на *цѣль* основано наше мнѣніе, что должайшая жизнь привела бы автора и къ отдаленной гармоніи внутренней!

Отъ высшаго требованія искусства перейдемъ вдругъ къ самой мелкой, но необходимой придиркѣ. Сочиненія Марлинскаго издаются въ *четвертый* разъ, и, въ повѣсти: «Испытаніе» столько же разъ повторяется таже непріятная опечатка, и тѣмъ непріятнѣйшая, что она находится въ *латинскомъ* словѣ. Въ I части, на стр. 8 въ послѣдней строкѣ *этого* изданія, авторъ опредѣляетъ человѣка, называя ее *животнымъ курлицимъ*—animal fumen! надобно: humans! Юморъ автора въ этомъ мѣстѣ, уже самъ по себѣ не совсѣмъ удачный, горько страдаетъ отъ этой опечатки или ошибки, и потому желаемъ, чтобы *пятый* издатель сочиненій Марлинскаго воспользовался нашимъ замѣчаніемъ.

Въ началѣ XI части, *Стихотворенія* Марлинскаго занимаютъ 108 страницъ мелкой печати. Отдѣльно изданныя, они стоили бы того, чтобъ отдѣльно ихъ разсмотрѣть; здѣсь же, они какъ-то заслонены достоинствомъ его произведеній въ прозѣ. Вездѣ есть истинное вдохновеніе, смѣлые порывы и прекрасныя мысли; по тотъ душевный разладъ, который не мало вредитъ сочиненіямъ нашего автора въ прозѣ, еще ярче обозначается въ его *стихахъ*, въ которыхъ опутительнѣе недостатокъ гармоніи. Однимъ словомъ: стихотворная муза Марлинскаго прекрасна и величественна, какъ Юнопа, но также, какъ и она, не владѣетъ *полномъ граціи*! Удачнѣе прочихъ показали намъ слѣдующія двѣ пѣснь:

ДУМА СВЯТОСЛАВА.

(Отрывокъ изъ поэмы.)

...Съ тѣхъ поръ война, завоеванье,
И пламень селъ и битвы кровь
Мое первѣйшее желанье,
Моя послѣдняя любовь!
И вѣрю я, что славы сына
Не гаснетъ сердце и въ пыли,
И душу хладная кончина
Не вдругъ отвѣтетъ отъ земли...
Но змѣемъ по вѣтру носимымъ,
Но нить страстей прикрѣплена
Надъ милымъ ей — крыломъ незримымъ
Она летать обречена.
Какъ величаво, какъ отрадно,
Привычки славныя храня,
Мой смѣлый духъ, раздолья жадный,
Какъ взоръ ума, какъ лучъ огня,
Помчится по полю едливый,
Неумолкающихъ сраженій,
Съ громами, съ вихрями сляниъ!
Я по люблю, въ часы ночные
Будить тревогой спящій станъ,
Вадувать знамена боевыя,
Стремить каленую стрѣлу,
Вдыхать трубъ побѣды звоны,
Клякъ боя вторить, падшихъ стоны.
И славнымъ витязямъ хвалу!
То, *скупа*, съ мирный парусъ вѣсть,
Иль въ облакахъ орла лелѣять,
Иль раздувать степной туманъ.
Низгряну въ кровли крупнымъ градомъ,
Сорвусь съ утеса водопадомъ,
Огнистой радугой въичаю....
Иль надъ поморія страну,
Въ столбъ ужаснаго смерча,
Взовьюсь на Стрибога * войною,
Крыломъ свиста и грохоча,
Сквозь *тучу* пія валы сѣдые,
Вторгая кедръ вѣковые.

* Русский богъ вѣтровъ.

Я за моремъ сниммъ, за синюю далью
Сердце свое схоронилъ!
Я тоской о быломъ, ледовитой печалью,
Словно двойной нерушимой сталью,
Трудъ отъ людей заградилъ!
И крѣпокъ мой сонъ. Не разбитъ, не расколотъ
Щитъ мой! Но, въ мракѣ ночей,
Мнится порой, раступился мой холодъ
И снова я ожилъ, и снова я молодъ
Взглядомъ прелестныхъ очей.

1834.

Окончиваемъ свой разборъ этими двумя поэтическими цвѣт-ками, которыми, можетъ быть, оправдается и наше мнѣнiе вообще о стихотворной Музѣ Марлинскаго.

ВАРОНЪ РОЗЕНЪ.

СТАТИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ РОССИИ. *Сочиненіе Константина Арсеньева. Санктпетербургъ, 1848. Въ типогр. Импер. Академ. Наукъ. 503 стр. въ большую 8 д. л.*

Россия,—эта держава-исполнѣ, —простирающаяся отъ юга къ сѣверу на 40 градусовъ, и почти на 190 отъ запада къ востоку, заслуживаетъ полнаго вниманія и наблюденія всякаго просвѣщеннаго человѣка. Объемля двадцать восьмую часть всего земнаго шара, съ его океанами и морями, девятуу часть всего извѣстнаго материка, и заключая въ себѣ пятнадцатую долю населенія цѣлой вселенной, Россія составляетъ одно могущественное, дивное, политическое тѣло, управляемое, къ общему благу, одною волею Самодержавнаго Властителя. Многіе публицисты и политики европейскіе прошлаго вѣка, пораженные страхомъ, при видѣ такого колосса, предсказывали (вѣроятно изъ тайной зависти) близкое его паденіе отъ самой его огромности, чаяли видѣть неизбежную гибель этого юнаго исполина прежде его возмужалости; но весьма ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ. Исполнѣ этотъ растетъ все выше, и укрѣпляется болѣе и болѣе, не физически только, но и морально: Православная, святая Вѣ-

ра, безграничная любовь къ Государю, благородная преданность отечеству, служить исполниту прочнымъ, несокрушимымъ основаніемъ. Этого основанія не могла поколебать цѣлая Европа, предводимая первымъ, военнымъ гениемъ, въ 1812 году. Вся Европа съ ужасомъ отступила, и на стѣнахъ Парижа развѣялось знамя, съ Русскимъ двуглавымъ орломъ, который былъ тогда, какъ и теперь, вѣстникомъ мира, законности и общественаго порядка, залогомъ счастья и спокойствія народовъ.

«Любить Россію есть священная обязанность каждаго Русскаго; а любить съ сознаниемъ, съ убѣжденіемъ можно тогда только, когда мы знаемъ ее, когда изучили минувшія и настоящія судьбы ея, когда достойно оцѣнили мощь и силу народа и его недуги, и когда вполне убѣждены въ благотѣльныхъ на него дѣйствіяхъ правительства, руководимаго сильною волею и мудростію Самодержца.» Слова эти, помѣщенные авторомъ въ посвященіи книги Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу, служатъ наилучшимъ доказательствомъ прекраснаго направленія и цѣли разбираемаго нами сочиненія. Если всякій трудъ, предпринимаемый для пользы отечества, заслуживаетъ уваженія, то тѣмъ болѣе это должно относиться къ трудамъ г. Арсеньева, который, въ теченіи многихъ лѣтъ, не переставалъ быть, по части статистики, усерднѣйшимъ ея дѣятелемъ. При скудости сочиненій статистическаго содержанія о Россіи, появленіе въ свѣтъ новой русской статистики, основанной не на одиѣхъ мечтахъ воображенія, но на самыхъ вѣрныхъ и новѣйшихъ статистическихъ данныхъ, должно обратить вниманіе не только тѣхъ, которые занимаются спеціальными науками, но и тѣхъ, которые слѣдятъ за постепеннымъ усовершеніемъ Россіи, и радуются великому новому развитію силъ и гражданской жизни русскаго народа. Конечно книга г. Арсеньева не можетъ считаться полною статистикою Русской Имперіи: она состоитъ изъ нѣсколькихъ только статей статистическаго содержанія; тѣмъ не менѣе однакожъ, по заключающимся въ ней новымъ и нигдѣ еще не напечатаннымъ свѣдѣніямъ, по прекрасному изложенію, и по многимъ другимъ достоинствамъ, она составляетъ самое пріятное и утѣшительное явленіе.

Вышедшій нынѣ томъ «статистическихъ очерковъ» заключаетъ въ себѣ пять статей. Первая изъ нихъ посвящена разсмотрѣнію границъ Россіи въ физическомъ, коммерческомъ, политическомъ и военномъ отношеніяхъ. Показавъ выгоды и не-

выгоды, представляющіяся въ положеніи Россіи относительно къ другимъ государствамъ, авторъ выводитъ слѣдующее заключеніе:

«Россія составляетъ самую сѣверную и восточную часть Стараго Свѣта, и слѣдовательно самую холодную; всѣ страны Россіи, лежація подъ одною широтою съ другими болѣе западными, имѣютъ климатъ гораздо холоднѣе, что особенно замѣтно въ восточной части Имперіи или въ Сибири, имѣющей непрерывную покатошь къ Ледовитому морю, отъ самыхъ южныхъ ея предѣловъ, и не защищаемой отъ вѣтровъ сѣверныхъ никакими возвышенностями. И такъ Россія, разсматриваемая въ физическомъ отношеніи, не можетъ равняться съ полуденными и западными странами Европы; въ большей части русскихъ губерній природа единообразна и не слишкомъ щедра; нѣтъ такого богатства произведеній естественныхъ, ни того изящества въ дарахъ природы, которыми славятся другія земли Европы; въ замѣтъ того, такое свойство климата и почвы земли призываетъ Русскихъ къ дѣятельности и труду, а трудъ есть источникъ богатства частнаго и залогъ величія націи; трудъ, разумно употребленный, дѣятельность, направленная расчетливо во благо, нигдѣ не вознаграждается такъ богато, какъ въ Россіи.

«Мѣстоположеніе Россіи, взятой во всемъ ея пространствѣ, на самомъ сѣверномъ краю восточнаго материка, не самое счастливое въ коммерческомъ отношеніи. Уединенные Океаны Сѣверный и Восточный и пространныя степи Татаріи полагаютъ вѣчную преграду внѣшнимъ торговымъ сношеніямъ для всей Восточной половины Россійскаго Государства, которая притомъ и по направленію всѣхъ большихъ рѣкъ къ дикимъ полуденнымъ странамъ очень мало способна для торговли. На югѣ европейской половины безводныя степи отъ Каспійскаго моря до Чернаго и высокой хребтъ Кавказа также неблагоприятны для торговыхъ сношеній. Но моря на югѣ и на западѣ, открывающія удобное сообщеніе съ Европою, и весьма счастливая сплетенія рѣкъ, по всѣмъ направленіямъ въ этой половинѣ протекающихъ, также западныя сухопутныя границы, никакихъ натуральныхъ препятствій къ торговлѣ не представляющія—все это дѣлаетъ положеніе европейской половины Россіи весьма выгоднымъ въ коммерческомъ отношеніи. Чрезвычайное пространство

Государства доставляетъ удобство производить торговля сношенія съ восточными и западными странами Азии и съ западными и сѣверными Европы, и такимъ образомъ соединяетъ взаимно отдаленнѣйшія страны Старого Свѣта.

«Въ политическомъ отношеніи мѣстоположеніе Россіи единственное въ свѣтѣ; ни одно государство не имѣетъ такого непосредственнаго вліянія на твердую землю. Сопредѣльная или сосѣдственная важнѣйшимъ державамъ Европы и Азии Россія по этому одному должна имѣть политическія отношенія ко всѣмъ и сильно дѣйствовать на судьбу многихъ народовъ. Великобританія распространяетъ свое вліяніе на весь шаръ земной, но это вліяніе ея зависитъ отъ случайныхъ обстоятельствъ, столь же невѣрныхъ и непостоянныхъ, какъ и стихія, на которой Британцы основали свое могущество. Напротивъ самое естественное положеніе Россійской Имперіи даетъ ей такую значительность между державами, которую она сохранять будетъ, пока останется въ настоящихъ своихъ предѣлахъ.

«Положеніе Россіи въ военномъ отношеніи такое, какого только желать можно, и какое необходимо для сохраненія безмѣрныхъ ея предѣловъ. Если сѣверный и восточный Океаны и обширныя пустынные земли представляютъ мало выгодъ для торговли; за то они совершенно обезпечиваютъ внѣшнюю безопасность Государства и дѣлаютъ оное доступнымъ только съ западной и южной сторонъ; тамъ безъ раздѣленія могутъ быть сосредоточиваемы военныя силы Имперіи, не только массою, но еще болѣе стройностію и мужествомъ своимъ страшныя для нападателей.

«И такъ изъ всѣхъ вышеприведенныхъ соображеній ясно видно, что Россія находится нынѣ въ такомъ состояніи, какое нужно для сохраненія и надлежащаго управленія пространнѣйшаго государства въ мірѣ. Если бы вся сѣверная и восточная часть Имперіи столь же удобна была къ населенію, какъ и внутреннія страны; если бы границы столь же были открыты и не ограждены природою съ другихъ сторонъ, какъ съ западной, то было бы выше силъ человѣческихъ управлять такою массою земель и сохранять въ цѣлости и нераздѣльности столь огромное политическое тѣло; если бы западные предѣлы Россіи такъ замкнуты были природою, какъ сѣверные и восточные, то

она не могла бы имѣть столь близкихъ и удобныхъ сношеній и связей съ образованнѣйшими въ свѣтѣ народами, не могла бы имѣть такого вліянія на Европу, сдѣлалась бы отдѣльнымъ міромъ, вѣчно неизмѣннымъ, подобно Китаю, не являла бы такой жизни, такой дѣятельности и силы нравственной, и наконецъ не достигла бы высокой степени политической, на какой она стоитъ нынѣ.

«Въ заключеніе всего сказаннаго о неизмѣримомъ пространствѣ Россіи и о границахъ ея, такъ широко и далеко раскинувшихся, не могу не присовокупить еще одного соображенія: всѣ нечисленныя неудобства и затрудненія отъ великаго протяженія и отъ широкихъ границъ представляются намъ въ другомъ видѣ, если мы примемъ Сибирь и весь Закавказскій край, самую природою отдѣленную отъ собственной Россіи, колоніями русскими, которыя весьма важны для метрополіи въ политико-экономическомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, Сибирь есть истинная колонія земледѣльческая, металлоносная и коммерческая; разсматриваемая подъ симъ видомъ, она имѣетъ преимущество предъ колоніями другихъ государствъ европейскихъ, не отдѣляясь отъ метрополіи ни Океанами, ни посторонними владѣніями, Закавказскій край равнымъ образомъ можетъ быть названъ колоніею нашею, которая должна приносить государству весьма важныя выгоды произведеніями южныхъ климатовъ, умноженіемъ шелководства, разведеніемъ хлопчатой бумаги, риса, масличныхъ деревъ и проч.—и верховное правительство такъ въразилось объ этомъ краѣ въ 1827 году. Вообще Сибирь, Закавказье, Финляндія и Царство Польское суть такія страны, которыя обезпечиваютъ внѣшнюю безопасность Государства, не затрудняя внутренняго управленія. Сія земля, полезныя для Россіи по уваженіямъ военнымъ, политическимъ и коммерческимъ не составляютъ существа Имперіи, и одніи по разности взаимныхъ ихъ выгодъ, другія по бѣдности населенія, а иныя по недостатку естественныхъ средствъ къ благоденствію, или по несходству народовъ какъ между собою, такъ и съ народомъ владычествующимъ, должны быть разсматриваемы, какъ вспомогательныя силы одной главной и великой силы, заключающейся въ собственно русскихъ земляхъ.

«Русскія земли сходствуютъ между собою одинаковыми нравами жителей, единствомъ языка, одинакими гражданскими уста-

вами, одною религією и почти одинакимъ образованіемъ народовъ, здѣсь обитающихъ; сін страны суть истинное отечество Русскихъ, твердѣйшая или главная основа державы Россійской, это есть великой кругъ, къ коему всѣ прочія части Имперіи примыкають, какъ радіусы въ разныхъ направленіяхъ, ближе или дальше, и содѣйствуютъ болѣе или менѣе къ нерасторгаемости онаго.»

Во второй статьѣ описывается постепенное приращеніе Россіи въ пространствѣ, начиная съ основанія Рюриковой державы и до нашихъ временъ. Изъ этого описанія видно, что Россія занимаетъ теперь пространства около 367,200 квадратныхъ миль. Въ продолженіе 985 лѣтъ политическаго своего бытія она, увеличилась въ 46 кратъ; а считая со время своего возстановавленія, или отъ правленія Іоанна III, т. е. въ періодъ времени 385 лѣтъ, она расширилась почти въ 35 кратъ.

Третья статья заключаетъ въ себѣ описаніе постепеннаго устройства губерній, и движенія народонаселенія. Здѣсь приведено нѣсколько таблицъ, показывающихъ народонаселеніе Россіи въ разныя времена ея существованія. Въ настоящемъ времени къ самымъ населеннымъ губерніямъ принадлежать: московская, тульская, курская и подольская, гдѣ на одну квадратную милю приходится отъ 2,000 до 2,500 жителей. Самое бѣдное народонаселеніе, за исключеніемъ Сибири, замѣчено въ губерніяхъ олонечкой и архангельской, гдѣ на квадратную милю приходится: въ первой 92, а во второй только 15 человѣкъ. При сравненіи населенія этихъ губерній съ населеніемъ нѣкоторыхъ уѣздовъ прирейнскихъ провинцій Пруссіи, гдѣ на квадратную милю приходится болѣе 10,000 жителей, или съ нѣкоторыми мѣстами Ломбардо-Венеціанскаго королевства, гдѣ на квадратную милю приходится даже до 15,000, мы находимъ конечно огромную разность; но разность эта не будетъ такъ поразительна, если мы сравнимъ населеніе губерній всей европейской Россіи, съ среднимъ числомъ народонаселенія иностранныхъ государствъ. Такимъ образомъ въ Россіи на квадратную милю придется 1,500 человѣкъ, въ Пруссіи 2,626, въ Австріи 2,870, во Франціи около 3,000, въ Германіи также 3,000, въ Шотландіи 1619, въ Великобританіи 5,495, въ Ирландіи 5,868 и т. д. Если Россія въ количествѣ относительнаго народонаселенія и уступаетъ другимъ Государствамъ, то это показываетъ только, что она на долгое еще время обезпечена своими собствен-

ными средствами. Огромныя пространства земли, остающіяся нынѣ въпустъ, по мѣрѣ умноженія народонаселенія, будутъ постепенно обращаться въ тучныя пажити, и самыя мѣста неудобныя, при усовершенствованіи земледѣлія и при трудолюбіи, будутъ приносить обильный урожай. По крайней мѣрѣ, такія усиленныя переселенія, которыя мы замѣчаемъ въ прирейнскихъ провинціяхъ Пруссіи, и другихъ мѣстахъ, отъ недостатка собственно земли и средствъ содержанія, едва ли у насъ когда-либо будутъ имѣть мѣсто. У насъ всему раздолье, и всякій трудъ вознаграждается не только съ достаткомъ, но даже и съ избыткомъ.

Четвертая статья заключаетъ въ себѣ топографическое разсмотрѣніе Россіи по климату и качеству почвы, согласно съ принятымъ раздѣленіемъ Россіи на 10 пространствъ, и именно: сѣверное, алаунское, балтійское, низменное, карпатское, степное, центральное, уральское, кавказское и сибирское.

Такому же раздѣленію авторъ слѣдуетъ и при разсмотрѣніи поземельнаго богатства Россіи въ пятой статьѣ, составляющей болѣе половины цѣлой книги. Какъ распределены жизненные способы въ разныхъ частяхъ Имперіи, какой край сравнительно богаче другого, въ чемъ состоитъ естественное богатство каждой полосы, на что должна быть обращена и дѣйствительно обращена дѣятельность жителей извѣстнаго края, и какой наличный плодъ этой дѣятельности или годичныхъ трудовъ народа?—Вотъ вопросы, которые авторъ старался рѣшить въ этой статьѣ, принявъ за правило опредѣлять пространство земель общерипнатою нашею земледѣльческою мѣрою т. е. десятинами.

Изъ сдѣланнаго нами краткаго обзора *Статистическихъ очерковъ* читатели могутъ видѣть, сколько интересныхъ и необходимыхъ для каждаго Русскаго свѣдѣній заключаетъ въ себѣ новое сочиненіе нашего извѣстнаго статистика.

Благовоспитанное дитя, соч. *Жозефинъ-де-Бассю*; переводъ съ франц. Изд. второе. Санктпетербургъ. 1848 года.

Книга, написанная для дѣтей, у которыхъ понятія уже начинаютъ нѣсколько развиваться. Она заключаетъ въ себѣ краткое, доступное дѣтскому уму, объясненіе обязанностей человѣка, какъ христіанина, какъ семьянина и какъ члена общества. Настановленія подкрѣплены, или лучше сказать — полнены примѣ-

рами изъ всендневной жизни, рассказанными просто, ясно, безъ всякой претензіи. Въ области нашей дѣтской, какъ извѣстно, не богатой литературы, книга эта имѣетъ полное право на вниманіе родителей и наставниковъ, даже не смотря на то, что она—не оригинальное русское сочиненіе, а только переводъ, и очень хорошій переводъ. Второе ея изданіе доказываетъ, что эту книгу оцѣнили по достоинству.

Слѣсь.

НАПАДЕНІЯ ВОЛКОВЪ НА РАЗНЫХЪ ЧЕТВЕРОНОГИХЪ ДОМАШНИХЪ ЖИВОТНЫХЪ И СПОСОБЪ ОБОРОНЫ ПОСЛѢДНИХЪ.
Волки сколько страшны, столько же и хитры при своихъ нападеніяхъ на домашнихъ животныхъ; на каждое изъ нихъ они нападаютъ съ особенною, какъ бы предварительно обдуманною тактикою, сообразною съ тѣми средствами, къ какимъ обыкновенно прибѣгаютъ эти животныя въ случаѣ общей обороны или личной защиты. Мы сначала опишемъ средства обороны домашнихъ животныхъ противу нападенія на нихъ волковъ, а потомъ уже изложимъ, какъ послѣдніе, принаравливаясь къ оборонѣ первыхъ, производятъ свои истинно тактическія на нихъ нападенія.

Къ домашнимъ четвероногимъ животнымъ принадлежатъ: овцы, козы, быки и коровы, свиньи, лошади и собаки.

Начнемъ съ обороны овецъ и козъ противу волковъ.

Козы, а въ особенности овцы, уступающія другимъ домашнимъ животнымъ въ характерѣ, смѣливости, быстротѣ и силѣ физической, а главное лишенные почти всякихъ средствъ наносить удары или раны другимъ болѣе сильнѣйшимъ себя животнымъ, служатъ всегда легкою добычею для волковъ.

Защита козъ, при нападеніи на нихъ волковъ, заключается въ томъ, что онѣ стараются убѣжать отъ волковъ въ жилище человека, если оно недалеко находится отъ паствы; въ противномъ же случаѣ, имъ нѣтъ никакого другаго средства спастись отъ волковъ, напавшихъ на нихъ на открытомъ мѣстѣ.

Овцы же, кажется, еще нечеловѣчѣ козъ при подобныхъ нападеніяхъ, такъ, что природа, лишивъ ихъ всякихъ средствъ обороняться противъ волковъ, создала ихъ, кажется, болѣе для пользы человѣка, чѣмъ быть замѣчательными по своей оборонѣ или нападеніямъ на другихъ животныхъ.

Овцы истинно могутъ служить примѣромъ самой неподдѣльной простоты и наивности; видъ ихъ всегда беззаботенъ, всегда простъ, и можно навѣрное сказать, что овцы, сколько бы не испытывали несчастій отъ нападений на нихъ волковъ, или сколько бы разъ онѣ не были напуганы волками, всегда забываютъ ихъ. Въмѣсто того чтобъ стараться убѣжать отъ звѣря, ворвавшагося къ нимъ въ средину, онѣ, напротивъ, видя даже, что одна изъ нихъ сдѣлалась уже добычею звѣря, съ которою онъ старается умчаться отъ преслѣдованія пастуховъ, какъ бы презирая опасность, нечутся прямо къ волку; такъ что сей послѣдній, видя ихъ глупую простоту, пользуется вполнѣ ею и, вмѣсто одной штуки, которой бы ему было весьма достаточно на обѣдъ и ужинъ, повалитъ иной разъ штукъ до десяти изъ нихъ, ибо волки имѣютъ въ себѣ особенную страсть душить или, какъ выражаются охотники, рѣзать всѣхъ животныхъ, которые вертятся и бѣжать передъ ихъ глазами. Въ самомъ дѣлѣ, почему звѣрю и не пользоваться случаемъ, когда онъ ухвативъ одну изъ овецъ и забросивъ ее къ себѣ на спину, видитъ въ то же время, что другія цѣлою толпою мчатся за нимъ, какъ бы завидуя своей подругѣ, что она досталась прежде ихъ въ добычу. Нерѣдко мы бывали очевидцами такихъ случаевъ, гдѣ волкъ, сбросивъ съ себя полуживую овцу, кидался къ другимъ и рѣзать ихъ по одиначкѣ, столько, сколько ему угодно было уничтожить; наконецъ видя уже, что пастухи или другіе люди поспѣшаютъ на помощь къ несчастнымъ, вызвавшимся добровольно на смерть овцамъ, всё таки усиленно схватить проворнѣйшую изъ нихъ, забросить её къ себѣ на спину и опять тѣмъ же порядкомъ умчаться изъ глазъ преслѣдователей къ своему жилищу. Замѣчательно, что этотъ звѣрь умѣетъ вполнѣ понимать слабость и покорность невиннаго животного; такъ, умчавшись изъ виду съ добычей отъ преслѣдователей, онъ преспокойно сбрасываетъ съ себя овцу, дозволивъ ей встать на ноги, самъ зубами ухватываетъ слегка за волнистую шерсть съ боку около горла несчастной и, таща ее впередъ, въ то же время погоняетъ ее своимъ хвостомъ, какъ будто палкой, и вотъ почему вѣроятно хвостъ у волка охотники называли полѣномъ. Этимъ впрочемъ еще не оканчивается печальная судьба овцы, попавшейся въ добычу

волку; онъ иногда употребляетъ ее для притравливанія своихъ дѣтенышей. Перенеся черезъ поля, болота и лѣса, онъ доставляетъ ее живьемъ въ свое гнѣздо, гдѣ встрѣча невинному животному уже данно готова; волченята, проголодавшись въ ожиданіи пищи, заранѣе уже почуютъ приближеніе своихъ старшихъ волковъ, и какъ только увидятъ, что сямецъ или самка несутъ имъ живую добычу, то тотчасъ бросятся на встрѣчу, защелкаютъ зубами, иногда даже отъ радости завоютъ, а ужъ не говоримъ о томъ, что каждый изъ нихъ готовъ кинуться и разтерзать несчастную. Но тутъ иногда бываетъ грозное воспрепятствіе отъ старшихъ и, по одному повелительному ихъ ворчанію, всѣ юные бросаются опять назадъ въ гнѣздо и, усѣвшись кучкой, глядятъ съ жадностію своими яркими глазами и на добычу и на самца или самку, всегда грозныхъ для нихъ повелителей, ожидая приказанія, что надлежитъ имъ дѣлать. Казалось бы, почему не дать сейчасъ же проголодавшемуся своимъ дѣтямъ поѣсть съ аппетитомъ баранины или чего либо другаго изъ добычи, принесенной старыми волками въ гнѣздо? Но въ томъ-то и дѣло, что волкъ не лисица или не другой какой либо болѣе простой звѣрь, и что бы у него въ семейномъ или во вѣншнемъ быту ни подлывалось, все производится по особымъ расчетамъ, ведущимъ къ образованію юнаго поколѣнія. Если мы иной разъ удивляемся инстинкту собаки, поражающей насъ многими чрезвычайными случаями своего чутья, понятія къ ученію, привязанности и дружбы къ человѣку; такъ что же мы должны сказать объ волкахъ, которые въ своемъ родѣ тѣ же собаки, но собаки дикія, превосходящія во всемъ первыхъ.

Волки, съ самаго младенческаго возраста своихъ дѣтенышей, стараются ихъ выучить, какъ надлежитъ имъ въ послѣдствіи работать зубами, и потому, принеся овцу живую въ гнѣздо, старые волки не всегда позволяютъ тотчасъ волченятамъ бросаться къ нищѣ, а заставивъ усѣсться ихъ порядкомъ предъ добычей, чтобъ выжиданіемъ возбудить въ нихъ болѣе лютоости, сами даютъ нѣсколько времени прійти болѣе въ силу, встревоженной отъ страха и принужденнаго маціона несчастной овцѣ, чтобы она сама поднялась на ноги и вздумала искать спасенія къ бѣгству. Тутъ-то и слѣдуетъ полче ученье; какъ только овца побѣжала и удалась шаговъ на десятокъ, тотчасъ старые волки кидаются впередъ, увлекая молодыхъ за собой, а хватая слегка прямо несчастную за горло, показываютъ тѣмъ молодымъ, какъ имъ слѣдуетъ рѣзать будущую свою добычу. Замѣтивъ, что дѣтеныши не вразумились еще съ перваго раза должному порядку, старые отгрызаютъ молодыхъ отъ овцы,

снова повѣлеваютъ имъ усѣться, и снова начинаютъ такимъ же образомъ повторять притравливаніе, и несчастная овца, иногда три и четыре раза, то пускается въ побѣгъ, то снова приносится къ гнѣзду, покуда наконецъ не постигнетъ ее люта минута и волчья зубы не разстерзаютъ ее на части.

То же бываетъ иногда съ другими мелкими домашними животными; но во всякомъ случаѣ прощѣ и беззащитнѣе добычи для волка нѣтъ, какъ несчастная овца.

Такъ нападаетъ волкъ на стадо овецъ, когда нѣтъ съ пастухомъ овчарныхъ собакъ; если же стадо охраняется хорошими и притомъ сильными собаками, что волкамъ ближайшаго вывода вполне извѣстно; тогда волки прибѣгаютъ къ тактической хитрости и нападаютъ на стадо овецъ въ числѣ уже нѣсколькихъ штукъ; а именно первое свое приближеніе къ стаду они стараются замаскировать тѣмъ, что избираютъ пути по лощинамъ, канавамъ и другимъ мѣстнымъ углубленіямъ; если есть въ соседствѣ кустарникъ, или лѣсъ, то уже конечно этотъ скрытый путь для подхода къ стаду они не опустятъ изъ виду. Во вторыхъ, зная, что собаки по своему чутью, почувствуютъ приближеніе ихъ вражьей силы, волки и тутъ показываютъ свою смѣтливость; они стараются выбрать для своего нападенія именно ту сторону, откуда дуетъ на нихъ отъ стада вѣтеръ; такъ что собаки, хотя и хорошія, лишаются возможности, за вѣтромъ, узнавать чутьемъ приближеніе волковъ.

Не говоримъ уже о тѣхъ случаяхъ, когда бываютъ бури, туманы или другія атмосферныя важныя перемѣны; тогда волки съ большою свободою рыщутъ и нападаютъ на стада овецъ, еще болѣе въ эти непогоды безпечныхъ. Ихъ нападеніе вполне можетъ назваться тактическимъ; оно совершается иногда внезапно и неожиданно. Если же собаки бдительнѣе сторожатъ стадо овецъ, и пастухи въ полномъ вниманіи и готовности встрѣтить волковъ, бывъ предувѣдомлены лаемъ собакъ о приближеніи звѣря; въ такомъ случаѣ волки высылаютъ отъ себя, въ родѣ маленькаго авангарда, двухъ или трехъ волковъ завязать дѣло фальшивыми отаками на той сторонѣ, куда именно желаютъ отвлечь вниманіе пастуха, а главное собрать всѣхъ собакъ къ одному пункту. Волки кидаются на стадо и, въ то же время какъ бы напуганныя и пастухомъ и самими собаками, съ поспѣшностію убѣгаютъ назадъ; тогда собаки начинаютъ гнать волковъ отъ стада на порядочное разстояніе; между тѣмъ, какъ въ то же время, съ другой стороны подравшіеся волки, уже не фальшиво, а въ самомъ дѣлѣ врываются въ стадо и что

успѣютъ, то перережутъ и, схвативъ по штукѣ, съ поспѣшностію укрываются изъ виду отъ преслѣдователей.

Случалось, что въ то же время, какъ пастухи, обманутые волками, произведенными въ своемъ родѣ диверсію, и пораженные дѣйствительнымъ нападеніемъ съ другой стороны, спѣшили вмѣстѣ съ собаками къ несчастнымъ на помощь; то тѣ волки, которые служили первоначально для фальшивыхъ атакъ, успѣвали также приблизиться въ суматохѣ къ стаду и ухватить хотя одну изъ овецъ и такимъ же порядкомъ укрыться вовсе изъ виду.

Бывали примѣры, что волки нападали на стадо и съ такою еще хитростію, что вдругъ съ самаго дальняго разстоянія, какъ только глазу дозволяетъ завидѣть мѣстность, начинали марш-маршемъ нестись мимо стада и привели его въ беспорядокъ, дѣлали вольгъ назадъ и хватали, что кому удавалось; такія нападенія они производятъ болѣею частію на тѣ стада, гдѣ овчарныя собаки не со всѣмъ еще опыты, а самыя стада довольно значительны, по количеству овецъ.

Надо замѣтить, что хорошихъ овчарныхъ собакъ волки стараются всегда истреблять, дабы имѣть тѣмъ большую свободу хищничать во время выгона овецъ на паству. Этому примѣромъ могутъ служить тысячи хозяевъ, которые на слѣдующій имъ вопросъ: отчего у васъ нѣтъ хорошихъ собакъ? отвѣтятъ: «были чудесныя, да мошенники волки перевели всѣхъ.»

Въ тѣхъ случаяхъ, когда стадо весьма значительно, пастухъ ростомъ одинъ аршинъ и два вершка, а собаченка маленькаго размѣра, волкъ иногда презанимательно пользуется овечкой. Такъ, изогнувшись въ три погібели и поднявъ шерсть на своей спинѣ, онъ принимаетъ на себя видъ самой несчастной фигуры и приближается къ стаду шагъ за шагомъ, не смотря даже впередъ, а отпустивъ морду въ низъ, какъ будто слѣпой скитается, гдѣ пошло; такъ что и мальчишка-пастушокъ и его вѣрная собаченка зашумятъ сначала на звѣря, но видя, что онъ продолжаетъ также согбенно и нищенски приближаться къ стаду, увѣрятся въ томъ, что онъ ничего дурнаго не сдѣлаетъ и пройдетъ покойно мимо стада. А потому и пастушекъ, похлопывая своимъ арапникомъ, и собаченка лая такъ громко, что черезъ десять овецъ лай ея уже едва слышенъ, и кидаясь на звѣря, въ такомъ азартѣ, что сдѣлаетъ прыжекъ впередъ, а два назадъ,—даютъ полную свободу волку приблизиться къ стаду, ухватить лучшую изъ него овцу и уйти съ нею, не тороясь, безъ всякаго за то наказанія. Въ доказательство, что волки хорошо понимаютъ, гдѣ предстоитъ опасность, и гдѣ они безъ всякаго наказанія могутъ

пользоваться довольно свободно добычей, можно представить многие случаи, часто повторяющіеся въ малороссійскихъ губерніяхъ, а въ особенности въ полтавской. Тамъ не богатые помѣщики, и государственные крестьяне, до такой степени разбросаны по хуторамъ, что стада овецъ, выгоняемыя на пасту, иной разъ состоятъ изъ 10 ти 15-ти, а иногда и менѣе; этимъ стадамъ назначаютъ очень часто въ пастухи мальчишекъ 8-ми или 9-ти лѣтъ, которые, соображаясь съ своимъ возрастомъ, обзаводятся также небольшими собаченками. Спрашивается: что такой пастухъ и такая овчарная собака въ состояніи сдѣлать звѣрю?—конечно ничего; и потому волкъ, какъ смѣлѣйшій изъ звѣрей нашего климата, пускается на описанные нами фокусы съ подобными пастухами и собаками. Мнѣ неоднократно приходилось видѣть, какъ иногда мальчишка-пастушокъ, вслощенный звѣремъ въ полѣ, пригонялъ даже въ полдень стадо овецъ на хуторъ къ своему папу, или же къ хозяину-казаку, и жаловался со слезами на несчастіе, постигшее его на паствѣ, говоря: «бисова звѣрюка, изогнувшись въ дугу, нахмурившись, поджавши хвистъ и шла такъ жалостно, що и сдвиги одъ втру не вальмалась, а дале: якъ идошла къ стаду, зъ разу сунулась, ухопыла овечку, дай тягу зъ ней до лису.»

Такъ вообще нападаютъ волки на этихъ беззащитныхъ домашнихъ животныхъ.

Въ заключеніи нашей статьи, мы предложимъ нѣкоторыя полезныя замѣчанія, основанныя на точномъ изученіи характера волковъ, какъ отвращать ихъ хищныя нападенія на овецъ. А теперь покажемъ нападеніе волковъ на собакъ.

О нападеніи волковъ на собакъ вообще можно сказать, что волки продовольствуются ими только въ самой крайности, какъ примѣръ: въ зимнее время, когда весь домашній скотъ укрывается, отъ непогоды и отъ нападенія звѣря, въ особѣйшіе для нихъ помѣщенія. Въ лѣтнее время, развѣ какой-либо особый случай, заставитъ волка кинуться на собаку; волкъ боится быть раненымъ въ знойное время, опасаясь страдать отъ язвъ, въ которыхъ могли бы завестись очень легко въ лѣтнее время—черви. Да къ тому, деревенскія собаки, имѣя назначеніе быть стражами домовъ ихъ хозяевъ, по большей части не отлучаются далеко отъ своихъ дворовъ; а если по привязанности къ человѣку, инья изъ нихъ и сопровождаютъ своихъ хозяевъ на сѣнокосы, или въ лѣсъ на порубку дровъ, то всегда почти тутъ же около человѣка, или въ виду его и кружатся. Притомъ собака, по своему инстинкту иной разъ предвѣститъ даже человѣка о близкомъ присутствіи звѣря, и доставитъ тѣмъ пол-

ную возможность принять мѣры къ отраженію, въ случаѣ нападенія волка.

Подбѣгаютъ большею частію отъ волковъ блуждающія и бездомныя собаки; перебѣгая отъ одной къ другой деревнѣ, онѣ попадаютъ иногда на встрѣчу волкамъ, которые тутъ маха не дадутъ; кидаются точно такъ, какъ борзья къ зайцу, иной разъ зададутъ двѣ угонки, если собака быстра; все же ея участь рѣшается тѣмъ, что волки разрываютъ ее на части, и если они голодны, то и съѣдаютъ; не знаемъ только на вѣрное, со вкусомъ или безъ вкуса.

Бывали примѣры, что волки изъ-подъ экипажей хватили собакъ; мало того, иногда стаскивали ихъ съ крестьянскихъ возовъ, не смотря, что крестьянинъ кричалъ, и даже стегалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ по мордамъ своимъ кнутомъ.

Вообще можно сказать, что одна собака, хотя и сильная, противу двухъ волковъ не устоитъ, а нечего уже и говорить о томъ, когда цѣлая партія нападетъ на одну собаку. Оборона собаки противу нѣсколькихъ волковъ заключается въ томъ, что она, почувъ звѣря, тотчасъ же старается убѣжать къ жилию человѣка. Если же волкъ въ одиночку бросается къ собацѣ и притомъ нападетъ на зубастую; то собака вступаетъ въ бой,—стараясь сколько возможно не допустить волку схватить себя за горло, и потому иной разъ, подивившись на дѣбы, схватываются и грызутся точно такъ, какъ и домашнія собаки, покуда человѣкъ или другія собаки не подоспѣютъ на помощь. Иногда подобная борьба оканчивается тѣмъ, что волкъ, израненный собакой, отказывается отъ успѣха побѣдить ее окончательно и первый старается носифшище убѣжать отъ нея. Бывали также примѣры, что хорошія дворовыя и сильныя собаки излагали въ одиночку волка, ворвавшася на дворъ за добычей; а что касается до отличныхъ овчарныхъ собакъ, то онѣ очень часто заставляли пастуховъ возвращаться съ паствы съ лишнею пошею, именно: тащить на плечахъ волка, дерзнувшася кинуться въ стадо за овечкой. Вообще можно замѣтить, что волки нападаютъ на собакъ не такъ дерзко, какъ на другихъ животныхъ, потому что каждая собака болѣе или менѣе уже ловка, а главное она защищается тѣми же средствами, какими волкъ наноситъ сильнѣйшее и вѣрнѣйшее пораженіе,—это зубы.

Нападеніе волковъ на свиней и оборона послѣднихъ.

Свинья отличается отъ всѣхъ другихъ животныхъ, пералучныхъ съ домомъ человѣка, своими особенностями, такъ: имѣя постоянно превосходный аппетитъ ко всему, она является даже прожорливою; отъ безпрестаннаго употребленія ея пи-

щи, она почти всегда находится въ неопрятномъ около себя видѣ; не зная ни въ чемъ особеннаго вкуса, свинья равно способна ѣсть все, попадающее ея подъ рыло. Скорое пищевареніе желудка побуждаетъ ее постоянно искать себѣ пищи и потому, не найдя ея въ полѣ въ довольномъ для себя количествѣ, она старается пополнить этотъ недостатокъ огородными овощами, гдѣ ея посѣщеніе надолго остается памятнымъ. Кромѣ овощей, истребленныхъ ею въ огородахъ неакуратныхъ хозяевъ, остаются и другія слѣды ея опустошеній, такъ что долго приходится заступу приводить снова въ симметрической видъ гряды, а главное, требуется иногда очень порядочнаго труда, закапывать корни обнаженныхъ ею многихъ огородныхъ растений. Словомъ свинья до такой степени отличается своими непорядочными особенностями, что ея нарицательное имя употребляется, какъ ругательное слово.

Кромѣ этого, свинья по внутреннимъ своимъ качествамъ можетъ даже быть отнесена къ роду хищныхъ животныхъ; она смѣло кидается къ нарушившему ея покой и уничтожаетъ его своими клыками, иногда равняющимся клыкамъ вепрей.

Будучи съ виду неуклюжей, она чрезвычайно какъ поворотлива при отраженіи нападений-производимыхъ на свиней волками. Для примѣра возьмемъ хотя десятокъ пасущихся на полѣ свиней, которыя, конечно, прискивалъ для себя лучшей кормъ, неминуемо уже будутъ разбросаны поштучно на полѣ. Кушая покойно, съ обычнымъ аппетитомъ, траву и роя рыломъ землю для добыванія кореньевъ нѣкоторыхъ растений, свиньи, при первомъ появленіи волка, весьма знакомаго имъ звѣря, тотчасъ захрюкаютъ и съ поспѣшностію стараются соединиться въ одну общую кучку, если ихъ немного и притомъ если онѣ не значительно разбросаны по полю; въ противномъ случаѣ, соединяются въ нѣсколько кучекъ плотно задами другъ къ другу * и въ такомъ положеніи, образовавъ кучками эшелонный или шахматный рядокъ, словомъ какъ имъ удастся расположиться, принимаютъ нападеніе волка. Злость свиней намъ уже извѣстна, клыки ихъ тоже знакомы вполне и волкамъ, а такой умный и тактической способъ обороны еще сильнѣе возбуждаетъ въ нихъ стойкость и храбрость; онѣ притомъ своимъ хрюканьемъ, выражая полный гнѣвъ и желаніе отбить дружно атаку звѣря, ставятъ послѣдняго въ невозможность воспользоваться хоть одной изъ нихъ, — и волкъ вмѣсто нападенія, обойдя кругомъ занятую свиньями позицію, только какъ бы произведетъ въ своемъ родѣ ближайшую рекогносцировку, и съ этими подробнѣйшими

Дружба свиней между собою, любовь и нѣжность къ дѣтямъ производятъ то, что нападеніе на одну изъ нихъ вооружаетъ другихъ, и тогда всѣ спѣшатъ на помощь къ тому мѣсту, гдѣ свинья, попавшись въ страдательное положеніе, хрюкаетъ изо всѣхъ силъ, какъ бы выражая тѣмъ свое воззваніе къ своимъ друзьямъ. И дѣйствительно, страшно видѣть, какъ всѣ озлобившись, съ хрюканьемъ, спѣшатъ на крикъ погибающей или попавшей въ неприятное положеніе своей подруги. Бывали примѣры, что иные хозяева, опредѣливъ на убой кабана или свинью, принуждены были отказываться отъ своего предпріятія въ ту самую минуту, когда все уже было приготовлено къ закланію кабана, потому что послѣдній, крикомъ своимъ вооруживъ другихъ свиней, доводилъ до того опасности, что люди, привезшіе кабана на убой, бросали все, чтобы спастись отъ разъяренныхъ другихъ свиней, сбѣжавшихся съ разныхъ дворовъ, какъ бы на помощь погибающему.

Также не думайте пройти покойно съ поросенкомъ мимо стада, гдѣ свиньи пасутся съ маленькими поросятами; крикъ угнетеннаго поросенка вооружитъ до того пасущихся свиней, что очень легко можно ожидать неприятели быть растерзаннымъ въ куски озлобившимися свиньями, а въ особенности если онѣ изъ крупной породы.

Много разъ приходилось дорого расчитываться за попытку отравить борзыми свиней, пасущихся цѣлымъ десяткомъ или болѣе въ полѣ. Подобныя шутки оканчивались часто тѣмъ, что у нѣкоторыхъ собакъ недоставало послѣ травля одного, а иногда и болѣе реберъ.

Словомъ сказать: свинья между домашними животными, сколько отличается обширной пользой, столько и замѣчательна бываетъ иногда своею открытою злобою, обнаруживающеюся въ иное время самыми губительными послѣдствіями для тѣхъ, кому доведется испытать несчастье попасться подъ клыки разъяренной свиньи.

Послѣ всего сказаннаго, мы должны ожидать чего-то особеннаго при отраженіи нападений-производимыхъ на свиней волками.

Для примѣра возьмемъ хотя десятокъ пасущихся на полѣ свиней, которыя, конечно, прискивалъ для себя лучшей кормъ, неминуемо уже будутъ разбросаны поштучно на полѣ. Кушая покойно, съ обычнымъ аппетитомъ, траву и роя рыломъ землю для добыванія кореньевъ нѣкоторыхъ растений, свиньи, при первомъ появленіи волка, весьма знакомаго имъ звѣря, тотчасъ захрюкаютъ и съ поспѣшностію стараются соединиться въ одну общую кучку, если ихъ немного и притомъ если онѣ не значительно разбросаны по полю; въ противномъ случаѣ, соединяются въ нѣсколько кучекъ плотно задами другъ къ другу * и въ такомъ положеніи, образовавъ кучками эшелонный или шахматный рядокъ, словомъ какъ имъ удастся расположиться, принимаютъ нападеніе волка. Злость свиней намъ уже извѣстна, клыки ихъ тоже знакомы вполне и волкамъ, а такой умный и тактической способъ обороны еще сильнѣе возбуждаетъ въ нихъ стойкость и храбрость; онѣ притомъ своимъ хрюканьемъ, выражая полный гнѣвъ и желаніе отбить дружно атаку звѣря, ставятъ послѣдняго въ невозможность воспользоваться хоть одной изъ нихъ, — и волкъ вмѣсто нападенія, обойдя кругомъ занятую свиньями позицію, только какъ бы произведетъ въ своемъ родѣ ближайшую рекогносцировку, и съ этими подробнѣйшими

* Если при нихъ есть маленькія поросята, то онѣ причутъ ихъ въ серединѣ между своими ногами.

свѣдѣніями обо всемъ имъ замѣченномъ, удаляется во-свояка.

Любопытно видѣть, какъ свинья при нападеніи звѣря, стоитъ плотно въ кучкахъ и не сводя, глазъ съ волка, постоянно обращаются къ нему своимъ рыломъ, и какъ только удалится изъ виду звѣрь, то онѣ начинаютъ почти въ такомъ же видѣ, какъ были расположены на позиціи, отступать ближе къ селенію, не смотря, что пастухъ иной разъ, рассчитывая время, и не позволяеть имъ удалиться такъ рано съ паствы. Такъ принявъ въ соображеніе подобную умную оборону свиней противу волковъ, казалось бы, что волки навсегда лишены употребленія изъ пищи свинину, и дѣйствительно, при такихъ обстоятельствахъ, имъ нѣтъ никакой возможности поживиться ею. Не смотря на то, что иногда волки въ числѣ нѣсколькихъ штукъ нападаютъ на свиней и употребляютъ всѣ описанныя нами выше хитрости, чтобъ разбить ихъ поштучно или заставить раскидаться врознь изъ своихъ тѣсныхъ кучекъ, всѣ старанія волковъ въ этомъ случаѣ почти всегда остаются тщетными. А иной разъ, если волкъ рискнетъ кинуться въ интервалъ между кучками, и если послѣднія расположены въ близкомъ между собою разстояніи, то случается, послѣ этого отважнаго нападенія звѣря, видѣть одни только отъ него клочки шерсти; волкъ на самыя мельчайшія части раздробляется клыками озлобившихся свиней.

Бывали примѣры, что волкъ такъ хитро подкрадывался къ свиньѣ, что она только въ то время замѣчала звѣря, когда онъ уже схватывалъ ее за шею. И тутъ иногда, если это была свинья порядочнаго роста, а не поросенокъ, звѣрю не удавалось исполнѣ воспользоваться добычей, ибо свинья, схваченная внезапно звѣремъ, тотчасъ начинала кричать во всю мочь и, давъ тѣмъ знать другимъ объ своей опасности, была дружно спасается, или отбивается своими подругами, сбѣжавшими къ ней на помощь. Мало того, бывали примѣры, что одинъ самецъ или какъ называютъ ихъ въ Малороссіи—кнуръ, спасался и отъ четырехъ напавшихъ на него волковъ. Въ этомъ случаѣ, ему помогала отчаянная его злость, съ которою онъ кидался прямо на перваго, державшаго къ нему приблизиться волка и, нанеся ему своимъ клыкомъ жестокою рану, заставляя его отбѣгать поодаль въ сторону и садиться да заливать распоротое мѣсто. Такимъ же порядкомъ, этотъ кнуръ подчивалъ и другихъ, и тѣмъ окончательно спасался отъ звѣрей.

Конечно, волки таскаютъ свиней; но большею частію зимою изъ хлѣбовъ, гдѣ онѣ уже поштучно сидятъ, а главное, внезапно подвергаются погибели; какъ напримѣръ иной разъ волкъ

рѣжетъ ихъ сонныхъ; также и въ лѣтнее время волкамъ удается продовольствоваться свиньей, по большей части — поросятами, или свиньями изъ мелкой породы, да притомъ, когда тоже нападутъ на нихъ врасплохъ.

Въ малороссійскихъ губерніяхъ пастухъ, завидя звѣря, тотчасъ начинаетъ кричать: на тю! тю! тю! и это такъ понимаютъ иногда ходящіи въ его стадѣ свиньи и испытывшіи уже нападеніе волковъ, что тотчасъ по крику пастуха, какъ бы по командѣ сбѣгаются въ кучку.

Нападенія волковъ на крупный рогатый скотъ.

Оппавенія волковъ на тѣхъ изъ домашнихъ животныхъ, которыхъ волкъ болѣе или менѣе въ силахъ поборотъ въ одиночку, и если не съ поспѣшностію, такъ по крайней мѣрѣ не торопясь, можетъ довольно свободно унести съ собою похищенное имъ животное въ безопасныя отъ преслѣдованій мѣста,—мы теперь перейдемъ къ тому, какъ нападаютъ волки на коровъ и быковъ, или тѣхъ домашнихъ животныхъ, которыхъ величина и сила противопоставляетъ звѣрю уже болѣе препятствія въ нападеніи.

Корова и быкъ вооружены отъ природы рогами, и при нападеніи звѣря стараются этимъ средствомъ обороняться и нанести ему пораженіе; для этой цѣли быкъ и корова опускаютъ голову внизъ такъ, чтобъ своими рогами нанести ударъ неприятелю или въ перпендикулярномъ направленіи, или поддѣть его подъ брюхо, и вскинуть на свои рога. Кромѣ оружія быковъ и коровъ, заключающагося въ остроконечныхъ ихъ рогахъ, самый лобъ ихъ такъ крѣпокъ, что нинѣ изъ этихъ животныхъ, лишившіяся какимъ либо случаемъ своихъ роговъ, ударомъ только одного лба въ звѣря низлагали его съ одного разу на мѣстѣ; а чтобы ударъ или пораженіе было сильнѣе, то быки и коровы стараются попать ими въ своихъ неприятелей съ разбѣга.

Вотъ и вся защита, которую можетъ противопоставить звѣрю крупный рогатый скотъ, когда приходится сражаться ему въ одиночку. Въ противномъ случаѣ, если они цѣлымъ обществомъ защищаются противъ волковъ, то сбѣгаются въ одну общую кучку, образуя какъ-бы въ своемъ родѣ каре, гдѣ главная ихъ оборона также состоитъ въ томъ, что ставъ плотно другъ къ другу задми, наклоняютъ головы внизъ и рогами, словно штыками, удерживаютъ тѣмъ ихъ въ почтительномъ отъ себя отдаленіи.

Нельзя вспомнить ни одного примѣра, чтобы волки, даже въ порядочномъ числѣ, осмѣливались когда либо кидаться на по-

добныя каре крупнаго рогатаго скота. Волкамъ ровно ничего нельзя выиграть своими маневрами предъ волами или коровами, соединившимися въ одну массу, для общей обороны. Это не овцы, которыя способны подчиняться гибельному впечатлѣнію внезапности отъ появленія предъ ними какого либо звѣря, и пораженныя неожиданностію, вмѣсто того, чтобы спастись, кидаются, какъ мы видѣли выше, можно сказать, сами въ зубы волкамъ. Коровы и быки, ставъ въ лучшемъ порядкѣ, внушенномъ имъ инстинктомъ, для обороны противу звѣрей, уже и держатся строго въ своемъ положеніи, стараясь отнюдь не переходить къ наступленію, то есть, выбиваться изъ своихъ рядовъ и увлекаться за звѣремъ, чтобы пронзить его своими рогами. Глядя на эту плотную и иногда обширную массу рогатаго скота, занявшаго позицію, на равнинѣ или въ ложинѣ, словомъ, гдѣ захватить ихъ опасность и необходимость защищаться противъ всегда страшныхъ для нихъ звѣрей — волковъ, вы не замѣчаете той храбрости и того желанія сразиться съ звѣремъ, какія видите въ свиньяхъ, стоящихъ въ ихъ кучкахъ и выжидающихъ нападенія волковъ. Рогатый скотъ всегда выказываетъ какъ-то грустнымъ при подобныя для нихъ несчастныхъ случаяхъ; самое преклоненіе ихъ головъ, хотя и страшное торчащими рогами, но всегда унылое, такъ и высказываетъ слова: «и мы грѣшны!»

Мы упоминали выше, что волки не дерзаютъ кидаться на рогатый скотъ, когда онъ расположенъ въ массѣ, но за всѣмъ тѣмъ, они какъ-бы наводятъ справки, нѣтъ ли по соседству съ общей массой, отбившихся отъ гурта штукъ. Если найдутъ такихъ несчастныхъ въ довольно близкомъ разстояніи къ общей массѣ прочаго скота, то, первоначально, всѣми средствами стараются далѣе отогнать ихъ отъ гурта, и какъ только въ этомъ успѣютъ, то не смотря на силу быка или коровы и на страшные иногда ихъ рога, волки съумѣютъ справиться и съ этимъ животнымъ, лишь бы имъ не помѣшалъ въ этомъ случаѣ человекъ. Расправа волковъ съ быкомъ или коровой, попавшимся имъ на жертву такимъ образомъ, бываетъ самая простая. Зная, что рогами или ударомъ головы, рогатый скотъ можетъ неосторожнаго изъ нихъ положить на мѣстѣ, волки и тутъ доказываютъ свою смѣлливость тѣмъ, что одинъ изъ нихъ, ухватившись за хвостъ быка, и потягивая его зубами какъ можно сильнѣе назадъ, заставляетъ тѣмъ несчастнаго обороняться и поворачивать голову то въ ту, то въ другую сторону, между тѣмъ, какъ другіе волки пользуются случаемъ, чтобы ухватить за горло быка, безъ всякаго за то съ его стороны на-

казанія, и тѣмъ довершить свои старанія, зарѣзать его на смерть.

Иногда волки прямо вдѣлаются зубами въ бока быка и наносятъ ему жестокия и глубокія раны; кровь, вытекающая изъ ранъ, приводитъ въ такое ослабленіе несчастное животное, что оно въ безсиліи сваливается само на землю и дѣлается покорнымъ волкамъ,

Такъ нападаютъ волки на отбитыхъ ими отъ гурта быковъ, или же на тѣхъ, которые сами удаляются отъ общей паствы. Если волкъ нападаетъ на коровъ, пасущихся въ полѣ, гдѣ есть пастухи, и въ особенности, если коровы ходятъ вмѣстѣ съ телятами, то замѣтивъ ту корову, которая на болѣе дальномъ разстояніи пасется отъ стада, онъ всѣми мѣрами старается скрытнѣе приблизиться къ привѣченной имъ штукѣ. Для этого онъ ползетъ по землѣ точно такъ, какъ пріучаютъ лягавыхъ собакъ или пуделей, ползти на брюхѣ, по слову *avance*; подползши на довольно близкое разстояніе къ коровѣ, волкъ лежитъ на землѣ какъ убитый, выжидая, не подойдетъ ли сама корова поближе. Въ противномъ случаѣ, онъ опять подползаетъ такимъ порядкомъ, какъ сказано выше, и когда уже увидитъ, что можетъ кинуться съ довольно вѣрнымъ расчетомъ къ горлу коровы, то бросается къ ней съ быстротою кошки, и корова рѣдко бываетъ въ состояніи защищаться противу столь неожиданнаго на нее нападенія. Надо замѣтить, что если корова пасется вмѣстѣ съ своимъ теленкомъ, и волкъ нападаетъ въ одиночку, то онъ никогда не рискуетъ кидаться къ теленку; онъ знаетъ, что материнская любовь и у коровъ велика, и что занявшись съ теленкомъ, онъ въ то же время могъ бы быть проколотъ рогами его матери, которая при этомъ случаѣ удивительно какъ дѣлается смѣла и отважна; а потому бывали примѣры, что волкъ, при подобныя обстоятельствахъ, бросался сначала на корову, а зарѣзавъ ее, уничтожалъ и теленка.

Словомъ, волчьи нападенія всегда бываютъ производимы съ хитростію и большею частію внезапно. Подтверждается это многими несчастными случаями, которые приходится болѣе испытывать тамъ, гдѣ мало обращаютъ вниманія на истребленіе этихъ хищныхъ звѣрей.

Перейдемъ теперь къ нападенію волковъ на лошадей и оборонѣ послѣднихъ.

Лошадь, какъ лучшее и красивѣйшее животное, между всѣми созданными для дома человѣческаго тварями, отличается отъ всѣхъ другихъ описанныхъ нами въ этой статьѣ животныхъ, и большими способностями обороняться противъ нападенія звѣ-

рей; такъ первал и важнѣйшая оборона лошади есть ея бы-
строта, которая иногда превосходить прыткость рѣзвѣйшаго
зайца; вторая: лошадь, лягая задними ногами, способна также
сильно бить и передними копытами; ко всему этому слѣдуетъ
присовокупить, что лошадь тоже можетъ обороняться и зу-
бами.

Смѣлость и отважность лошади доказывается тѣмъ, что ее
иной разъ натравливаютъ на медвѣдя, а выѣзды всадниковъ на
нихъ на охоту за лвами показываетъ, что лошадь лучше, чѣмъ
другое какое-либо животное, способно сохранять присутствіе
духа.

Мы разумѣемъ здѣсь лошадей собственно степныхъ или тѣхъ,
которыя пасутся часто въ табунахъ; замѣчено, что лоша-
ди заводскія, какъ болѣе неразлучныя съ человѣкомъ и періо-
дически выгоняемыя на паству, уже не такъ смѣлы и не могутъ
быть покойными и знать вполне собственныя силы защититъ-
ся, въ случаѣ нападенія на нихъ волка. Можно безошибочно
предположить, что дикія лошади тамъ, гдѣ онѣ водятся посто-
янно, не только не боятся волковъ, но даже уничтожаютъ ихъ
сами.

Конечно, этотъ хитрый звѣрь рѣжетъ часто и лошадей;
но жертвами его хищничества болѣею частію бываютъ —
крестьянскія лошади, истомленные и изурнненыя трудомъ.

Погибаютъ изъ лошадей чаще тѣ, которыя пасутся или спу-
танныя, или привязанныя иногда на длинныхъ веревкахъ ко
вбитому въ полѣ колу, а также и тѣ, которыхъ въ одиночку
пускаютъ на кормъ въ лѣсъ или на поляны, или просто иногда
въ кустарникъ, гдѣ волкамъ представляется полная возможность
приблизиться скрытно къ безпечно-пасущемуся животному.

Мы сказали, что болѣею частію погибаютъ отъ волковъ —
лошади, пасущіяся одиночно. Между-тѣмъ лошади, если ихъ нѣ-
сколько вмѣстѣ ходятъ на полѣ, замѣтивши звѣря, тотчасъ стара-
ются соединиться въ одну общую кучу, и ставъ головами другъ
къ другу, а задомъ къ неприятелю, въ такомъ видѣ принимаютъ
почти всегда нападеніе волковъ, которые въ этомъ случаѣ, какъ
и крупному рогатому скоту, ставшему для обороны въ каре,
равно ничего не въ состояніи сдѣлать. Впрочемъ, воики рѣд-
ко и подходятъ близко къ табуннымъ лошадямъ, а въ осо-
бенности если онѣ пасутся косяками, и имѣютъ между собою
хорошихъ жеребцовъ, которые иногда бываютъ очень смѣлы
и отважны. Когда другія лошади, при нападеніи волковъ, сто-
ятъ въ кучѣ, то жеребецъ, гордо рисуется впереди, изогнувъ
шею дугой, поднявъ гриву вверхъ и распустивъ хвостъ по

вѣтру, неистово ростъ предъ собою копытомъ землю, какъ бы
самъ выжидастъ съ нетерпѣніемъ приближенія звѣря. Бывали
неоднократные примѣры, что иногда голодный волкъ, увязав-
шись за кобылой, запоздавшей присоединиться къ общей массѣ,
до того увлеклся въ азартъ отважнымъ своимъ преслѣдова-
ніемъ за нею, что приближался почти къ самому каре, гдѣ
встревоженный жеребецъ тотчасъ, съ быстротою молніи, нале-
талъ на звѣря, и смявъ его сначала своими ногами, потомъ
хваталъ въ зубы и трепалъ его, точно лихая борзая пойман-
наго ею зайца.

Это можетъ служить яснымъ доказательствомъ, какъ лошадь,
если только она смѣла, можетъ легко уничтожать волка, и дѣй-
ствительно волкъ, нападая въ одиночку на лошадь, старается
производить внезапно свою атаку; какъ на примѣръ, подползаетъ
скрытно на брюхъ и кидается тогда уже къ лошади, когда пред-
чувствуетъ, что можетъ съ вѣрностью выцѣпиться зубами въ ея
горло; въ противномъ случаѣ, разумѣя здоровую степную ло-
шадь, а не изурнненную крестьянскую, лошадь всегда въ состо-
яніи или убѣжать, или же кинувшись на звѣря, измять его сво-
ими ногами.

Если нападаютъ нѣсколько волковъ вдругъ на одну лошадь,
то и здѣсь она иногда пробивается сквозь своихъ враговъ, и
хотя съ нанесенными ей ранами, но спасаетъ свою жизнь. Глав-
ное дѣло въ томъ, чтобы не оробѣла лошадь, а то всегда она
въ силахъ избѣжать опасности.

Случается иногда, что волки хватаютъ жеребятъ за заднія
лапки, стараются перекусить имъ жилы, и тѣмъ какъ бы поса-
дить ихъ назадъ; но не всегда волкъ успѣваетъ въ этомъ, а въ
особенности если жеребенокъ не въ первомъ возрастѣ; послед-
ній такъ сильно иногда лягаетъ задними ногами, что у звѣря
послѣ подобной дерзости, цѣлый рядъ зубовъ можетъ навсегда
очень повредиться. Между тѣмъ, все-таки оставляетъ этотъ звѣрь
слѣды зубовъ своихъ, неизгладимые до самой смерти лошади и
извѣстные подъ названіемъ *вольтыо гвата*.

Говорятъ, что волкъ собирався напасть на лошадь или коро-
ву, паѣдается предъ тѣмъ иногда земли, чтобъ быть увѣсистою
въ то время, когда онъ уцѣпится зубами за горло животного.
А нинѣ приводятъ ими самими видѣнные примѣры, что волкъ,
павравъ въ ротъ земли, и подползши скрытно къ коровѣ или
лошади, забрасываетъ ею глаза животному, и тѣмъ приве-
дя сначала въ замѣшательство эту несчастную корову или
лошадь, потомъ уже безопасно ихъ рѣжетъ. Не бывъ самъ
очевидцемъ подобныхъ случаетъ, не могу отвергать и этой

хитрости волковъ, тѣмъ болѣе, что видимъ подобную хитрость и въ нѣкоторыхъ птицахъ; напримѣръ въ нѣмецкомъ сочиненіи Universal-philosophische Vorlesungen für Gebildete beiderlei Geschlechts, находимъ, что крупнѣйшіе изъ орловъ въ Америкѣ, гдѣ ихъ встрѣчаютъ почти всѣхъ видовъ, а въ особенности въ Сѣверной, желая добыть себѣ пищи, летятъ сначала къ стаду буйволовъ, пасущихся тамъ въ изобиліи на широкихъ, тучныхъ поляхъ. Выбравъ лучшаго изъ быковъ, они пускаются къ ближайшей рѣкѣ, на берегу которой, обмочивъ въ водѣ по одному крылу, обваливаютъ ихъ потомъ въ песокъ и съ этимъ запасомъ, для пораженія избраннаго ими животнаго, летятъ вновь къ стаду, и запримѣченной ими штукѣ, начинаютъ, одинъ за другимъ, наносить удары крыльями по самымъ глазамъ, стараясь какъ можно болѣе засорить пескомъ обреченному ими на добычу быку — глаза. Дѣйствительно послѣ нѣсколькихъ подобныхъ ударовъ, повторенныхъ быстро одинъ за другимъ по глазамъ несчастной жертвы, буйволъ приходитъ въ такое бѣшенное замѣшательство, что начинаетъ стремглавъ мчаться, не разбирая предъ собою пути, и нерѣдко попадаетъ за пропасть, куда обрушившись, убивается на смерть и дѣлается за тѣмъ неотъемлемою добычею этихъ ширококрылыхъ орловъ.

Въ противномъ случаѣ, если животное не попало въ пропасть, то орлы загоняютъ его до того, что оно также должно окончить свою жизнь, и быть непрѣменно имъ пищею. Видя этотъ поразительный примѣръ добыванія для себя пищи орлами, мы не станемъ удивляться и тому, что можетъ быть и волки, прославившіеся уже тысячами другихъ хитростей, употребляютъ дѣйствительно и землю, для засоренія глазъ животному, а въ особенности, если они не надѣются справиться открыто въ одиночку съ лошадыю или коровою, которою хотятъ полакомиться.

Словомъ, волкъ есть опаснѣйшій между всѣми звѣрями нашего климата, тѣмъ болѣе, что онъ съ усовершенствованіемъ способовъ истребленія со стороны человѣка, и самъ совершенствуется въ своемъ хищничествѣ и умѣни оберегать себя отъ преслѣдованій самыхъ искуснѣйшихъ охотниковъ. Въ заключеніи этой статьи мы укажемъ на тѣ средства, которыми можно еще, въ настоящее время, нѣсколько уменьшить зло, производимое ими человѣку.

Такъ основываясь на точномъ изученіи характера волковъ, мы обратимся къ тому, чего волкъ въ настоящее время боится; напримѣръ: ружья, хорошихъ собакъ, человѣка идущаго верхомъ на лошади, мгновенныхъ вспышекъ огня; рогъ охотни-

чій также пугаетъ своими звуками волковъ, и преимущественно разумѣется тѣхъ, которые были уже въ передѣлкѣ подлѣ выстрѣлами охотниковъ, или имѣли дѣло съ стаею гончихъ собакъ.

По этому владѣльцы хотя малочисленнаго стада одного изъ родовъ, описанныхъ нами домашнихъ животныхъ, а если стадо общественное, напримѣръ деревенское, то вообще миръ, должны поставить непрѣмное условіе, чтобы каждый пастухъ ихъ имѣлъ при себѣ ружье и на каждый день, хотя по десятку боевыхъ патроновъ, преимущественно картечныхъ. Это не составитъ большого расхода. Сочтите, чего стоятъ потери отъ волковъ въ продолженіе года, хотя въ первой, взятой вами для примѣра, маленькой деревенькѣ; тогда увидите, что за итогъ похищенныхъ волками — барановъ, зарѣзанныхъ ими коровъ и лошадей, вы не только будете въ состояніи обзавестись пастуха посредственнымъ ружьемъ изъ Тулы, но даже въ состояніи будете выписать пару двухствольныхъ ружей изъ Англіи, славящейсяя оружейными заводами.

Пріученіе пастуховъ къ ловкости стрѣлять изъ ружей не только картечью, но и самой пулей, не составитъ большого затрудненія, тѣмъ болѣе, что многіе сотня изъ нихъ, начиная съ младенческаго возраста до самыхъ сѣдыхъ волосъ, иной службы и иного средства для существованія своего не знаютъ, какъ только одно пастушеское ремесло. Стало быть, такіе люди одной привычкой — держать ружье въ продолженіи многихъ десятковъ лѣтъ, могутъ уже шутя пріобрѣсти ловкость прицѣливаться вѣрно, и знать правильно, практичнымъ глазомъ: какъ его ружье, на какомъ разстояніи, можетъ ударить и попасть не только въ волка, но даже въ воробья. Къ тому же пастухъ, будучи всегда въ движеніи, рѣдко не бываетъ хорошимъ гимнастикомъ; такъ влѣзъ на самое высокое дерево къ гнѣзду кончика или вороны, кинуть мѣтко камнемъ въ какой-либо предметъ, стегнуть съ удивительной ловкостью своимъ длиннымъ арапникомъ непослушную въ стадѣ овцу, или пенающуюся въ порядкѣ корову, это самое обыкновенное дѣло для пастуха и онъ васъ можетъ удивить иной разъ своимъ, въ этомъ случаѣ, отнѣннымъ искусствомъ; стало быть ружье въ рукахъ такого человѣка было бы полезно при защитѣ его стада отъ звѣрей. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что звѣрь, увидя здѣсь пастуха при стадѣ съ ружьемъ, подойдя къ другому, ту же встрѣтитъ опасность; наконецъ сунувшись гдѣ либо съ голоду за добычей въ стадо, будетъ если не убитъ, такъ по крайней мѣрѣ раненъ, все же будетъ послѣ этой мѣры въ большемъ страхѣ и не посмѣетъ рѣшиться на дерзость бросаться такъ въ стадо,

какъ бросается онъ тамъ, гдѣ не предвидитъ для себя никакой опасности. Къ тому же волкъ, при видѣ ружья въ рукахъ человѣка, страшится нападать внезапно, а прибѣгаетъ въ этомъ случаѣ всегда почти къ маневрамъ; такъ: начинаетъ кругомъ, поодаль ходить около стада, дабы заставить неопытнаго и пуливого человѣка выстрѣлить по немъ на-удалую, и потомъ старается воспользоваться моментомъ бездѣйствія, когда человѣкъ будетъ заряжать ружье, чтобъ въ это время кинуться и ухватить что-либо изъ стада въ добычу. Словомъ, польза вооруженія пастуховъ ружьями очевидна: волкъ, какъ мы сказали не отваживается тогда на внезапную атаку, стало-быть даетъ уже тѣмъ средство человѣку принять возможные мѣры осторожности, а кружась въ виду стада, пугаетъ тѣмъ самымъ пасущихся въ немъ животныхъ, которыя, какъ описали мы выше, успѣютъ стать въ лучшее оборонительное положеніе, смотря по внѣшнюю каждую изъ нихъ собственнаго инстинкта. Волкъ теряетъ притомъ возможность напасть въ-расплохъ, а въ особенности если стадо не однородное, а мѣшанное, состоящее изъ свиней, лошадей и крупнаго рогатаго скота, или тѣхъ домашнихъ животныхъ, которыя, какъ мы видѣли выше, могутъ не только отразить нападеніе звѣря, но даже и уничтожить его.

Хорошія овчарныя собаки, также суть вѣрнѣйшее средство для обороны стада, въ особенности овечьяго, противу волковъ. Собака столь же бываетъ тонка въ своемъ чутьѣ, какъ и самый волкъ, стало-быть, можетъ заранѣе предупредить человѣка о приближеніи звѣря, а главное, имѣя достаточную силу и ловкость, въ состояніи бываетъ иногда, если не уничтожить волка, такъ по крайней мѣрѣ, вступивъ съ нимъ въ бой, задержать его, и дать способъ человѣку безъ всякой опасности заколотъ его ножомъ или убить первымъ попавшимся въ руки оружіемъ. Поэтому хозяева должны обратить вниманіе на улучшеніе породы овчарныхъ собакъ, которыхъ можно добыть отъ смѣшенія дровяныхъ сукъ, съ хорошими борзыми волкодавами или съ выкормленными на дому волками, добытыми въ самомъ малолѣтнемъ возрастѣ изъ лѣсу. Последній способъ добыть эту драгоценность для хозяйства весьма возможенъ, тѣмъ болѣе, что эти животныя, хотя различныя по характерамъ, совершенно близки во всемъ другомъ между собою, и примѣромъ подобнаго смѣшенія разнородныхъ животныхъ, можно поставить слученіе лошади съ осломъ, гдѣ получаемая смѣсь доставляетъ самый полезнѣйшій родъ особаго животнаго, именуемаго катеромъ, которая способна въ гористыхъ мѣстахъ для ѣзды, не уступаетъ осламъ, а доброкачественность и сила превосходитъ во всемъ про-

чемъ всякую добрую вожую лошадь. Смѣшеніе же волка съ собакой, по дознаннымъ опытамъ примѣрамъ, даетъ такую породу собакъ, которыя, по привязанности своей къ человѣку, не уступаютъ обыкновеннымъ собакамъ, а въ силѣ превосходятъ ихъ, и ненавидѣли волковъ сильнѣе, чѣмъ собаки ненавидятъ кошекъ, когда онѣ не такъ между собою близко знакомы.

Добытую такимъ способомъ породу собакъ, въ третьемъ или четвертомъ колѣнѣ, необходимо опять освѣжать волчьей кровью; ибо замѣчено, что въ послѣдующихъ за тѣмъ щенкахъ, ослабѣваетъ у нихъ ненависть къ волкамъ.

Имѣя десятокъ такихъ собакъ, можно ими обезпечивать на паствѣ цѣлую тысячу овецъ противу нападенія волковъ; но волки рѣдко когда въ большемъ числѣ нападаютъ на стада овецъ.

Человѣкъ, сидящій на лошади, устрашаетъ волка тѣмъ, что послѣдній очень хорошо знаетъ, что на конѣ скорѣе его могутъ догнать, къ тому же лошадь подлѣ всадникомъ, всегда смѣлѣе мечется на волка, чѣмъ она могла бы это сдѣлать, бывъ одна на свободѣ.

Разумѣется, что причина боязни волковъ къ всадникамъ, есть слѣдствіе тѣхъ уроковъ, которые многимъ изъ нихъ, быть можетъ, приходилось вытверживать, когда, высунувъ языкъ отъ усталости, до какой доводила ихъ опасность и страхъ попасть въ зубы собакъ, они принуждены были, въ иное время бѣжать со всѣхъ ногъ, не переводя духу, на огромныхъ разстояніяхъ. Поэтому весьма бы полезно было, если бы владѣтели значительныхъ стадъ овецъ имѣли конныхъ при нихъ пастуховъ, которые были бы болѣе страшны для волковъ, чѣмъ пѣшіе, а въ особенности, если бы имѣли при себѣ въ тоже время ружья.

Въ тѣхъ мѣстахъ Россіи, гдѣ болѣе развито овцеводство, такъ ничтожны способы содержанія и обзаведенія лошади, что, не ошибаясь, можно сказать, что употребленныя на это издержки не многимъ развѣ превзойдутъ стоимость двухъ пудовъ шерсти, вѣсь которой, въ общей сложности, иногда чувствительно уменьшается волками противу смѣты, сдѣланной разчетливымъ хозяиномъ. Поэтому не благоразумнѣе ли будетъ израсходовать на меньшее, чтобъ сохранить тѣмъ болѣе?

Конный пастухъ, во всякомъ случаѣ будетъ полезнѣе, чѣмъ пѣшій, какъ потому, что онъ имѣетъ болѣе возможности не только не допустить волковъ къ стаду, но въ случаѣ если бы волкъ и ухватилъ уже овецъ, то онъ скорѣе можетъ его загнать и отбить похищенное имъ животное, чѣмъ пѣшій.

Въ подтвержденіе изложеннаго нами, можемъ привести въ примѣръ гурты воловъ, которые гонятся съ южныхъ нашихъ губерній. Безопасность и покой этого рогатаго скота отъ волковъ достигаются именно тѣмъ, что гурты бываютъ сопровождаемы двумя или тремя конными людьми, т. е. гуртовщиками. И дѣйствительно, рѣдкій изъ гуртовщиковъ, при ихъ вниманіи сторожить эту массу, пожалуется вамъ, что волкъ зарѣзалъ у него быка, и потому было бы очень полезно принять это правило для общаго руководства хозяевамъ, имѣющимъ у себя значительныя стада разнаго домашняго скота.

Волкъ страшится мгновенныхъ вспышекъ огня, боясь постоянно огнестрѣльнаго оружія. Поэтому, пастуху можно пугать въ сумерки волковъ, или высѣканьемъ искръ огнивомъ, или еще легче, при нынѣшнемъ общемъ употребленіи фосфорныхъ спичекъ, посредствомъ заживаія ихъ только такимъ образомъ, чтобы свичка вспыхнула и тотчасъ же была потушена. Запахъ послѣ сожженія спичекъ почти такой же, какъ и послѣ воспламененія пороха, весьма знакомаго волкамъ, а потому они, не успѣвъ познакомиться еще хорошо съ настоящимъ на значеніемъ спичекъ, будутъ бояться ихъ вспышекъ, какъ этому были уже многіе примѣры.

Рогъ охотничій поинтень волкамъ въ другомъ родѣ, чѣмъ свирѣль пастуха, а потому тѣмъ деревнямъ, которыя по собѣдству расположены съ владѣтелями большихъ охотъ, весьма полезно обзаводить охотничьими рогами своихъ пастуховъ, которые въ перемежку съ простодушными пѣсиями, наигриваемыми ими ипогда на своихъ свирѣляхъ, должны умѣть, хотя нестройно издавать нѣсколько звуковъ на охотничьихъ рогахъ. Это большую пользу можетъ доставить именно потому, что волкъ услышавъ, охотничій всегда страшный для него рогъ, тотчасъ будетъ стараться удалиться отъ стада, боясь понастась вмѣсто овчарин на псарню. Впрочемъ этимъ средствомъ стращать волковъ слѣдуетъ умѣренно, и не ежечасно трубить на рогахъ.

Главнѣйшее же средство умѣрять хищничество волковъ заключается въ томъ, чтобы ободравъ шкуры съ зарѣзанныхъ ими животныхъ, никогда не выбрасывать мяса имъ же, можно сказать, на съѣденіе, а лучше всего или травить это мясо дворовымъ собакамъ, или закапывать его поглубже въ землю, дабы тѣмъ уничтожать скорѣе и слѣды ихъ хищничества, и такимъ образомъ наказывать ихъ за лютость лишеніемъ добычи, на которую они быть могутъ такъ много расчитывали.

Строгое соблюденіе этого правила поведетъ къ тому, что волки, врываясь въ стадо овецъ, не стануть рѣзать столько штукъ,

сколько имъ дозволяетъ возможность, а напротивъ, замѣтнѣе, что ихъ труды пропадаютъ напрасно, стануть уже по всегдашней ихъ смѣтливости расчитывать на другое, стараться похищать хотя одну штуку, да лишь бы поскорѣе утащить ее съ собою подалеже отъ преслѣдователей.

А. ВЪНЦЕСЛАВСКІЙ.

УТРОЙСТВО АРТЕЗИАНСКИХЪ КОЛОДЦЕВЪ ВЪ ВЕНЕЦІИ. Въ Венеціи, по неизмѣннѣю прѣсной воды, употребляли до-сихъ-поръ въ питье воду дождевую. Она собиралась въ особо устроенныхъ для этого бассейнахъ, откуда, для ея очищенія, проускалась чрезъ песокъ. Такихъ бассейновъ было публичныхъ 144 и частныхъ 1990. Во время засухи однакоже жители должны были употреблять воду изъ канала Серіола, которую ежедневно доставляли на баркахъ въ большомъ количествѣ.

Съ 1824 до 1830 года сдѣлано было нѣсколько опытовъ для устройства артезианскихъ колодцевъ; но всѣ они, вѣроятно по недостаточности средствъ, или по незнанію дѣла, остались безуспѣшными. Правительство, употребивъ для этихъ предпріятій значительныя капиталы, должно было наконецъ отказаться отъ своего намѣренія, въ полномъ убѣжденіи, что устройство артезианскихъ колодцевъ въ Венеціи невозможно. Послѣ того было предположеніе устроить водопроводъ на длинномъ мосту, соединяющемъ Венецію съ твердой землей, и доставлять воду изъ Сиале; но предположеніе это осталось безъ исполненія, какъ потому, что по составленной смѣтѣ водопроводъ этотъ обошелся бы въ 3 милліона франковъ, такъ и потому, что это не обезпечивало бы Венеціи въ случаѣ ея осады неприятелями.

Въ 1846 году городской совѣтъ Венеціи пригласилъ французскаго инженера Дегузе для обсужденія вопроса: какимъ надежнѣйшимъ образомъ можно обезпечить Венецію водою?—Для этого Дегузе обратился прежде всего къ изслѣдованію мѣстности. Изъ постепеннаго возвышенія земли къ Гардскому озеру, которое на 60 метровъ выше поверхности моря, изъ направленія рѣкъ Шавы, Тагламента и Ливензы, которыя, въ своемъ теченіи по вязкому дну, теряютъ много воды, и изъ многихъ другихъ обстоятельствъ, онъ заключилъ что воды текущая съ высокихъ горъ, должны были проходить и подземнымъ путемъ; а потому и предложилъ устроить въ Венеціи артезианскіе колодцы, которые, по его вычисленіямъ, могли бы ежедневно доставлять воды до 1800 кубическихъ метровъ, и такимъ образомъ вполне обезпечить городъ прѣсною водою. Но городской совѣтъ, ссылаясь на прежніе неудачные опыты, предложеніе это оставилъ безъ вниманія, такъ что Де-

гузе былъ вынужденъ начать работы на свой собственный счетъ, и въ августѣ 1846 г. принялся за устройство колодца на площади Сапта - Марія - Формоза. Ожиданіе его увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Просверливъ землю на 61 метръ, вода выступила съ необыкновенной силой. Это дало поводъ сверлить землю и въ другихъ мѣстахъ Венеціи, такъ что въ теченіи прошлаго года устроено было еще 5 колодцевъ, глубиною отъ 52 до 55 метровъ. Вода въ этихъ колодцахъ съ самого начала содержала въ себѣ столько углекислаго газа, что, при поднесеніи зажженной свѣчи, онъ немедленно, воспламенялся, и горѣлъ большимъ яркимъ пламенемъ въ продолженіе долгаго времени. Теперь же вода совершенно чиста, и углекислаго газа отдѣляется весьма мало.

МОРЖЕВЫЕ ПРОМЫСЛЫ НА ЛЬДОВОЙ ЗЕМЛѢ. Представляемъ извлеченіе весьма интереснаго описанія моржевыхъ промысловъ на Новой-Землѣ, помѣщеннаго въ трудахъ вольнаго экономическаго общества:

Моржъ (*Trichecus rosmarus*) складомъ тѣла походитъ на тюленя, въ длину имѣеть до 7 арш., уши короткія, глаза выпуклые, лапы черныя, шерсть мышастую, кожу толстую, зубы большіе; и по 2 клыка на каждой сторонѣ. Какъ бѣлые медвѣди овладѣли новоземельскимъ краемъ, такъ моржи береговыми его пространствами, и окрестными островами. Тамъ они живутъ многочисленными семьями, и, съ помощью вѣтровъ, совершаютъ частыя путешествія на льдинахъ вдоль береговъ, не удаляясь отъ нихъ впрочемъ болѣе 50 верстнаго разстоянія. Мореходецъ, встрѣчая моржей и тюленей, можетъ быть увѣреннымъ въ близости берега. Моржи обитаютъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ: средней величины, эти звѣри, водятся у мезенскаго берега, отъ Ганна-носа до Вайгача; малые, въ Югорскомъ-шарѣ, или проливѣ, а самые большіе, у Новой-Земли, особенно около *Матюшева острова*. Ни одинъ изъ этихъ родовъ, не заходитъ въ Бѣлое-море и на мурманскій берегъ. Сообразно съ величиной, моржи даютъ сала отъ 7 до 20 пудовъ; а весною, когда они бываютъ сухи и безсильны, только отъ 3 до 8 пудовъ. Моржи преимущественно обитаютъ около каменныхъ горъ и утесовъ. Выходя изъ моря они отряхиваются, и задними лапами приглаживаютъ шерсть. Поднимаясь на берегъ, или взлѣзая на камни, хватаются передними лапами и клыками, а, опускаясь въ воду, ныряютъ колесомъ. Моржи вообще любятъ пѣгу и покой; лежа на берегу или на льдинѣ, они спятъ крѣпкимъ сномъ, либо потягиваются, зѣваютъ,

и, для забавы, мычатъ какъ коровы, а молодые блѣютъ какъ овцы. Въ солнечный день поднимаютъ задніе лапы, и машутъ ими какъ хвостами.

Моржи сходятся въ августѣ; самки приносятъ весною по одному щенку, рѣдко болѣе, и кормятъ ихъ 2 мѣсяца сосцами. Щенята рождаются черносизые, съ зубами и большими глазами; клыки прорѣзываются у нихъ чрезъ нѣсколько дней послѣ рожденія. Трехъ мѣсяцевъ достаточно для воспитанія щенятъ; въ продолженіе этого времени, они играютъ, борются и ползаютъ другъ на друга. Въ тихую погоду самки берутъ лѣтенышей на спину, сбрасываютъ ихъ въ воду, и такимъ образомъ приучаютъ къ плаванію. Моржи имѣютъ по нѣскольку самокъ; всякій самецъ живетъ отдѣльно съ своей залежкой, т. е. съ своими самками и щенятами. Такими семьями они плаваютъ и въ морѣ штукъ по 50 и болѣе; одни престарѣлые моржи, неимѣющие самокъ, живутъ отдѣльно.

Не смотря на свою величину и силу, моржъ боится человека. Разбуженный врасплохъ крикомъ или дубиной, онъ тяжело стонетъ, покачиваясь бѣжитъ, и въ испугѣ падаетъ безпрестанно. Однако, въ крайности, видя путь къ спасенію пресѣченнымъ, или почувствовавъ боль отъ раны, моржъ отважно защищаетъ свою жизнь, сердце машетъ головою какъ медвѣдь, реветъ, и съ яростію бросается на врага. Тогда, при всей неповоротливости звѣря, противникъ его долженъ искать спасенія бѣгствомъ, или въ подкрѣпленіи своихъ товарищей. Въ морѣ, преслѣдуемый моржъ бросается на карбасъ, и старается его опрокинуть, хватаясь за край судна лапами и клыками. Но тутъ не дремлютъ ловцы удалые; они встрѣчаютъ разъяреннаго звѣря съ топорами, живо обрубаютъ ему лапы, бьютъ дубинами по головѣ, и добивъ жертву конемъ или пулею, втаскиваютъ въ карбасъ. Для избѣжанія подобной борьбы, промысленники стараются нападать на сонныхъ моржей, подкрашивъ къ нимъ противъ вѣтра, и внезапно наскочивъ, съ громкимъ свистомъ и крикомъ, бьютъ ихъ дубинами, колютъ спицами подъ передніе лапы, или стрѣляютъ изъ винтовокъ, направляя всегда въ голову; иначе пуля засядетъ въ толстомъ жирѣ, безъ вреда животному. Нападеніе на залежку моржей называется *заколою*. Она болѣею частію происходитъ на островахъ, или на льдинахъ, сжатыхъ плотнѣ сильными вѣтрами, въ проливахъ, заливахъ, и у вдавшихся въ море мысовъ. Въ такихъ мѣстахъ, чѣмъ больше вѣтры нагоняютъ силовныхъ льдовъ съ залежками, тѣмъ удачнѣе бываетъ промыселъ, потому-что звѣрямъ приходится далеко бродить для исканія себѣ ухода въ море; а лов-

цать представляется возможность гоняться за ними на лыжахъ, по ледянымъ полянамъ. Въ улачную заколку, когда приступъ сдѣланъ дружно и быстро, вся залежка гибнетъ подъ ударами звѣровыхъ, и въ такихъ случаяхъ промысловая ладья наживается не сотни, а тысячи рублей, полагая залежку хотя въ 20 звѣрей, и считая за каждаго, кругомъ, около 100 р. асс., т. е. за кожу 40, за сало 50 и за зубы и клыки 15 руб. *. Еслибъ въ Бѣломорѣ моржевые промыслы производились артелями, то и добыча дѣлилась бы поровну; но теперь вся выгода остается на сторонѣ арматора, т. е. хозяина судна, а рядовой промышленникъ получаетъ ничтожное возмездіе, въ сравненіи съ богатырскими своими трудами **. Впрочемъ и арматоры сами, какъ сельскіе такъ и городскіе обыватели, люди весьма ограниченного состоянія. Весь капиталъ ихъ, по большій части, заключается въ однихъ ладьяхъ. Они не въ силахъ выносить уверно всѣхъ шансовъ долговременнаго предпріятія, и не могутъ по этому пользоваться существенными его плодами. Такимъ образомъ, въ недостаткѣ капиталовъ заключается причина, по которой моржевые промыслы производятся въ небольшомъ размѣрѣ.

Лѣтъ за десять, выѣзжало на эти промыслы около ста ладей въ карбасовъ, а теперь на нихъ не бываетъ и половины этого количества судовъ. Словомъ, въ настоящее время, зимній промыселъ не существуетъ, а лѣтній въ упадкѣ. Лѣтній промыселъ производится около 2½ мѣсяца, т. е. съ исхода іюня до десятихъ чиселъ сентября.

Городъ Кемь лежитъ въ центрѣ Бѣломорья: отсюда до Новой Земли прямыми курсами около 900 верстъ. Въ такомъ же почти разстояніи Новая-Земля находится и отъ Архангельска. Но изъ этого города давно уже не высылается ни одного моржоловнго судна. Тамоншіе иностранцы не заботятся объ оживленіи нашихъ морскихъ промысловъ, а русскіе капиталы оскудѣли и едва могутъ поддерживать мѣстную торговую и промышленную дѣятельность.

И такъ, съ Бѣломорья только въ половинѣ іюня моржевые ладьи и раныщины отправляются на Новую-Землю, и, при благоприятныхъ вѣтрахъ, поспѣваютъ туда въ 7 дней, а при менѣе спосібныхъ, въ двѣ и три недѣли. Суда эти пристають, по боль-

* Клыки, по величинѣ ихъ и вѣсу, имѣютъ разную цѣнность. Самыми дорогими считаются тѣ, которыхъ два идетъ на пудъ; обыкновенныхъ клыковъ пара вѣситъ отъ 10 до 15 фунтовъ. Кроме клыковъ у моржей выламываются зубы и твердые кости на разные подѣлки.

** При готовомъ содержаніи, моржоловы получаютъ около 100 руб. асс. за лѣтній промыселъ, т. е. около 30 руб. въ мѣсяцъ.

шой части, къ Маточкину Шару, откуда на разстояніи 800 верстъ т. е. отъ Карскихъ воротъ до мыса Нассаускаго, дѣлають разѣзды вдоль береговъ; останавливаясь въ мѣстахъ приличныхъ и высылая свои карбасы въ обѣздъ, для поспокотъ, и промысла звѣрей. Въ тоже время, Мезенскаго уѣзда Самоѣды и Пустозерскіе поселяне, окончивъ тюльній и рыбный промыслы въ Югорскомъ Шарѣ, выѣзжаютъ для ловли моржей на утлыхъ карбасахъ, и, гоняся за звѣремъ вокругъ Вайгача, доходятъ также до Новой-Земли.

ВПЕЧАТЛѢНІЯ ПРОЗРѢВШИХЪ ДѢТЕЙ. Слѣдующія наблюденія доктора Триншнети, о первыхъ впечатлѣніяхъ прозрѣвшихъ послѣ операціи дѣтей, вполне подтверждаютъ прежнія замѣчанія Шезельдена:

Мальчикъ 11 и дѣвочка 10 лѣтъ родились съ бѣлками на глазахъ отъ одного слѣпнго отца, котораго дѣдъ и тетка были также лишены зрѣнія. Дѣти были здороваго сложенія и оказывали большія дарованія. Влага въ ихъ глазахъ была бѣлосиневатая, и не прелятствовала имъ однакожъ различать свѣтъ отъ темноты, и даже распознавать нѣкоторые цвѣта, какъ то: желтый, голубой и красный, ярко освѣщенные.

Десять дней послѣ сдѣланной имъ операціи, когда они уже нѣсколько привыкли къ дѣйствию свѣта, докторъ Триншнети показалъ имъ апельсинъ на разстояніи около 3 футовъ. Увидѣвъ его, дѣти съ восторгомъ протянули руки и были очень смущены, не найдя его въ томъ направленіи, въ которомъ его видѣли. Дѣвочка простерла руки далѣе, и въ скоромъ времени нашла плодъ, между тѣмъ какъ мальчикъ еще долго шарилъ на мѣстѣ, не понимая значенія разстоянія. Впрочемъ черезъ нѣсколько времени, они уже въ томъ не ошибались.

Они легко отличали главные цвѣта, но не могли отличить желто-оранжевый, принимая его за желтый или за красный, также и фиолетовый имъ казался то голубымъ, то краснымъ. Мальчикъ называлъ сѣрый цвѣтъ бѣлымъ, и желто-сѣрый и черный голубымъ, а дѣвочка не могла различать голубой цвѣтъ отъ фиолетоваго, и оранжевый отъ желтаго.

Братъ и сестра не могли распознать настоящей апельсинъ отъ нарисованнаго или вырѣзаннаго, иначе, какъ осязаніемъ. Они не могли составить себѣ понятія о портретѣ, и изображеніи своемъ въ зеркалѣ, которое принимали за рамку съ движущимися въ ней пестрыми фигурами; но когда ихъ заставили осязаніемъ сравнить нѣкоторые части тѣла съ ихъ изображеніями, то они были поважепы, узнавъ себя въ зеркалѣ. По виду они

не могли узнавать даже и тѣ предметы, которые у нихъ до того времени были въ большомъ употребленіи, какъ то: ложки, ножи и пр. Дѣвѣты предпочитали они самыхъ яркихъ красокъ; мальчикъ выбиралъ желтые, а дѣвочка красные.

По прошествіи трехъ недѣль, имъ слѣзала операцию въ правомъ глазѣ, и недѣлю спустя, замѣтили: 1) что ни одинъ предметъ не двоился въ глазахъ мальчика; 2) что онъ опредѣлялъ разстоянія мѣстъ обоями глазами такъ же хорошо, какъ и однимъ лѣвымъ глазомъ; 3) что однимъ правымъ глазомъ онъ опредѣлялъ разстоянія мѣстъ не съ такою точностію, какъ лѣвымъ, и не ошибался только тогда, когда предметъ находился въ прямомъ отъ него направленіи. Мальчикъ вообще предпочиталъ вещи правильныя и симметрическія, и въ магазинахъ выбиралъ предметы, отличающіеся изящствомъ и хорошою отделкою. Дуна, по его мнѣнію, была бѣлою круглою диркою на голубомъ полѣ.

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ СЕЛЬСКИХЪ ЖИТЕЛЕЙ ФРАНЦІИ-КОНТЕ.

Письмо господини Марье къ Маркизу Доломье. Я составилъ обширный планъ путешествія къ и совершилъ его. Когда душа страдаетъ, мечется, какъ больной на своей постелѣ; она старается разными средствами отогнать отъ себя неотвязчивую мысль, которая овладѣваетъ ею и угнетаетъ ее; она стремится вдаль, какъ будто убѣгая отъ самой себя. Собирая кругомъ себя всѣ обломки прошедшаго счастья, она образуетъ новую тѣнь надеждъ; но эта тѣнь легче и ненадежнѣе, чѣмъ эти легкія сребристыя нити, которыя во время лѣта колеблются на поверхности луговъ, и которыя разрываетъ слабый порывъ вѣтра. Когда же настаетъ часъ, чтобы привести въ дѣйствіе эти мечты, эти важныя событія въ нашей жизни, нами овладѣваетъ утомленіе и глубокое уныніе. Смотришь на себя какъ на человѣка, претерпѣвшаго кораблекрушеніе и брошеннаго на морской берегъ съ полуразбитой ладьей; буря была такъ сильна и море такъ бурно; какъ послѣ того предпринять новое путешествіе? Къ тому же, чтобы путешествовать съ пользой, чтобы посѣтить страны, которыхъ еще не знаешь, надобно имѣть нѣкоторую веселость сердца, дающую полетъ уму, а вы знаете, какъ эта веселость далека была отъ меня, когда я вамъ пришелъ сказать: прощайте, завтра, я ѣду.

И такъ вмѣсто того, чтобы направить свой путь, какъ я вамъ объявилъ, къ величественнымъ картинамъ полуденной страны и къ берегамъ Средиземнаго моря, я рѣшился увидѣть родныя горы; такъ дитя, нуждаясь въ сладкихъ утѣшеніяхъ, бросается

въ объятія своей матери; такъ раненый олень прячется въ чашу лѣса. Я пишу вамъ изъ маленькой деревни съ береговъ Дуба, въ сосѣдствѣ часовни, не представляющей ничего великолѣпнаго, но знаменитой по простодушнымъ преданіямъ, сладостнымъ для сердца.

Чистыя, святые чувствованія религіи сохранились въ нашихъ горахъ Франціи-Конте, не смотря на всѣ политическія перевороты и всѣ потрясенія сладостныхъ вѣрованій. Посреди словыхъ лѣсовъ, рука тружениковъ высѣкаетъ углубленіе въ скалѣ, и ставитъ тамъ изображение Богоматери; и дровосѣкъ, который приходитъ туда для своей тяжелой работы, и бѣдная женщина, своими дрожащими руками собирающая для своего стада траву, и путешественникъ, пробирающійся по тропинкѣ, идетъ мимо этого сельскаго грота, останавливается и обращаетъ молитву къ Той, которую называютъ матерью несчастныхъ, подпорой немощныхъ, путеводительницею странниковъ. Однажды, говоритъ преданіе, близъ деревни Боннево, колоссальная скала, оторвавшаяся отъ своего основанія, скатилась съ вершины утеса и низверглась въ долину. Въ эту минуту землѣдѣлецъ сналъ со своимъ сыномъ въ долину. Ни тотъ, ни другой не слышали ужаснаго шума этой громады, и скала, обрушившись какъ ударъ грома, остановилась передъ сиящими. Чтобы ознаменовать память этого происшествія, вставили въ эту ужасную скалу изображение Богородицы. Мѣстные жители съ благоговѣніемъ показываютъ ее страннику, и рассказываютъ съ удивленіемъ народную легенду. Въ Ремово, также у подножія скалы, поднимающейся круто, какъ крѣпостная стѣна, надъ лазурными волнами Дуба, на краю одной изъ самыхъ восхитительныхъ долинъ, находится часовня, высѣченная въ скалѣ, и въ ней изображеніе Богородицы. Говорятъ, что однажды, священники изъ Монбенау, чтобы почтить торжественнѣе это изображеніе Богородицы, перенесли его въ прекрасную большую церковь. Но изображеніе явилось снова само собой въ уединенномъ гротѣ, куда его поставилъ прежде благочестивый старецъ.

Изъ всѣхъ этихъ гротовъ, изъ всѣхъ часовенъ, освященныхъ народнымъ благочестіемъ и молитвами упованія или благодарности, самая знаменитая есть та, которую я вамъ хочу описать, часовня въ Монпето.

Сюда часто приходятъ издалека на поклоненіе. Больные отсюда возвращаются укрѣпленные вѣрой. Молодые женщины идутъ сюда испросить покровительство Божіей Матери счастья ихъ супружеской жизни; матери приносятъ сюда своихъ дѣтей. Моя мать не разъ меня водила въ эту часовню, въ то время, когда я

еще ничего не зная объ жизни и ея подводныхъ камняхъ. Теперь я возвратился сюда опять, испытавъ уже превратности этого міра.

Эта часовня стоитъ на зеленой плоскости, откуда наслаждаешься великолѣпнымъ видомъ. Ея ограда не велика, но однако жъ можетъ вмѣстить до ста человекъ, и благочестіе вѣрныхъ содержитъ ее заботливо. На стѣнахъ развѣшаны разныя приношенія, смиренныя дары людей, избавленныхъ небеснымъ покровительствомъ отъ тѣлесныхъ немощей или душевныхъ страданій. Тутъ видны неуксусныя картины, рисованныя сельскимъ живописцемъ, и представляющія больныхъ, молящихся небесной своей покровительницѣ; далѣе, маленькій деревянный корабль, приношеніе какого нибудь бѣднаго, неизвѣстнаго моряка, который вѣротно на морѣ, во время бури, молился Богоматери и спасся отъ гибели. Въ глубинѣ часовни находится жертвенникъ, покрытый чистымъ покрываломъ; въ праздничные дни онъ украшается букетами цвѣтовъ и бантами изъ лентъ, и на этомъ жертвенникѣ поставлено изображеніе Богородицы, маленькое деревянное изваяніе, искусно отлѣанное. Начало его относится къ давнему времени. Преданіе говоритъ, что одинъ изъ жителей Монпето, по имени Дюмонъ, принесъ эту статую изъ Святой-Земли. Корабль, на которомъ онъ возвращался во Францію, былъ застигнутъ бурей и брошенъ на берегъ Мавританскій. Мавры захватили Дюмона, отняли отъ него все, что онъ имѣлъ; но ему удалось сохранить при себѣ драгоцѣнное изваяніе. Отданный въ рабство жестокому Мавру, онъ велъ страдальческую жизнь. Но въ послѣдствіи, кротостью своего права, возбудилъ къ себѣ нѣкоторое довѣріе. Его опредѣлили заниматься земледѣльческими работами, и присматривали за нимъ уже не такъ строго. Однажды, во время сѣнокоса, когда онъ былъ въ полѣ, далеко отъ своихъ сторожей, мысль о бѣгствѣ какъ молнія блеснула въ его умѣ; онъ вскакиваетъ на мула, и пускается въ галопъ; достигнувъ берега какой-то рѣчки, онъ бросается въ воду, въ плаванъ на своемъ конѣ, достигаетъ противоположнаго берега, и счастливо продолжаетъ свой путь. Возвратясь на свою родину, онъ построилъ часовню, и поставилъ въ ней святое изваяніе Той, кому приписывалъ свое счастливое спасеніе изъ оковъ рабства. Въ послѣдствіи часовня была увеличена, въ ней устроенъ жертвенникъ, и сосѣдніе священники часто приходятъ туда служить обѣдню.

Во время революціи, священное изваяніе было сохранено отъ святотатства благочестивымъ приходскимъ священникомъ, ко-

торый унесъ его въ Швейцарію, и по окончаніи своей эмиграціи, опять возвратилъ въ святилище.

Въ прекрасное іюньское утро, я отправился съ скромнымъ и добродѣтельнымъ аббатомъ Бонне и другимъ священникомъ, къ деревушку Монпето, которая лежитъ близъ часовни; я распрашивалъ моихъ путеводелей о религіозныхъ преданіяхъ страны, и не могъ насладиться простой и трогательной ихъ бесѣды. Пройдя по обширной долинѣ, мы взобрались по узкой, каменной тропинкѣ, которая извивается среди лѣса, и по которой, въ опредѣленные дни года, все окрестныя жители совершаютъ процессію съ развѣвающимися хоругвями, чтобы присутствовать при богослуженіи въ часовнѣ. Все вокругъ насъ было весело и оживлено; насѣкомыя жужжали въ густой зелени; птицы пѣли подъ древесными листьями; благовоныя растенія холмовъ, маленькіе цвѣточки только что распустившіеся, наполняли воздухъ своимъ благоуханіемъ, между тѣмъ какъ мой два спутника сѣяли въ моемъ умѣ цвѣты, которые гораздо прочнѣе и пріятнѣе,—цвѣты благочестивыхъ бесѣдъ. Скоро мы дошли до предѣла нашего путешествія. Въ часовнѣ была совершена обѣдня. Крестьяне, женщины и дѣти поспѣшно оставили свои работы, чтобы присутствовать при этомъ неожиданномъ богослуженіи.

По окончаніи молитвы, мои вожатые меня повели на вершину живописнаго холма, увѣнчанаго величественнымъ лѣсомъ. Передъ нами развернулось обширное пространство; мы увидѣли поля, засѣяныя хлѣбомъ и пастбища, горы и долины, волновавшіяся вдаль, какъ изумрудное море; здѣсь деревенскіе дома стояли въ группѣ кругомъ церкви; тамъ были разбросаны одинокія хижины, висящія, какъ птичья гнѣзда, на крутизнѣ холмовъ, или скрывающіяся, какъ таинственныя убѣжища, подъ сводами словаго лѣса; на лѣво, прелестныя долины, украшенныя зеленью и цвѣтами, и перерѣзываемыя потокомъ прозрачной воды, который то исчезаетъ въ прихотливомъ изгибѣ подтѣбно кустарниковъ, то является живѣе и прекраснѣе при яркихъ лучахъ солнца; передъ нами, дорога открытая какъ проломъ, посреди этой каменной цѣпи, шлягой новаго Роланда; съ одной стороны, надъ этой дорогой господствуетъ острокопечная скала, на которой строятъ новую крѣпость; съ другой—на холмѣ поднимается старый замокъ съ своей нагнувшейся вершиной, съ своими зубцами и башенками. Здѣсь-то были въ заточеніи Туссенъ, Мирабо и меланхолическій Клейстъ; вспоминая бурную судьбу этихъ трехъ узниковъ,

мы смотрѣли съ наслажденіемъ на зеленѣющей хомъ, гдѣ мы такъ спокойно сидѣли.

Любуясь этими видами, мы съ удовольствіемъ обращали наши глаза на смиренную деревушку, растILAющуюся у ногъ нашихъ, и на часовню, составляющую религиозное ея украшеніе. Добрые люди, живущіе въ этой деревушкѣ, имѣютъ къ изображенію Богородицы, которое находится въ ихъ часовнѣ, безпредѣльное почитаніе; небесной покровительницѣ они приписываютъ всѣ счастливыя событія своей жизни, и прибѣгаютъ къ ея помощи во всѣхъ обстоятельствахъ. Если кто изъ нихъ сдѣлается боленъ, тотчасъ идутъ за священникомъ, зажигаютъ свѣчи на жертвенникѣ, усердно молятся за обѣдней, и душа исполняется новой силой. Передъ часовней, растетъ огромный, величественный вязъ. Стволъ его въ окружности болѣе двадцати футовъ, п вѣтви его густыя, могучія, образуютъ надъ часовнею обширный сводъ какъ будто для того, чтобы охранять ее отъ непогодъ и грозъ. Жители страны смотрятъ на это гигантское дерево съ почтеніемъ. Они говорятъ, что 1793 году, когда изваяніе Богородицы перенесли въ Швейцарію, этотъ вязъ, который походилъ каждый годъ на огромную бесѣдку изъ зелени, не имѣлъ тогда ни одного листка. Они рассказываютъ также, что однажды вынесли священное изображеніе, чтобы сдѣлать нѣкоторыя исправленія въ часовнѣ, и въ этотъ самый день, опустошительный пожаръ обхватилъ деревушку.

Сладостныя народныя легенды! счастливы вѣрующіе, говорили мнѣ добрые священнослужители, бывшіе со мной, и я, идучи за ними, повторялъ, но не съ столь мирной совѣстью какъ они: счастливы вѣрующіе!

поѣздка на мысь доброй надежды. Вотъ что рассказываетъ одинъ германскій путешественникъ о поѣздкѣ своей на Мысь Доброй Надежды.

Послѣ скучнаго и однообразнаго морскаго путешествія, въ продолженіи 88 дней, послѣ цѣлой ночи, проведенной въ нетерпѣливомъ ожиданіи въ открытомъ морѣ, въ виду Капа, первое появленіе горъ Мыса Доброй Надежды при наступленіи утра, произвело на насъ, какъ это очень понятно, самое радостное и пріятное впечатлѣніе. Но и при другихъ обстоятельствахъ, зрѣлище, представившееся намъ съ палубы корабля, всегда поразило бы насъ своей величественной красотой. Длинная цѣпь высокихъ крутыхъ горъ, образующая Мысь Доброй Надежды, скрывала вершины свои въ туманѣ, и круто спускалась въ море. Туманъ постепенно разсѣвался, и зубчатая вершина

горъ обрисовывались на чудесномъ ясномъ небѣ, въ самыхъ живописныхъ формахъ. Съ жадностію смотрѣли мы на эту картину, и считали для себя это мѣсто землею обѣтованія

Нѣсколько миль отъ Капа, гдѣ мы съ самого начала приблизились къ берегу, рука человѣческая, по видимому, не дотрогивалась еще до произведеній природы. Скаты горъ покрыты низкими и мрачными кустарникомъ, который, достигая въ некоторыхъ мѣстахъ высоты деревъ, представляется только въ разсѣлинахъ болѣе оживленной яркой земли. Напутствуемые свѣжимъ утреннимъ вѣтромъ, мы пронесли мимо этихъ горъ, и въ скоромъ времени увидѣли Капъ съ его садами и домами. Но вѣтеръ затихъ, и мы принуждены были остановиться до вечера, и тогда только, при полномъ лунномъ сіяніи, вошли въ Столовый заливъ, гдѣ и бросили якорь. Намъ не случилось видѣть зрѣлища очаровательнаго того, какое представляли въ эту минуту заливъ, окружающія его горы, корабли на якоряхъ, и чуждыя для насъ лучезарныя свѣтила, сіявшія надъ нами на темно-голубомъ, безоблачномъ, небѣ примагическомъ свѣтѣ луны. Послѣдующія поѣздки въ Капштадтъ никогда не могли изгладить во мнѣ этого перваго впечатлѣнія.

Приставъ къ берегу на слѣдующее утро, мы были поражены огромнымъ числомъ цвѣтныхъ, встрѣчавшихся намъ на каждомъ шагу. Дѣйствительно, едва ли найдется въ мірѣ другой городъ, который, подобно Капштадту, могъ бы представить въ своихъ жителяхъ такое разнообразіе въ оттѣнкахъ кожи. Здѣсь вы увидите негровъ всѣхъ возможныхъ племенъ; Малайцевъ съ крашеными бородами, въ сѣрыхъ курткахъ, въ оригинальныхъ конусообразныхъ шляпахъ, напоминающихъ соломенныя "крыши домовъ; Индусовъ, Китайцевъ и другихъ жителей Востока; Мулатовъ всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ, Готтентотовъ, и другихъ. Кроме того вы найдете здѣсь и бѣлыхъ изъ всѣхъ почти странъ свѣта: Англичанъ, Голландцевъ Цѣмцевъ, Французовъ, Шведовъ, Аравитянъ, Американцевъ и т. д. На дорогѣ вы встрѣтите мужичка съ зеленымъ вуалемъ на лицѣ, для защищенія себя отъ мѣлкой красной пыли, поднимающейся на немощеныхъ улицахъ, при малѣйшемъ дуновеніи юговосточнаго вѣтра.

Главные улицы въ Капштадтѣ широки и чисты; онѣ пересекаются подъ прямымъ угломъ, и тѣмъ самымъ придаютъ городу нѣкоторую геометрическую правильность. Дома лишены всякаго архитектурнаго украшенія, и болѣею частію окрашены бѣлою краскою, при солнечномъ свѣтѣ не совѣмъ пріятною для глазъ.

Въ настоящее время строятся цѣлые дома изъ камня; но есть еще много строеній изъ сушеной глины, напоминающихъ собою владычество Голландцевъ. Большая часть здѣшнихъ домовъ построена въ одинъ этажъ съ мезониномъ наверху. По наружности нельзя и предполагать объ удобствѣ внутренняго расположенія комнатъ. Онѣ высоки, просторны, и омеллированы не только со вкусомъ, но и съ нѣкоторою щеголеватостію. Немногія комнаты имѣютъ потолки оштукатуренные; больше же частію полы и потолки сдѣланы изъ такъ называемаго Geelhout (желтаго дерева) туземнаго произведенія, которому придаютъ цвѣтъ краснаго дерева. Къ главному фасаду домовъ придѣланы высокія платформы, къ которымъ ведутъ съ улицы каменные ступени. Эти балконы называются по голландски stoeps. На нихъ собираются по вечерамъ всѣ члены семейства, что въ это время придаетъ улицамъ Капштадта чрезвычайно оживленный характеръ. Въ предметяхъ при каждомъ домѣ есть садъ, но въ самомъ городѣ они очень рѣдки. Гостиницы, посѣщаемыя обыкновенно самыми богатыми путешественниками, содержатся Англичанами по образцу англійскихъ гостиницъ, и потому жить въ нихъ довольно дорого, хоть и дешевле чѣмъ въ Англии. Нѣмцы и Французы оказываютъ предпочтеніе гостиницамъ, содержимымъ ихъ соотечественниками и Голландцами, или отдаютъ преимущество другимъ заведеніямъ (boarding houses), устроеннымъ по образцу сѣверо-американскихъ. Эти гостиницы и заведенія не подлежатъ ежегодному обременительному налогу въ 112 ф. стерл., взимаемому правительствомъ съ тѣхъ заведеній, въ которыхъ продаютъ вино, и другіе крѣпкіе напитки, потому-что въ этихъ заведеніяхъ продаютъ одно лишь туземное, впрочемъ довольно вкусное, вино. Для людей недостаточныхъ и неприхотливыхъ устроено множество постоялыхъ дворовъ.

Въ архитектурномъ отношеніи ни одно публичное зданіе не заслуживаетъ вниманія путешественника. Лучшимъ изъ нихъ считается биржа, красивое одноэтажное зданіе, фасадъ котораго украшенъ колоннами и пиластрами. Одинъ изъ его флигелей занятъ библіотекой, которая состоитъ изъ отборныхъ книгъ, дѣлающихъ честь вкусу здѣшнихъ жителей. Она содержится ихъ подпискою, и имѣетъ особую комнату для чтенія, въ которой находятя лучшія англійскія газеты, и періодическія изданія, равно какъ и французскія и нѣмецкія газеты, въ томъ числѣ Revue des deux mondes, Аугсбургская всеобщая газета, Гамбургскій корреспондентъ и ин др. Чужестранцы, пріѣзжающіе въ Капштадтъ на короткое время, пользуются чтеніемъ

книгъ безденежно. По среднѣмъ зданію устроена зала (commercial hall), равномерно открытая чужестранцамъ, въ которой происходятъ публичныя собранія, и гдѣ собраны всѣ Коммерческія газеты Европы и Индіи. Въ другомъ флигелѣ устроено складное мѣсто товаровъ, въ которомъ почти ежедневно производится значительныя продажи съ публичнаго торга. Передъ самымъ зданіемъ биржи простирается продолговатая площадь, обсаженная нѣсколькими рядами жалкихъ сосенъ, и назначаемая для экзерциціи и парадовъ войска. Это мѣсто, лишенное всякой зелени, довольно пусто и мрачно; съ его каменныхъ тротуаровъ, покрытыхъ всегда густымъ слоемъ мелчайшаго песку, поднимаются, при малѣйшемъ вѣтрѣ, цѣлыя облака пыли.

Благосостоянію колоніи вредятъ частыя набѣги и грабежи Каэровъ, производимыя ими съ незапамятныхъ уже временъ; но въ послѣднее время, благодаря содержащимся здѣсь войскамъ, грабежи эти сдѣлались рѣже, и Капштадтъ составляетъ теперь богатѣйшую и цвѣтущую колонію Великобританіи. Господствующая здѣсь вѣра есть пресвитеріанская, введенная еще во времена владычества Голландцевъ. Стоятельство это привлекло сюда множество Шотландцевъ, которые, по свойственному имъ промышленному духу, оживили торговую дѣятельность Капштадта, и содѣлали его какъ бы колоніею шотландскою. По причинѣ вѣротерпимости, вы найдете здѣсь церкви разныхъ вѣроисповѣданій и сектъ. Здѣсь есть также мечети магометанскія, которыя посѣщаются Малайцами и Аравитянами, составляющими значительную часть народонаселенія Капштадта. Готтентоты и другіе негры принадлежатъ къ вѣрѣ языческой. Число жителей Капштадта простирается до 22,000; въ томъ числѣ бѣлыхъ 9,400, а цвѣтныхъ около 12,500. Домовъ построено около 3,000. Изъ числа жителей 14,700 человекъ принадлежатъ къ вѣрѣ христіанской, 6,500 составляютъ послѣдователей ислама, и около 1,000 Евреевъ и язычниковъ.

Домъ, занимаемый губернаторомъ, находится у подножія Столовой горы. Зданіе это не представляетъ въ себѣ ничего особо величественнаго, и очень походитъ на загородный домъ какого-нибудь достаточнаго, англійскаго дворянина. Прилегающій къ нему паркъ содержится очень худо.

Общественныхъ увеселеній въ Капштадтѣ вѣтъ никакихъ. Существовавшій здѣсь театръ, въ которомъ впрочемъ играла только труппа любителей, не удержался, и былъ превращенъ въ квакерскій домъ. Львы, страусы и слоны, содержавшіеся нѣкогда въ резиденціи губернатора, и привлекавшіе толпу любопытныхъ, теперь проданы. Для прогулокъ, осталась только Сто-

ловая гора. По этой причине прибытие корабля возбуждает в жителях Капштадта участие и любопытство в высшей степени; приѣзжимъ они оказываютъ участие и гостеприимство.]]

Всѣ улицы въ Капштадтѣ освѣщены газомъ, хотя, по причинѣ необыкновеннаго луннаго сіянія, освѣщеніе это почти лишнее. Гавань и рейдъ окружены береговыми баттарями и крѣпостію, въ которой находятся провіантскіе и оружейные магазны, и также казармы довольно значительнаго гарнизона. Съ крѣпостнаго вала раздается ежедневно, при восхожденіи и захожденіи солнца, по одному пушечному выстрѣлу. Недалеко отъ крѣпости устроена обширная площадь, обнесенная стѣною, на которой помѣщается рынокъ. Каждое утро, съ разсвѣтомъ дня, открывается здѣсь продажа разныхъ произведеній и припасовъ, подѣ главнымъ наблюденіемъ рыночнаго смотрителя. Онъ утверждаетъ таксу жизненномъ припасамъ, управляетъ аукціонами, и наблюдаетъ вообще за правильнымъ производствомъ торговли. Отъ берега до самаго рейда устроены двѣ деревянныя набережныя, гдѣ пристають корабли, и выгружаютъ товары. Въ пристани находится цѣлая флотилія судовъ, которыя отличаются своимъ изяществомъ, а прочностью своею превосходятъ даже суда англійскія. Гавань не безопасна, и при сильномъ вѣтрѣ сообщеніе между городомъ и кораблями прекращается совершенно. Фарватеръ въ заливѣ представляеть также не больше удобствъ. Иногда при совершенномъ отсутствіи вѣтра или при слишкомъ сильныхъ его порывахъ, корабли принуждены бывають ждать въ открытомъ морѣ нѣсколько дней и даже недѣль, прежде, чѣмъ войдутъ въ рейдъ. Около здѣшнихъ горъ безпрестанно свирѣствуютъ бури, и заливъ усѣянъ печальными памятниками ярости волнъ.

Столовая гора, упоминаемая такъ часто путешественниками, получила названіе свое отъ широкой площади, находящейся на самой ея вершинѣ. Лицевая сторона этой горы, обращенная къ Капштадту, образуетъ крутой обрывъ, и вмѣстѣ по сторонамъ два возвышенія подѣ названіемъ Львиной головы и Чортовой горы, отдѣляющіяся глубокими долинами отъ главной вершины.

Вышина Столовой горы простирается до 3,500 футовъ; вышина же горъ, ее окружающихъ, гораздо менѣе. Кромѣ своей оригинальной формы, она особенно замѣчательна необыкновеннымъ явленіемъ природы, называемымъ Англичанами *скатертью*, а Французами *парикомъ* Столовой горы. На ея поверхность спускаются иногда облака, покрываютъ всю площадь, и маленькими клочками разстилаются по ея покостямъ. Въ то время гора принимаетъ сраннѣй оригинальный видъ, и явленіе вполнѣ за-

служиваетъ названіе ему данное. Появленіе скатерти предзнаменуетъ юговосточный вѣтеръ, который послѣ того и начинаеть буйствовать въ долинахъ и разсѣлинахъ горъ съ ужаснѣйшею силой. Явленіе это взъясняютъ различнымъ образомъ: но надобно кажется приписать это юговосточному вѣтру, безпрестанно наносящему маленькія облака, которыя задерживаются вершиною горы и ея ущеліями. Такого рода явленіе замѣчено также на вершинахъ горъ острова св. Елены и Вознесенія.

Восхожденіе на Столовую гору можетъ быть совершенно двоякимъ образомъ: или дѣлая обходъ чрезъ Винбергъ, находящійся за Столовой горой, или чрезъ ближайшую, хотя и самую крутую, и почти отвѣсно лежащую тропинку со стороны Капштадта. Сопровождаемый нѣсколькими друзьями, я вознамѣрился также взойти на гору, и эта попытка намъ совершенно удалась. Мы шли по направленію маленькаго прозрачнаго ручейка, истекающаго изъ утеса, и снабжающаго Капштадтъ водою. На берегу ручья построены хижины и бѣльищи здѣшнихъ прачекъ, большую частію Негритянокъ и Готтентотокъ, которыя полоסקали полотно, поколачивая его иногда камнями, что конечно не прибавляло прочности тканью. Надъ маленькимъ водопадомъ, почти у самаго истока ручья, восхожденіе дѣлается особенно затруднительнымъ, потому что тамъ приходится перелѣзать черезъ утесы и гранитные обломки, отдѣлвшіеся отъ вершины горы. Безпрерывно существующая здѣсь сырость отъ тумановъ, росы и дождей, производитъ необыкновенную дѣятельность растительной природы. Путешественникъ удивляется, встрѣчая здѣсь среди многихъ совершенно новыхъ и незнакомыхъ ему растений, кактусъ и герань рѣдкой величины, равно какъ и другія дикія растенія, видимыя въ средней Европѣ только въ оранжереяхъ. Чтобы перевести дыханіе, мы останавливались по временамъ на нѣсколько минутъ, и любовались прекраснѣйшимъ сельскимъ видомъ, разстилавшимся почти у самыхъ нашихъ ногъ.

Послѣ двухъ-часоваго путешествія мы достигли наконецъ площади Столовой горы, которую и нашли совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ она намъ представлялась снизу. Покрывающей ее грубый песчаный камень, отъ ударовъ молніи, вездѣ былъ изрытъ и разбитъ самымъ оригинальнымъ образомъ. Во многихъ мѣстахъ образовавшіяся маленькія углубленія наполнены были драгоценною, освѣжительною дождевою водою, которою мы и утолили жажду. Температура воздуха на вершинѣ горы была ниже въ сравненіи съ температурою Капштадта, доходившею при нашемъ отправленіи до 27 град. Цельзіева термометра. Видъ, представившійся намъ съ вершины горы, былъ очарователенъ.

Съ одной стороны мы увидѣли весь Капштадтъ съ его обширными садами и предмѣстями, залитъ съ кораблями, островъ Разбойниковъ, и эту угесистую, обильную горами, береговую линію, круто спускающуюся въ синія волны Атлантическаго океана. Съ другой стороны взоръ нашъ терялся въ необозримыхъ песчаныхъ степяхъ, кое-гдѣ покрытыхъ тощимъ кустарникомъ, и останавливался въ отдаленіи на живописныхъ очертаніяхъ горъ Готтентотской земли.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ пребыванія на вершинѣ горы, мы были внезапно окружены густымъ туманомъ, почти сокрывшимъ отъ насъ дневный свѣтъ, и распространившимъ ледяной холодъ въ атмосферѣ. Это и былъ одинъ изъ тумановъ, называемыхъ скатертью Столовой горы. Хотя въ эту минуту спускаться съ горы было не совсѣмъ безопасно, тѣмъ болѣе, что солнце уже совершенно закатилось, и послѣ короткихъ сумерекъ не замедлила бы наступить и ночь, однакоже мы пустились въ обратный путь, потому что бивуакъ на горѣ безъ шинелей, безъ дровъ для разведенія огня, и при совершенномъ недостаткѣ въ свѣтныхъ припасахъ былъ не слишкомъ привлекателенъ. Когда мы вышли изъ облаковъ, мѣсяцъ въ полномъ сіяніи уже освѣщалъ землю. Руководимые его кроткимъ свѣтомъ, мы стали спускаться по другой тропинкѣ, которая хоть и не представляла болѣе удобствъ, но все-таки была безопаснѣе. Не смотря на лишній обходъ, обратный путь продолжался не долѣе часа. Мы отправились изъ Капштадта въ 3 часа по полудни, а возвратились только въ 9 часовъ вечера.

ПОВѢРЬЯ О СТРЕКОЗАХЪ И ЛЕГЕНДА О ГОЛУБОЙ ПТИЦѢ.

Когда лѣтомъ въ нашихъ долинахъ и нивахъ, покрытыхъ молодой зеленью, раздается цѣлый день, неумолимое пѣніе стрекозъ, мы конечно не воображаемъ, что подлѣ легкую оболочку этихъ маленькихъ насѣкомыхъ живутъ человѣческія души. Ихъ существованіе заключается единственно въ гармоніи пѣнія; они не знаютъ никакихъ другихъ потребностей, не чувствуютъ никогда ни жажды, ни голода.

Правда, что натуралисты ничего не говорятъ о чудесномъ существованіи этихъ привилегированныхъ душъ, такъ что можно и сомнѣваться въ этомъ. Однако это преданіе дошло до насъ отъ Грековъ, живое воображеніе которыхъ любяло облекать все окружающее ихъ поэтическою таинственностію. И хотя Лафонтенъ, который имѣетъ въ этомъ случаѣ большой авторитетъ, противорѣчитъ этому повѣрью въ своей баснѣ, гдѣ стрекоза говоритъ муравью:

Прокорми и обогрѣй!

но вѣроятно эта басня, одна изъ первыхъ, какъ извѣстно каждому, была написана тогда, когда онъ не зналъ Платона и не читалъ исторію стрекозъ, прекрасно изложенную въ Федрѣ.

Сократъ съ молодымъ своимъ другомъ Федромъ разговаривалъ, сидя на мягкой травѣ, возлѣ источника Илсса, въ тѣни цвѣтущихъ деревьевъ, разливавшихъ благоуханіе въ воздухъ, въ прекрасномъ и уединенномъ мѣстѣ, безмолвіе котораго прерывалось только оживленнымъ пѣніемъ стрекозъ. Выслушавъ чтеніе рѣчи оратора Лизіаса о любви, онъ сочинилъ двѣ новыя одну вслѣдъ за другою, въ опроверженіе ему.

Но вотъ наступилъ часъ отдыха—полдень, жаръ котораго предполагалъ ко сну. Сократъ начинаеть разсуждать о формѣ рѣчи Лизіаса, какъ о риторическомъ сочиненіи. Мы теперь ничѣмъ не заняты, сказалъ онъ, слышишь ли, какъ стрекозы, по обыкновенію своему, поютъ и разговариваютъ надъ нашими головами. Будь увѣренъ, что онѣ смотрятъ на насъ, и наблюдаютъ за нами, и если онѣ увидятъ насъ дремлющихъ въ полдень и уступающихъ вліанію ихъ усыпительныхъ голосовъ отъ недостатка умственныхъ занятій, тогда они будутъ имѣть полное право смѣяться надъ нашею лѣнностью, принимая насъ за рабовъ, пришедшихъ въ ихъ убѣжище, чтобъ уснуть возлѣ ручья, подобно овцамъ, отдыхающимъ въ полдень. Но если мы будемъ продолжать нашъ разговоръ, не поддаваясь ихъ заманивающему пѣнію, быть можетъ, они пошлютъ намъ въ награду даръ, которымъ надѣлили ихъ боги, чтобъ раздавать людямъ.

— Какой же это даръ? спросилъ Федръ. Я ничего не слышалъ объ этомъ.

— Однако, сказалъ Сократъ, любителю музъ стыдно не знать этого преданья. Говорятъ, что стрекозы были людьми прежде рожденія музъ. Когда музъ явились на свѣтъ, чтобъ обучать людей искусству пѣснопѣнія, многіе изъ нихъ такъ пристрастились къ нему, что лишились чувствъ и умирали. Послѣ смерти, эти люди были превращены въ стрекозъ, и въ этомъ новомъ видѣ, они получили отъ музъ преимущество, никогда не имѣть надобности въ пищѣ. По этому и говорятъ, что стрекозы не ѣдятъ, не пьютъ, а поютъ отъ самаго дня рожденія до конца жизни, потомъ возвращаются къ музамъ и разсказываютъ имъ, кто изъ людей почитаетъ каждую изъ нихъ.

Если кто послѣ этого разсказа не повѣритъ чудесному происхожденію стрекозъ и ихъ сношеніямъ съ священнымъ хоромъ музъ, то я не имѣю другихъ убѣжденій, чтобъ доказать

достоверность этого разсказа. Но даже принявъ его за сказку, и тогда можно восхищаться прекраснымъ вымысломъ и удивляться высокой нравственной идее, приданной ему Сократомъ. Онъ такъ удачно умѣлъ соединить народныя религиозныя вѣрованія съ своими высокими понятіями о Богѣ, око котораго видятъ поведеніе людей, проникаетъ ихъ мысли, такъ что они должны стараться избѣгать зла, будучи всегда въ присутствіи строгаго судьи ихъ поступковъ.

Греческое повѣрье о людяхъ, пристрастившихся къ пѣснопѣнію до такой степени, что перестали чувствовать тѣлесныя потребности, мнѣ напоминаетъ другое, котораго происхожденіе менѣе отдаленно — это нѣмецкая легенда о голубой птицѣ.

Въ одно утро монахъ Феликсъ вышелъ изъ своего монастыря, и гуляя въ сосѣднемъ лѣсу, услышалъ пѣніе маленькой птички, которое его восхитило. Это было въ прекрасный весенній день; лучи солнца проникали сквозь пробивавшуюся зелень деревьевъ; земля только что покрылась новыми цвѣтами; воздухъ былъ теплый и ароматный. Птичка продолжала пѣсно, монахъ остановился, чтобъ ее слушать. Это были звуки удивительной гармоніи, аккорды невыразимой прелести, и какъ будто для аккомпанированья этой мелодіи, со всѣхъ сторонъ подымался шумъ увлекательной пріятности. Никогда онъ не слышалъ такого восхитительнаго концерта: музыка органа въ монастырской церкви была ничто въ сравненіи съ этимъ неопостижимымъ пѣніемъ, которое онъ слушалъ, лежа на густой травѣ, подъ сводомъ небеснымъ, въ срединѣ лѣса. Онъ слушалъ, все слушалъ и не могъ наслушаться. Однако уже стало поздно; Феликсъ рѣшился возвратиться въ монастырь; но, къ удивленію его, когда онъ пришелъ туда, онъ не узналъ привратника и привратникъ не узналъ его, и не позволялъ ему войти. Между ними завязался разговоръ; другіе монахи собрались на ихъ голоса; новое удивленіе: всѣ лица были ему незнакомы. Тогда, по его просьбѣ, повели его къ настоятелю, который уже былъ дряхлымъ старикомъ, однако онъ вспомнилъ, что былъ прежде монахъ по имени Феликсъ, и припомнившая черты лица его, онъ находилъ между ними сходство. Отыскали старыя монастырскіе реестры, Феликсъ точно былъ записанъ сто лѣтъ тому назадъ; онъ слушалъ все пѣніе голубой птицы.

Различіе характеровъ этихъ двухъ сказокъ выражаетъ различіе народнаго гевія Грековъ и Нѣмцевъ. Продолжительное созерцаніе, которому предается монахъ нѣмецкой легенды, есть то состояніе безконечной мечтательности, въ которомъ душа,

забывая самоѣ-себя, дѣлается игролищемъ чувствъ и воображенія. Она пребываетъ безъ движенія, безъ мысли, безъ стремленія къ небу, погруженная, и какъ бы уничтоженная въ наслажденіи земною красотою видимаго міра.

Напротивъ, въ греческомъ преданіи, пѣснопѣнія музъ, которыя обучаютъ первыхъ людей поэзіи и философіи, были для нихъ, утѣшительнымъ указаніемъ ихъ происхожденія. Красоты невидимаго, небеснаго міра, пржняго ихъ отечества, воспоминаніе котораго даже изгладилось изъ ихъ памяти, становилось для нихъ доступно. Душа, какъ будто озаренная свѣтомъ, могла видѣть прошедшее, понимать то блаженство, которымъ наслаждалась прежде. Оставляя все земное, она ощущала тогъ божественный восторгъ, который доступенъ только тогда, когда вполне предаешься гевію музъ, то есть поэзіи и философіи.

Вотъ, по мнѣнію Платона, толкованіе этого народнаго мифа полу-религознаго, полу-философическаго, который выражаетъ съ удивительною поэзіею блаженство людей, посвятившихъ себя музамъ, то есть, стремящихся къ мудрости и къ познанію прекраснаго и истинаго.

Это поэтическое преданіе и уваженіе къ стрекозамъ должно бы долѣе сохраниться, и если бы Сократъ возвратился теперь на нашу землю, и увидѣлъ бы философскія системы нашего времени, и стихи нашихъ поэтовъ, онъ сказалъ бы, что стрекозы, забытыя и презрѣнныя нами, пожаловались музамъ, которыя въ отмщеніе отняли у людей даръ вдохновенія и свѣтлыхъ мыслей.

Орлиное гнѣздо. *Разсказъ изъ путешествія графини Бассанвилль.* Я путешествовала по горной Шотландіи въ обществѣ молодыхъ и веселыхъ художниковъ. Проѣхавши между овраговъ, рывинъ и пропастей по-крайней-мѣрѣ три мили, мы достигли наконецъ до небольшой деревеньки, находящейся при вѣздѣ въ долину *Гленъ-Орчи* и остановились въ единственной тамъ гостиницѣ. Это было въ воскресенье утромъ. Хозяйка гостиницы была прекрасна собой, чрезвычайно жива, проворна и услужлива. Она напомнила намъ собою милую Шотландку изъ *Dame Blanche*, и мы, въ ожиданіи завтрака, стали напѣвать арии изъ этой оперы. Мы недолго ждали. Менѣе чѣмъ въ четверть часа, чайникъ уже кипѣлъ, и превосходный чайный приборъ, какаго мы никакъ не ожидали найти въ такой маленькой деревенькѣ, стоялъ на столѣ, покрытомъ тонкою бѣлою скатертью. Кромѣ того намъ подали свѣжее масло, медъ, превосходный компотъ изъ мелкихъ плодовъ, копченую рыбу и варенныя яйца—необходимую принадлежность

богатаго шотландскаго завтрака. Въѣсть съ этимъ, по шотландскому обыкновенію намъ принесли сухія лепешки изъ овсяной муки, которыя для бѣдныхъ людей въ Шотландіи замѣняютъ хлѣбъ, и въѣсть съ картофелемъ составляютъ единственную ихъ пишу.

Во время нашего завтрака, мы заставляли говорить нашу хозяйку, и забавлялись ея веселыми разсказами. Она была еще очень молода и только два года замужемъ, и имѣла прелестнаго ребенка нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ продолженіе нашего веселаго разговора, мы вдругъ услышали звонъ колокольчика; въ скоромъ времени открылась дверь, и въ комнату вошла пожилая женщина.

— Не соберешься ли ты къ обѣди, Молли, сказала она: ты знаешь, что нашъ добрый пасторъ сердится на тебя за то, что ты не исполнишь своихъ религіозныхъ обязанностей; я ему обѣщала привести тебя сегодня въ церковь.

— Я теперь не могу отлучиться изъ дому, матушка, отвѣчала Молли; вы видите, что у меня гости, а мужъ еще не возвратился.

— Это только отговорка, возразила съ важнымъ видомъ старая крестьянка; эти господа сами хорошіе христіане, прибавила она, слегка поклонясь намъ: и вѣрно не захотятъ помѣшать тебѣ исполнить твои обязанности; да и домъ-то твой Богъ лучше сбережетъ, чѣмъ ты сама. Берегись, Молли, и бойся разгнѣвать Его: кто уклоняется отъ заповѣдей Божіихъ, тотъ заслуживаетъ весь Его гнѣвъ!...

Молли надула губки, что ей было чрезвычайно къ лицу, и рѣшительно отказалась слѣдовать за матерью.

Когда старая поселанка удалась, мы узнали отъ нашей хозяйки причину, по которой она такъ рѣшительно отказывалась слѣдовать за матерью. Мужъ велѣлъ ей въ этотъ день убрать сѣно, и она хотѣла это сдѣлать поутру, чтобы вечеромъ быть свободной, и имѣть возможность участвовать въ сельскомъ праздникѣ.

— Вы понимаете, прибавила она: что я не могла объ этомъ сказать матушкѣ.

Окончивъ нашъ завтракъ, мы расплатились съ Молли, и представили ей свободу убирать сѣно, а сами пошли въ церковь, куда звонъ колокола не переставалъ съзывать вѣрныхъ. Вскорѣ представилась глазами нашимъ небольшая, но красивой наружности, часовня, окруженная остатками древнихъ стѣнъ. Всѣ крестьяне изъ деревни, и изъ окрестныхъ фермъ, собрались слушать проповѣдь. Стоя передъ дверьми часовни, они дожидались па-

стора, который появился между ними чрезъ нѣсколько минутъ, и, приветливо улыбаясь, пожимая руки прихожанамъ, и говорилъ съ ними ласково и простосердечно. Вотъ начинается священнодѣйствіе, и набожное пѣніе возносится къ Предвѣчному. Но посреди молитвы раздается вдругъ пронзительный крикъ, и всѣ поселане, даже самъ пасторъ, оставляютъ церковь, чтобы спѣшить на этотъ призывъ отчаянія. Сердца всѣхъ поражены ужасомъ, глаза обращены къ небу!... Надъ ними медленно парилъ величественный орелъ, широко распустивъ могучія свои крылья, и бросая какъ будто взоръ презрѣнія на толпу людей, собравшихся недалеко отъ его жилища. Этотъ орелъ, гордость и ужасъ кантона, извѣстенъ былъ каждому горцу. Всѣ съ безпокойствомъ указывали на его неприступное гнѣздо на вершинѣ скалы, скрытой въ облакахъ, куда онъ переносилъ молодыхъ ягнятъ, похищаемыхъ имъ на пастбищахъ. Но теперь онъ уносилъ ношу въ тысячу разъ драгоценнѣе.

Неосторожная Молли положила своего ребенка на грудь сѣна, чтобы прилежитъ заняться своей работой. Орелъ похитилъ невинное твореніе; его когти вцѣпились въ пеленки, которыми былъ обвитъ малютка, и онъ уносилъ его въ свое гнѣздо.

Небольшое пространство отдѣляло церковь отъ подошвы скалы; дорога шла туда между обломками утесовъ и быстрыми потоками, посреди болотъ и густыхъ кустарниковъ.

Всѣ поселане побѣжали къ скалѣ съ неимоверною быстротою, и съ ужасомъ увидѣли то мѣсто, куда орелъ положилъ свою добычу. Онъ сидѣлъ неподвижно на краю крутаго утеса подлѣ своей самки, откуда смотрѣлъ на это множество озабоченныхъ людей, которые походили на муравьевъ, встревоженныхъ разрушеніемъ ихъ муравейника.

Есть въ жизни минуты, въ которыя всякій человекъ, даже самый могущественный, чувствуетъ ничтожество своей гордости.

— Слабыя мы творенія! воскликнулъ съ чувствомъ старый пасторъ, что значатъ наша сила и нашъ умъ? Что можемъ мы сдѣлать въ подобную минуту?... молиться и ничего болѣе.

Слова эти сильно подѣйствовали на толпу. Всѣ бросились на колѣни, и усердная молитва, молитва полнаго упованія на благость Божію, вознеслась къ небу... Одинъ Богъ могъ спасти несчастнаго младенца.

До этихъ поръ никто не думалъ о несчастной матерп. Сидя на обломкѣ скалы, Молли смотрѣла на орловъ машинально, безъ всякой мысли. Но вдругъ, какъ будто вдохновенная сверхъестественной силой, она бросается къ скалѣ; терновники, за

которые она зацѣпляется, кучи камней, преграждающихъ ей путь, не удерживаютъ ея стремленія. Она прокладываетъ себѣ дорогу, взбирается по скользкимъ крутизнамъ и достигаетъ высоты, на которую не всходилъ ни одинъ охотникъ, гоняясь за серной.

— Неужели ни отъ кого нельзя ожидать помощи? въ слезахъ воскликнули поселанки: неужели никто не рѣшится послѣдовать за бѣдною Молли, чтобъ спасти ее и помочь сойти со скалы?

Тогда человекъ высокаго роста, съ загорѣлымъ отъ солнца лицомъ, и съ черными густыми волосами, вышелъ изъ толпы: это былъ Яковъ Аддисонъ, самый храбрый изъ всѣхъ матросовъ. Онъ уже нѣсколько разъ, во время сраженія, отличался въ схваткахъ съ непріятельскими кораблями, бросаясь первымъ на бордажъ. На бурномъ морѣ, посреди высокихъ валовъ и завыванія бури, для него было забавой взбираться на самыя высокія мачты, и качаться на ихъ вершинахъ. Поселанки съ восторгомъ приняли его готовность послѣдовать за несчастной матерью, которая продолжала свой трудный путь почти безъ отдыха, помышляя только о спасеніи единственнаго сына. Никто не могъ рассмотреть, на что она опиралась ногами, и за что цѣплялись ея руки. Но Богъ, въ Своей безконечной благодати, послалъ ей ангела хранителя младенцевъ, который невидимо парилъ вокругъ нея, удерживалъ зыблющійся подъ ея ногами камень, и давалъ крѣпость слабымъ растеніямъ, за которыя хваталась она трепетными руками. Глаза всѣхъ были обращены на Якова Аддисона, который, чтобъ сократить путь, съ удивительною быстротою перепрыгивалъ черезъ кучи камней, огромные пни, и черезъ широкія разсѣлины. Онъ уже совершилъ половину пути, но огромная, почти отвѣсная, и съ гладкой поверхностью скала остановила его предпріятіе. Когда онъ пытался вскарабкаться на нее, ноги его поскользнулись, и развертая подъ нимъ бездна поглотила бы его, если бы обломокъ скалы, по счастью, не удержалъ его стремительнаго паденія. Первый разъ въ жизни Яковъ Аддисонъ вздрогнулъ и съ ужасомъ закрылъ лицо руками. Въ долину поняли его уныніе; надежда угасла въ сердцахъ поселанъ, и горестные крики снова раздались между горами. Они уже болѣе не сомнѣвались въ гибели бѣдной Молли, которую только материнская любовь и твердое упованіе на Бога поддерживали на этомъ ужасномъ пути.

Наконецъ Молли приблизилась къ цѣли!... Страшный шумъ окружаетъ ее, бѣглыя тѣни парятъ надъ нею. Это орлы, разъяренные тѣмъ, что у нихъ хотятъ отнять ихъ добычу. Они вьются вокругъ нея и волнуютъ своими крыльями воздухъ, ко-

торымъ дышетъ несчастная. Молли видитъ ихъ сверкающіе глаза, согнутые клѣвы, окровавленные когти, и считаетъ себя погибшею. Но... новое чудо! вѣрное доказательство покровительства Бога! — Тайный страхъ овладѣваетъ кровожадными птицами. Онѣ съ пронзительнымъ визгомъ отлетаютъ въ сторону, и, прижавшись другъ къ другу, садятся на пень сломаннаго дерева, висящаго надъ пропастью, глубиною болѣе пятисотъ футовъ, и устремляютъ изумленные свои взоры на волны потока, который бушуетъ въ глубинѣ.

Трепещущая, волнуемая, въ одно и то же время, радостью и скорбью, отчаяніемъ и надеждою, Молли бросается къ гнѣзду орловъ и находитъ своего сына... несчастнаго малютку, на ложѣ изъ окровавленныхъ костей, посреди остатковъ разтерзанныхъ животныхъ. Пеленки, которыми онъ былъ обвитъ, предохраняли его, по счастью, отъ жестокихъ когтей его похитителя, и онъ спалъ сномъ ангела.

Увидѣвъ его, счастливая мать упала на колѣни и вознесла къ небу взоръ, въ которомъ выразилась вся безиредельность любви и благодарности Всевышнему... Сынъ ея живъ!... она задыхается отъ радости, и въ минуту остается погруженная въ этотъ восторгъ блаженства; потомъ, взявъ сына къ себѣ на руки, она прижимаетъ его къ сердцу и проливаетъ обильныя слезы. Тогда нервическій кризисъ, который придавалъ Молли сверхъестественную силу, оставляетъ ее. Бѣдная женщина дышетъ о возвращеніи и съ отчаяніемъ помышляетъ объ опасностяхъ пути; она трепещетъ не за себя, но за свою драгоценную ношу.

— Боже! восклицаетъ она: Ты, который поддерживалъ меня до сихъ поръ, не оставь меня и теперь, и не дай погибнуть моему бѣдному малюткѣ. Безъ твоей помощи мнѣ никогда не сойти съ этого утеса, безъ Тебя мнѣ никогда не видать ни моей матери, ни моего мужа! Боже, Боже мой! скались надъ нами! Послѣ этой молитвы, которая вылилась прямо изъ сердца, Молли хочетъ спуститься со скалы, но силы ея измѣняются. Духъ ея, утомленный страданіемъ и сильными впечатлѣніями, не можетъ оживиться надеждою. Она смотритъ вокругъ себя и съ трепетомъ отступаетъ назадъ. Передъ ней скатъ крутаго утеса, скалы и пропасти; внизу, толпа людей едеа примѣтныхъ, волнующихся и бѣгающихъ туда и сюда. Это ея друзья, родные и сосѣди, которые любятъ ее, жалѣютъ объ ней, но, какъ творенія безсильныя, не въ состояніи ей подать руку помощи.

Молли въ отчаяніи, не знаетъ, на что рѣшиться... но Богъ, по несповѣдимой благодати Своей, посылаетъ ей средство къ из-

бавленію. Посмотрѣвъ внизъ, она замѣчаетъ, что огромное дерево съ корнями вырвалось изъ скалы, увлекло за собой гравитные осколки и кустарники, и, скатившись на довольно большое пространство, остановилось. При этомъ зрѣлищѣ, которое она для себя считаетъ указаніемъ неба, она быстро встаетъ, платкомъ прихватываетъ къ себѣ ребенка и, съ полу-закрытыми глазами, спускается по проложенному упавшимъ деревомъ пути. Проходитъ нѣсколько секундъ, которыя отважной Молли кажутся вѣками, какъ небольшой холмикъ удерживаетъ наконецъ ея паденіе. Отдохнувъ короткое время, она воодушевляется новымъ мужествомъ и рѣшается спуститься далѣе. Она чувствуетъ, что ужасная быстрота увлекаетъ ее къ низу и въ отчаяніи хватается за колючій терновникъ, за мохъ, за каждую травку для того, чтобы хоть сколько-нибудь останавливать быстроту своего паденія. Въ довершеніе ужаса она замѣчаетъ, что отрывавшіеся отъ скалы камни скатываются внизъ, и паденіемъ своимъ не производятъ никакого шума. Она считаетъ себя на дорогѣ въ бездну, и въ отчаяніи не замѣчаетъ въ первую минуту, что гряда камней, встрѣтившихся на ея пути, остановила ея паденіе. Олюмнившись, она чувствуетъ въ себѣ новую бодрость, лучъ надежды прокрадывается въ ея сердце, и она мысленно вручаетъ сына подлѣ покровъ пресвятой Богородицы, заступницы несчастныхъ и угнетенныхъ. Въ надеждѣ на скорое избавленіе отъ опасности, она дѣлаетъ послѣднее усиліе, и достигаетъ наконецъ надежной опоры. Но и тутъ опасность еще не миновалась. Со всѣхъ сторонъ она была окружена пропастями, и не знала, куда направиться ей. Случай вывелъ ее и изъ этого затруднительнаго положенія. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, она увидѣла козу, и, руководимая ею, добралась наконецъ до того мѣста горы, которое хотя было и не безопасно, но все таки доступно для человѣка. Въ скоромъ времени она услышала голоса, и Яковъ Аддисонъ съ другими поселянами предсталъ предъ ней, и на рукахъ снесла ее въ долину.

Нельзя себѣ представить удивленія и восторга поселантъ, при видѣ счастливой матери и ея сына, забывшихся отъ опасности. Чудесное избавленіе ея они приписывали заступничеству Того, который одинъ располагаетъ нашею жизнью и проливаетъ въ сердца наши радость, надежду и утѣшеніе.

— Возблагодаримъ Господа Бога! воскликнулъ пасторъ, и всѣ воспѣвали за нимъ въ церковь, и въ хвалебномъ гимнѣ къ Предвѣчному выразили всю безпредѣльность своей благодарности.

Восемь лѣтъ спустя, случай привелъ меня опять въ горную

Шотландію. Любопытствуя увидѣть Молли, я парочно поѣхала въ долину Гмень-Орчи, гдѣ нашла ее окруженною большимъ семействомъ и по прежнему счастливою. Случай, бывшій съ ея старшимъ сыномъ, научилъ ее быть внимательнѣе къ своимъ священнымъ обязанностямъ. Поведеніемъ своимъ она приобрѣла любовь и уваженіе своихъ сосѣдей, и мѣстный пасторъ приводилъ ее въ примѣръ благочестія и набожности молодымъ женщинамъ. Старшій сынъ ея надѣленъ отъ природы счастливыми способностями; въ память чудеснаго его избавленія, горцы прозвали его *орломъ*, а въ семействѣ онъ слыветъ подлѣ именемъ *ангела*.

ОСНОВАТЕЛЬ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХЪ ДОМОВЪ ВО ФРАНЦІИ.

Прекрасныя качества сердца не зависятъ ни отъ рожденія, ни отъ случая; богатые и бѣдные, большіе и малые, каждый можетъ имѣть ихъ, потому-что это благодатный даръ Провидѣнія. Этотъ даръ облагородилъ и хижину бѣдняка Винцента-де-Поля. Этому-то бѣдняку принадлежитъ честь учрежденія тѣхъ заведеній, которыя оказались впоследствии столь полезными для человѣчества.

Сенъ-Винцентъ-де-Поль, имя котораго нельзя произнести безъ умиленія, родился 1576 года, въ деревушкѣ де-Пуи, отъ родителей безызвѣстныхъ, которые сперва заставляли его пасти стада.

Изъ всѣхъ добродѣтелей, за которыя благословляютъ его память, главная—любовь къ бѣднымъ. Можно сказать, что состраданіе родилось съ нимъ. Хлѣбъ его, даже платя его не принадлежали уже ему, когда онъ встрѣчалъ несчастнаго. Но кромѣ доброты сердечной, въ немъ были и другія прекрасныя качества. Проницательность его ума поразила его родителей, и эти бѣдные люди рѣшились дать ему воспитаніе. Ему было тогда двѣнадцать лѣтъ. Онъ былъ посланъ въ Даксъ, гдѣ получилъ школьное образованіе. Оттуда онъ перешелъ въ Тулузу, гдѣ онъ въ 1600, принялъ священный санъ.

Съ этого времени, жизнь Винцента-де-Поля была не что иное, какъ длинная цѣпь добрыхъ дѣлъ. Но въ самомъ началѣ его поприща, ему предлежало испытаніе. Небольшое наслѣдство призвало его въ Марсель; судно, на которомъ онъ возвращался оттуда въ Нарбонну, попало въ руки Турковъ. Онъ былъ въ плѣну въ Тунисѣ подлѣ властію четырехъ перемѣнныхъ хозяевъ, изъ которыхъ послѣдняго обратилъ въ христіанство. Хозяинъ этотъ былъ ренегатъ, который оставилъ свою вѣру съ цѣлю получить свободу, и женился на магометанкѣ. Эта женщина съ удивленіемъ замѣтила покорность судьбѣ и кротость сво-

его плѣнника; и такъ какъ она догадывалась, что это невозможное спокойствіе духа должно происходить отъ необыкновенной силы души, то дѣлала Винценту множество вопросовъ о христіанской вѣрѣ. Однажды она приказала ему пѣть хвалебныя пѣсни христіанскому Богу. При этомъ неожиданномъ приказаніи, онъ тотчасъ вспомнилъ печальный отвѣтъ израильскихъ изгнанниковъ, какъ и онъ, изъ родной стороны: «Какъ намъ пѣть хвалы Господу въ чужбинѣ.» Мысль эта и слезы, которыя она исторгла у него изъ глазъ, не помѣшали однакожъ начать псаломъ: «На рѣкахъ вавилонскихъ.»

Послѣ пѣнія этого псалма и нѣсколькихъ другихъ, которыми магометанка была истинно растрогана, Винцентъ рѣшился объяснить ей величіе и превосходство христіанской религіи. Эта женщина возвратилась къ себѣ, исполненная удивленія и восторга отъ всего, что она слышала. Не думая о послѣдствіяхъ, она рассказала все слышанное ею отъ Винцента своему мужу, и искренно замѣтила ему, что онъ очень худо сдѣлалъ, оставивъ свою религію; и ей кажется, что отъ Бога христіанъ не должно отступать. Это противорѣчіе, казалось, долженствовало раздражить ренегата. Но, если можно оставить свое первое званіе, нельзя заглушить голосъ совѣсти. Отступникъ не отвѣчалъ ничего. На другой день, онъ со своей стороны открылся Винценту; и увѣрилъ его, что онъ съ радостію воспользуется первымъ случаемъ убѣжать съ нимъ. Счастливая минута настала, господинъ и его невольникъ отправились на маленькой лодкѣ, поручивъ себя небесному покровительству. Богъ благословилъ ихъ бѣгство, и вскорѣ они прибыли въ Авиньонъ. Такимъ образомъ Винцентъ-де-Поль возвращенъ былъ своему отечеству, послѣ двухъ-лѣтняго плѣна.

Вице-Легатъ Авиньона, къ ногамъ котораго ренегатъ пришелъ повергнуть свое примпреніе съ Церковью, возымѣлъ особенное почтеніе къ Винценту, и привезъ его съ собою въ Римъ. Этотъ человекъ былъ вездѣ на приличномъ мѣстѣ, потому-что онъ былъ справедливъ какъ къ себѣ, такъ и къ другимъ, и никогда не кривилъ душой. Онъ былъ уважаемъ и любимъ всѣми, потому-что онъ того стоилъ. По истеченіи двухъ лѣтъ, французскій посланникъ, умѣвшій его оцѣнить, возложилъ на него важное порученіе къ Генриху IV, который и удержалъ его при себѣ.

Генрихъ IV скоро умеръ; но благородная рука Беарне пожалала руку Винцента и Людовикъ XIII назначилъ Винцента аббатомъ монастыря Сентъ-Леонардъ-де-Шолицъ. Маргарита де-Валуа захотѣла имѣть его своимъ духовникомъ. Но Винцентъ, сердцемъ при-

зываемый къ бѣднымъ, не замедлилъ отказаться отъ этой обязанности, которую сперва онъ взялъ на себя. Скоро опъ показалъ, какъ онъ былъ способенъ къ этому роду службы. Онъ посѣщалъ больныхъ, утѣшалъ несчастныхъ, помогалъ немощнымъ, старался поддерживать миръ въ семействахъ.

Въ 1613 году, по просьбѣ одного кардинала, своего друга, Винцентъ оставилъ свою паству и сдѣлался домашнимъ наставникомъ въ домѣ Эммануеля-де-Гонди, графа Жуаньи. Благочестивый кардиналъ былъ увѣренъ, что прихѣръ святаго мужа принесетъ обильнѣйшіе плоды посреди роскоши и блеска большаго свѣта. Онъ не обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Сдѣлавшись застольнымъ собесѣдникомъ богачей и счастливецъ вѣка, Винцентъ-де-Поль вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлался провидѣніемъ бдѣльныхъ. Съ тѣхъ поръ онъ началъ приводить въ дѣйствіе свои благочестивыя намѣренія, учрежденіемъ многочисленныхъ благотворительныхъ и полезныхъ заведеній.

Онъ учредилъ сперва общество миссіонеровъ, которыхъ было назначеніе заботиться о образованіи крестьянъ, приготовляя молодыхъ священниковъ для отправленія ихъ званія, для проповѣданія Евангелія въ странахъ невѣжества и стараться подавать помощь и выкупать плѣнныхъ отъ варваровъ. Въ 1633 году, Винцентъ принялъ начальство надъ монастыремъ Св. Лазаря и назвалъ миссіонеровъ *лазаристами*.

Въ эту эпоху, Винцентъ-де-Поль основалъ монастырь Сестеръ милосердія, которыя посвятили себя вспомоствованію бѣдныхъ больныхъ.

Но главнымъ предметомъ его попеченій была судьба дѣтей незаконнорожденныхъ, которыя въ то время, часто теряли жизнь, прежде чѣмъ ее узнавали, или жили, чтобы испытывать всю ея жестокость. Винцентъ-де-Поль давалъ сначала пужную сумму для содержанія двѣнадцати этихъ несчастливцевъ; скоро его сострадательность сыскала помощь для всѣхъ тѣхъ дѣтей, которыхъ находили при церковныхъ дверяхъ; но это первое усердіе, возбуждаемое всегда новымъ учрежденіемъ, скоро охладѣло, способности совершенно уничтожились. Винцентъ не унывалъ; онъ велѣлъ принести въ церковь Св. Лазаря большое число этихъ бѣдныхъ дѣтей чуть-чуть дышавшихъ на рукахъ сестеръ милосердія, и взоидя тотчасъ на каедру, провзнесъ, со слезами на глазахъ слѣдующее воззваніе:

«Состраданіе и христіанская любовь понудили васъ усыновить этихъ малютокъ. Вы были имъ матерями по благодати Божіей, съ тѣхъ поръ, какъ матери ихъ оставили. Захотите ли вы ихъ бросить навсегда? Въ эту минуту сложите права матерей,

чтобы быть судьями: жизнь ихъ и судьба въ вашихъ рукахъ. Я хочу немедленно собирать голоса. Уже время произнести приговоръ и рѣшить навсегда, хотите ли вы имѣть къ нимъ милосердіе. Вотъ они передъ вами! они будутъ жить, если вы будете о нихъ христіански заботиться; но если вы ихъ покинете, они завтра же умрутъ всѣ.» Отвѣтомъ на это горячее воззваніе были слезы умиленія и богатыя приношенія; и въ тотъ же день, въ тотъ же часъ, въ той же церкви, въ Парижѣ былъ основанъ единогласно Воспитательный Домъ.

Сень-Винцентъ-де-Поль присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ Людовика XIII. Царствовавшая королева Анна Австрійская, которая среди величія стумбѣла отличить смиренныя добродѣтели Винцента, назначила его членомъ Совѣстнаго Суда. Въ теченіе десяти лѣтъ онъ былъ начальникомъ этого совѣта, онъ посвящалъ въ священники только тѣхъ, которыхъ казались ему достойными. Онъ умеръ 27 Сентября 1660, 85 лѣтъ отъ роду, почитая себя самымъ ничтожнымъ и бесполезнымъ человѣкомъ въ мірѣ.

КРАСНО-ДЕРЕВЯЯ ЛѢСА. Красное дерево растетъ въ Сѣверной Америкѣ и называется, по справедливости, великаномъ лѣсовъ Нового Свѣта. Листъ краснаго дерева мягкой, самое дерево растетъ прямо и скоро, и въ 80 лѣтъ достигаетъ совершеннаго возраста, паровнѣ съ нашею елью, осиною и березою; вершина его бываетъ суковата, середина совершенно здоровая, безъ всякой дупловатости; въ отрубѣ оно достигаетъ до 30 верш. въ толщину. Эти породы деревъ произрастаютъ болѣе на самыхъ неплодосныхъ скалахъ, каменныхъ горахъ, въ ущельяхъ и на самой дурной почвѣ. Длинные корни ихъ расходятся далеко, во внутренность горъ, гдѣ въ иныхъ мѣстахъ они поддерживаютъ огромные камни и скалы, а въ другихъ, напротивъ, производятъ значительное разрушеніе. Если бы жители рубили лѣса эти съ разборомъ, не кидали бы вершинъ, заглушающихъ молодую поросль, обрабатывали валежникъ и корни для торговли, въ такомъ случаѣ Европа, для своей роскоши нашла бы болѣе средства, и не платила бы такъ дорого за красное дерево для мебели. Но промышленники поступали такъ неосторожно и безъ разчету, что до 1789 года на островахъ Сень-Доминго и Ямаикѣ уже не оставалось лѣсовъ этого рода и покупатели съ своими требованіями должны были обратиться въ испанскую Америку. Эта страна, со временемъ, должна была ожидать той же участи, какъ Доминго и Ямайка, потому-что невѣжество жителей и незнаніе производить правильную рубку

едва было совѣмъ не истребили этихъ лѣсовъ. Одна Англія приобрѣла изъ этихъ странъ, въ 1829 году, болѣе 24,000 толстыхъ обрубокѣвъ, длиною каждый въ 2 арш. 2 верш. на нашу мѣру, изъ которыхъ, однакожъ, часть, черезъ торговля руки жителей Лондона, поступила и въ прочія европейскія земли. Но нынѣшнѣшнѣе приобрѣтеніе краснаго дерева производится уже совершенно по другой системѣ: начали преимущественно обращаться къ валежнику и корнямъ, обходя по возможности растущія деревья. Сперва разсылаютъ сыщиковъ, для открытія пней въ каменистыхъ горахъ и скалахъ, которыя, возвышаясь надъ обширными лѣсами Америки, манятъ къ себѣ радостнаго промышленника. При удачномъ открытіи этой добычи, посланные поступаютъ съ большою осторожностію, они стараются скрыть свои слѣды, прокладываютъ тропинки въ совершенно противоположную сторону и возвращаются уже другими дорогами, чтобы этимъ обманчивымъ слѣдомъ скрыть свою находку отъ другихъ сыщиковъ. Когда же настанетъ время работы, на мѣста рубки отираются человѣкъ 50 или 60. На удобномъ мѣстѣ, преимущественно на берегу рѣки, устраиваютъ они жилища свои, потомъ занимаются охотою и заготовленіями припасовъ для продовольствія; послѣ этого, отыскиваютъ мѣсто для пристани и складки вырубленнаго лѣса; когда, по близости, нѣтъ судоходной рѣки и товаръ долженъ отправляться сухимъ путемъ, дороги къ мѣстамъ слава выстилываютъ мхомъ, листьями и хворостомъ, и такимъ образомъ скатъ лѣсовъ производятъ къ пристани. Окончивъ эту работу, приступаютъ къ другой, еще болѣе затруднительнѣйшей, если вовсе нѣтъ водянаго пути: устраиваютъ дороги отъ сказанной пристани, по которымъ надлежитъ приступить къ возкѣ лѣсовъ; эта работа самая затруднительная, дорога идетъ черезъ пропасти и ущелья, нужно устроить крѣпкіе мосты, которые бы устояли подъ тяжестью, завалить болота и топи. Красное дерево бываетъ разныхъ родовъ, узора мраморнаго, струистое, гладкое и т. д. Тотчасъ по выдѣлкѣ бываетъ оно оранжевое, потомъ постепенно краснѣетъ, а тамъ начинаетъ чернѣть.

КОНСТАНТЬ И ВРЕГЕНЦЪ. Изъ путевыхъ писемъ Марлье.

Я проѣхалъ Швейцарію съ тяжкимъ чувствомъ. Возвращаясь къ этимъ высокимъ горамъ, я мечталъ о проповѣди Грюгеля, о Вильгельмѣ Телѣ, о Винкельриелѣ, и увидѣлъ во всѣхъ городахъ портреты Штейгера, выставленный въ окнахъ лавокъ. Я вспоминалъ восторженныя религіозныя лѣсни геройскихъ дѣйствій древней Гельвеціи, и слышалъ, какъ раздавался шумъ похода

милиции. Бѣдственныя страсти раздѣляютъ нынче эти города, эти кантоны, которые прежде братски соединялись при звукѣ урийскаго рога, для защиты родной земли и поддержанія общественнаго благоустройства. Гроза раздавалась вездѣ, и вездѣ бѣдственное смущеніе волновало умы. Если бы Байронъ могъ полюбоваться еще на свой свѣтлый тихій Леманъ, увы! ропотъ этого поэтическаго озера уже не отозвался бы ему сладкимъ голосомъ сестры. Гроза, ужаснѣе грозы небесной, опустошила Гельвецію. Въ нѣсколько мѣсяцовъ, кантонъ Водъ, этотъ садъ Швейцаріи, сдѣлался зрѣлищемъ ужасныхъ смуть. Нѣсколько мѣсяцевъ демократическая лихорадка потрясала общества. Нѣтъ болѣе, восклицали демагоги, преимуществъ, познаній и добродѣтели! Познаніе имъ кажется бесполезной роскошью, а добродѣтель ненавистна имъ. Прочь академіи, гдѣ учатъ человѣческимъ наукамъ! Истинная паука находится въ памфлетахъ плебеявъ! Храмы, гдѣ проповѣдуютъ Божій законъ, разрушены!

До чего дойдетъ бѣдная Швейцарія въ этомъ порывѣ безначалія? Куда стремится эта нація? Ахъ! тѣ, которые видѣли эту страну съ волшебной прелестью ея пышной красоты, теперь смотрятъ на нее съ тягостнымъ участіемъ, и возносятъ за нее къ небу горячія молитвы. Дай Богъ, чтобы эти молитвы были услышаны!

Между тѣмъ, Швейцарія уже страдаетъ матеріально. Каждый знаетъ, что прїѣздъ путешественника для этой страны есть важное вспоможеніе. Но богатые англійскія семейства и туристы приняли уже другое направленіе. Въ продолженіе всей дороги, и только и слышалъ вздохи и стѣнаніе трактирщиковъ, которые жалобнымъ взоромъ смотрятъ на свои длинные, опустѣлыя столы; купцы остались одни въ своихъ молчаливыхъ лавкахъ, почталіонамъ некого возить, а по этому они не получаютъ болѣе на водку (trinkgeld).

Эти жалобы слѣдовали за мною въ Шлаффузъ, и самъ Рейнъ, въ своемъ величественномъ теченіи, казалось, ропталъ на забвеніе, которому предавали его въ эти прекрасные лѣтніе дни, съ его серебрястыми каскадами и живописными берегами.

Мы вдвоемъ сидѣли въ большой констанской каретѣ, и прїѣхали какъ нарочно для того, чтобы составить подюжины жителей въ гостинницѣ Броше, наиболѣе посѣщаемой въ городѣ. Но мнѣ кажется, что нужна сверхъестественная сила, чтобы возвратить Констансу движеніе и жизнь. Это одинъ изъ городовъ самый неоживленный, которые я видѣлъ; неправильностью своею онъ походитъ на Кельнъ или Аугсбургъ, а тишиной на Дармштатъ или Карлеруэ.

Констансъ дорого платитъ теперь за свое слишкомъ быстрое величіе, и свою слишкомъ блестящую пышность, которыми пользовался четыре вѣка тому назадъ. Когда собирался въ немъ соборъ, городскіе дома были тогда не довольно высоки, и его окружность не довольно обширна, чтобы вмѣщать столько важныхъ чиновниковъ, столько духовныхъ и военныхъ лицъ. Надо было проводить новыя улицы, строить новые дома. Потомъ, когда въ одинъ прекрасный день, каждый отправился въ свое герцогство, или въ свою епархію, — бѣдный городъ остался печально унылымъ съ своими длинными улицами и опустѣлыми строениями.

Въ первомъ году Собора, въ 1414, въ этомъ городѣ, какъ гласитъ старая лѣтопись, считалось тридцать кардиналовъ, три патриарха, двадцать архіереевъ, сто двадцать епископовъ, сто аббатовъ, сто пятьдесятъ старшинъ разныхъ орденовъ, двѣсти ученыхъ богослововъ, всѣхъ числомъ, двадцать три тысячи бѣлыхъ священниковъ, четыре курфирста, девятнадцать герцоговъ, восемьдесятъ три графа, двѣ тысячи дворянъ, безчисленное множество слугъ, конюховъ, потомъ, тысячи кушцовъ, жонглеровъ, комедіантовъ.

Наша прїѣхалъ въ скоромъ времени послѣ прелатовъ, потомъ прибылъ и императоръ Сигизмундъ. Болѣе ста двадцати тысячъ иностранцевъ съѣхались тогда въ Констансъ. Каждый вельможа хотѣлъ выказать пышность своего дома. Скоро сдѣлался недостатокъ въ провіантѣ, и Соборъ издалъ установленіе, позволяющее папѣ и царствующимъ принцамъ имѣть только при себѣ двадцать лошадей, кардиналамъ десять, епископамъ три.

Теперь, въ этомъ городѣ считаютъ не болѣе семи тысячъ душъ; и изъ многочисленнаго числа прелатовъ, которые подымались въ процессіяхъ по ступенямъ его соборной церкви, въ констанскихъ стѣнахъ не находится теперь ни одного. Епископъ епархіи живетъ въ Фрейбургѣ.

Жители этого знаменитаго города не опускаютъ однакожъ ничего, чтобы поддержать и оживить, какъ можно болѣе, воспоминаніе о важной эпохѣ его существованія.

На берегу озера возвышается тяжелое и обширное зданіе, не имѣющее никакаго украшенія, кромѣ нѣкоторыхъ изваяній при входѣ, и на вершинѣ зубчатые карнизы. Тамъ-то собирался соборъ, тамъ-то Іоаннъ Гуссъ былъ призванъ предъ лицо прелатовъ, ученыхъ, въ длинной залѣ, поддерживаемой деревянными колоннами. Въ этой залѣ, которая, по своему строенію, походитъ совершенно на сарай, хотѣли устроить историческіи музей. Собрали все, что можно было найти въ городѣ и въ его

окрестностяхъ, старую мебель и старыя скульптуры, все, до шпалеръ XVIII вѣка, представляющихъ идеалическія шалости и приключенія Донъ-Кихота съ шутовскимъ лицомъ Санчо-Пансы. Напротивъ этихъ обоей, которыя имѣютъ очень странное дѣйствіе въ такомъ знаніи, стоятъ кресла Сигизмунда, кресла папы Іоанна XXIII, и между этими двумя креслами величій земнаго и духовнаго, видишь три лица во весь человѣческій ростъ, представляющія, въ костюмѣ того времени, Іеронима Прагскаго, Іоанна Гусса и отца Селестина. Живописецъ далъ Іерониму и Іоанну Гуссу положеніе побѣжденныхъ противниковъ, отецъ Селестинъ стоитъ возлѣ нихъ и провозноситъ свое послѣднее доказательство: несчастные не могутъ болѣе ничего отвѣчать.

Платять одинъ франкъ за человѣка, чтобы полюбоваться на эту рѣдкость, но за то имѣешь наслажденіе посмотрѣть на выставку древностей, фальшивыхъ камней, чеканную золотую и слоновой кости работу, которая продается, говорить чичероне, по самой настоящей цѣнѣ, но которую никто не покупаетъ.

Лучше идти посмотрѣть соборъ съ его чудесными дверями дубоваго дерева, съдалца, украшенныя прекрасными маленькими фигурами и его величественный куполъ, съ котораго обозрѣваешь окрестность; съ одной стороны, богатая и плодородная долина, покрытая цвѣтами и фруктами, виноградниками и полями съ рожью, и пересѣкаемая Рейномъ, лѣпно текущимъ къ скаламъ; съ другой стороны, озеро, опушенное слѣва зеленымъ холмомъ, а справа, цвѣтущими лугами, остроконечными горами Гларисъ, Сентъ-Галь, ледниками Аппенцель, пиками Тироля, чудесной картиной, которую никакая катастрофа не можетъ отнять у Констанса, и которая должна бы привлекать въ этотъ городъ всѣхъ артистовъ, всѣхъ путешественниковъ, желающихъ видѣть веселую и роскошную природу.

Костанское озеро, которое называютъ Швабскимъ моремъ, омываетъ берега шести государствъ, Швейцарскихъ кантоновъ, великаго герцогства Баденскаго, Виртембергскаго королевства, Баваріи, Австріи. Всѣ эти государства желаютъ пользоваться своими правами, и отъ этого соперничества пограничныхъ властей происходятъ столкновенія интересовъ, болѣе вредное, чѣмъ полезное для сосѣдей. Восемь пароходовъ ежедневно разсѣкаютъ струи озера. Каждый изъ этихъ пароходовъ принадлежитъ привилегированной компаніи, изъ которыхъ одна оставлена въ Баваріи, другая въ Австріи, третья въ Баденѣ. Отъ этого происходятъ соревнованіе и споры. Въ городѣ Линдау, не позволено отправляться на другомъ пароходѣ, кромѣ баварскаго. Положимъ, что вы пріѣхали туда на баварскомъ пароходѣ, что

вы вышли на берегъ этого города, и пожелали возвратиться на томъ же пароходѣ, но это невозможно, и капитанъ, принявшій васъ къ себѣ на бортъ, заплатитъ штрафъ пятнадцать флориновъ. А что еще хуже, я полагаю, что вы желаете ѣхать изъ Линдау въ Констансъ, и что пароходъ баварскій поидетъ въ этотъ день только лишь до Роршака, — вы должны отправиться въ Роршакъ и провожать глазами пароходъ, который могъ бы довести васъ до желаемой цѣли въ нѣскольکو часовъ. Я заставлялъ себѣ повторять и объяснять три раза сряду это удивительное постановленіе, такъ оно мнѣ казалось непонятнымъ. Прибавьте къ этому, что при переѣздѣ изъ Констанса въ Брегенцъ, остановясь въ Линдау, надо предоставить свой чемоданъ для осмотра таможи баварской и двумъ агентамъ полиціи. Въ Брегенцѣ, новое посѣщеніе таможи и снова осмотръ паспорта. Для туриста, который лишь только думаетъ мирно объѣхать озеро, это слишкомъ скучно. Для торговли это составляетъ важное затрудненіе.

Почему, судя по пароходу, который высадилъ насъ на австрійской границѣ, пароходы констанскіе не могутъ пользоваться большими выгодами. Насъ было только десять пассажировъ на пароходѣ, а кладъ составляли только желѣзо, сталь, нѣскольکو мѣшковъ ржи и огромныя корзины салата, доставляемыя въ кантонъ Сентъ-Галь. Это прибрежное плаваніе съ грузомъ требуетъ столько же времени, сколько нужно большимъ гаврскимъ пароходамъ, чтобы доставить на берегъ самыя цѣнныя кипы товаровъ. Останавливаются одинъ лишь часъ въ Утвилѣ, часть въ Роршакѣ и столько же въ Линдау. Меня всегда удивляетъ, что въ Германіи, такъ мало заботятся о важности времени. Во Франціи, такъ живы дѣйствія, движенія, что не постигаешь, какъ можно опоздать, и выходишь изъ себя отъ малѣйшей медленности; въ Германіи все идетъ потихоньку, въ систематическомъ порядкѣ. Купецъ выходитъ изъ своей лавки въ полдень и возвращается въ два часа; рабочій куритъ преспокойно свою трубку въ полдень, и ни за что на свѣтѣ вы не упрсите его, чтобы онъ окончилъ свою работу скорѣе, нежели какъ онъ привыкъ заканчивать ее ежедневно. Если, въ гостиницѣ, въ магазинѣ, вы желаете, чтобы васъ тотчасъ удовлетворили; *Das ist ein Franzose*, это Французъ, говорятъ Нѣмцы, качая головою, и не перемѣняютъ своей медленной походки. *Tout de suite*, восклицаютъ каждую минуту во Франціи, *Seyen sie ruhig*, будьте спокойны, вамъ отвѣчаютъ въ Германіи.

Констанскіе пароходы очень медленны; берега озера, столь живописные съ вершины купола собора, становятся наконецъ мо-

потопны. Въ продолженіе восьми часовъ сряду слишкомъ утомительно любоваться, не спуская глазъ, на цвѣтуція долины, окружающія эту прозрачную воду, на острокопечныя горы, господствующія надъ озеромъ. Я съ сожалѣніемъ вспоминалъ виды озера Женевского, Цюрихскаго, Люцернскаго, и даже меланхолическія озера Швеціи.

Наконецъ, послѣ мирнаго плаванія, мы вышли въ портъ Брегенцъ, въ городъ прославленномъ Анжеликой Кауфманнъ, этой гениальной женщиной, которая такъ прославилась любовью къ искусству, но которая была обманута сердцемъ.

Черный орелъ на всѣхъ городскихъ строеніяхъ далъ мнѣ понять, что я нахожусь въ австрійскихъ владѣніяхъ. Меня встрѣтили таможенные. Во-первыхъ, я вынимаю паспортъ изъ моего портфеля, во-вторыхъ открываю мой чемоданъ, выкладывая на свѣжій воздухъ мои платья и книги. Благодаря Бога, паспортъ въ порядкѣ и книги оказываются незапрещенными; я могу идти спокойно.

Гостинница, куда меня привели, наполнена была народомъ, находившимся въ состояніи гастрономическаго созерцанія; этотъ трактиръ служить въ одно и то же время пивоварней, кофейнымъ домомъ и гостинницей. Послѣ обѣда, туда приходятъ пить бѣлое вино и курить табакъ; вечеромъ снова собираются туда ужинать; иностранцы и городскіе жители, молодые люди и старики, всегда толпятся въ залѣ. Я нахожу два журнала на столѣ: газету Лугсбургскую и газету Инспрукскую. Съ такимъ чтеніемъ можно жить мирно, позабыть политической свѣтъ и спокойно наслаждаться виномъ форарльбергскимъ.

Во ста миляхъ отъ Вѣны, я нахожусь среди Австріи, въ этомъ Эльдorado спокойствія, ума и матеріальнаго благосостоянія.

Форарльбергъ, округъ тирольскій, самый плодотворный и населенный; онъ содержитъ въ себѣ сорокъ четыре квадратныхъ

. Дочь странствующаго артиста Кауфманна сдѣлала въ Брегенцѣ первые опыты въ живописи. Она долго путешествовала по Италіи, изучала искусство въ Римѣ; во Флоренціи, въ Миланѣ, потомъ отправилась въ Лондонъ, гдѣ была приглашена снять портреты со всей королевской фамиліи, и избрана членомъ академіи художествъ. Одинъ англичанинъ, искавшій ея руки и получившій отказъ, придумалъ, въ отищеніе, ужасную хитрость. Онъ нашелъ человѣка низкаго происхожденія, но красивой наружности, и ввелъ его въ домъ Анжелики. Бѣдная дѣвушка увлеклась наружностью и вышла за мужъ за бродягу. Ея замужество было разторгнуто, съ условіемъ, что она будетъ давать пенсію тому, кто ее обманулъ. Скоро мужъ ея умеръ, и Анжелика снова вышла замужъ за венеціанскаго живописца Цукки.

мили, простирался отъ береговъ озера Констанскаго до одной изъ вершинъ Арльбергъ, отъ которой онъ получилъ свое названіе. Вся эта страна удивительно хорошо обработана; ея сопоты покрыты богатыми пастбищами и сосновыми лѣсами; ея долины наполнены плодами. Рожь родится тамъ изобильно и виноградники доставляютъ легкое вино очень пріятнаго вкуса; къ тому же тамъ находятся многочисленныя ремесленныя заведенія, въ особенности фабрики бумажныхъ матерій, кисей, и въ каждомъ домѣ крестьянина прядуть и ткуть пеньку и ленъ. Однѣ фабрики деревни Дорнбиръ платятъ своимъ рабочимъ триста тысячъ франковъ въ годъ. Добрый работникъ получаетъ, среднимъ числомъ, въ день по франку; дома этого округа доказываютъ благосостояніе жителей; они обыкновенно обширны, хорошо выстроены, многіе раскрашены красками тирольскими артистами, которые самоучкой выучились рисовать, составлять краски, и которые ходятъ изъ деревни въ деревню, чтобы поновлять церкви, или покрывать новыми произведеніями своего искусства бѣлые фасады крестьянскихъ домовъ.

Брегенцъ, главный городъ округа, содержитъ въ себѣ двѣ тысячи пятьсотъ жителей, и имѣетъ живописный и веселый видъ; тамъ находятся нѣсколько важныхъ фабрикъ, и производится значительная торговля лѣсомъ хлѣбомъ и скотомъ; этотъ городъ соединяетъ Тироль съ Швейцаріею.

Направо отъ города возвышается гора Гебгардсбергъ, на которую нельзя не взобраться, хоть чтобы иначе не прослыть варваромъ въ глазахъ брегенскихъ жителей. Тамъ находится очень уважаемая церковь, наполненная привошеніями, а возлѣ церкви, выстроена гостинница, которая, походитъ на орлиное гнѣздо; она стоитъ надъ глубокой безной на верху крутой скалы. Оттуда обозрѣваешь однимъ взглядомъ свѣжія и прелестьныя долины, омываемыя Брегенцпрахомъ, самую большую часть Ринцтала, снѣговыя вершины Арльбергъ, и озеро Констанское во всей его обширности.

Одинъ Вѣнскій поэтъ, который пріѣзжалъ сюда нѣсколько времени тому назадъ, оставилъ, какъ памятникъ своего пріѣзда, въ гостинницѣ Гебгардсбергъ, олу, гдѣ онъ говоритъ: тотъ, кто видѣлъ эту картину, можетъ спокойно умереть.

Какъ ни хороша эта панорама, однакожъ я надѣюсь, прежде своей смерти, видѣть еще многія другія.

СТРАННОСТИ НѢКОТОРЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ. Странность, по видимому, всегда была свойствомъ великихъ художниковъ. Непостоянство ихъ мыслей, пылокое воображеніе, стремленіе къ изобрѣтенію, независимость характера, — все это придавало ихъ дѣйствіямъ отпечатокъ оригинальности, которая не свойственна людямъ положительнымъ. Приводимъ нѣсколько анекдотовъ, почерпнутыхъ изъ ихъ жизни.

Нестчеръ, артистъ голландской школы, принадлежалъ къ высшему обществу временъ Людовика XIV. Живя роскошно, онъ велъ знакомство только съ людьми, принадлежавшими къ тогдашнему аристократическому кругу, и старался во всемъ имъ подражать. Трудно было убѣдить его нарисовать портретъ какого-нибудь незначительнаго лица, а тѣмъ труднѣе это было лицамъ, принадлежавшимъ къ простому званію. Въ послѣднемъ случаѣ онъ рѣшительно отказывался, и не соглашался ни за что въ свѣтъ. Случилось однакожь, что Нестчеръ нарисовалъ портретъ незнатнаго человека, который обратился къ нему подъ чужимъ именемъ. Узнавъ объ этой хитрости, художникъ тотчасъ же послалъ за сдѣланнымъ имъ портретомъ подъ предлогомъ его исправленія, и разорвалъ его на части.

Ванъ-Кессель, получивъ отъ англійскаго короля Вильгельма III заказъ расписать потолокъ въ его дворцѣ, и воспользовавшись предоставленною ему свободою въ выборѣ сюжета, нарисовалъ посреди потолка, эмблему имперіи: огромнаго орла во весь его могущество, и окружилъ его аллегорическими птицами. Около карниза онъ помѣстилъ разныхъ животныхъ, въ которыхъ представилъ разныя лица. Вильгельмъ III, увидѣвъ это, не сказалъ ни слова, но только приказалъ переменить работу.

Вербруггенъ отличался болѣе всего скоростію исполненія. Этой способности онъ обязанъ былъ приобретеніемъ значительнаго состоянія, которое однакожь, по своей склонности къ удовольствіямъ, онъ прожилъ до-чиста. Талантъ помочь ему и въ затруднительныхъ обстоятельствахъ; кистью своею онъ наживалъ большія деньги, веселился и пользовался жизнію днемъ, а работалъ ночью.

Жироде также имѣлъ обыкновеніе работать только ночью. Для этого онъ освѣщалъ свою мастерскую самымъ блестящимъ образомъ, и надѣвалъ кромѣ того на голову кружокъ, въ который вставлялъ зажженные свѣчи. По временамъ, онъ призывалъ своего человека *pour le moucher*, какъ онъ говорилъ.

Гондекоттеръ, женившись, принялъ къ себѣ въ домъ трехъ дворянскихъ сестеръ, которыя, вмѣстѣ съ его женою, до того ему наскучили, что онъ уходилъ изъ дому, и скрывался въ кабакахъ

по цѣлымъ днямъ, гдѣ только и могъ рисовать свободно. Онъ первый сталъ хорошо представлять пѣтуховъ, курицъ и павлиновъ. Терпѣніемъ онъ пріучилъ одного пѣтуха держаться на одномъ мѣстѣ, и въ одною и томъ же положеніи такъ долго, какъ онъ хотѣлъ. Пѣтухъ понималъ малѣйшія движенія своего хозяина, и часто засыпалъ, оставаясь, въ томъ же положеніи, въ которомъ былъ поставленъ.

Ванъ-Пэ жилъ всегда въ довольствѣ, благодаря весьма странному случаю. Онъ представилъ больнымъ, оставаясь въ постели довольно долго, и вышелъ наконецъ изъ дому, опираясь на костыль. Всѣ съ сожалѣніемъ смотрѣли на больнаго, полагая, что послѣдній часъ его не замедлитъ настать. Художникъ притащился къ одному изъ своихъ сосѣдей, и передалъ ему свое желаніе помѣстить свой капиталъ для пользованія пожизненными доходами. Сосѣдь, полагая, что художнику уже не долго жить тѣмъ болѣе, что ужасный кашель его онъ приписывалъ совершенному разстройству его легкихъ, предложилъ значительный дивидендъ, которымъ Ванъ-Пэ пользовался до глубокой старости.

Иосифъ Ванъ-Краесбекъ имѣлъ хорошенкую жену, которую онъ ревновалъ. Желая убѣдиться въ ея чувствахъ, онъ нарисовалъ на своей груди широкую рану, окрасилъ рубашку и ножъ красною краскою, и сталъ испускать жалобные вопли. Прибѣгаетъ его жена, и увидѣвъ его въ такомъ положеніи, начинаетъ кричать пуце его самого, и оказываетъ такую неліцемерную скорбь и отчаяніе, что совершенно излечиваетъ мужа — не отъ раны, но отъ неосновательныхъ его подозрѣній.

Ванъ-Оберкикъ любилъ столько же удовольствія, сколько и свое искусство. Работа и неуемѣренныя наслаженія истощили его наконецъ до того, что онъ сдѣлался отчаянно боленъ. Врачи, принимая въ соображеніе его лѣта, надѣялись еще на спасеніе его жизни.

— Не безпокойтесь, отвѣчалъ больной, я уже болѣе не встану; правда, что мнѣ только 46 лѣтъ, но это число надобно удвоить, потому-что я жилъ и днемъ и ночью.

Рембрандтъ отличался скупостію. Онъ посылалъ сына продавать свои эстампы, приказавъ говорить покупателямъ, что онъ эстампы укралъ у отца. Хитрость эта должна была поселать въ покупателей мысль, что эстампы достаются имъ дешевле. Иногда онъ отдавалъ свои произведенія для продажи съ публичнаго торга, являлся передѣтый среди покупателей, и участвуя въ торгахъ, возвышалъ цѣну. Очень часто онъ разглашалъ намѣреніе свое выѣхать навсегда изъ Амстердама для

того, чтобы любители поспѣшали пріобрѣтать его произведенія, которыя будто бы онъ хотѣлъ увезти съ собою.

Однажды, рисуя въ грунѣхъ портреты цѣлаго семейства, онъ получилъ извѣстіе о смерти любимой его обезьяны. Растрогавшись понесенною имъ утратою, онъ пожелалъ въ послѣдній разъ взглянуть на обезьяну, и для того приказалъ принести ее въ мастерскую. Долго онъ смотрѣлъ на нее; наконецъ, къ величайшему удивленію всего семейства, которое срисовывалъ, онъ принялся рисовать обезьяну на томъ же полотнѣ. Отецъ сталъ противиться введенію поваго члена въ свое семейство, и грозилъ даже не заплатить за портреты, но Рембрандтъ продолжалъ рисовать, желая сохранить образъ милаго существа, которое пользовалось искреннимъ его расположеніемъ.

АНЕКДОТЪ ИЗЪ ЖИЗНИ КАНТА. Знаменитый философъ Кантъ, профессоръ кенигсбергскаго университета, имѣлъ чрезвычайно слабый голосъ. Слушатели его, особенно тѣ, которые записывали его лекціи, садились по этому къ нему очень близко. Читая лекціи, Кантъ имѣлъ обыкновеніе смотрѣть на того, который сидѣлъ прямо противъ кафедрѣ, и долгое время замѣчалъ молодого человѣка, у котораго на платѣ, по безпечности его, не доставало пуговицы. Кантъ не сводилъ съ него глазъ въ продолженіе цѣлыхъ лекцій, и въ обстоятельствѣ этомъ, казалось, почерпалъ вдохновеніе и краснорѣчіе. Нѣсколько времени спустя, студентъ приказалъ однакожъ пришить себѣ эту пуговицу, и явившись на лекцію, сѣлъ на свое прежнее мѣсто. Увидѣвъ это, Кантъ смутился, былъ разсѣянъ, въ продолженіе лекціи, и останавливался нѣсколько разъ. При выходѣ изъ аудиторіи, онъ потребовалъ къ себѣ молодого человѣка и сказалъ: Я долгое время замѣчалъ, что у васъ не доставало пуговицы. Молодой человѣкъ перебилъ его рѣчь, и извинился въ своемъ нерадѣніи. — «Нѣтъ, не въ томъ дѣло, отвѣчалъ Кантъ, я васъ прошу напротивъ отпороть эту пуговицу, потому-что она мнѣ мѣшаетъ продолжать чтеніе курса. «Это было въ 1799 году. Кантъ родился въ Кенигсбергѣ въ 1724; стало быть ему было тогда 75 лѣтъ.

СЧАСТЛИВАЯ СТРАНА ДЛЯ СТАРЫХЪ ДѢВЦЪ. Въ соединенныхъ штатахъ на одной виллѣ республики Нью-Гамширъ существуютъ довольно странное обыкновеніе. Ежегодно собираются тамъ холостые люди, и опредѣляютъ по жребію, кому жениться на дѣвицахъ извѣстныхъ уже лѣтъ, не пріискавшихъ себѣ мужей. Избавившіеся отъ этой, безпримѣрной въ лѣтописяхъ мѣ-

ра, натуральной повинности платять преміи въ пользу товарищей своихъ, мѣше счастливыхъ. Молодые люди, опасаясь за свою будущность, вздумали однажды протестовать противъ такого послгательства на ихъ личную свободу, но, по рѣшенію женскаго ареопага, должны были покориться обычаю, который, по словамъ дѣвицъ, освященъ временемъ, и примѣрами ихъ предковъ.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ПРЕФЕКТУ. Меръ небольшой общины, узнавъ о назначеніи въ департаментъ новаго префекта, расхваливалъ способности этого сановника слѣдующимъ образомъ: Префектъ нашъ, говорилъ онъ въ своемъ похвальномъ словѣ, отличается не только своимъ административнымъ способностямъ, но онъ замѣчательнъ также, какъ отличный сельскій хозяинъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ во владѣніе имѣніемъ Х., которое прежде не приносило и *одного су*, это имѣніе, благодаря его хозяйственнымъ распоряженіямъ, стало приносить доходу *вдвое больше*.

ИНСТРУМЕНТЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ МУЗЫКИ. Любитель музыки испытывалъ свои способности на разныхъ инструментахъ, но безъ всякаго успѣха. Полагая, что всякій человѣкъ рожденъ для какого-нибудь искусства, онъ продолжалъ свои разысканія, и наконецъ случайнымъ образомъ попалъ на шпрманку. Въ восторгѣ отъ мелодическихъ звуковъ, производимыхъ инструментомъ въ безъ всякаго почти со стороны его труда, онъ воскликнулъ: Вотъ инструментъ, для котораго я родился!

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЭНТУЗИАЗМЪ. Первое представленіе оперы Россіи «Отелло» произвело въ Неаполѣ такой восторгъ, что въ продолженіе цѣлаго вечера рукоплесканія не прекращались, и заглушали совершенно оркестръ. Шумъ возрасталъ все болѣе и болѣе по мѣрѣ приближенія пьесы къ концу, такъ что въ финалѣ, въ минуту высшаго всеобщимъ порывомъ восторга, употребили въ дѣло оставшіеся у нихъ руки, чтобы рукоплескать вмѣстѣ съ другими. Сомнѣвайтесь же послѣ того въ дѣйствіи музыки итальянскихъ оперъ!

АМЕРИКАНСКІЕ ТЕАТРЫ.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Гаванна.

Вы не можете себя представить, какъ мнѣ досадно, что я не описываю вамъ подробностей моего переезда изъ Порто-Рико въ Гаванну. Вы вѣрно пожалѣли бы меня, а возбуждать къ себѣ жалость такъ пріятно! Гг. парижскіе фельетонисты, слезно ропщущіе на то, что должны обѣгать весь городъ, чтобъ наполнить новостями свои недѣльные листки, конечно давно бы отказались и отъ своего званія, и отъ денегъ, и отъ пера, еслибы имъ пришлось такимъ же образомъ отыскивать предметъ для своихъ фельетоновъ, какъ отыскалъ я предметъ для своего письма.

Я сѣлъ въ Порто-Рико на испанское судно, называемое Жюліана (Juliana) и отправился въ море отыскивать театральныя новости. Досадно, что здѣсь нехотятъ распространяться въ описаніи Жюліаны, но все равно, при болѣе удобномъ случаѣ я вымѣшу мою досаду на читателяхъ.

Какъ бы то ни было, я остался живъ, и потому не жалуюсь. Послѣ десятидневнаго плаванія, сопряженнаго со всѣми возможными лишениями, я прибылъ около семи часовъ вечера въ Гаванну, городъ наполненный мраморными палатами, и ароматомъ цвѣтовъ и сигаръ. Первою моею заботою было отыскать себѣ

постель и ужинъ: я десять сутокъ не спалъ и не ужиналъ. И то и другое я нашелъ въ гостинницѣ, содержатель которой французскій ветеранъ, вмѣстѣ съ тѣмъ торговалъ оружіемъ и былъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ.

Естественно, что въ странѣ, гдѣ имѣнія частныхъ лицъ протираются на десятки милліоновъ, гдѣ вы встрѣчаете на улицѣ болѣе каретъ, чѣмъ пешеходовъ, гдѣ женщины ужасныя кокетки, наряжаются, роскошничаютъ и соряютъ деньгами, гдѣ наконецъ любовь къ удовольствіямъ доходитъ до бѣшенства,—естественно, говорю я, что въ такой странѣ долженъ быть театръ, и дѣйствительно, въ Гаваннѣ три театра. Публика и мода въ особенности покровительствуютъ театру, называемому Таконъ (Tacon) въ честь бывшаго губернатора Кубы.

Признаюсь, что я обидѣлъ театръ Таконъ, сравнивъ его мысленно съ сенъ-винцентскимъ, и началъ, подъ вліяніемъ этого сравненія, дѣлать предикіе вопросы объ немъ своему хозяину. Не спору — это было очень глупо съ моей стороны, что г. Дюваль (имя моего хозяина) далъ мнѣ почувствовать, и въ особенности совѣтовалъ не говорить такихъ вещей публично: Гаванцы очень щекотливы, когда дѣло касается до чудесъ ихъ родины. Нельзя достаточно восхвалить эту черту характера, и должно признаться, что иностранцы гораздо лучше насъ умѣютъ любить и выказывать свое добро.

На другой день моего пріѣзда, я былъ приглашенъ обѣдать къ графу В... Освобождаю васъ отъ описанія обѣда, и только скажу, что по окончаніи его, хозяинъ предложилъ мнѣ отправиться въ театръ въ его ложу и велѣлъ подать карету.

Я съ величайшимъ сожалѣніемъ началъ откланиваться графинѣ и ея дочери.

— Вы увидите еще съ ними сегодня, сказалъ графъ: онѣ будутъ съ нами въ театрѣ.

— Почему же намъ не подождать и не отправиться вмѣстѣ съ ними, спросилъ я?

— Для чего же?

— Чтобъ имѣть честь сопутствовать имъ.

— Это, отвѣчалъ графъ: противно здѣшнимъ обычаямъ. Вы вѣроятно меня спросите почему? Причина этого чисто матері-

альная, и несколько не бросаетъ невыгодной тѣни на любезность Гаванцевъ: у насъ въ употребленіи только двумѣстные кареты, почему дамы и мужчины и отираются всегда отдѣльно, встрѣчаясь потомъ въ условленномъ мѣстѣ. Это раззорительный обычай, потому—что заставляетъ имѣть кучу экипажей,—впрочемъ, что за важность!

— Мы проѣхали большою рысью вдоль улицы Обиспо, ведущей къ однимъ изъ городскихъ воротъ, миновали укрѣпленія и очутились у прекраснаго бульвара, называемаго «гуляньемъ королевы.» Повернувъ направо, карета наша въѣхала въ рядъ экипажей, и черезъ нѣсколько минутъ мы были у театра,—прекраснаго зданія, наружность котораго впрочемъ не совсѣмъ соотвѣтствуетъ богатству залъ. Мы вошли поды арки театра, и глазамъ нашимъ представилось множество мрамора, статуій и различнаго рода украшеній, хотя эти украшенія и не вездѣ согласны съ требованіями утонченнаго вкуса, но тѣмъ не менѣе въ цѣломъ имѣютъ довольно величественный характеръ.

Множество народа тѣснилось поды арками; я сначала полагаю, что двери театра еще не были открыты, и что всѣ ожидаются назначеннаго для того часа; но къ моему величайшему удивленію, нѣсколько человѣкъ, пріѣхавши послѣ насъ, тотчасъ вошли на лѣстницу и исчезли въ корридорахъ, ведущихъ въ залъ. Я понялъ, что тутъ есть что-нибудь особенное, и обратился къ графу съ вопросомъ:

— Не правда ли, что путешествуютъ за тѣмъ, чтобъ себя образовать, и стало быть, должно просить, чтобы намъ объяснили то, чего мы не понимаемъ?

— Это благоразумно, отвѣчалъ онъ: но чего же вы не можете понять здѣсь и что по вашему требуетъ объясненія.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, графъ, что мы здѣсь дѣлаемъ!

— Чортъ возьми, ожидаемъ.

— Я это очень хорошо замѣчаю, уже цѣлые полчаса, но чего же мы ждемъ?

— Графиню и дочь мою.

— А всѣ эти господа, чего они ждутъ?

— Также дамъ, кто мать или сестру, кто жену или любовницу.

— Но развѣ они не могли бы дожидаться ихъ въ ложкахъ?

— А кто же тогда поможетъ дамамъ выйти изъ каретъ, кто проводитъ ихъ въ ложу, кто будетъ охранять ихъ отъ обидъ, если отцы, братья или любовники не будутъ тутъ?

— Если таковъ обычай, то не объ чемъ и говорить, но зачѣмъ же въ такомъ случаѣ дамы заставляютъ себя такъ долго ждать, повѣрьте графъ, что я спрашиваю чисто изъ одного любопытства,—вотъ ваши напримѣръ были совершенно готовы, когда мы въѣхали, отчего же и онѣ не отправились тотчасъ въ салъ за нами?

— Женщины, любезный мой гость, пришли бы въ отчаяніе, еслибъ не застали цѣлаго города поды этими арками. Чѣмъ позже онѣ пріѣдутъ, тѣмъ болѣе будетъ толпа, а—этого то только имъ и хочется, по ихъ врожденному кокетству.

Наконецъ наши дамы пріѣхали, и мы помѣстились въ своей ложѣ. Внутренность залы отдѣлана съ большою роскошью, вездѣ ковры, золото и мраморъ, но и здѣсь, какъ во всѣхъ театрахъ Новаго Свѣта, мѣста распредѣлены по сословіямъ жителей, или лучше сказать по цвѣту ихъ кожи.

Таковъ преимущественно назначенъ для оперы, которая въ Гаваннѣ имѣетъ большое число любителей. Составъ труппы хорошъ, но изъ знаменитыхъ пѣвицъ, въ мое время, была одна Тедико, дѣвушка необыкновенной красоты. У нея толпы поклонниковъ: одни восхищаются ея голосомъ, другіе обожаютъ ее какъ прелестную женщину, но никогда она не подавала ни малѣйшаго повода, къ слухамъ оскорбительнымъ для ея репутаціи.

Здѣсь кстати передать анекдотъ, случившійся съ нею въ Гаваннѣ: одинъ молодой левъ предложилъ ей 20,000 піастровъ (болѣе 100,000 франковъ) за позволеніе жить съ ней въ одномъ домѣ, но она съ негодованіемъ отвергла обидное предложеніе. Тогда молодой человѣкъ, влюбленный до безумія, предлагаетъ ей свою руку, имя, сердце и огромное состояніе. Тедико дала ему отвѣтъ, достойный древнихъ Римлянокъ:

«Никогда не отдамъ я своей руки, а тѣмъ болѣе сердца, че-

ловѣку, который уважаетъ меня такъ мало, что могъ предложить мнѣ.... то что вы мнѣ прежде предлагали.

Et il n'y a pas a la Havane une academie, qui distribue des prix de Manttujan.

Представленія здѣсь продолжаются восемь мѣсяцевъ, а на остальныя четыре труппа уѣзжаетъ въ Нью-Йоркъ.

НОВѢЙШІЯ МОДЫ.

Съ наступленіемъ весны появились у насъ и новыя весенніе костюмы, въ особенности для прогулокъ. О бальныхъ платьяхъ кажется ничего нельзя сказать новаго, хотя мы и замѣчаемъ въ нихъ нѣкоторыя оттънки новизны въ отношеніи ихъ отдѣлки. Но главное остается неизмѣннымъ. Талии какъ и прежде дѣлаются со шинами и украшаются бертами или драпери.

Платье отдѣливается волавами, буфами, или складами. Также много носятъ платьевъ съ тюниками. Но все уже это не ново. Одно мы только замѣтили, что теперь любятъ украшать платья вышивками. Недавно мы видѣли превосходное бѣлое платье съ тюникомъ. По краямъ обѣихъ юбокъ была вышита розовой шерстью гирлянда гортензій.

По краямъ коротенькихъ рукавовъ, также была узенькая гирлянда того же цвѣта. Этотъ простой парядъ очарователенъ. Всякаго рода браслеты составляютъ необходимое украшеніе бального костюма. Поясы съ длинными концами изъ широкихъ лентъ по прежнему въ большомъ употребленіи. Утреннія платья съ высокими гладкими папереди застегнутыми талиями. Онѣ украшаются пуговицами подъ цвѣтъ платья. Ихъ шиваютъ на бізъ, которое положено начинать сверху корсажа до низа платья. Это бізъ суживается у ередины талии, по опять расширяется подходи къ верху корсажа. Говорятъ, то мода скоро потребуетъ, чтобы платья не дѣлались слишкомъ длинными, и не скрывали талантовъ артистовъ башмачнаго цеха. Легкіе пальто и бурнусы для гулянья чрезвычайна разнообразны. Ихъ дѣлаютъ изъ бархата, изъ шелковыхъ одноцвѣтныхъ матерій, также изъ двухцвѣтныхъ затканыхъ узоромъ матерій. Очень много носятъ бурнусовъ изъ дамскаго сукна, разноцвѣтной байки и гладкихъ шерстяныхъ ткашей. Фасоны разнообразны. Носятъ бурнусы ко-

сые со швами на бокахъ и съ пелерниною, которая оканчивается или лучше сказать зашивается вмѣстѣ со швомъ на плечѣ и не доходить до переда бурнуса. Къ этому прибавляютъ еще мѣшокъ. По также дѣлаютъ вмѣсто мѣшка маленькій воротничекъ. Недавно мы видѣли еще такой же бурнусъ, но съ отрѣзной гладкой спинкой. Этотъ фасонъ очень милъ и придаетъ много граціи талии. Бархатные бурнусы большою частію дѣлаются безъ капишоновъ. Отдѣлку на бурнусахъ разнообразять до безконечности. Мода въ этомъ отношеніи совершенно не строга въ своихъ требованіяхъ, и представляетъ полную волю вкусу. Мы замѣтили одну отдѣлку на бурнусѣ, которая намъ очень понравилась. Этотъ бурнусъ былъ изъ чернаго гро-грѣна муаре. По краямъ всего бурнуса и капишона, была вышита гирлянда изъ наложенныхъ бархатныхъ, черныхъ листьевъ. Эта отдѣлка обратила вниманіе многихъ. Теперь въ большой модѣ цвѣтныя шали съ широкимъ бортомъ. Въ весеннюю, теплую погоду ими замѣняютъ бурнусы. Скажемъ нѣсколько словъ о весеннихъ шляпкахъ. Фасонъ ихъ остается тотъ же, который былъ принятъ нынѣшнею зимою. Очень много видно шляпокъ сборчатыхъ бѣлыхъ, и съ цвѣтными подбоями. Многія отдѣлываютъ шляпки, вмѣсто ленты, тою же матеріею, изъ какой сдѣлана шляпка. Но къ этой отдѣлкѣ необходимо, чтобъ матерія, употребленная для бантовъ или для концовъ, оканчивалась по краямъ фестонами. Для такихъ шляпокъ ленты употребляются только для завязокъ.

У НИГОПРОДАВЦА ВАСИЛЬЯ ПОЛЯНОВА,

Въ Гостиномъ дворѣ, по суконной линіи, подъ № 17.

Продаются слѣдующія книги.

(Цѣны на серебро).

Чувства христіанина или возвышеніе ума и сердца къ Богу. Подражаніе Вилланду. Норовой. С.п.б. 1848. Ц. 50 коп. за пер. за 1 ф.

Благоговѣнныя христіанскія размышленія. Норовой. С.п.б. 1847. Ц. 1 р. 50 коп.

Образцовые планы и фасады сельскихъ построекъ, какъ-то: домовъ помещичьихъ и крестьянскихъ, погребовъ, сараевъ, амбаровъ, сараевъ для фруктовъ, кладовыхъ, сѣноваловъ, конскихъ заводовъ, конюшенъ, хлѣбовъ, скотныхъ дворовъ, овчаренъ, курятниковъ, овинновъ, молотильнень, житницъ, выкуренъ, кузницъ, мельницъ, пекаренъ и проч. Изданные королевско-виртебергскимъ центральнымъ обществомъ сельскаго хозяйства. С.п.б. 1847. Ц. 3 руб.

Руководство опытнаго помѣщика Н. Пахирева, къ устройству деревень на новыхъ мѣстахъ, какъ-то: о постройкѣ господскаго дома, разныхъ крестьянскихъ избъ въ мѣстахъ, избоблюющихся лѣсомъ, и малолѣсныхъ съ несгораемыми крышами и полами, ледниковъ, банъ, овинновъ съ молотильными сараями, кузницъ, овчаренъ, конюшенъ, птичниковъ, сараевъ, амбаровъ, съ закромами и другихъ подобныхъ зданій, о земледѣіи, о приготовленіи компостовъ и о изготовленіи разныхъ земледѣльческихъ орудій. Съ планами, фасадами и чертежами. Съ присовокупленіемъ подробныхъ наставленій, о переселеніи крестьянъ изъ малоземельныхъ въ степныя и малонаселенныя губерніи С.п.б. 1844. Ц. 1 руб. 50 коп.

Бѣсѣды петербургскаго жителя въ удѣльномъ земледѣльческомъ училищѣ о сельскомъ хозяйствѣ, составленныя Борисомъ Волжскимъ. Три выпуска со многими чертежами и рисунками. С.п.б. Ц. 4 руб. Отдѣльно выпускъ третій 2 руб.

Словникъ огородникъ и садовый календарь, или хозяйственно практическое наставленіе о содержаніи всѣхъ родовъ огородныхъ овощей: хмѣля, табаку, аниса, мака, рапса и важнѣйшихъ красильныхъ и масляныхъ произрастеній, плодовыхъ деревъ, ягодныхъ кустовъ, ананасовъ, раннихъ персиковъ, абрикосовъ, вишенъ, сливъ и винограда; разныхъ цвѣтныхъ кустовъ и деревъ, какъ садовыхъ, такъ и тепличныхъ, комнатныхъ и оранжерейныхъ, съ присовокупленіемъ правилъ о поливкѣ горшечныхъ растеній, и проч. Извлечено изъ сочиненій известнаго русскаго садовода Н. Цыгры. въ 3 ч. Ц. 3 руб.

Древесная флора, или описаніе растущихъ въ російскомъ государствѣ деревъ и кустарниковъ, ихъ свойства, употребленія и разведенія въ большомъ и маломъ видѣ, какъ для пользы въ экономическомъ отношеніи, такъ и для украшенія садовъ, рощей, цвѣтниковъ и оранжерей, съ присовокупленіемъ въ

таблицах: обзорция воспитываемых въ нашемъ климатѣ сѣверо-американскихъ деревь и кустарниковъ. Извлечено изъ сочиненія П. Цыгры, въ 2 ч. С.п.б. Ц. 2 руб.

Руководство къ устройству и содержанию теплицъ, оранжерей, парниковъ и садовъ, соч. Неймана, перев. съ франц. Со многими планами, фасадами и чертежами. С.п.б. 1845. Ц. 2 р.

Письма о химии, и ея приложеніяхъ къ промышленности, физиологии и земледѣлію, соч. Юстуса Либиха. Пер. Г. Дымчевича, члена императорскаго общества сельскаго хозяйства, Южной Россіи и другихъ обществъ. Съ примѣчаніями переводчика. С.п.б. 1847. Ц. 1 руб. 50 коп.

Энциклопедія, русской опытной городской и сельской хозяйки, ключницы, экономки, поварихи, кухарки, скотицы и птичницы, содержащая въ себѣ: наставленія и руководства по всемъ отраслямъ городского и сельскаго хозяйства, Б. Волжскимъ. Съ присовокупленіемъ домашней бухгалтеріи и описанія дамскаго гардероба и наставленія кроить и шить всякаго рода платья и другіе уборы. Съ рисунками въ 4 частяхъ. С.п.б. Ц. 3 руб.

Руководство для хозяекъ, ключницъ, экономокъ и кухарокъ. Состав. К. Авдѣевой. С.п.б. 1846. Ц. 50 коп., въ перелѣтъ 70 коп., съ перес. 1 р.

О полезныхъ и вредныхъ свойствахъ пищи и напитковъ. Соч. доктора Гайна. Пер. В. Х...ль. С.п.б. 1846. Ц. 1 р. 50 к.

Практическій конскій и скотскій лечебникъ, для учащихся ветеринарной медицинѣ и ветеринарныхъ врачей, сельскихъ хозяевъ, экономовъ и владельцевъ, занимающихся скотоводствомъ. Сочиненный ординарнымъ профессоромъ ветеринарныхъ наукъ, докторомъ медицинны, статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ П. Лукинимъ. С.п.б. Ц. 3 руб.

О плугѣ и плугахъ въ механическомъ и земледѣльческомъ отношеніяхъ соч. члена корреспондента вольнаго экономическаго общества, московскаго общества сельскаго хозяйства и ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ. Эриста Рудольфа автора «земледѣльческаго календаря» съ рисунками С.п.б. 1846. Ц. 1 руб.

Практическое руководство къ полеводству и луговодству въ россіи соч. барона Ф. Унгернъ Штернберга. С.п.б. 1847. Ц. 1 руб.

Управитель русскаго имѣнія соч. барона А. Боде С.п.б. 1847. Ц. 75 коп.

Руководство къ построенію дешевыхъ негараемыхъ глиняныхъ крышъ, замѣняющихъ металлическія, изобрѣтенныя г. Дарномъ. изд. 2. съ 3 фигурами. Ц. 50 коп.

Практическое руководство къ кожевенному производству и всемъ его отраслямъ, съ обстоятельнымъ наставленіемъ какъ устроить сельскій кожевенный заводъ. Со многими чертежами и фасадами. Составилъ В. Бурнашевъ. Ц. 1 руб.

Практическое руководство къ гребенному и роговому производствамъ. Со многими чертежами составилъ В. Бурнашевъ. Ц. 1 руб.

Практическое руководство къ валяльно-войлочному производству. Съ чертежами составилъ В. Бурнашевъ. Ц. 75 коп.

Хозяинъ севъ на умъ, опытный экономъ, или 260 секретовъ изъ домашней экономіи, съ указаніемъ: самому приготовить все, необходимое въ домашнемъ быту. Ц. 40 коп.

Опытный парижскій парфюмеръ, или 157 секретовъ для приготовленія эфирныхъ маселъ изъ благовонныхъ травъ, цвѣтовъ и плодовъ; также для приготовленія благовонныхъ водъ, духовъ, эссенцій, мыла, помады, бѣляна и румянъ, зубныхъ и курительныхъ порошковъ Ц. 50 коп.

Практическое руководство къ бережливому хозяйству, или собраніе множе-

ства секретовъ, касающихся до разныхъ предметовъ хозяйства, которые можно дѣлать каждому дома и недорогими средствами. Книга для всѣхъ сословій Ц. 75 коп.

Гг. Нижегородные благоволятъ адресоваться за всеми вообще книгами, публикуемыми и отъ другихъ книгопродавцевъ на имя *Василья Петрова Поклава*.

Требованія исполняются съ первоотходящею почтою.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

полученныя въ книжномъ магазинѣ комиссіонера военнаго учебнаго заведенія и библиотекъ гвардейскаго корпуса,

Я. А. ИСАКОВА,

въ С. Петербургѣ, въ Гостиномъ-дворѣ, подъ № 22.

Цѣны на серебро безъ пересылки.

De la Saintété et des devoirs de la vie Monastique, par Bou-thillier de Rencé. Un vol. Paris. 1846. 2 r. 15 cop.

Etudes historiques et critiques sur la legislation civil et criminelle en france, par Couturier. Un vol. 8. Paris. 1847. 2 r. 15 cop.

Resumé du droit français, ouvrage composé principalement pour l'usage et l'utilité des propriétaires, fermiers, cultivateurs, etc., par Dumesnil. Un vol. 8. Paris. 1 r. 70 c.

Amulet de Pascal, pour servir à l'histoire de Hallucinations, par Lelut. Un vol. 8. Paris. 1 r. 70 c.

Psychologie d'Aristote, trad. en français pour la première fois par Barthélemy St. Hilaire, 2 fort vol. 8. Paris. 1847. 4 r. 50 c.

Du progrès Social au profit des classes populaires non indigentes, par la Forelle. Un vol. 8. Paris. 1847. 2 r. 15 c.

Economie pratique des nations, ou système économique applicable aux différentes contrées, par le Stibudois. Un vol. in 8. Paris. 1847. 1 r. 40 c.

- Essai sur l'appréciation de la fortune privée au moyen-âge relativement aux variations des valeurs monétaires et du pouvoir commercial de l'argent*, par Lebert. Un vol. 8. Paris. 1847. 2 r.
- Keepsake de jeunes personnes*, par la Comtesse D'Ash. Un vol. gr. in 8. orné de planches. Paris. 1847. 4. r.
- Botanique de l'enfance*, avec préface de G. Sand. Un vol. avec figures intercalées dans le texte, Lausanne. 1847. 85 c.
- Système glacières, ou recherches sur les glacières, etc.*, par Agassiz. Un vol. gr. in 8. avec un atlas color. Paris. 1847. 14 r.
- Elémens de physique terrestre et de météorologie*, par Bequerell. Un fort vol. 8. Paris. 1847. 3 r. 50 c.
- Repertoire d'optique moderne, ou analyse complète des travaux modernes relatifs aux phénomènes de la lumière*, par Moigno. t. 1-er. 8. Paris. 1847. 2 r. 25 c.
- Application à l'agriculture des élémens de physique, de chimie, et de géologie* par Caillant. 4 vol. 12. Paris. 1847. 4 r. 50 c.
- L'Agriculture allemande, ses écoles, son organisation, ses mœurs et ses pratiques les plus récentes*, par Royer. Un fort vol. 8. Paris. 1847. 2 r. 15 c.
- Traité de Médecine pratique* par Rorry. 6 vol. 8. Paris. 1844—47. 13 r. 70 c.
- Nouveaux élémens d'Hygiène*, par Londe. 3-e édit. 2 vol. 8. Paris, 1847. 4 r.
- Thérapeutique, homéopathique des maladies aiguës et des maladies chroniques*, par Hartmann, trad. de l'allemand par Jourdan. 2 vol. 8. Paris. 1847—48. 4 r. 50 c. tome 1-er est paru.
- Hygiène physique et morale des prisons, ou de l'influence que les systèmes pénitentiaires exercent sur le physique et le moral des prisonniers*, par Bonnet. Un vol. 8. Paris. 1847. 1 r.
- Chimie physiologique et médicale*, par Dumas. Un vol. 8. Paris. 1847. 1 r. 40 c.
- Dictionnaire de chimie et de physique*, par Hoefer. Un vol. in 12. Paris. 1847. 1 r. 15 c.
- Histoire de la révolution et de l'Empire*, par Gabourd. Tomes I a 4 in 8. Paris. 1846—47. 5 r. 70 c.
- Diplomatie de la France et de l'Espagne depuis l'avènement de*

- la maison du Bourbon, jusqu'à nos jours*, par Capefigue. Un vol. 8. Paris. 1847. 2 r.
- Histoire de Henri VIII et Schisme d'Angleterre*, par Audui, 2 vol. 8. Paris. 1847. 4 r. 25 c.
- Passé et présent, mélange*, par Remasat. 2 vol. 12. Paris. 1847. 2 r.
- Histoire des prisonniers français en Afrique depuis la conquête*, par Alby. 2 vol. 8. Paris. 1847. 4 r.
- Dictionnaire de Géographie ancienne et moderne*, par Maissus et Michelot. Un fort vol. gr. 8. Paris. 1847. 2 r. 15 c.
- Les Aventures les plus curieuses des voyageurs*, par Hombrou, l'un des compagnons de Mr. Dumont-D'Urville, pendant son dernier voyage au pôle sud et en Océanie. 2 beaux vol. gr. in 8. illustrées, Paris. 1847. rel. t. d. 8.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

ВЪ КОНТОРѢ

МУЗЫКАЛЬНОЙ РОССІИ,

на Невскомъ проспектъ, въ домъ Калужина, № 94.

(ЦѢНЫ НА СЕРЕБРО).

Піесы для фортепiano

	Руб.	Коп.
BEEHOVEN. Op. 2 III Sonate (nouvelle édition)	1	70
BDOJRA. Triumph-Marsch	—	30
CHWATAL. Op. 32. I. Sonatine	—	40
HUNTEN. Op. 160. Fantaisie sur l'Hymne à Pie IX	1	15
— Op. 161. La Boucle blonde. Grande Valse	1	15
KULLAK. Op. 27. IV. Rondo symphonique	1	15
LUMBYE. Alhambra. Valse romantique	—	85
— Fortuna-Walzer	—	70

ROSELEN. Op. 102. Souvenir de Robert-le-Diable. Grande Fantaisie	1	70
SPONHOLTZ. Op. 24. Capriccio brillante	—	85

Пьесы для большаго и малаго оркестра.

GADE. Op. 14. Ouverture, № 3 (ut majeur)	5	—
— Op. 15. Symphonie, № 3 (la mineur)		
a) en partition	8	60
b) en parties séparées	10	—
LUMBYE. Sanssouci-Galopp	1	70

Пьесы для тѣла.

DAVID, FÉLICIEN. <i>Christophe Colomb</i> . Ode-Symphonie. Compl.	1	10	—
LORTZING. <i>Zum Gross-Admiral</i> . Opéra comique, en 3 actes. Compl.		12	—
ROSSINI. <i>Robert Bruce</i> . Grand Opéra. Compl.		6	—
VERDI. <i>Attila</i> . Grand Opéra. Compl.		5	—
— <i>Macbeth</i> . Grand Opéra. Compl.		5	—

4-ый Альбомъ МУЗЫКАЛЬНОЙ РОССИИ (*Апрѣль*) вышелъ и содержитъ въ себѣ: 1) BRISSON. Le Papillon et la Rose; 2) GORIA. Ophélie; mélodie pour Piano; 3) WEBER. Zingarella-Valse; 4) Cuzent. Mon Plaisir. Quadrille; 5) DÖRFELDT. La Surprise. Polka-Mazurka; 6) Прекрасный портретъ нашей примдонны де-Джули Борси. Годовая цѣна *Музыкальной России* 12 р. сер.; съ пересылкою 13 р. 50 к. сер.

4-ая Тетрадь МУЗЫКАЛЬНАГО СВѢТА (*Апрѣль*) вышла, и содержитъ въ себѣ: 1) KALKBRENNER. Etude de Salon; 2) THALBERG. Nouvelle Fantaisie sur *Norma*; 3) DAVID, Félicien *Christoph Colomb*. Ode-Symphonie pour Piano solo; première Partie; 4) PRUDENT. Canzonetta; 5) VERDI. Final favori d'*Ernani*, pour Piano seul; 6) MENDELSON-BARTHOLDY. Souvenir d'Enfance. 7) POLLET. Rondo militaire; 8) GUNGL, Joh. Sirenen-Quadrille; 9) DÖRFELDT. Betty-Polka; 10) BRONIEWSKY. Dodo-Valse; 11) MELTZER. Le Château des Fleurs; 12) JUNKELMANN. Marien-Galopp. Годовая цѣна *Музыкальнаго Свѣта* 12 р. сер.; съ пересылкою 13 р. 50 к. сер.